

**РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)
ИНСТИТУТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ РГЭУ (РИНХ)
СЕТЕВАЯ КАФЕДРА ЮНЕСКО**

А.М. СТАРОСТИН

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В СИСТЕМНОМ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ
ИЗМЕРЕНИИ**

Монография

Ростов-на-Дону
Издательство РГЭУ (РИНХ)
2018

УДК 1
ББК 87
С 773

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Е.В. Склярова
доктор философских наук, профессор Л.В. Рябова
доктор исторических наук, профессор И.М. Узнародов

С 773 **А.М. Старостин. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СИСТЕМНОМ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ. Монография.** – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. – 704 с.

ISBN

В издании излагается авторская концепция исследовательской философии, разработанная и апробированная на российских и международных научных конференциях, в цикле научных публикаций и в учебном процессе в 2009 – 2018 гг.

Исследовательская философия репрезентирована как сфера инновационных фундаментальных исследований, их приложений и разработок (философская инноватика), исходящая из разных парадигм фундаментальной философии (философская диатропика) и востребованная в разных областях человеческой деятельности (наука, образование, политика, религия, управление, экономика, культура и искусство). Наряду с уровневой моделью репрезентации философии и философской деятельности, автор включил сюда понятие «философского опыта», а также проанализировал деятельность ряда выдающихся отечественных философов и ученых в роли «прикладников-философов». Поставлена проблема возможностей альтернативного развития философии (альтернативная онтология, альтернативная когнитология, альтернативная аксиология), обозначившаяся на основе новых направлений междисциплинарного обобщения современного философского и научного опыта. В тексте изложены авторские исследовательские кейсы, касающиеся прикладной философии и философской инноватики, призванные показать этот инструментарий и подходы в действии, а также ряд интервью, раскрывающих авторскую позицию.

Адресуется аспирантам, магистрам гуманитарных специальностей, научно-педагогическим работникам, всем интересующимся современными проблемами философии, истории и методологии научного познания.

ISBN

В оформлении обложки использована репродукция картины: П. Брейгель. Прутча о слепых (1568). Неаполь. Национальный музей Каподимонте

© А.М. Старостин, 2018.
© РГЭУ (РИНХ), 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	13
РАЗДЕЛ I	
ФИЛОСОФИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ, ДИАТРИБИЧЕСКОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОЕКЦИЯХ	21
1.1. Философия: диатрибическая проекция	25
1.2. Философия: исследовательская проекция	46
1.2.1. <i>Альтернативная аксиология</i>	48
1.2.2. <i>Альтернативная когнитология</i>	69
РАЗДЕЛ II	
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ИННОВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	78
2.1. Философская инноватика (прикладная философия и философские разработки) в системе философской деятельности.....	78
2.2. Классическое и неклассическое понимание субъектности в контексте прикладной философии	101
2.3. Философский опыт в системе духовно-практической деятельности.....	106
2.4. Цивилизационная парадигма в философии и гуманитарном знании: фундаментальное и прикладное измерение	124
2.5. Русская философия в контексте философской инноватики.....	132

РАЗДЕЛ III

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПЕРСОНАЛИЯХ	146
3.1. Э.В. Ильенков и философская инноватика	146
3.2. Г.П. Щедровицкий – основоположник отечественной методологической инноватики.....	151
3.3. Философско-инновационная интерпретация творчества М.К. Петрова.....	159
3.4. Прикладная философия в творчестве Ю.А. Жданова.....	186
3.5. Философско-деятельностные инновации профессора В.Е. Давидовича	208
3.6. Философско-когнитологические исследования Е.Я. Режабека	217
3.7. Традиции и инновации в разработке диалектической логики в творчестве А.М. Минасяна.....	222

РАЗДЕЛ IV

ПРОБЛЕМНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОБЛАСТИ (КЕЙСЫ) ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФСКОЙ ИННОВАТИКИ.....	228
4.1. Философия науки и эпистемологическая инноватика	228
4.2. Философия космизма. Современный космизм в контексте философской инноватики	241
4.3. Философия глобализма. Альтернативные модели глобализации с позиций философской инноватики.....	288
4.4. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели	317
4.5. Философия управления.....	329
4.6. Философия политики и политологическая инноватика.....	341
4.7. Философия образования и философско-образовательная инноватика.....	350
4.8. Философия когнитологии: гуманитарная проекция.....	370
4.9. Философия конфликтологии	383
4.10. Философия элитологии – репрезентация нового направления философских исследований: эссенциальная и феноменологическая проекция.....	394

4.11. Философия гендера: фундаментальное и прикладное измерение.....	422
4.12. Философские проблемы геополитики.....	440
4.13. Этика как прикладная философия: инновационный взгляд.....	445
4.14. Философия безопасности в обществе риска. Данджерология и рискология.....	456
4.15. Философия местного самоуправления.....	466
4.16. Современные социально-демографические проблемы в контексте различных методологических репрезентаций.....	477
4.17. Философия исторического образования.....	489
4.18. Философия девиационной и делинквентной деятельности (терроризм, коррупция, организационные патологии).....	496

РАЗДЕЛ V

ФИЛОСОФСКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....

515

5.1. Государствообразующие процессы в современном политическом пространстве: концепции и реальность.....	515
5.2. Власть, бизнес, гражданское общество: противоречия и конфликты на пути к устойчивому развитию.....	522
5.3. Эффективность государственного управления в контексте властной миссии государства.....	543
5.4. Модернизация и ее альтернативы в развитии современной России.....	553
5.5. Межнациональные отношения и национальная идентичность в современной России: «точки кризиса» и «точки роста».....	566
5.6. Конфликтологический потенциал угроз и рисков в сфере национальной безопасности современной России: экспертный взгляд.....	579
5.7. Семь «смертных грехов» современной бюрократии.....	587
5.8. Государственная кадровая политика в контексте концепции «человеческого капитала».....	594

РАЗДЕЛ VI	
ИНТЕРВЬЮ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ	602
6.1. ЖУРНАЛ «EXPOSITION – ЮГ». 2006. № 6.....	602
6.2. ЖУРНАЛ «EXPOSITION – ЮГ». 2006. № 2.....	607
6.3. ГАЗЕТА «МОЛОТ». 2006. № 55–56. 21 АПРЕЛЯ	610
6.4. ЖУРНАЛ «ВАШ КАПИТАЛ». 2006. № 6.....	613
6.5. ЖУРНАЛ «THE BEST». 2007. № 13	616
6.6. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2008. № 6. 16 ФЕВРАЛЯ	620
6.7. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2010. 19 ИЮНЯ (№ 22)	622
6.8. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2012. 19 МАЯ (№ 18).....	627
6.9. ГАЗЕТА «НАШЕ ВРЕМЯ». 2013. 22 НОЯБРЯ (№ 634–636)	631
6.10. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2014. 21 ИЮНЯ. № 22 (618).....	635
6.11. ЖУРНАЛ «ДОНСКОЙ РЕГИОН». 2016. МАРТ (03)	640
6.12. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2016. № 24.....	644
6.13. ЖУРНАЛ «ДОНСКОЙ РЕГИОН». 2018. МАРТ (10).....	646
6.14. ЖУРНАЛ «ДОНСКОЙ РЕГИОН». 2018. ИЮНЬ (11).....	651
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	656
РАЗДЕЛ VII	
УКАЗАТЕЛЬ АВТОРСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ.....	658
РАЗДЕЛ VIII	
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	681
РАЗДЕЛ IX	
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	693
АННОТАЦИЯ	703

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полвека тому назад автор, обучаясь в то время на математическом факультете, «заболел» философией. Скорее всего так совпало, что стремление найти ответы на смысложизненные и когнитивные вопросы было поддержано моим учителем – выдающимся советским (российским) философом – профессором Е.Я. Режабеком (на тот момент еще доцентом). Поэтому по окончании факультета, несмотря на заинтересованные приглашения продолжить образование и научный поиск в математической, педагогической, экономической и даже тогдашней политологической (научный коммунизм) аспирантуре, автор предпочел аспирантуру философскую, а потом и аналогичную докторантуру. Как оказалось, далеко от иных, выше обозначенных областей знания «отползти» не удалось, поскольку, став преподавателем философии, приходилось работать на самых разных факультетах. И не только со студентами, но и с аспирантами, а в советскую бытность, когда популярной была традиция проведения методологических семинаров, то и с преподавателями разных, и не только гуманитарных, дисциплин.

Знаменательно, что мой научный руководитель, активно ведя собственный научный поиск, не жалел и своих аспирантов. В том смысле, что его в первую очередь интересовали сложные проблемы в области науковедения и культурологии, когнитивистики и теоретической экономики, методологии и лингвистики. Методом и платформой, на которые он опирался, была современная философия, причем не всегда марксистская. Возможно, что это был некий вариант конвергентной философии, преломленный через собственное творчество Е.Я. Режабека.

Итак, тема моей кандидатской диссертации оказалась: «Космический эксперимент как новый тип эксперимента: философско-методологический анализ». Она была успешно защищена, получив хорошие отзывы не только в Ростове, но и цитадели советской философии – Институте философии в г. Москве. Ибо вскоре монография по данной теме и ее автор стали лауреатом V Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам

в номинации «Философия». В этой и последующих работах был получен первый конструктивный опыт приложения философского инструментария к решению сложных и актуальных методологических проблем. Удалось войти и быть принятым в сообществе современных отечественных философско-космистов и людей, непосредственно занимающихся освоением космоса. Это был важный шаг по продвижению в сферу приложений марксистской философии, которая имела по-существу государственный статус в области естествознания и техники, а не только идеологии и политики.

Данный опыт получил развитие в докторантуре, где темой стала проблема познания Космоса в различных, чаще всего несоизмеримых, моделях – науки, магии, мифологии, искусства, философии, и способы сведения этих моделей в обобщенные мировоззренческие картины и образы.

Затем, по ходу личной и изменившейся социальной жизни, пришлось применять новые навыки к решению различных комплексных научных и практических задач. Их обобщение привело к формированию 10 лет назад проекта: «Прикладная философия как философская инноватика», реализация которого продолжается и поныне. В этой области опубликованы автором и другими участниками проекта многие сотни работ и получено в 2016 г. авторское свидетельство (№ 2016620070) на имя А.М. Старостина по теме «Прикладная философия как философская инноватика».

Число интересующихся и включающихся в этот проект, либо идущих собственным путем по этой стезе, быстро растет. Все идет в строгом соответствии с гегелевской квалификационной схемой признания новых идей: этого не может быть – в этом что-то есть – кто же этого не знает?!

Но есть не только когнитивная, но и экзистенциальная последовательность погружения в сферу прикладной философии. В недавно вышедшей книге известного норвежского философа Ларса Свенсона «Философия философии»¹ эта последовательность очень хорошо описана, исходя из его собственного опыта. Вот эти три этапа:

– «Большинство людей приходит к изучению философии, столкнувшись с теми или иными экзистенциальными проблемами... По неведомым причинам поиск решения философских проблем приносил мне ни с чем не сравнимое наслаждение»².

– «Несколько лет спустя я уже зарабатывал свой хлеб философией. Но при этом я утратил кое-что важное. Постепенно философия стала приносить мне все меньше радости, превращаясь в такую же работу, как любое другое занятие»³.

¹ Свенсен Л. Философия философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2018.

² Там же. С. 7-8.

³ Там же. С. 8.

– «Я решил написать книгу о преследовавшей меня скуке и, таким образом, применить философию к собственной жизни в надежде, что это покажется интересным и другим людям. Работа над книгой реабилитировала философию в моих глазах: я вспомнил об экзистенциальных предпосылках, побудивших меня выбрать эту область знаний»⁴.

Как видим, смена когнитивной ситуации и трансформация философского ресурса из знания в инструмент возрождает и интерес к философии, и позволяет вновь наращивать ее потенциал. Так сказать перевод с «холостого хода» в реальное движение раскрывает и новые возможности философии.

Этот посыл очень чувствуется в последние несколько лет в отечественной философской литературе, когда вышел целый ряд изданий, предназначенных магистрантам, аспирантам, ориентированный на инструментальные возможности и приложения современной философии к конкретным отраслям прежде всего гуманитарного знания – экономике, политике, культуре, истории, управлению⁵.

Наблюдаемая тенденция просматривается и на примере структуры и тематики докладов участников последних российских философских конгрессов.

Седьмой Российский философский конгресс проводился в г. Уфа 6-10 октября 2015 г. Это знаковое событие в том плане, что впервые не было определено место и точное время проведения следующего конгресса и в плане некоторых обозначившихся тенденций в развитии отечественной философии и философского образования. Об этих перспективах, даже ближайших, говорить стало очень сложно в силу действия тех факторов, которые серьезно влияют на формирование запроса на современную философскую деятельность и философское образование в России.

В программу конгресса были включены более 1400 докладов и выступлений. сформированы 26 секций, 5 симпозиумов, 29 «круглых столов», 1 международная конференция, 2 творческих встречи, ряд лекций известных философов и другие мероприятия. Наиболее наполненными по числу заявок оказались секции: социальной философии (207 заявок); философии культуры (116); философской антропологии (85); философии образования (81). Им явно уступали традиционно ведущие секции философской онтологии (74); теории познания (58); философии и методологии науки (62). Из заявленных симпозиумов наибольшим наполнением отмечен наш авторский симпозиум: «Цивилизационная парадигма и проблема смысложизненной рефлексии» (руководители Т.Г. Лешкевич и А.М. Старостин) – 27 заявок, из которых 15 – ростовчане и Ростовская область.

⁴ Свенсен Л. Философия философии. С. 8.

⁵ История и философия науки / Под ред. М.Э. Эскиндарова и А.Н. Чумакова. – М.: Проспект, 2018; Гуревич П.С. Философия для экономистов. М., 2012; Практическая философия. – М.: Проспект, 2017; Поликарпов В.С., Поликарпов Е.В., Поликарпова В.А. Прикладная философия. – Ростов н/Д.: ЮФУ, 2017 и др.

Важным показателем выступило и число прибывших на конгресс участников. Судя по объявлениям организаторов, их насчитывалось около 1000 человек, что менее 50 % от числа участников VI Российского конгресса философов в г. Нижний Новгород в 2012 г. Поэтому можно говорить о значительном спаде активности участия философов страны в наиболее значимых для них публичных мероприятиях. Это действительно наглядно видно. Причины называются разные. Это и удаленность г. Уфы от основных транспортных магистралей, и значительное снижение финансирования научных мероприятий и командировок в вузах и научных организациях. Вероятно значимо и серьезное сокращение читаемых в вузах философских курсов и числа преподавателей-философов, в связи с завершением в стране процесса перехода на бакалаврские программы. К этому нужно добавить и то, что и число членов философского общества России за три-четыре последних года значительно сократилось.

Возможно также посетовать на все больший отход от ориентаций на стратегические, перспективные подходы в основных видах экономической, политической, социальной деятельности в стране. Повсеместно возобладали ситуативные и конъюнктурные подходы, в рамках которых, естественно, нет места для стратегических подходов, основанных или привлекающих философию и философское мышление.

Примечательной является и картина пленарного заседания конгресса, где преобладали докладчики-представители региональных философских обществ. Философы «первого ряда» (академики, директора научных институтов, руководители Российского философского общества) к философской рампе не вышли. В общем «свадьба» оказалась без «генералов».

На этом фоне наш Ростовский симпозиум в г. Уфа оказался весьма популярным и востребованным (в нем приняли участие более 30 участников Конгресса), что создало впечатление не только хорошо поставленной организации симпозиума, но и популярности его проблематики.

Кстати говоря, об участии ростовчан в VII философском конгрессе в целом можно сказать следующее: заявлено на конгресс всего докладов было – 38. Из них на наш симпозиум 15. Прибыло на конгресс около 10 ростовчан. Практически все они выступили или приняли участие в заседании нашего симпозиума. В центре его внимания были проблемы современной прикладной философии, в контексте которых рассматривалась основная тема симпозиума – цивилизационная парадигма в философии.

В первой части заседания была организована презентация последней книги проф. А.М. Старостина «Прикладная философия как философская инноватика» (Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015), что вызвало многочисленные вопросы присутствующих.

И еще одно суждение в русле востребованности философии и возможной ее структурной и функциональной перестройки. При содействии Донского философского общества в сентябре – октябре 2015 г. был проведен экспертный

опрос ведущих философов г. Ростова н/Д по программе «Кто делает философию в Ростове: панорама событий и перспективы», разработанной под руководством проф. А.М. Старостина⁶. Вот некоторые данные:

1. На вопрос: «Происходит ли в наше время значительное приращение новых философских знаний?» были даны такие ответы:

– скорее да, но это связано с развитием инструментальных, прикладных функций философии: – 50 %

– да, этот процесс наблюдается, хотя вряд ли можно говорить о философской революции – 25 %

– нет, современная философия находится в «застывшем» состоянии, отсутствуют новые прорывы – 12,5 %

– скорее нет, поскольку так называемые «прорывы» не ведут к более глубокой проблематизации – 12,5 %.

2. На вопрос: «Что можно сказать о качественном состоянии профессиональной философской среды?» ответы:

– профессиональная среда в вузах, где работает большая часть философов, достаточно насыщена, высокопрофессиональна, но, в связи с новой реформой высшего образования, подвержена сокращению – 42 %

– научно-академическая среда мало поддерживается властью и обществом, недостаточно востребована и сокращается – 42 %

– наше профессиональное сообщество находится в хорошем состоянии, но время консьюмеризации (потребительства) пока не формирует запрос на духовные, смысложизненные поиски – 33 %

– наши философские ресурсы, выйдя на уровень международных стандартов, оказываются мало востребованными – 25 % (допускался более чем 1 выбор).

Поскольку указанная ранее программа развития прикладной философии как философской инноватики продолжает нами продвигаться далее и инструментарий прикладной философии видится осмысленно работающим, а также идет быстрое пополнение основных исследовательских кейсов и появляются новые, мы подготовили новое издание книги и полагаем, что оно будет полезно и востребовано, как и несколько изданий, вышедших ранее⁷.

К этому следует добавить один момент. Если первые работы автора в области современного русского космизма (1970 – 1990 гг.) и которые можно рассматривать в качестве стартовых разработок в области современной

⁶ Примеч. Несколько данных из так называемого социально-демографического блока: из опрошенных ученую степень доктора наук имеют – 50 %; кандидата наук – 50 %.

Мужчины – 56 %, женщины – 44 %. Имеют базовое философское образование – 75 %. Проходили повышение квалификации или профессиональную переподготовку в последние 5 лет – 85 %.

⁷ См.: *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы применения. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009; *Старостин А.М.* Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

прикладной философии, реализовывались на уровне индивидуальных авторских усилий, то в последующем удалось включить фактор не только инструментально-операциональной рефлексии на уровне прикладной философии, но и институционализировать эти исследования, привлекая к ним десятки ученых.

Так, с конца 1990-х гг. до 2014–2016 гг. под руководством А.М. Старостина и А.В. Понеделкова на базе СКАГС (ныне – ЮРИУ РАНХиГС) была сформирована научная школа в области политической элитологии, организован диссертационный совет, открыт факультет политологии. Теоретико-методологической основой для этого выступила концепция «философии элитологии», имеющая статус прикладного философского кейса и продолжающая свой философско-методологический патронаж над данным направлением и поныне.

В 2017 г. на базе Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) по предложению его ректора профессора А.У. Альбекова учрежден Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации и сетевая кафедра ЮНЕСКО под руководством А.М. Старостина⁸. Теоретико-методологической основой для этого выступала концепция «Философии глобализма и альтернативных моделей глобализации с позиций философской инноватики»⁹. Ныне научная деятельность ИМИГПиГ в области глобалистики выступает в качестве подготовки базы новых знаний и в организации факультета международных отношений РГЭУ (РИНХ) при институциональной и методической поддержке кафедры международной политики и глобалистики РГЭУ (РИНХ) и партнерской поддержке факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова и Института глобальных проблем М.Г. Делягина.

Иными словами нами подготовлена новая когнитивная методология и институциональные подходы и технологии к организации новых научно-учебных и управленческих структур на базе методологии современной прикладной философии как философской инноватики, и они показали свою действенность. Обобщение опыта прикладных философских исследований и разработок и сопоставление их с тенденциями развития современной фундаментальной философии привело к необходимости введения в оборот нового концепта – «исследовательская философия», о чем пойдет речь в I разделе данной монографии.

Предлагаем вниманию читателей апробированные разработки, инструментарий, которые могут быть полезны как в организации новых поисковых исследований, так и в практической деятельности.

⁸ Руководителем головной кафедры ЮНЕСКО при МГУ имени М.В. Ломоносова проф. Ю.Н. Саямовым в качестве основной научной задачи для сетевой кафедры определена разработка междисциплинарных и философских проблем международных отношений.

⁹ См. подробнее: *Старостин А.М.* Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018; *Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики.* Кол. моногр. / Науч. ред. А.У. Альбеков, Г.Г. Матишов, А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ (РИНХ), 2018.

ВВЕДЕНИЕ

Когда берешься за исследование такого феномена, как «философия», тем более, современная философия – обогащенная и отягощенная знанием о хитросплетениях человеческого разума, об одновременной его амбивалентности – тождестве самому себе и оппозиции самому себе, то, естественно сталкиваешься со многими попытками схватить ее первичную суть, первичное определение. Как говорил К. Маркс, – с попытками выделить ее «клеточку», из которой вырастает целостный организм. Сами эти многочисленные ходы можно назвать философской рефлексией, попытками вычленить первоначало, первооснову. А можно назвать всю систему таких ходов и подходов «метафилософией». Или как остроумно определил ее известный российский философ В.В. Ильин «Метафилософия – раздел философии, специализирующийся на философских рассуждениях о том, что такое философские рассуждения»¹⁰.

В метафилософском аспекте философию К. Ясперс связывает с Осевым временем, временем начала суверенизации сознания, мышления; отличием тем, что «свершилось тогда, что было создано и придумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня»¹¹. А это и есть суверенный от образного восприятия универсально-понятийный способ мышления. Вера в то, что между мышлением и предметом не стоят ни духи, ни боги, ни какие-то иные посредники, которых нужно ублажать и задабривать, спрашивать санкции на свои действия. Только понятие – посредник, который контролируется человеком специальными способами и которые могут быть поняты и освоены человеком, ключ к овладению предметом, включая предметы – инструменты, орудия деятельности.

Под такое новое (для начала Осевого времени) понимание отношения Мира и Человека и потребовалась новая мировоззренческая концепция – философия, поддерживаемая верой в могущество и самодостаточность отвлеченного (понятийного) мышления.

Можно далее продолжить и обобщить мысль о том, что философия приходит в мир не только для того, чтобы понять что он из себя представляет,

¹⁰ Ильин В.В. Философия. – М.: «Проспект», 2018. С. 4.

¹¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып. 1. С. 37.

каково в нем место человека и как этот человек должен поступать. Но сами эти «проклятые» смысложизненные вопросы ставит жизнь в период крупнейших духовных разломов и кризисов. И философия не только «обслуживает» поиски по выходу из кризиса, поиски новых смыслов и ценностей, но и совершает свой новый духовный взлет. В качестве «отходов философского производства» остаются результаты титанических усилий мыслителей в виде «служанки богословия», «алгебры революции», «служанки науки» или «служанки идеологии». А сама философия закладывает новый вираж в своем собственном развитии.

Утверждаемый здесь тезис существенно отличается от одной из важных идей Г. Гегеля о «Сове Минервы, вылетающей в сумерки», когда некая социальная целостность, эпоха, череда событий свершается, заканчивает свое развитие. Быть «анатомическим скальпелем» – лишь одна из ипостасей философского мышления. А «повивальной бабкой» новой эпохи, нового мышления, новой культуры – ее другая ипостась. Хотя, наверное, можно указать и еще на иные.

В определении философской деятельности через установку, интеллектуальную интенцию, а не только через предметные, инструментальные и результирующие характеристики, можно обозначить не менее важные ее особенности: «Возможно, одна из важных причин притягательности философии в том и состоит, что сама попытка философии мыслить (это и есть действительно мыслить, совершать поступок мышления) разъедающе действует на привычные стереотипы мышления»¹². Однако ни подход к философии с точки зрения специфики ее интенциональности как формы интеллектуального дискурса, ни с точки зрения структуры этого дискурса, ни с позиций необходимых для этого задатков субъекта и т.п., не исключает необходимости сведения всех этих аспектов воедино, тем более, если речь идет не о герменевтической передаче секретов философствования, а о транспарентном подходе, в особенности в процессе профессионального обучения¹³.

В таком случае мы так или иначе должны будем придерживаться определенной парадигмы в понимании философии как деятельности или как интеллектуальной сферы.

Мы придерживаемся концепции возможности операционализации философии с фундаментального ее уровня на прикладной, называя эту концепцию **«философской инноватикой»**. В ее рамках разрабатывается системно-компаративная репрезентация философской деятельности. Осуществляется эта работа с 2009 г. под руководством автора в рамках программы

¹² Шрейдер Ю.А. Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) // Как это было: воспоминания и размышления / [под ред. В.А. Лекторского]. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 563.

¹³ См.: Философия в профессиональной деятельности. – М.: Проспект, 2014; Практическая философия. – М.: Проспект, 2017.

«Прикладная философия как философская инноватика», реализуемой в цикле международных конференций и «круглых столов» и соответствующих изданий (опубликовано более 20 научных сборников, 10 монографий. В нашем сложившемся авторском сообществе более 200 авторов из разных стран).

В современном обществе отношение философов к прикладной философии неоднозначно. С одной стороны, что это за приложение в рамках такой целостной системы миропонимания, как философия? Такими приложениями обычно выступают результаты познания конкретных наук, исходящих из той или иной картины мира и руководствующихся философской методологией. Но, с другой стороны, анализ продукции философов показывает, что более 90 процентов из них осуществляют процессы «обобщения» данных этих конкретных наук, либо, чаще всего сводятся к новым интерпретациям и комментариям уже наработанного давно фундаментально-философского знания. Новые фундаментальные системы и результаты в философии очень редки.

Между тем, быстро растет запрос на приложения философии к различным областям науки и практики. Это и «философия науки», и «философия политики», и «философия образования», и десятки других «прикладных философий». Между прочим, во взаимодействии философии и других видов деятельности такой процесс развивается волнообразно: со своими «приливами» и «отливами». В не столь уже давние времена мы уже это проходили. Достаточно вспомнить резкие слова выдающегося отечественного философа второй половины XX века Э.В. Ильенкова о «диалектике продажи арбузов». Но нужно вспомнить и о том, чем были вызваны эти слова – обеспокоенностью подменой философии в ее мировоззренческой и методологической проекциях популяризацией, зачастую плохой, диатрибической, результатов конкретно-научного познания. Этакой эрозией собственно философских позиций, в итоге чего ослабляется внимание к разработке собственного инструментария философии. И что здесь нужно привнести необходимые коррективы, связанные с повышением философской культуры и профессионализма: «Тогда философы должны будут заниматься прежде всего философией. А уже после этого и на основе этого они смогут создавать философски продуманные рекомендации даже по торговле арбузами, ежели в этом возникнет нужда, если сами торговцы арбузами запутаются, а «философ» ясно увидит – в чем именно они запутались»¹⁴. И сам Э.В. Ильенков был не чужд таким экскурсам и в педагогику, и в психологию, и в другие конкретные отрасли.

Да и, кстати, один их первых ярких примеров – набросков этой самой «диалектики продажи арбузов» дал нам сам Г. Гегель. Перечитайте внимательно его статью «Кто мыслит абстрактно?»¹⁵, перевод которой, кстати

¹⁴ Эвальд Васильевич Ильенков. М., РОСПЭН, 2008. С. 384.

¹⁵ Г.В.Ф. Гегель. Работы разных лет в двух томах. Т.1. М., «Мысль», 1970. С. 387-304.

говоря, выполнен на русский язык впервые Э.В. Ильенковым и опубликован в № 6 за 1956 г. журналом «Вопросы философии». Здесь на примере мышления торговки (правда, не арбузами, а яйцами) показано, что абстрактно примитивное мышление и абстрактно (в смысле – односторонне, схематично) мыслит не просвещенный, а необразованный человек, и, конечно, с таким мышлением не видать ему крупных барышей. А конкретный подход, включающий менеджмент и маркетинг, – несомненный путь к успеху. Но это уже история, в которой фигурирует прикладная философия – «философия предпринимательства». А знаете ли Вы какую диссертацию должен был защитить 30 – летний Г. Гегель, чтоб получить право чтения лекций в университете? Раскройте тот же Т. 1 из его двухтомника «Работы разных лет». Вот это название: «Об орбитах планет. Философская диссертация»¹⁶. К ней приложены 12 тезисов. Тезис 1 гласит: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения»¹⁷. Вот Вам и прикладная философия с ее выводами – очень парадоксальными, даже для наших дней.

Впрочем, примеров того как подлинные философы помогали своим согражданам наладить их житейские дела не счесть в истории философии и во многих легендах, сопровождающих жизнь крупнейших философов: от Гераклита, Демокрита и Конфуция – до К. Поппера и М. Фуко. А Л. Толстого и Ф. Достоевского и поныне на Западе чтут не только величайшими русскими писателями, но и величайшими философами.

Мы в своем проекте «Прикладная философия как философская инноватика» исходили из наиболее близкой нам по времени постановки проблемы Э.В. Ильенковым о статусе, задачах и инструментах прикладной философии, помня, что по этой теме накоплен многовековой опыт, который требует осмысления, а не отвержения.

Конкретизируя сказанное, подчеркнем: философской инноватикой следует называть сферу интеллектуальных и практических разработок междисциплинарного вида, осуществляемых с помощью инструментария философской рефлексии.

Потребность обозначения этой области деятельности термином «философская инноватика» связана прежде всего с необходимостью более точной квалификации данного вида деятельности – это не сфера фундаментальной философии, и даже не всегда ее прикладная часть в виде «философии науки», «философии политики» или «философии религии», а решение, возможно даже, еще более конкретных и остро актуальных междисциплинарных задач. С другой стороны, это и не собственно философская (в смысле – фундаментальная) деятельность, а интеллектуальная деятельность, осуществляемая с помощью философских средств.

¹⁶ Там же. С. 235-261.

¹⁷ Г.В.Ф. Гегель. Работы разных лет в двух томах. Т.1. М., «Мысль», 1970. С. 265.

Инструментарий философской инноватики ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями и т.п.

Необходимость именно такой, представленной посредством концепта «философская инноватика», реконструкции философской деятельности и философского мышления, напрашивается, пожалуй, в явной форме уже с конца XX в. Хотя предпосылки данной репрезентации выстраивались в течение почти столетия и были связаны прежде всего с необходимостью осмысления кризисных, революционных, обобщенно говоря, нестационарных проявлений в обществе, науке, управлении (социальные, политические, научные, культурные революции, войны, глобальные проблемы и т.п.).

Выше было подчеркнуто, что попытки репрезентации прикладной философии в различных парадигмах и системах философии предпринимаются в явной форме уже порядка столетия. Однако, если быть более точным и следовать духу выше сделанных суждений о сущности и функциях философии, то «прикладные выбросы» наблюдались на всем протяжении истории философии. Схематично можно показать это в виде шести этапов, шести революций в философии, где ее прикладные интенции проявлялись все отчетливее.

Выделяя отмеченные схемы операционализации фундаментальной философии, мы исходили не только из теории и реалий инновационных процессов современного общества, но имели в виду и обобщали исторический опыт. Ибо для интеллектуального сообщества во все времена была очень важна мировоззренческая и методологическая позиция философии, то, на что она ориентирует практический разум. И это было, зачастую, важнее ее внутренних штудий, фундаментально-философских поисков. Поэтому и на периодизации развития философской деятельности это существенно сказывалось – прежде всего на периодизации, связанной с появлением новых этапов, новых образцов прикладной философии, которые конечно связаны и с новыми образцами философского дискурса.

Схематично можно показать это в виде основных этапов, основных революций в философии, где ее прикладные интенции проявлялись все отчетливее:

1 этап. **Философия как инструментарий метафизики.** Начало философии, становление ее как отвлеченной формы теоретического мышления и одновременно начало поисков его приложений к политике, логике и дисциплине мышления, регулированию человеческих отношений, учению о природе. Обозначение этики в качестве прикладной философии Аристотелем. Аналогичные шаги на Востоке. Только вектор приложений другой – не мышление, а поведение и внутренняя регуляция, самоорганизация. Можно сказать, что

этот модус философии совпадает с ее генезисом – Первой философской революцией. Практически все «прикладники» – сами философы. И в названии «метафизика» – упоение мощью приложений философского мышления к конкретно-теоретическим учениям.

2 этап. **Философия как теория богословия.** Этап может быть назван схоластической революцией в богословии, который связан с созданием самого теоретического богословия на базе философской теории. Кстати говоря, прошло 750 лет со времени написания Фомой Аквинским труда «Сумма философии» («Summa Philosophiae» – 1259–1264 гг.), в котором предприняты титанические усилия по разработке надконфессиональной мировоззренческой позиции. Эти усилия мотивированы происходившим интенсивным интеллектуальным обменом между христианскими, мусульманскими и иудейскими мыслителями.

Говоря современным языком, активизировались конвергентные мировоззренческие процессы на путях схождения разных цивилизационных культур. И философия становится «служанкой богословия», поскольку обладает колоссальным опытом и потенциалом синтеза различных теоретических и мировоззренческих дискурсов. Как совершенно справедливо подчеркивает известный отечественный философ и мыслитель Ю.А. Шрейдер: «В эпохи кризисов веры религия нуждается в философии особенно остро: так появляются св. Августин, св. Фома, Паскаль, Лейбниц, Беркли, Вл. Соловьев, П. Флоренский и др. Великие каппадокийцы – Отцы Церкви были выдающимися философами... В присутствии Бога философия не нужна и даже невозможна, но в поисках Его даже любой из апостолов становится философом»¹⁸.

3 этап. **Философия как логика и методология научного познания.** Третья революция в философии, обозначившая классический ее этап. Начало «отпочковывания» и суверенизации науки и других конкретных сфер мышления от философии. Философия, стараясь сохранить свой патронаж над бывшими «колониями», позиционирует себя как универсальный метод и методология, обеспечивающие условия правильного мышления и поведения. Идет поиск «логики открытия», универсальной содержательной логики. Приложения философии – дело уже не только философов, но и крупнейших ученых, мыслителей, представляющих конкретно-теоретические области (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Ньютон, И. Кант).

4 этап. Четвертая революция в философии, проявившаяся в **парадигмальной дифференциации самой философии**, начиная со второй половины XIX века.

Появление «разных» философий: воли; деятельности; науки; сознания и подсознания; эмоционально-мотивационной сферы; языка. Это и начало

¹⁸ Шрейдер Ю.А. Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) // Как это было: воспоминания и размышления. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 574-575.

становления разных парадигмальных моделей прикладной философии. Идет объединение усилий ученых-предметников, художников и писателей, педагогов, политиков в движении к прикладной философии. Здесь особо выделяются основоположники и представители марксизма, позитивизма, прагматизма, философии жизни, которые сами также выступают в качестве выдающихся представителей науки.

5 этап. **Философия как инструментарий формирования глобальных идеологий**, что проявилось на уровне не только их формирования и активного включения в социально-политическую практику, начиная с конца XIX в. – начала XX в. (коммунистическая, либеральная, национал-социалистическая, консервативная идеологии), но и их острой конкуренции и кризисов в процессе апробации и массовой реализации.

Достаточно распространенным является мнение о том, что после начальных волн глобализации (по Б. Линдси) влияние таких глобальных идеологий, как национал-социализм и коммунизм стало снижаться. А в условиях современной глобальной перестройки заметно снизилось и влияние либерализма.

В то же время растет влияние консерватизма. Через посредство социальной философии, политической философии, философии истории вхождение в массовое и элитарное сознание упомянутых идеологий и их воздействие на глобальное развитие, формирование альтернативных его моделей и их острая конкуренция вполне очевидны. Однако данные проявления, пройдя свой пик, все еще весьма влиятельны.

6-й этап. **Философия как инструментарий когнитивной коммуникации и диффузии инноваций**. Шестая революция в философии: постмодерн и постнеклассика, конвергентные течения, постсовременность. Обозначена и интенция отхода от традиционных стереотипов в философско-прикладных поисках, сводящихся к методологическим и аксиологическим (мировоззренческим) проекциям фундаментальной философии. Показывается выход к объемным, разносторонним, системным ее проекциям в различных прикладных сферах деятельности. Обозначение в начале XXI века ряда течений: «философской инноватики», «прикладной философии», «практической философии», объединяющих многовекторные искания в области современной прикладной философии и философских разработок.

Предпосылки этого в отечественной философии закладывались в 50–70-е годы XX в. в инновационных поисках, ведущихся совместно творческими философами, педагогами и психологами, учеными-естествоиспытателями, дизайнерами, конструкторами: Э. Ильенковым и А. Зиновьевым, Г. Щедровицким и М. Мамардашвили, В. Давыдовым и П. Гальпериным, системщиками, космистами, синергетиками, глобальными экологами, философией естествознания, наукой о человеке, что завершается большими научно-проектными комплексами междисциплинарного характера, активно внедряемыми в практику.

И здесь существенно важно отразить алгоритмы инновационных процессов, которые затрагивают и философию.

В предлагаемой вниманию читателя монографии изложены авторская концепция и опыт философско-прикладной операционализации. Вместе с тем, как и в прежних монографических публикациях по этой проблематике автор придерживается определенной логики исследования, идущей от прикладных философских исследований (кейсов) – к обобщениям, касающимся понимания философии как системы деятельности в целом. В данном случае новые кейсы выступают эмпирической областью для фундаментальных обобщений. Однако логика изложения носит обратный характер: от рефлексии по поводу философии как системы – к приложениям этой системы в конкретных ситуациях.

Новым сюжетом для автора в данной монографии послужили разработки в области философской диатропики и альтернативистики, которые подтолкнули к введению в оборот концепта «исследовательская философия», что относится к инновационной атрибутике философии, но уже в купе с фундаментальным и прикладным ее аспектами.

Авторская библиография

Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009.

Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. Монография. – М.: URSS, 2012.

Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. Монография. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

Старостин А.М. Философская инноватика в контексте системно-компаративной модели философской деятельности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 3.

Старостин А.М. Философская инноватика как инструментарий междисциплинарного синтеза / В сб.: «Философские вопросы естествознания и технических наук». Материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014.

Старостин А.М. Философская инноватика как вид философского дискурса // Новые идеи в философии. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. иссл. ун-та. 2013. Т. 1. № 21.

Старостин А.М. Философия в диатрибической и исследовательской проекции (на материале кейс-стади «политическая философия») // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 10.

РАЗДЕЛ I

ФИЛОСОФИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ, ДИАТРИБИЧЕСКОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОЕКЦИЯХ

Характеризуя процесс развития современной философии, нельзя не отметить то обстоятельство, что ее развитие в целом опирается на несколько потоков: академический (фундаментальный) дискурс, диатрибический дискурс и исследовательский дискурс. Последний для нас выступает синонимом прикладных исследований и разработок, ибо по совершенно справедливому замечанию К. Поппера, истинно философские проблемы всегда коренятся в других проблемах, лежащих за пределами философии, и философия умрет, если лишится этих корней.

Конечно, исследовательский момент содержит и академическая (фундаментальная) философия. Но он очень специфичен, поскольку в фундаментальной части весьма медленно чувствуется продвижение к новому, и, конечно, в существенной мере зависит от того опыта, который обозначен в прикладных философских исследованиях и разработках, которые, в свою очередь, поддерживают общественное внимание и запрос на философию.

Как совершенно правильно отмечает известный норвежский философ Ларс Свендсен, характеризуя развитие академической философии: «В современной философии важную роль играет поиск решений и новых точек зрения на проблемы, которые интересуют исключительно философов, и именно таким путем можно сделать академическую карьеру и получить признание. Актуальность философии для окружающего мира при этом совершенно не важна. Превращение философии в профессию улучшило ее техническое качество, но также сделало ее более скудной и безжизненной»¹⁹.

Есть еще один ракурс рассмотрения исследовательского и новаторского моментов, содержащихся в академической и прикладной сферах философии, на который указал в свое время Б. Рассел в «Истории Западной философии». Показательно, что данные суждения Б. Рассел сделал в начале главы под названием «Философский либерализм»: «Нужно остерегаться двух противоположных, но одинаково общераспространенных ошибок. С одной стороны, люди, которые больше знают книги, чем жизнь, склонны переоценивать влияние философов... И, наоборот, реакция против старой ошибки вызвала новую, заключающуюся в том, что теоретиков рассматривают как почти пассивный продукт обстоятельств, считают, что они вообще едва ли оказывают

¹⁹ Свендсен Л. Философия философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 180-181.

какое-либо влияние на ход событий... Со своей стороны, я полагаю, что истина – между этими двумя крайностями»²⁰. Мы же, со своей стороны, вновь подчеркнем, что и первый аспект (теоретический) и второй (жизненно-практический) оказываются во взаимодействии, взаимосвязи через посредство системы философской инноватики – философских приложений и разработок. Если это посредствующее звено выстроено институционально и технологически, то взаимодействие эффективно, о чем говорят шесть этапов истории прикладной философии, описанные вкратце во Введении. Стихийный подход, экспромты, зачастую и приводят к тем крайностям, о которых пишет Б. Рассел.

Что касается отмеченной в начале раздела диатрибической традиции, то речь идет о формировании субкультурного философского контекста, который обеспечивает как вхождение и первые шаги по ниве освоения академической философии (философскую пропедевтику в профессионализации), так и, в большей мере, создание смыслового и содержательного поля для понимания философии, «потребления философии» специалистами из других областей знания. Обратимся для более точных трактовок к классику разработки проблемы диатрибики в философии проф. А.В. Потемкину, введшему этот термин в наш философский лексикон еще в 70-е годы прошлого века: «Слово “диатриба” у древних греков и римлян означало беседу учителя с учеником, студенческий конспект, а также проселочную дорогу, истоптанную в пыль ослиами. Впоследствии, в течение веков, это слово у европейцев обросло множеством значений»²¹. Проще говоря – это традиция школярская, включающая элементарные (допрофессиональные) знания. «Будем впредь называть все, что относится к школьно-учебной метаморфозе философии: персоналии, учебники, справочники, методические приемы, логические схемы, основные провозглашаемые положения – словом “диатрибика”, а складывающуюся на этом уровне традицию в толковании специфики философии – «диатрибической традицией»²².

Диатрибическая традиция эволюционирует, в особенности в наше время. В академическом аспекте в конце 80-х – начале 90-х гг. в нашей учебной литературе реализовался постепенный отход от философии марксизма: вначале осуществлялась такая идеологическая чистка от оценочных интерпретаций социальных, экономических, политических трактовок. А затем, благодаря новым нормам и стандартам в учебный оборот были включены многие фрагменты немарксистских философских учений, включая и традиционную русскую философию. Данные изменения затронули всю «вертикаль» философского образования: от среднего специального и вузовского –

²⁰ Рассел Б. История западной философии. – М.: «МИФ», 1993. С. 113.

²¹ Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. – Ростов н/Д.: Ростиздат, 2003. С. 9.

²² Там же. С. 201.

до аспирантского. Впоследствии в аспирантские курсы вообще были включены в качестве основы курсов по философии и истории науки оригинальные тексты и их интерпретации из позитивистских и постпозитивистских концепций. Похожие процессы затронули подготовку паспортов научных специальностей по социально-гуманитарным наукам.

В настоящее время диатрибическая традиция эволюционирует в сторону прикладных философских концепций («Философия политики», «Философия образования», «Философия техники», «Философия информатики», «Философия управления», «Философия медицины» и т.п.)²³, что помогает сблизить философское обучение со специальной профессиональной подготовкой, расширив представления о различных сферах жизни общества, методологическом и мировоззренческом контексте деятельности специалиста, молодого ученого, конструктора, управленца.

Вместе с тем в рамках данного процесса подспудно или целенаправленно формируется представление о многоверсионной фундаментально-философской базе для осуществления философских приложений (философия науки, философия жизни и экзистенциализм, герменевтика и феноменология). Однако данные тенденции, также как и обучение методологии философских разработок, пока только зарождаются.

Диатрибическая традиция выполняет функцию в чем-то аналогичную коммуникативно-посреднической деятельности универсального языка общения (как английский язык) или создает возможности паритетного обмена, как это делает международно признанная валюта (доллар). Тенденции диатрибизации хорошо просматриваются как на академическом уровне, так и на прикладном. При этом печать схематизма, упрощения, даже известной примитивизации здесь присутствует.

В нашей философской и идеологической культуре, пока еще тесно связанной с философией марксизма, это хорошо просматривается. Марксистская диатрибика опирается на упрощенное понимание марксизма, сводит его к простым однозначным схемам. Прежде всего за такую монополию шла борьба. Она представлена нам в такой транскрипции как большевистская версия (действие идеологического фактора). Далее, нужно отметить процесс адаптации марксизма и его «составных частей» к уровню образования и культуры России начала XX века. В этом процессе существенно упрощались и прикладные функции марксизма, который претендовал на представительство сложных форм приложения гегелевской диалектики к воздействию на развитие разных предметных областей (экономика, политика, наука) и практики, которые и имели наиболее резонансные последствия.

²³ См., например, *Ивин А.А. Философия истории.* – М.: Гардарики, 2000; *Ивин А.А. Философские исследования науки.* – М.: Проспект, 2016; *Губин В.Д. Философия.* – М.: Проспект, 2014; *Практическая философия.* – М.: Проспект, 2017.

В 50-60-е гг. XX в. началась интенсивная работа по реконструкции аутентичного марксизма по трем основным азимутам: деидеологизации; воссозданию сложного культурного и научного контекста творчества К. Маркса; попыток создания философски-прикладных творческих аналогов-концептов в логике, экономике, педагогике и др., сопоставимых по уровню творческим произведениям К. Маркса, которые как раз и характерны творческим сплавом диалектического метода и конкретной отрасли знания (политика, экономика, религия, история, даже математика).

Мы остановились на диатрибической традиции в философии, включая ее прикладные сегменты, имея в виду и то, что в истории естествознания (физика, химия, биология, астрономия) и гуманитарных наук достаточно много примеров (кейсов) обращения крупных ученых (А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, В. Амбарцумян, Б. Кедров, В.И. Вернадский, В.С. Выготский, А.И. Пригожин, Е. Вигнер, А.Б. Мигдал) к анализу своих научно-дисциплинарных областей, которыми они владели в совершенстве, с философско-методологических позиций, которые были реконструированы в том числе и по диатропическим источникам. Известный отечественный физик академик А.Б. Мигдал по этому поводу опубликовал даже большую статью в журнале «Вопросы философии»²⁴. Естественно, что и в этой статье, и в трудах упомянутых выше крупных ученых, связанных с востребованностью философских идей и методов, не содержится новых фундаментальных философских прорывов. Но содержится постановка стыковых, прикладных, прежде всего, философских проблем, решение которых способно привести к таким прорывам.

В современных диатропических образцах явно просматривается мотив к созданию конвергентной философской концепции, которая как бы впитала в себя и отразила наиболее важные идеи, принципы, проблемы, которые характерны для основных философских систем. Так сказать создать философско-мировоззренческую картину, базирующуюся на ансамбле философских универсалий.

Автор сам приложил к этому немалые усилия, стремясь создать такую сводку для будущих специалистов и молодых ученых, обеспечив для них дорогу и к прикладной диатрибике («философия науки», «философия образования», «философия управления», «философия политики» и т.д.). Поэтому позволим себе изложить этот кейс.

²⁴ Мигдал А.Б. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1.

1.1. Философия: диатрибическая проекция

Возникновение философии. Философия и мировоззрение

Философия зародилась более 2500 лет назад в странах древнего мира – Индии, Китае, Египте. Своей классической формы она достигла в Древней Греции.

Термин «философия» происходит от греческих слов «phileo» – любовь и «Sophia» – мудрость и означает любовь к мудрости. Однако это еще не раскрывает существа дела, потому что одного любомудрия явно недостаточно, чтобы быть философом. И каждый понимает, что только любовь к мудрости еще не делает человека ее обладателем и творцом, хотя она и является важным условием для того, чтобы стать философом. Кроме того, тут остается открытым вопрос: «что же такое мудрость?». Сами философы отвечали на него по-разному и мудрствовали каждый по-своему. С этим связано и различное понимание философии.

Считается, что первым, кто объяснил слово «философ», был Пифагор (2-я пол. VI в. – нач. V в. до н.э.). По словам Диогена Лаэртского, именно ему принадлежит высказывание: «Жизнь... подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины»²⁵. Следовательно, согласно Пифагору, смысл философии – в поиске истины. Разделял это мнение и древнегреческий философ Гераклит (ок. 520 – ок. 460 до н.э.).

Однако совсем другого мнения придерживались софисты. Согласно им главная задача философа – научить своих учеников мудрости. Мудрость они отождествляли не с достижением истины, а с умением доказывать то, что каждый сам считает правильным и выгодным. Для этого признавались приемлемыми любые средства, вплоть до различного рода уловок и ухищрений. Поэтому рассуждения софистов часто строились на ложных доводах и посылках, на подмене понятий.

Знаменитый древнегреческий мыслитель Платон (428/427–347 до н.э.) полагал, что задача философии заключается в познании вечных и абсолютных истин, что под силу лишь философам, которые от рождения наделены соответствующей мудрой душой. Философами поэтому не становятся, а рождаются.

По мнению Аристотеля (334 – 322 до н.э.), задача философии – постижение всеобщего в самом мире, а ее предметом являются первые начала

²⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 309.

и причины бытия. При этом философия единственная наука, которая существует ради самой себя и представляет «знание и понимание ради самого знания и понимания».

Следует отметить, что различное понимание и определение предмета философии было связано и с социально-историческими условиями. Так, например, разложение античного общества безусловно повлияло на появление концепций, согласно которым философия призвана освободить человека от страха перед будущим и страданий, способствовать достижению счастья и душевного здоровья. Наиболее значительным представителем такого взгляда был Эпикур (341–270 до н.э.) Образцом того, как можно при помощи философии преодолеть страх перед смертью, может служить следующее его высказывание: «Стало быть самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее сами не существуют».

О специфичности философии выдающийся мыслитель XVII в Р. Декарт говорил так: только философия «отличает нас от дикарей и варваров» и каждый народ «тем более гражданственен и образован, чем лучше в нем философствуют».

В этом суждении удачно подмечена социокультурная ценность философской мысли. Ни дикарь, ни варвар в философии не нуждаются. Дикарь живет собирательством, варвар – охотой. Их образу жизни соответствует мифологизированное сознание. Созерцая природу, они чувствуют свою слитность с таинственной стихией, что дает им успокоение и уверенность.

Конечно, не только древние греки положили начало цивилизации. Переход к ней – столбовая дорога развития человечества. В Китае, Индии, Иране, Месопотамии и Египте также были созданы очаги культуры. И повсеместно вместе с успехами цивилизации люди поднимались к теоретическому осмыслению мировоззренческих проблем. Результатом того явились религиозные и философские системы.

Итак, в процессе цивилизационного развития человеческое общество подходит к такому рубежу, на котором возникает острая потребность в обобщенном, систематизированном взгляде на мир и осознании себя в отношении к миру и самого по себе. К такому рубежу, который крупнейший философ XX века К. Ясперс назвал «осевым временем» (временем мировой истории, тогда как до «осевого времени» имеет место лишь локальная история), человечество подходит одновременно и на Востоке (Индия, Китай), и на Западе (Греция).

Перед человеком встают не только вопросы, связанные с решением повседневных практических задач: житейских, производственных и т.п. Он пытается найти ответы на вопросы наиболее общие и глубокие: что

представляет собой окружающий мир и каково место и предназначение в этом мире человека? Что лежит в основе всего существующего – материальное или духовное начало? Подчинен ли мир каким-либо законам или в нем господствует хаос? Может ли человек познать окружающий мир и что представляет собой это познание? В чем смысл человеческой жизни, ее цель и ее ценность? Человек размышляет о добре и зле, прекрасном и безобразном, свободе и справедливости и многих других вопросах, которые называются мировоззренческими.

Размышляя над ними, человек может опираться на жизненный опыт и здравый смысл, на веру в сверхъестественное или же на научные знания, стремясь найти объяснение в естественных причинах. Это зависит от типа мировоззрения, одним из которых является философское.

Мировоззрение – это система обобщенных взглядов на мир, на место в нем человека, в его отношении к этому миру, а также основанные на этих взглядах убеждения, чувства и идеалы, определяющие жизненную позицию человека, принципы его поведения и ценностные ориентации.

Мировоззрение каждой эпохи имеет свою специфику, определяемую уровнем развития производства, науки, культуры и другими факторами. Вместе с тем в качестве основных выделяются следующие типы мировоззрения: мифологическое, религиозное, обыденное и философское.

Исторически первый тип – **мифологическое мировоззрение** – формируется на ранних стадиях развития общества и представляет собой первую попытку человека объяснить происхождение и устройство мира, появление на земле людей и животных, причины стихийных явлений природы, определить свое место в окружающем мире. Сотворение мира изображалось обычно как превращение хаоса в космос, который формируется путем отделения неба от земли и выделения суши из океана. В результате появляются три мира: небесный, земной и подземный. Весь этот процесс сопровождается борьбой богов и героев против демонических сил.

Мифология (греч. *mythos* – повествование, сказание) – фантастическое отражение действительности в виде чувственно-наглядных представлений. Порожденные фантазией первобытного человека мифические существа – боги, духи, герои – наделены человеческими чертами, они совершают человеческие поступки, а их судьбы сходны с судьбами смертных людей. В мифах выражались слитность, нераздельность человека и природы, на явления природы проецировались человеческие свойства.

Мифы были тесно связаны с обрядами, с обычаями народа, они содержали нравственные нормы и эстетические представления, включали зачатки знаний и религиозных верований, сочетали реальность и фантазии, естественное и сверхъестественное, мысли и чувства.

Мифология оказала значительное влияние на духовную жизнь человечества. Об этом свидетельствует, в частности, глубокое проникновение

в европейскую культуру греко-римской мифологии. Сказания о богах, населяющих Олимп, о Прометее и Геракле, Дедале и Икаре, Одиссее и аргонавтах вдохновляли художников и поэтов, их творения вошли в золотой фонд искусства. Элементы мифологического мировоззрения сохранились в общественном сознании современного общества.

Религиозное мировоззрение сформировалось на сравнительно высокой стадии развития древнего общества. Являясь, как и мифология, фантастическим отражением действительности, религиозное мировоззрение отличается от мифологии верой в существование сверхъестественных сил и их главенствующей роли в мироздании и жизни людей. Вера в сверхъестественное – основа религиозного мировоззрения. В мифе человек не выделяет себя из природы, боги живут в естественном, «земном» мире, общаются с людьми.

Достоверность мифического образа является само собой разумеющейся, и поэтому не нуждается в вере. Религиозное сознание раздваивает мир на «земной», естественный, постигаемый органами чувств, и «небесный», сверхъестественный, сверхчувственный. Религиозная вера как особое переживание проявляется в поклонении неким высшим сверхъестественным силам, которые приписывались свойствам материальных предметов – камням, металлам и т.п., связям между предметами (такова, например, вера в кровную связь племени с определенным видом животных и растений), богам и духам. Позднее формируется образ единого бога – творца всего существующего, блюстителя обычая, традиций, нравственности, духовных ценностей. Возникают монотеистические религии – христианство, ислам, буддизм.

Являясь фантастическим отражением действительности, основываясь на вере в сверхъестественные, неземные силы, религиозное мировоззрение, обобщая многовековой опыт человечества, включает общечеловеческие нормы общежития и нравственные принципы, идеи добра и справедливости, сохранившие свое влияние на мораль современного общества. Правда, эти идеи нередко расходились с религиозной практикой. Истории известны крестовые походы и инквизиция, а в наше время религиозный фанатизм нередко поддерживается и используется определенными политическими силами для разжигания межнациональной розни.

Качественно-новым типом является **философское мировоззрение**. От мифологии и религии оно отличается ориентацией на рациональное объяснение мира. Наиболее общие представления о природе, обществе, человеке становятся предметом теоретического рассмотрения и логического анализа.

Философское мировоззрение унаследовало от мифологии и религии их мировоззренческий характер, всю совокупность вопросов о происхождении мира, его строении, месте человека в мире и возможности его познания, но в отличие от мифологии и религии, которые характеризуются чувственно-образным отношением к действительности и содержат художественные

и культовые элементы, этот тип мировоззрения, как правило, представляет собой логически упорядоченную систему знаний, характеризуется стремлением теоретически обосновать положения и принципы.

Это не означает, однако, что философии вообще не свойственно художественно-образное мышление. Поэтическая фантазия ярко выражена в античной философии, тесно связанной с мифологическим воззрением на мир. Но и в более поздних философских учениях строгость мысли, логика доказательств нередко сочетались с яркими художественными образами, аллегориями, сравнениями, переосмыслением мифологических и религиозных сюжетов.

Одно из наиболее удачных определений философии как мировоззрения принадлежит крупнейшему философу XVIII в. И. Канту, который подчеркивал: «Поприще философии в этом широком значении можно подвести под следующие вопросы:

Что я могу знать?

Что я должен делать?

На что я могу надеяться?

Что такое человек?»

Следует отметить, что возникновение философского мировоззрения заложено не только в логике цивилизационного и духовного развития человечества. Существует своеобразный аналог этой логики в индивидуальном развитии человека и в социально-культурном развитии отдельных народов. Так для индивида философская пора наступает в юности, когда человек по теории Ж. Пиаже вступает на четвертый этап своего когнитивного развития. Ему становятся доступны абстрактно-логические операции. И, вместе с тем, он остро нуждается в осмыслении себя в мире и мира в себе. Так рождаются первые проявления индивидуально-философского отношения к миру.

Характеризуя философское мировоззрение, необходимо отметить, что в его содержание входят не только собственно философские проблемы, но также обобщенные экономические, политические, правовые и естественно-научные представления, нравственные, эстетические, религиозные (или атеистические) принципы, воззрения, идеалы. Поэтому философское мировоззрение не следует полностью отождествлять с философией. Однако теоретической основой, ядром этого типа мировоззрения является философия, вокруг которой группируются все другие его элементы и по отношению к которым философия выполняет свою интегрирующую роль. Все это обусловлено мировоззренческим характером философии, именно она ставит и предлагает решение коренных мировоззренческих вопросов и прежде всего, центрального вопроса всякого мировоззрения – отношение человека к миру.

Основные проблемы и сферы философских исследований, метод философии

Какие же проблемы находятся в сфере философского осмысления, что является ее предметом и каковы ее методы?

Рассматривая развитие философии в ее истории, в творчестве различных крупных философов, на первый взгляд возникает ощущение острых споров и несводимости творчества различных философов к какому-то одному основанию. Каждый имеет суждение обо всем, но все говорят об этом по-разному.

С точки зрения Демокрита, мир, космос – воплощение атомов и пустоты. Порядок и закономерность царят в природе. Душа тоже состоит из атомов, которые распространены по всему телу. Но органом мышления является мозг.

Платон разделил тело и душу, материальное и духовное и сформулировал понятие Демиурга. Демиург превращает хаос в космос, реализуя программу, заложенную в идеях, образующих сверхъестественный мир. Но Демиург у Платона – сложное и безличное начало, входящее в иерархию перво-сущностей.

В годы Средневековья на место Бога как Демиурга (строителя космоса) выдвигается Бог как Креатор, Творец мира. Фома Аквинский требует подчинения философии христианским догматам, но полагает, что у природы имеются и свои собственные закономерности, которые полезно изучать. Задача философии – быть посредницей между религией и научными изысканиями.

В преддверии индустриальной цивилизации, идущей на смену традиционному обществу, философия восстанавливает свои права на самостоятельность и в ней смещается акцент в понимании своего предмета. Декарт писал: «Вполне мудр в действительности один Бог, ибо ему свойственно совершенное знание всего; но и люди могут быть названы более или менее мудрыми, сообразно тому, как много или как мало они знают истин о важнейших предметах».

На первый взгляд Декарт не меняет традиционного представления о предмете философии, но, в сущности, он открывает новую эру в трактовке философских проблем. В его сочинениях на первый план выдвигаются человек как субъект познания, разум человека, его способности превратить природные процессы в полезные для людей средства.

Отдавая дань Богу, Декарт занимается анализом исходных принципов познания. «Я мыслю, значит, существую». Таков исходный его принцип. Не божественные первоначала, а организация человеческого разума – вот что интересует французского мыслителя. И он полагает, что человек вполне

способен и познать природу, и поставить ее под свой контроль. В природе Декарта интересует не ее мнимая божественность, а практическая полезность.

В XVIII в. французские материалисты, переведя Бога в разряд мнимой величины и объявив природу единственно реальным предметом своих размышлений, акцент делали на человеке и его разумных свойствах. Зная разумные начала людей, полагали они, можно обеспечить становление царства просвещения, нравственности, искусства и науки.

Та же проблематика звучит и в философии Гегеля. Только к проблеме субъекта деятельности он подходит с несколько иной стороны. Человек – воплощение мирового разума. Его разум – результат развития абсолютной идеи, которая в умственном развитии человека достигает своей полноты. Все разумное действительно, все действительное разумно.

Продолжая эту линию, выдающийся немецкий мыслитель Фейербах говорил: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии».

Материалистически реинтерпретируя наследие Гегеля, К. Маркс и Ф. Энгельс выделяют объективные законы диалектики, т.е. такие законы, которые лежат в основе развития природы, общества и человеческого мышления. Все меняется в действительности, но только не законы диалектики, которые в принципе не могут не быть – по определению – абсолютно разумными. Неразумному (иррациональному) нет места в философской проблематике.

Философия XX в. круто поворачивает к проблеме рационального и иррационального в деятельности человека, к соотношению социально-культурных ценностей и научно-технических средств достижения целей. Немецкий философ М. Хайдеггер и его последователи (экзистенциалисты) заявляют, что человек включен в бытие и может его знать, лишь испытывая реальность на опыте. Жизненный опыт людей своим началом имеет страх, который они испытывают, когда начинают сознавать свою конечность и хрупкость своего брошенного в чуждый им мир и приготовленного к смерти бытия. «Метафизика говорит о сущем как таковом в целом, т.е. о бытии сущего; тем самым в ней правит отношение человека к бытию сущего».

Рассмотрение основных периодов развития философии показывает, что в процессе развития ее постоянным был интерес философов к изучению фундаментального отношения «человек – мир». Однако уровень знания разных сторон и самого отношения менялся. В связи с этим в процессе становления и развития философии менялся круг ее проблем. Для начального периода древней философии характерен *космоцентризм* (греч. kos-mos – вселенная) – стремление понять мир как целое, его происхождение и сущность. Позднее внимание перемещается к проблемам человека, этики, общественного устройства. Философия становится *антропоцентричной* (греч anthropos – человек). Религиозная философия средневековья *тео-центрична*

(греч. *theos* – Бог): природа и человек рассматриваются как творение Бога. Развитие науки в Новое время выдвигает на передний план проблемы познания, научных методов, проблемы общественного устройства. В некоторых современных философских течениях философская проблематика сведена к логическому анализу языка, пониманию и истолкованию текстов, структурному анализу систем. Вместе с тем основные философские проблемы исследуются на протяжении всей истории философии

Наряду с этим происходит дифференциация внутри самой философии, формируются относительно самостоятельные ее разделы: **онтология** – учение о бытии и его сущности, **гносеология** – учение о познании, **логика** – учение о мышлении, его законах и формах, **этика** – учение о морали, **эстетика** – учение о прекрасном в жизни и искусстве, **социальная философия** – учение о человеческом обществе, **история философии**, изучающая зарождение, становление и развитие философской мысли.

С развитием философского знания многие из этих разделов – логика, этика, эстетика, социальная философия (социология), история философии формируются в относительно самостоятельные философские области знания, образующие вместе с онтологией и гносеологией, философию в широком смысле слова. В более строгом значении философия понимается как учение, содержанием которого являются преимущественно онтологические, гносеологические и методологические проблемы, что не исключает философского осмысления коренных этических, социальных и других проблем.

Следствием ограничения круга проблем и углубления их разработки явилось уточнение предмета философии, формирование ее методов.

Итак, одни мыслители видели суть философии в отыскании истины, другие в том, чтобы ее утаить, исказить, приспособить к соответствующим интересам; одни устремляли свой взор к небу, другие на землю; одни обращаются к богу, другие, к человеку; одни утверждают, что философия самодостаточна, другие говорят, что она должна служить обществу и человеку и т.д. Все это доказывает, что философию отличает разнообразие подходов и пониманий к своему собственному предмету и свидетельствует о ее плюралистическом (множественном) характере.

Особенно отчетливо это проявились во второй половине XIX–XX вв., когда возникает множество самых различных по своему характеру философских школ и направлений, предметом исследования которых являются многообразные стороны бытия, познания, человека и человеческого существования. В это время со всей очевидностью подтверждается *плюралистический и антидогматический характер философского знания*, несводимость его к какой-либо одной, пусть даже очень авторитетной философской парадигме.

Однако сказанное вовсе не означает, что различным философским концепциям не присуще общее. Можно вычленить существенные моменты, свойственные философскому знанию вообще. Это:

1. Исследование наиболее общих вопросов бытия. При этом сама проблема бытия понимается в универсальном смысле. Бытие и небытие; бытие материальное и идеальное; бытие природы, общества и человека. Философское учение о бытии получило название **онтологии** (от греч. *ontos* – сущее и *logos* – учение).

2. Анализ наиболее общих вопросов познания. Познаваем или непознаваем мир; каковы возможности, методы и цели познания; в чем заключается сущность самого познания и что есть истина; каков субъект и объект познания и т.д. При этом философии не очень интересны конкретные методы познания (физические, химические, биологические и т.д.), хотя она, в большинстве случаев, не игнорирует их изучение. Философское учение о познании получило название **гносеологии** (от греч. *gnosis* – знание, познание и *logos* – учение).

3. Изучение наиболее общих вопросов функционирования и развития общества. Формально эта проблема, конечно, находит свое место в учении о бытии. Но поскольку именно общество оказывает основное влияние на развитие личности, формирует социальные качества человека, постольку эту проблему следует выделить в отдельный раздел. Раздел философии, который изучает общественную жизнь, называется **социальной философией**.

4. Исследование наиболее общих и существенных вопросов человека. Этот раздел также один из важнейших для философии, поскольку именно человек является исходным и конечным пунктом философствования. Творит и действует не абстрактный дух, а человек. Философия человека называется **философской антропологией**.

Каждая наука имеет свой метод. Однако философия выступает в качестве наиболее общей методологии, и в этом суть ее собственного метода. Можно сказать, что **философский метод** (от греч. *methodos* – путь познания) *есть система наиболее общих приемов теоретического моделирования действительности, а также способ построения и обоснования, системы самого философского знания.*

Философский метод задает общие принципы исследования и, по словам Ф. Бэкона, сравним с факелом, освещающим путь. Однако различные философские школы и направления, в соответствии со своей спецификой и пониманием предмета философии, формулируют и используют различные философские методы. Плюрализму философских систем и концепций соответствует и плюрализм методов. Общее, что свойственно им всем, – это теоретическое мышление, выраженное в философских категориях, принципах и законах.

В современной философии, сообразно существованию разных ее парадигм и систем выделяют различные, присущие им базовые методы: восхождение от абстрактного к конкретному (часто отождествляемого с диалекти-

ческим); историко-материалистический, феноменологический; герменевтический и др. Целесообразно рассмотреть то, как выделяются методы на конкретном примере философии марксизма. Поскольку в российской традиции до сих пор это одна из используемых философских систем. Многие наши учебники, программы, стандарты, используемые в высшей школе, в аспирантской подготовке продолжают использовать именно марксистские философские постановки проблем и методы в их решении. Поэтому мы остановимся на данном сегменте более подробно.

Итак, переходя к более конкретному рассмотрению вопроса о методах философии на примере марксизма, следует прежде всего указать на **материализм** и **идеализм** как методы репрезентации реальности. В данном аспекте следует обратить внимание на то, что они выступают как наиболее общие подходы и способы рассмотрения бытия и познания. Теория познания с самого начала во многом определяется тем, что берется за исходное начало – материя или сознание, дух или природа, т.е. материалистические или идеалистические предпосылки. В первом случае общий процесс познания рассматривается как отражение в сознании объективной действительности; во втором – как самопознание сознания, абсолютной идеи, изначально присутствующих в вещах (объективный идеализм), или как анализ наших собственных ощущений (субъективный идеализм). Другими словами, онтология во многом определяет гносеологию.

Следующий аспект дифференциации философских методов – **диалектика** и **метафизика**. Под диалектикой понимают прежде всего учение о наиболее общих закономерностях развития бытия и познания, одновременно она выступает и общим методом освоения действительности. Хотя такое ее понимание было не всегда. Зарождение и начало становления диалектики связано с периодом античности. Этот этап часто характеризуют как **стихийная** или **наивная** диалектика, имея в виду прежде всего то, что взгляды первых философов на мир были во многом наивны. Но вместе с тем они рассматривали его непредвзято, в развитии и движении. Однако надо отметить, что уже тогда обнаруживалось разное понимание диалектики.

Так, материалист Гераклит в своем учении обращает внимание прежде всего на постоянное движение и изменение мира, на взаимный переход противоположностей в нем, то есть прежде всего на «диалектику вещей», на **объективную диалектику**. Жившие в этот же период идеалисты Сократ и Платон под диалектикой понимали искусство вести спор, диалог с целью выяснения понятий и достижения истины. Здесь идет речь о «диалектике понятий», о **субъективной диалектике**.

Таким образом, диалектика в принципе совместима как с материализмом, так и с идеализмом. В первом случае она выщупает как **материалистическая диалектика**, во втором – как **идеалистическая диалектика**. Классическим представителем идеалистической диалектики (равно как

и диалектического идеализма) является Гегель, создавший систему диалектики как теорию и метод познания. А классиками материалистической диалектики (равно как и диалектического материализма) являются К. Маркс и Ф. Энгельс, которые придали ей целостный и научный характер.

Диалектика возникла и развивалась наряду с метафизикой как противоположным ей способом мышления и познания²⁶. Ее особенностью является тенденция к созданию однозначной, статичной картины мира, стремление к абсолютизации и изолированному рассмотрению тех или иных моментов или фрагментов бытия. Метафизический метод характеризуется тем, что рассматривает предметы и процессы по одному принципу: либо да, либо нет; либо белое, либо черное; либо друг, либо враг и т.д. В социальной практике этому соответствует хорошо известный лозунг: «кто не с нами, тот против нас». При рассмотрении движения метафизика тяготеет к сведению многообразных его форм к какой-либо одной. Причем чаще наблюдается сведение высшей формы движения материи к низшей²⁷. Так, например, для материализма Нового времени было характерно сведение различных форм движения материи к механической. Поэтому он и получил название механистического материализма, который, в свою очередь, является проявлением метафизического материализма.

Необходимо отметить, однако, что сам по себе метод познания, который предполагает рассмотрение предметов и явлений в статике, покое, а тем самым и «огрубление», «упрощение» находящегося в постоянном изменении бытия, имеет полное право на существование. Метод абстрагирования, который при этом применяется, вполне научен и используется различными дисциплинами. И если за покоем не забывается движение, за статикой – динамика, а за деревьями – лес, то такой элемент метафизики просто необходим в познании, ибо он выступает как необходимый момент диалектического познания.

Методологическая ошибка возникает тогда, когда этот момент покоя или какая-либо одна характеристика, сторона предмета исследования вырывается из всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности и возводится в абсолют. В этом, кстати, гносеологические корни всех односторонних теоретических концепций.

²⁶ Понятие «метафизика» имеет и другое, не затрагиваемое здесь значение, а именно – философское учение о предельных, сверхпытных принципах и началах бытия.

²⁷ Такой методологический принцип, согласно которому высшие формы материи могут быть сведены к низшим и объяснен на основе их закономерностей, называется редукционизмом (от лат. *reductio* – отодвигание назад, возвращение к прошлому состоянию). Редукционизм бывает самых различных видов: механистический – сведение высших форм материи к механической; биологический – сведение социальной формы материи к биологической; психологический – объяснение законов развития общества только психологическими факторами и т.д.

Следует, однако, отметить, что опасность познанию представляет не только абсолютизация покоя, но и абсолютизация его противоположности – движения. И то и другое есть выражение метафизического способа исследования. И если в первом случае мы встаем на путь, ведущий к **догматизму**, то во втором – на путь, ведущий к абсолютному **релятивизму**²⁸.

Помимо указанных методов философия включает в себя и другие. Отметим некоторые из них, имеющие наибольшее значение.

Сенсуализм (от лат. *sensus* – чувство) – методологический принцип, в котором за основу познания берутся чувства и который стремится все знание вывести из деятельности органов чувств, ощущений, абсолютизируя их роль в познании (Эпикур, Гоббс, Локк, Беркли, Гольбах, Фейербах и др.).

Рационализм (от лат. *ratio* – разум) – метод, согласно которому основой познания и действия людей является разум (Спиноза, Лейбниц, Декарт, Гегель и др.).

Иррационализм – философский метод, который отрицает или, по крайней мере, ограничивает роль разума в познании, а уделяет основное внимание иррациональным способам постижения бытия (Шопенгауэр, Кьеркегор, Ницше, Дильтей, Бергсон, Хайдеггер и др.).

Бурное развитие науки и познания в последние десятилетия привели к осмыслению методологии как специализированной области знания. В ее рамках исследуются внутренние механизмы, логика и организация знания. В частности, рассматриваются критерии научности знания, проводится анализ языка науки, прослеживаются логика и рост научного знания, структура научных революций и другие.

Все названные философские методы находятся между собой в диалектической взаимосвязи и образуют целостную систему, благодаря чему философия и выступает как общая *методология* познания и освоения мира. Но наряду с этим философия выступает, как уже говорилось, и как особая *теория*, имеющая свои категории, законы и принципы исследования. Эти два качества философии тесно взаимосвязаны между собой. Философская теория в силу всеобщности своих положений, законов и принципов выступает в то же самое время и как методология для других наук. Однако, в то же время эти два качества философии не следует смешивать.

²⁸ Релятивизм (от лат. *relativus* – относительный) методологический принцип, заключающийся в абсолютизации относительности познания и проистекающий из одностороннего подчеркивания постоянной изменчивости реальности и отрицания ее относительной устойчивости.

Многообразии способов философствования

Итак, философия знает три главные темы: мир, человек и отношение к миру. Естественно, что обсуждение каждой темы порождает свои проблемы. Как определить границы мира и что составляет его основу, существует ли что-либо за пределами бытия и как понимать небытие? Интерес к человеку связан с проблемами его природы и сущности: каково соотношение духовного и материального (души и тела, сознания и мозга), природного и социального, сознательного и бессознательного? Отношение человека к миру конкретизируется в оценке значимости для жизни людей практической деятельности и познания. В чем мудрость: в созерцательном отношении к природе... или же в гордом стремлении не ждать милостыней от природы, а взять их у нее, или же в мужественной озабоченности выжить, сохраниться в условиях рискованной в своей сущности деятельности? И могут ли люди в своем отношении к миру надеяться на его познание?

Центральная мировоззренческая проблема – отношение человека к миру конкретизируется в марксистской философии как отношение мышления к бытию или, в его интерпретации, – в зависимости от характера того или иного философского учения – сознания к материи, духа к природе, психического к физическому, идеального к материальному. Этот вопрос часто называется основным вопросом философии, потому что через отношение человека, его мышления, сознания, всей его духовной, психической деятельности к окружающему миру осознается место человека в мире, его предназначение, смысл его существования. Этот вопрос был четко сформулирован в работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886). А в действительности любое философское учение, если даже оно не ставит или даже отрицает основной вопрос философии в такой редакции, в конечном счете основывается на его решении, опирается на него как на исходный принцип при ответах на другие вопросы: о происхождении, сущности и отношении материального и духовного, о природе истинного знания и способах его достижения, о жизни, смерти и бессмертии человека и многие другие*.

* Любопытнейшее пересечение с вышеприведенной постановкой «основного вопроса философии» мы встречаем у крупнейшего математика и логика XX века Курта Гёделя. Свою статью «Современное развитие оснований математики в свете философии» (1961 г.) он начинает со следующих суждений: «Я хотел бы здесь представить в терминах философских концепций развитие в области оснований математики приблизительно с начала века и поместить его в общую схему возможных философских глобальных взглядов... Для этой цели необходимо прежде всего иметь ясность относительно самой схемы. Полагаю, что самый полезный принцип в получении такой общей картины на возможные философские глобальные взгляды состоит в их разделении по степеням их близости к метафизике (или религии) или же отдаленности от них. На этом пути мы немедленно получили деление на две группы: скептицизм, материализм и позитивизм, на одной стороне, и спиритуализм, идеализм и теологию – на другой». (Хинтиikka Я. О Гёделе. Курт Гёдель. Статьи. М.: Изд-во «Канон», 2014. С. 201).

К. Гёдель располагает эти разные философские картины мира в определенной шкале, где слева находится первая указанная группа, а справа – вторая. По Гёделю развитие философии, начиная с эпохи Возрождения, идет в направлении справа – налево. А сам он симпатизирует правой шкале.

И хотя вопрос об отношении мышления к бытию не признается основным философским вопросом многими философами, выдвигающими на первый план проблемы свободы, долга, смысла жизни и другие, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, человека к миру с точки зрения марксизма является определяющим вопросом всякого мировоззрения, к которому стягиваются другие мировоззренческие вопросы, дающие в своей совокупности целостную картину мира.

Основной вопрос философии в марксистском понимании: – что является исходным, определяющим – материальное или идеальное, природа или дух, материя или сознание? – делит философов на *материалистов*, признающих первичным началом материю, существующую вне и независимо от сознания, а сознание – вторичным, производным от материи, и *идеалистов*, считающих, что дух, сознание предшествует материи и творит ее.

При таком подходе различают две разновидности идеализма – объективный и субъективный. Сторонники *объективного идеализма* исходят из признания основой всего существующего объективное, независящее от человека духовное начало – мировой дух, внечеловеческий разум, мировую волю. *Субъективные идеалисты* считают первичным сознание человека, субъекта, которое признается единственной реальностью, тогда как действительность оказывается результатом духовного творчества субъекта.

Философский материализм, основными историческими формами которого являются стихийный материализм древних, метафизический материализм XVII–XVIII вв. и диалектический материализм, тесно связан с наукой, опирается на ее положения и выводы. Идеализм похож на религиозное отношение к миру. «Мировой разум», «мировая воля» и т.п. – это по существу философский эквивалент Бога. Однако идеалистическая философия и религия не тождественны друг другу: если религия опирается на веру и религиозные чувства, то идеалистическая философия, в том числе и религиозная, обосновывает свои положения рациональными средствами, использует логические приемы аргументации.

Следует однако отметить, что противоположность материализма и идеализма в решении марксистской версии основного вопроса философии не означает их принципиальной несовместимости в решении других вопросов.

Не только в материалистических, но и в идеалистических системах дана их глубокая теоретическая разработка, содержатся положения, представляющие значительную ценность.

Вместе с тем, не только идеалистические, но и материалистические учения содержат выводы, не подтвержденные последующим развитием науки и общественной практики, страдающие односторонним подходом в решении философских проблем. Поэтому нет оснований противопоставлять одно философское направление другому, рассматривать одно из них как нечто негодное к употреблению. В каждом философском учении –

и материалистическом, и идеалистическом важно найти рациональное содержание, оказавшее положительное влияние на развитие представления о мире и человеке.

Кроме того, не всякое философское учение можно безоговорочно отнести к материалистическому или идеалистическому направлению. Существуют *дуалистические* философские системы (лат. duo – два), признающие материальное и духовное двумя независимыми началами; учения, признающие объективное, подчиняющееся естественным законам, существование материального мира, но не отрицающие ее божественного творения; философские теории, материалистически объясняющие природу и идеалистически – общественные явления. Иначе говоря, среди философов есть как непоследовательные материалисты, так и непоследовательные идеалисты. И, тем не менее, основной вопрос философии позволяет ориентироваться в многообразии философских учений, выявить их сущность и исходные позиции.

Отношение человека к миру многообразно. Это и отношения, в которые вступает человек в своей предметной, практической деятельности, осваивая и преобразуя природную и социальную действительность, и нравственное отношение к природе, обществу, другим людям; эстетические, аксиологические (оценочные) и другие отношения. Все они являются предметом философского осмысления. Видное место среди них занимает *познавательное отношение*, неразрывно связанное с основным вопросом философии, составляющее его вторую сторону.

В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?

Этот теоретико-познавательный, гносеологический вопрос в состоянии разделить философов на *агностиков*, отрицающих возможность достоверного познания мира, сущности явлений²⁹, и философов, не сомневающихся в познавательных возможностях человека, в его способности раскрыть сущность вещей, открыть законы природы и общества, составить более или менее верную картину мира. Такую позицию можно называть *гносеологическим оптимизмом*.

В теории познания сложились эмпирическое и рационалистическое направления. Странники *эмпиризма* (греч. *empeiria* – опыт) единственным источником знания считают опыт, основанный на чувственном познании, недооценивая активную роль в познании теоретического мышления. Странники *рационализма* (от лат. *ratio* – разум) абсолютизируют роль абстрактного мышления, недооценивая значение чувственного познания, наблюдения, опыта, эксперимента. Очевидно, оба эти направления страдают

²⁹ *Агностицизм* (греч. *a* – отрицание и *gnosis* – знание) – учение, отрицающее достоверность познания.

односторонностью в оценке двух неразрывно связанных друг с другом сторон познавательной деятельности человека.

Существуют течения, представители которых отстаивают идеи об ограниченности познавательных возможностей человека, неспособности человеческого разума постичь суть бытия. Рациональному познанию противопоставляется познание сверхразумное – инстинкт, мистическая интуиция, откровение и тому подобные «высшие» способы познания. Такие течения включают различные школы *иррациональной философии* (лат. *irrationalis* – неразумный). Некоторые из них смыкаются с оккультизмом и мистикой.

Отношение «мир – человек» теория познания рассматривает как отношение объекта и субъекта познания, выявляя связь чувственного и рационального как двух сторон познавательного процесса, исследуя проблему истины и ее критерия, а также другие гносеологические вопросы, которые, как и вопросы мировоззренческие, не рассматриваются специальными науками. Это философские вопросы. Исследуя их, философия выполняет *гносеологическую функцию* *.

Функции философии. Философия и общество

Каково же место и роль философии в обществе?

Задумываясь над ролью философии в духовной жизни общества не бесполезно познакомиться с тем, как оценивали ее значение авторитетные представители мировой культуры.

Аристотель называл философию «главной и главенствующей наукой, которой все другие науки, словно рабыни, не смеют прекословить». Для Сенеки философия основное средство развития гражданских качеств личности, нравственно-духовной доблести и интеллектуальной силы.

При всем преувеличении значимости философии в жизни общества и Аристотель, и Сенека правильно отмечали лидирующее положение философской мысли в духовной культуре, а замечания Сенеки о нравственной пользе философии сохраняют свое значение и по сей день.

* В современной отечественной философской литературе существует уже достаточное число монографических публикаций, реконструирующих авторитетные, влиятельные философские системы и парадигмы с точки зрения их основных вопросов и проблем. К примеру: А.Л. Никифоров. К вопросу об «основном вопросе философии» // Философия философии. Тексты философии. М.: Изд-во «Академ. проект», 2012; К. Ясперс. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: «Канон», 2012; Г.Г. Гадамер. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988; Ж. Делез. По каким критериям узнают структурализм? // Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. В 4-томной «Новой философской энциклопедии», вышедшей после 2010 г., статья об «Основном вопросе философии» отсутствует, хотя в недавно вышедшем «Современном философском словаре» под ред. Т.Х. Керимова (М.: «Акад. проект», 2015) такая статья наличествует. Словом, большая часть современных российских философов считает марксистскую версию «основного вопроса философии» устаревшей и претенциозной, хотя для марксизма такая постановка остается значимой.

В свою очередь, выдающийся английский мыслитель Ф. Бэкон обращал внимание на оживляющее душу исследователя значение философской любознательности и широты мышления. «Тот, кто в философии и в изучении общих законов видит пустое и бессмысленное занятие, не замечает, что именно от них поступают жизненные соки и силы во все остальные профессии и искусства».

Не накопительство важных, но, в сущности, бессмысленных, без осознавшего себя человека, сведений, а проникновение в тайны мироздания, в закономерности человеческого бытия, в жизненные силы личности, позволяющие ей бросать вызов как бесчеловечности на Земле, так и безмолвию враждебного космоса, является высшим предназначением пытливого разума. И им, несомненно, движет именно философский интерес, а не утилитарная польза и торгашеская выгода.

«Прорицание не дело философии, – пишет Хайдеггер, – но не ей плестись в хвосте событий с запоздалым всезнайством».

Не будучи оракулом, философия, постигая историческую эпоху, опережающе отражает направления и пути развития человечества, предупреждает о скрытых опасностях. Так было на всех крутых поворотах истории, во все переломные исторические эпохи. К этому сводится задача и современной философии.

Исследуя мир в целом и положение человека в нем, философия выполняет мировоззренческую функцию. Общество требует от философии ответа на вопросы: Каким должен быть мир, чтобы он соответствовал человеку? Каким должен быть сам человек, чтобы соответствовать миру? Достоин ли мир того, чтобы в нем жить? Достоин ли сам человек того, чтобы выступать от имени жизни, понимает ли он ее ценность?

Отвечая на эти вопросы, философия выступает как теоретическая основа мировоззрения. Она предлагает систему категорий, выражающих фундаментальные принципы бытия, в том числе и специфику существования человека.

Мировоззренческие принципы различаются как идеалистические и материалистические в зависимости от того, что в них ставится на первое место: сознание или материя. Их же можно классифицировать как диалектические и антидиалектические в зависимости от того, признается в них развитие или отрицается. Возможны и другие классификации принципов. Например: ноуменальные и феноменальные, трансцендентные и имманентные, конвенциональные и объективные, атрибутивные и модусные, экзистенциальные и эссенциальные, аксиологические и онтологические и т.д. Диапазон подходов современной философии поистине безграничен, что позволяет говорить о принципиальном плюрализме мнений, сообщающихся по принципу взаимной дополнительности и применяемых в контексте когнитивной ситуации.

Мировоззренческие принципы тесно связаны с практической жизнью, с жизненными (экзистенциальными) установками познающего человека.

Жизнь человека протекает в системе ценностей, которые для него – ориентиры в выборе своей судьбы. Философия имеет прямое отношение к теоретическому осмыслению мира ценностей. В античное время главное внимание уделялось полисным ценностям. Лишь позднее, в эпоху эллинизма, индивидуум становится, по словам Протагора, мерой всех вещей. Однако эта мысль таила в себе угрозу релятивизма и индивидуалистического произвола, которые требовалось чем-то уравновесить. Принятие обществом тех или иных ценностей как приоритетных своим следствием имеет разработку соответствующей *системы норм*, регулирующих поведение людей и их взаимоотношения, к этим нормам относятся нравственные, правовые, политические и т.д. Влияет философия и на разработку религиозных идей.

Ориентация индивидов на систему ценностей и подчинение нормам общежития лежит в основе их приобщения к культуре и выработке у них гражданских качеств. Умение жить в обществе – это не дар природы, а культурное достояние. Во-первых, оно не естественно, а искусственно, в известной мере надприродно и даже подчас противоприродно. А во-вторых, оно лично, достояние личной жизни индивида.

Цицерон писал: «Как плодородное поле без возделывания не даст урожая, так и душа. А возделывание души – это и есть философия: она выпалывает в душе пороки, prepares души к принятию посева и вверяет, ей – сеет, так сказать – только те семена, которые, вызрев, приносят обильный урожай».

Ценностный аспект философии развивается вместе с ней из эпохи в эпоху. В философии Гегеля семья, гражданское общество и государство рассматриваются не только как восходящий ряд социальных явлений, но и как шкала ценностей. Высшая ценность – государство, ибо, по его мнению, в нем воплощается полнота абсолютной идеи, оно – шествие Бога по земле. Так государство возводится в культ для законопослушных граждан Германии.

Абсолютизация этатизма таит в себе угрозу не меньшую, чем абсолютизация индивидуализма. Последний ведет к беспредельному произволу индивидуума и как следствие к атомизации общества и к его деструкции; первое же – к беспредельному произволу государства, становящегося угрозой и личному бытию, и бытию окружающих народов.

Русские мыслители XIX–XX вв. в качестве важнейшей ценности выдвигали соборность. Соборность – это органическая, социально-духовная общность людей, в которой каждый индивид раскрывает свои способности во имя процветания сообщества. Соборность противоположна как разъедающему обществу индивидуализму, так и государственному тоталитаризму.

Философия не может избавить общество от порождаемых социально-экономической системой негативных явлений. Но она может оградить

систему ценностей от проникновения в нее ложного и критического непроверенного, порочного и политически авантюрного, примитивного и радикалистского.

Несомненной заслугой современной философской мысли является выдвигание ее представителями новых ценностей. К ним относятся общегуманистические, экологические ценности и ценности качества жизни. Ценность качества жизни противопоставляется уровню жизни, массовому производству и потреблению. Для человека, его здоровья и счастья не так важен уровень жизни, как ее качество. Оно определяется не столько ее комфортом, сколько добрыми и гуманными отношениями в обществе, социальным равенством и близостью к природе. Быть в гармонии с самим собой, с окружающими и природой – для многих людей становится приоритетным ориентиром и мотивом поведения.

И третья функция философии – методологическая. Философия может выступать как в виде научных, так и ненаучных знаний. И в своем отношении к науке она далеко не всегда ее союзник. Такие современные философские школы, как неотомизм и экзистенциализм занимают особую позицию по отношению к науке. Неотомисты, не отвергая значение естествознания, подводят под него такую методологическую базу, согласно которой господствующее положение в системе знаний должна занимать религия. В свою очередь, экзистенциализм считает науку силой, опасной для человечества. Всеми средствами его представители развенчивают науку, выявляя негативные стороны научного прогресса.

Тем не менее, и неотомизм, и экзистенциализм выполняют методологическую функцию, разрабатывая свое понимание методов познания, достижения истины.

Конечно, наука не может ждать, когда философия снизойдет до мировоззренческого и аксиологического обоснования научных изысканий, но, тем не менее, без общекультурного оправдания положение ученых в обществе становится весьма шатким. Даже схоластические положения Фомы Аквинского о том, что у природы имеются собственные законы, изучать которые полезно и не опасно для Священного Писания, добавляло уверенности естествоиспытателям в мрачные годы инквизиции.

С развитием науки философия специализируется на логико-гносеологических проблемах, на изучении языка и логики научного исследования, на методах познания и особенностях научного знания. Философия разрабатывает методологию естественнонаучного и социального познания. Тем самым она во всем объеме обнаруживает свою методологическую функцию.

Философия и сама способна формулировать научные проблемы и вносить определенный вклад в решение этих проблем. Она много сделала для атомистического учения, которое на протяжении веков оказалось путеводной нитью для химиков и физиков.

Работами философов был подготовлен закон сохранения и превращения энергии. Декарт выдвинул положение о постоянстве количества движения в природе. Немецкий идеалист Шеллинг обратил внимание на взаимопревращение энергии из одной формы в другую и на ее фундаментальное единство. Эта предварительная работа способствовала успеху Майера и Джоуля в обосновании неуничтожимости энергии и эквивалентности ее взаимопревращений.

В XX в. сформировалась философия науки. С нее началась разработка вопросов о соотношении теории и факта, теоретического и экспериментального познания, гипотетико-дедуктивном методе исследования, возможностях индукции и дедукции и т.д.

Конечно, философия не может не выполнять интегративной функции в современном мире. Знания, доставляемые отдельными дисциплинами столь разнообразны, что они нуждаются в сведении в единую целостную научную картину мира. В противном случае исследователь просто потеряется при определении своего места в научном сообществе.

Но разработка теоретических основ научного познания не сводится к механическому объединению данных различных дисциплин. Сам синтез научных открытий возможен лишь на более высоком теоретическом фундаменте, чем сами открытия.

Крупнейшие ученые разных эпох – от проводивших фундаментальные исследования от Ломоносова до Эйнштейна, настойчиво и плодотворно работали над методологическими и мировоззренческими проблемами, не имея в наличной философии соответствующего обоснования для своих естественнонаучных исследований. Таким образом, философия образует методологическую основу для каждой научной дисциплины, достигшей высот самосознания. И неразвита та наука, которая не поднялась до самосознания и не имеет методологической основы.

И последнее замечание для характеристики роли философии. Философская мысль развивается не в безвоздушном пространстве, а в атмосфере социальных отношений. И поэтому она не может не откликаться на социальные и политические проблемы. Крупнейший французский философ XX века Сартр даже полагал, что сила философии – в ее социальной основе. Каждый социальный слой стремится создать свою философию.

«Если концепция, созданная одним человеком или группой людей, становится культурой, а порой и сущностью целого класса, то очевидно, что эпохи философского творчества редки. Между XVII и XX вв., – продолжает Сартр, – я вижу три такие эпохи; обозначу их именами знаменитых мыслителей: есть "момент" Декарта и Локка, "момент" Канта и Гегеля и, наконец, Маркса».

Но для философии крайне опасно жесткое слияние с политикой, увлечение идеологической ролью. Ее позиции, прежде всего, – общечеловеческие.

Для выполнения общечеловеческой функции философия нуждается в поддержке со стороны общества. И для нашего времени актуально звучат слова Юма: «Государство должно терпимо относиться ко всякому философскому принципу» и нельзя ставить преграды рассуждениям философов, «не рискуя навлечь опасные последствия для наук и даже для государства».

Итак, философия – это исторически развивающаяся система фундаментальных идей, теоретически объясняющих и оценивающих отношение человека к миру, а также ориентирующих его жизнедеятельность в присутствующей данной цивилизации системе духовных ценностей.

Для адекватного понимания и определения философии необходимо подчеркнуть такие ее четыре аспекта, четыре ипостаси:

Философия – это особая система мировоззренческих ЗНАНИЙ, которая конструируется как наиболее общая (абстрактная) модель мира, человека и общества. Это знание строится на универсальной понятийной основе и отображает окружающий мир на уровне всеобщего в виде **философской картины действительности**.

Философия – это особый тип теоретико-рефлексивного МЫШЛЕНИЯ, осуществляемый на уровне предельных абстракций с помощью философских категорий и обращенный как на понимание окружающего мира, так и осмысление собственных оснований мышления.

Философия имеет свой категориальный ЯЗЫК, знание, понимание и умение пользоваться которым выступает одним из важнейших критериев философского профессионализма.

Философия – это особый тип ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, утверждающий ценности общечеловеческого гуманизма и мудрого отношения к окружающему миру и к себе, подчеркивающий универсальные возможности человеческого свободного развития. Философия проявляет себя в образе жизни и поведении людей, следующих принципам и ценностям выдвигаемых ими учений.

Авторская библиография

Старостин А.М. Философия, ее роль в жизни человека и общества. Уч. пос. – Ростов н/Д.: Изд-во РАИ, 1999.

Старостин А.М. (отв. ред. и автор) и кол. авторов. Философия науки. Уч. пос. – Ростов н/Д.: Академия-пресс, 2009; 2016.

Старостин А.М. (отв. ред. и автор) и кол. авторов. Философия и методология гуманитарных наук. Уч. пос. – М.: «Перо», 2012.

Старостин А.М. (отв. ред. и автор) и кол. авторов. Философия. Уч. пос. – Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012.

1.2. Философия: исследовательская проекция

Анализируя развитие философии в исследовательском аспекте, мы обращаем прежде всего внимание на обогащение ее содержания, состава ее знаний новыми положениями, которые далеко не всегда удается вписать в сложившуюся картину миропонимания. Исследовательские признаки проявляются тем ярче, чем более парадоксальными выступают новые положения, которые могут даже противоречить устоявшимся взглядам.

В этом плане можно обозначить по меньшей мере три траектории инновационного развития философии: 1) философская инноватика; 2) философская диатропика и 3) философская альтернативистика. Вкратце об этом:

1. Расширение поля философских приложений и разработок, которые, в основном, включают в состав философской проблематики и новых знаний, источники которых находятся за пределами сложившейся системы фундаментальной философии. Это известный постулат К. Поппера, на который мы уже ссылались. Тем самым **философская инноватика** – наиболее динамичная часть системы исследовательской философии, она быстро наращивает новые области философского опыта, обобщение которых позволяет выйти на новые рубежи фундаментальных философских знаний и представлений.

Анализу системы и динамики развития философской инноватики будет посвящен второй раздел данной монографии.

2. Появление новых фундаментальных философских систем, позволяющих раскрыть традиционные философские проблемы с принципиально иных позиций, что в особенности стало заметно в неклассический период, когда появились системы, опирающиеся не только на исследования мышления, его границ и возможностей, но и обозначившие такие направления, как философия жизни, феноменология, философский прагматизм, герменевтика, религиозная философия, философия языка, философия подсознательных процессов и марксизм.

Все это укладывается в нелинейно развивающееся многообразие философских систем, которые эволюционируют по принципу гомологических рядов, образуя **диатропический мир философии**³⁰.

Отражению этого мира в диатропическом и инновационном ракурсе посвящен огромный массив литературы, освещающий панораму развития современной философии.

Мы не будем останавливаться специально на этой теме. Подчеркнем лишь то, что здесь есть известные пересечения с философской инноватикой в той ее части, которая затрагивает взаимодействие фундаментального

³⁰ Диатропика – учение о разнообразии и его закономерностях.

См.: Чайковский Ю.В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1

и прикладного знания в принципиально разных философских системах. Значимой выступает проблема формирования кросс-философских образов, мировоззренческих картин, инструментальных подходов к миру и человеку.

3. **Философская альтернативистика** может быть понята по аналогии с математическими, физико-теоретическими и космологическими конструктами, исходящими из разной аксиоматики. Например, аналогом семейства неевклидовых геометрий могут выступать негеоцентрические онтологии, разработка которых началась с началом физического и космологического познания микро- и мегаобъектов в XX веке.

Новый бытийный опыт потребовал и исследований в области **альтернативной онтологии**, включающей онтологические миры с иными, нежели макроземной, атрибутивными характеристиками: неевклидовым пространством, неньютоновским временем, нелейбницевской структурой (целое и, наоборот, включающее части), неархимедовским количеством и т.п.³¹

В связи с развитием исследований в области искусственного интеллекта, интеллектуальных проявлений в жизнедеятельности животных, а также разработкой проблемы SETI и SETJ (Внеземные цивилизации, внеземной разум и контакты с ним) на базе такой междисциплинарной области, как когнитология, включающей и философию, формируется новое направление – **альтернативная когнитология**, что также находится в русле философской альтернативистики, как исследовательской философии.

Нужно подчеркнуть, что в последние годы по мере дистанцирования от монопольных притязаний социальной философии марксизма в отечественной версии стали быстро набирать темпы развития **альтернативные социальная философия и философия истории**³².

Не вторгаясь в область альтернативной онтологии, которая последовательно разворачивается в учениях современных метафизиков³³, коснемся нескольких сюжетов из области **альтернативной аксиологии и альтернативной когнитологии**, по которым нами накоплен материал при разработке ряда прикладных философских кейсов.

³¹ См.: *Бранский В.П.* Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973; *Кулаков Ю.И., Владимиров Ю.С., Карнаухов А.В.* Введение в теорию физических структур и бинарную геометрофизику. – М.: Архимед, 1992; *Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 2.* – М.: Бинوم. Лаборатория знаний, 2007; *Югай Г.А.* Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и новая революция в философии. М.: Крафт+, 2007.

³² См.: *Альтернативные пути к цивилизации.* – М.: Логос, 2000; *История и синергетика. Методология исследования.* – М.: Либроком, 2009; *Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007; *Переслегин С.* Скрытая история Второй мировой. Новый взгляд на Войну между Реальностями. – М.: Эксмо, 2012.

³³ *Лапкин А.И.* Основания физики. Взгляд из теоретической физики. – М.: URSS, 2014; *Бранский В.П.* Философия физики XX в. СПб., 2003; *Гайденоко П.П.* Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – М.: «Республика», 1997.

1.2.1. Альтернативная аксиология

Сразу заметим, что мы анализируем разнообразие аксиологических систем, сформировавшихся на основе становления и активных притязаний на влияние в условиях глобализации. Это не прежние мировоззренческие и идеологические системы, отражающие положение макросубъекта в политической, экономической, духовно-культурной системе, а более глубинные, на природу и воздействие которых ранее не обращалось пристальное внимание. Они были как бы скрыты, «утоплены» в глубинные процессы социального бытия, лишь в переходные эпохи выплескиваясь то как расизм и фашизм, то как феминизм, то как «новая», надгосударственная цивилизационная идентичность. В последние годы это вошло в круг исследований «новой субъектности»³⁴, генерирующей специфические субкультуры и новую когнитивную размерность.

Прежде всего остановимся на проблеме локально-цивилизационной идентичности, которая не сводится ни к национальной, ни к социальной, ни к религиозной. Это стало особенно заметно в условиях быстрой эволюции России в XX веке, когда радикально менялись государственные режимы и политическая система, «загадочная русская душа» оставалась малоизменной. Итак,

Альтернативы в развитии внутреннего мира в контексте концепции культурного кода цивилизации

Проблема внутреннего мира необычайно многогранна. И прежде всего привлекают такие вопросы, как: «перетекание» внутреннего – во внешнее и наоборот; механизмы формирования и закрепления структур внутреннего мира. Так, сопоставление восточных и западных культур показывает значительную их асимметрию с точки зрения соотношения механизмов опредмечивания и распредмечивания, выбора приоритетных направлений в формировании структур внутреннего мира³⁵.

Значимой нам видится в контексте этой проблематики подход к ней с точки зрения культурного кода цивилизации в его социумных и персоналистских проявлениях.

Остановимся на более подробном освещении проблематики и концепций культурного кодирования.

Основной смысл ее заключается в поиске некоего «культурного гено-типа», существование которого задает не только разные вариации локальных цивилизаций, но и закладывает возможные системно-цивилизационные барьеры, которые не удастся преодолеть, не производя мутаций «культурного кода».

³⁴ Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011; Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

³⁵ См., например, *Нейсбит Р.* География мысли. – М.: Астрель, 2012.

В развитии данной концепции обозначились свои методологические альтернативы. Прежде всего, первая альтернатива связана с дилеммой субстанциональной и реляционной трактовки «культурного кода».

Примерами реляционных подходов выступают ценностные трактовки классического периода цивилизациологии, связывающая код развития цивилизации с наиболее влиятельными религиозно-мировоззренческими комплексами и доминирующими конфессиональными институтами (Н. Данилевский, П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон). «Культурный код» здесь работает как системообразующее начало, нелокализованное, а «разлитое» в социальной системе. Условно говоря, это основные механизмы социальной самоорганизации и социального управления по ценностям.

Между тем, в последние десятилетия появились и субстанциональные версии «культурного кода». Наибольшую известность получили «концепция мемов», «меметика», выдвинутая еще в 1976 г. британским биологом-эволюционистом Р. Докинсом³⁶ и продолженная в учении М. Чиксентмихайи³⁷ и других: «Пожалуй, лучшее определение мема – “любой устойчивый материальный или информационный паттерн, возникший в результате намеренного действия человека”. Таким образом, и кирпич, и Реквием Моцарта – мемы. Мемы возникают, “когда нервная система человека реагирует на опыт и кодирует свою реакцию в форме, которая может быть передана другим”»³⁸.

Следует указать и на субстанциональный (субстратный) подход к социальному кодированию на материале локальных субкультур³⁹.

В современной гуманитарной когнитологии и когнитивной культурологии получила развитие идея связи антропо-психических структур и культурной деятельности, уровней антропологической и ментальной готовности к соответствующим подвижкам в культурном развитии. Достаточно в этом плане сослаться на известные работы Е.Я. Режабека «Мифомышление. Когнитивный анализ» (М.: URSS, 2002) и «Когнитивная культурология» (СПб., 2010). В них, к примеру, утверждается тезис о том, что способность к культурно-деятельностному прогрессу связана с сопряженными подвижками от ведущих функций правополушарных структур мозга – к левополушарной асимметрии⁴⁰. Нужно подчеркнуть, что прототипы подобных подходов появились еще в 60–70-х гг. XX в. (А, возможно, следует и углубиться и в более ранний период, связанный с деятельностью Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, М. Коула, Дж. Брунера и др.). Речь идет об идее «эпистем» М. Фуко, как скрытых структурах сознания, определяющих познавательные возможности.

³⁶ R. Dawkins. The Selfish Gene. – Oxford Univers. Press, 1976.

³⁷ Чиксентмихайи М. Эволюция личности. Пер. с англ. М., 2013.

³⁸ Там же. С. 154.

³⁹ См.: Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.: ОГИ, 2004.

⁴⁰ Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. – СПб.: «Алетейя», 2010.

Нельзя не указать на исследование А.А. Вотякова на стыке биогенетических и социокультурных репрезентаций, который анализирует «переход от биологической цивилизации обратно к нормальной эволюции»⁴¹.

Резюмируя сказанное о различных альтернативных концепциях, упомянутых выше, подчеркнем, что в них, с точки зрения современной прикладной философии просматриваются также взаимно связанные, но поляризованные одновременно стороны, исследуемые рядом научных дисциплин, как **духовный продукт**, результат, воплощенный в определенные культурные образцы, и **инструмент, инструментарий**, с помощью которого эти образцы создаются. Если образцы – это фольклор, музыка, модели поведения и жизненные уклады, ценностные ориентиры, социальные нормы, передаваемые через механизм традиций, национально-культурной социализации, межпоколенческих эстафет, то в качестве основного инструментария следует рассматривать **национальный ум и национальный характер; национально-ориентированные смысложизненные стратегии и поддерживающую их веру; национальный язык**. Кстати говоря, отчасти именно эти атрибуты в конечном итоге выводят на национальную идентичность и национальный менталитет⁴².

Необходимо также подчеркнуть, что указанный духовный инструментарий, что особенно заметно в динамике его развития, обеспечивает выживание в той или иной природно-географической среде, в конкуренции с другими макрообщностями (этносомами); способствует в результате национальной и цивилизационной самореализации, социокультурному прогрессу. Обычно в ходе анализа подчеркивают, а то и (явно или неявно) отбирают для репрезентации те моменты, которые можно отнести именно к сильной, прогрессивной стороне этого инструментария. Однако и история развития духовного инструментария, и опыт конкурентного взаимодействия с другими макросубъектами свидетельствуют о наличии и другой, не афишируемой стороне духовного инструментария. Можно назвать ее, по К. Юнгу – «тенью», теновой, скрытой, не афишируемой стороной. А можно, следуя классическим религиозно-нравственным традициям, а также хорошо показанным И.А. Ефремовым («Час Быка», «Лезвие бритвы»), назвать инфернальной стороной, у которой имеются свои детерминанты. Ею стараются научиться управлять, вытеснить на периферию психики или в подсознательные области. Но она-то часто и обнаруживается в остро-конкурентных взаимодействиях с другими социальными макрообъектами (этносомами). На это указывают соответствующие наблюдения и исследования. В таком контексте может сложиться целостное представление о **духовном инструментарии как социокультурном коде** нашей цивилизации.

⁴¹ См.: Вотяков А.А. Теоретическая история. – М.: «София», 1999.

⁴² См.: Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М.: «Весь мир», 2017. С. 156-170.

Но важным в проблеме цивилизационного кода является не только как он, как его выявлять и описывать, но и проектная составляющая: как, с помощью каких социокультурных, природно-географических, психогенетических и иных механизмов он действует? Как его «запускать» и корректировать? Как он «мутирует», в особенности в системе диффузии инноваций? На наш взгляд, таковыми выступают традиционные и инновационные (возникшие в рамках цивилизационной культуры) институты, технологии, процессы, которые подлежат *инвентаризации* на предмет того: способствуют ли они или препятствуют духовному развитию, аутентичны или нет духовной самореализации в отечественных условиях.

Речь следует вести прежде всего об институтах семьи, образования, культуры, основных форм творческой и духовной деятельности и технологиях и способах первичной, вторичной профессиональной и культурной социализации в российских условиях. А также о режимах (регистрах) тех базовых макросоциальных процессов, которые задаются и поддерживаются государством и фиксируются национально-ориентированными индикаторами социального и духовного самочувствия.

В диатропике «новой субъектности» одно из главенствующих мест принадлежит давней проблеме неравенства. Если не ограничиваться только социальной сферой, а поставить вопрос в общеантропологическом ключе, то мы можем проследовать, отталкиваясь от этой платформы, к новому аспекту в рассмотрении источников альтернативных ценностных систем. И из классически поставленной проблемы социальной справедливости проследовать в рамки новой «повестки дня», связанной с разноликостью субъектностью как носителем разноликости новой аксиологии.

Элитаризм и эгалитаризм как источники альтернативной аксиологии и современного контекста философии социальной справедливости

Отталкиваясь от классической аристотелевской классификации справедливости, делящей ее на дистрибутивную и ретрибутивную формы, следует обратить внимание на новые аспекты социальной справедливости, заявившие о себе в последние десятилетия: социально-субстанциональный и социально-реляционный. В этом плане стоит проанализировать две «Повестки дня» в борьбе за социальную справедливость, реализованные в социальной практике XX века: эгалитарная и элитарная. Предварительно говоря, мы положительно отвечаем на вопрос о возможности конвергенции этих «Повесток дня», полагая, что каждый из названных контекстов носит адресный характер в ценностно-мотивационном измерении. Адресность наполняется соответствующими принципами и нормами разных социальных уровней и разных способов реализации социальных интересов. Переход от материальных и утилитарных

ценностей и мотивов к постматериальным создает переходные конвергентные формы разных подходов и типов социальной справедливости.

Во второй половине XX века происходит смещение акцентов в повестке дня борьбы за социальную справедливость. И она включила глобальные движения за установление справедливых отношений в междрасовых и межнациональных отношениях. Победа над нацизмом, крушение мировой колониальной системы, учреждение ООН, образование десятков новых независимых государств были закреплены во многих актах международного права, утвердив принципы справедливости в этих сферах отношений.

Наконец, следует подчеркнуть дальнейшую переакцентировку повестки дня, связанной со справедливостью в аспекте распространения принципов и ценностей демократии, касающихся прав, различных меньшинств: этнических, сексуальных, профессиональных («креативный класс»), инвалидов, опасно больных и т.п. Они выступают ныне как один из основных законодателей в формировании повестки дня по борьбе с несправедливостями. И речь уже идет не только и не столько о сфере труда и экономических интересов, но и сфере постматериальных интересов и ценностей, глубинных основ человеческого существования.

Попутно заметим, что в дискурс о справедливости активно включились сторонники не эгалитарного, а элитарного структурирования социальных отношений. Как было точно подмечено, но уже в 80-е гг. XX в. волна «восстаний масс», несущая в жизнь эгалитарную модель справедливости, стала замещаться волной «восстаний элит и меньшинств»⁴³, ориентированных на несколько другие подходы. И прежде всего, не разделяющие ценности социального государства и приоритетность общественных интересов. В Повестку дня как основной приоритет внесена свобода и прежде всего свобода самореализации как основная или высшая ценность человеческого существования. Или, как образно выразился английский историк первой половины XX века Р.Х. Тони: «Равенство возможностей означает равные для всех возможности стать неравными». В итоге к началу XXI века уже со стороны активных носителей элитарных ценностей и взглядов начинается активное замещение общезначимой, эгалитарной версии справедливости, ориентированной на массовые интересы и потребности, другой версией, ориентированной на индивидуалистические и приватные интересы. Очень точно об этом сказал, формулируя новую платформу, Норберт Болъц: «Нам постоянно угрожает опасность быть покоренными **заботой**: сначала **забота**, потом **зависимость**, а потом и **угнетение**»⁴⁴. То есть автор ведет речь о том, что ориентация на эгалитарные ценности и эгалитарную справедливость в конце концов начинает сдерживать прогресс, превращая общество в гигантский

⁴³ См.: Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

⁴⁴ Болъц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. – М.: Изд. ВШЭ, 2014.

«собес» и «сажая на голову» активному и креативному меньшинству массу середняков и неудачников.

Точности ради заметим, что ряд выдающихся современных ученых и мыслителей достаточно точно диагностируют и то, что креативное и активное меньшинство, если его не контролировать и не ограничивать, само стремится «сесть на голову» обществу, навязывая далеко не общезначимые, хотя и вполне симпатично звучащие, принципы и ценности. Так, Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц очень емко на сей счет выразился следующим образом: «Мой опыт в правительстве предполагает, что те, кто имеет власть, хотят верить, что они делают правильные вещи – что они преследуют общественный интерес. Но их убеждения, по крайней мере, легко подвержены влиянию со стороны «частного интереса». Даже в том, что они хотят верить в свое общественное призвание, фактически проявляется их **собственный интерес** в это верить»⁴⁵.

Как видим, обозревая эволюцию Повестки дня о справедливости, за последнее столетие она не только маятникообразно смещалась, но и структурное наполнение справедливости существенно менялось. Основные аспекты располагались не только между полюсами свободы и равенства, но и в аспекте материальных и духовных ценностей. Добавились и новые дилеммы. Следует подчеркнуть, что касательно выделенных еще Аристотелем двух форм справедливости, дистрибутивной (распределительной) и ретрибутивной (уравнивающей), мы видим, что это элементарные ее формы. Историческая практика и теоретическая мысль не только углубили понимание этих форм, но и перевели их исследование из субстанциональной в реляционную плоскость.

Это означает, что, во-первых, понимание и толкование справедливости тесно связано, зависит от характера и уровня социально-политической культуры. В условиях сословного общества никому и в голову не придет формировать общую повестку в обсуждении проблем справедливости, выхода за рамки всех сословных границ. Вряд ли могут быть найдены общезначимые решения и в условиях раннебуржуазного общества. Теория и практика ранних социал-демократических партий и движений показывает наличие значимых разрывов между теориями, проектами социально справедливых общественных организмов и реальной, в особенности массово-низовой практикой их реализации.

Примитивный массовый эгалитаризм делает цену социальной справедливости очень высокой: барьером выступает духовная неразвитость (или недоразвитость) и тотальная ориентация на материальные интересы и ценности. Лишь с появлением «среднего класса» как основного и наиболее массового слоя можно говорить о создании необходимых условий для перехода к ценностям и принципам социальной справедливости в общенациональном масштабе, цивилизованным и высокоцивилизованным подходам к справедливости.

⁴⁵ Стиглиц Дж. Цена неравенства. – М.: Изд. Эксмо, 2015. С. 260.

Второй аспект в современном понимании справедливости, включая и социальную справедливость, состоит в реляционной ее интерпретации в качестве меры, эквивалента в обмене деятельностями. Это касается не только труда и экономической деятельности («каждому – по труду, в зависимости от его количества и качества»), но и других деятельностных обменов. Например, речь идет об обмене, взаимодействии человеческих потенциалов, капиталов (эквивалентность в потоках: «общество – мне», я – обществу»).

Новые модели и сюжеты

Анализируя современные тенденции в развитии справедливости и подчеркивая ее существенное продвижение от элементарных форм, выявленных еще Аристотелем, необходимо отметить новые модели справедливых отношений, новые сюжеты в ее развитии.

А) Прежде всего нужно подчеркнуть разносубъектность контекстуального пространства в современных поисках справедливости, справедливых отношений. Можно указать на следующие ключевые параметры современной субъектности:

– **эволюционно-генетическое измерение** субъектности касается формирования вида человека разумного и вытекающие отсюда его статусные характеристики на эволюционной шкале, ведущие к справедливому отношению к живому, цивилизованному отношению к себе подобным и «братьям меньшим», экологической этике; следованию ценностям и логике, а также содействию развитию экологически справедливого мира с позиций разума;

– **антропологическое измерение** субъектности касается выстраивания отношений толерантности и милосердия применительно к гендерным группам, возрастным когортам и поколениям, этносам и расам, группам людей с ограниченными возможностями и больным;

– **социальное измерение** субъектности включает социально-экономические и профессиональные слои и группы, семейные союзы, применительно к которым выстраиваются отношения эквивалентного, партнерского и патронажного обмена деятельностью, содействующее утверждению социально-корректных отношений;

– **когнитивное измерение** субъектности включает разнообразие форм и уровней интеллектов и интеллектуальных проявлений применительно к которым формируются отношения понимания, помощи, сотрудничества.

В) Следует указать на дополнение традиционных видов поляризации, которые регулируются нормами и ценностями справедливости, таких как: «богатые – бедные», – другими дилеммами, применительно к которым возможно рассматривать справедливые и несправедливые проявления, это: «альтруизм и прагматизм»; «гуманизм и утилитаризм»; «солидаризм (партнерство) – конкурентность»; «элитизм – эгалитаризм».

С) Необходимо рассматривать в контексте справедливости новые проявления социальной структуризации, не ориентированные на устойчивость

и связанные с динамичными перемещениями, кратковременными союзами социальных групп по принципу решения локальных или краткосрочных задач. Это то, что называют «скользящая социальная реальность». В таком контексте, который может сформироваться, например, в экстремальных условиях, регуляторы, ориентированные на сохранение жизни, здоровья, идентичности, также тесно связаны с поддержанием справедливости.

Анализируя новое контекстуальное многообразие, в рамках которого проявляются принципы справедливости, следует подчеркнуть, что эти принципы начинают применяться все более конкретно, адресно, неся в себе потенциал адресных гарантий и объекту, и субъекту, включенных в справедливые отношения. Следует также подчеркнуть наблюдаемую тенденцию сближения аксиологической и социально-онтологической проекций справедливости, имея в виду, что традиционные и новые ценности справедливости поддерживаются социально-конструктивными и социально-технологическими действиями, содействующими устойчивости справедливых отношений в обществе и их развитию.

О возможностях конвергенции

Исходя из сказанного об эволюции или, точнее, о волнообразном развитии справедливости и современных новациях в этом плане, обратимся в заключение к сюжету о возможности конвергенции элитарного и эгалитарного контекста социальной справедливости. Казалось бы это лед и пламень, плюс и минус. Однако стоит сопоставить списки элитарного и эгалитарного понимания справедливости. Назовем первый (элитарный) список правилом «правой руки», а второй – правилом «левой руки».

Итак, что такое справедливость для элиты? Это:

- правовые гарантии и защита безопасности личности, имущества, финансов;
- равенство возможностей в развитии личности;
- создание условий, наличие прав и свобод для самореализации личности, поддержка ее независимости и свободомыслие;
- общественная и государственная поддержка и признание личных успехов, достижений и заслуг;
- создание условий (в рамках права) для свободы состязательности и конкуренции в бизнесе, политике, культуре; что не запрещено, – то разрешено.

Очевидно, что правило «правой руки» сориентировано прежде всего на правовое государство, правовой порядок и ценности личностной самореализации.

Правило «левой руки» – так сказать справедливость для обычных людей, не выделенных в какой-то особый слой. Это:

- общественные и гражданские обязанности и повинности в равной степени – всем дееспособным;

- равные права всем гражданам;
- равная оплата за равный труд и гарантии ее получения;
- равная ответственность за равные проступки и деяния;
- равное поощрение за равные достижения;
- государственная, общественная и личная поддержка и защита слабых, неприспособленных, не имеющих достаточных средств и условий для нормального существования.

Здесь явно выражена ориентация на социальное государство, защищающее слабых и поддерживающее устремления сильных в рамках установленного порядка.

Сопоставляя два приведенных списка и опираясь на социальную практику, в рамках которой имеет преимущество тот или другой, с точки зрения их ценностно-мотивационной направленности, мы можем увидеть, что каждый из них обеспечивает поддержку и реализацию мотивов разного уровня. Эгалитарная версия ориентирована на удовлетворение мотивов и ценностей по преимуществу витальных и материальных – так сказать мотивов и интересов низшего уровня в жизненном круговороте, свободы потребления товаров и услуг. А элитарная нацелена на поддержку по большому счету постматериальных, духовных интересов и ценностей, свободы самореализации.

Безусловно, здесь наблюдаются конвергентные процессы – прежде всего в переходном пространстве. При переходе от одной ступени к другой происходит и определенная перенормировка ценностей, и смена приоритетов. Это отчетливо просматривается при социологических замерах, например, ценностно-мотивационных характеристик «высшего класса» и «верхнего среднего класса»⁴⁶.

Подытоживая сказанное о возможности конвергенции идеи и практики социальной справедливости в элитарной и эгалитарной версии, можно сказать, что определенные заделы в этом удалось осуществить в северо-европейской модели социализма, где достигнуты наиболее значительные результаты как в параметрах развития социального государства, так и в развитии человеческого капитала.

Ситуация в России

Что касается ситуации в современной России, то подходы к справедливости здесь расщелились не только в силу разного статуса и мотивации основных социальных слоев, но и из-за возможностей установить разные «правила игры» этих слоев явочным порядком. Это произошло отчасти стихийно (теневые процессы), а отчасти из-за публичной позиции «высшей элиты» («своих не сдаем»).

⁴⁶ См. подробнее: *Старостин А.М.* Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. С. 281–298 (раздел «Современные политические элиты: идеология, ценности, идентичность»).

Если для современного западного мира, точнее для той части этого мира, который ориентируется на радикально-либеральные и эгоцентристские ценности, озабоченность составляют устои социального государства, то для современной России озабоченность составляет непризнание «снизу» и «сверху» общих «правил игры», неустановленность на деле базовых принципов правового государства. В результате каждый из основных слоев: живущий по эгалитарным и элитарным правилам, – недо выполняет свою миссию. Базовый слой недогружен и его устремления компенсируются социальной рентой. Элитный слой живет за счет административной и природной ренты и не обременен производством социальных инноваций и лишь имитирует их: «Постсоветские элиты эффективны в производстве частных, а не общезначимых смыслов и стратегий»⁴⁷.

Резюмируя сказанное о современных российских постсоветских реалиях, подчеркнем, что они, к сожалению, не вписываются ни в одну из базовых версий социальной справедливости.

Идея и практика социального государства, в которых всесторонне воплощена эгалитарная версия социальной справедливости, нами утеряна. Она остается только на уровне социальной ренты.

Идея и практика человеческого капитала, воплощающая элитарную версию социальной справедливости, нам пока не вполне по плечу, поскольку российский «капитализм» и российские «элиты» не несут инноваций, не инновационны и, по сути, на 90% фиктивны.

И вполне справедливо заключение авторитетного российского социолога О.И. Шкаратана: «На протяжении всей постсоветской российской истории уровень человеческого капитала падает, и механизмы его воспроизводства явно нарушены. Ключевые компоненты человеческого капитала упали на треть. Кроме того, возникла проблема распределения человеческого капитала по поколениям и типам поселений»⁴⁸.

Иначе говоря, в России правила «правой руки» и «левой руки» полностью не работают. Чтобы они начали работать нужны «большие проекты», «проекты общего дела».

Проблема рецепции фашизма как подсистемы альтернативной аксиологии

В проблематике альтернативной аксиологии особое внимание привлекает проблема воспроизводства агрессивной субъектности. Наиболее наглядно она просматривается на примере рецепции фашизма.

В современной литературе, научной и публицистической, удалось существенно расширить поле исследований этого феномена XX века. Однако,

⁴⁷ Человеческий капитал российских политических элит. М., 2012. С. 298.

⁴⁸ Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. – М.: ВШЭ, 2012. С. 394.

несмотря на море публикаций, создается ощущение, что мы движемся не вглубь, авширь, по- существу растворяем этот феномен во в чем-то похожих, родственных, а то и антагонистичных ему. И, с другой стороны, начинаем сталкиваться с проявлением новых широкомасштабных форм социальной и политической агрессии и устремлений к доминированию, которые можно лишь условно называть фашизмом. Но от того не менее опасных. Тем не менее и на подражание им опять-таки хватает желающих. Есть рецепция фашизма, который побежден, но дело его еще продолжает жить. Но появился уже постфашизм, который не побежден, но может победить подобно тому, как представил это почти полвека назад И. Ефремов в «Часе быка» тотальное планетарное доминирование *инфернальных начал* человеческой природы на планете Торманс.

Несколько суждений о современных научных подходах. Отмечая, что и в ростовском научном сообществе представлены значительные исследования фашизма и неофашизма, например, в докторских диссертациях по политологии С.В. Котова (2011 г.) и истории – Е.А. Паламарчука (2010 г.), тем не менее обращу внимание на два более громких имени: современного американского исследователя Джона Голдберга с его работой «Либеральный фашизм» (М., 2012) и известного отечественного исследователя Валерия Шамбарова с его книгой «Фашистская Европа» (М., 2014).

Дж. Голдберг в обширном Введении под названием «Все, что Вы знаете о фашизме, неверно» анализирует различные подходы к предмету, показывая ускользающую сущность феномена во множестве его черт и отдельных весьма несходных разновидностях. Он отмечает: «Существующие разновидности фашизма отличаются друг от друга потому, что произрастают на разной почве. Объединяют их эмоциональные или инстинктивные импульсы их последователей, проявляющиеся в поисках общности, желании «выйти за пределы» политики, вере в совершенство человека и авторитет специалистов, а также одержимые эстетикой молодости, культе действия и необходимости построения сильного государства, координирующего развитие общества на национальном и глобальном уровне. Это тоталитарное искушение, согласно которому можно реализовать утопическую мечту «о создании лучшего мира», если приложить некоторые усилия»⁴⁹.

Так, нацизм – продукт немецкой культуры, возникший в немецком контексте. Автор полагает также, что в этом плане фашизм и коммунизм – исторические конкуренты, стремящиеся доминировать и контролировать одно и то же социальное пространство. И борются они за одни и те же ценности. В общем же все эти феномены, выступающие как *воинствующий прогрессизм*,

⁴⁹ Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М., 2012. С. 22. См. также о криптофашизме: Мартин Л. Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов. – М.: Кучково поле, 2017.

восходят истоками своими к «первому фашистскому движению – Великой Французской революции». В итоге автор дает такое рабочее определение: «Фашизм – это религия государства. Он предполагает органическое единство политического пространства и нуждается в национальном лидере, подерживающем волю народа. *Тоталитарность* фашизма состоит в политизации всего и убежденности в том, что любые действия государства оправданы для достижения общего блага. Он берет на себя ответственность за все аспекты жизни, включая здоровье и благосостояние всех членов общества, и стремится навязать им единство мышления и действия либо силой, либо посредством регулирования и социального давления... Я исхожу из того, что современный американский либерализм воплощает в себе все эти аспекты фашизма»⁵⁰. Таким образом Дж. Голдберг «открывает» то, что классический фашизм – это не правое, а *левое течение*, и оно может быть отнесено к «*прогрессизму*» и поэтому современный либерализм по указанным параметрам близок к фашистским идеям.

Как видим, в попытке выявить сущность фашизма автор уходит от многих сущностных его признаков, а то и переиначивает их, меняя систему оценочных норм, а то и всю систему социальных координат.

Наш соотечественник В. Шамбаров также ищет сущностные основания фашизма. Он обращается к идеологическому треугольнику: «либерализм – коммунизм – фашизм», каждую из вершин которого он относит к ***социальным химерам***, т.е. феноменам, построенным на призрачных, несбыточных, а порой и несочетаемых элементах. Либерализм распространил дурман «свободы», «равенства» и «братства», выпестованный в лабораториях масонства. Он внушал, что ради великих идеалов все позволено. Реакцией на эту химеру стал коммунизм, ставивший задачу добиться равенства и братства ценой свобод. Ну а фашизм оказался вариантом «третьего пути», где осталось только «братство». Как пишет В. Шамбаров: «На историю фашизма наложило катастрофический отпечаток и отсутствие базовой созидательной идеи... Коммунизм в данном отношении предлагал строить рай на Земле. Для фашизма коммунистические утопии заведомо не подходили. Вместо них он ухватился за старые идеи великих империй. Что означало захватнические войны»⁵¹. Фашизм возвращался для развязывания агрессии.

Многие другие работы, написанные о фашизме за последнюю четверть века, отличаются от приведенных выше еще большей заикленностью на феноменологическом подходе, в рамках которого мы не приближаемся к пониманию фашизма, неофашизма, постфашизма, а склонны объединить альтернативные социальные и политические движения. Видеть то их общие истоки (прогрессизм), которые вряд ли являются таковыми, то их химеричность

⁵⁰ Голдберг Дж. Либеральный фашизм. С. 31.

⁵¹ Шамбаров В. Фашистская Европа. М., 2014. С. 533.

и утопичность. Хотя ни фашизм, ни коммунизм не умерли своей смертью, исчерпав себя. Они продолжают свое существование.

Вместе с тем, в последние годы, прежде всего в сфере международных отношений стали наблюдаться новые явления, когда Россия, казалось бы вступившая в «семью братских капиталистических стран», вновь оказалась врагом этих стран. Причем не по своей воле. На нее повесили «мишень врага», и началась «охота на волков» или «медведей», лучше сказать. Главный враг и победитель фашизма сам представлен в качестве врага «цивилизованного мира». Так в чем же дело? Может быть фашизм так и не побежден, а загнан в подполье? Или мы не до конца додумали идеи о социальной природе фашизма, и он, действительно, предстает ныне в форме «либерального фашизма», но уже не на региональном, а глобальном уровне? Тогда нужно уточнить наше понимание, поскольку оно должно касаться новых форм ответственности (наднациональной) и политики, где государство подчинено надгосударственным институтам и межгосударственным союзам, а ценностно-идеологическое противостояние не сводится только к антикоммунистическому дискурсу, а углубляется в более глубокие ценностные альтернативы, носителями которых выступают не только светские, но и конфессиональные институты и поддерживаются глобальными сетевыми ресурсами.

Сделаем несколько суждений в этом направлении.

Выделим ряд аспектов (но не черт), связанных с фашизмом, которые активно разрабатываются в различных научно-дисциплинарных областях, но которые пока не удастся интегрировать в целостный образ, целостную картину фашизма как социальной аномалии или мутации, ведущей в тупик человеческого существования.

Политико-управленческий аспект. Прежде всего это суждения о том, что фашизм – это не только импровизация ряда лидеров и социальных групп в Европе после Первой мировой войны, породившая новые институты и отношения, построенные на мобилизационных установках и мотивах социального реванша. Но это и подхваченное крупными финансово-промышленными группами (назовем их протоглобалистскими) этих инициатив и развертывание их на крупные идейно-политические и социально-экономические мишени. В итоге, при всяческой теневой, скрытой поддержке формируется агрессивное наемное государство, государство-«полицейский», государство-«киллер» (и даже их союз), которое разрушает сложившийся миропорядок, ослабляет социально-конструктивные движения и силы. Что в итоге способствует переходу к новому этапу развития капитализма («постимпериализм», «глобализм»), сохраняя его сущностную основу и утверждая в мире новую глобальную иерархию.

Можно подходить к разработке данного аспекта с позиций разных политических идей и течений: либеральных, марксистских, консервативных и др. Но от идеи о том, что к глобальному этапу развития человечеству

пришлось подойти через глобальную войну и последующее острое идейно-политическое противостояние («холодная война») и в этом процессе решающую роль сыграли мощные политические инструменты (тоталитарные системы) никуда не уйти. Также как не уйти от того, что политико-управленческий инструментарий, выработанный в первой половине XX века и апробированный на союзе фашистских государств, продолжает совершенствоваться и использоваться. Новому их применению пока препятствуют военно-технологические возможности новых принципов разрушительного воздействия, глобальные последствия которых пока невозможно точно предсказать и парировать. Тем не менее новая политико-управленческая конфигурация глобального уровня, в которой предусматривается опора на масштабные институты и ресурсы, предназначенные для перекройки сегодняшнего миропорядка, во многом уже подготовлена. Будет ли новый инструмент разрушения назван фашистским или постфашистским – важно не это, а то, что он будет разрушительным, агрессивным, антигуманным и способствующим глобальным манипуляциям с человечеством как целостной системой. Наша задача – постараться предугадать эти процессы и быть максимально готовыми им противодействовать.

Культурологический аспект очень важен в осмыслении культурных кодов фашизма. На первый план выходит рассмотрение фашизма и, прежде всего, нацизма как особой субкультуры, в основе которой неоархаизм, движение к «корням», «крови», способствующее обособлению и противопоставлению данной социальной (этнической, расовой и т.п.) группы всем остальным, как «недочеловеческим» или низшим. Такой социокультурный радикализм требует формирования своего искусства и эстетики, культурной символики, опирающейся на магические и мифологические ритуалы, традиции, обряды и их обновления, а то и «новоделы» в этой области. В современной культурологии активно изучаются похожие субкультуры неоархаической природы, наблюдаемые в тоталитарных сектах, тюремно-криминальной среде и ряде других субкультур.

Социально-психологический аспект, возможно, более всего связан с проблемой рецепции фашизма. В 60-е – 70-е гг. XX в. он был существенно обогащен результатами исследований С. Мильграма (1965 г.), где в процессе эксперимента студентам было предложено наносить все более болезненные удары током незнакомым «жертвам» за неверные ответы, которые выступали в роли экзаменуемых. Экспериментатор выступал в роли руководителя, который требовал усиления процедуры к неудачливым ученикам. Процесс начинал развиваться лавинообразно и его с трудом удавалось остановить.

Аналогичную структуру имел известный «Стэнфордский тюремный эксперимент» Ф. Зомбардо (1971 г.)⁵². Как написал сам автор в своей известной

⁵² См.: Пикрен У. Великая психология. М., 2016. С. 424.

книге «Эффект Люцифера»: «Один из основных выводов Стэнфордского тюремного эксперимента заключается в том, что скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и может подавить его сопротивление»⁵³. Эти и другие исследования показали как можно очень быстро трансформировать организованные и социализированные группы в толпообразные и, раздув истерические настроения, направить их на разрушение развитых структур социума. Изучение фашизма показывает, что там использовались лишь начальные знания такого типа, но очень успешно для достижения своих целей. С тех времен прикладная наука дала много чего нового, в частности, в области подготовки так называемых «цветных революций»⁵⁴.

Антропологический аспект разработан несколько меньше, хотя, казалось бы расологическим исследованиям уделялось большое внимание в III Рейхе. Но речь идет не только об этом, а об изучении и феномена человеческой агрессии, и о наличии инфернальных «закладок» в глубинах психики человека, которую мы недостаточно знаем и, порой идеализируем. Важно изучение значимости и деталей эволюционных переходов от палеоантропов к неоантропам.

Интересны в этом плане исследования известного отечественного ученого Б.Ф. Поршнева и развитая его учениками концепция «внутренних рас»⁵⁵. Что может перерасти в дальнейшие палео- и археисторические исследования, выводящие на современные интерпретации природы и причин мифологических табу и преданий вроде «первородного греха», «искушения злом», «Каиновой печати» и т.д.

Думаю, что следует согласиться в этом плане с суждением известного исследователя антропологических оснований агрессии А.П. Назаретяном: «... войны запрограммированы не только объективными обстоятельствами социального бытия, но и глубинными свойствами человека»⁵⁶.

Аксиологический аспект связан с исследованием альтернативных аксиологических комплексов, вроде Сатанизма, их устойчивости и возможностей саморазвития. На это нацелены исследования в области «Философии зла»⁵⁷, миметического насилия (Р. Жерар)⁵⁸, «экзистенциального вакуума» (В. Франкл)⁵⁹. Как подчеркивал В. Франкл: «Из царства смерти спаслись только те, кто мог вести жизнь духовную»⁶⁰.

⁵³ Зомбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2013. С. 12.

⁵⁴ См. подробнее о «черных» и «серых» социально-гуманитарных инновациях: Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д., 2015. С. 289–293; Лири Т., Стюарт М. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах. – М.: «Экслибрис», 2002.

⁵⁵ См.: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 2006.

⁵⁶ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. – М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 45.

⁵⁷ Свендсен Л. Философия зла. М., 2008.

⁵⁸ Жерар Р. Я вижу Сатану, падающего как молния. М., 2015.

⁵⁹ Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. М., 2016.

⁶⁰ Там же. С. 232.

В философско-аксиологическом аспекте фашизм видится как особый механизм включения с помощью современных манипулятивных технологий огромной массы людей, по большей части не оказывающих этому активного сопротивления, в обольщающую их систему абсолютного зла (альтернативную систему ценностей).

Социально-синергетический аспект связан с пониманием природы социального хищничества как стремления к подчинению других социальных организмов путем их дезорганизации в целях увеличения собственных ресурсов и потенциала. Это относится не только к фашизму, но и у него явно просматривается организация действий на создание глобальной социальной иерархии, где нижележащие слои выступают ресурсом, «трофическим звеном», обеспечивающим комфортное состояние вышестоящих⁶¹.

Мы обозначили основные аспекты, дальнейшая разработка которых может способствовать созданию междисциплинарной концепции фашизма. Заключая сказанное, можно предложить определение фашизма, включающее междисциплинарное видение:

Фашизм – конкретно-исторический вид социальной патологии, вырастающий на почве культивирования национальной и расовой исключительности и построенный на идеях и технологиях форсированной социальной мобилизации и использовании научных и научно-технических разработок, прежде всего в военной сфере. В основе этого – радикальный социальный конструктивизм, базирующийся на альтернативной (не гуманистической в широком смысле) аксиологии.

Следует подчеркнуть, что проявления «новой субъектности» вообще тяготеют к социальному и когнитивному конструктивизму⁶². Что касается конструктивистских подходов в аксиологии, то действительно стоит прислушаться к суждениям Дж. Голдберга о тяготении европейской просвещенческой прогрессистской традиции не только к левому, но и правому аксиологическому спектру.

Что касается современных левых широкомасштабных проявлений, то по мнению одного из известных отечественных социальных методологов, эти проявления наиболее заметны в феминизме: «Социальный конструкционизм органично слился с таким мощным социальным движением, как феминизм, который боролся против конкретного варианта конструирования взглядов на образ женщины и образ мужчины в обществе. Феминизм стал основным полем приложения социального конструкционизма, потому что его основной пафос заключается в том, что образцы полов во всех социальных

⁶¹ См. подробнее: Социальная философия и социальная синергетика // Бранский В.П., Манько Ю.В., Оганян К.М., Галушко В.Г. Социальная философия. – СПб.: ИД «Петрополис», 2009.

⁶² См.: Конструктивизм в теории познания. – М.: Изд-во ИФ РАН, 2008 («Конструктивизм подчеркивает конструктивность всякой познавательной деятельности. И в этом смысле он выступает как альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологического реализма». С. 65).

текстах в общественном сознании, идеологии и психологических теориях конструируются предвзято»⁶³.

Проанализируем типичные аксиологические споры между «феминистами» и «маскулинистами» как одно из типовых проявлений в альтернативной аксиологии.

Гендерный аттитюд как база альтернативной субаксиологии

В мартовском номере за 2016 г. известного общественно-политического журнала «Русский репортер» статьей номера стала: «Азбука феминизма для мужчин. Как общественно активные женщины спасают человечество». В ее заставке подчеркивается: «Политическая жизнь после краха больших идеологий в основном защищает отдельные небольшие группы населения. Но феминизм, который в глазах обывателя выглядит всего лишь одной из маргинальных идеологий, – на самом деле явление общезначимое»⁶⁴. Вот такое живое противоречие: сочетание общезначимости и маргинальности. Возможно, что это снисходительная общезначимость в канун Международного праздника. Между тем, под личиной иронии скрывается внушительная идеологическая позиция. Своеобразным ее манифестом выступает книга известного писателя и публициста А.П. Никонова «Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека»⁶⁵, впервые вышедшая 10 лет назад и с тех пор неоднократно переиздаваемая практически без изменений. В более чем полусотне параграфов или новелл автор излагает остро критические суждения по части феминизма как социально-политического движения и гендерологии как научного направления, области исследований в психологии, социологии, политологии, философии, культурологии и других дисциплинах.

Если не останавливаться на массе отдельных критических суждений-замечаний автора, то логика всей книги такова: мужчины и женщины телесно (биологически) и ментально разные, иногда очень. Поэтому о каком гендерном равноправии может идти речь, если и сама природа, и культура так устроили. Нужно смириться, принять все как данность и не играть в феминизм и гендерологию. Вся система аргументации подобрана для обоснования данной позиции. Аргументация гендерологическая отрицается, опровергается многочисленными примерами и высмеивается.

Чтобы не быть голословным процитируем ряд наиболее характерных высказываний:

⁶³ Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 84.

⁶⁴ Русский репортер. 2016. № 6.

⁶⁵ Никонов А.П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. – М.: Изд-во ИЦ ЭНАС, 2005. – 254 с.

«Ученые, военачальники, мореплаватели, изобретатели, великие шахматисты, великие кулинары, наконец, – практически все они были мужчинами. Это реальность. Феминистки могут как угодно заковыристо объяснять реальность, но им нечего противопоставить реальности. Их возражения похожи на лепетание двоечника о том, почему он не выучил урок. У него всегда масса уважительных причин. Но факт остается фактом: он – не сделал. А кто-то – сделал. И пусть этот кто-то – плохой. Пусть он неправильный. Угнетатель. Насильник. Эксплуататор женского организма, который если бы не эксплуатировал, то женщины уж конечно показали бы всем на свете, как надо америки и юпитеры открывать! Уж они бы и не такое открыли! Они бы не хуже смогли! Они бы такое сотворили, если бы им не мешали эти строители Цивилизации! Но они не сотворили»⁶⁶.

Далее этот тезис усиливается и распространяется на ряд смежных явлений, где фигурируют, как пишет автор, бывшие социальные аутсайдеры-маргиналы, негры, женщины...: «На самом деле негры показывают худший интеллект, чем белые... На самом деле женщины хуже, чем мужчины, разбираются в точных науках, на которых стоит цивилизация. Только благородство последних – богатых белых мужчин, позволило вчерашним аутсайдерам поднять голову. Но если злобному, неблагородному зверю дать палец, он оттяпает всю руку, ибо любую уступку воспринимает как слабость – таково свойство неразвитого сознания»⁶⁷. Но кто же это «мутит воду» и организует эти, основанные на ложных идеалах действия? Да – некие аномальные субъекты – женщины, рядящиеся под мужчин: «Обязательно в популяции найдется некий процент женщин с мужскими поведенческими реакциями. Именно они и составляют те самые 6–10 % женщин-ученых, министров, поэтов, которых мы знаем. Это не более чем отклонение, уродство. Такое же, как врожденный гомосексуализм. Чаще всего уродки и пополняют ряды феминисток. Они не замечают своего уродства, судят обо всех женщинах по себе и потому расценивают малочисленность «женского класса» в аппаратах власти как угнетение»⁶⁸.

А что же гендерные исследования, которые показывают, что и в мужской, и в женской половинах пассионарная часть относительно невелика и составляет даже меньше, чем 6–10%, упоминаемых А.П. Никоновым, и выступает в качестве «прогрессоров», выполняя разные функции. Да оказывается, что «женская половина» пассионариев – неправильная, а исследования – не исследования: «Практически каждый университет в США сейчас поражен грибом феминизма – имеет либо революционные кружки феминисток, проводящие регулярные «пятиминутки ненависти», либо официальные

⁶⁶ Никонов А.П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. С. 223-224.

⁶⁷ Там же. С. 249.

⁶⁸ Там же. С. 224-225.

факультеты женских наук, где проводятся так называемые «гендерные исследования», то есть идет перманентный поиск «врагов народа». У фашистов, кстати говоря, тоже был институт Аненербе («Наследие предков»), в котором проводили «исследования», доказывающие неполноценность негров, славян и евреев. Представляете себе – сотни «ученых», диссертации и опубликованные научные работы, книги – с сотнями ссылок. Эксперименты... Археологические раскопки. Экспедиции, измерения черепов... Попробуй, поспорь с наукой! Надо быть очень отстраненным, чтобы понять: ценность всех этих феминистских исследований даже не ноль. А весьма отрицательная величина, ибо направлена в другую от прогресса и гуманизма сторону»⁶⁹. И так далее, и тому подобное почти на 300-х страницах книги.

Чем объясняется столь высокая степень неприятия феминизма, гендерных исследований? В науке это называется гендерным аттитюдом: влияние гендерной позиции положения, которая абсолютизируется до привилегированной, становится центром во взгляде на мир, социальное развитие и, тем самым частью мировоззрения. В данном случае со стороны А.П. Никонова это маскулинное мировоззрение.

Между прочим, мы долгие годы занимались элитологическими и этнополитическими исследованиями⁷⁰. И методологически, и аксиологически здесь также просматриваются подобные фундаментальные ситуации. Это ситуации элитоцентричного и националистического характера, складывающиеся на фоне столкновения элитарных и эгалитарных движений, этнократических и этнодемократических позиций. Феминизм считается одним из наиболее масштабных эгалитарных движений. И здесь проявляются объективно «приливы» и «отливы» в элитарных и эгалитарных движениях. В данном случае доминирующей или элитарной стороной выступает «мужская половина». Но общей тенденцией, которая может пробиваться на протяжении многих десятилетий и даже столетий, остается расширение поля действия гуманистических и демократических ценностей.

Что же касается каких-то ограничительных мер по отношению к «гендероцентризму» (в данном случае маскулиноцентризму), то в данном случае есть смысл обратиться прежде всего к мерам нравственно-психологического и культурного порядка. Но прежде нужно выделить те причины, которые продуцируют маскулиноцентризм. Мы избрали в качестве определенного приема – обозначение наблюдаемых «перегибов» и отклонений термином «грех». Грех – как образное обозначение отклонения. Кстати говоря, в традиционном

⁶⁹ Никонов А.П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. С. 82-83.

⁷⁰ Старостин А.М. Философия элитологии – новое направление философских исследований // Государственная служба. 2013. № 4. С. 43–46; Старостин А.М. Государственная национальная политика в контексте научного и политического дискурса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 1. С. 15–23.

понимании Грех – поступок, нарушающий Заветы Бога, его предписания, изложенные в священных книгах или в толкованиях его жрецов. В светской трактовке – это поступки, нарушающие общественные традиции и этические нормы поведения, установленные в данном обществе⁷¹.

Приведем перечень грехов маскулинности, не преодолев которые невозможно установление гендерного равноправия как условия полноценной гендерной самореализации.

1. Андроцентризм в мировосприятии, культивирование левополушарной доминанты в качестве эталона.

2. Настойчивое желание доминировать, ведущее в итоге к дискриминации по половому признаку, что на феминистском языке именуется сексизмом.

3. Агрессивно-насильственный способ самоутверждения, что в феминистской терминологии называется абьюз и мачизм.

4. Уничижительное (патерналистское) отношение к гендерному партнеру.

5. Чувство когнитивного превосходства («мужской ум»).

6. Гендерный нарциссизм.

7. Отсутствие или избегание гендерно-рефлексивных практик и критического отношения к себе.

Следует подчеркнуть, что приведенный список, во-первых, может дополняться, как и широко известный список 7 смертных грехов. А, во-вторых, обозначенные позиции и аттитюды относятся и встречаются не только в маскулинной среде, зачастую сочетаясь с нормативными требованиями к гендерной роли. Пока такая асимметрия характерна для маскулинной среды. Но она может проецироваться и на феминную среду, что часто встречается в эгалитарных движениях, когда тот, кто «был никем», вдруг «становится всем». Классовая, национальная, расовая, социально-профессиональная, возрастная и иные виды дискриминации могут впасть в состояние «социальной мести» и становиться на путь «социального реванша», меняя полюса дискриминации. Поэтому приведенный список грехов, идолов маскулинности и андроцентризма может служить напоминанием о том, что «убить дракона» нужно не только устраняя его во внешнем мире, но и его глубинные следы в себе.

В последнем случае, и об этом много говорится в современной гендерологии, речь идет о тех социальных укладах, образе жизни, структуре занятости и мироощущении, которые способствуют воспроизводству прежних отношений с новым составом участников и при новых элитных раскладах.

⁷¹ Щербатых Ю.В. Семь смертных грехов или психология порока для верующих и неверующих. М., 2009. – 478 с. С. 7.

Ну и чего же ожидать в конечном итоге, когда будут побеждены внешние и внутренние «драконы» и удастся удержать позиции гендерной аутентичности?

Чудес, наверное, ожидать не стоит, тем более скорых. Но всякое расширение потенциала человеческой субъектности – цивилизационной, гендерной, национальной, расовой, возрастной – способно увеличить разнообразие стилей человеческой творческой деятельности, модусов жизненного опыта, открытия новых горизонтов общения и самореализации⁷². В частности, и об этом все чаще отмечают в современной гендерологии: «в современной западной философии и науке в целом идет процесс все большей ориентации на характерные особенности женского мировосприятия. Наблюдается отказ от жесткой поляризации субъектно-объектных отношений как кардинального методологического принципа познания, постепенное осознание роли субъективно-личностных факторов в нем, реабилитация субъективных методов как полноправных источников получения знаний и т.п. Это свидетельство возможностей признания обществом за женщиной права на создание «собственной проекции» в культуре, которая способна непредсказуемо обогатить жизнь человека, изменить конфигурацию его существования»⁷³. А скорее всего верен старый принцип: «На ловца и зверь бежит»: то, что динамичные глобальные изменения общества востребуют те формы субъектности, которые до сих пор были в резерве, «заморожены», дожидались своего часа. И этот час настает.

Авторская библиография

Старостин А.М. Внутренний мир в контексте концепции культурного кода цивилизации // В сб. «Многомерность внутреннего мира: философские ракурсы». – М.-Берлин: Direct MEDIA, 2016.

Старостин А.М. Ю.А. Жданов и современные проблемы рецепции фашизма // В сб. «Ю.А. Жданов о фашизме и его предотвращении». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2017.

Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости // В сб.: «Социальная справедливость в современном мире». – М.: «Ключ-С», 2017.

Старостин А.М. Семь грехов маскулинности // В сб. «Гендерные ценности в 21 веке». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016.

Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики / Науч. ред. и автор А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

⁷² Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. – М.: Изд-во «Дашков и К⁰», 2010. С. 25.

⁷³ Там же.

1.2.2. Альтернативная когнитология

В современных исследованиях глобальных социальных, когнитивных, информационных процессов активно обсуждается вопрос о новой информационной революции (или новом ее этапе – в прежней трактовке). Рубежной для такой постановки является проблема искусственного интеллекта (ИИ). Строго говоря, проблеме уже более полувека, но лишь недавно, не более 10 лет, стало возможно говорить о тех или иных его образцах, число которых быстро растет и усложняется, и о когнитологии как области, изучающей проблемы, связанные с ИИ. Исторически и методологически постановка проблемы ИИ и становление когнитологии как междисциплинарной области исследований взаимосвязаны. Тем более это важно, когда мы должны сделать еще один шаг вперед и, что не может быть осуществлено с нашей точки зрения без возникновения и влияния альтернативной когнитологии.

Остановимся более подробно прежде всего на собственно когнитологии, проанализировав ее достижения и уроки с точки зрения современной прикладной философии (философской инноватики)⁷⁴.

О когнитологии как современной междисциплинарной области

Предваряя философский анализ такого сложного междисциплинарного направления, как когнитология, следует подчеркнуть, что процесс его формирования находится ближе к середине, чем к концу. Междисциплинарный синтез идет медленно и, скорее всего, без приложений усилий философии будет затруднен: «На наш взгляд, термин “когнитивная наука” в настоящее время может определяться скорее как “совокупность наук о познании”, чем как “наука о познании”⁷⁵. По современному каноническому определению «Когнитивная наука – область междисциплинарных исследований, изучающая познание и высшие когнитивные функции с помощью моделей переработки когнитивной информации. Включает в себя такие дисциплины, как эпистемология, когнитивная психология, исследования в области искусственного интеллекта, психолингвистика, нейропсихология, а в последнее десятилетие также нейрокибернетику и вычислительную нейробиологию»⁷⁶.

⁷⁴ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2015; Старостин А.М. Философская инноватика как инструментальный междисциплинарный синтез // Философские вопросы естествознания и технических наук. Мат-лы междунар. научн. конф. Пермь, 2014. С. 11-17.

⁷⁵ Федорова О. А и Б сидели на трубе, или междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. 2014. № 1. С. 33.

⁷⁶ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 364; Финн В.К. Искусственный интеллект / В кн.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 316-318; Меркулов И.П. Когнитивная наука / Там же. С. 364-365; Финн В.К. К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 88-103; Старостин А.М. Когнитивные аспекты в исследовании современных политологических, экономических и социально-культурных процессов (из опыта ростовской философской школы) / Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Ростов н/Д., 2014. С. 3-16.

Процесс формирования когнитологии начался 25-30 лет назад в качестве комплексной науки, в центре исследований которой стала проблема искусственного интеллекта. Но поскольку в разработке этой проблемы проявились очень серьезные трудности, то пришлось существенно углубить наиболее значимые области науки, изучающие естественный интеллект⁷⁷.

Основной результат, полученный в итоге в когнитологии – «прозрачность», подконтрольность, управляемость познавательных (когнитивных) процедур. То, что в классической и неклассической версиях познавательного процесса (S – O и S – Усл. – O) относилось к стороне субъекта (S) и требовало глубокой рефлексии, разработки процедур операционализации и формализации, верификации, устранения рисков ошибок за счет организации научных коммуникаций (критика, диалог, доказательство, проверка экспериментальных и теоретических операций и их результатов) и так и не было осмыслено до конца.

В качественном измерении когнитологии познавательный процесс, исследовательская деятельность структурируется по аналогии с функционированием систем искусственного интеллекта и человеко-компьютерными системами. Поскольку эти системы наиболее глубоко когнитивно операционализированы и не содержат «непрозрачных» методологических и методических предпосылок. Например, в современной политической науке на качественном уровне предлагается следующая когнитологическая схема: «Основу субъективного политического мира составляют индивидуальные знания о политике, политической реальности. Они представляют собой усвоенную человеком информацию, или когниции. На наш взгляд, можно говорить о четырех основных видах когниций (знаний), хранящихся в памяти человека: образы, обобщенные образы (прототипы), сценарии (скрипты), концепты»⁷⁸.

В количественном измерении когнитологии используется не только общая методология когнитологии, но и непосредственно методика в виде систем формализации, программирования, вычислительных процедур.

Когнитология выводит нас с уровня поиска оптимальных вычислительных или алгоритмических инструментов на уровень поиска оптимальных или нестандартных когнитивных маршрутов, моделирование многоагентных когнитивных структур, включая структуры неантропоморфной природы.

Исследования в области когнитологии и искусственного интеллекта способствовали интенсивному поиску и новым результатам в области концепций естественного интеллекта. К примеру, достаточное распространение

⁷⁷ Старостин А.М. Когнитология и когнитивная аналитика в социально-гуманитарных исследованиях: состояние и перспективы развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 2.

⁷⁸ Пушкарева Г.В. Когнитивные механизмы репрезентации политической деятельности в сознании индивида / Политика. Государство. Управление. – М.: ИД КДУ, 2014. С. 59.

получила гарднеровская концепция множественности интеллектов, эмоционального и социального интеллекта, концепции когнитивных фреймов, когнитивной культурологии, операционального кода и др.

Теперь, собственно об *альтернативной* когнитологии. Речь идет о продолжении ситуации с когнитологией, которая сама, как междисциплинарная научная и научно-прикладная область все еще находится в стадии формирования. Но уже можно вести речь о некоторых новых парадоксах, разрешение которых либо заканчивается революцией, либо открывает новую фазу, например, параллельную, развития представлений о мышлении и познании, основанную на вычислительных экспериментах. И таким образом, характеризуя современную ситуацию, связанную со сдвигами в информационной сфере, областях информационных и компьютерных технологий, мы можем рассматривать как подготовительно-переходную к новой информационной революции, суть которой в освоении технологий искусственного интеллекта (Инф. рев. 2.0).

В то же время, пролонгируя эту ситуацию от стадии своей нынешней реализации к возможным дальнейшим шагам, мы можем говорить и о следующей информационной революции 3.0, суть которой в погружении в реальность альтернативного интеллекта (интеллекта любой природы, естественно-эволюционной или искусственной, отличного от человеческого). На наш взгляд, логичнее всего объединить эти две фазы в два этапа информационной революции: реализация технологий искусственного интеллекта → освоение технологий альтернативного интеллекта.

Анализ сегодняшней практики и теоретико-модельных представлений показывает, что освоение технологий ИИ движется по нескольким сценариям: 1) структурный; 2) функциональный; 3) системный; 4) комбинированный; 5) резервный.

1. *Структурный* направлен на моделирование и воспроизведение особенностей человеческого мозга и нервной системы в соответствующих автоматических устройствах.

2. *Функциональный* направлен на моделирование функций интеллекта через семейство все усложняющихся алгоритмов и компьютерных программ, в которых воспроизводятся наиболее доступные из сложных программ, имитирующих интеллектуальную деятельность. Например, имитирующие шахматную игру или игру в Го.

3. *Системный* направлен на имитацию и воспроизведение эволюции интеллектуальной деятельности, формирование ее в рамках некоторой квазисоциальной системы. В результате чего имитируются возможности самообучения, освоения языка, понимания и общения, навыки культурного поведения. Так построены методы самообучения нейронных сетей.

4. *Комбинированный* использует возможности каждого из подходов в случае возможности их сочетания (это замечание важно, поскольку каждое

из направлений носит парадигмальный характер и может не сочетаться, а развиваться по комплементарным сценариям).

5. *Резервный сценарий* – пока не проявленная, не сформированная парадигма, которая может появиться и на основе которой может осуществиться новый прорыв в моделировании естественного интеллекта. Суть резервного сценария может состоять и в отходе от имитации естественного интеллекта, и в формировании подходов к интеллекту альтернативному – искусственному или естественному. Обнаружение некоторого «пятого постулата», дополнение которым «абсолютной геометрии интеллекта» ведет к альтернативным «геометриям интеллекта».

Например, через имитацию развития альтернативной когнитологии (и когнитивистики) в иных онтологических условиях, что, конечно, отчасти продолжает сценарий 3, но и включает некоторые его обобщения. Для начала нужно сформулировать несколько аксиом (аксиоматику), обобщающих характеристики когнитивной деятельности и содержащих (и базирующихся на) основные элементы информационной картины мира (ИКМ).

Дело в том, что на идеи альтернативной когнитологии наталкивают размышления и исследования, исходящие из определенных предпосылок и парадоксов. Сошлемся на них. Существует такой тезис, который можно считать манифестом онтологического геоцентризма в области когнитологии:

«На мой скромный взгляд, мышление, раз возникнув (каким образом – этот вопрос я благоразумно оставляю в стороне), остается неизменным на протяжении человеческой истории. Меняются взгляды на что-то, представления о чем-то, выдвигаются новые идеи, радикально отличные от господствующих на тот момент в науке, строится новое видение мира... Но способ мышления (*der Denkart*), повторю, остается неизменным»⁷⁹.

При определенных оговорках это тезис об универсализме мышления, который объясняет природосообразность интеллекта, его появление в качестве естественного продолжения природных процессов и в силу этого корреспондирующих с ними. Но существует и антитезис, который отталкивается как раз от примечания автора тезиса, отталкивающегося от И. Канта («Каким образом (возникает мышление – А.С.) – этот вопрос я благоразумно оставляю в стороне»). Этот антитезис звучит в разных редакциях следующим образом:

1) редакция известного отечественного философа конца XX в. М.К. Петрова – мышление в своих современных проявлениях, начиная с античной культуры, базируется на универсально-понятийном способе кодирования. Этому типу кодирования предшествуют личностно-именной и профессионально-именной типы, на основе которых, однако, невозможно абстрактное

⁷⁹ *Мудрагей Н.С.* Научные революции как предмет эпистемологического исследования // В сб. «Знание как предмет эпистемологии». – М.: Изд-во ИФАН, 2011.

(разумное) мышление, с которым мы сталкиваемся и поныне в философии и науке⁸⁰. С нашей точки зрения и с точки зрения современной когнитологии, рассматривающей информационно-кодую сущность интеллекта, продолжение следует. И четвертый тип кодирования, который уже маячит на горизонте, это универсально-междисциплинарно-концептный тип⁸¹;

2) редакция отечественного психофизиолога И.П. Павлова, базирующаяся на идее первой и второй сигнальной систем как базе функционирования интеллекта. Она тоже может иметь продолжение в виде модели трансформации базовой когнитивной деятельности в условиях вертикальной эволюции, включая и будущую земную цивилизацию с учетом параметра рефлексивно-сигнальных систем выше 2-го порядка;

3) редакция – модель космического разума (рефлексивная алгебра В. Лефевра)⁸².

Антитезис указывает на культуросообразность интеллекта как на новообразованный эволюционный процесс, находящийся в отношении дополнительности к природной эволюции. Но возникает вместе с этим вопрос о механизмах координации и согласования этих двух эволюционных процессов. Так мы приходим к необходимости онтологизации информационных процессов.

Отталкиваясь от сказанного, можно полагать, что основной предпосылкой альтернативной когнитологии выступает новая информационная картина мира.

На мысль об этом наталкивают также наблюдения над процессами в сфере вычислительных экспериментов в современной науке, идущие уже около 50 лет. Дело в том, что, например, изучение материалов, связанных с численным (математическим) моделированием ядерного взрыва, где в действительности роль модели выполняют системные данные о натуральных экспериментах и реальных ядерных испытаниях 50-х – начала 60-х гг. XX в., показывает, что объект и его информационная модель могут при определенных условиях поменяться местами.

Натуральный объект становится одним из частных случаев (хотя и особым, особой точкой) множества виртуальных. Более того, обобщенный образ виртуальной реальности может «заземляться», как на частный случай, на «натуральную» реальность. Либо «натуральная» реальность может рассматриваться как одна из разновидностей различных модельных (информационных) реальностей.

⁸⁰ Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: URSS, 2004. С. 94–112.

⁸¹ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

⁸² См.: Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003 (См.: раздел «Космический субъект». С. 135-310).

В чем может заключаться отход информационной картины мира от физикалистских, натуралистических начал в классической и современной картине мира?

Во-первых, в рассмотрении новых когнитивных принципов и подходов, проявляющихся при столкновении с объектами онтологически негеоцентрической природы (микромир; мегамир – микрообъекты и космологические объекты). Таких, как дополнительность (комплементарность), неопределенность, соответствие, антропность. Иначе говоря, онтологическая альтернативность корреспондирует с когнитивной альтернативностью.

Во-вторых, требует пересмотра корреспондентный подход к информационным процессам: и как возможных отражательных, и как не имеющих своего собственного субстрата (возврат к Демокриту и «вульгарным материалистам?»), и как не имеющих «обратной связи» с «базовыми» («отражаемыми») процессами, и как подчиняющейся принципу природосообразности в онтологически-геоцентрической редакции.

Информационные процессы в связи с этим могут быть введены в поле четырех (известных ныне) видов взаимодействия по принципу когерентной взаимосвязи, либо по каким-либо другим принципам. Например, в качестве некоей онтологической первоосновы (подобной «темной энергии», «темной материи»), дополняющей по последствиям своих воздействий 2-й принцип термодинамики как некая метасинергетическая составляющая процессов информационной природы (информация vs энергия).

В-третьих, альтернативность может просматриваться в эволюционном ключе, в рамках изменений в когнитивной матрице, где к известным этапам эволюции научного познания⁸³ добавлен этап «постсовременность» (см. схему 1).

Что касается прикладных аспектов альтернативной когнитологии, то они существуют в виде поисковых результатов, полученных при экспериментировании (натурном или вычислительном) в области происхождения жизни, поиске внеземных цивилизаций (программы SETI и SETI), а также в моделировании и натуральных экспериментах с животным интеллектом.

Вероятно существенные подвижки в этой области станут возможны с появлением нового поколения суперкомпьютеров (квантовые вычисления) и дальнейшим продвижением в областях, связанных с искусственным интеллектом. И это будет также связано с дальнейшими шагами по пути перехода земной цивилизации (планетарной, глобальной) на следующий этап развития (космический).

⁸³ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 375.

Основные этапы развития				
Структурные элементы когнитивной матрицы	Классический	Неклассический	Современный	Постсовременный
1. Тип реальности	Онтологически гомогенный мир (онтологический макроцентризм)	Онтологически иерархический мир (микро-, макро-, мегаонтологии)	Онтологически гетерогенный мир (включая виртуальную реальность)	Онтологически информационный мир
2. Модель взаимодействия исследователей с реальностью	$O \rightleftharpoons S$ Контролируемый S-том	$O - \text{Усл.} - S$ В пределах антропного принципа	$S - \text{Усл.} - (S - O)$ $S - \text{Усл.} - (S - S)$ $S - \text{Усл.} - (O - O)$	Цифровые сенсоры как прямые интерфейсы, обеспечивающие связи с различными иммерсионными средами
3. Формы фиксации исследовательских результатов	Факт, проблема, идея, теория, закон, фиксированные в чувственных и рациональных формах, отображающие универсальную макро-реальность	Первичные данные, факт, теоретическая модель, концепт, дисциплинарная парадигма, дисциплинарная и междисциплинарная картина мира	Качественная и количественная формализация, алгоритмизированные модели, концепты, дисциплинарные и информационно-компьютерные)	Облачные хранилища оцифрованных данных и баз знаний, сформированных на основе четвертого (по М.К. Петрову) типу кодирования – универсально-междисциплинарно-концептному
4. Используемый научный или инновационный инструментарий	Классические эмпирические и теоретические методы, формальная логика и индуктивная логика	Системы: общенаучная дисциплинарная методология, научная методика, современная формальная и математическая логика	Языки программирования, методы качественного и количественного моделирования, неклассическая логика	Система синхронизации и интеграции деятельности ментальных анализаторов, опосредованных операционными системами ИИ, включенного в Интернет. Когерентная система разных моделей логики (тождественных отношений, подобия, толерантности, диатропики и др.)

Схема 1. Изменения в когнитивной матрице

Основные этапы развития				
Структурные элементы когнитивной матрицы	Классический	Неклассический	Современный	Постсовременный
5. Способ репрезентации (укладки знаний)	Научные понятия, научный язык (дисциплинарный и междисциплинарный), научные тексты. Классическая картина мира	Научные тексты, математизированный научный язык, вариативные теоретические модели, неклассическая дисциплинарная и междисциплинарная картины мира	Компьютизированные тексты и базы знаний, когнитивные карты, динамические и компьютерные модели, фреймы, паттерны	Оцифрованные базы междисциплинарных знаний, базы данных разнопрофильной когнитивной аналитики
6. Тип управления исследовательской деятельностью	Индивидуальная организация поисково-исследовательской деятельности.	Методы планирования и программирования экспериментально-поисковой деятельности и системно-поисковой деятельности	Когнитивный менеджмент	Синхронизация диатропических рядов инновационного развития с помощью и на основе ИИ и ресурсов AI
7. Основная когнитивная метафора	Машина, часы	Система, органическое целое	Компьютер, искусственный и естественный интеллект	Ноосфера
8. Используемый язык	Философский и дисциплинарный язык классической науки	Математизированный язык специальных дисциплин и междисциплинарный язык	Языки алгоритмизации, программирования и их интерпретация	Компьютеризированный язык, репрезентирующий базовые сегменты информационной реальности
9. Когнитивная дифференциация и специализация деятельности	Дисциплинарно-научная в системе классических фундаментальных наук	Теоретическая и эмпирическая; выделение цепочки: фундаментальные-прикладные исследования и разработки	Инновационные комплексы (типа NBYCS)	Инновационные комплексы, специализирующиеся на основе базовых типов ИИ
10. Концепция истины	Корреспондентная	Корреспондентно-когерентная	Когерентно-интерпретационная	Диатропическая

Окончание схемы 1. Изменения в когнитивной матрице

Авторская библиография

Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018 (глава 9. Альтернативная когнитология как методологический драйвер становления новой волны глобализации).

Старостин А.М. Когнитология и когнитивная аналитика в социально-гуманитарных исследованиях: состояние и перспективы развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 2.

Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики / Науч. ред. и автор А.М. Старостин. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2014.

Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Научно-учебное издание. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015 (раздел 4.10. Философия когнитологии: гуманитарная проекция).

РАЗДЕЛ II

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ИННОВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В раздел помещен уже апробированный в 2009–2017 гг. материал, излагающий авторские подходы к концепции философской инноватики, а также итоги последних исследований, позволивших выстроить системно-компаративную репрезентацию философской инноватики. Эти материалы образуют единый образ философской деятельности. Можно даже осмелиться на формулу: «когнитологический анализ философской деятельности как системы». С этих позиций реализовано и исследование русской философии.

2.1. Философская инноватика (прикладная философия и философские разработки) в системе философской деятельности

В современном обществе все большую значимость приобретают инновационные процессы в различных сферах духовной и практической деятельности.

Инновации – внедренное и доведенное до массового потребления (массово тиражируемое) нововведение в виде товара, услуги, технологии или иного продукта (материального или символического). Следует также подчеркнуть, что «инновация относится не просто к созданию и распространению новшеств, но к таким изменениям, которые носят существенный характер, сопровождаются изменениями в образе деятельности, стиле мышления»⁸⁴.

Особенностью современной инновационной деятельности является то, что она базируется на фундаментальных знаниях и прикладных исследованиях, т.е. включена в сложную, специализированную систему духовно-практического освоения действительности. В рамках этой системы сформированы и культивируются технологии массового производства знания и новых проблем и задач, решение которых приводит к обновлению представлений о реальности, и обновлению системы социокультурного, политического, экономического бытия человека. Области духовного производства

⁸⁴ Кларин М.В. Инновации в обучении: метафоры и модели. – М.: Наука, 1997. С. 7.

приобретают ныне базисный характер, и происходит то, что в свое время К. Маркс называл «оборачиванием метода». Данные процессы, выводящие на инновации, затрагивают самые сложные, самые отвлеченные области сферы духовного производства, включая и философию.

В этом плане мы хотели бы обратить прежде всего внимание на сложное, многослойное взаимодействие философского и междисциплинарного научно-гуманитарного знания, которое проявляется при постановке, обсуждении, разработке ряда проблем, касающихся развития современного общества.

Речь идет о необходимости перевода сложного гуманитарного дискурса из неявно принимаемого философско-методологического и философско-мировоззренческого контекста в отрефлектированный контекст и даже текст, системно совмещенный с междисциплинарным и дисциплинарным знанием. Такого рода рефлексия требует введения системного видения самой философской деятельности и ее связей с гуманитарно-научной деятельностью (да и не только гуманитарно-научной, шире говоря). Ключевым понятием в этой связке выступает категория «философской инноватики».

Философская инноватика в своих массовых проявлениях генерируется в процессе развития и усложнения отношений философии с наукой, другими сферами духовности и практикой. Это определенный и вполне конкретный этап развития философской деятельности, связанный с развитием ее инструментально-прикладного потенциала. В этом плане философия следует по пути развития любой отрасли рационального познания, где происходит дифференциация на фундаментальную и прикладную сферы.

В развитии философии с нашей точки зрения возможно выделить четыре основных ситуации:

1. Разработка новых философских систем.
2. Развитие уже существующих философских систем.
3. Формирование областей философской инноватики как сферы прикладных философских исследований и разработок.
4. Популяризация философских систем.

Первые две ситуации – развитие фундаментального философского уровня. Третья и четвертая позиции – область философской инноватики в широком смысле: решение нефилософских проблем с помощью философского инструментария.

По-преимуществу философская инноватика ориентирована на комплексные и междисциплинарные проблемы. С ее помощью осуществляется формирование эпистемологического контекста, который впоследствии остается «за скобками» междисциплинарного или дисциплинарного исследования.

Введение модели, где само философское знание и философская деятельность трактуются как дифференцирующиеся в зависимости от степени (уровня) абстрагирования и, наоборот, применительно к развитым механизмам перевода абстрактных схем в практическую деятельность или

в духовную деятельность (практику) более конкретную нежели философская, очевидно, осуществляется под влиянием и по аналогии с развитой научной деятельностью, где на определенном этапе ее развития, по образному выражению К. Маркса, осуществляется «оборачивание метода».

Попутно разведем понятие «практическая философия», которое ведет свое начало еще со времен Аристотеля, и «прикладная философия», речь о которой ведется прежде всего в контексте научно-инновационной деятельности⁸⁵.

В последние годы в отечественной философии такого рода постановки сделаны рядом авторов, имеющих богатый опыт исследования генезиса, развития теоретических схем и их «оборачивания» в физике, логике, истории философии. Отметим с нашей точки зрения наиболее интересные в этом плане суждения В.С. Степина, С.А. Лебедева, Т.И. Ойзермана.

В.С. Степин в обобщающей статье «Философия»⁸⁶ вводит знаковое различие философии на «теоретическую» и «практическую»: «Реальное различие решаемых философией типов познавательных задач иногда фиксируется как различие “практической” и “теоретической” философии. Но это различие относительно, если учесть, во-первых, что теоретическая компонента всегда присутствует и в “практической философии” и, во-вторых, что вырабатываемые “теоретической философией” новые идеи в будущем становятся кристаллизаторами новых жизненных смыслов, реально регулирующих социальную жизнь»⁸⁷.

Однако, при всей относительности различий «теоретической» и «практической» философии наиболее важной и интересной является конкретика перехода от первой ко второй. Как образно говорится: «Дьявол в деталях». И сам В.С. Степин дает общую схему такого движения: «Развитие философии осуществляется благодаря многократному повторению познавательного цикла: (1) от критического анализа универсалий культуры своего времени (2) к постановке и решению теоретических проблем и выработке новых идей и смыслов философских категорий, (3) к последующей трансформации этих идей и смыслов в базисные ценности культуры (часто уже иной исторической эпохи...) Но при движении в поле теоретических проблем философия отдаляется от практических задач своего времени (включая задачи мировоззренческой регуляции социальных отношений)»⁸⁸. Здесь дана одна из возможных схем взаимосвязи «теоретической» и «практической» философии и их взаимодействие через ряд ментальных и практических операций с действительностью. Она основана на интереснейшем авторском опыте

⁸⁵ См.: Практическая философия // Брокгауз. Философия: концепции, мыслители, понятия. СПб., 2010. С. 264.

⁸⁶ Степин В.С. Философия // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 4. М., 2010. С. 195-200.

⁸⁷ Там же. С. 197.

⁸⁸ Там же.

взаимосвязи теоретической и экспериментальной физики, который он сформировал, начиная с 60-х гг. XX в., когда в центре его исследований «были проблемы генезиса теоретического знания в рамках взаимодействия научной картины мира, теоретических схем, формального (в т.ч. математического) аппарата, практических и идеальных операций»⁸⁹.

В какой-то степени данная схема применительно к основаниям «теоретической» и «практической» философии трансформирована на базе идеи об универсалиях культуры: «Многие выработанные философией идеи трансформируются в культуре как своеобразные “ дрейфующие гены”, которые в определенных условиях социальных перемен получают мировоззренческую актуализацию... На их основе могут создаваться религиозные, этические, юридические, политические учения, публицистика и эссеистика, которые наполняют практическим и эмоциональным содержанием категориальные структуры философии... Философские категории переплавляются в универсалии культуры, соединяясь с различными способами и технологиями деятельности, поведения и общения. Последующее функционирование универсалий культуры может в явном виде обнаруживать свои философские основания»⁹⁰.

Вновь подчеркнем то обстоятельство, что самым интересным здесь является не столько констатация наличия у теоретической (фундаментальной) философии разного уровня приложений и философского, и нефилософского характера, сколько раскрытие алгоритмов перехода от философской теории к «философской практике» (и не философской тоже).

Весьма примечательной применительно к дифференциации философского мышления и философского знания выступает позиция С.А. Лебедева, выступившего с оригинальной концепцией изложения философского знания, базирующегося на анализе того, что можно обозначить как основания философии⁹¹.

Поиск неких исходных общезначимых начал в изложении теоретической философии (а не только пересказа имен, подходов, методов, идей, принадлежащих крупнейшим философам) приводит автора к выводу о том, что «такой минимальной общезначимой основой может быть только структура философии. При этом одной из примечательных особенностей этой структуры является то, что она не является имманентным продуктом философского мышления, а навязана ему извне, а именно целями, задачами и структурой любого мировоззрения вообще (подчеркнуто мной – А.С.), независимо от его особой формы, будь-то мифология, религия, обыденное знание, наука, искусство или собственно сама философия. Основными сквозными темами

⁸⁹ Лекторский В.А., Огурцов А.П. Философия в СССР и постсоветской России // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 4. М., 2010. С. 203. См. также: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

⁹⁰ Степин В.С. Указ. соч. С. 197.

⁹¹ См.: Лебедев С.А. Предмет и метод теоретической философии // Философия: Учебник / Под ред. С.А. Лебедева. – М.: «Эксмо», 2011. С. 146–176.

любого мировоззрения являются мир, человек и различные формы отношения между ними. Что такое мир, что такое человек в окружающем мире – вот вечные и “проклятые” вопросы всякого мировоззрения, в том числе и философского»⁹². Таким образом, автор ставит задачу выявления инвариантных оснований философского мышления, из которых, как можно думать, будут следовать различные парадигмальные версии теоретической философии. У математиков после открытия неевклидовых геометрических систем в конце XIX в. была сделана постановка о существовании так называемой «абсолютной геометрии», применительно к которой могут быть введены различные трактовки пятого постулата, на основе которых развертываются различные конкретные геометрические миры. По аналогии с этим ходом, выявление «абсолютной философии», из которой можно вывести путем присоединения собственного «пятого постулата», различные теоретические парадигмы философствования, выглядит весьма интересной идеей, которая способна углубить само представление о теоретической философии.

Исходя из этого, автор дает следующую трактовку: «В огромном массиве философского знания, накопленного за многовековую историю его развития, необходимо четко различать два его основных уровня: теоретическую и прикладную философию. Это типологическое различие имеет своим основанием существенно разные типы философствования, которые отражаются и закрепляются в виде разных пониманий ее предмета.

Теоретически философия имеет своим предметом всеобщие характеристики рефлексивного сознания, категориальный строй мышления. Прикладная же (наиболее объемная часть философского знания) понимает предмет философии как учение о предельных основаниях Бытия. При этом в содержание последнего включаются разные виды бытия: Мир в целом, Природа, Общество, Культура, Жизнь, Человек. В самом по себе выделении теоретической (фундаментальной, «чистой») и прикладной философии нет ничего необычного. Оно идет «в створе» аналогичных оппозиций в науке: «чистой» (теоретической) и прикладной математики, теоретической и прикладной физики и т.д., завершаясь общим различием фундаментальных (теоретических) и прикладных исследований в любой области знания»⁹³. Это, безусловно, очень важное суждение, хотя подобное этому суждение нами высказано ранее⁹⁴ и в развернутом виде, содержащем и концепцию, и ее реализацию.

Но дело не только в приоритетах: идеи, что называется «витают» в воздухе. Важно – почему стали витать именно эти идеи, и о чем они говорят. К тому же, как свидетельствует опыт эпистемологических и методологических

⁹² Лебедев С.А. Указ. соч. С. 7.

⁹³ Лебедев С.А. Указ. соч. С. 147.

⁹⁴ См.: Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявления. Монография. Ростов н/Д., 2009. 564 с.

поисков в фундаментальных науках и, прежде всего, в современной теоретической физике, там уже давно осознанно и в своеобразных формах реализуется запрос на прикладную философию: «Анализ главных событий физики XX в. убедительно показывает необходимость прикладной философии, философии физики. Под прикладной философией понимается качественная сторона исследований, обобщающая опыт решенных конкретных задач, опирающаяся на хорошо установленные экспериментальные факты и способы их включения в теоретические знания. Иными словами, это осознанная и систематизированная научная интуиция. Ни одно серьезное теоретическое исследование, как в его начале, когда необходимо найти правильное направление, так и перед завершением, когда возникает необходимость интерпретации и анализа полученных результатов не обходилось без прикладной философии»⁹⁵.

Далее, по аналогии можно высказать не только эту, но и ряд смежных идей. Но важно в исследовании дифференциации философского знания «по вертикали» (по степени абстрактности) изучить и понять: действительно ли отмеченная тенденция реализуется, или же это только значимый задел, потенциал развивающегося корпуса философского мышления и философского знания, который, возможно развернется когда-нибудь. А если он уже реализуется, то что именно подталкивает к этому? Достаточно ли вызрел теоретический потенциал философии для решения прикладных задач? Каков инструментарий, алгоритмы, образцы такой деятельности?

Подчеркивая, что «фундаментальная философия», как категория, может быть раскрыта прежде всего через обращение к категории «основания философии» (аналог «оснований математики»), необходимо вместе с тем отметить, что, к примеру, математика на этом пути приобрела за последние 100-120 лет развития (с того времени как обратилась к осмыслению своих оснований) большой и поучительный опыт: в области исследований оснований математики сформировалось несколько базовых программ обоснования – интуиционистская, конструктивистская, гипотетико-дедуктивная, логическая, кволитикалистская (сведение к арифметике) и др.

Можно думать, что, двигаясь по этому пути и изучая опыт мировой философии⁹⁶, у теоретической философии сформируется не меньше аналогичных и своих оригинальных программ обоснования⁹⁷, в особенности, имея

⁹⁵ Миздал А.Б. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 29.

⁹⁶ Нельзя не отметить оригинальный подход в этой области, принадлежащий старейшему современному отечественному философу Т.И. Ойзерману, который ввел термин «метафилософия» (*Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М., 2009*) и предлагает сконцентрироваться в анализе оснований философии в рамках историко-философского процесса.

⁹⁷ Наблюдаемое разнообразие программ обоснования математики тем не менее не снимает очень глубокого вопроса Е. Вигнера о «непостижимой эффективности математики». Столь же правомерен и вопрос о «непостижимой эффективности философии», в особенности глубокой теоретической содержательной философии. И наше путешествие в область философской инноватики – также один из вариантов ответа на этот вопрос.

в виду опыт и историю не только Западной, но и Восточной философии. Но об этом особый разговор.

Отталкиваясь от сказанного выше, следует особо подчеркнуть, что у каждой фундаментальной философской системы есть своя версия (модель) философской инноватики. Структурализм и экзистенциализм, аналитическая философия и прагматизм, феноменология, волюнтаризм и марксистская философия опираются на собственный инструментальный философской инноватики, с помощью которого разрабатываются начала и подходы к формированию различных культурно-образовательных систем; инструментальный той или иной философии управления или философии политики; проектируются различные модели философской когнитологии или философии науки с их аппаратом рефлексии.

Хотелось бы также подчеркнуть нетривиальность различий между различными моделями философской инноватики, формирующихся на базе альтернативных философских парадигм.

Например, для разных форм позитивизма, аналитической философии, выводящих на философию науки как вид прикладной философии, существенно проявление в сфере соответствующей философской инноватики установки на конструктивизм, конструктивистский подход («Как же можно в целом определить, что такое конструктивизм? – отмечает И.Т. Касавин, – «Я буду рассматривать его в первую очередь как направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений... И в этом смысле он выступает как альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологического реализма»)⁹⁸.

Другой пример, как образец иного рода основной инновационной установки, характерен для герменевтической модели философской инноватики, где культивируется на этом уровне «концепция понимания» и «истина на понимания» и альтернативный эпистемологии проект «работы со знанием»⁹⁹.

Одним из лучших примеров репрезентаций того как складываются на базе различных моделей философской инноватики (экзистенциально-диалогической; критико-рационалистической; герменевтической; философско-аналитической; постмодернистской) различные версии философии образования и педагогической антропологии и соответствующие конструкты, определяющие основные направления педагогической инноватики, является

⁹⁸ Касавин И.Т. Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 65.

⁹⁹ См.: Барковский П.В. Феномены понимания. Контуры современной герменевтической философии. Минск, 2008. С. 125-164.

фундаментальная работа А.П. Огурцова и В.В. Платонова. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004.

Если проиллюстрировать с помощью схемы, включая и суждение об основаниях философии (метафилософия), фундаментальной и прикладной философии, то в целом «вертикальная» дифференциация философского знания и философского мышления может быть представлена в первом приближении следующим образом (см. схему 2).

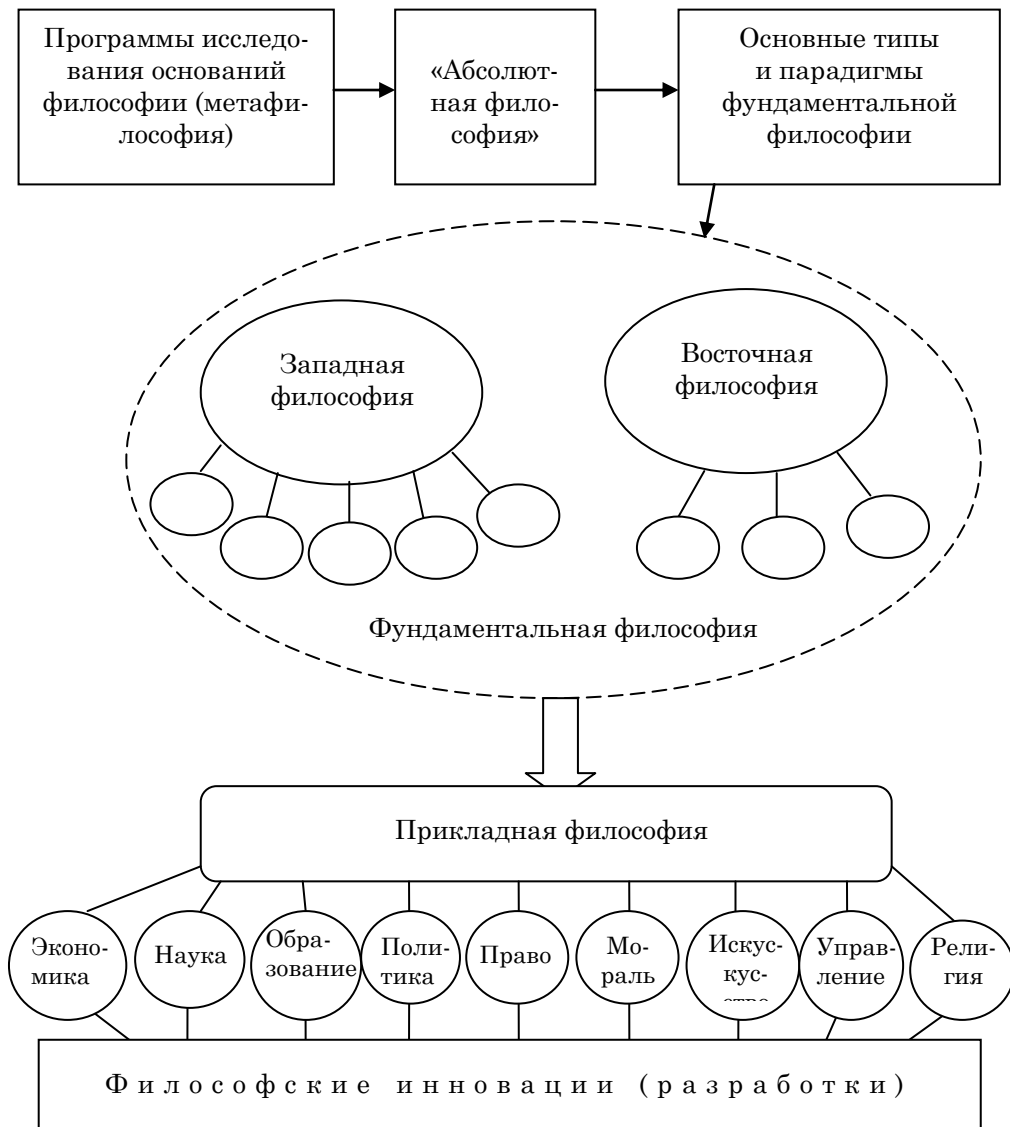

Схема 2. Дифференциация философского знания и философского мышления

Запрос на философскую инноватику в сфере гуманитарного знания, пожалуй, впервые обозначился в конце XIX– начале XX в., с одной стороны, в философии марксизма, создавшем на базе модернизированной гегелевской диалектики принципиально новые прикладные области социальной философии и философии политики, затем реализованные в инновационную концепцию научного коммунизма. Русские последователи марксизма (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин) довели данную многослойную схему деятельности до применения в неклассических условиях. С другой стороны, в этот же период в рамках позитивизма сформировалась система философской инноватики, приложенной к области естественнонаучного познания.

Достаточно известными примерами отечественной философской инноватики второй половины XX в. являются разработки Э.В. Ильенкова в области развития теории проблемного обучения и тифлосурдопедагогики на базе теории и инструментария диалектической логики. К этому можем добавить яркий пример создания философской школы мыследеятельности («Московский методологический кружок») Г.П. Щедровицкого, из которого вышла целая плеяда методологов и которая известна широкой сферой методологических приложений и разработок применительно к различным, как правило, сложносистемным объектам и ситуациям с высокой степенью нестационарности и неопределенности.

Характерным примером также может служить творчество В.А. Лефевра в области теории рефлексивного управления. Примечательным в этом отношении является науковедческий пласт творчества М.К. Петрова.

Анализируя приведенные и другие примеры современной отечественной философской инноватики, необходимо отметить следующие ее особенности.

Во-первых, идеальным случаем (условием) философско-инновационной деятельности является соединение в одном мыслителе функций и философа, и конкретика. Такого рода ситуации складывались еще в условиях классической науки. Яркими примерами здесь выступает творчество Р. Декарта, Г. Лейбница, раннего И. Канта, позднее – О. Конта, К. Маркса, М. Вебера. Вместе с тем и современное научное познание не смогло бы сделать свои последующие шаги без объединения философских и конкретных усилий А. Эйнштейна, А. Пуанкаре, Н. Бора, В. Гейзенберга, В.И. Вернадского.

Во-вторых, в творчестве отечественных ученых и философов, внесших большой вклад в становление философской инноватики и ее инструментария, следует подчеркнуть существование двух основных форм философско-инновационных программ: индивидуальных (Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, М.К. Петров, Ю.А. Жданов и др.) и коллективных (Г.П. Щедровицкий, В.С. Библер и др.).

В-третьих, при описании инструментария и самой деятельности в области философской инноватики особую значимость имеют ее образцы,

примеры, то что называют «кейсы». Характерным в этом плане является суждение Г.П. Щедровицкого, которое автор полностью разделяет: «Итак, я всегда встаю перед вопросом, с чего начинать. Если начинать с изложения знания, то тогда оно может быть только догматическим (тогда на вопрос В.А. Лефевра «Как все это обосновать?» я, в принципе, не смогу отвечать). А если начать с характеристики механизмов моего мышления, то они точно также будут казаться весьма произвольными, ибо основываются на том опыте работ и на тех теоретических представлениях, которые вам пока не известны. Выход из этого положения, как мне представляется, заключен в том, что единственным средством обоснования является демонстрация путей и методов получения самого знания (а пути и методы получения знания есть, по сути дела, реализация этих знаний или установок на получение их). Такая стратегия изложения и демонстрации материала требует от вас специфической способности и специфических способов работы, а именно – того, что мы называем методологическим и деятельностным мышлением»¹⁰⁰.

В современной философской деятельности инновационный компонент значительно усилился. Философы все более ориентированы не только на освоение, развитие классических и новых философских систем, парадигм, но и на решение задач, имеющих по отношению к ним прикладной характер.

Анализ тематики докторских диссертаций за последние 20 лет показывает, что значительную часть философского продукта (свыше 80 %), защищаемого в виде диссертаций по многочисленным философским специальностям, следует отнести к сфере философской инноватики. Дело не в формулировании самих по себе тезисов новизны, а в характере решаемых задач.

Объем прикладного философского знания и философских инноваций сейчас намного превышает приращение фундаментального философского знания. Это факт, и от него не уйдешь. Речь только о том, насколько профессионально и осознанно мы применяем прикладной философский инструментарий и насколько точно квалифицируем решаемые задачи. А далее – учим ли мы этим вещам или каждый раз «изобретаем велосипед», «изобретаем дифференциальное и интегральное исчисление».

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что в сфере философской инноватики задействованы не только профессиональные философы. Многие крупные ученые, конструкторы, художники, практики, сталкиваясь с трудными проблемами, обращаются к инструментарию Восточной или Западной философии, а то и изобретают «философский велосипед». Но руку философам в этих случаях редко протягивают. Дескать – «наука сама себе философия!» Но это не так. Есть обширная пограничная область, – и не научная, и не философская,

¹⁰⁰ Щедровицкий Г.П. Идея деятельности и деятельностный подход // Георгий Петрович Щедровицкий. М., 2010. С. 446.

и не религиозная, и не идеологическая, где востребован инструментарий философской рефлексии. Это «пограничье» сейчас стало очень обширным и плотным. Его и следует конституировать как сферу философской инноватики и отнестись к ней профессионально, а не по-дилетантски и не снобистски.

Иными словами, функциональный аспект философского знания выводит нас на его методологические, мировоззренческие, аксиологические и иные приложения. А если продолжать двигаться по этим векторам далее, то мы выходим на уровень философской инноватики. Однако здесь есть и множество векторов, которые идут не от философии к ее приложениям, а от запросов сложных проблем и задач науки, политики, религии, идеологии. И в этих направлениях, как правило, в случае междисциплинарной проблематики, также формируется сфера философской инноватики.

Конституирование философской инноватики – это не дань моде. Востребованность философско-инновационной сферы связана со значительным ростом задач, востребующим инструментарий философской инноватики, что обусловлено прежде всего потребностями быстро развивающегося информационного общества, где задачи роста различных отраслей духовного производства начинают превалировать по отношению к отраслям материального производства¹⁰¹.

Специфика философской инноватики репрезентируется прежде всего по отношению к техническим, научным, экономическим, художественным и ряду иных инноваций. Философская инноватика – это, несомненно, сфера символических инноваций, роста и развития того, что мы называем приложениями в сфере духовного производства, символическим капиталом. Это сфера приложения рационально-рефлексивного инструментария к решению сложно-системных и междисциплинарных проблем и задач. На выходе – усовершенствования в области интеллектуальной техники, техники целеполагания, техники межличностных коммуникаций и отношений.

Что касается методологических и методических особенностей философской инноватики, то прежде всего нужно подчеркнуть специфику методологии философской инноватики на уровне основной методологической установки. Она прежде всего связана с переключением мыследеятельности с созерцательной установки – на проектную.

¹⁰¹ Весьма примечательными становятся суждения подобные тем, что высказал Б. Польре: «Когнитивный капитализм следует понимать как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному» (Польре Б. Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. № 2 (179). С. 66). Или другое суждение: «... многие на Западе сегодня заговорили об Экономике Креативности (Творчества), что означает умение работать на стыке нескольких дисциплин, структурировать разрозненную информацию и создавать, синтезировать (творить) на ее основе новые решения». (Храмкова Е.Л. Разработка инновационного продукта: семь поводов задуматься о будущем // Инновации. 2009. № 9. С. 120).

В связи с этим вспоминается известный марксов тезис: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Но кто это должен делать? Прежде всего философы, которые должны трансформировать и сам интеллектуальный процесс, и его взаимосвязь с практической деятельностью. А этого нельзя сделать без опоры на философскую инноватику. Здесь сделан целый ряд инструментальных находок, связанных с методологией вычленения «клеточки» органической саморазвивающейся системы, созданием инструментария анализа нестационарных процессов, системной детерминации и понятийного аппарата синергетики. Такая область формируется в рамках проектной установки и в философии науки, и в прагматизме, структурализме, экзистенциализме и феноменологии. Другая важная установка, формирующая инструментарий философской инноватики, связана с решением проблемы выявления контекста, оснований решаемой предметной или междисциплинарной задачи: «Не утерять за частями целое».

Еще один сюжет задействован на разработку инструментария, с помощью которого моделируется внешний и внутренний диалог, собственно теоретико-рефлексивная деятельность. Стоит отметить также значимость аналитического инструментария, нацеленного на изучение междисциплинарных связей, вычленение инвариантных теоретических образов, возникающих в различных отраслях фундаментального научного знания.

Если конкретизировать, то в исследованиях и разработках в сфере философской инноватики используется достаточно обширный арсенал методов и методик: общеполитические методы и подходы (восхождение от абстрактного к конкретному, генетически-конструктивный, феноменологический, герменевтический, сравнительно-философский); общенаучные (исторический, системный и структурный подходы, гипотетико-дедуктивный, когнитологические методы и подходы, элементы синергетического подхода, мысленный эксперимент); конкретно-научные методы и подходы, используемые в современной социологии, политологии, психологии, культурологии, теории управления и т.д.

Резюмируя сказанное, подчеркнем:

Философской инноватикой следует называть сферу интеллектуальных и практических разработок междисциплинарного вида, осуществляемых с помощью инструментария философской рефлексии.

Потребность обозначения этой области деятельности термином «философская инноватика» связана прежде всего с необходимостью более точной квалификации данного вида деятельности – это не сфера фундаментальной философии, и даже не всегда ее прикладная часть в виде «философии науки», «философии политики» или «философии религии», а решение еще более конкретных и остро актуальных междисциплинарных задач. С другой стороны, это и не собственно философская деятельность, а интеллектуальная деятельность, осуществляемая с помощью философских средств.

Инструментарий философской инноватики ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями и т.п.

Детализируя сказанное выше касательно философской инноватики, уточним прежде всего факторы, способствующие дифференциации на различные модели или версии основных проявлений философской инноватики, прилагаемой к исследованию когнитивных, социальных, политических, образовательных, управленческих и иных процессов.

Не секрет, и об этом уже шла речь, что таких прикладных образований, как, например, философия науки или философия политики может существовать и существует несколько, в зависимости от того, из какой фундаментальной парадигмы мы исходим и ряда других моментов. Этот механизм пролиферации философской инноватики может быть уточнен прежде всего обращением к компаративному анализу.

В компаративном подходе к философии в качестве основного раздела исследований обозначилось сопоставление различных философских систем, направлений, парадигм с точки зрения их проблемно-тематической и методологической направленности. При этом часть таких исследовательских и учебно-методических разработок выполнена в стиле традиционного панорамного видения историко-философского процесса, где функции сравнения находятся «за кадром» или это задача, которую решает сам читатель по прочтении всего представленного материала¹⁰². В принципе так пишется историко-философское введение во всех современных российских учебниках, учебных пособиях, справочниках. Другие исследования углубляются в реальное сопоставление прежде всего Западной и Восточной философии. Так, к примеру, анонсирует свое двухтомное издание «История современной зарубежной философии. Компаративистский подход» коллектив философов г. Санкт-Петербурга: «Книга представляет собой первую в отечественной историко-философской литературе попытку целостного анализа современной Западной и Восточной философии с точки зрения компаративистского (сравнительного) подхода»¹⁰³.

¹⁰² Современная мировая философия / Под ред. А.С. Колесникова. – М.: Академический проект, 2013; История философии: Запад – Россия – Восток. Книги 1-4 (Под ред. Н.В. Мотрошиловой и А.М. Руткевича). – М.: «Греко-латинский кабинет».

¹⁰³ История современной зарубежной философии: компаративистский подход. Т.т. 1, 2. – СПб.: Изд-во «Лань», 1998. С. 2.

Существуют здесь и другие работы, где уровень погружения автора затрагивает и собственно технологии формирования философского опыта. Такова известная работа Е.А. Торчинова «Пути философии Востока и Запада: познание запредельного» (СПб.: «Азбука-классика», 2007). В ином ключе, но также с обозначением глубинных механизмов не только сравнения, но и объяснения наблюдаемой дивергенции философских парадигм и направлений, выполнены известные работы М.К. Петрова, анализирующие многоверсионность историко-философского процесса.

При всем при том, что даже указанные работы, выполненные «методом погружения», не дают полного представления о «внутренней кухне», лаборатории философа. Даже прочитав целый ряд таких трудов, не вполне понимаешь: как же формируется философское мышление? Здесь есть какая-то мера продвижения в решении философских проблем и в постановке новых?

Каков реальный инструментарий философского мышления – не только в виде показанных образцов – но и в виде действующих механизмов?

Чем отличается репрезентация историко-философского процесса и образцов современного философского дискурса от музейной коллекции философских систем и их создателей, от компендиума изреченных мудрых мыслей? Такого рода вопросы ставятся в современной когнитологии, решающей проблемы разработки искусственного интеллекта (ИИ).

С этих позиций правомерен вопрос, который может звучать кощунственно, но сформулированный более полувека назад: может ли машина мыслить? Или в современной редакции: доступен ли системам искусственного интеллекта философский дискурс?

Имея в виду такого рода когнитологический подтекст, мы и хотели бы обратить внимание на иное измерение философской компаративистики, связанное с разрабатываемой нами в течение ряда лет концепцией философской инноватики¹⁰⁴. Под философской инноватикой, как уже говорилось, подразумевается сфера прикладных исследований и разработок, приложение философско-рефлексивного инструментария к решению сложно-системных и междисциплинарных задач, которые не могут быть решены частнонаучными методами; выявление оснований данных аналитических и прикладных областей. Результатом (основным «продуктом») философской инноватики является усовершенствование или реконструкция интеллектуальной техники, техники целеполагания, техники межличностных и социальных коммуникаций и отношений. Методология философской инноватики основывается в первую очередь на переключении мыследеятельности

¹⁰⁴ Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Монография. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2009; Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. Монография. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2011; Старостин А.М. Философская инноватика как вид философского дискурса // Новые идеи в философии. 2013. Т. 1. № 21. С. 50-55.

с аналитической – на синтетическую, интегративную; с созерцательной (и описательной) интеллектуальной установки – на проектную.

Таким образом (и об этом уже шла речь выше), прикладная философия, философская инноватика включена в «вертикально»-«горизонтальную» систему репрезентации философского знания, где по «вертикали» вычленяется сфера метафилософии (анализ оснований философского знания и познания), сфера (уровень) фундаментальной философии, включающая основные парадигмы и течения Западной и Восточной философии. Членение на различные парадигмы, направления, течения, системы и школы выступает уже и как составляющая «горизонтальной» дифференциации.

Следующие уровни по «вертикали» – это уровень прикладной философии, который, в свою очередь по «горизонтали» дифференцируется на различные виды: философии науки, философии политики, социальной философии, философии истории, философии управления, философии искусства и т.д. (этих прикладных направлений сейчас насчитывается несколько десятков).

Далее – следующий срез по «вертикали» включает сферу многочисленных философских разработок, чья «горизонтальная» развертка – это сотни кейсов, включающих новые междисциплинарные и интердисциплинарные области науки и практической деятельности, которые формируются с опорой на синтетический инструментарий философского мышления¹⁰⁵.

Необходимость именно такой, представленной посредством концепта «философская инноватика», реконструкции философской деятельности и философского мышления, напрашивается, пожалуй, в явной форме уже с конца XX в. Хотя предпосылки данной репрезентации выстраивались в течение почти столетия и были связаны прежде всего с необходимостью осмысления кризисных, революционных, обобщенно говоря, – нестационарных проявлений в обществе, науке, управлении (социальные, политические, научные, культурные революции, войны, глобальные проблемы и т.п.).

Однако признание и опора на прикладную философию практически автоматически ведет к иной, более сложной репрезентации всей системы философского знания и философской деятельности («вертикально»-«горизонтальной»), о чем уже было сказано выше. Меняет это и подходы к философской компаративистике. Эти изменения затрагивают не только фундаментальное измерение, но и иные, связанные с выходом на метафилософский уровень, с одной стороны, на прикладной, – с другой. В последнем случае можно сказать, что в рамках Западной философии (О Восточной – отдельный разговор) у каждой фундаментальной философской парадигмы или направления есть своя версия (модель) прикладной философии и философской инноватики (см. схему 3).

¹⁰⁵ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 20.

**Основные мотивы,
приводящие к системно-компаративному подходу,
включающему философскую инноватику**

- А.** Интенсификация диалога различных философских культур в условиях глобализации, взаимодействия на равноправных началах различных цивилизационных культур (кросс-культурный философский дискурс)
- В.** Формирование многоуровневых и системных моделей философской деятельности и философского знания с акцентом на усиление инструментальных функций
- С.** Когнитологический мотив, связанный с изменением в когнитивной матрице и ведущий к стремлению подготовить философское знание и мышление к новым формам операционализации и «укладки» знаний, когнитивной прозрачности

Схема 3

Структурализм и экзистенциализм, аналитическая философия и прагматизм, феноменология, философия жизни и марксизм опираются на собственный инструментарий философской инноватики, с помощью которого разрабатываются начала и подходы к формированию различных культурно-образовательных систем; инструментарий той или иной философии управления или философии политики; проектируются различные модели философской когнитологии или философии науки с их аппаратом рефлексии.

Это можно проиллюстрировать с помощью нескольких кейсов, в первую очередь тех, где просматриваются альтернативные версии прикладной философии.

Кейс 1 – философия науки, исходящая из сциентистской методологии и аксиологии (позитивизм, марксизм, неопозитивизм) и из антисциентистских оснований (неотомизм, экзистенциализм, психоаналитическая философия, философия жизни).

Кейс 2 – философия политики, онтологизирующая и гипостазирующая власть (философия жизни, постмодернистская система М. Фуко) и противопоставляющая ее, в особенности государственную власть, другим атрибутам человеческого существования (философия марксизма, философия либерализма, философия анархизма).

Кейс 3 – философия управления, исходящая из натуралистической парадигмы науки (философия кибернетики и информации, философия синергетики) и из социально-гуманитарной парадигмы (философия менеджмента, социальная философия).

Кейс 4 – философия образования, исходящая из концептов: «человек – средство», «общественно-деятельный человек» (философия марксизма,

философия жизни) или – из концептов «человек-индивид», «человек-цель» (экзистенциализм, философия либерализма).

Можно привести и иные кейсы, многие из которых анализировались в докладах, представленных на наши международные конференции и «круглые столы» по проблемам философской инноватики в 2009–2013 гг. Там целевым образом рассматривались вариативные, в том числе и альтернативные версии философии науки, философии образования, философии геополитики, философии конфликтологии, философии глобалистики, философии управления, философии элитологии, философии социально-гуманитарного знания, философии космизма. Это релевантная источниковая и доказательная база для репрезентации многомерной модели философского знания и соответствующей модели философской компаративистики¹⁰⁶.

В этой связи необходимо также подчеркнуть, что такая точка зрения на правомерность выделения прикладной философии и философской инноватики разделяется далеко не всеми философами, можно даже сказать меньшинством, хотя большая часть известных ученых-гуманитариев и естествоиспытателей стоит именно на позициях многомерной модели, иногда даже усугубляя свою позицию, сводя ее к известному позитивистскому положению: «Наука – сама себе философия». Что касается позиции большинства представителей «философского цеха», то она скорее всего сводится к тому, что «философия – сама себе философия», она как бы «вылита из единого куска стали» и не нуждается в ином способе дифференциации, кроме ее «естественных» параметров развития: проблемно-предметного, методологического, аксиологического, исторического.

Данный подход лежит и в основе традиционной философской компаративистики, о которой шла речь в начале нашей работы. Исключение или оговорку нужно сделать лишь для кластера работ «глубинного погружения» (М.К. Петров, Е.А. Торчинов и др.).

Изложенные выше альтернативные версии философской компаративистики могут быть пополнены и другими подходами. Но нам хотелось бы углубить представления в рамках модели философской инноватики, поскольку та развертка, которую мы обозначили как «вертикально»-«горизонтальная», выступает лишь первым приближением многомерной модели философского мышления и философской деятельности. Формируя представления об этом на уровне второго, более конкретного приближения, целесообразно вести речь о моделях репрезентации философской инноватики в рамках различных парадигм и систем фундаментальной философии. Но в связи с этим необходимо развить «вертикально»-«горизонтальную» схему,

¹⁰⁶ Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник-2011. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011; Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник-2012. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

введя ряд новых положений. Это, собственно, три новых концепта, выступающих как основообразующие для трех основных моделей репрезентации философской инноватики в рамках различных аспектов многомерной схемы философской деятельности:

Концепт 1: «способы операционализации различных парадигм фундаментальной философии». Об этом мы уже писали ранее¹⁰⁷. Уточним эту позицию. Собственно таких типичных способов видится 6, включая их композицию, это:

а) **контекстуальный способ** операционализации, перехода из той или иной философской парадигмы на прикладной уровень. Он складывается из авторских образцов (кейсов) прикладного философского дискурса, суждений выдающихся философов и основоположников философских систем применительно к проблематике науки, политики, истории, образования, религии и др. (Кант, Гегель, Маркс, Вебер, Гуссерль, Ницше, Хайдеггер, Поппер или – Эйнштейн, Пуанкаре, Вернадский, Гейзенберг, Бор, Шредингер и др.);

б) **корреспондентный** – транслирование структуры фундаментальной философии (например: онтология, эпистемология, аксиология, антропология) на прикладной философский дискурс, применяемый к областям истории, политики, науки, образования, искусства, религии и др. В случае иной фундаментальной структуры, где, к примеру, отсутствует онтология или аксиология, но присутствует структурно-лингвистический, феноменологический или герменевтический подход – происходит, в принципе, то же самое;

в) **парадигмально-концептный** – включение в предмет прикладной философии (политика, наука, образование и др.) базовых концептов, смыслов, ценностных установок, целевых и методологических ориентиров некоторой фундаментально-философской области и применение их в качестве основного инструментария предметно-дисциплинарного или междисциплинарного синтеза. Поиск вариантов «универсальных» концептов для различных предметно-дисциплинарных теорий и попытки их конвергенции, либо разведение до уровня дополнительности и очерчивание контекста (условий), в рамках которых они применимы;

г) **структурно-функциональный**, ориентированный на базовые структуры фундаментальной философии. Например, философия как мышление (философская логика), философия как мировоззрение (философское знание); философия как язык (философская коммуникация); философия как деятельность (образ жизни), и соответствующие им функции для использования в операционализации в рамках прикладных областей философии (политики, истории, культуры, науки, искусства, управления и др.);

¹⁰⁷ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом измерении. – М.: URSS, 2012. С. 58.

д) **философская инноватика**, как сфера прикладных философских исследований и разработок и соответствующая ей методология (см. наши работы 2009–2014 гг.);

е) **композиционный**, использующий различные методы, приемы, схемы (а-д), из арсенала выше приведенных образцов операционализации (см. схему 4).

Следует отметить, что сами способы операционализации могут выступать в качестве основания компаративистских философских исследований.

Концепт 2: «Конвергентная философия». Сам по себе термин навеян анализом современных интеллектуальных процессов, бурно протекающих в ряде отраслей. Например, в современной журналистике сформировалась область «конвергентной журналистики»¹⁰⁸, где рассматриваются проблемы журналистской деятельности в рамках разных медиаплатформ (печатной, радио-, TV-интернет); появление мультимедийных платформ (печатная – интернет, печатная – мобильная – радио и др.).

Аналогичные разработки имеются в современной теории управления: «В проблемных случаях поведение разных субъектов становится похожим, они ведут себя более согласованно, и, как следствие, скорее «сговариваются» и быстрее достигают намеченных целей. Это феномен, а именно обеспечение необходимых условий устойчивой сходимости информационных процессов к намечаемым целям, был назван конвергентностью». Иначе говоря, конвергентность – обеспечение устойчивой сходимости к целям¹⁰⁹.

В философской деятельности мы также обнаруживаем конвергентные процессы – тенденции сближения различных парадигм и направлений современной философии и их объединение в определенные (м.б. даже условные) кластеры. Например, давно осуществляемые шаги по классификации фундаментальной философии на рационалистический и иррационалистический классы; объективистский (материалистический) и субъективистский (идеалистический). Или современные способы объединения в кластеры: сциентистский (позитивизм, постпозитивизм, прагматизм, феноменология, критический рационализм); антисциентистский (неокантианство, экзистенциализм, персонализм); коммунологический (герменевтика, постмодернизм)¹¹⁰.

Подобная кластеризация способствует выделению в рамках данного кластера близких по смыслу и становящимися универсальными концептов философского языка и мышления, при сохранении и части собственного ряда концептов философских систем, вошедших в данный кластер.

¹⁰⁸ Баранова Е.А. Конвергентная журналистика. Теория и практика. – М.: Юрайт, 2014.

¹⁰⁹ Райков А.Н. Конвергентное управление и поддержка решений. – М.: Изд-во ИКАР, 2009. С. 6.

¹¹⁰ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. – М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 149-182.

Способы операционализации различных парадигм фундаментальной философии:

Схема 4

Конвергентные процессы идут и на уровне прикладного философского знания, которое формируется не только за счет экстраполяции из сферы фундаментального знания, но и за счет восхождения от предметно-дисциплинарных областей к интердисциплинарным и междисциплинарным и формирование там новых обобщенных концептов, которые можно отнести к общенаучным или междисциплинарным. Например: формирование науковедения в параллель философии науки; искусствоведения в параллель философии искусства; религиоведения в параллель философии религии; общей лингвистики в параллель философии языка и т.п.

Можно, конечно, сказать, что формирование междисциплинарных областей и соответствующих областей прикладной философии – это разные когнитивные (исследовательские) программы. Но развитие междисциплинарного уровня способствует конвергенции различных версий прикладной философии.

Вместе с тем, концепт «конвергентной философии» способствует развитию более углубленных компаративно-философских исследований (см. схему 5).

Конвергентная и кросс-культурная философия:

Конвергентные процессы – тенденции сближения различных парадигм и направлений современной философии и их объединение в определенные (м.б. даже условные) кластеры. Например, сциентистский (позитивизм, постпозитивизм, прагматизм, феноменология, критический рационализм); антисциентистский (неокантианство, экзистенциализм, персонализм); коммунологический (герменевтика, постмодернизм).

Подобная кластеризация способствует выделению в рамках данного кластера близких по смыслу и становящимися универсальными концептов философского языка и мышления, при сохранении и части собственного ряда концептов философских систем, вошедших в данный кластер.

Конвергентные процессы идут как на уровне фундаментального знания, так и включают разные версии философского опыта.

Схема 5

Концепт 3 – «философский опыт» – необходим для продвижения в понимании источников философского знания и механизмов его генерации. С одной стороны, это вроде введение еще одного уровня (низшего) в нашу многомерную схему философской деятельности. Но, с другой, без разработки этого концепта (уровня) не удастся доказательно рассмотреть метафилософский уровень, выйти на анализ процессов дивергенции философских систем*.

* Подробнее – см. следующий раздел о философском опыте.

Нельзя не сказать еще и том, что в рамках системной модели философской деятельности действуют различные модели философской логики, являясь органическим компонентом философского мышления. Конечно, об этом необходим специальный разговор, но многолетние споры в отечественной философии во второй половине XX века о противоречиях и статусе формальной и диалектической логики прямо свидетельствуют о существовании металогического уровня в философии.

Скорее всего речь необходимо вести о конституировании в рамках философской логики (металогике) разных моделей логики: логики тождественных отношений, логики противоречия, логики подобия (толерантных отношений), диатропической логики. Эти модели сосуществуют, отчасти конвергируют, получают свое развитие в специальном знании. Но для философии принципиальное значение имеет рефлексия по поводу того, какая логическая модель имеет преимущества в тех или иных когнитивных условиях.

Резюмируя сказанное о новых измерениях философской деятельности, включающей фундаментальной, прикладной уровни и разнообразный философский опыт и разные логические механизмы, мы можем представить уточненную схему, в рамках которой могут осуществляться не только разные программы компаративных исследований (см. схему 6), но и само представление о философской инноватике приобретает полицентричный характер.

Выводы и рекомендации

1. Системная модель философской деятельности, включающая философскую инноватику, позволяет наметить новые направления исследований, в ходе которых рассматриваются компаративные и кросс-культурные подходы по «вертикали» и по «горизонтали» представленной модели, намечаются пути формирования философской когнитологии и философской когнитивной аналитики.

2. Системная модель философской деятельности выступает в качестве базовой для конструирования новой модели философского образования, включающей не только формирование аналитических и герменевтических навыков понимания и интерпретации философских текстов, но и освоение новых видов философского опыта, решение задач прикладной философии и философской инноватики. Впервые в эту модель могут быть включены тренинги по освоению психотехник, направленных на формирование навыков в рамках различных видов философского опыта (профессиональное и предевтическое образование).

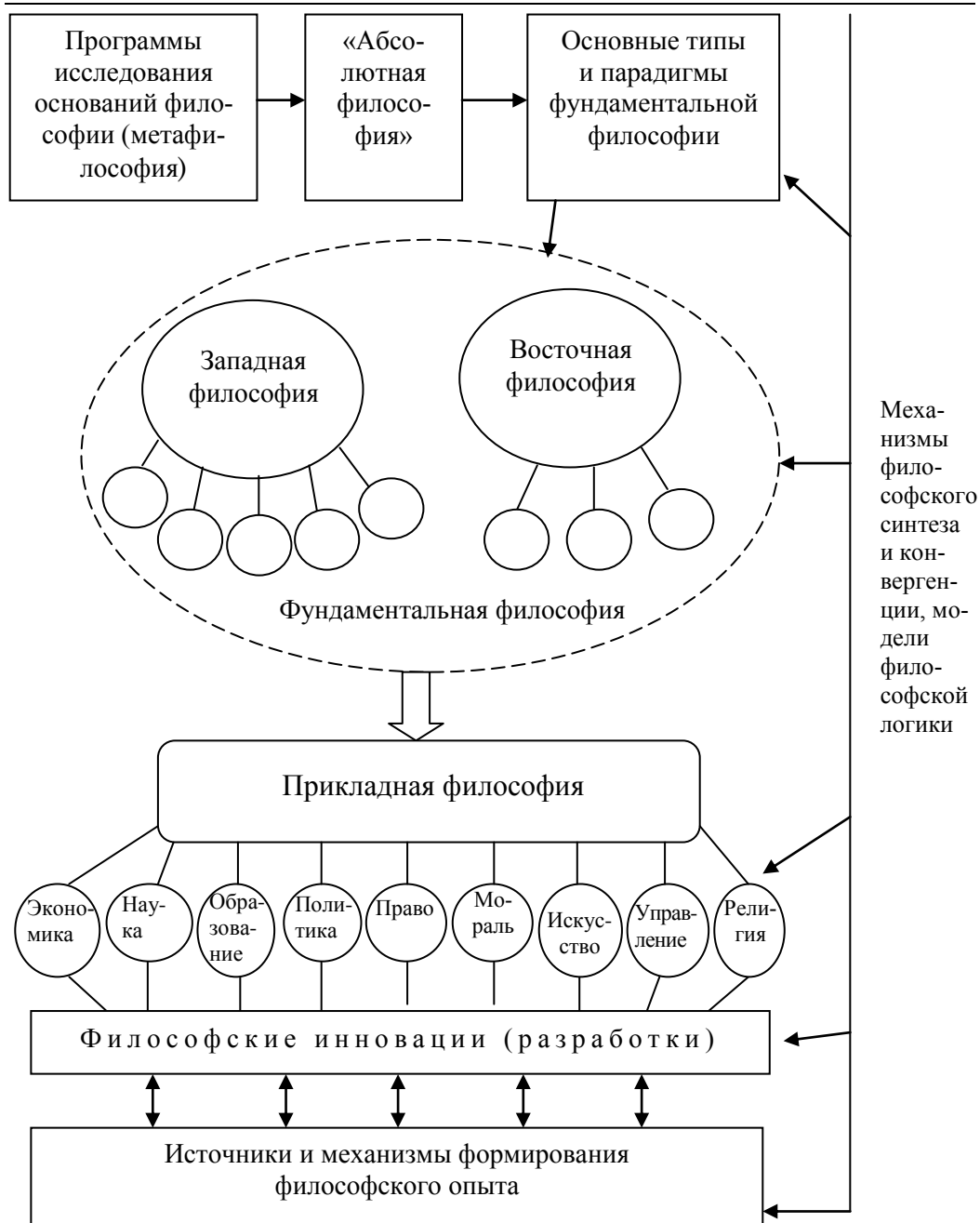

Схема 6. Место философской инноватики в системе философской деятельности и ее дифференциация в зависимости от кластеров, образуемых различными типами фундаментальной философии и различных механизмов их операционализации

2.2. Классическое и неклассическое понимание субъектности в контексте прикладной философии

Проблема субъекта и субъектности, субъективной реальности¹¹¹ в начале XXI в. вновь находится в центре внимания, что невольно наталкивает на аналогии с первыми шагами в становлении неклассического естествознания столетие тому назад. Однако на сей раз основной импульс в переформатировании уже сложившегося неклассического образа субъекта исходит из гуманитарного познания и когнитологии. Явно чувствуется значительно усилившееся влияние культуроцентрической научной программы как на общезнакомые эпистемологические репрезентации, так и на те из них, что базируются на натуроцентрических образах мира.

Если говорить о каноническом (и не только классическом) понимании, то субъект и субъектность отождествляются с образом человека-индивида или группы, как коллективного начала действий («субъект... – носитель деятельности, сознания и познания ... Большинство представителей классической философии отождествляли субъект с центром сознания, с Я... Для современной философии – субъект – это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми»¹¹²). В основе познавательной и целеполагающей деятельности субъекта лежат рассудочные и рационально-разумные предпосылки и действия, которые либо прозрачны, либо все делается для их прояснения и видимых препятствий, ограничений к тому не предвидится.

В то же время, и это скорее неявное, контекстуальное основание, субъект – это взрослый здоровый человек мужского пола и белой расы, поскольку именно такой особи-субъекту дана способность неограниченного развития рационального интеллекта и рефлексии по поводу оснований его деятельности.

Следует подчеркнуть, что анализ различных видов субъектных и субъективных проявлений, включая и контекстуальные проявления, уже к концу XX в. показал, что такого рода представления о субъекте, так же как абстракции более раннего периода («Гносеологическая Робинзонада», например) уже свое «отыграли».

¹¹¹ В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (М.: Изд-во Канон+, 2009) статьи, посвященной субъекту нет, а представлена статья Д.И. Дубровского «Субъективная реальность» (С. 939-943).

¹¹² Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 2010. С. 659-660.

В современной социологии, психологии, антропологии, политологии, ювентологии, гендерных и этнологических исследованиях показано, что человеческая субъектность имеет и другие явные и контекстуальные репрезентации и иную идентичность, что позволяет существенно усложнить исходные абстракции о субъектности, введя в ее понимание не только ось «индивид – группа», но и ряд других осей: гендерную, возрастную, расово-этническую, социокультурную, социально-эволюционную. ***Это позволяет начать переход от класса одномерных к классу многомерных репрезентаций субъектности.***

К этому необходимо добавить также и другое обстоятельство, что «субъект является необходимым полюсом субъектно-объектных отношений»¹¹³. И хотя данный полюс никуда не ушел, но субъект и субъектно-объектные отношения как в сфере естественнонаучного познания (и соответствующих отношений с природными объектами), так и в сфере гуманитарного познания (и отношений с социальными объектами) существенно изменились и усложнились, что заставляет включить данное обстоятельство в реконструкцию современных проблем субъектности.

Объект, в особенности объект неклассического и современного естествознания – основной сюжет интегративных, междисциплинарных и философских реконструкций в виде научной картины мира (НКМ), современной картины Универсума, локальных (дисциплинарных) научных картин мира. Это важный концепт контекстуальной природы, позволяющий сохранять единое научно-коммуникативное пространство. В то же время с начала XX в. идет поиск места субъекта в неклассической и современной НКМ: начиная от первых неклассических суждений типа «без субъекта нет объекта», которое шокировало классическое объективистское мирозерцание ученых и материалистических философов и, заканчивая открытием и введением в контекст НКМ антропного принципа, включая и его локальные проекции.

Проблема сопряженной взаимосвязи субъекта и объекта, начиная с XX в., становится отчетливо не только в ряде направлений социально-гуманитарного и философского познания, где она артикулируется и получает воплощение в культуроцентрической программе и ее философских основаниях (философия жизни, герменевтика, экзистенциализм), но и сходным, хотя и особенным образом, в естественнонаучном познании, где субъект и субъектные проявления фиксируются вначале в виде некоей неустранимой Δ , составляющей части неразрывной «молекулы» s-o, без которой не существует данной репрезентации Объекта. А затем и в естествознании начинается восхождение от микромоделей объекта (где явно проявляется «неустранимое присутствие субъекта») – к макро- и мегамоделям, Универсуму в целом, который обращен к нам тем своим обликом, фазой существования,

¹¹³ Лекторский В.А. Указ. соч. С. 660.

которая сформировалась эволюционно вместе с субъектом и которая, помимо субъекта, принципиально иная не только как «вещь в себе», но и как «вещь для нас», взаимодействие с которой может быть смертельно опасным.

Позже подобные проекции проявляются и по макроазимутам: в психофизиологии («разумный глаз» – Р. Грегори; экология восприятия – Дж. Гибсон); в гуманитарной психологии (концепции деятельности и деятельностный подход – Л. Выготский, А. Леонтьев, Э. Ильенков, П. Гальперин, Д. Эльконин, В. Давыдов). Следует указать и те направления, где реконструируется формирование субъектности под воздействием других ее атрибутов: языка, художественного творчества, мифа; вообще знаково-семиотических конструкций; поведения. Это на многообразном материале позволяет расширить тезисы о «сознании, которое не только отражает мир, но и творит его» и о «философах, которые не только объясняют мир, но и преобразуют его в новые устойчивые формы», до утверждений: «субъектность не только реконструирует и репрезентирует мир в субъективных (предметно-культурных) формах, но и творит, конструирует его по определенным параметрам, в т.ч. глобально-эволюционно значимым. И эта способность задана в том числе и на природно-генетическом уровне и выступает в качестве макроформы макропроявления универсного контекста в данной фазе, форме его существования. **Данный тезис оказывается вместе с тем конструктивно-проективной формой антропного принципа.**

Естественно, что остаются недостаточно ясными, непроясненными механизмы взаимоперехода информационных и субстратных начал и процессов на разных уровнях существования (человек и Вселенная; мозг и сознание; информация и взаимодействие).

Наряду с отмеченными двумя направлениями, которые взорвали устоявшиеся подходы к субъектности (полицентризм и многомерность в репрезентации начал субъектности и взаимосвязь отражательно-репрезентационных и проективно-конструктивистских механизмов в субъектности) необходимо отметить значимость третьего направления – изучение механизмов формирования интерсубъективности, взаимосвязи индивидуального и коллективного субъекта, взаимосвязи филогенетических онтогенетических начал в формировании субъектности. Данный аспект весьма остро заявил о себе в современной социологии, политологии, социальной психологии и других гуманитарных дисциплинах, реконструирующих активную эволюцию социально-исторических и социально-политических процессов, проясняющих роль и место массовых и элитарных субъектов, выявляющих возможные механизмы социально-культурного кодирования и коллективного наследования, сохранение эстафеты поколений и межпоколенческой преемственности.

Указанные аспекты и развитие самой современной субъектности и ее активного изучения получили отражение в ряде современных философских и междисциплинарных концепций. В порядке перечисления укажем на такие

из них, как эволюционную эпистемологию и когнитологию¹¹⁴; эпистемологию жизненного мира¹¹⁵; социальный конструкционизм¹¹⁶; телесное и знаковое познание¹¹⁷; концепцию множественности интеллектов¹¹⁸ и др.

В философско-методологическом и эпистемологическом аспекте данные новые концептуальные направления базируются на различных фундаментально-философских течениях: модернизированной философии жизни и современном экзистенциализме; современной аналитической философии; философии постмодернизма и современной герменевтике. В то же время сами по себе эти новые репрезентации субъектности относятся скорее всего к тому жанру, который мы обозначили философской инноватикой¹¹⁹, базирующейся на различных фундаментально-философских платформах.

В последние десятилетия и, в особенности, с начала XXI века, конституируется новый тип гуманитарной и философской инноватики, в основе которой субъект-субъектный подход, базирующийся на иной когнитивной матрице, которая основывается на категориях «смысл»: «понимание», «интерпретация», «ценности», «дискурс», «текст», «контекст» и т.п.¹²⁰ Вместе с тем, в поиске адекватных управленческих инноваций в рамках более сложных самоорганизующихся систем происходит смещение от категорий целевой детерминации – к категориям коэволюционного влияния, поддержание социального гомеостаза, социально-средового воздействия, упорядочения социально-хаотических состояний. В то же время идет поиск «акупунктурных точек» интеллектуальных и социальных систем, позволяющих переводить эти системы в хаотическое состояние и управлять через организацию хаоса, либо выявлять так называемые триггерные цепочки, позволяющие осуществлять противоположные операции: выводить систему на более высокие уровни организации. В эпицентре этих поисков наиболее чувствительной областью оказываются субъект-субъектные взаимодействия в сфере управления, реализующие технологии рефлексивного управления.

¹¹⁴ Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология: современный взгляд // Эпистемология: перспективы развития. М.: Изд-во «Канон+», 2012.

¹¹⁵ Смирнова Н.М. Эпистемология жизненного мира: новые когнитивные горизонты // Эпистемология: новые горизонты. М.: Изд-во «Канон+», 2011.

¹¹⁶ Труфанова Е.О. Единство и множественность. М.: Изд-во Канон+, 2010; Ее же. Социальный конструкционизм в теории познания // Эпистемология: новые горизонты. М.: Изд-во «Канон+», 2011.

¹¹⁷ Князева Е.Н. Телесное и знаковое познание: новый проект в эпистемологии и когнитивной науке // Эпистемология: новые горизонты. М.: Изд-во «Канон+», 2011.

¹¹⁸ Gardner H. Intelligence Reframed. New York, 1999; Альбрехт К. Социальный интеллект. М.: Изд-во «Бизнес Психологи», 2011.

¹¹⁹ Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. Ростов н/Д.: СКАГС, 2011.

¹²⁰ Старостин А.М. Философия науки и эпистемологическая инноватика // Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. LAP LAMBERT Academic Publishing (Германия), 2010. С. 203-205; Кокошин А.А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. – М.: ЛЕНАНД, 2008.

Таким образом в центре развития современной фазы гуманитарных инноваций оказывается когнитивная гуманитарная наука, ориентированная на исследования и разработки в сфере гуманитарного мышления, восприятия, принятия решений в рамках сложного рефлексивного взаимодействия. В этом контексте очень важен и востребован инструментарий и опыт прежде всего философской инноватики.

Автор, базируясь на инструментарии философской инноватики, имеет опыт непосредственной разработки ряда аспектов современной субъектности. Их можно представить в виде нескольких когнитивных кейсов. Кейс 1 – рефлексивное управление как репрезентация современной управленческой субъектности; кейс 2 – гендерная субъектность в системе современной политической власти и управления; кейс 3 – элитная идентичность как репрезентация современной субъектности в социально-политических процессах; кейс 4 – анализ многосоставного общества как социального субъекта, несущего в себе значительный потенциал неустойчивости и социальной динамики.

Резюме. Резюмируя сказанное в рамках общих подходов и аналитических кейс-исследований подчеркнем то обстоятельство, что основной философско-инновационной проблемой, которая просматривается в ходе изучения современной субъектности видится значимость реконструкции субъектности в ее когнитивных, деятельных и проективных устремлениях в условиях многоуровневых и многосоставных объектов, репрезентированных в субъективном контексте.

В этих рамках решаются такие основные задачи, как: каким образом, в каком деятельностно-поведенческом, социокультурном, знаково-информационном контексте формируются смысловые, познавательные, нормативно-ценностные, рефлексивные возможности, проявляющиеся в таких интегративных формах, которые выполняют образно-репрезентационную, навигационно-ориентирующую, инструментально-телеологическую, социально-коммуникативную и индивидуально-коммуникативную, рефлексивную и проективную функции на базе магического, мифо-поэтического, философского, научного и системно-научного образов мира; а также с помощью каких механизмов (знаковых, ценностных, культурных, поведенческих, институциональных) эти образы и соответствующий им инструментарий закрепляются и транслируются другим субъектам-носителям.

Постановка и решение такого рода задач востребует в качестве ключевой категорию **«модальность субъектности»**, в рамках которой могут выделены такие виды модальности, как: «эволюционно-генетическая», «антропологическая», «социальная», «когнитивная». Каждая из них либо доминирует в репрезентациях субъектности и его идентичности, либо наблюдается диссонанс (открытый или скрытый) репрезентации и идентичности.

2.3. Философский опыт в системе духовно-практической деятельности

Современный мир динамично глобализируется: интенсифицируется многократно обмен товарами, услугами, инновациями, людьми. В противоречивое движение пришли известные веками складывавшиеся экономические и политические институты и прежде всего государства. В этих условиях остро поставлен вопрос о понимании и прогнозировании данных изменений. И речь идет не о частичном, аспектном видении, а о целостном, синтетическом. Этот запрос адресуется прежде всего философии. Но и сама философия, которая еще недавно казалась креативной и привычной к решению подобных задач рационально-мировоззренческого уровня, оказалась в затруднении, поскольку в ней наметились не просто альтернативные подходы в русле известных философских парадигм, но альтернативные варианты видения состояний и путей дальнейшего глобального движения с позиций разных цивилизационных культур. И, вместе с тем, достаточно выпукло проявились то ли взаимно конкурентные, то ли взаимно дополнительные сценарии глобализации: глобальной модернизации, глобальной сервисизации, ноосферизации, конфликта локальных цивилизаций и др.

На уровень глобальных взаимодействий, конкуренции, конфликтов вышли не только политические, экономические, идеологические институты и процессы, но и мировоззренческие образы, методологические и мыслительные процессы и стили управления.

Как совершенно справедливо отметил Ричард Э. Нейсбит: «Примечательно, как общественные структуры и самосознание, присущие жителям Запада и Востока, подходят к их же воззрениям и мыслительным процессам. Коллективизм азиатского социума согласуется с широким контекстуальным взглядом на мир его представителя. Соответственно, индивидуализм западного общества естественным образом согласуется с вниманием европейца к частным предметам в оторванности от среды, верой в линейные законы поведения объектов и возможностью управления этим поведением»¹²¹.

В этих условиях новые требования предъявляются к философской рефлексии. Оптика этой рефлексии становится сродни квантово-релятивистской картине действительности, которая приобретает взаимно дополнительные проекции в описании наблюдаемых процессов. Что непривычно для философии, по крайней мере для западной, претендующей на универсализм и на высший ранг в иерархии философских культур. И что, вместе с тем, формулирует проблемную ситуацию применительно к инструментарию самой философской деятельности, парадигмально-цивилизационному образу философии.

¹²¹ Нейсбит Р. География мысли. – М.: Астрель, 2011. С. 19.

Что касается парадигмально-цивилизационного образа философской деятельности, то здесь сложилось несколько вариантов видения подходов:

– традиционная философская компаративистика¹²², в рамках которой устанавливаются общие и специфические черты философской деятельности в рамках разных цивилизационных культур. Так сказать философская «концепция черт»;

– «просвечивание» философской деятельности в ее генезисе и эволюции с междисциплинарных позиций новых областей познания, предметно изучающих сложную когнитивную деятельность¹²³: социологии познания, гуманитарной когнитологии, глубинной и трансперсональной психологии, концепции множественного интеллекта и др.;

– системно-компаративный подход, выделяющий в философской деятельности и философском познании фундаментальный и прикладной уровни, основные модели философского опыта и философской логики, кросс-культурные и конвергентные конструкты¹²⁴.

Последняя модель является авторской и включает концепт философского опыта, как исходной и конечной инстанции философской деятельности, реализующей «философский путь», тот самый путь к мудрости, понимание структуры и функций которой без этого концепта нерелевантно. В то же время разные базовые траектории развития философского опыта, описываемые разными морфологическими моделями, позволяют представить специфику западного, восточного, российского путей.

Итак, о философском опыте, который в данном контексте выступает в качестве контрагента философского мышления и, в итоге, базой для философской мудрости. В таком контексте философы рассуждают редко, ибо явно или неявно считается, что философия – это чистая, предельно отвлеченная, наиболее абстрактная форма мышления. Но еще Ф. Ницше в «По ту сторону добра и зла» обратил внимание на то, что такое мышление должно сформироваться. Это, скорее всего, не только данность индивида, от природы одаренного задатками особой формы интеллекта, но и атрибут определенной культуры (или субкультуры), которая проявляет себя вполне уже в начале «осевого времени» и на которую формируется социальный запрос. Он писал: «Научиться понимать что такое философ, трудно оттого, что этому нельзя выучить: это нужно “знать” из опыта – или нужно иметь гордость не знать

¹²² См., например: История современной зарубежной философии: компаративистский подход. Т. 1, 2. – СПб.: Изд-во «Лань», 1998.

¹²³ См.: Коллинз Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 2002; Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2010; Торчинов Е.Я. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Изд-во Азбука, 2007; Нэбит Э.Р. География мысли. – М.: Изд-во «Астрель», 2011; Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. – М.: Изд-во «Вильямс», 2007.

¹²⁴ См.: Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

этого. Однако в наши дни все говорят о вещах, относительно которых не могут иметь никакого опыта... Для воспитания истинного философа, быть может, необходимо, чтобы и сам он стоял некогда на тех ступенях, на которых остаются и должны оставаться его слуги, научные работники философии, быть может, он и сам должен быть критиком, скептиком и догматиком, и историком, и, сверх того, поэтом и собирателем, и путешественником, и отгадчиком загадок, и прорицателем, и «свободомыслящим» и почти всем, чтобы весь круг человеческих ценностей и разного рода чувств ценности, чтобы иметь возможность смотреть различными глазами и с различной совестью во всякую даль, из глубины во всякую высь, из угла во всякий простор»¹²⁵.

Ф. Ницше где-то балансирует на грани между пониманием философского опыта как заданного социобиологической программой качества индивида и, как возможности, выходить за пределы каких-то кажущихся заданных программ, благодаря особому «личностному пути» или опыту, понимаемому и как особая форма (со своими признаками, чертами), и как процесс.

Как видим, понимание «философского опыта» достаточно противоречиво, неоднозначно и требует, вместе с тем прояснения того, что мы вообще понимаем под опытом.

Существующие определения и трактовки на сей счет достаточно узки и традиционны. Классическое понимание, например, излагается В.А. Лекторским: «Опыт – знание, которое непосредственно дано сознанию **субъекта** и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью – будь это реальность внешних субъекту предметов и ситуаций (восприятие) или же реальность состояний самого сознания (представления, воспоминания, переживания и т.д.). Большинство философов сближали опыт с чувственным знанием»¹²⁶.

Как видим, – это узкокогнитивное, статично-уровневое понимание Опыта, как «низшего» (первичного) уровня познания и знания. Под него «философский опыт» подходит с большим трудом. В особенности, если учесть и ряд других суждений в этой же статье. Например: «Выделяются различные типы опыта: обыденный опыт, фиксирующий в обыденном языке и в правилах “здорового смысла” результаты повседневной житейской практики; применяемое в науке (прежде всего в описательных науках) систематическое наблюдение (особая его разновидность – самонаблюдение, т.е. интроспекция); научный эксперимент, предполагающий не просто фиксацию естественно данного порядка вещей, а создание определенных искусственных ситуаций, позволяющих изучать явления в “чистом виде”»¹²⁷. И далее: «Крайне проблематична возможность выделения “внутреннего

¹²⁵ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – СПб.: Изд-во «Азбука», 2014. С. 251, 448.

¹²⁶ Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 3. – М.: «Мысль», 2010. С. 158.

¹²⁷ Там же. С. 159.

опыта” в качестве самостоятельного. Если обычный (“внешний”) опыт предполагает воздействие внешнего предмета на органы чувств субъекта, то непонятно, какие органы чувств может использовать субъект, испытывающий свой “внутренний опыт”»¹²⁸.

К последнему суждению можно сделать критическое замечание о том, что уже И.П. Павловым были зафиксированы, наряду с традиционно выделяемыми пятью органами чувств как источников чувственного опыта, еще три (вестибулярный, проприоцептивный и висцеральный), как раз и фиксирующие реалии «внутреннего опыта». Не говоря уже об исследованиях в области глубинной и трансперсональной психологии последних десятилетий.

Что касается более широких подходов к опыту, в которые может быть вписан и философский, и математический, и мистический опыт, то они основываются и на иной концепции, и на иных трактовках. Прежде всего, это суждения об интенции опытной деятельности, связанной с характером познавательных ситуаций: макрокосмической, направленной на преобразование и познание внешнего мира, и – микрокосмической, направленной на освоение и понимание внутреннего мира, личностного мира.

Касательно макрокосмической установки, которая получила преимущественное и интенсивное развитие в Западной цивилизации, мы имели ранее возможность апробировать концепцию космического опыта¹²⁹. Эта концепция разрабатывалась нами в рамках выдвинутой в 60-е гг. XX в. современной формы отечественного космизма, закрепленной термином «космизация» (Е.Т. Фаддеев, А.Д. Урсул, И.М. Забелин, Н.А. Варваров и др.). Космизация науки и практики рассматривалась как важнейшее направление НТР и выводила при экстраполяции на концепт «космической цивилизации». В целом данное научное и философское умонастроение может рассматриваться как апофеоз технико-технологического развития индустриального общества, экстремальное проявление технико-технологического, проектно-преобразовательного (активистского) начала и человеческой экспансии за пределы Земного ареала обитания. Это, в первую очередь, яркое проявление западного мировоззрения и философии, что проявляется и в соответствующем понимании опыта: в расширении и в существенном его переформатировании при обращении к «космическому опыту».

Позволим себе более пространное изложение нашей концепции космического опыта.

До его возникновения можно было говорить о предпосылках космизации научного знания и познания. Вне соотношения с ним любое теоретическое знание, отражающее природу космических объектов и процессов, в зна-

¹²⁸ Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 3. – М.: «Мысль», 2010. С. 154.

¹²⁹ *Старостин А.М.* Космический эксперимент как новый этап эксперимента (философско-методологический анализ). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1977.

чительной мере носит гипотетический характер. Космический опыт, эмпирический уровень космических исследований возникает в процессе становления космического наблюдения и космического эксперимента. Эти процессы активно развиваются и в настоящее время и требуют специального рассмотрения. С началом космических исследований объекты, исследовавшиеся ранее астрономией, физикой, геологией, биологией, психологией и другими науками начинают изучаться в совершенно новых условиях. В область непосредственного научного познания вовлекаются объекты ранее недоступные. Изменяется и позиция субъекта – исследователя, выходящего в космическое пространство. Все эти изменения можно зафиксировать с помощью понятия «познавательная ситуация», под которой понимается система субъект-объектных отношений, характеризуемая определенным качеством объекта познания (земной или космической), позицией субъекта познания (земной или космизирующийся) и условиями, в которых осуществляется познание.

Само по себе введение понятия «познавательная ситуация» свидетельство гносеологической рефлексии, порожденной расслоением сложившегося научного опыта. Исходя из соотношения элементов познавательных ситуаций, следует выделить и анализировать три типа опыта:

А) **Геоцентрический опыт** – эмпирические исследования земным субъектом земных макрообъектов в макроземных условиях или наблюдения космических объектов через призму земных условий.

Б) **Космизированный опыт** – выделение и исследование в чистом виде отдельных космических факторов в земных условиях или в условиях, частично имитирующих космические. Главным видом космизированного опыта было и остается экспериментальное изучение микро-объектов, которые представляют один из основных элементов космической реальности. Второе направление космизированного опыта – искусственное воспроизведение действия ряда космических макроскопических факторов: моделирование процессов образования лунного грунта, действия на биологические объекты и человека перегрузок, кратковременной невесомости, радиации и др. Третье направление – экспериментальные исследования космических объектов с Земли путем радио- и светолокации.

В) **Космический опыт** – исследования с помощью космических средств космических объектов в космических условиях Земли и ее подсистем из космоса при наличии субъекта в космосе (космизированного субъекта) или при помощи автоматизированных средств.

Анализ специфики космического опыта может быть осуществлен посредством рассмотрения двух основных его подсистем: «Объект – Средства» и «Субъект – Средства».

Изучение взаимодействий в космическом опыте в такой его подсистеме, как «космические средства – объект» показывает, что здесь получает

развитие тенденция усложнения системы субъект-объектных отношений, возрастания роли условий познания, намеченная в микрокосмическом опыте. Здесь иной, чем в традиционном макроземном эксперименте, характер приобретают проблемы управления познавательной ситуацией. **Возможно, впервые ставится сама задача управления познавательной ситуацией через воздействие на отдельные ее компоненты и связи и систему в целом, а не только на объект познания.** Такая постановка мотивирована не только особенностью космических объектов и условий, но одним крайне важным обстоятельством глобально экологического свойства, впервые отчетливо проявившимся по-преимуществу, в космических исследованиях, где и получает свое дальнейшее развертывание.

Речь идет о том, что развитие большемасштабных природно-инструментальных комплексов в космосе, потребности развития здесь активных исследований поставили перед необходимостью разработки проблемы **экологии научно-познавательной деятельности**¹³⁰.

На чувственно-практическом уровне в космических исследованиях (подсистема С-Ср) мы сталкиваемся с **проблемой инструментализации основных чувственно-предметных операций.**

Образ объекта в космических исследованиях по-преимуществу опосредован компьютерно-информационной реальностью. Если в условиях наземных исследований чувственный образ контролируется сенсорной системой, опытом человека, сложившимся в ходе длительной эволюции, и развития практики, то в космических исследованиях первостепенную значимость приобретают адекватные перцептивные средства и проблема **«двойной адекватности»** – объекту и субъекту познания.

Что касается традиций восточных цивилизаций, то здесь основная интенция в развитии опыта как раз состоит в направлении на «внутренний космос», в личностный микрокосмос и граничащий с ним трансперсональный опыт. Как говорится: если не можешь изменить внешнюю реальность, знание о которой крайне необходимо, измени внутреннюю реальность (включая и состояние сознания и их контекстуальную часть), в которой эта внешняя реальность фиксируется. В современной западной науке лишь сравнительно недавно стали изучаться измененные состояния сознания (ИСС) и переходные к ним состояния¹³¹.

Между тем, многовековые традиции «духовного преобразования (экспериментирования)» успешно развивались в культуре и философии восточных

¹³⁰ Прежде всего данная проблема просматривается в качестве вопроса о экологических границах научно-практической деятельности и развитии дистантных и квазиприборных методов эмпирического познания; подробнее: *Старостин А.М.* Экологические границы космического эксперимента // Идеи К.Э. Циолковского и современные научные проблемы. М., 1984.

¹³¹ *Гордеева О.В.* Измененные состояния сознания: природа, механизмы, функции, характеристики. – М.: Изд-во «Когнито-Центр», 2012.

цивилизаций, создавая базу общесоциального и философского опыта особого интроспективного типа: «Огромно значение неведомой для западной мысли связи неевропейских (прежде всего индийской) философии с наукой о трансформации психики, психопрактикой... Именно неевропейские (особенно индийские) учения придавали особое значение не только психопрактике, как методике достижения конкретных, строго определенных измененных состояний сознания, но и их теоретическому и даже понятийному осмыслению»¹³².

В такой трактовке опыт может включать целую систему операций и условий, организующих «познавательные ситуации» разного типа, разной направленности (экстраспективной, интраспективной и др.) и фиксирующих свои результаты в разных когнитивных формах (непосредственных или опосредованных), в том числе и в знаниевой форме (но не только в этой форме, но и, например, в виде компетенций, социогуманитарных техник и технологий, техник измененных состояний сознания, ориентированных на то или иное информационно значимое переживание и т.д.).

Резюмируя сказанное об опыте вообще, подчеркнем, что, наряду с традиционной его трактовкой в контексте непосредственного знания, получаемого в условиях повседневной или специализированной практики, напрашивается и более широкая его трактовка. Прежде всего она обусловлена изучением различных локально-цивилизационных траекторий развития, имеющих разные векторы приоритетного социального развития (по преимуществу, экспансионистские и экстраспективные или интраспективные и коэволюционные с природной и социальной фазой). В такой расширенной интерпретации опыт – это:

О₁ – **опыт как инструмент (метод)**, направленный на апробацию **относительно** непосредственного знания и его пополнение. В этом плане в полной мере начинает работать функционально-реляционная концепция опыта, учитывающая и то, что «стартовые» позиции опытного знания всегда соотносятся с абстрактно-теоретическими, опосредованными моделями предмета, которые поэтапно наполняются качественно новыми непосредственными данными; в то же время сам **непосредственный** уровень концептуализируется, символизируется, опосредствуется применительно к исходным опытным позициям. И между чувственными данными и их понятийными интерпретациями нарастает, с одной стороны, слой приборно-инструментальных посредников с их своим символическим смыслом, а, с другой, – слой теоретико-операциональных звеньев, подводящих ко все более отвлеченным теоретическим моделям.

¹³² Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2007. С. 42.

O₂ – опыт как **знание** определенного качества и уровня в системе «эмпирическое – теоретическое», знание меньшей абстрактности, нежели теоретическое знание данного (сегодняшнего) уровня; знание того уровня, ниже которого в конкретном познавательном процессе не «опускаются»; знание, которое в данной познавательной ситуации непосредственно репрезентирует предмет (объект).

O₃ – опыт **как ценность**, определяющая непосредственную значимость знания, образа предмета и, в то же время, определяющая эрудицию и жизненную позицию их субъекта-носителя и, вместе с этим, его когнитивный статус, заслуги в деле познавательной деятельности.

O₄ – опыт как **база проблематизации** знаний и исходный пункт поисковой деятельности.

O₅ – опыт как **критерий** достоверности и релевантности комплекса знаний, содержащих и непосредственно-предметный и опосредованно-предметный образы.

O₆ – опыт как инструмент **внешнего целеполагания** теоретических и практических действий.

O₇ – опыт как инструмент **внутренней регуляции** чувственно-эмоциональных состояний и выстраивания межличностных коммуникаций, смысложизненной рефлексии.

O₈ – опыт как **база обобщений**, движение к опосредованным образам и моделям предмета.

O₉ – опыт как **система техник вхождения в измененные состояния сознания** (на «входе») и источник, генератор неординарных, не данных в обычных состояниях, образов, переживаний, сензитивно-соматических реакций, которые могут быть невыразимы и непереводимы в вербально-логические формы. Во всяком случае такой перевод может составлять систему самостоятельных процедур, не гарантирующих релевантность вторичных образов первичным – трансперсональным («мысль изреченная – есть ложь»)*.

Возможно, что этот ряд может еще пополнен и далее развернут, но уже понятно, что он более адекватен как к реалиям непосредственного взаимодействия субъекта с вещественно-предметным миром («внешний опыт»), так и к реалиям непосредственного взаимодействия субъекта с различными проявлениями субъективного мира: сензитивно-соматического, интуитивного или отвлеченно-абстрактного порядка («внутренний опыт») или же к реалиям межличностного, трансперсонального взаимодействия.

* Или, как вполне справедливо замечает Е.А. Торчинов, приводя пример такой «переводимости – непереводимости»: «вполне вероятно, что философская система Спинозы была в значительной степени рационализацией на основе картезианской методологии мистического опыта голландского мыслителя»: *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2007. С. 348.

В таком аспекте есть смысл говорить и о математическом, и о рефлексивном, и о философском, и о религиозном опыте, и о той части духовных практик, которые связаны с мистикой, медитацией и вообще с измененными состояниями сознания и экстремальными чувственно-соматическими состояниями.

Кстати говоря, несмотря на казалось бы предельно отвлеченный, абстрактный характер математических построений, и здесь, в той части, которая относится к основаниям математики, метаматематики можно увидеть поиск не только самых абстрагированных, самых отвлеченных образов, но и их прообразов в виде количества и арифметических операций (квонитикалистская программа), логики и логических операций (логицистская программа); пространственных форм; отношений, структур, алгоритмов (конструктивистская программа).

С этих позиций возможно рассмотрение и своеобразия, и структуры философского опыта. В первом приближении можно заметить, что философский опыт охватывает и осознанно включает области знаний, впечатлений, образов с экстремальными, вплоть до противоположных, проявлениями как внутреннего (субъективного), так и внешнего (вещественно-предметного) происхождения. Целью философско-феноменологического поиска выступает проблематизация изучаемых ситуаций и отношений в контексте их полноты, целостности и, в то же время предельной экстремальности существования.

Примечательно, что некоторые современные философы даже осознанно культивируют именно философский опыт, «духовные упражнения», дабы подчеркнуть его особое место в формировании философии, «философии как способа жить». Такова, например, принципиальная позиция Пьера Адо, автора книги «Философия как способ жить». Он показывает, что уже для древних философов она представляет не логико-теоретическую систему, но способ жизни, опыт пережитого, направленный на создание «формирующего эффекта» – упражнение на дорогах мудрости.

Комментаторы пишут: «он не нуждался во встрече с древними философами... для узнавания того, что философия является не системным построением, но пережитым опытом»¹³³. Ключевыми «упражнениями» для него выступают «океаническое чувство», космическое сознание и чувство проживания каждого часа, как если бы он был последним, но также и первым – как если бы мы смотрели на этот мир «наивно», в первый раз¹³⁴.

Конкретизируем приведенные выше суждения и примеры в рамках концепта **познавательной ситуации**, характерной для философского поиска. Выделим следующие характерные проявления этой ситуации:

¹³³ Пьер Адо. Философия как способ жить. М.-СПб., 2004. С. 11.

¹³⁴ Там же. С. 16.

П₁ – относительная сущностная (внутренняя) **непроницаемость** многообразия явлений. (Как говорил Г. Гегель: «Законы планетного движения не написаны на небе»). Но в то же время явно или неявно применяется положение о наличии устойчивой связи между внешним и внутренним и, вместе с тем о доступности в конечном итоге разуму (или интуиции) установления этой связи (природосообразность разума). Философский опыт устремлен как на поиск все более трудных, граничных состояний, барьеров внутреннего и внешнего, так и механизмов, инструментов их преодоления. К числу ситуаций в поиске таких экстремумов относится и сам постулат о природосообразности (принципе соответствия) разума как инструмента, связывающего внутренний и внешний миры.

Можно говорить как о «горизонтальных» барьерах, границах, мембранах (монады, тела, объекты, вещественно-предметные образования одного уровня), так и о «вертикальных» (уровни: микро-, макро-, мегаизмерения – в пространственно-временных моделях и реалиях). В предельно трудных ситуациях формируются, развиваются сообразно данным границам и разрывам когнитивно-образные и когнитивно-ментальные способности с их взаимной дополнительностью и многоканальностью, многократным дублированием. Они выступают как отражение, слепок объективно непроницаемых структур и приспособляются для реконструкции этой закрытости и отношений связи внешнего и внутреннего.

П₂ – относительно закрытый, ограниченный **временной** горизонт для многих, в особенности сложных эволюционирующих систем. Об относительном характере временной закрытости можно говорить, пока мы не установили механизм связи, «ключ» между прошлыми, настоящими и будущими состояниями.

П₃ – касательно самого субъективного мира можно фиксировать барьерность, существование мембран между разными когнитивными уровнями, сигнально-образными картинками, гештальтами в познавательной деятельности. В особенности между подсознательным и осознаваемым, между телесно-соматическим и интуитивно-сензитивным уровнями.

П₄ – барьерность, мембранный характер отношений между вещественно-предметным и образно-сензитивным, «материальным» и «идеальным», предметным и духовным уровнями или формами.

П₅ – так называемые несоизмеримости между определенными типами объектов (космологические объекты, микрообъекты) и субъектом, между индивидуальным и совокупнообщим субъектами.

П₆ – можно говорить об интенции философского опыта на выявление и поиск путей преодоления разрывов, барьеров, переходов между разными атрибутивными комплексами на феноменологическом уровне, уровне моделей и мысленных экспериментов (общее и единичное; содержание и форма;

количество и качество; причина и следствие; сущность и явление, конечное и бесконечное и др.).

Кстати говоря, в этом плане весьма ценны результаты поиска, проведенного в 60-е – 70-е годы XX в. по проблеме онтологического негеоцентризма (В.П. Бранский, А.С. Кармин, Е.Т. Фаддеев, С.Б. Крымский), позволившие детализировать часть указанных выше познавательных ситуаций, дабы более адекватно вписать в них теоретические конструкты фундаментальной физики второй половины XX в. В этом отношении операционально-инструментальные возможности философского опыта, касающиеся моделирования вещественно-предметных реалий, были значительно расширены. Чего пока не скажешь касательно **когнитивного негеоцентризма**. Хотя такая работа и начата в рамках философской когнитологии и когнитивной культурологии (Е.Я. Режабек, В.К. Финн, О.Е. Баксанский, В.А. Лефевр, В.В. Налимов, И.П. Меркулов). В этом же ключе положено начало альтернативной когнитивистике¹³⁵. Но весьма существенен и вклад исследователей философского опыта, реализуемого в других цивилизационных культурах (Е.А. Торчинов, Р. Нейсбит, Р.В. Светлов) и в других ментальных культурах¹³⁶.

И здесь вполне уместно выделить познавательную ситуацию П₇, условно обозначаемую: «избушка, изба, стань к лесу задом, ко мне передом». Когда управляемой частью познавательной системы становятся не объективные условия эксперимента и средства (приборные), а внутренние психосоматические, психосензитивные компоненты субъекта и система когнитивного их фокусирования (измененные состояния сознания).

Касательно конкретных проявлений и характеристик философского опыта у нас уже была возможность ранее высказаться¹³⁷. Обозначим эти позиции.

Прежде всего, применительно к пониманию «философского опыта» характерным является суждение известного отечественного философа М.К. Мамардашвили: «Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся выяснить условия, при которых мысль может состояться как состояние живого сознания. Только в этом случае можно узнать, что такое мысль, и начать постигать законы, по каким она есть; они выступают в этой разновидности эксперимента. Это и называл Кант экспериментальным или трансцендентальным методом, что одно и то же»¹³⁸.

Основная проблема, связанная с концептом «философского опыта» – это выход к ответам на вопросы: Каковы источники философского знания и

¹³⁵ Старостин А.М. Summa Philosophica в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. С. 126–128.

¹³⁶ Золотухина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. Ростов н/Д., 2003.

¹³⁷ См.: Старостин А.М. Указ. соч. С. 37–41.

¹³⁸ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Философия философии. Тексты философии. – М.: Изд-во Академ. проект, 2012. С. 46.

каковы основные пути и инструменты его формирования? Что следует делать, чтобы стать философом, какого рода деятельности придерживаться? Что есть «любовь к мудрости» и каков путь к ней; или это врожденная способность? Как можно увидеть и отобрать людей, способных пройти этот путь и как выстроить их маршрут?

Здесь возможен целый спектр подходов и ответов на поставленные вопросы, не обязательно взаимно непересекающиеся. Вполне естественно, что большая их часть базируется на западном опыте философствования. Приведем, основные варианты (как нам кажется):

1. Философия как «искусство оперировать понятиями» – и не только в рамках формально-логических операций (логика тождественных отношений и преобразований), но и в рамках других *логик* (противоречия, подобия, телеономических, детерминистских отношений и т.п.).

Следовательно, опыт философии – это опыт оперирования понятиями, анализа понятий, концептов и связей между ними, включая смысловой (контекстуальный) и общелингвистический анализ.

2. Философия как учение о всеобщем в бытии и мышлении. Философский опыт в этом контексте – это способность выделять всеобщее, выходить на уровень всеобщего. В частности, в рамках пересечения с п. 1, включение в логический текст и контекст всеобщих понятий – философских категорий. Это и живая способность генерировать не только отдельные новые категории, но и их системы и подсистемы, способность интерпретировать взаимосвязи между категориями.

3. Философия – это история философии (или, точнее, неотделима от истории философии). Поэтому знание истории философии, эволюции философских систем, как ответа на те или иные макросоциальные и духовные вызовы, и есть опыт философии, ее т.с. квазиэмпирическая компонента.

4. Философия – определенный тип синтетического мышления, функционирующий на уровне метатеоретических и предметно-парадигмальных концептов. Поэтому опыт философии связан с инструментарием и практикой его применения в процессе формирования отраслевых (дисциплинарных) картин мира и общей картины мира.

5. Философия – это трансцендирующий путь постижения мира и его объектов, трансцендирующее мышление. Это система спекулятивного мистицизма, рационализация «опыта запредельного» («жизнь Гегеля бедна событиями. В молодости он сильно тяготел к мистицизму, и в некотором отношении его поздние взгляды можно рассматривать как интеллектуализацию того, что вначале появилось перед ним в мистической форме, как прозрение»¹³⁹).

¹³⁹ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. М., 1993. С. 245.

6. Опыт философии – это умение осуществлять парадигмально-концептный и деятельностно-методологический анализ в сфере духовных отраслей, включая и науку, и разработка механизмов транзита новых концептов и схем деятельности в дисциплинарно-предметную сферу или области духовной практики в качестве философских гипотез в целях их апробации.

7. Опыт философии, учитывая и опыт философии Запада и Востока, это набор психотехник, психопрактика, позволяющие входить в измененные состояния сознания и в последующем осуществлять понятийное, теоретическое осмысление полученных образов.

8. Философский опыт – это опыт организации рефлексивного мышления.

9. Философский опыт – сфера деятельности структур множественного интеллекта (по Гарднеру) и философское знание – результат обобщения данных этого опыта.

10. Философский опыт – сфера предельных испытаний духа.

В принципе приведенные варианты понимания могут быть обобщены, конвергированы в 4-5 родственных кластеров. И на этом уровне работают механизмы философской конвергенции. Но главное, что компаративные философские исследования могут осуществляться, базируясь на таком основании, как философский опыт (схема 7).

В свою очередь, философский опыт может включаться в рамки системной модели философской деятельности, где действуют не только разные виды философского опыта, но и разные типы философского дискурса и различные модели философской логики: логики тождественных отношений, логики противоречия, логики подобия (толерантных отношений), диатропической логики, являясь органическим компонентом философского мышления¹⁴⁰.

Рассматривая философский опыт в рамках системной модели философской деятельности, следует подчеркнуть, что он выступает в качестве контрагента философско-теоретической деятельности, которая, как особый уровень может быть обозначена как философская мудрость.

Мудрость выступает как синтетический способ мышления, способность реконструировать целостную картину действительности и картину внутренней (духовной) жизни, а также выстраивать поведение и деятельность в соответствии с холистской доктриной (стратегией) миропонимания.

Мудрость выступает как высшая ступень разума и в идеале представляет высшую ступень духовно-практической деятельности, в рамках которой преодолеваются отчужденные проявления разума в различных практико-деятельностных, теоретических и поведенческих интенциях.

¹⁴⁰ Старостин А.М. Указ. соч. С. 40-43.

Философский опыт: основные версии

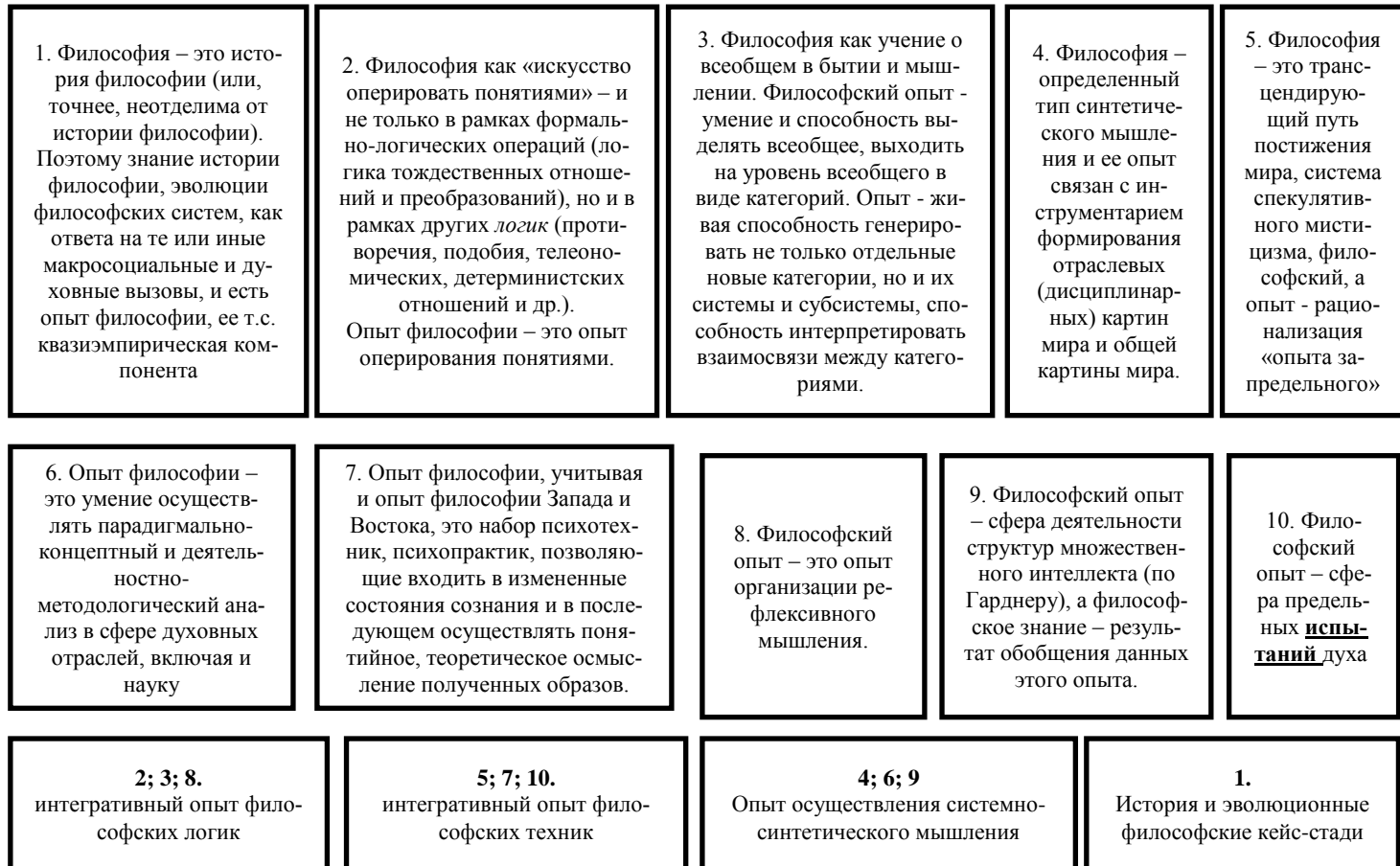

Схема 7

Проявления мудрости связаны с расширением поля сознания и формированием супергешталтов, описывающих внешнюю и внутреннюю реальность (соответствующие «картины мира» и «картины духовного мира»). И, вместе с тем это синтетическое личностное знание, полученное опытным путем («Путь» – как концепт, отражающий траекторию, эволюцию жизненного и духовного развития).

Подчеркивая разнообразие путей развития философского опыта и соответствующих систем философского знания и философской деятельности, следует указать на концепт, отражающий не только разнообразие, но и общий контекст, в рамках которого философский опыт и его контрагенты сохраняют свою идентичность. Это **диатропический принцип** формирования философского опыта. Это прежде всего метод реконструкции органических и сложных систем, который и получил название диатропики.

В современной эпистемологии данное течение определяется следующим образом: «Диатропика – учение о разнообразии и его закономерностях»¹⁴¹; «диатропика – аспект всякой теории, имеющей дело с разнородными объектами»¹⁴².

Основным приемом диатропики является сопоставление рядов эволюционирующих объектов, сопоставление обобщенных данных об объектах, включающие отношения различия и сходства, поиск единого в многообразии, причем не исключаящий, не нивелирующий само многообразие.

Если брать классическую и современную математику, где по преимуществу рассматриваются тождественные отношения и преобразования, то в отличие от нее в диатропике мы имеем дело с отношениями толерантности (сходства и различия, например: “<”, “>”). Примером итогов диатропического рассмотрения выступает периодическая система химических элементов, а также эволюционирующие биологические объекты в рамках того или иного биоценоза. Сюда можно включить и другие объекты, типа государств, изменяющихся в системе геополитических взаимодействий или взаимодействующих в той или иной социальной среде.

А при рассмотрении генезиса науки ищут и устанавливают систему социокультурного и лингвистического кодирования (культурный генотип), реконструируют сложные системы взаимодействия разных эволюционирующих социокультурных рядов, выявляют роль межвидовой и внутривидовой социокультурной конкуренции, как в науковедческих трудах М.К. Петрова.

Диатропическое рассмотрение прежде всего цивилизационного ряда Запад–Восток–Россия показывает, что Западная философия при всех цивилизационных трансформациях (Античность, Средние века, Новое время, Новейшая философия) сохраняет в качестве ядра культивируемую рациональность,

¹⁴¹ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 191.

¹⁴² Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир. М., 2008. С. 312.

ориентированную на реконструкцию дихотомии внешнего и внутреннего мира и активно-преобразовательное отношение к миру, обществу и человеку.

Для Запада философский опыт – это опыт рефлексии духовно-практических, духовно-предметных отношений *корреспондентного типа*. В конечном итоге – методология операционализации стратегического целеполагания и целедостижения в разных формах деятельности.

Для Восточной философии характерен опыт рефлексии духовно-практических и духовных отношений *когерентного типа*. Огромное значение придается изучению и обобщению контекстуальной и коэволюционной составляющих в развитии предметного мира и духовных практик.

Любопытные наблюдения сделаны Ричардом Э. Нейсбитом, противопоставляющим превалированию в западном мышлении и опыте формализма, биологизма, элементаризма, детерминизма и редукционизма, стремление к непротиворечивости и иных параметров мышления, превалированию стратегем, вытекающих из философского опыта Востока и обусловленных им мыслительных схем. Здесь: «Высокоуровневое мышление по большей части происходит с использованием постформальных операций»¹⁴³. К ним прежде всего относится способность наблюдать картину происходящего в большей полноте и холистический, компромиссный подход к решению проблем¹⁴⁴.

Что касается России, то ее философский опыт приоритетно нацелен на подготовку условий для смысложизненной и идентификационной рефлексии.

Прежде всего, в рамках фундаментального философского дискурса отечественная философия отличительна лишь разворачиванием отечественных школ и направлений, презентующих основные направления Западной философии. И в этих рамках уровень отечественной философской культуры высокопрофессионален и содержит достаточно развитое профессиональное сообщество. Однако в этих же рамках отечественная философская мысль выступает не как оригинальное направление, а в качестве «творческого потребителя». Оригинальные же проявления свойственны отечественной философии, с нашей точки зрения, в рамках других дискурсов, сформировавшихся именно на отечественной почве и в рамках собственного философского опыта.

Это прежде всего контекстуальный философский дискурс, обращаясь к которому, как мы уже заметили выше, невольно возникает вопрос: «Да философия ли все это?». Но тем не менее в истории русской философии не пройдешь мимо имен Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, М. Булгакова, А. Платонова.

Думается, что термин «художественная философия» будет вполне адекватен тем исканиям и открытиям, которые заложены в творчестве

¹⁴³ Нейсбит Ричард Э. География мысли. – М.: Изд-во «Астрель», 2011. С. 246.

¹⁴⁴ Там же. С. 255–256.

великих русских писателей. Вполне можно согласиться с суждением Ф.И. Гиренка о том, что: «Русская философия возникает за пределами философии. Она с самого начала показывает свою связь с литературой»¹⁴⁵.

Аналогичные характеристики следует отметить по отношению к религиозно-философским поискам, которые ряд современных авторов даже отождествляют вообще со спецификой русской философии. Но вряд ли следует это делать. Скорее мы сталкиваемся с контекстуальным философским дискурсом в отечественной философии.

В рамках данной формы дискурса разворачивается сложная игра между философией и православной теологией, которая реализуется именно в контекстуальном философском дискурсе, из которого приходится то выковыривать «философский изюм», то сомневаться в его присутствии, как делает это современный исследователь данного течения русской мысли П.А. Сапронов:

«Русская философия предпочла для себя бытие в промежутке между богословием и философией, в том очень ограниченном по своим возможностям интеллектуальном пространстве, которое остается еще раз обозначить как склонную к мифологизированию публицистику на религиозные и философские темы»¹⁴⁶.

Думается, полностью был прав Н.А. Бердяев, который ранее других схватил эту герменевтическую черту русской философской мысли, ярко проявившуюся в XIX – начале XX вв.: «В русском движении того времени были специфически русские черты, которые связаны с русским XIX в. Это прежде всего религиозное беспокойство и религиозное искание, это – постоянный переход в философии за границы философского познания, в поэзии – за границы искусства, в политике – за границы политики в направлении эсхатологической перспективы»¹⁴⁷.

Другая форма философского дискурса, характерная для отечественной философской мысли, – это философская инноватика, как особый философский дискурс. (Часто высмеиваемый ортодоксальными отечественными философами 60–70-х гг. XX в. в качестве «философии продажи арбузов» или современными – в качестве «философии гвоздей и шурупов»¹⁴⁸).

Тем не менее, именно сфера прикладной философии и философской инноватики стоит у истоков генерации и апробации больших социальных, социально-политических и социокультурных проектов в России.

Для отечественной социально-философской мысли как раз характерна такая проектная направленность, начиная от идеи всеединства и философии

¹⁴⁵ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 180.

¹⁴⁶ Сапронов П.А. Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008. С. 477.

¹⁴⁷ Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. М., 1992. С. 296.

¹⁴⁸ Курашов В.И. Начала философии. М., 2007. С. 87.

«общего дела» и, заканчивая проектами социального государства и «рыночного общества».

И каковы же перспективы в диатропическом развитии рассматриваемых локальных цивилизаций? Наблюдается ли их сближение и, в связи с этим, конвергенция цивилизационных парадигм философской деятельности и философского опыта?

На первый взгляд, в связи с ускоряющимся процессом глобализации и интенсификацией обменов товарами, услугами, информацией, людьми, такая конвергенция должна наблюдаться. И наблюдается, но в той части, что касается диффузии инноваций прежде всего технико-технологического свойства. Но вот что касается гуманитарных – с этим дело обстоит сложнее. Перенимаются частично их функции, последние результаты, но структура, организация процесса распространения осуществляется специфически.

Характерный пример с менеджментом. Известно, что за последние полвека в процессе внедрения производственных и управленческих инноваций в мире сформировались и конкурируют несколько моделей менеджмента: американская, немецкая, шведская, японская, китайская. Каждая из них отражает цивилизационную специфику обществ, конкурирующих между собой в области эффективного управления производством, но сохраняя и развивая свою специфику, основанную на социальных и культурных традициях, базовых ценностях и ментальности.

И в то же время, об этом мало говорят, но вполне определенно сказывается и характер природной, географической среды, ее ресурсной и климатической специфики. И если социокультурные факторы достаточно быстро меняются, то природное окружение сохраняется в определенных границах проживания стабильным в течение столетий.

Вот что отмечают некоторые исследователи, касаясь цивилизационной специфики России, обусловленной ее природной компонентой. В работах многих русских мыслителей отмечается дуализм русского мышления и характера: «Двойственность русского национального характера в немалой степени объясняется географическими, в частности, климатическими условиями. Долгая зима вырабатывает одни стереотипы поведения, один образ жизни, один способ мышления – неторопливый, ленивый, не связанный с бурной деятельностью и переменами.

Весь зимний период настраивает людей на то, чтобы его переждать, пережить без какой-либо целенаправленной деятельности. Ему противостоит теплое время года, когда за короткий северный вегетационный период надо успеть выполнить большой объем полевых работ. Этот период требует совсем другого характера, иных стереотипов поведения, иного образа жизни – люди вообще должны стать другими»¹⁴⁹. В этих условиях и управление

¹⁴⁹ Прохоров А.П. Русская модель управления. – М.: Изд-во «Журнал Эксперт», 2002. С. 121.

приобретает «маятниковый» характер, обусловленный то стабильным, то нестабильным режимом. В свою очередь, это ведет к значительным затруднениям, например, в диффузии инноваций и относительной стабильности правовой системы. Это накладывает свой отпечаток и на мышление, так же как бескрайность территорий обуславливает формирование «океанического чувства», космизм в мировосприятии¹⁵⁰. И быстро трансформировать эти механизмы, формирующие национальный опыт и национальное мышление вряд ли представляется возможным.

К такому же выводу приходишь, когда перечитываешь лекцию И.П. Павлова «О русском уме», прочитанную почти столетие назад¹⁵¹ или изыскания Н.А. Бердяева, в которых излагаются очень меткие и глубокие характеристики русской ментальности на повседневном и теоретическом уровне¹⁵².

Основные цивилизационные параметры и прежде всего их экстремальные проявления, составляющие основной предмет философского опыта, такие как природно-экологический и геополитический контекст существования, продолжают оказывать существенное влияние на русскую ментальность и русский национальный характер, что будет обуславливать долговременные тренды и в развитии русской философии.

Примерно то же, но еще в большей мере касается философского опыта восточных цивилизаций, поскольку приобретать этот специфический опыт интроспективной направленности предстоит прежде всего цивилизации Запада и России. Возможно, что именно этот опыт и определит шансы на выживание глобального сообщества.

2.4. Цивилизационная парадигма в философии и гуманитарном знании: фундаментальное и прикладное измерение

На рубеже XX и XXI вв. перед человечеством четко проявилась новая система социальных и политических вызовов. Она обусловлена интенсивно развивающимся процессом глобализации. Он потребовал системной синхронизации в развитии национальных экономических и межгосударственных политических и культурных отношений, энергетических, транспортных, информационных потоков.

Между тем обозначилось и основное противоречие, присущее процессу глобализации: между потребностью глобальной кооперации, синхронизации

¹⁵⁰ См.: *Старостин А.М.* Русская идея и русский космизм // *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. С. 52–54.

¹⁵¹ *Павлов И.П.* Об уме вообще, о русском уме в частности. Записки физиолога. – М.: АСТ, 2015. С. 284–318.

¹⁵² *Бердяев Н.А.* Русская идея. СПб., 2008; *Бердяев Н.А.* Душа России // *Русская идея.* М., 1992.

и управления потоками товаров, услуг, информации, транспортных средств, перемещений людей и реальными возможностями и границами их регулирования, когда основным субъектом управления выступает национальное государство. Система договоренностей, согласований действий государств, складывавшаяся многие десятилетия, перестала быть адекватной новым реалиям. В связи с нарастанием данного противоречия более явно обозначились притязания отдельных государств и их альянсов на роль «главного управляющего», «лидера» в глобализирующемся мире (Впрочем, такого рода пробы обозначились и не в столь давнем прошлом, но в несколько иных обстоятельствах).

Вместе с тем уже стало вполне очевидным после нескольких попыток реализовать такой проект, что такого рода притязания малосостоятельны. Они наталкиваются на серьезные ценностные, социокультурные и, возможно, более глубинные социально-экологические препятствия, которые в совокупности можно было бы назвать «цивилизационными кодами». (Если воспользоваться аналогией, то попытка буйволу навязать в качестве образца поведения льва и, тем более, скрестить их, несостоятельна). Хотя есть и некоторое число (небольшое) инвариантов, которые просматриваются в развитии и функционировании различных социокультурных систем. Но их явно недостаточно, чтобы «вылепить» идентичные или униформные образцы на уровне больших социокультурных систем.

Впрочем, отмеченные тенденции и трудности достаточно давно обозначились и были изучены на микроуровне на примере такого большого федеративного государства, где на протяжении нескольких веков формировалась модель межцивилизационной кооперации в развитии континентального уровня, как Россия.

Обозначенная ситуация обусловила необходимость поиска и в плане ценностно-идеологическом (с одной стороны, обоснование универсалистских подходов и практических программ их реализации, с другой – потребность поиска защитных мер, контрбоснований пагубности универсализма и большей адекватности плюрализма, с третьей – в целях выработки программ более адекватного познания и понимания разворачивающейся сложной ситуации), и в плане гносеологическом, и в плане практическом адекватных моделей происходящего.

Достаточно востребованным и быстро набирающим авторитет и популярность вновь оказался цивилизационный подход в гуманитарном познании, который прежде всего в «третьем мире» ныне доминирует. Это его второе пришествие. Однако это больше пока просматривается в построенных на уровне философии истории и исторических описаний, а также в системе ценностно-идеологических построений, нежели на уровне экономических, социологических и политологических знаний, где требуется уже более предметная отраслевая (или сегментная) разработка, хотя эмпирическим

путем ряд крупных государств (Япония, Китай, Индия) нащупали специфические механизмы экономического, социального, политического характера, которые позволяют и учесть их цивилизационную специфику, и достаточно эффективно вписаться в процесс глобализации¹⁵³.

Особенное положение в гуманитарном и, в частности, политологическом знании и познании, сложилось в странах бывшей советской системы, разрушившейся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Оказалось, что эта система не просто разрушилась, но ее «осколки» были притянуты к разным цивилизационным центрам развития: исламскому, китайскому, западному.

Вместе с тем, наряду с попытками вписать переходные трансформации в некую универсальную социально-политическую и культурную модель, прежде всего западного образца, обнаружилось, что такое вписывание фактически не состоялось, хотя и предпринимаются попытки реализации на практике по разным траекториям. И, более того, в ряде случаев, прежде всего в России и Украине, адекватные траектории не только не удалось найти до сих пор, но даже не получилось приблизиться к ним. В этих условиях даже осуществляются попытки вернуться к прежней (досоветской) модели цивилизационного развития, в результате чего обозначился ряд векторов движения, связанных с инверсионным развитием (реконструкция прежней системы регионального управления, формы деятельности силовых структур, прежние доминирующие формы духовности, квазисословная структура и др.).

Все это остро ставит перед гуманитарными науками в России и прежде всего перед политическими науками, вопрос о поиске новой парадигмы. Коль скоро мы уже выше обозначили ее конкретный облик, как современный цивилизационный подход, то речь идет и о методологической разработке современной его версии, и о ее применении в различных гуманитарных науках.

Нельзя сказать, что этой проблеме не уделяется внимание. Хотя в советских условиях трудно было даже опубликовать какие-то работы такого рода, разве что в остро критической форме. Но в конце 80-х гг. начался процесс быстрой реконструкции тех поисков и результатов, которые осуществлялись евразийцами, Л.Н. Гумилевым, появились работы религиозных философов и мыслителей, живших в России или в зарубежье. Были опубликованы важнейшие работы, принадлежавшие крупнейшим отечественным ученым – Н.Я. Данилевскому, П. Сорокину, Н.Д. Кондратьеву. Освоение данного наследия и приложение к пониманию различных сегментов российского и иных обществ выдвинуло новую плеяду философов, историков, экономистов, социологов, которыми в настоящее время начата серьезная работа по разработке

¹⁵³ С середины 90-х гг. XX в. и в западной философии политики и политической науке оживился интерес к цивилизационным построениям, в особенности после известных работ С. Хантингтона. Правда, в основном разрабатывается конфликтологический аспект этой парадигмы в применении к межкультурному взаимодействию.

цивилизационной модели развития России (А.А. Зиновьев, А. Ерыгин, Э. Кульпин, В.Л. Иноземцев, С.Г. Кара-Мурза, Ю.В. Яковец и др.).

В этом плане вопрос о цивилизационном подходе к философии навеян прежде всего многолетними спорами о специфике русской философии. В последнее время этот вопрос был заострен в работах Ф.И. Гиренка, В.И. Красикова, П.А. Сапронова и других отечественных философов, подвергнувших сомнению не только аспект самостоятельности и самодостаточности русской философии, но и само ее существование как самостоятельного течения мысли: «Есть производители философии, и есть ее потребители... Россия – потребитель философии»¹⁵⁴, – пишет Ф.И. Гиренок. Он как бы не замечает, что в своеобразном виде повторяет известную мысль Н.А. Бердяева из «Русской идеи»: «В XVIII в. и в начале XIX в. у нас настоящей философии не было, она находилась в младенческом состоянии. И еще долго у нас по-настоящему не возникнет философской культуры, а будут лишь одинокие мыслители»¹⁵⁵. Если остановиться на простом (формальном) сопоставлении русского философствования с западноевропейским, которое как бы признается каноническим, то изложенные оценки справедливы. А если сам образец рассмотреть хотя бы в глубокой собственной исторической ретроспективе: от Сократа – до наших дней, то нетрудно прийти к аналогичному выводу о том, что и западноевропейское философствование – это не философствование; поскольку не раз меняло свои методы, подходы, проблемные области. О чем тоже иронично подчеркивают уже другие исследователи – не западноцентристской ориентации: «Действительно, в наше время мы уже не можем говорить о единстве феномена философского знания даже в отношении европейской традиции. И предметное поле, и структура философской мысли менялись, как минимум четырежды (Античность, Средние века, Новое время, Новейшая философия). «Эра постмодерна» свидетельствует о новом «повороте» в сути и структуре философского дискурса»¹⁵⁶.

Обозначенные коллизии, все более явно проявляющиеся в современном мире, говорят о том, что проблема оснований и специфики философского мышления и знания выходит на новый виток своей репрезентации. Достаточно основательным и значимым становится цивилизационный подход или цивилизационная парадигма в репрезентации различных моделей философствования. Она значима и показательна прежде всего в системе координат «Запад-Восток-Россия». На это обращают внимание исследователи и мыслители, занимающиеся прежде всего духовными и интеллектуальными

¹⁵⁴ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 48.

¹⁵⁵ Бердяев Н.А. Русская идея. СПб, 2008. С. 61.

¹⁵⁶ Светлов Р.В. Востоковедение и философия // Концепции современного востоковедения. СПб., 2013. С. 151

проявлениями в рамках русской культуры (Н. Мотрошилова, Э. Кульпин, А. Зиновьев, А. Панарин, С. Кара-Мурза, А. Ерыгин и др.).

Нами феномен цивилизационной идентичности на уровне проявлений в гуманитарной и философской культуре также изучался с начала 2000-х гг.¹⁵⁷, где было показано, что дискурсивно-когнитивные и цивилизационно-аксиологические параметры, которые до поры до времени составляют неявный, скрытый аспект философствования, при функциональных и прикладных задействиях «любомудрия» дают целый спектр азимутов развития философии в ее восточной, западной и российской версиях.

В частности, существенную роль при форматировании своеобразия философского дискурса в разных его версиях играют так называемые культурно-мировоззренческие матрицы, складывающиеся на основе таких базовых ценностных универсалий, как: «индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум» – в западной культуре – цивилизации; «государство – традиция – иерархия – порядок – вера – стабильность» – в восточной; «общество – государство – мир (умиротворение) – духовность – всеединство – совесть – справедливость» – в российской¹⁵⁸.

Нами также было выявлено, что различные модели репрезентации философского мышления и знания обнаруживаются не только при глубокой цивилизационно-культурологической реконструкции, но и при изучении динамики межцивилизационного взаимодействия, в частности, в процессе диффузии инноваций, включая и философские¹⁵⁹.

Что касается политических наук, на примере которых можно обозначить и общегуманитарные подходы, то на первых этапах своего становления отечественная политическая мысль развивалась в условиях марксистской школы, которую можно отнести к интеракционистско-конфликтологической парадигме в политической науке.

Кстати говоря, последовательная реализация марксистских подходов по отношению ко всем сферам политической науки обеспечивала особую и весьма заметную роль отечественных политологов в мировой политической науке. Прежде всего, марксистская политология рассматривалась как значимый оппонент, по отношению к которому могут быть усовершенствованы исследовательские принципы и подходы в рамках других парадигм политологии. В то же время марксистская политология всегда стояла близко к практике

¹⁵⁷ См.: *Старостин А.М.* Дилемма «элитизм-эгалитаризм» в политической философии и социальной практике // В кн. «III Российский философский конгресс. Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Ростов н/Д., 2002; *Старостин А.М.* Цивилизационная идентичность как потенциал русской философии // *Русская философия и российская государственность.* Ростов н/Д., 2009.

¹⁵⁸ См.: *Старостин А.М.* Цивилизационная парадигма в политической науке // Сб. трудов IV Всероссийского конгресса политологов. М., 2006.

¹⁵⁹ См.: *Старостин А.М.* Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М., 2012. С. 50 – 58.

политических решений и политических действий и тем самым представляла значимый интерес как партнер, осуществляющий опредмечивание своих идей и подходов в широкой политической практике.

Со сменой советской политической системы в современной России началось интенсивное освоение альтернативных марксистской парадигм политической науки.

В последние годы в российской политической науке и, шире говоря, во всем комплексе социально-гуманитарного знания, преимущественное развитие получили методологические и конкретно-научные подходы западно-центрического типа, основанные на вере в их безусловный универсализм. Пожалуй, это было естественно в переходных условиях движения от марксистской универсалистской парадигмы – к иной. Традиции универсализма оказались на деле глубже их конкретных образцов.

Новые методологические подходы и, в частности, основанные на цивилизационной парадигме, наметились в политической науке в последнее время. Они достаточно определенно разделяются на консервативное и модернизированное течения, которые где-то могут и пересекаться.

В работах С.Г. Кара-Мурзы, А. Панарина, А. Дугина, А. Проханова, А. Зиновьева и ряда других высказаны не только развернутые суждения, но и обозначены программные подходы, нацеленные на разработку авторских версий цивилизационного подхода к политике¹⁶⁰.

Вместе с тем целостной версии, которая охватывала бы и методологический, и конкретно-научный, и прикладной уровни политической науки в рамках цивилизационного подхода, пока не создано. В этом плане в первую очередь своей последовательностью и объемом привлекают работы А.С. Панарина. Достаточно указать на такие из них, как: «О мире политики на Востоке и на Западе» (М., 1999) и «Православная цивилизация в глобальном мире» (М., 2002). И все-таки данные работы скорее следует отнести к методологическому уровню политической науки, в рамках которого и дана достаточно подробная и последовательная презентация цивилизационного подхода.

К прояснению ценностных оснований данного подхода мы могли бы добавить и наши собственные некоторые изыскания в этом ключе, которые были опубликованы в 1995–2005 гг. в ряде элитологических работ А.В. Понеделкова и А.М. Старостина¹⁶¹.

В частности, в процессе разработки элитологических проблем и их своеобразных проявлений в российских условиях мы в числе шести базовых

¹⁶⁰ Обращает на себя внимание очень объемная и последовательная работа С.Г. Кара-Мурзы по осмыслению процессов постсоветской трансформации на платформе цивилизационного подхода. См., например: *Кара-Мурза С.Г.* Россия и Запад: парадигмы цивилизаций. М., 2011.

¹⁶¹ *Понеделков А.В.* Элита. Ростов н/Д, 1995. С. 150-151; *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д., 1998. С. 18-20; *Старостин А.М.* Эффективность деятельности государственной власти и управления. Ростов н/Д., 2005. С. 42-43.

методологических принципов политико-элитологических исследований предложили принцип цивилизационного своеобразия элит и реализовали его при исследовании российских федеральных и региональных элит.

Мы исходили из того, что: «Анализ элитологической мысли и практика в ее западной, восточной (которая изучена значительно слабее) и российской версиях показывает существенную зависимость той или другой из них от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующих культурно-мировоззренческих ориентаций»¹⁶².

Сопоставляя предложенный А.С. Панариным подход с нашим, мы видим и сходство, и различия. В частности, панаринский подход применительно к России нацелен на реконструкцию основных ценностных параметров православной цивилизации.

При всей ценности этого подхода нам кажется, что он существенно сужает спектр цивилизационных характеристик России. В особенности это касается советского периода развития, в рамках которого, несомненно, обозначились универсалии цивилизационного развития России, не связанные с действием ценностно-религиозной сферы. Аналогичные проявления ныне просматриваются и после 15 лет постсоветского развития.

Думается, что при сравнительном анализе и последующей реализации принципов цивилизационного подхода применительно к политической науке следует учитывать не только ценностный аспект, выписанный в культурно-мировоззренческих матрицах, но и выявить корреляции с развитием институционально-политических структур и поведенческо-деятельностных проявлений, связанных с цивилизационной спецификой разных социально-культурных мегасистем.

В итоге, характеризуя в сравнительном плане принципы и начала цивилизационного подхода по отношению к западноцентристскому универсализму, можно в первом приближении изложить их в следующем виде (табл. 1).

Необходимо отметить, что цивилизационный подход имеет не только перспективы в условиях российской действительности, но у него значительное число сторонников в рамках развивающегося (незападного) мира. Развитие цивилизационной парадигмы не только позволяет восстановить оригинальные подходы в отечественной политической мысли, найти значительное число партнеров среди политологов развивающихся стран, но и обеспечить интерес к российской политологии как оппоненту со стороны западной политологии.

В то же время развитие прикладных политических исследований в рамках цивилизационной парадигмы позволяет создать новые концептуальные заделы для принятия адекватных политических решений и политических действий, обеспечивающих сильные позиции России в современном мире.

¹⁶² Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления. С. 42.

Таблица 1

<i>Цивилизационный подход</i>	<i>Западноцентристский универсализм</i>
1. Основной социально-политический субъект – локальная цивилизация и представляющие ее государственные и квазигосударственные образования.	Основной субъект – государство, с конца XX в. – глобальная квазигосударственная система.
2. Плюрализм траекторий развития основных субъектов, основной источник развития – внутрицивилизационные культурные мутации.	Универсализация западноцентрической модели развития, основная модель развития: авангардный инновационный центр – периферия, заимствующая и модифицирующая универсальные культурные образцы.
3. Основа цивилизационного воспроизводства – ценностно-культурные матрицы	Универсализация рациональных начал, обуславливающих совершенствование и модернизацию социально-политических систем.
4. Социоприродный коэволюционизм, учет существенного влияния средовых, включая природно-средовые, факторов.	Абсолютизация экономической и технологической детерминант социального развития.
5. Представления о социально-политических процессах основаны на многоуровневой цикличности, сочетаемой с поступательностью.	Представления о социально-политическом процессе основаны на линейно-поступательном подходе с прогрессистской составляющей.
6. Геополитический анализ основан на учете плюрализма цивилизационных интересов и естественно складывающихся и эволюционирующих их балансах.	Геополитический подход основан на западноцентрической системе борьбы за жизненные интересы в межгосударственных отношениях.
7. Представления об основных механизмах социально-политического развития основаны на балансе конкурентных и солидарных начал в социально-политических отношениях. Приоритет отдается общественно-солидарным началам.	В качестве основных механизмов социально-политического развития выделены конкурентные начала в экономических, политических, духовных отношениях. Приоритет отдается персоналистским началам.
8. Центрами социально-политического управления выступают циклически сменяемые элитные группы, деятельность которых обусловлена цивилизационными ценностно-культурными матрицами.	Центры социально-политического управления – лидеры и лидерские группы в рамках конкурентно-представительских систем.

2.5. Русская философия в контексте философской инноватики

I

Что есть русская философия? В сложившейся в отечественной истории русской философии ответ дается достаточно пространственный и, чаще всего, основанный на обзоре 1000-летнего многоэтапного пути и большого ряда имен, что в итоге должно показать специфику отечественной философской мысли:

«Русская философия – органическая часть всеобщей истории философии, являющаяся специфическим отображением многовековой истории развития русского самосознания, выраженная в идеях, взглядах и концепциях, отражающих национально-своеобразное осмысление универсальных философских проблем»¹⁶³.

Однако ни такое определение, ни сам подход не дают в итоге представления о **специфике** русского *философского* мышления. В лучшем случае мы говорим о различных проявлениях социально-рефлексивного и национально-рефлексивного мышления. Это всегда (по крайней мере последние 200 лет) чувствовали отечественные мыслители. Поэтому вопрос о статусе и специфике русской философии вряд ли можно считать решенным. Более того, экспертный опрос современных профессиональных философов – отечественных и зарубежных – зачастую в таком статусе русской философии отказывает. Такая идея в последние годы все чаще высказывается, правда, сделаем оговорку, при не прекращающихся попытках тех же экспертов-скептиков такую специфику все же выявить. Обратим внимание на последние исследования Ф.И. Гиренка, В.И. Красикова, П.А. Сапронова и ряда других авторов¹⁶⁴.

Вот программное суждение П.А. Сапронова: «Увы, ни платонов, ни гегелей, ни их великих и значительных, хотя и младших, собратьев на отечественной почве обнаружить не удалось. Встреча с какой-либо очередной философской знаменитостью каждый раз приводила к одному и тому же результату: по западным (а какие еще есть?) критериям отечественные мыслители философами не являются, и читать их тексты так же, как трактаты и тексты Декарта, Канта или Гегеля означает повергнуть их в философское небытие»¹⁶⁵. Ему вторит В.И. Красиков, обстоятельно проанализировавший не только отечественный философский продукт, но и отношение к нему зарубежной философской мысли, прежде всего современной: «Россия в современном мировом философском раскладе занимает такое же место, как,

¹⁶³ Русская философия. Энциклопедия. М., 2007. С. 476.

¹⁶⁴ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008; Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008; Сапронов П.А. Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008.

¹⁶⁵ Там же. С. 8-9.

к примеру, африканская или южноамериканская философия, т.е. среднее между отдаленным, региональным филиалом континентальной философии – как южноамериканская философия, где доминируют испаноязычные и португальскоязычные версии европейской философии, – и каким-то радостно-примитивным, упоенно-партикуляристским наивом африканской философии»¹⁶⁶. А вот и поясняющее суждение Ф.И. Гиренка: «Есть производители философии, и есть ее потребители. Сегодня среди производителей доминирует Франция и Германия. Их стремится теснить Америка. Россия – потребитель философии. У нас философия не играет какой-либо самостоятельной роли. Она не дает большого символического капитала и является одним из вариантов европейского культуртрегерства... В России доминируют не философы, а интеллигенты»¹⁶⁷.

В принципе данные суждения не противоречат и оценкам классического периода, в котором тоже высказывалась мысль о том, что русская философская мысль как-то уж очень не похожа на классические образцы философствования. В частности, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский полагали, что отечественная философская мысль значительные результаты дает в областях, представляющих «болевые точки» национального самосознания. Но для мирового философского процесса они малозначимы: «В XVIII в. и в начале XIX в. у нас настоящей философии не было, она находилась в младенческом состоянии. И еще долго у нас по-настоящему не возникнет философской культуры, а будут лишь одинокие мыслители. Мы увидим, что наша философия будет прежде всего философией истории...»¹⁶⁸.

Таким образом, весьма правомочна постановка вопроса:

Существует ли русская философия как самостоятельный феномен? Это самостоятельная философская школа или одна из крупных школ (течений) Западной философии? (А, возможно, и просто русский диатрибический вариант Западной философии). Либо же то, что называют «русской философией» – это течение общественной мысли, не поднимающееся ни дисциплинарно, ни методологически, ни институционально до уровня и качества философии.

Эта дилемма у каждой из сторон которой, в т.ч. и в рамках отечественной философии, немало сторонников, заставляет по меньшей мере уточнить и то, что мы понимаем под «философией», и выделить основные типы философского дискурса (философствования) не только по национально-географическому или цивилизационно-историческому, но и по предметно-методологическому принципу.

Только таким образом мы и поймем специфику отечественного философствования, и создадим обоснованные концептуальные подходы для пони-

¹⁶⁶ Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008. С. 48-49.

¹⁶⁷ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 225.

¹⁶⁸ Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008. С. 61.

мания национальных и региональных философских школ и направлений прошлого и настоящего. Ставя проблему именно таким образом, следует прежде всего высказать рабочую гипотезу, с позиций которой и может быть дан новый поворот в понимании специфики русской философии. Суть ее в следующем:

Предметно-методологический принцип позволяет более внимательно присмотреться к инструментальной (технологической) стороне философского дискурса, в особенности современного. Можно предложить (выделить) несколько наиболее распространенных моделей философского дискурса, всматриваясь прежде всего в отечественную философскую мысль (но не только в нее):

– фундаментальный философский дискурс, эволюционирующий в рамках создания новых философских систем и исходящий из традиционного или неклассического категориального набора (бытие, мышление, истина, развитие и т.п. или воля, переживание, жизнь, свобода и т.п.);

– проблемно-интенциональный философский дискурс (*Интенциональность, интенция – в наиболее общем виде обозначает способность сознания быть «направленным на», репрезентировать предметы и положение дел. От лат. intension, которое схоласты 13-14 вв. использовали для обозначения «того, что предстает перед сознанием в мысли»¹⁶⁹*), центрирующийся в течение многих десятилетий, а то и столетий на разработке судьбоносных для общества (нации) немногих проблемах: цивилизационная идентичность (славянофилы-западники); природа человека (биологическое-социальное или природосообразность-культуросообразность); человеческая свобода и отчуждение; духовное и формы его воплощения; природа и пределы внутренней детерминации (самодетерминации) и т.п.;

– контекстуальный философский дискурс, в рамках которого философские проблемы выявляются и решаются с помощью нефилософского (художественного, теологического, мистически-интуитивного, научного) инструментария. По этому поводу, конечно, возникает сомнение: не является ли такого рода модель нонсенсом? Но гипотетически, в особенности применительно к некоторым национальным и региональным протофилософским школам выделение такого дискурса, на наш взгляд, правомерно;

– философская инноватика как особый философский дискурс. (Часто высмеиваемый ортодоксальными отечественными философами 60-70-х гг. XX в. в качестве «философии продажи арбузов» или современными – в качестве «философии гвоздей и шурупов»¹⁷⁰).

Прокомментируем особенности проявлений выделенных видов философского дискурса применительно к истории и современному состоянию русской философии.

¹⁶⁹ Современная западная философия. Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 144.

¹⁷⁰ Курашов В.И. Начала философии. М., 2007. С. 87.

Прежде всего, в рамках фундаментального философского дискурса отечественная философия отличительна лишь развертыванием отечественных школ и направлений, презентующих основные направления Западной философии. И в этих рамках уровень отечественной философской культуры высокопрофессионален и содержит достаточно развитое профессиональное сообщество. Однако в этих же рамках отечественная философская мысль выступает не как оригинальное направление, а в качестве «творческого потребителя». Оригинальные же проявления свойственны отечественной философии в рамках других дискурсов, часть которых сформирована именно на отечественной почве.

Прежде всего речь нужно вести о проблемно-интенциональном философском дискурсе, представляющем приложение техники философской рефлексии к разработке проблем национального самосознания и идентичности.

Ведущие отечественные философы, занимающиеся проблематикой, связанной со спецификой русской философии, подчеркивают именно данную ее интенцию. В частности, Н.В. Мотрошилова отмечает: «Вопрос о специфике русской философии был интегральной частью тех проблем, которые еще со времен П. Чаадаева и В. Соловьева входили в тему “русская идея”. Речь шла о так важном и сегодня процессе самосознания, самоидентификации россиян и, в частности тех, кто принадлежит к русской нации в узком смысле этого слова»¹⁷¹.

Основные побудительные мотивы выстраивания данной интенции связаны как с включением в объективный процесс модернизации страны, так и с формированием сопряженных процессов соответствующей национальной ментальности, которая, как показал интенциональный философский анализ, проделанный в XIX–XX вв., в общих чертах обладает такими чертами, как: «... Признаки специфического российского типа национального сознания:

- мало дифференцированное, слабо рационализированное;
- в большей степени религиозно озабоченное;
- социально-пафосное;
- солидаристское;
- тяготящееся личной ответственностью и самоорганизованностью»¹⁷².

Вместе с тем, к этому следует добавить те черты, которые Н.А. Бердяев отмечает в «Русской идее» и «Духе России»: противоречивость и склонность, поляризуясь, концентрироваться в «крайних» или радикальных формах; синкретизм; мистичность и т.п.¹⁷³

¹⁷¹ История философии: Запад – Россия – Восток. (Книга третья: Философия XIX – XX вв.). М., 1998. С. 253.

¹⁷² Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008. С. 31.

¹⁷³ Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. М., 1992. С. 299-301; Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008.

Необходимость огромной духовной работы по рефлексированию и выявлению «болевых точек» и обозначению конструктивных «точек роста» национального самосознания и составили главный предмет философских занятий, полемики и последующей идеологической и политической апробации славянофилов и западников: «Россия с ее евразийским, детским еще универсализмом вообще выглядит только робким новичком в философии. Однако за столетие (30–40 гг. XIX – 30–40 гг. XX вв.) она сумела создать то, на что другим требовались века. Первой возникла националистическая, славянофильская традиция»¹⁷⁴.

Особое место в формировании отечественного национального самосознания занимают мировоззренческие поиски в русле концепции «Русской идеи». Мы хотели бы обратить внимание не только на содержательный аспект этих поисков, к которому устремлены и усилия русских философов почти двух последних столетий, но и на сложный контекст, в который входят не только национальные и цивилизационные мотивы, а также и общечеловеческие, и природно-космические.

Русской и зарубежной мыслью накоплен большой пласт исследований, связанных с Русской идеей. Значительная их часть основывается на анализе особенностей духовной и социальной эволюции России и творцов Русской идеи, рассмотрении России в узле культурных и экономических связей между Западом и Востоком.

С нашей точки зрения этого недостаточно. Необходим системный и межпредметный анализ феномена Русской идеи. В этот контекст, по крайней мере как дополняющий его, следует включить социально-экологические и историко-географические исследования и, прежде всего, нужно упомянуть о концепции этногенеза в исторический период Л.Н. Гумилева.

С системных позиций феномен Русской идеи может описываться по меньшей мере в трех планах: 1) анализ социально-экономического развития России и ее взаимосвязей с соседними регионами, отражение этих процессов в духовных исканиях; 2) духовная эволюция, культурные традиции России и взаимодействие с Западной и Восточной культурами, их воздействие на искания русской мысли; 3) социально-экологические и этногенетические реалии как условие и импульс к духовным поискам новых ценностных ориентаций.

Проблемная ситуация, приведшая к возникновению Русской идеи, связана с тем, что Россия нуждалась в модернизации. Для русских мыслителей (философов, писателей, художников, ученых), живших в предмодернизационную эпоху, характерны активные поиски общенациональных смысложизненных ориентаций, генерирование новых мировоззренческих идей.

Русская идея – это разработка одного из вариантов национального самосознания, ответ на потребность иметь оригинальную философию истории.

¹⁷⁴ Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008. С. 15.

Ее особенностями являются: глобально-эволюционный подход; идея межкультурной, межнациональной, нравственной соборности; антропокосмизм, поиск путей преодоления телесной, пространственной и временной ограниченности; поиски «царства божьего», преодоления духовной ограниченности и замкнутости. Эти составляющие Русской идеи получают философское, этическое, теологическое обоснование. Исторический и грядущий путь России видится своеобразным: не только в самом себе, но и в ее мировом предназначении, И здесь достаточно сильно звучат мессианские мотивы. В отличие от многих иных проявлений мессианства, Русская идея характерна сохранением православно-христианской духовности, гуманистической открытостью и толерантностью.

На какой телесной основе базируется Русская идея? Здесь необходимо посмотреть на этногенетические ее основания. Русский суперэтнос (по Л.Н. Гумилеву) достаточно молод, пассионарен и находится в акматической фазе развития.

Гигантские пространственно-географические масштабы расселения суперэтноса, пространственная избыточность (дальше на Земле расширяться незачем), с одной стороны, с другой – сопоставимость этих масштабов с планетарными, переизбыток пассионарной энергии создавали импульс не к геополитическим и социально-экономическим исканиям (как в этносах Запада периода индустриализма), а сразу выводили на поиск предельных социально-экологических, нравственных, мировоззренческих оснований социального бытия, поиск его космического смысла. В этом отношении русский космизм выступает как логическое продолжение Русской идеи. Во всяком случае космизм Запада носит скорее чисто природный, объективированный, а не антропокосмический – как в России – характер.

Русский космизм продолжает Русскую идею, онтологизируя те исторические, нравственные, социально-экологические интуиции всемирно-исторической миссии России, которыми увлечены определенные круги либеральной интеллигенции.

Космизм – это вселенское обоснование Русской идеи, ее вселенский уровень. И этногенетические и социальные, и духовные послы Русской идеи и русского космизма носят настолько универсальный характер, что воспроизводятся в разных, порой совершенно независимых группах интеллигенции в философской, религиозной, художественной, научной, мистической формах.

Жива ли Русская идея и русский космизм в наше время? Конечно, они развиваются в естественных формах и фазах. Россия сейчас находится в преддверии новой модернизации, она вновь на перепутье. С одной стороны, это симптом пробуждения Русской идеи, а с другой, Россия и ее духовность вновь перед выбором, как сказочный богатырь у дорожного камня.

Второе направление, сформировавшееся в рамках данной интенции – это социальная философия западничества, оказавшаяся значительно более влиятельной и ведущая в этом дуэте по сей день: «Как видно из перечня имен и поколений западников отвлеченные вопросы чисто философского знания стояли у них на втором, после социально-политических интересов, месте. Главным их стремлением было модернизировать Россию, истребить в ней азиатчину и сделать европейской державой»¹⁷⁵.

Второй из выделенных нами особенных философских дискурсов, распространенных в сфере отечественного философствования, – это контекстуальный философский дискурс, обращаясь к которому, как мы уже заметили выше, невольно возникает вопрос: «Да философия ли все это?». Но тем не менее в истории русской философии не пройдешь мимо имен Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, М. Булгакова, М. Шолохова и А. Платонова. Думается, что термин «художественная философия» будет вполне адекватен тем исканиям и открытиям, которые заложены в творчестве великих русских писателей. Вполне можно согласиться с суждением Ф.И. Гиренка о том, что: «Русская философия возникает за пределами философии. Она с самого начала показывает свою связь с литературой»¹⁷⁶.

Аналогичные характеристики следует отметить по отношению к религиозно-философским поискам, которые ряд современных авторов даже отождествляют вообще со спецификой русской философии. Но вряд ли следует это делать. Скорее мы сталкиваемся со второй основной формой контекстуального философского дискурса в отечественной философии.

В рамках данной формы дискурса разворачивается сложная игра между философией и православной теологией, которая реализуется именно в контекстуальном философском дискурсе, из которого приходится то выковыривать «философский изюм», то сомневаться в его присутствии, как делает это современный исследователь данного течения русской мысли П.А. Сапронов:

«Русская философия предпочла для себя бытие в промежутке между богословием и философией, в том очень ограниченном по своим возможностям интеллектуальном пространстве, которое остается еще раз обозначить как склонную к мифологизированию публицистику на религиозные и философские темы»¹⁷⁷.

Думается, полностью был прав Н.А. Бердяев, который ранее других схватил эту герменевтическую черту русской философской мысли, ярко проявившуюся в XIX – начале XX вв.: «В русском движении того времени были специфически русские черты, которые связаны с русским XIX в. Это прежде

¹⁷⁵ Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008. С. 18.

¹⁷⁶ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 180.

¹⁷⁷ Сапронов П.А. Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008. С. 477.

всего религиозное беспокойство и религиозное искание, это – постоянный переход в философии за границы философского познания, в поэзии – за границы искусства, в политике – за границы политики в направлении эсхатологической перспективы»¹⁷⁸.

Третья форма философского дискурса, характерная для отечественной философской мысли, – это философская инноватика. Сделаем, прежде всего, несколько пояснений по поводу самого термина.

Как уже было сказано выше, автор разделяет весь массив философских исследований на фундаментальные и прикладные – сферу философских инноваций. Фундаментальные философские исследования направлены на изучение проблем бытия, мышления, познания, истины, свободы и других основополагающих категорий. Сфера фундаментальных исследований меняется медленно и отмечена в своем развитии выдающимися именами (Платон, Декарт, Кант, Шопенгауэр, Гуссерль, Хайдеггер и др.). Что касается сферы философских инноваций, то ее появление и развитие связано с применением методов философской рефлексии к осмыслению междисциплинарных проблем науки, развития политических, религиозных, художественных, этических течений, которые не могут быть исследованы только посредством собственных методов. Сфера философских инноваций развивается динамично и по своим масштабам на два порядка объемнее сферы фундаментальной философии.

Следует подчеркнуть, что именно сфера философских инноваций стоит у истоков генерации больших социальных, социально-политических и социокультурных проектов в России. Для отечественной социально-философской мысли как раз характерна такая проектная направленность, начинающая от идеи всеединства и философии «общего дела» и заканчивающаяся проектами социального государства и «рыночного общества».

Склонность к философской инноватике, обращаясь к которой, прежде всего крупные политики и идеологи разрабатывали свои стратегические идеи и программы практических шагов, ярко проявляется в русской революционной практике.

Пожалуй, здесь, как нигде более, получает возможность реализации и реализуется платоновская идея о том, что «правители должны философствовать»:

«Крупнейшие политические лидеры XX столетия привлекали экспертов, но никогда не использовали их в решении стратегических вопросов. Они пользовались ими только в тактических контекстах. Стратегию им приходилось придумывать самим. Лидеры XX столетия (перечислим их хронологически) – Ленин, Сталин, Рузвельт, Черчилль, Гитлер, Мао-Цзэдун, Аденауэр и,

¹⁷⁸ Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. М., 1992. С. 296.

безусловно, последний великий лидер Америки Гарри Трумэн – не привлекали к разработке своей стратегии никого»¹⁷⁹.

Одним из наиболее ярких проявлений философской инноватики в XX в. выступает теоретическая и практическая деятельность крупнейшего политика и политического философа В.И. Ленина. С нашей точки зрения, одним из наиболее характерных периодов творчества в этом плане является период 1908–1916 гг., когда вышли его основные философские работы. Они сейчас интересны для нас именно с точки зрения технологий философской инноватики, а не тех положений философского характера, которые В.И. Ленин формулирует, комментируя И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса или отечественных философов и мыслителей начала XX в.

Сам В.И. Ленин в ряде работ мотивирует необходимость занятий философской рефлексией потребностями анализа кризиса революционного сознания (1907 – 1909 гг.) и важностью на этой базе внесения коррективов в революционную теорию и практику, а также той незначительной отечественной философской традицией, которая существенно уступает опыту Западной Европы.

В частности, в известной статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» В.И. Ленин подчеркивает это применительно к марксизму и его философским подходам, составляющим предмет его особого внимания: «Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, – серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма»¹⁸⁰.

Сюжеты, связанные с революционными и реформаторскими преобразованиями в России актуальны не только в плане анализа социально-исторического развития, о котором Ф. Бродель сказал, что «революционное напряжение характерно для русской истории»¹⁸¹. (Суждение сделано в начале

¹⁷⁹ Пятигорский А., Алексеев О. Размышляя о политике. М., 2008. С. 10.

¹⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 88.

¹⁸¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 517.

60-х гг. XX в.). Они актуальны и поныне, поскольку «основной вопрос русской философии», связанный с поисками национальной и цивилизационной идентичности и социальной самореализации не решен даже в первом приближении (*Думается, что великий Фернан Бродель несколько поспешил с заключением: «Это был период, когда в царствование Николая I (1825–1855) утвердилось великая русская литература, связанная с именами Пушкина (1799–1837), Лермонтова (1814–1841), Гоголя (1809–1852), Тургенева (1818–1883), Достоевского (1821–1881), Толстого (1828–1910)... Именно тогда и произошло осознание Россией своей сущности»*)¹⁸². Мы с полной уверенностью можем повторить слова Н.А. Бердяева, сказанные более полувека назад:

«Это все та же поляризованность русской души. У народа анархического по основной своей устремленности было государство с чудовищно развитой и всевластной бюрократией, окружавшей самодержавного царя и отделявшей его от народа. Такова особенность русской судьбы»¹⁸³.

Резюмируя сказанное об основных моделях философского дискурса применительно к России, прошлой, настоящей и будущей, следует отметить, что основная масса отечественных философских поисков концентрируется в русле проблемно-интенциональных подходов, ориентированных на решение общих проблем цивилизационной и национальной идентичности, и – в русле философской инноватики, на базе которой выстраиваются масштабные проектные разработки социальной, политической, духовной направленности.

Если принять изложенный подход, то следует сосредоточить усилия философского сообщества на разработке методов и техник философского дискурса, модели которого наиболее у нас востребованы. Следует внести в связи с этим и соответствующие коррективы в систему философского образования (общего и профессионального).

II

В новой и новейшей истории России не прекращаются поиски национальной и цивилизационной идентичности России, зародившиеся около 200 лет назад в судьбоносном споре славянофилов и западников. Если следовать определению М. Кастельса: «Идентичность есть процесс, в ходе которого субъект осознает себя и осмысливает ценностные ориентиры своей деятельности на основе определенного культурного подхода или группы подходов»¹⁸⁴, то для российской социальной и политической практики процесс поисков своей идентичности все еще находится в инновационной стадии с очень широкой амплитудой изменений.

Следует подчеркнуть, что духовно-практическими аттракторами, активизирующими и притягивающими то или иное магистральное направление

¹⁸² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. С. 436.

¹⁸³ Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. М., 1992. С. 183.

¹⁸⁴ См.: Бабосов Е.М. Социология. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 137.

поисков, выступают программные документы или выступления, к которым следует отнести и «Философические письма» П. Чаадаева и «Русскую идею» В. Соловьева, и политические программы «Земли и воли» и большевиков, полемику Г. Плеханова и его последователей с В.И. Лениным, и «Вехи» и «Из Глубины», а также знаменитые дискуссии уже в СССР между ортодоксами и различного рода уклонистами, и вплоть по сей день.

Для XX века судьбоносной не только в идейном, но и в социально-практическом ключе оказалась полемика, инициированная авторами сборника «Вехи», вышедшего сто лет тому назад (1909 г.). Его авторами были известные отечественные философы, писатели, публицисты – Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк. За сравнительно короткий срок «Вехи» были переизданы более 40 раз. В ответ был выпущен целый ряд антивеховских произведений, в которых цели «веховцев» не только оспаривались, но и искажались, а авторов обвиняли и в замаскированном черносотенстве, и в либеральном ренегатстве. Именно в последнем ключе выступил В.И. Ленин¹⁸⁵, отметивший: «Энциклопедия либерального ренегатства охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего мирозерцания русской и международной демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих ливрейных чувств и соответствующей ливрейной политики по отношению к октябрьской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще. ... «Вехи» состоят в том, что это крупнейшие вехи на пути полнейшего разрыва русского кадетизма, русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями». При всей полемичности и заостренности данных оценок в них просматривается четкая идеологическая и мировоззренческая позиция автора, который, правда, акцентирует не сам предмет полемики, а доминирующую позицию своих оппонентов.

Касаясь же собственно предмета «Вех» уже в более позднем сборнике «Вехи. Из Глубины» (М., 1991), так сказать *ad hoc*, П. Струве в предисловии издателя написал: «Сборник “Вехи”, вышедший в 1909 г., был призывом и **предостережением**. Это предостережение, несмотря на всю вызванную им, подчас яростную реакцию и полемику, явилось на самом деле лишь **робким** диагнозом пороков России и **слабым** предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась в 1905–1907 гг. и разразилась в 1917 г. Историк отметит, что русское образованное общество в своем большинстве не вняло обращенному к нему предостережению, не сознавая великой опасности, надвигавшейся на культуру и государство»¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Ильин В. (Ленин В.И.) О «Вехах» // Новый день. 13.12.1909. № 15.

¹⁸⁶ Вехи. Из Глубины. М., 1991. С. 209.

В этом же сборнике с еще большей определенностью П. Новгородцев определил замысел и объективное значение «Вех» как выдающегося исторического документа, обращенного к зараженной революционаризмом интеллигенции и призывающего ее снова и снова задуматься, с одной стороны, над возможными губительными последствиями идеологии революционаризма, а, с другой стороны, продолжить традиции Чаадаева, Достоевского, В. Соловьева¹⁸⁷.

Анализируя с позиций сегодняшнего дня и саму полемику, и ее предмет, и последовавшую за этим почти столетнюю социально-политическую практику, можно констатировать всю актуальность **проблем** развития России, выявленных авторами «Вех» и их оппонентов.

В этом проблемном поиске видится три основных параметра, азимута, структурирующих проблему и по сей день.

Во-первых, по объекту и целям преобразований, связанных с типом цивилизационной идентичности, речь идет о модернизационной идентичности западного типа, либо о почвеннической идентичности (цивилизационной самодостаточности России). Апробация и одной, и другой ориентации так и не привела ни к какому окончательному подтверждению ни одной из сторон паллиатива. Остается апробация вариантов промежуточного типа. Возможно, что здесь необходим дополнительный анализ опыта цивилизационного развития и межцивилизационного взаимодействия Японии, Китая, Индии, стран Ближнего и Среднего Востока.

Во-вторых, по субъекту преобразований, который и выступает в итоге базовым носителем национальной и цивилизационной идентичности.

Речь идет об элитарной и эгалитарной моделях. Интеллигенция, мессианская роль которой обсуждалась в «Вехах» или буржуазия (новый класс собственников и предпринимателей), на которую была сделана ставка в 80–90-е годы XX в., либо же пролетариат, широкие демократические слои, о коих речь шла с конца XIX в. и почти до 70–80-х гг. XX в.

Ни одна из предлагаемых моделей не дала удовлетворительного, стабильного результата. С одной стороны, мессианство «низов», «Шариковых», как метафорически обозначил эту сторону великий писатель, так и не было принято интеллектуалами и элитарной частью, реализовавшей себя в финансово-коммерческой и предпринимательской сфере. С другой стороны, односторонность интересов, схематизм и социальное нетерпение новых элит не принято основной массой населения, видящей, что идет воспроизводство основных коллизий начала XX в., уже приводившей к национальной катастрофе. Иными словами, и «детской болезнью левизны в коммунизме», и «детской болезнью правизны в капитализме» российское общество уже переболело и вряд ли будет искать идентичность на этих путях. Привлекает все большее внимание в этом ракурсе опыт стран северной Европы, который

¹⁸⁷ Вехи. Из Глубины. М., 1991. С. 439.

может оказаться наиболее оптимальной моделью на пути дальнейших поисков нашей собственной идентичности.

В-третьих, по используемым методам и средствам реализации поисков идентичности, речь идет об эволюционном и революционном подходе. И данная дилемма апробирована на отечественной почве и нашла в мировом общественном сознании отклик как в виде острой критики социального революционаризма со стороны К. Поппера и других западных и отечественных интеллектуалов (начиная с авторов «Вех»), так и в виде горячего одобрения левых интеллектуалов Европы 20–50-х гг. XX в. и общественно-политических движений Востока 20–70-х гг. XX в. Оптимальных решений в этом направлении нами пока не найдено. К сожалению, поиски на путях моделей конвергентного развития оставлены в недалеком прошлом. Чувствуется острый дефицит новых идей и обобщений в области теории социального развития, где ныне апробируются модели социальной синергетики и рефлексивного управления.

Резюмируя сказанное, хотелось бы подчеркнуть, что полемика начала XX в. в кругах интеллектуалов, отраженная, в частности, в таких изданиях, как «Вехи» и антивеховские публикации, обозначила социально-мировоззренческие и социально-политические проблемы на уровне антиномий социального бытия и его развития.

Решения, предложенные «веховцами», обществом приняты не были, да они и сейчас не выглядят достаточно конструктивными и адекватными. Заслуга авторов «Вех» состоит в репрезентации проблемы, антиномичность которой была выявлена лишь последующей практикой.

Ее отражением является сегодняшнее состояние российской национальной и цивилизационной идентичности – разорванное, двойственное и антиномичное. Надежды на решение ее могут быть связаны прежде всего с новыми интеллектуальными прорывами в философском и гуманитарном познании.

Авторская библиография

Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Научно-учебное издание. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015 (раздел II).

Старостин А.М. Современная прикладная философия: проблемы и перспективы развития // В кол. монографии «Проблемы операционализации и интерпретации междисциплинарного знания в контексте современной прикладной философии» (Науч. ред. А.М. Старостин). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник-2015». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. Монография. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

Старостин А.М. Мировоззренческий опыт в системе социальной практики: цивилизационный контекст // Социум и власть. 2015. № 6 (56).

Старостин А.М. Философская инноватика в контексте системно-компаративной модели философской деятельности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 3.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник-2012. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

Старостин А.М. Философская инноватика как вид философского дискурса // Новые идеи в философии. Пермь, 2013. Т. 1. № 21.

Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: URSS, 2012.

Старостин А.М. Русская философия в контексте философской инноватики // Ориентиры. М., 2011.

Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2008.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор) и кол. авторов. Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

Старостин А.М. Философский опыт в системе социальной практики: цивилизационный контекст // В сб. «Цивилизационная парадигма в философии и смысложизненная рефлексия». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

РАЗДЕЛ III

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПЕРСОНАЛИЯХ

В основе раздела – материалы авторских исследований наиболее ярких представителей ростовской философской школы, которые хорошо известны в нашей стране и за рубежом: Ю.А. Жданова, М.К. Петрова, В.Е. Давидовича, Е.Я. Режабека. Автор апробировал предлагаемые материалы, посвященные этим философам на чтениях и международных конференциях их памяти. Им принадлежат глубокие исследования в области философии науки, философии культуры, гуманитарной когнитологии, философской антропологии.

Отдельные фигуры общероссийского масштаба: выдающийся отечественный философ Э.В. Ильенков, который весьма критически относился к исследованиям в области прикладной философии. Тем интереснее нам его суждения в этой области. И во многом контрастная по отношению к нему фигура выдающегося отечественного методолога, основателя методологической инноватики – Г.П. Щедровицкого.

3.1. Э.В. Ильенков и философская инноватика

В творчестве выдающегося советского философа Э.В. Ильенкова содержится целый ряд проблемных ситуаций, которые и поныне могут становиться «точками роста», развития философского знания. Обратимся к одной из таких проблемных ситуаций.

Анализируя различные «приложения» диалектической философии в области идеологии, политики, науки и, очевидно, думая о некоторой их мелкомасштабности и невызревшей естественной потребности в таких «приложениях», Э.В. Ильенков предостерегал против этого, говоря, что так мы вскоре придем к «диалектике продажи арбузов». Таков основной пафос его записки в ЦК КПСС о проблемах развития отечественной философии.

Э.В. Ильенков подчеркивает: «Чем только не занимаются наши “философы”! Не хватит сотни страниц, чтобы перечислить все темы и сюжеты, называемые ныне “философскими”. “Философские проблемы медицинской диагностики”, “Философские проблемы кибернетики”, “Философские проблемы квантовой механики”, “Философские проблемы теории информации”... На первый взгляд хорошо: философы “помогают” теоретикам других

наук, активно вмешиваются во все, связывают философию с практикой, с жизнью. Под таким красивым лозунгом все это и делается»¹⁸⁸.

Что же смущает великого философа? Прежде всего результат. На выходе таких «философских приложений» чаще всего дилетантизм и плохая популяризация сложных проблем науки и практики: «Что-что, а это – бесспорный факт: ленинское понимание философии как особой науки (диалектика как логика и теория познания) растворено в безбрежном море методологических проблем частных наук. Тех самых проблем, которые должны решать (и решают, не могут не решать!) сами физики, сами математики, сами экономисты, и они их решают на профессиональном уровне. «Философы же решают те же самые проблемы на уровне дилетантском»¹⁸⁹. Более того, при определенных идеологических условиях выводы и рекомендации из таких «философских решений» приводят к приостановке конкретно-научных исследований и разрушению целых научных школ и направлений.

Но, с другой стороны, творчество классиков марксизма насыщено примерами «философских приложений» к экономике, антропологии, социологии, физике, математике, биологии, политике и т.п. Сам Э.В. Ильенков подчеркивает: «Элементарная наивность, даже просто неведение относительно метода мышления, с помощью которого разработан “Капитал” К. Маркса – это чрезвычайно характерно для экономистов, и прежде всего для ведущих...

Метод Маркса-Ленина признается (и даже применяется) ими там, где речь идет о критическом анализе «западной» экономики. Применимость его к анализу экономики нашей отрицается даже в общей форме, не говоря уже о том, что практически он давно и подавно не “работает”. В результате мы структуру и закономерности экономики США или ФРГ знаем лучше, чем «анатомию и физиологию» своего собственного экономического организма. Тут – полнейший эмпиризм, метод “проб и ошибок”»¹⁹⁰.

Иначе говоря, значимость продуктивного взаимодействия философии и других сфер мышления и практики Э.В. Ильенковым не отрицается. Более того, он указывает на ряд серьезно продвинувших развитие науки и практики ситуаций. И, наоборот, позиция невмешательства (политэкономия социализма) приводит к кризису понимания и неэффективной деятельности.

Все дело в том, что необходимо соблюдение ряда условий в таких ситуациях. И, прежде всего, сама философия должна быть готова предложить продуктивные подходы, конструктивную программу взаимодействия.

Э.В. Ильенков подчеркивает значимость разработки теоретической базы самого философского знания и познания: «Прежде чем призывать философов к такой агрессии в методологию других наук, к “применению философии”

¹⁸⁸ Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2008. С. 380.

¹⁸⁹ Там же. С. 381.

¹⁹⁰ Там же. С. 379.

к другим наукам, “к жизни”, к практике, надо хорошенько проверить: А есть ли у нее – Что “применять”? А разработана ли достаточно конкретно ее собственная теория?»¹⁹¹ и далее «... Надо кончать с разбродом в понимании самого существа философии как особой науки, надо навести порядок в ее собственном теоретическом багаже»¹⁹². И похоже, что именно этот мотив выступает в качестве основного в критической рефлексии Э.В. Ильенкова по поводу прикладной философии. Точно так же как именно он более всего раздражает власть и философскую общественность.

Далее, второе важное условие – это профессиональное знание той конкретной области знаний и деятельности, с которой взаимодействует философ, что позволяет ему осуществить рефлексия касательно приращения нового знания, новых результатов или соучастия в таком процессе. Иначе говоря, лишь имея собственный отработанный инструментарий философской теории и зная профессионально конкретную потребность в приложении такого инструментария, можно рассчитывать на нетривиальный результат: «Тогда философы должны будут заниматься прежде всего философией. А уже после этого и на основе этого они смогут создавать философски продуманные рекомендации даже по торговле арбузами, ежели в этом возникнет нужда, если сами торговцы арбузами запутаются, а «философ» ясно увидит – в чем именно они запутались»¹⁹³.

Благодаря такому реконструированному подходу, Э.В. Ильенкову удалось с успехом «прилагать» диалектическую логику к разработке проблем тифлосурдопедагогики, развитию концепции проблемного обучения.

Об этом очень хорошо сказал выдающийся отечественный педагог и психолог В.В. Давыдов, чьим именем названа одна из новых образовательных систем второй половины XX в. – система развивающего обучения: «Особенно большой вклад Э.В. Ильенков внес в разработку проблем материалистической диалектики. Его перу принадлежит замечательная книга «Диалектическая логика»... Если вычленишь то, что в советской философии было сделано наиболее ценного и сохраняет свое значение по сей день, то надо назвать именно эту книгу... Особо следует отметить вклад Э.В. Ильенкова в разработку теоретических вопросов психологии и педагогики. Он опубликовал несколько работ, посвященных воспитанию ума школьников, философско-психологическим вопросам системы обучения и воспитания слепоглухонемых детей, созданной И.А. Соколянским и А.И. Мещеряковым. В частности, им выявлено наличие у слепоглухонемых детей внеречевого мышления, возникающего в процессе овладения ими простейшими действиями с предметами»¹⁹⁴.

¹⁹¹ Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2008. С. 382.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. С. 384.

¹⁹⁴ Там же. С. 123–124.

Э.В. Ильенков оказал существенное влияние своими диалектико-логическими исследованиями на формирование взглядов В.В. Давыдова¹⁹⁵, с которым тесно взаимодействовал. Как подчеркивают данное обстоятельство современные авторы: «Взамен устаревшей философии эмпирического обобщения Давыдов предложил использовать в образовании иную философию, которую он до конца своих дней считал единственно верной. В качестве такой философии выдвигалась диалектическая логика, разработанная великими философами XIX в. Гегелем и Марксом и конкретизированная замечательным отечественным философом XX в. Э.В. Ильенковым. Так произошло то, что мы назвали первым культурным взрывом в отечественной педагогике»¹⁹⁶.

Такого рода реконструкции познавательных проблемных ситуаций и воздействие на их эволюцию характерны не только для Э.В. Ильенкова и других выдающихся философов, но и для многих известных ученых, которые так или иначе обращаются к инструментарию философской рефлексии в целях решения сложных научных и практических проблем. При этом решаются не только, а иногда и не столько философские проблемы, а мы имеем дело именно с приложением философского инструментария к нефилософским задачам и темам: интерпретации и реконструкции когнитивного или деятельностного контекстов, репрезентация ситуаций, требующих междисциплинарного или межпарадигмального синтеза, переосмысления оснований научной теории и др. Именно в таком контексте и следует особо обозначать сферу философских инноваций, которая, с нашей точки зрения, выступает в виде катализатора в производстве и обращении на рынке символических инноваций.

Как уже отмечалось выше, рассуждая о предмете и функциях философского знания, можно говорить о характерных для нее четырех основных позициях, сходных с позициями любого фундаментального познания и знания:

1. Выдвижение новых философских систем.
2. Развитие уже существующих философских систем.
3. Формирование областей философской инноватики как сферы прикладных философских исследований и разработок.
4. Популяризация философских систем или, по большей части то, что А.В. Потемкин назвал диатрибической традицией¹⁹⁷.

¹⁹⁵ См.: Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.

¹⁹⁶ Курганов С.Ю., Соломадин И.М. Концепция развивающего обучения В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина // Образовательные системы современной России. М., 2010. С. 44.

¹⁹⁷ См.: Потемкин А.В. Проблема специфики философии в диатрибической традиции. Ростов н/Д., 1980.

Под диатрибической (школярской – как ни обидно это звучит) традицией понимается неизбежное упрощение, схематизация (а иногда и вульгаризация) сложных философских разработок в целях их популяризации и преподавания, в особенности в философски неподготовленных аудиториях.

Все перечисленные виды философско-исследовательской и философско-образовательной деятельности облачаются в соответствующие формы философского дискурса.

Философская инноватика вытекает из фундаментальных философских концепций в процессе их приложения к различным группам наук (естествознание, гуманитарные науки, науки о поведении) и видам духовно-практической деятельности. Здесь-то и возникает нередко сшибка между фундаментально-философскими и философско-прикладными направлениями, подобная сшибке фундаментальной и прикладной науки, о чем говорил в свое время и Э.В. Ильенков, имея в виду деформированные, искаженные и вульгаризированные формы такого взаимодействия.

В 60–70-е гг. XX в. в отечественной философии зарождались различные формы философской инноватики (А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, В.С. Библер, Г.П. Щедровицкий, М.К. Петров). Далеко не во всем лидеры, разрабатывавшие эти подходы, принимали друг друга. Хотя для всех них был характерен проектно-конструктивный пафос и уверенность, что данная группа философов предлагает программу, способную «изменить мир» науки, образования, политики, культуры. Так с иных, нежели Э.В. Ильенков, инструментальных позиций, выступал другой выдающийся отечественный философ второй половины XX в., основоположник Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкий.

Как подчёркивает один из первых его учеников В.М. Розин: «Как правило, его [Г.П. Щедровицкого – А.С.] выступления были построены по следующему сценарию. Анализировалась познавательная ситуация в соответствующей дисциплине. Подвергались острой критике подходы и способы мыслительной работы, характерные для этой дисциплины, и утверждалось, что она находится в глубоком кризисе. Затем предлагалась новая картина дисциплины и намечалась программа ее перестройки и дальнейшего развития»¹⁹⁸. Э.В. Ильенков не разделял методологическую модель Г.П. Щедровицкого, считая ее некой «разновидностью радиотехнических схем»¹⁹⁹. Очевидно, что речь шла о специфическом формализованном инструментарии анализа мыследеятельности, который разработал и использовал Г.П. Щедровицкий.

Не поддерживались Э.В. Ильенковым и другие модели философской инноватики, в частности, сформировавшиеся на теоретической платформе современных ему форм позитивизма и аналитической философии. Ему претило увлечение ряда ученых и философов инструментарием позитивистской

¹⁹⁸ Розин В.М. Построение теории мышления – «синяя птица» Г.П. Щедровицкого // Георгий Петрович Щедровицкий. М., 2010. С. 104.

¹⁹⁹ Как вспоминал Ю.А. Шрейдер: «Э.В. Ильенков ядовито заметил, что Щедровицкий переводит гегелевские категории на язык радиотехнических схем». См.: Шрейдер Ю.А. Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) // Как это было: Воспоминания и размышления. М., 2010. С. 564.

философии. В том же самом письме в ЦК КПСС «О положении с философией» он подчеркивает: «В лучшем случае такое применение даст не критическое обобщение (т.е. просто лишнее абстрактное описание) того, что есть – описание той “логики”, которую и без этого практикует сознательно любой ученый. Это – в лучшем случае. И в этом “лучшем” случае получится та самая логика, которая давно систематизирована неопозитивистами – так называемая “логика современной науки”. ... на основе тех принципов, которые заложили классики “современной логики” – т.е. Р. Карнап, Л. Витгенштейн, Г. Райхенбах, А. Айер и другие пророки неопозитивизма, “логики современной науки”»²⁰⁰.

Последующий ход развития философии, науки, культуры показал, что более адекватной моделью восприятия развития философского мышления и философских знаний, и, соответственно, философской инноватики, выступает не линейно-прогрессистская, которая на каждом данном этапе дает некие уникальные, единственно-верные образцы мыследеятельности, а, скорее, диатропическая модель эволюционного развития²⁰¹, в рамках которой наблюдается реальный плюрализм мыследеятельностных форм, взаимодействующих друг друга и, с другой стороны, конкурирующих друг с другом.

Вместе с тем, напряженная деятельность Э.В. Ильенкова, Г.П. Щедровицкого, М.К. Петрова, В.С. Библера и ряда других философов дала разные образцы сложного и эффективного взаимодействия теоретической философии с прикладными для нее областями.

3.2. Г.П. Щедровицкий – основоположник отечественной методологической инноватики

Фигура Г.П. Щедровицкого – одна из наиболее оригинальных и новаторских в отечественной философии второй половины XX века. Отношение к нему скрыто-противоречивое. Наверное прежде всего потому, что он не был в классическом смысле философом или, точнее, академическим философом. Он не работал в советских крупных государственных академических или вузовских коллективах. Он сам создавал крупные программы деятельности и оставил после себя крупнейшую сеть ММК – методологическое движение, которое и по сей день имеет серьезную базу исследовательской и издательской деятельности, прежде всего – некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». Именно этот фонд поддержал ряд фундаментальных изданий, включая 20-томное издание «Философия России второй половины XX века», в рамках которого вышел отдельный том, посвященный Г.П. Щедровицкому.

²⁰⁰ Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2008. С. 383.

²⁰¹ См. о диатропике: Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир. М., 2008. С. 312.

В освещении новых подходов и результатов Г.П. Щедровицкого наше самое авторитетное академическое издание «Новая философская энциклопедия» (М., 2010) в 4-ом томе отмечает: «Отстаивал деятельностный подход в оппозиции к натуралистическому, развивая теорию деятельности. Разрабатывал идею методологии как общей рамки всей мыследеятельности» (с. 405). Что как-то не цепляет, не выделяет глубину инноваций Г.П. Щедровицкого. Нет бы сказать: он основоположник отечественной методологической инноватики, поскольку выделил методологию и методологическую деятельность в самостоятельную деятельность, которая не включена в традиционные оценочно-нормативные показатели «истина – заблуждение», как научные, знаковые системы. Что до него никто не делал и не делает по сей день: «Для меня методология есть способ критического отношения к существующей человеческой культуре... Методология выступала в этом смысле как заменяющая философию, поэтому я их сблизил и противопоставил друг другу»²⁰². И еще одно его уточнение: «Я занимаюсь методологией и это нечто принципиально иное, нежели наука»²⁰³. Это очень важная мысль об автономности и суверенности действующего (деятельного) мышления как методологической системы, которая не «отражает», а «преобразует» мир или, точнее, сложившуюся модель, картину мира: «Методология есть такая форма организации мышления и деятельности, которая организует свое пространство за счет использования нескольких направляющих «досок». На одной «доске» рисуется схема объекта, на другой – схемы деятельности или мышления, которые должны быть осуществлены. И в этом отличие методологии от науки в первую очередь, ибо наука таких двух «досок» не имеет, или не пользуется.

В науке есть схема объекта и есть грамотные ученые, получившие школу: они умеют работать по прототипам»²⁰⁴. А методология отображает не объект, а структуру мышления, которое нацелено на решение теоретических и практических задач, а точнее, само, проблематизируя сложившуюся социо-культурную реальность, ставит и решает также задачи.

Возвращаясь к истокам идей и концепций Г.П. Щедровицкого. следует подчеркнуть, что необычность его системы и школы в том, что он начал, стартовав от ситуации в отечественной философии, где назрела проблема обновления, сброса догматических форм, которые донельзя идеологизировали философию. Здесь напрашивается аналогия деятельности по «очищению разума» от «идолов» и устаревших идеологических стереотипов в начале Нового времени. Правда многие забывают то, что подобные ситуации

²⁰² Щедровицкий Г.П. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов. Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 8. Вып. 1. М.: Путь, 2004. С. 329 (Лекции в театре-студии «На досках» 1989 г.).

²⁰³ Щедровицкий Г.П. М.: РОССПЭН, 2010. С. 529.

²⁰⁴ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 75.

характерны именно для обществ, где чрезвычайно сильно влияние духовно-идеологических комплексов (идеологизированная философия марксизма для сталинской системы или теологизированная философия в эпоху позднего Средневековья). Вместе с небольшой, но активной и даже духовно-дерзкой группой молодых философов (Э. Ильенков, А. Зиновьев, Б. Грушин, М. Мамардашвили) Г. Щедровицкий выступил и за восстановление аутентичного, творческого марксизма и за его развитие как в теоретическом, так и в прикладном отношении в новых условиях. То есть за возврат к работающей теории и конструктивным методам.

Он пошел собственным путем, поставив задачу разработки концепции методологии и методологического мышления как универсального инструментария познания и практической деятельности. В дальнейшем это вылилось в представление о мыследеятельности и мыслекоммуникации.

По сути это продолжение методологических поисков XVII–XIX вв. в неклассической форме. Принципиально новым направлением стала экспериментально отработанная методология организационно-деятельностных игр (ОДИ), где «вываривается» продукт коллективной мыследеятельности – коллективно организованной методологической рефлексии над тем или иным сложившимся, типизированным и стереотипизированным сегментом деятельности (педагогической, спортивной, дизайнерской, конструкторской, инженерной и т.д.).

Выступая в 1989 г. с лекциями в театре-студии «На досках», Г.П. Щедровицкий подчеркивал: «Смотрите: я провел к сегодняшнему дню 71 игру, и еще примерно 130 провели мои ученики. Игра решает любые социальные, политические, социокультурные вопросы, создает новые образцы. И это выясняется повсеместно, поскольку в игре можно имитировать любую область жизни. Больше того, в игре можно выходить в будущее и смотреть, что там, в будущем будет»²⁰⁵.

В этой технологии ОДИ следует акцентировать два аспекта: 1) создание новой организационной формы коллективного рефлексирования и 2) постоянно совершенствуемый инструментарий методологической рефлексии.

Очень важным является момент коллективного проживания ситуации методологической рефлексии. Он во многом имитирует и моделирует в неклассических формах атмосферу античных философских школ. И не случайно Г.П. Щедровицкий сделал следующее суждение по этому поводу:

«Вопрос: я так понимаю, что это немного похоже на ту ситуацию, какая сложилась на заре древнегреческой философии?

Ответ: Так точно.

Вопрос: То есть Вы начинаете заново философствовать?

²⁰⁵ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 223.

Ответ: Так точно... Путь изучения того, что написано, ни к чему не ведет. Ни мышления не формирует, ни знаний не дает. Это все ложный путь, тупиковый... Надо прожить свою ситуацию и относиться к своей ситуации, к планам и программам своего действия и строить их. А дальше вы можете переводить ваш рефлексивный план в одну, другую, третью действительности. Проживание ваше переводить. А если нет проживания, то ничего не будет. Вот что я утверждаю»²⁰⁶.

У Г.П. Щедровицкого, теоретическая и организационная деятельность которого прошла, по меньшей мере, три этапа, было много интересных и необычных ходов: о мышлении, как особой субстанции; о деятельности вообще и в связи с мыследеятельностью; о рефлексии; о методе и методологии. Одни из них по ходу развития уходили на задний план, другие дополнялись и включались в более сложную систему. Об этом он сам достаточно подробно говорит и его ученики подтверждают это (в особенности В.М. Розин, Ю.В. Громыко, В.Л. Данилова и др.). Но главное – найдена организационная форма, в которой институционализована рефлексивно-методологическая деятельность – ОДИ.

Сказанное выше создает общее представление о Г.П. Щедровицком как крупнейшем инноваторе в философско-методологической сфере, реконструирует его инновационную систему. Вместе с тем необходимо выделить «точки роста», проблемы в развитии этой деятельности. Обозначим их.

А) Оценивая, классифицируя деятельность Г.П. Щедровицкого, следует отнести ее к области философской инноватики – прикладной философии и философских разработок, сконцентрированной на вопросах методологической рефлексии в различных предметных областях. Новой фундаментальной философской системы он не создал, оставаясь на платформе аутентичного марксизма, видя в нем именно универсальный метод, прилагаемый к экономике, политике, культуре, математике и самой философии, поскольку в фундаментальных трудах самого К. Маркса новая философская система отсутствует – это позднейшая интерпретация Ф. Энгельса. А метод, прежде всего метод «сборки», – работающий метод имеется. Именно его Г.П. Щедровицкий применил к разработке собственной концепции мышления, основанной на специфическом для мышления понимании системности: «Вся суть моих... утверждений только в одном – мы получили очень важный и новый принцип, что мышление есть система, а следовательно, анализ и описание его предполагает объединение и синтез по крайней мере трех категориальных представлений – процессуального, структурно-функционального и материально-организационного. И одно это утверждение (или, если хотите, гипотеза) в сто крат важнее всех споров о том, ошиблись мы или не ошиблись»²⁰⁷.

²⁰⁶ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 111.

²⁰⁷ Георгий Петрович Щедровицкий. М.: РОССПЭН, 2010. С. 519.

Здесь выявляется очень важный аспект, с которым столкнулась во многом экспериментальная деятельность Г.П. Щедровицкого в ходе создания новой концепции мышления и методологической инноватики. Это проблема нового языка описания. Это особо чувствуется во время чтения стенограмм его докладов, лекций, выступлений. Аудитория, воспринимающая, мыслящая в рамках традиционного философско-методологического дискурса, никак не может «въехать» в то, что самому Г.П. Щедровицкому кажется очевидным. Он использует многочисленные метафоры, притчи, аналогии, опирается на самые простые из изобретенных им схем. Но многое так и не доходит. Основные его усилия в таких публичных выступлениях посвящены «проблеме перевода». Мы знаем, что в семинарах и ОДИ Г.П. Щедровицкого была разработана и использовалась своя символическая система, в рамках которой можно было фиксировать движение, логику методологической рефлексии. Но чтобы понимать этот язык и перевести его во внутренний план нужна была процедура проживания, интериоризации, изменения философско-методологической парадигмы. Она аналогична переходу на язык квантовой механики в 20–30-е годы XX в., в ходе революции в физике. Но в физике этот парадигмально-языково-инструментальный сдвиг осуществить удалось, а в движении ММК – удалось только в рамках ММК. Удастся ли продолжить эту работу, доведя ее до уровня «рядового потребителя», или нам придется все начинать сначала (в смысле какого-то нового интеллектуального движения, выполняющего аналогичную задачу) – это вопрос.

В) По нашим оценкам деятельность ММК по новизне и значимости – одного порядка с разработками Западной философии науки 50–70-х гг. XX в. (К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд, П. Локатос и др.), ни в чем не уступая по масштабности постановок и новизне предлагаемых концепций. К тому же методологическое движение распространялось не только и даже не столько на науку, сколько на значительно более объемную сферу духовно-практической деятельности. И в отличие от отечественной и западной философии науки, и об этом говорит сам Г.П. Щедровицкий, явно выраженный конструктивно-проективный методологический вектор позволил опередить конкурентов и выйти в новое духовно-практическое пространство: «С 1954 по 1963 годы были разработаны методологические основания построения теории мышления. Эти методологические основания у нас сейчас есть. И насколько я понимаю, мы единственная страна, где это вообще может быть на нынешнем этапе. Я так понимаю, что лет через 50-70 у американцев будет такая государственная программа, они соберут под это людей и будут догонять нас»²⁰⁸, – говорил в 1989 г. Г.П. Щедровицкий. И он связывал это с совершенно определенными экономическими и социокультурными обстоятельствами.

²⁰⁸ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 192.

Поясняя свой прогноз, он отмечал: «Я вижу, что вы насмешливо улыбаетесь, но это ведь очень просто: только у нас в стране есть лишние люди – в таком количестве и с интеллектом. В Штатах нет лишних людей. Все заняты, каждый может строить свою фирму. Поэтому для них, когда собираются 5–6 студентов на одной теме, – это ЧП, об этом разговаривают 20 лет, как о небывалом происшествии. У меня же на семинаре собирается 100 лучших студентов Московского университета и еще 50 стоят в коридоре, хотят попасть. Это уникальные условия нашей страны – лишний интеллектуальный потенциал. Только в нашей стране можно разрабатывать большие программы, собирать людей и делать это по-настоящему и с размахом»²⁰⁹.

Однако, спустя 20 лет после ухода из жизни Г.П. Щедровицкого, не похоже, что нас кто-то будет догонять. Мы и сами-то, сегодняшние, едва ли в состоянии догнать нас – вчерашних. Скорее на Западе и, прежде всего в США, да и, возможно, в современном Китае, если будет на то потребность, поступят проще: как с радио, телевизором, социологией, вертолетом, радиолокацией и т. п. У нас были гениальные В.И. Вернадский и А.Л. Чижевский, но никто сильно не озаботился о программе развития их идей. У нас был космизм – классический и современный, но это волновало до той поры, пока это удавалось сопрягать с идеологией социализма. Примеры можно множить. Однако Г.П. Щедровицкий был очень прозорлив, когда указал на одно из важнейших условий интеллектуальных инноваций: наличие свободных интеллектуалов и возможность концентрировать их в сообществах.

С) Касательно практики организационно-деятельностных игр (ОДИ), с помощью которых был наработан огромный экспериментальный материал для нового прочтения методологической концепции мышления как коллективно организованной мыследеятельности: «Сейчас мы стоим на пороге нового периода, для которого надо вырабатывать свою особую программу. Это очень большой поворот и принципиальный, поскольку практика ОДИ как бы отодвинула разработку методологии на задний план. И теперь надо как бы начинать все по новой: задать новые проблемы, провести новый анализ ситуации, выработать новые программы и их реализовать. Поэтому заканчивается весь этот длинный период, тридцатипятилетний, и должен начинаться новый кусок, новый этап и новая фаза работы»²¹⁰. Это 1989 год. Во что это должно было в итоге вылиться?

По нашему мнению, с этого времени методологическое движение вышло на рубеж институционализации и тиражирования двух важнейших систем: новой системы высшего образования, в которую органически включено обучение методологическому проектированию и принципиально новый блок методологического образования; и организация центра разработки

²⁰⁹ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 191.

²¹⁰ Там же. С. 189.

системы методологического мышления. Оба шага к этому были сделаны в начале 90-х годов.

В 1991 г. Г.П. Щедровицкий становится руководителем созданной им совместно с участниками его игротехнической команды сети методологических лабораторий по проектированию содержания для системы образования с университетским центром²¹¹. И в том же 1991 г. начинает выходить журнал «Вопросы методологии», главным редактором которого становится Г.П. Щедровицкий. Говоря современным языком, start-up был обозначен, но в массовый тираж по сей день не пошел.

D) Значительные усилия Г.П. Щедровицкого направлены на разработку новой концепции мышления, выделяя его системно-субстанциальный, суверенный (а не «отражательный», «объективистский») характер. В лекциях 1989 года он подчеркивает единство в многообразии: «Мышлений вообще много разных, и надо теперь строить типологию мышлений, описывая каждый тип отдельно в рамках единой субстанции мышления (Г.П. Щедровицкий указывает на познающее и, в частности научно-исследовательское мышление; проектировочное мышление; программирующее мышление и т.п. – А.С.). В отличие от декартовского представления о единой субстанции мышления, я сегодня могу утверждать: есть много разных по своему субстанциональному составу мышлений. И это разные мышления. Есть сложный, популярный, как я говорил, мир мышлений»²¹².

Это напомнило, что примерно в эти же годы формировалась в США концепция Г. Гарднера о множественном интеллекте²¹³. Правда философская основа этой концепции значительно схематичнее и поверхностнее, нежели у Г.П. Щедровицкого. Но, как говорится, идеи витают в воздухе и Гарднеровский подход, спустя четверть века воплотился в одну очень востребуемую и вытекающую из общего подхода, идею эмоционального интеллекта. Так что возможно, что существенно более глубокий подход Г.П. Щедровицкого может пробить себе дорогу позже. А пока, мне кажется, следует связать его с развитием контекстуальной идеи, в рамках которой помещается образ субстанциональности мышления. Это идея об активной информационной реальности, несущей в себе субстанциальные черты. Такие же, как скажем, вещество, поле или темная материя. Думается, что без такого контекста, в виде поддержки, субстанциональность мышления в его генезисе и развитии трудно конституировать.

E) Весьма значимы для Г.П. Щедровицкого идеи и рассуждения о натуралистической и социотехнической (искусственно-технической, деятельностной) парадигмах и о преодолении натурализма: «Так вот, говорю я,

²¹¹ Георгий Петрович Щедровицкий. М.: РОССПЭН, 2010. С. 550.

²¹² Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 138.

²¹³ См.: Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М., 2007.

деятельностный подход отвергает научный, созерцательный и описательный, подход и ему противостоит»²¹⁴.

Эти суждения концентрируются не на плане сосуществования и возможностей сближения двух субкультур, а на плане преодоления натурализма и сциентизма посредством методологической культуры и нового понимания мышления. Наука при этом остается «за бортом» и видится не как высшая форма познавательной деятельности, а как некое сложноинструментированное интеллектуальное ремесло.

Пока эта идея не набрала популярности, но объем суждений о «пределах роста» и «границах» науки постоянно растет.

Г) И последний аспект, связанный с «точками роста» ММК – это вопрос о том, почему методологическое движение не нашло значимых точек соприкосновения с перестроечными и постперестроечными процессами в России.

Есть даже заостренная постановка в статье 1994 г. одного из видных деятелей ММК Ю.В. Громыко, которая называется: «Почему методология и методологи проиграли перестройку?». И есть разные ответы, данные, например, в книгах В.М. Розина²¹⁵, В.А. Беляева²¹⁶ и в ряде других работ.

В.А. Беляев, к примеру, считает, что «распад СССР унес и генетический вызов, подпитывавший ММК, и подпитывавшие его институты «высот духа», саму институционализацию таких высот. Либерализм пришел, но совсем не в том виде, который ожидал ММК. «Империи мышления» не суждено было случиться»²¹⁷.

Можно развить эту мысль о разных ипостасях либерализма: существует либерализм-1, ориентированный на поддержку интеллектуального развития, но есть и либерализм-2, ориентированный на создание условий и свобод экономического, политического, культурного потребления. Именно «либерализм-2» настаивает на культивировании стихийности (или квазистихийности) развития и, прежде всего в области массового потребления. Но на деле идет закрепление диктатуры элит, главенствующих на всех рынках и в системах, организующих потребление: экономических, политических, культурных. Эта диктатура базируется на манипулятивных социальных технологиях. «Империя мышления», культура интеллектуального развития действительно чужда культуре массового потребления. В общем-то это и разные культурно-антропологические концепции.

Наступит ли век «большой социальности», где будет господствовать «либерализм-1» и станут востребованы идеи ММК и ряда других движений, ориентированных на развитие человека, человеческого капитала в смысле

²¹⁴ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 98.

²¹⁵ См.: Розин В.М. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. М., 2011.

²¹⁶ См.: Беляев В.А. Методология ММК: наука и эзотерика. М., 2011.

²¹⁷ Беляев В.А. Там же. С. 169.

его системности и целостности? Во всяком случае такого рода противостояние на глобальном уровне существует. Но значимость общесоциальных рамок и запрос на ту или иную версию в глобальном развитии существует и чувствовалась Г.П. Щедровицким. В его лекциях 1989 г. (уже под конец перестройки), есть такая еретичная мысль, еретичность которой он сам чувствует: «Я вам скажу откровенно, хотя понимаю, что меня потом будут забрасывать камнями: я разницу между тоталитаризмом и нетоталитаризмом не вижу. Понимаете? Не вижу. И считаю, что тоталитарная организация есть в будущем единственная организация всякого человеческого общества. Просто Германия и СССР немножко, на ноздрю, вырвались вперед. Но это ждет всех, включая и гордую Британию. Другого не будет, уважаемые коллеги. Это есть необходимость развития человеческого общества, черт подери»²¹⁸.

Но, как оказывается, важны еще и те ценностные ориентации и установки, на которых зиждется «большая социальность»: будь она тоталитарной или квазитоталитарной.

Резюмируя сказанное о методологической инноватике Г.П. Щедровицкого, подчеркнем ту тенденцию, которая касается глубоких и масштабных инноваций: они редко сразу же вписывались в потребности времени, чаще всего и опережая, и формируя постепенно эти потребности.

Думается, что и здесь будет пройден известный цикл инновационного развития, обозначенный еще Г. Гегелем: «Этого не может быть – в этом что-то есть – да кто же этого не знает».

3.3. Философско-инновационная интерпретация творчества М.К. Петрова

Анализируя творчество М.К. Петрова, мы вряд ли избежим распространенной в жанре мемориальных чтений инсталляции: «Петров и Я».

Я столкнулся лично с М.К. Петровым лишь однажды, когда на философском факультете РГУ (по-моему, это было в 1972 г.) обсуждалась книга Г.Волкова «У колыбели науки», где присутствовал лично автор и в ряду других выступил и М.К. Петров. Его суждения о книге не были прямо критическими, а как бы направлены в пространство: «Не следует пририсовывать, приписывать античным натурфилософам наши плечи, головы и ход мыслей!». И это врезалось в память как сущностное суждение о методах реконструкции, которые должны помочь воссоздать античную рациональную ментальность, а не приписать ей то, о чем она не могла еще подумать и представить. Тем самым М.К. Петров как бы подчеркивал, что Марксов подход, где «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны», сам по себе продуктивный в ряде

²¹⁸ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 167.

ситуаций, при решении задач когнитивной реконструкции должен предусматривать и обратный ход: «От анатомии обезьяны – к анатомии человека». Как, впрочем, и еще целый ряд ходов, которые сами обозначатся, когда мы серьезно займемся, как принято это в науке, решением задач реконструкции некоей системы и ее последующего развития.

Второй памятный эпизод связан с моей докторантурой и докторской диссертацией на тему, которая в названии несколько варьировалась: то – «Образы космоса в культуре», то – «Познавательные модели космоса (философский анализ становления и развития)». К этой теме я шел много лет, исходя из идеи о необходимости и возможности реконструирования или моделирования деятельности нечеловеческого интеллекта. Назовем его космическим интеллектом – тем, который сформировался эволюционным путем, как и человеческий, но в иных, хотя может быть и похожих чем-то на земные, условиях. Естественно, что в 70-90-е гг. я решал свою проблему, мало что зная о работах М.К. Петрова, и столкнулся с его уже посмертно опубликованной книгой «Язык, знак, культура» (М., 1991). Она дала какой-то новый импульс в моих изысканиях, с той добавкой, что можно было поставить вопрос о Четвертой форме социокодирования. (Три исходные формы, как и сама их концепция, введены в научный оборот М.К. Петровым). Данные изыскания в начале 90-х гг. пришлось отложить на долгие годы, ввиду того, что «времена не выбирают, в них живут и умирают». Но вспоминая об этом сейчас, я вижу в мышлении М.К. Петрова, в постановках проблем, в рефлексивно-философских исканиях много сходных сюжетов, выстроившихся на ином материале и на ином поле. Я занимался полифонией образов Космоса и выявлением механизмов их генезиса, формирования, взаимодействия между собой, взаимопроникновения, где-то интегрирования на базе определенных ментальных механизмов. И здесь по сей день огромный пласт проблем. М.К. Петрова интересовал ход развития европейской культуры, ментальности, языка, способы социокультурного кодирования, которые привели к генерированию научного мышления и научной деятельности, которые в иных цивилизационных системах не генерируются. И по сей день проблема трансфера научной и инновационной деятельности недостаточно прояснена и понята.

Третье, о чем хотелось бы заметить в этом личностном блоке, и что остро ощущаешь, знакомясь с его миропониманием и взаимоотношениями с российской властью. М.К. Петров как интеллектуал работал в одной системе культурного кодирования, а власть и ее интеллектуальная обслуга – в другой. Но и М.К. Петров, и власть вполне адекватно идентифицировали позиции и позывные друг друга. В этом плане так и просится на язык старый анекдот о Штирлице: «Штирлиц шел по Унтердерлинденштрассе. На углу, возле одного из зданий стояли барышни. “Проститутки” – подумал Штирлиц. “Штирлиц” – подумали барышни».

К сожалению, многое в этой полумифологической инсталляции, связанной с взаимоотношениями интеллектуала и представителей власти остается по-прежнему.

II

А теперь необходимо поставить задачу; коль скоро мы не хотим остаться на уровне реминисценций, о реконструкции ментальности самого М.К. Петрова, его творческих подходов и методов, следуя его же требованиям и логике. В связи с этим зададим себе ряд вопросов, аналогичных тем, что в конце 60-х гг. XX в. поставил М.К. Петров в своей известной статье в журнале «Вопросы философии» – «Предмет и цели изучения истории философии» (1969, № 2).

Вот его вопросы:

«1. Имеет ли смысл говорить о всемирной истории философии или следует придерживаться локально-европейской постановки вопроса о генезисе и развитии философии?

2. Начинается ли история философии с милетцев?

3. Насколько правомерно видеть в противоположности материализма и идеализма универсальное основание для идентификации всех философских школ?

4. Историзм – это конкретность социального анализа или ретроспектива?

5. Должна ли история философии включать историю естествознания?»

Вот та проблемная «клеточка», исходя из которой выстраивается теоретическая система М.К. Петрова, как она обозначена им самим.

Но, следуя данному примеру, зададим подобные же вопросы применительно к нему самому, как философу, ученому, общественному деятелю:

1. Создал ли М.К. Петров свою фундаментально-философскую систему? Или он создал некоторую философскую технику, инструментарий, который помогал ему в решении поставленных задач дисциплинарного и междисциплинарного уровня? Или же он развил некоторые уже известные в его время системы?

2. Какие методы, приемы, подходы характерны для исследовательской, творческой деятельности М.К. Петрова? Можно ли их идентифицировать с чем-то в философской методологии и методологии междисциплинарных исследований?

3. Можно ли говорить о эволюции мировоззренческих, философских, научных взглядов М.К. Петрова? И в каком смысле: линейно-прогрессистском росте; в смысле роста органической ментальной системы, или же речь идет о каких-то параллельных рядах задач и тем, где работает каждый раз уже сформированный аппарат, системотехника исследовательского мышления.

4. Можно ли реконструировать личностно-деятельностную, смысло-жизненную позицию М.К. Петрова, учитывая и ее открытые и закрытые (внутренние) проявления? Можно ли говорить в данном случае об особой манере, стиле интеллектуала, особой (типологически) жизненной позиции интеллектуала. В чем эта особенность?

5. Имеют ли исследовательские поиски и находки М.К. Петрова какое-то продолжение? Есть ли у него то, что называют школой? Или весь его архив имеет уже исторический смысл, т.е. это как бы тупиковая ветка в развитии мысли?

Четких ответов на эти вопросы я не нахожу. Или, может быть, они меня не вполне удовлетворяют. Остановлюсь на двух моментах:

Первый момент: о типе философского дискурса М.К. Петрова. Основываясь на изысканиях собственных и коллективных последних лет, могу предположить, что основной исследовательский инструментарий М.К. Петрова относится к области философской инноватики, коль скоро ему пришлось ставить и решать проблемы междисциплинарного уровня.

Напомним, что под философской инноватикой мы понимаем сферу прикладных философских исследований и разработок, использование философско-рефлексивного инструментария в решении сложносистемных и междисциплинарных задач, которые не могут быть решены частнонаучными методами, выявление оснований данных аналитических и прикладных областей²¹⁹.

Достаточно известными примерами отечественной философской инноватики второй половины XX в. являются разработки Э.В. Ильенкова в области развития теории проблемного обучения и тифлосурдопедагогики на базе теории и инструментария диалектической логики. К этому можно добавить пример создания философской школы мыследеятельности («Московский методологический кружок» Г.П. Щедровицкого), из которого вышла целая плеяда методологов и которая известна широкой сферой методологических приложений и разработок применительно к различным, как правило, сложносистемным объектам и ситуациям с высокой степенью нестационарности и неопределенности. Примечательным в этом отношении является также науковедческий пласт творчества М.К. Петрова²²⁰.

Анализируя приведенные и другие примеры современной отечественной философской инноватики, отметим следующие ее особенности:

1. Идеальным случаем (условием) философско-инновационной деятельности является соединение в одном мыслителе функций философа

²¹⁹ Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. Ростов н/Д., 2011; Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Ростов н/Д., 2012.

²²⁰ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д.: Изд. РГУ, 1992.

и конкретика. Подобного рода ситуации складывались еще в условиях классической науки.

2. В творчестве отечественных ученых и философов, внесших большой вклад в становление философской инноватики и ее инструментария, отметим существование двух основных форм философско-инновационных программ: индивидуальных (Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, М.К. Петров, Ю.А. Жданов и др.) и коллективных (Г.П. Щедровицкий, В.С. Библер и др.).

3. При описании инструментария и самой деятельности в области философской инноватики особую значимость имеют ее образцы, примеры анализа – всё то, что называют «кейсами».

Вместе с тем возникает вопрос и о той области фундаментальной философии, из которой исходил М.К. Петров, реализуя инструментарий прикладной философии? Опять-таки гипотетически можно отметить, что скорее всего М.К. Петровым была так или иначе решена задача межпарадигмального синтеза в области фундаментального философского знания, поскольку идентифицировать однозначно его приверженность какой-то одной философской парадигме не удастся. В своих философско-ментальных штудиях он проявляется и как неокантианец, и как последователь лингвистической философии, и как философ-структуралист, и как прагматик-инструменталист. Причем, это не механическое, эклектичное сочетание, а целостная работающая система. Требуется дополнительных усилий изучение и реконструкция путей синтеза фундаментально-философского знания, пройденных М.К. Петровым.

Второй момент: О творческом методе М.К. Петрова. Это не диалектика, и не эволюционный метод, не структурный или феноменологический подход. Более всего в его реконструкциях генезиса и становления философии, а затем и науки просматривается метод реконструкции органических и сложных систем, который получил название диатропики.

В современной эпистемологии данное течение определяется следующим образом: «Диатропика – учение о разнообразии и его закономерностях»²²¹; «диатропика – аспект всякой теории, имеющей дело с разнородными объектами»²²².

Основным приемом диатропики является сопоставление рядов эволюционирующих объектов, сопоставление обобщенных данных об объектах, включающие отношения различия и сходства, поиск единого в многообразии, причем не исключающий, не нивелирующий само многообразие.

Если брать классическую и современную математику, где по преимуществу рассматриваются тождественные отношения и преобразования, то в отличие от нее в диатропике мы имеем дело с отношениями толерантности (сходства и различия, например: “<”, “>”). Примером итогов диатропического

²²¹ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 191.

²²² Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир. М., 2008. С. 312.

рассмотрения выступает периодическая система химических элементов, а также эволюционирующие биологические объекты в рамках того или иного биоценоза.

Сюда можно включить и другие объекты, типа государств, изменяющихся в системе геополитических взаимодействий или взаимодействующих в той или иной социальной среде.

Показательно, что М.К. Петров при рассмотрении генезиса науки ищет и устанавливает систему социокультурного и лингвистического кодирования (культурный генотип), реконструирует сложные системы взаимодействия разных эволюционирующих социокультурных рядов, выявляет роль межвидовой и внутривидовой социокультурной конкуренции.

Ответов на другие поставленные вопросы применительно к творчеству М.К. Петрова у меня пока нет. Но думаю, что для полноценных ответов требуется преодолеть некоторый когнитивный горизонт, который в свое время, путем внутренних усилий как-то прорвал сам М.К. Петров. Это область неявного, контекстуального знания в сфере «петрововедения», которую ныне сложно реконструировать без его личного участия.

Остается уповать на его архивы, учеников-последователей и на новые открытия в области гуманитарного знания, которые могут стать новыми ключами к реконструкции его творчества.

III

В фокусе внимания М.К. Петрова постоянно фигурируют проблемы развития науки. Его можно отнести к авангардной группе исследователей-научковедов (включая и зарубежных, и отечественных исследователей), усилиями которых разработаны основы современного науковедения и философии науки. Уже к концу XX в. на этой базе удалось развернуть ряд глобальных и региональных информационно-поисковых систем и инструментов, с помощью которых осуществляется мониторинг, оценка и прогнозирование основных направлений поиска в Большой (глобальной) науке.

У М.К. Петрова институт науки и научная деятельность не только представлены в широком социокультурном контексте, но и выступают ключевым механизмом социального развития. На их базе формируется революционный новоевропейский способ мышления, который позволил европейской цивилизации сделать резкий цивилизационный рывок: «... возникшая в XVII в. опытная наука оказалась несравненно более эффективным орудием обновления социальных структур, чем соответствующие социальные институты в других культурах. За 300 лет существования опытной науки в странах, захваченных научно-технической революцией, уровень жизни, доходы на душу населения возросли в 15–20 раз, тогда как в остальной части мира все осталось по-старому.

При всем том, процесс трансплантации, внедрения науки и современной индустрии на инокультурных почвах встретился не только с экономическими, но и с психологическими и мировоззренческими трудностями»²²³.

В данной работе и в ряде других эта мысль повторяется. Можно, образно говоря, назвать это «Теорема М.К. Петрова». Речь идет далее о прямой и обратной теоремах.

Прямая теорема 1: Возникновение науки как социального института и особого типа познания и мышления и системы знаний непосредственно сопряжено со становлением и развитием индустриального общества.

Обратная теорема: Общество, где не возникает наука, не продвигается к индустриализму и процесс трансплантации науки на такую инокультурную почву крайне затруднен. (Может быть лишь имитирован). Он возможен в случае «запуска» той или иной модели модернизации. Здесь М.К. Петров как бы подчеркивает особый путь европейской культуры и европейского мышления. Однако эта особенность – в авангардном пути, в первопроходстве. Путь по этой колее никому не заказан (и практика догоняющих модернизаций доказывает это). Но он обусловлен целым рядом факторов: контекстуальных для науки и внутренних.

Что касается этих факторов, то они сфокусированы в понятии «матрица науки», которое выступает в качестве конкретной разновидности «матрицы познания», которая как своеобразный генотип детерминирует целостный механизм того или иного типа (в том числе и научного) познания: «Функция матрицы познания двойная: с одной стороны, она типологизирует и систематизирует освоенный мир, придает явлениям дополнительные системные значения и складывает их в стройную картину мира – космос. С другой стороны, если правила систематизации достаточно строги, за пределами «космоса» остаются явления, которые хотя и поддаются осознанию как «экстраматричные» или «непознанные», но не поддаются системному освоению в пределах матрицы, не могут быть систематизированы без разрушения и перестройки матрицы»²²⁴.

В европейской культуре произошел сдвиг от христианской матрицы восприятия мира к науке «... из-за перенасыщенности матрицы структурой, из-за ее жесткости»²²⁵. В итоге «... новая “естественно-философская” матрица проложила новую “колею” – идею объяснений с Природой – Богом на языке эксперимента»²²⁶. В этом процессе ломки одной познавательной матрицы и формирования новой очень важное значение имеет механизм социокультурного кодирования.

²²³ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. С. 6.

²²⁴ Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006. С. 80.

²²⁵ Там же. С. 79.

²²⁶ Там же. С. 80.

Если для раннеевропейской цивилизации, а также для неевропейских цивилизаций присущ (по М.К. Петрову) лично-именной²²⁷ и профессионально-именной²²⁸ тип социального кодирования, то новоевропейская цивилизация базируется уже на универсально-понятийном типе социального кодирования, который обеспечивает последующее быстрое развитие науки и становление индустриального общества.

Сказанное можно объединить еще в две «Теоремы М.К. Петрова»:

Теорема 2: «Возникновение научной субкультуры подготовлено появлением новой системы социокультурного кодирования – универсально-понятийной, которая наукой разворачивается в отточенный и разветвленный механизм.

Теорема 3: В целом можно говорить об определенной «матрице науки», имея в виду ее «текст» (внутреннюю структуру и логику развития) и «контекст» (социальный и культурный, формируемый индустриальным обществом и его институтами).

Базируясь как на исследованиях «матрицы науки» М.К. Петрова, так и на последующих изысканиях в области науковедения и философии науки, можно выделить основные компоненты этой матрицы, описать эскизно ее структуру.

Конкретные составляющие «матрицы науки»:

– экспериментальная практика и фактологическое знание, процедуры установления эмпирической релевантности;

– теоретическое знание и логико-математический инструментарий его обоснования и развития:

– проблематизация теории (как ведущая установка научного мышления) и толерантность к вариативному и вероятностному (гипотетическому) знанию:

– дисциплинарный (отраслевой) тип организации знаний как ведущий и наличие профессионально-дисциплинарного сообщества;

– сопряженность с инновационным обществом индустриального типа, установка и производство прикладного знания и разработок (при наличии социального спроса или независимо от него):

– разработанный научный контекст в виде картины Мира как картины Природы, развитие частных (дисциплинарных) картин Мира;

– самодостаточность науки как механизма по производству достоверных знаний;

– институционализация и профессионализация научной деятельности;

– отмежевание от классических «идолов» антисциентизма;

²²⁷ Петров М.К. Язык, знак, культура. М., URSS, 2004. С. 97-104.

²²⁸ Там же. С. 105-112.

– наука как идеал рационального мышления, его высшая ступень и образец.

Можно, конечно, что-то добавить (какие-то еще дополнительные компоненты) к приведенной матрице, но она и так обладает достаточной полнотой, чтобы выступить в качестве организационного принципа и выполнять критериальные функции научности. В то же время на ее основе формируются основные концепты натуроцентрической научно-исследовательской программы: «объект», «предмет», «факт», «проблема», «гипотеза», «теория», «причина», «закон», «объяснение», «прогноз». Они образуют по сей день научно-нормологическую базу требований согласно которым «упаковывается» основной научный продукт, научные знания в виде научных статей и монографий, диссертаций и научных отчетов.

Однако и во времена М.К. Петрова, и даже в более ранний период уже ставились вопросы и о возможных границах и «пределах роста» науки, и о разумных границах и неполноте научного мышления, и об источниках и основаниях научного знания и т.п.

В этих вопросах и предлагаемых количественных и качественных моделях роста науки обнаруживались явные несоответствия и пределы. Например, касающиеся роста научной информации, объем которой удваивается каждые несколько лет, роста объема финансовых затрат на НИР и НИОКР, роста числа занятых в науке и др. В этих метанаучных и науковедческих изысканиях контурно были обозначены ограничения в развитии как внутринаучной природы, так и касающиеся взаимоотношения науки и общества.

Например, в 1967 г. вышла книга Е. Вигнера, одного из создателей квантовой механики, нобелевского лауреата «Этюды о симметрии (переведена в 1971 г.). В ней обозначены основополагающие проблемы, которые препятствуют росту науки и научного знания, а затем подведут к границам их роста:

– слишком большой путь, к переднему краю науки, который требует затраты значительной части жизни исследователя для продвижения туда и который все нарастает;

– эффект Вавилонской башни в области научного языка, когда, в силу дифференциации научных знаний и специализации научных методик, ученые даже работающие в смежных областях, перестают друг друга понимать;

– кризис в процессе построения общей научной картины мира, на ведущие позиции в котором претендует ряд фундаментальных научных областей (физика и космология, биология, кибернетика и теория информации);

– разрыв между естественными, гуманитарными и поведенческими науками, который не снижается и все далее позволяет говорить о двух научных субкультурах;

–разрыв между социальным (политическим) и научно-технократическим мышлением и представлениями о характере приложений научных знаний в практике²²⁹.

Продолжаются подобные изыскания, которые включают и науковедческие зондажи, и социально-философские размышления, и по сей день. К примеру, показательными выступают суждения Дж. Хоргана в книге «Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки». Он, в частности, утверждает: «Если ты веришь в науку, то должен признать возможность – даже вероятность того, что эпоха великих научных открытий закончилась... Дальнейшие исследования не дадут великих открытий или революций, а только малую незначительную отдачу»²³⁰. Правда стоит напомнить, что подобные суждения также были весьма распространены в классической науке конца XIX века.

Последовавшая за этим революция в естествознании открыла новые горизонты познания и открыла Эру Большой Науки – тесного сплава науки и общества на уровне больших социальных и экономических систем. Так что сегодняшний финалистский дискурс по отношению к науке также может оказаться синдромом «точки перевала».

Своеобразной сводкой сомнений научно-финалистской направленности являются суждения известного российского ученого-химика О.В. Крылова, который пишет: «Оказалось, что в физике и химии число новых открытий в XX в. прошло через максимум и начало уменьшаться. Причинами этого являются: 1) ограниченность числа основных законов науки, 2) проникновение науки в области, трудно достижимые для эксперимента, 3) высокая стоимость современного эксперимента, 4) рост усилий необходимых для достижения конкретного результата, и, как следствие, 5) потеря интереса к науке. Все это наводит на мысль о возможном «конце науки», под которым имеется в виду не полное прекращение научной деятельности, но существенное снижение ее активности... подобная ситуация уже наблюдалась в истории: «конец науки» имел место в 500 – 1500 гг., когда развивались технологии, но научных открытий практически не было»²³¹. К отмеченным О.В. Крыловым мы бы еще добавили проблему ограниченности и исчерпаемости креативных кадров-интеллектуалов, поскольку ныне наука не монополярная и даже не единственная область их потребления. Подобные суждения, оценки, прогнозы высказывают и другие исследователи (Г.Г. Малинецкий, С.Г. Кара-Мурза, Г.В. Лисичкин, В.А. Черешнев, В.С. Арутюнов и др.)²³².

²²⁹ Вигнер Е. Этюды о симметрии. – М.: Мир, 1971.

²³⁰ Хорган Дж. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. – М.: Амфора, 2001.

²³¹ Крылов О.В. Современная наука: близкий конец или завершение очередного этапа? // Наука России. От настоящего к будущему. – М.: Книжный дом «Либерком», 2009. С. 247.

²³² Там же. С. 249, 447, 467.

Обобщая высказывания как сторонников дальнейшей «разумной сциентизации» (которые видят в ряде проблем развития современной науки «узлы насыщения» и необходимость качественных изменений не только науки, но и общества), так и сторонников поиска альтернативных глобально-познавательных систем или иных духовно-практических альянсов можно указать на ряд проблемных направлений развития самой науки, так и на возможные, намечаемые альтернативные идеи интеграции ее с обществом.

Где же наблюдается это «искрение», какие видятся «точки роста», в особенности если пройти по компонентам описанной выше «матрицы науки»?

Вот эти направления:

1) наличие реальных (зафиксированных) границ натурального эксперимента, связанных с ограничениями на физическое (прежде всего – вещественно-энергетическое) воздействие на объект, обусловленное как вещественно-энергетическими возможностями, представляемыми современной практикой (ускорители элементарных частиц, термоядерные реакторы и т.п.), так и экологическими (в т.ч. и глобально-экологическими), и финансово-экономическими (супериндустриальные экспериментальные комплексы, их строительство и эксплуатация уже не под силу самым крупным государствам и даже их альянсам). Как альтернативное направление сформировалось – эксперименты с вычислительными моделями (например, современная физика ядерного взрыва широко использует методы вычислительных модельных экспериментов, не имея возможности проведения и обработки натуральных экспериментов, ввиду запрета на их проведение. Так появились изделия нового поколения ядерных устройств).

2) Трудности научного междисциплинарного синтеза, ввиду малого числа ученых, работающих на междисциплинарном уровне и медленным ростом теоретических концептов и идей междисциплинарного характера.

Как альтернатива – создаются проекты и научные центры, в том числе и прикладной направленности, где формируются условия и задания, востребующие научные продукты и знание междисциплинарного плана. Одна из наиболее известных программ, реализуется на уровне субпрограмм и в целом – NBIC-комплекс²³³.

3) Постоянное углубление специализации в научном знании и в целом интенсивно продолжающая свое развитие дисциплинарная структура научного знания, которые в пределе ведут к утрате коммуникаций и взаимопонимания, информационной и практической невостребованности своих продуктов даже в рамках одной группы специальностей.

²³³ Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. NBIC-технологии: инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА-М, 2012.

Пока проблему отчасти удастся снимать на уровне больших интеграционно-поисковых систем, подготовки обобщающих докладов, проведения обобщающих конгрессов, разработки частнонаучных картин мира. Однако в целом данные меры касаются развития дисциплинарно-научного контекста, а не самого «текста». И это не отменяет проблемы перехода от Аналитической науки – к Синтетической науке. Замедляет данное продвижение и недостаточная разработанность междисциплинарной научной субкультуры (о чем также говорилось в п. 2).

Если рассматривать более кардинальные меры и пути продвижения, то можно высказаться за продолжение того Гомологического ряда моделей социально-культурного кодирования, который был описан М.К. Петровым. Но к трем, выявленным им моделям (типам) кодирования, явно напрашивается четвертая: *универсально-междисциплинарно-концептный* тип кодирования. С его помощью, путем перехода на новую ментально-культурную коммуникацию по всей видимости удастся либо радикально изменить существующую «матрицу науки», либо вообще перейти к новой когнитивной системе, сопряженной уже с постиндустриальным обществом.

4) Проблема интеллектуальной и информационной дискретности и ограниченной емкости индивидуального научного интеллекта (ограниченность физического существования ученого, утрата связей, мотивации, части идей в связи с уходом из жизни руководителей научных школ, научных руководителей проектов и т.п.).

Возможно, что работы в области искусственного интеллекта помогут не только в перегруппировке основных (прежде всего рутинно-информационных) научных операций, сосредоточении наиболее креативных на уровне крупных ученых, но и в смоделированном мышлении этих ученых.

5) Наличие ограничений, связанных с естественнонаучной картиной мира и в целом с объектоцентрическими установками классического и современного естествознания.

Они существенно ограничивают продвижение к системоцентрическим (холистским) и сложнестационарным моделям мира и его составляющих. Натуроцентрическая программа с трудом моделирует процессы развития.

В целом естествознание, в силу метатеоретических и методологических оснований, заложенных в классическую и современную матрицу науки и связанную с его аналитическим, дисциплинарным характером, пока не подготовлено к смене своих основных установок. Идет наработка новых моделей, концептов, контекстуальных представлений. Одной из таких базовых переходных конструкций выступает синергетика, претендующая на роль современной метафизики.

6) Границы между натуро(объектно)центризмом и культуро(субъектно)центризмом. Попытки их конвергенции чаще всего приводят к потере аутентичности одной из основных научных субкультур.

Тем не менее гуманитарные и поведенческие науки развиваются под патронажем и во многом по «калькам» требований натуроцентризма (естествознания). Возможности содержательной конвергенции изучены недостаточно. По всей видимости не исключено привнесение в естествознание установок культуросцентризма, что может способствовать преодолению части «границ науки», о которых говорилось выше.

7) Разрастающиеся масштабы научно-практической деятельности и предоставляемые в связи с этим глобальные возможности подводят к ситуациям глобально и регионально-цивилизационного выбора, связанного с дальнейшими принципиальными путями социально-экономического и технологического развития. При этом, в зависимости от выбора научно-технологических ориентаций (медико-биологических; социально-гуманитарных и когнитивных; ориентированных на информационные технологии; ориентированных на космические технологии) складывается основная и отдельная цивилизационная колея: космизация – гуманизация – информатизация – биологизация.

Это заметно уже сейчас, когда часть научно-технологических комплексов «сбрасываются» из высокоиндустриальных стран в страны догоняющей модернизации. А в высокоразвитых идет концентрация на разработке NBIC-комплекса, в рамках которой пока не сформирована новая когнитивная матрица.

Следует также отметить те, прежде всего экстернаучные тренды, которые затрагивают компоненты современной «матрицы науки», очерчивают их границы, но не указывают на пути, которые связаны с этой матрицей. Скорее они указывают на иную когнитивную матрицу, возможности формирования которой вряд ли нужно отрицать.

Вот эти тренды (будем продолжать их описание в рамках уже намеченной нумерации):

8) Ограничения, связанные с потерей социальной мотивации, сопряженной с дальнейшим развитием науки и научного знания. Здесь мы сталкиваемся с действием выше указанных «теорем М.К. Петрова», который тесно связывал движение в рамках индустриализма с наукой, с дальнейшим онаучиванием индустриального общества.

Начавшийся выход за рамки индустриального общества, в связи с этим, вольно или невольно, может ограничивать спрос на науку, прежде всего на фундаментальную. Мы можем столкнуться с реальным «Парадоксом М.К. Петрова»: конец Науки (фундаментальной) при переходе к «обществу знаний» (как конкретной модели постиндустриализма). Получается, что фундаментальная наука и фундаментальное знание становятся неким исчерпаемым ресурсом (поскольку не пополняется массивом нового фундаментального знания из-за экономических, кадровых и иных социальных ограничений), а постиндустриальное общество знаний базируется на невозобновляемых

ресурсах фундаментального знания, заложенных в XX в. (прежде всего). И этих ресурсов хватит на целевые прикладные исследования и разработки лет на 40–50 (если не больше). Сами эти инновации будут ориентированы не только на решение текущих проблем в рамках сервисного постиндустриального (а не гипериндустриального как полагал М.К. Петров), но и на создание новой социально-экономической и технологической базы общества, ориентированной на здоровье человека, его образование и культурное развитие, поддержание высокого уровня жизни.

9) В последние десятилетия механизмов научного творчества, быстрое развитие массового образования в мире не только на элементарном, но, прежде всего, на высоком уровне специализации в разных формах и направлениях (музыка, изобразительное творчество, балет и хореография, спорт, образование инвалидов, математическое и техническое, духовная деятельность и др.), а также моделирование различных психических функций (зрительное и слуховое восприятие, элементы мышления) и состояний (стационарные и измененные состояния сознания) привели к формированию представлений о новых измерениях интеллекта и духовного творчества. Что позволило составить развернутые и доказательные представления о новых формах духовно-практической деятельности, в том числе инновационной, в сопряжении с которой может успешно осуществляться развитие больших социальных систем. Вместе с тем это создало базу не только для апробации когнитивных систем, альтернативных науке, но и возможность более внимательно взглянуть на саму науку – ее достоинства, недостатки, ограничения и неиспользованные возможности.

10) В рамках самой науки, а чаще вне ее, сформировались новые направления, в рамках которых оппонируются научные взгляды и данные; предлагаются модели иных образовательных систем, на основе которых может развиваться общество. Вполне определенно можно говорить о появлении новых «идолов» антисциентизма. Эти проявления значительно возросли в эпоху глобализации и перехода к постиндустриализму. Мы писали уже об этом в связи с анализом творчества Ю.А. Жданова как крупного организатора науки и образования²³⁴. Но кратко перечислим те моменты, которые связаны с внутринаучными и квазинаучными источниками (как имеющими отношение к «матрице науки»):

–заигрывание с антирационализмом и антисциентизмом под видом поиска новых форм миропонимания, репрезентации новых версий исторического развития России, в особенности недавнего прошлого;

–научное ремесленничество, ставка на прикладную науку, прежде всего там, где еще нет фундаментальных заделов, либо же «экономия»

²³⁴ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и пракселогическом контексте. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 84-93.

на фундаментальной науке, нацеливание ученых и науки на рыночные критерии, зарабатывание денег;

- апология научного профессионализма на основе узкой специализации;
- неоправданный скептицизм, нигилизм и самоограничение в научном познании.

Резюмируя сказанное о достижении границ прежней «матрицы науки», следует обозначить те основные альтернативы, которые связаны с нарастанием внутренних проблем в развитии науки и научного познания, а также со стыками науки и общества, переходящего в глобальную постиндустриальную стадию, где то ли потребуются «перезагрузка» науки и формирование новой «матрицы науки», то ли вообще – формирование альтернативного когнитивного комплекса, на базе которого будет обеспечиваться дальнейшее развитие общества. Вот эти взаимноальтернативные «точки роста»:

А) *Финализм и антифинализм* – можно прямо говорить о двух когнитивно-социальных или когнитивно-цивилизационных программах. Финалистская подразумевает определенные «пределы роста» Науки и ее стабилизацию, ввиду невозможности преодоления тех проблем, на которые мы указали выше и, прежде всего, ввиду невозможности трансформации Аналитической науки в Синтетическую. В современной российской государственной научной политике финалистский подход отчетливо просматривается.

Антифиналистская Программа развития науки, апологетом которой был М.К. Петров, предполагает, что «трудности роста» преодолимы. И здесь есть вполне конструктивные подходы, которые позволяют преодоление этих трудностей. Однако все это предполагает, что востребованность Науки и на постиндустриальном этапе будет не снижаться, а возрастать. Так казать постиндустриализм перерастет в гипериндустриализм, а новая рациональность сформируется на базе гипернаучной рациональности.

В) *Сциентизм и новый антисциентизм*.

Сциентистская программа предполагает формирование новой «матрицы науки», которая в содержательном плане будет означать переход от «Науки с космическим лицом» к «Науке с человеческим лицом», конвергенцию натуроцентризма и культуроцентризма.

Антисциентизм будет опираться не только на альтернативные источники миропонимания (религия, мистицизм, глубинно-психологические практики, искусство, экзистенциально-духовные практики), но и, очевидно, сохранит в той или иной степени прикладную науку, консервируя классическую и современную фундаментальную «матрицу науки», оставив ее в ряду других духовно-когнитивных комплексов.

С) *Когнитивный монополизм (науки) и когнитивный альтернативизм*.

Когнитивный монополизм связан с «жесткими» представлениями о глобализме. Где наиболее «продвинутая», «авангардная» часть человечества

за счет научного фактора Прогресса не только сохранит, но и преумножит свои преимущества. А «серебряный» и «бронзовый» миллиарды человечества будут подталкиваться к когнитивному альтернативизму, тем самым находясь в относительной зависимости от «продвинутых» братьев по разуму.

Когнитивный альтернативизм, поддерживаемый постмодернистской философией и постмодернистским мировоззрением в целом, всерьез видит гораздо больше негативных и антигуманных проявлений, связанных с Наукой, нежели с какой-либо другой моделью духовно-практической деятельности. Так что в рамках такой деятельности развитие Науки будет ограничиваться и не только социальными целями, ценностями и финансово-экономическими рынками, но и «Духовно-антимонопольным» регулированием.

Д) *Глобальная модернизация – глобальная постиндустриальная гипермодернизация.*

Глобальная модернизация предполагает устройство на научно-рациональных началах всего глобального сообщества. Следовательно для науки здесь дел – непочатый край и речь идет о становлении науки как глобальной системы в относительно гомогенном мировом сообществе – «мировом городе».

Глобальная постиндустриальная гипермодернизация будет предполагать формирование «многоэтажного» глобального сообщества, основанного на глобально-региональном разделении труда и формировании уровневой сегментации Науки в ее фундаментальных и прикладных направлениях, открытых и закрытых сегментах.

Такая система (урвневой) сегментации будет поддерживаться системой заказов, грантов и приоритетных центров, рейтингов и индексов, глобальных языков и фондов и, возможно, системами высшего и экспертного образования.

Е) *Ноосферизация – глобальная сервисизация.*

Ноосферизация предполагает в качестве базисной Науку, которая из формы Большой государственной науки перерастает в Сверхбольшую надгосударственную науку со всеми вытекающими последствиями. Главное из которых – новая «матрица науки».

Глобальная сервисизация не предполагает формирования системы глобального открытого гуманного общества, управляемого на разумных началах и выступающего в качестве первой ступени Космической цивилизации. Сервисизации достаточно глобальной системы манипулирования и мониторинга. При этом глобальная цивилизация сервисного типа переносит стратификацию элитно-субэлитно-массового типа на бытие социально-планетарного уровня. Понятно, что высшую элиту образуют в этом случае не интеллектуалы, а олигархи ТНК.

И последнее, к чему побуждает анализ творчества М.К. Петрова в связи с его представлениями о науке, ее перспективах и социальной роли и сопоставления этих материалов с современными размышлениями о «конце науки» и пределах ее роста.

Дело в том, что изучение материалов, связанных с численным (математическим) моделированием ядерного взрыва, где в действительности роль модели выполняют системные данные о натуральных экспериментах и реальных ядерных испытаниях 50-х – начала 60-х гг. XX в., показывает, что объект и его информационная модель могут при определенных условиях поменяться местами.

Натуральный объект становится одним из частных случаев (хотя и особым, особой точкой) множества виртуальных. Более того, обобщенный образ виртуальной реальности может «заземляться», как на частный случай, на «натуральную» реальность. Либо «натуральная» реальность может рассматриваться как одна из разновидностей различных реальностей. Точно такие же рассуждения могут быть построены применительно к познающему субъекту (человек, общество), который может быть также наделен некоторыми изменчивыми параметрами. То же можно говорить и о типах социокультурного кодирования (по М.К. Петрову). В итоге проблема «матрицы науки» может быть представлена в некотором виртуальном (или возможном) поле «когнитивных матриц».

И переход от старой матрицы науки – к новой может вообще рассматриваться в общем гомологическом пространстве, где ряд, характеризующий эволюцию науки, представлен матричными членами (когнитивная диатропика):

$$M_{Н1} \rightarrow M_{Н2} \rightarrow M_{Н3} \dots\dots\dots$$

Вместе с тем, обращаясь к ряду выше проведенных нами рассуждений, мы можем сослаться не только на «матрицу науки», но и на другие «когнитивные матрицы», которые выполняют функции интеллектуального и, шире говоря, духовного обеспечения развития социума и сопряжены с этапами этого развития:

$$M_{К1} \rightarrow M_{К2} \rightarrow M_{К3} \dots\dots\dots$$

В конечном итоге можно говорить об *альтернативной когнитивистике*, которая моделирует вариативность процессов, подобных тем, о которых писал М.К. Петров применительно к науке и обществу.

Возможно также представить проектирование и моделирование на базе альтернативной когнитивистики социальных или квазисоциальных систем, включающих когнитивные подсистемы. В этом случае индустриально-научный комплекс М.К. Петрова выступает не уникальным объектом, а одним из случаев в вариативном ряду: там где когнитивная подсистема становится «локомотивом» развития и основой подсистемы управления (модельный ряд социальной цефализации).

IV

М.К. Петров был из тех людей, кто об онаучивании общества знал не понаслышке, не из чужих слов, а на собственном опыте. Он не был ни физиком,

ни математиком, ни химиком, чтобы поучаствовать в больших научно-технических проектах XX века и ощутить мощь разума, расколдовавшего энергию атомного ядра, создающего ракетную технику, позволяющую преодолевать земное притяжение, или изобретающего автоматические вычислительные устройства, позволяющие выполнять десятки, сотни тысяч и миллионы операций в секунду.

М.К. Петров был философом, ученым-гуманитарием, у которого была своя гуманитарная «атомная бомба». Это когнитивный инструментарий, который позволяет и понять, и быстро реализовать это понимание силы ума и его роль в развитии общества.

Не М.К. Петров открыл первым феномен неравенства в сфере ума и его связь с уровнем развития культуры общества и уровнем возможностей в реализации, раскрытием задатков, способностей человека в обществе. Задолго до него обсуждались темы и проблемы преодоления идолов в познании, преодоления когнитивных барьеров и преодоления сопротивления власти невежества и глупости. Но именно М.К. Петров обратил внимание на существование социокультурных кодов и возможностей создания специализированных систем (институтов) образования и науки, позволяющих не только отдельным индивидам, но и целым сообществам преодолевать когнитивные барьеры.

Мы уже обращали внимание на такого рода программные тезисы, которые называли «теоремами М. Петрова»²³⁵; и, в частности, 1-я его прямая и обратная теоремы гласят: «Возникновение науки как социального института и особого типа познания, мышления и системы знаний непосредственно сопряжено со становлением и развитием индустриального общества (модернизацией). И, наоборот – общество, где не возникает наука, не способно продвигаться к индустриализму и процесс трансплантации науки на такую инокультурную почву крайне затруднен (может быть лишь имитирован). Он возможен в случае «запуска» той или иной модели модернизации».

Активно развертывая свои изыскания в области философии науки и науковедения в 60-е – 80-е гг. XX в., живя в СССР, М.К. Петров находился в зоне «ока тайфуна» советской модернизации. Можно было думать, что советское общество, развивая научно-технический прогресс, вот-вот начнет конвергировать в сторону западной модели индустриализации. Тем более, что официальная идеология, базирующаяся на марксизме, постулировала научный характер социального управления. Однако именно в сфере социального управления и заключался основной механизм торможения перехода на более высокие уровни модернизации. Научно-технический рывок 30-х – 50-х гг. в СССР XX в. базировался на мобилизационных социальных механизмах, но не задействовал сферу социального и гуманитарного знания. В силу

²³⁵ См.: *Старостин А.М.* Проблемы и перспективы формирования новой матрицы науки в контексте идей М.К. Петрова // XXVI Петровские чтения. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. С. 13-15.

этого импульс модернизации стал затухать, не будучи скоррелирован в рамках взаимодействия технократической и гуманитарной парадигм культуры. А на Западе это случилось. Там не было «единственно верного учения», но переход научной революции из сферы познания объектов неживой и живой природы в сферу научного познания общества и человека и создание сферы социально-гуманитарных инноваций состоялся.

В настоящее время в России мы сталкиваемся не только с проблемами возобновления модернизационных процессов и их научно-технической поддержки, но процессами второго порядка – научно-гуманитарной поддержки модернизации, формирования сферы социально-гуманитарных инноваций. Однако ни первое, ни второе у нас не происходит, а происходит противоположный процесс, инверсионный – откат от технической и социокультурной модернизации и реконструкция традиционных и архаичных социальных структур и аналогичных структур поведения и мышления.

Этот основной вектор движения метафорически может быть обозначен как движение типа: «вниз по лестнице, ведущей вверх». Мы уже обращались к осмыслению основных проявлений и причин этого феномена²³⁶.

К этому можно добавить следующее. Подобные проявления не являются новостью для развития процесса модернизации в российском обществе. Мы уже обращали внимание на то, что модернизационный процесс в России всегда проявлялся в импульсивно-колебательной форме и на мобилизационной основе, что обуславливало то, что он носил и носит догоняющий характер²³⁷. Со времен Петра I наблюдаем по меньшей мере три волны модернизации, где каждый взлет сопровождался откатом на несколько десятилетий. Одновременно взлет обеспечивался мощным политико-волевым импульсом и чрезвычайными затратами человеческих и материальных ресурсов.

Данный вывод подтверждается также исследованиями проф. Г. Дерлугьяна: «Господствующий сегодня либеральный идеал модернизации лишь как общество гражданской свободы заслоняет вообще-то очевидный факт: Россия издавна типично модернизационное государство, минимум трижды выходявшая на мировой уровень. Но правда и то, что все русские модернизации носили деспотический характер»²³⁸.

Осмысливая особенности российской модернизации, в прошлом и ныне, следует также иметь в виду политико-географические, цивилизационные обстоятельства, которые привели в итоге в области социально-

²³⁶ См.: Основные условия эффективной инновационной политики и результативности социально-гуманитарных инноваций // в моногр. *Старостин А.М.* Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012. С. 70-81.

²³⁷ *Данилов А.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М.* Государственная модернизационная политика России: предпосылки и итоги в ретроспективе и современной проекции. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2012.

²³⁸ *Дерлугьян Г.* Модерн и модернизаторы // *Всемирная история модернизации.* Эксперт. Специальный выпуск. 2010. № 1. С. 21.

политического управления к феномену, который обозначают как «русская модель управления»²³⁹. Как подчеркивает А. Прохоров, ключевым элементом русской модели управления является существование двух режимов, двух стереотипов поведения в каждой голове и обществе в целом: нестабильного режима (аварийного, мобилизационного) и стабильного (застойного). Что обуславливает в итоге: 1) неправовой характер государства и управления и 2) приводит к строгой централизации, что исключает механизмы инноваций (все работают по единым образцам) – отсюда «догоняющие модернизации» и неизбежность импорта идей и образцов.

Так что причины неудач, связанных с попыткой запуска четвертой волны модернизации в России в начале XXI в., зиждутся прежде всего на неготовности страны к новой фазе мобилизационного развития. Но переход к этой волне может быть ускорен, как это уже случалось неоднократно, появлением внешних вызовов и угроз. Важно, чтобы к этому моменту не были утрачены те кадровые и институциональные предпосылки, с помощью которых можно будет сделать новый мощный модернизационный рывок, основанный на научном потенциале. Здесь М.К. Петров четко обозначил эти условия: «В организации науки все, видимо, должно быть подчинено не представлениям о науке администратора или бухгалтера, а природе научного творчества. Не ученый должен приспосабливаться к складывающимся независимо от него организационным формам деятельности, а сами эти формы должно приспосабливать к особенностям научного творчества»²⁴⁰.

Пока же, как свидетельствуют мероприятия по реформированию РАН, все идет по противоположному сценарию²⁴¹, и мы в итоге опять-таки движемся «вниз по лестнице, ведущей вверх».

На этом можно было бы и закончить, поскольку и по Петрову, и с точки зрения российского научного сообщества ответы на вопросы – «Что делать?» и «Как делать?» достаточно ясны. Однако не вполне ясен ответ на вопрос: «Кто будет делать?» И здесь не все так просто. Учитывая то обстоятельство, что российское общество тяготеет к «деспотическим модернизациям», напомним на некоторые варианты, которые прочно сидят в нашей памяти.

Вот две выдержки из воспоминаний²⁴² самых известных, прославленных наших физиков, успешно реализовавших важнейшие для страны научные проекты оборонного значения.

Цитата первая: «После включения Капицы в Специальный Комитет их отношения с Берией стали сильно портиться. Это выяснилось уже 3 октября 1945 г., когда Капица пишет Сталину первое письмо, в котором говорится:

²³⁹ См.: Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: Эксперт, 2002.

²⁴⁰ Петров М.К. Самосознание науки и научное творчество. – Ростов н/Д.: РГУ, 1992. С. 181.

²⁴¹ Кара-Мурза С.Г. Состояние и перспективы реформирования российской науки. – М.: Научный эксперт, 2013.

²⁴² См.: Горобец Б.С. Советские физики шутят... Хотя бывало не до шуток. – М., 2012.

«Прошу Вас, чтобы Вы дали согласие на мое освобождение от всех назначений по СНК, кроме моей работы в Академии наук. А в Особом Комитете тов. Берия будет спокойнее». Несколько дней спустя ему в институт позвонил Берия: «Товарищ Сталин показал мне Ваше письмо, – сказал он. – Надо поговорить. Приезжайте». «Мне с Вами говорить не о чем, – сказал Капица. – Если Вам нужно со мной поговорить, то приезжайте ко мне в институт». И повесил трубку. И Берия приехал. И привез с собой великолепный подарок – богато инкрустированную двустволку. Но 25 ноября 1945 г. Капица направляет Сталину второе письмо, в котором настаивает на своей отставке из Специального Комитета. Он обвиняет Берия в неэффективном руководстве работой по созданию атомной бомбы, предлагает свои подходы. В письме содержатся совсем уж удивительные высказывания: «Берия, если бы не был так ленив...», «Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт» ... Но сейчас ясно, что и Капица раздражал Берия, говоря: «Зачем нам идти по пути американского проекта, повторять то, что делали они?! Нам нужно найти собственный путь, более короткий». Это вполне естественно для Капицы: он всегда работал оригинально и повторять работу, сделанную другими, ему было совершенно неинтересно»²⁴³. Но жизнь рассудила по-своему: сначала был реализован, в качестве программы-минимум, подход Берии. А потом, в качестве программы-максимум, подход Капицы. – гораздо более эффективный, перспективный и конкурентоспособный с американским.

Примерно такая же история получилась в ракетно-космической технике, где подобную же Капице позицию занял С.П. Королев. Но это еще не все.

Вторая цитата: «Рассказывают, что в 1970-х гг. Президента АН СССР А.П. Александрова спросили, что нужно сделать, чтобы наладить качественное производство у нас микроэлектроники. «Лаврентия откопать», – пробурчал Александров»²⁴⁴.

Из этих историй, спроецированных на наше время, видно, что точку, где стыковалась Большая наука и деспотическая власть и где был успех в реализации идей ученых, пусть и в специфической области, мы уже давно прошли. Пока не ясно, не является ли эта точка – точкой невозврата.

V

Несколько десятилетий идет процесс освоения и популяризации научного и творческого наследия выдающегося отечественного философа. В первую очередь благодаря усилиям учеников и товарищей М.К. Петрова.

Думается, что по праву во главе процесса стоит известный ростовский и российский философ, профессор А.Н. Ерыгин. Он подчинил этой огромной и многотрудной работе и деятельность своей семьи. Сейчас организационные функции переданы его дочери М.А. Дидык, доценту ЮФУ. Естественно, что

²⁴³ Горобец Б.С. Указ. соч. С. 253.

²⁴⁴ Там же. С. 257.

эта работа не могла бы столь объемно реализоваться без активной включенности жены, друзей и учеников М.К. Петрова. В первую очередь это Ю.Р. Тищенко, В.Н. Дубровин, Г.В. Драч, В.П. Макаренко, М.С. Константинов и многие другие, которые смогли включиться в поиск благодаря Читениям памяти М.К. Петрова и издаваемым сборникам их трудов и другим изданиям, которые проф. А.Н. Ерыгин скрупулезно перечислил в своей монографии, посвященной 90-летию М.К. Петрова²⁴⁵.

Нельзя не сказать и о книге, посвященной М.К. Петрову, вышедшей в серии «Философия России второй половины XX века», ее авторском составе и справочно-библиографическом аппарате, во многом облегчившем доступ и понимание наследия и личности М.К. Петрова²⁴⁶. Кстати говоря, это и заслуга некоммерческого научного фонда им. Г.П. Щедровицкого, который совместно с институтом философии отобрали и включили в число 20 выдающихся российских философов послевоенного периода М.К. Петрова. Эта серия помогает воссоздать картину философского творчества России во второй половине XX века во всем ее блеске и многообразии, чего пока очень недостает в отечественных учебниках по философии и истории философии, написанных в согласии с пресловутым стандартом, но далеким от исторической правды.

Поэтому, основываясь на уже некоей традиции, мы продолжим анализ творчества М.К. Петрова в контексте современной прикладной философии. Хотелось бы сразу подчеркнуть, что в творчестве М.К. Петрова есть аспект, связанный с результатом его творческой работы. Он уже неплохо освещен в ряде его книг, вышедших в большей мере уже после его смерти. Это «Язык, знак, культура» (М., 1991); «Самосознание и научное творчество» (Ростов н/Д., 1992); «Историко-философское исследование» (М., 1996); «История европейской культурной традиции и ее проблемы» (М., 2004); «Философские проблемы науки о науке. Предмет социологии науки» (М., 2006). Здесь проступили в деталях те необычные и парадоксальные для нашей философии и науки легендарные образы, отражающие точку зрения автора на развитие мировой философии, науки, культуры на уровне 60-80-х гг. XX в. Они вырабатывались как оригинальные идеи или же в полемике с крупными, известными и авторитетными в науковедении и философии авторами. Но с тех пор прошло чуть ли не полвека. Эти образы относятся во многом к наследию, истории науки и философии. Их как в песне – слова не выкинешь. Но все-таки мы живем уже в другом социетальном, техногенном и ментальном мире. Во времена М.К. Петрова он стоял на пороге, чувствовалось его предвестие. Но с тех пор он частично переступил порог и пошел дальше. А отчасти – он свернул, ушел куда-то в сторону.

²⁴⁵ Ерыгин А.Н. Россия: школа мысли М.К. Петрова. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013.

²⁴⁶ Михаил Константинович Петров. – М.: Изд-во РОССПЭН, 2010.

Но есть другой аспект творческого наследия М.К. Петрова, который освоен гораздо меньше, если освоен вообще. Это методологический, инструментальный аспект. Здесь дело обстоит также как с Аристотелем или Гегелем. Образы относятся к истории науки, а методология продолжает работать. Поэтому наши последующие заметки относятся к инструментальному аспекту творчества М.К. Петрова. Позволю себе подчеркнуть, что тот творческий уровень и характер его мышления и поныне мало кому доступен, поскольку он работал на междисциплинарном уровне – как бы вразрез с требованиями предметно-дисциплинарных стандартов, узкой специализации. По этому пути и наука, и философия продолжают далее развиваться, хотя все более востребованными становятся междисциплинарные исследования, междисциплинарный синтез. Кто-то должен воссоздавать общую картину действительности. Но этого кого-то как раз и недостает. А если он и появляется, как в свое время появился М.К. Петров, то возникает тут же проблема понимания. Междисциплинарщик мыслит стратегически, холистически, системно, а его партнеры или критики – аспектно, ситуативно, калейдоскопично. Он как бы видит – что за горизонтом. А они осуществляют аспектно-линейную экстраполяцию. В этом и трагедия, в том числе и М.К. Петрова. И она не преодолена, а даже усилилась к настоящему времени.

М.К. Петров, как нам кажется, вполне это осознавал, но не нашел путь к диалогу с людьми, которые мыслили даже хорошо, но одномерно. Это как раз тот случай, когда «трудно быть богом». Впрочем, мы теперь видим по его крупным работам, что он во введении к каждому труду излагал основы своего методологического подхода. Где-то это были заметки применительно к конкретному циклу работ, скажем, посвященным философии языка: «Предлагаемая работа носит междисциплинарный характер, опирается на данные нескольких дисциплин – истории, философии, лингвистики, антропологии, этнографии, науковедения, социологии – и поэтому не имеет четкого дисциплинарного адреса, а следовательно, и читателя, к которому можно было бы обратиться в предположении, что ему досконально известны имена, теории, взгляды отдельных авторов, понятийные и концептуальные аппараты вовлеченных в анализ дисциплин. Одна из центральных тем работы – проблема объяснения, перевода нового и неизвестного в наличное, известное, освоенное»²⁴⁷. И далее, почти на 2-х печатных листах излагаются исходные понятия, начала, инструменты исследования. А в более поздних работах и прежде всего – это «История европейской культурной традиции и ее проблемы» – дается более методологически обобщенное и структурированное Введение уже более значительным объемом до 4-х печ. листов. Мне кажется, что именно эти вступительные главы методологического порядка могут работать не только как историко-научное наследие М.К. Петрова, но и инструментарий

²⁴⁷ Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Изд-во Едиториал URSS, 2004. С. 19.

его мысли. Естественно, что все равно приходится соотносить этот инструментарий с предметным содержанием и результатами (выводами) исследований.

В этом плане М.К. Петров поступил достаточно осмотрительно, пытаясь не дать поводов для вольных и не всегда адекватных интерпретаций его творческого метода. Здесь есть некая аналогия, параллель. Все мы помним историю зарождения материалистической или марксистской диалектики. К. Маркс как-то в одном из писем Ф. Энгельсу, уже заканчивая I-й том «Капитал», заметил, что хотел бы написать методологическое введение листа на 2, в котором дать не «мистифицированное», а научно-рациональное, материалистическое изложение гегелевской диалектики как метода исследования. Однако сделать этого не успел. Энгельсовские работы на эту тему носили популяризаторский и упрощенный характер. И в итоге «слепить» этот инструментарий так и не удалось. Отечественные попытки 50-х – 60-х гг. XX в. также были, хотя и содержательны, но не вполне состыкованы с предметным материалом. А упрощенные, схематизированные попытки это сделать Э.В. Ильенков назвал «диалектикой продажи арбузов» – в том смысле, что против такой конструкции он в принципе не возражает, но нужно хорошо знать и диалектику, и предмет ее приложений: «продажу арбузов», т.е. создать как бы «миниКапитал».

Здесь весьма удобно перейти к квалификации и характеристике методологического инструментария М.К. Петрова, который, как мы полагаем, следует отнести к области, которую мы называем современной прикладной философией или философской инноватикой.

Инструментарий философской инноватики ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями и т.п.»²⁴⁸.

В этом плане методологический аспект творческой деятельности М.К. Петрова вполне укладывается в спецификации современной прикладной философии. В самом деле, все его исследовательские постановки начались с философско-методологической экспертизы – рефлексии. Затем шла перепроблематизация, показывавшая новые непривычные основания и непривычный – неситуационно-дисциплинарный, а стратегически-системный формат исследования.

²⁴⁸ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 7.

Вот, к примеру, замечания, сделанные в разделе «Текущая методологическая ситуация» во Введении к работе «История европейской культурной традиции и ее проблемы»: «Текущая методологическая ситуация в исследованиях по науковедению, социологии и истории науки характеризуется присутствием двух возмущающих и трудно согласуемых друг с другом моментов – эмпирического, который представлен растущим массивом эмпирических данных о науке, университете, системах народного образования, собранных по множеству переменных, далеко не всегда образующих целостную систему, и момента концептуального, в эпицентре которого располагается сегодня концепция Т. Куна о научных революциях, причем располагается не на правах господствующей концепции, а скорее на правах сильнодействующего раздражителя, вынуждающего науковедов, социологов и историков науки, с одной стороны, проявлять к концепции Куна определенный пиетет, а с другой, – обойти самое проблему революции»²⁴⁹.

Здесь же М.К. Петров очень отчетливо и наглядно проясняет методологические предпосылки своей исследовательской работы. Он обращается к проблеме поиска начала, выделяет ключевые характеристики социогуманитарного исследования и их главного предмета: эквивинальность и человекоразмерность. Особо затрагивается проблема «лишних людей» – провозвестников новых идей и инструментов познания. Кстати это очень перекликается с аналогичной идеей Г.П. Щедровицкого о решении проблемы онаучивания нашего общества.

В процессе наработки новых проблем и идей (гипотез) М.К. Петров становился философом-прикладником. По меньшей мере 4-5 таких областей можно четко обозначить: философия науки, философия культуры, философия образования, философия языка, философия политики. Причем эти области выстраивались по модели философской инноватики, упираясь в конечном итоге в решение той или иной междисциплинарной проблемы. Можно также сказать, что в фокусе его внимания оставалась и **философия философии**, поскольку он относился к ней не как к статичной системе и не только как к инструментальному ресурсу, а – с точки зрения выявления условий ее генезиса (и не только исторического, но и проблемно-ситуативного) и обозначения круга ее возможностей. Пожалуй, лучше всего это получилось в его историко-философских работах.

В связи с этим важно подчеркнуть те особенности, которые характерны для этапов развертывания методологического инструментария М.К. Петрова, так сказать его алгоритма. Да и не только М.К. Петрова, а, в принципе, для всех, кто работает в парадигме современной прикладной философии (философской инноватики).

²⁴⁹ Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 8.

На первый взгляд, современная прикладная философия как философская инноватика, следуя общей схеме научного поиска, должна укладываться в его логику, проходить необходимые здесь этапы и использовать общепринятый научный инструментарий. Например, согласно схеме: проблема – гипотеза и способы ее апробации – теория – новая проблема. Все это прекрасно было описано, например, в монографии проф. Е.Я. Режабека «Научный поиск» (Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1972). Однако, как позже показал сам Е.Я. Режабек, при исследовании сложных органических систем данный инструментарий серьезно усложняется. Появляются целые методологические комплексы, диктуемые особенностями объекта и условий его существования, такие как: поиск исходных начал, «клеточек» и восхождение от абстрактного к конкретному; инструментарий сложносистемного анализа и междисциплинарного синтеза, поскольку органические системы – это сложные образования, объекты, формирующиеся на стыке не только нескольких «начал», но и серьезно взаимодействующие со средой и включающие плотные информационные потоки по принципу обратной связи.

Еще позже, занимаясь гуманитарной когнитологией, Е.Я. Режабек показал, что и сам когнитивный образ, базирующийся на стыке субъект-объектных взаимодействий, это сложная подсистема познаваемого объекта, и она «вмонтируется» и в последующем органично включается в исследуемый объект, образуя с ним природно-культурную систему, вне которой дальнейшее развитие когнитивного образа не происходит. В результате меняется и сам инструментарий создания образа.

Иными словами, то, о чем в свое время говорил М.К. Петров об онаучивании социума, это тоже некая траектория развития симбиоза «наука – общество», вне которого не происходит ни развитие науки, ни дальнейшее восхождение к более сложным ступеням самого социума. Возможно ли его развитие по другим траекториям? Да, возможно, но без усложнения, без дальнейшей восходящей эволюции на пути в ноосферу. Вот, так сказать, принцип эквивиальности в действии.

И когда мы говорим об инструментарии современной прикладной философии, имея в виду в т.ч. и методологический опыт М.К. Петрова, то должны указывать на те предпосылки, которые его формируют как характеристиками объекта и условиями его существования, так и параметрами и сложностями субъекта и условий познания. Эти особенности новой когнитивной матрицы нами освещались в исследовательском кейсе «Философия когнитологии»²⁵⁰.

В рамках современной прикладной философии как философской инноватики прописан также новый усложненный алгоритм, апробированный

²⁵⁰ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 375

в общих чертах в научно-инновационной практике (различные кейсы) междисциплинарного синтеза.

В самых общих чертах эта поэтапная алгоритмическая схема выглядит следующим образом:

1. Вычленение системы познавательной ситуации и ее конкретизация применительно к условиям познания междисциплинарного предмета.

2. Исследование опыта и как когнитивного источника, и как особой части компонента когнитивного и практического процесса с прямыми и обратными связями, ведущими к управляющему процессом субъекту.

3. Исследование операций обобщения опыта на научно-дисциплинарном и междисциплинарном уровне.

4. Анализ логического инструментария и выделение областей оптимальной применимости разных логик: логики тождественных отношений, логики противоречия, логики подобия (толерантных отношений), диатропической логики.

5. Исследование условий диффузии, транзита когнитивных продуктов, их практического закрепления и апробации, а также тиражирование, изучение последствий этого и определение оптимальных условий их дальнейшего использования.

Это самая приближительная операционная схема. Но, как видно, она исходит уже из системного характера познавательной ситуации, сложных и динамично изменяющихся сопряженных отношений субъекта и объекта. Здесь по ходу развития этих отношений органично не просто включение рефлексии на том или ином этапе, а их непрерывное рефлексивное сопровождение. Вот что характеризует инструментарий современной прикладной философии как важного механизма междисциплинарного синтеза. А этот синтез особо необходим в процессе изучения сложных социально-органических систем. Ибо только предметно-дисциплинарным инструментарием не удастся их адекватное постижение²⁵¹.

²⁵¹ Приведенный общий алгоритм перекликается с алгоритмом методологического сопровождения современной философской мысли В.М. Розина (См.: *Розин В.М.* Традиционная и современная философия. – М.: Кн. дом «Либроком», 2010. С. 265-387).

3.4. Прикладная философия в творчестве Ю.А. Жданова

Ю.А. Жданов не разрабатывал специальной методологии прикладного философского анализа. Но будучи известным представителем философского марксизма, в которой всегда просматривалось проектное начало, нацеленность на практические проблемы, он обладал культурой прикладного философского анализа. Рассмотрим те ситуации, где этот его подход просматривается наиболее выпукло и ярко, а также те подходы к современным российским проблемам, от решения которых зависит сохранение и приумножение российского влияния в мире и восстановление статуса великой державы. Здесь речь пойдет о науке и образовании*.

Ю.А. Жданов и проблемы развития образования

Современная российская образовательная политика насыщена действиями, направленными на реформирование всех уровней и направлений образования. В основе реформаторских действий лежит проектный подход, реализуемый, судя по содержанию и качеству разрабатываемых концепций, программ преобразований и соответствующей нормативно-правовой документации, небольшими разрозненными группами консультантов, экспертов и чиновников. В итоге такой деятельности рождаются проекты, не вписанные ни в экономический, ни в социокультурный, ни в социально-психологический контекст современного российского общества. К сожалению, в данной проектной практике слабо используется или вообще не используется опыт и лучшие образцы, методология отечественного образовательного проектирования. В золотом фонде этого опыта находится создание таких интересных и поныне используемых культурно-образовательных систем, как: проблемное обучение в начальной школе; художественное, музыкальное, театральное, спортивное образование детей и юношей; специализированное физико-математическое образование старшеклассников; создание специализированных вузов, обеспечивающих кадрами и научно-прикладными исследованиями оборонную промышленность (МФТИ, МИФИ и др.) и многое другое.

В ряду этих блестящих образцов и творцов особое место следует отнести деятельности Ю.А. Жданова. Он по-праву является автором проектов и их реализации, связанных с формированием новой модели университетского образования на базе РГУ; СКНЦ ВШ как института координации и развития системы высшего образования и науки на Северном Кавказе; Донской

* Ранее мы обращались к творчеству Ю.А. Жданова в отмеченном ракурсе в сфере анализа проблем естествознания и геополитики (См.: *Старостин А.М.* Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: URSS, 2012. С. 66-80).

академии юных исследователей, как института научной поддержки в развитии научных талантов детей и юношества и ряда других действий. Все перечисленные проекты были реализованы, а многие из них продолжают успешно функционировать и по сей день. Прежде всего такие результаты позволяют оценить и методологию Ю.А. Жданова как эффективную в области образовательной политики.

В основе этой методологии – философский подход, основанный на диалектике, а также научное мировоззрение, базирующееся на опыте междисциплинарных исследований. В этом отношении Ю.А. Жданов яркий пример ученого, мыслителя синтетического типа, умеющего мыслить на междисциплинарном и межотраслевом уровне.

В связи с этим значительный интерес представляет лаборатория проектного подхода к образованию и науке, демонстрируемая в творчестве Ю.А. Жданова. Не претендуя на системное описание этого творчества, обозначим тем не менее некоторую инсталляцию, показывающую основные проблемные ситуации, «точки роста», которые выделял сам Ю.А. Жданов. Прежде всего, это та школа мысли, которую он прошел уже в молодые годы, и которая востребовала как ретроспективный, так и перспективный подход к развитию образования. В единстве они не могли реализоваться вне системы диалектического мышления, первые уроки которого Ю.А. Жданов получил не только в трудах великих теоретиков – Гегеля и Маркса – но и в общении с великим практиком, политиком – И.В. Сталиным.

В своих воспоминаниях Ю.А. Жданов приводит ряд примеров из протокольных записей и своих дневников, прежде всего в разделе: «Без теории нам смерть! Смерть! Смерть!»²⁵². Показательно следующее рассуждение И.В. Сталина осенью 1947 г., касающееся ретроспективы и перспективы советской высшей школы: «Наши университеты после революции прошли три периода. В первый период они играли ту же роль, что и в царское время. Они были основной кузницей кадров. Наряду с ними лишь в очень слабой мере развивались рабфаки. Затем, с развитием хозяйства и торговли потребовалось большое количество практиков, дельцов. Университетам был нанесен удар. Возникло много техникумов и отраслевых институтов. Хозяйственники обеспечивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Институты съели университеты. Сейчас у нас слишком много университетов. Следует не насаждать новые, а улучшать существующие. Нельзя ставить вопрос так: университеты готовят либо преподавателей, либо научных работников. Нельзя преподавать, не ведя и не зная научной работы...

В университеты следует набирать не одну лишь зеленую молодежь, но и практиков, прошедших определенный производственный опыт. У них

²⁵² Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. С. 171-187.

в голове уже имеются вопросы и проблемы, но нет теоретических знаний для их решения»²⁵³.

Эти суждения, в которых проблемы развития образования четко вписаны в политический, социально-экономический и культурный контекст, являются не только образцом концептуализации, но и, наоборот, выведения на политические и административные решения.

Последующая многообразная практика Ю.А. Жданова на разных уровнях государственного управления позволила ему четко, определенно выделять «основное звено», «клеточку» в сложных межотраслевых проблемах и «вытягивать всю цепь», ведущую к эффективному решению. Хотелось бы привести ряд таких постановочных задач, как они виделись Ю.А. Жданову, применительно к развитию образования в конце XX в. – начале XXI в.

Как основная угроза им репрезентируется демонизм невежества как многоплановая проблема, парируемая не только образовательной, но и экономической и социальной политикой, что в комплексе позволяет если не преодолеть, то приостановить преодоление отчуждения, парировать рост синдрома «умного зверя»²⁵⁴.

В связи с этим ставится также проблема развития вузов как центров интеллектуального и гражданского воспитания, как центров общественно-политической жизни, ядра будущего гражданского общества²⁵⁵.

Ю.А. Жданова беспокоит нарастающий процесс провинциализма в высшем образовании и науке, как следствие регионально-экономического расслоения и обособления регионов²⁵⁶. В то же время он предлагает конкретный механизм, если не предотвращения, то приостановки этих процессов в научно-образовательной сфере. Речь идет о поддержке и развитии той модели интеграции академической, вузовской и отраслевой науки и высшего образования, которая отработана на примере СКНЦ ВШ²⁵⁷.

Можно было указать еще на ряд суждений Ю.А. Жданова, имеющих судьбоносный для нашего образования характер. Но характерно и то, что эти подходы в малой степени востребованы современными реформаторами образования.

В то же время именно ждановские идеи схватывают и показывают мировые тренды развития науки и образования (и не только прошлые) и

²⁵³ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. С. 182.

²⁵⁴ Жданов Ю.А. Демоническая сила невежества // Жданов Ю.А. Избранное. В 3-х т. Т. 2. Ростов н/Д., 2009. С. 52-61.

²⁵⁵ Жданов Ю.А. О воспитании личности в системе образования. Выступление на Собрании научной общественности системы образования ЮФО // В сб. «Научно-практическая конференция «Модернизация образования: принципиальные подходы, практические меры, первые результаты». Ростов н/Д.-Майкоп, 2002. С. 62-65.

²⁵⁶ Жданов Ю.А. Региональные проблемы в сфере науки, культуры, образования // Жданов Ю.А. Избранное. В 3-х т. Т. 3. Ростов н/Д., 2009. С. 347.

²⁵⁷ Там же. С. 346-353.

обращают внимание на рост угроз в этой сфере, которые могут иметь не только отраслевые, но и политические последствия.

Приведенные примеры показывают значимость выверенной методологии, обуславливающей не только концептуализацию проблем образования в условиях той или иной социальной и политической ситуации, но и выводящей на адекватную и эффективную социально-проектную деятельность.

***Научно-образовательные инновации и идола
антициентизма (по поводу размышлений Ю.А. Жданова
о судьбах науки и образования)***

В современной мировой и отечественной практике в последние годы с нарастающим утверждается деятельность, направленная на поддержку и использование инноваций во всех сферах. Это, так сказать, уже фактор массового производства. Повсеместно в развитых странах оценивают уровень вложений в «человеческий капитал». Уже более десятилетия ведется статистика ООН по оценке индекса развития человеческого потенциала, включающего уровень образования.

В связи с этим хотелось бы напомнить, что пионерские шаги в этом направлении были сделаны многие десятилетия тому назад в СССР, точно также как была заложена практика по реализации больших целевых научно-технических и социально-научных проектов на основе систем государственной науки и государственного образования.

Одним из крупнейших деятелей именно в области организации государственной науки и образования в 40-х гг. XX вв. – начала 2000-х годов был Юрий Андреевич Жданов.

Уроки и опыт его деятельности в области организации научно-образовательных инноваций не должны быть утеряны и, более того, они могут быть использованы в современной России. Тем более, как показывает современная практика крупных, динамично развивающихся государств (Китай, Индия, Бразилия) там этот опыт либо используется, либо переоткрывается.

Что же именно в этой сфере деятельности Ю.А. Жданова привлекает прежде всего?

Во-первых, следует подчеркнуть особенный масштаб и стиль его деятельности. Это не обычный крупный ученый-организатор, специализирующийся в какой-то одной отрасли: физике, химии, биологии, – а человек, создававший межотраслевые и многопрофильные научные центры: естественнонаучные, технические, социально-гуманитарные. Вместе с тем, он и сам являет тип крупного ученого-мыслителя, заметного своими трудами и идеями в области философии, культурологии, геополитики, естествознания.

Во-вторых, в его опыте уже с молодых лет запечатлелась практика форсированной реализации сверхбольших научно-производственных и научно-оборонных проектов.

Став в возрасте 28 лет заведующим отделом науки ЦК, он в течение 5 лет (1948–1953 гг.) был в организационной и информационной гуще событий, связанных с созданием ракетно-ядерного щита СССР. Да и о технологиях разработки и создания крупных научных и образовательных центров на Урале и в Сибири, связанных с развитием фундаментальной и прикладной науки в конце 50-х – начале 60-х гг. был хорошо осведомлен. Эта организационная матрица им была творчески реализована в г. Ростове-на-Дону и в Северо-Кавказском регионе при создании комплекса Университет – НИИ (РГУ), СКНЦ ВШ с его многолетней программой, научной и образовательной деятельности, а также в ряде других крупных программ.

В принципе данная матрица реализуется и в современной России в процессе создания крупных федеральных и национальных исследовательских университетов. Правда, следует подчеркнуть, что эти новые проекты не «закольцованы» на технологические, кадровые и управленческие потребности и задачи отраслей экономики. Здесь фактически нет конкретного заказчика, под требования и задачи которого осуществляется научно-инновационная и образовательная деятельность.

Поэтому и уровень целеполагания и координации в функционировании новых научно-образовательных институтов носит размытый характер.

В-третьих, следует подчеркнуть деятельность Ю.А. Жданова в формировании философии и идеологии инноваций. О нем нужно говорить не только как о крупном ученом-организаторе, но и как об ученом-идеологе, какими у нас были Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский, М.В. Келдыш, М.А. Лаврентьев, А.Н. Колмогоров и др.

На последнем аспекте хотелось бы остановиться подробнее, поскольку на протяжении многих десятилетий Ю.А. Жданов вел, образно говоря, борьбу с идолами антисциентизма, подобную той, что заложена еще в трудах Ф. Бэкона.

Напомню, что в учении этого крупнейшего английского философа, мыслителя, государственного деятеля, речь идет о четырех видах «идолов»:

1) «идолы рода» – препятствия познанию, обусловленные природными особенностями устройства человеческих органов чувств и разума. Их влияние находит выражение в попытках судить о природе по аналогии с действиями и поступками человека, ведущими к антропоморфизации явлений и процессов;

2) «идолы пещеры» – заблуждения отдельного человека, обусловленные его духовными и физическими свойствами, особенностями воспитания, опыта, случайных обстоятельств;

3) «идолы театра или теорий» – влияние на познание спекулятивных философских систем, подобных влиянию поставленных и сыгранных комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры;

4) «идолы рынка» – слова, речевые формы выражения, являющиеся источником глубочайших заблуждений.

Указанные «идолы» выступали как своеобразные маркеры заблуждений на пути к истине. В философии XVII в., создававшей методологию классического научного познания, актуальны были проблемы борьбы со схоластикой и невежеством, обскурантизмом и ложной ученостью. Как оказалось, многие из этих проблем могут возродиться на новой почве и дезориентировать не только юношей, приступивших к познанию мира, но и умудренных большим опытом ученых. В творчестве Ю.А. Жданова немало работ, посвященных борьбе с новыми «идолами», ложными инновациями. Основываясь на двух его работах, которые можно считать, с нашей точки зрения, программными, выделим этих новых «идолов». Речь идет о статьях Ю.А. Жданова «Взаимодействие государства и науки»²⁵⁸ и «Гуманизм и наука»²⁵⁹. Мы имеем также в виду и такие его статьи, как «Демоническая сила невежества»²⁶⁰, «Новые «плоды просвещения»²⁶¹, «Мощь и действенность разума»²⁶².

Итак, вот они новые «идолы антисциентизма», выделенные Ю.А. Ждановым:

1. Заигрывание с антирационализмом и антисциентизмом под видом поиска новых форм миропонимания, репрезентации новых версий исторического развития России, в особенности недавнего прошлого.

Как подчеркивает Ю.А. Жданов: «Отказ от ряда устаревших идеологических догм привел к типичному для России шараханью: часть бюрократии и интеллектуалов кинулась прочь от рационализма, научного понимания мира. На этой основе было подорвано доверие к научному планированию, к науке и образованию вообще, оживились настроения обскурантизма, тяга к оккультизму, архаическим мировоззрениям, хиромантии, астрологии, магии и пр.»²⁶³.

Этот «идол» утверждается еще и в силу идеологических мотивов – желанием утвердить новый элитный социальный слой, в качестве источника новых знаний, новой истины, в силу чего предпринимаются действия не только по дискредитации научного знания, но и к институту науки, и интеллектуалов выставляют как беспомощных, несостоятельных людей, в отличие от «людей дела», знающих лучше, глубже, «решающих вопросы». Но уже небольшой (20-25 летний) период господства над умами этого «идола» подчеркивает его никчемность и ничтожность. Как отмечает Ю.А. Жданов: «Именно в рыночно-мафиозной сфере свела гнездо «демоническая сила

²⁵⁸ Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах. Т. 3. Ростов н/Д., 2009.

²⁵⁹ Там же. Т.1. Ростов н/Д., 2009.

²⁶⁰ Там же. Т.2. Ростов н/Д., 2009.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же.

²⁶³ Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах. Т.3. Ростов н/Д., 2009. С. 341.

невежества» (К. Маркс), со стороны этого слоя возможны отдельные саморекламные фейерверки в виде поддержки единичных проектов, создания некоторых фондов. Но на общее состояние науки это влиять не будет»²⁶⁴. Что подтверждается многими фактами. В частности, по данным НИИ статистики Госкомстата России В. Симчеры отмечается следующее: «Размер интеллектуального капитала России: официально – \$ 1,5 трлн. Фактически – \$ 25 трлн. Занижение интеллектуального капитала России почти в 17 раз помогает властям обосновать курс на копирование худших образцов зарубежного образования, а также ввоз за бешеные деньги иностранных ученых при нищенской поддержке своих»²⁶⁵.

Ю.А. Жданов полагает, что ученые не должны ждать, когда появятся адекватные государственные программы развития науки и образования на уровне высших мировых образцов. Здесь нет секрета, он открыт и испробован более полувека назад в СССР. Эти механизмы вновь сработают, если создать соответствующие условия. Однако в рамках существующей социально-политической системы это некому делать. Здесь господствует другой подход, другая идеология. Поэтому ученые должны сами проявлять социальную и гражданскую активность, предпринимать шаги по самоорганизации: «В этой связи важное значение имеет демократизация науки, формирование свободных ассоциаций ученых, негосударственных структур науки и образования... Демократия не может опираться на невежество, в том числе, на невежественную власть»²⁶⁶.

II. *Научное ремесленничество, ставка на прикладную науку*, прежде всего там, где еще нет фундаментальных заделов, либо же «экономия» на фундаментальной науке, нацеливание ученых и науки на рыночные критерии, зарабатывание денег.

Попытка сделать из науки «служанку рынка», «служанку политики», «служанку идеологии», разрушая её органические формы и механизмы развития, приводит к социально значимым негативным эффектам.

Ю.А. Жданов как марксист, тонко понимающий и ценящий эту философию, конечно же помнил и марксово положение о науке как форме всеобщего труда, который не подлежит приватизации, понимал, что развитие науки в отчужденных формах, в неадекватных социальных условиях, может порождать чудовищные проблемы: «Долг каждого честного деятеля науки решительно восстать против опасного злоупотребления достижениями науки»²⁶⁷.

²⁶⁴ Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах. Т.3. Ростов н/Д., 2009. С. 343.

²⁶⁵ Смолин О.Н. Не надоело врать? // Советская Россия. 12.11.2011.

²⁶⁶ Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах. Т.3. Ростов н/Д., 2009. С. 343.

²⁶⁷ Там же. С. 129-130.

III. Апология научного профессионализма на основе узкой специализации

Как подчеркивал Ю.А. Жданов: «Современные пути и методы овладения наукой таят в себе опасности, связанные с узкой специализацией...»²⁶⁸ чрезмерно узкая специализация порождает опасность безответственных и легкомысленных решений, когда естественнонаучная или инженерная проблема выходит за свои собственные рамки и соприкасается с другими сферами человеческой деятельности». В итоге как типовой может возникнуть «комплекс Макса Борна», когда его ученики, известные физики – Теллер и Иордан – «оказались в лагере антигуманизма»²⁶⁹. Либо общекультурная, либо мировоззренческая ограниченность таких узких специалистов порождает необоснованные фундаментально-научные или мировоззренческие обобщения и экстраполяции. Эти «идолы третьего рода» сидят уже в теле самой науки и научного познания, а не в рассудке, с которым имел дело Ф. Бэкон. И серьезным «лекарством» здесь служит широкое фундаментальное образование будущих ученых, развитие междисциплинарных связей, взаимодействие естественных и гуманитарных наук.

IV. Неоправданный скептицизм, нигилизм и самоограничение в научном познании

В статье, написанной в 1977 году, Ю.А. Жданов отмечает: «Настроение пессимизма, скептического восприятия человека и его места в природе носит весьма распространенный в среде буржуазных естествоиспытателей»²⁷⁰. Однако, спустя несколько десятилетий можно было бы написать то же самое применительно ко многим отечественным естествоиспытателям.

Следует подчеркнуть в связи с этим положением, что симпатии Ю.А. Жданова в социально мировоззренческом ключе были однозначны. Он как сторонник лево-эгалитаристского (социалистического) социального проекта видел в нем гораздо большие возможности и куда меньшие проблемы во вписывании науки в общественное развитие и преодолении проблем отчуждения науки от общества, нежели в рамках буржуазной формации. Поэтому включение России в буржуазный дискурс и в буржуазный образ жизни вызывало у него, начиная с 90-х гг XX в. ту же реакцию, которую он демонстрировал на сей предмет в 60-е – 80-е годы XX в. по отношению к науке и образованию Западного мира.

Анализ творчества Ю.А. Жданова как ученого-идеолога позволяет подчеркнуть, что после буржуазной трансформации в России конца 80-х – начала 90-х гг., у Ю.А. Жданова существенно сократился объем материала и сфера его распространенности, с помощью которого удаётся обоснованно оппонировать, бороться с идолами антисциентизма. Тем более, что он прекрасно

²⁶⁸ Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах. Т.3. Ростов н/Д., 2009. С. 130.

²⁶⁹ Там же. С. 131.

²⁷⁰ Там же.

представлял технологические организационные, управленческие, социально-культурные механизмы борьбы с такими идолами. Можно сказать, что социальный опыт, который он смог выстроить, позволил ему идти дальше по пути гармонизации отношений науки – образования – общества. Однако в конце 80-х гг. в России это окно закрылось. И мы не знаем, на какое время.

Применительно к сказанному в контексте творческого наследия Ю.А. Жданова, нельзя не отметить ещё некоторые инновационные моменты, которые в этом наследии не отражены, но в развитии современной науки представлены.

Ю.А. Жданов был классическим представителем гуманистического сциентизма. Между тем, идейным оппонентом этой формы гуманистики выступает не только обскурантизм и демонизм невежества, хотя и в новых обликах, но в наше время – гуманистический антисциентизм и антитехнократизм. Можно говорить и о возрождении в наше время герменевтических тенденций под прикрытием формулы «защиты от дураков и негодяев». Это сциентистский элитизм, своеобразное новое научное жречество.

Все эти формы дают свои политические и социальные «выхлопы». Иными словами, есть не только реакция на «идолов», связанных с почти очевидными локально-историческими и глобально-историческими проявлениями, обусловленными динамичным развитием науки и образования в определенном социальном контексте, но и серьезные проблемы, связанные с саморазвитием науки и образования, поиском своего места в новом глобальном сообществе, попытками гармонизации отношений высокого интеллекта и высокоинтеллектуальной деятельности с повседневностью. Можно сказать, что эта проблематика в наиболее ярких художественных формах была предвосхищена в отечественной научной фантастике 60–80-х гг. XX в. «Трудно быть Богом» – это основной сюжет, связанный с включением науки завтрашнего дня в сегодняшние реалии. И это ныне не только проблема клонирования человека и его киборгизации, но и связанные с высокими технологиями возможности влиять на глобальные атмосферные процессы, манипулировать массовым и индивидуальным сознанием и т.п.

Здесь достаточно много сюжетов, заставляющих серьезно размышлять не только об образе Науки и Образования ближайшего будущего и новых «идолов» в современном мышлении, но и о превентивных мерах со стороны самой Науки, не позволяющих превращать её в демоническую силу, демонический фактор угрожающий человечеству со стороны новых «инженеров Гариных» (индивидуальных и корпоративных).

Не пора ли самой науке вводить систему «защиты от дураков» (антиинфернальные коды)? Соответственно, не следует ли вводить в систему образования защитные механизмы кодирования от неадекватного применения знаний и образования?

У Ю.А. Жданова в уже цитированной статье есть одно знаковое суждение, которое гармонирует с концепцией В.И. Вернадского, много размышлявшего, особенно в годы второй мировой войны, о науке: «Настало время объединить усилия общественности вокруг теоретической и практической проработки проблем ноосферы как космического явления, как ключевой задачи XXI в. С точки зрения социологической, ноосфера – новое основание всего исторического процесса. Переход к ноосфере – смена основания человеческой истории и истории планеты»²⁷¹.

Смена оснований устраняет и основания, генерирующие «идолов». Это основной путь, по которому пойдет развитие научно-образовательных инноваций нового поколения.

***Нужна ли наука в постиндустриальном обществе
(о социальном сциентизме Ю.А. Жданова
и современном социальном антисциентизме)***

Это экскурс в ту часть творческого наследия Ю.А. Жданова, который посвящен усилению роли науки в социально-экономическом развитии. Он реализуется в рамках определенного российского социально-политического контекста: законодательного закрепления основных направлений реформирования Российской академии наук. Закон принят Госдумой и Советом Федерации, подписан Президентом РФ. Однако дебаты по его поводу не скоро утихнут. На деле они касаются нескольких главных вопросов, сводящихся скорее всего к двум. Первый – нужна ли отечественная наука обществу и власти и в каком смысле она необходима? И второй – вольны ли сами ученые, научное сообщество определять основные направления развития науки или должны все время находиться в позиции: «чего изволите»?

Представители демократических сил со стороны научного сообщества полагают, что без содержательного социального заказа даже самые мощные импульсы к саморазвитию в научном сообществе угасают, тем более что социальный заказ – это не только благие пожелания, но и серьезные инвестиции в поддержку науки. В своем открытом письме Президенту РФ (26.07.2013) один из лидеров демократических сил в российском научном сообществе Нобелевский лауреат, академик Ж. Алферов подчеркнул: «Нужны конкретные задачи, решение которых в наиболее перспективных направлениях позволит вывести страну на самые передовые позиции в современной науке и технологии». Однако ясной программы для науки власть и общество не определили.

Более того, и в период дебатов по поводу нового Закона о РАН это очень ясно прозвучало, – «несмотря на все усилия, создать в России полноценную инновационную систему пока так и не удалось. А отраслевая наука в значи-

²⁷¹ Жданов Ю.А. Т. 3. С. 344-345.

тельной мере попросту уничтожена. В этих условиях разрушение Академии наук по крайней мере недальновидно. Ведь, несмотря на все проблемы, в том числе хроническое недофинансирование, она остается научной организацией мирового уровня, что за последние несколько месяцев подчеркнули в своих обращениях к руководству России сотни ведущих ученых всего мира»²⁷².

Концепция, заложенная в новый закон, зиждется на парадигме внешнего властно-административного управления и регулирования развития российской науки со стороны политико-административной элиты, которая должна и определять приоритетные задачи развития (в конечном счете), и выделять инвестиции, и оценивать результаты научной деятельности по собственным критериям.

Такой подход расходится с мировой практикой, на которую ссылаются в своем письме В.В. Путину от 22.08.2013 г. известные лауреаты Нобелевской премии из нескольких стран мира. Они пишут: «Любые изменения должны осуществляться при участии самих ученых, которые лучше знают, какие изменения необходимы, и которые окажут поддержку, если будут частью этого процесса».

В приведенной коллизии мы имеем пример столкновения двух векторов социальных сил, подходов: социального сциентизма и социального антисциентизма. Причем, эта коллизия носит не тривиальный, а бифуркационный характер. Это из серии: «Налево пойдешь – коня потеряешь», «направо пойдешь – голову сложишь».

Коллизия и пути продвижения по предлагаемым векторам требуют обстоятельного обсуждения. Позиция социального сциентизма широко представлена в творчестве Юрия Андреевича Жданова как крупнейшего организатора науки и высшего образования на Юге России. Эта организационная матрица по технологиям разработки и создания крупных научных и образовательных центров, деятельность которых замкнута на развитие культуры и производства, была им творчески реализована в г. Ростове-на-Дону и в Северо-Кавказском регионе при создании комплекса Университет-НИИ (РГУ) и СКНЦ ВШ с его многолетней программой научной и образовательной деятельности, а также в ряде других крупных программ. Она отражена также в теоретическом аспекте в ряде статей Ю.А. Жданова: «Взаимодействие государства и науки»²⁷³, «Гуманизм и наука»²⁷⁴, «Мощь и действенность разума»²⁷⁵, «Региональные проблемы в сфере науки, культуры, образования»²⁷⁶.

²⁷² Механик А. Пеньки Академа // Эксперт. 2013. № 38 (23-29 сентября). С. 41.

²⁷³ Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах. Т. 3. Ростов н/Д., 2009.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же. Т. 2. Ростов н/Д., 2009.

²⁷⁶ Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах. Т. 3. Ростов н/Д., 2009.

Позиция социального сциентизма нашла теоретическое воплощение также в творчестве другого нашего великого земляка – М.К. Петрова²⁷⁷. Обоснование этой позиции мы обозначили «теоремами М.К. Петрова²⁷⁸». В частности, 1-я прямая теорема и обратная ей звучит так: Возникновение науки как социального института и особого типа познания и мышления и системы знаний непосредственно сопряжено со становлением и развитием индустриального общества. И, наоборот, – общество, где не возникает наука, не продвигается к индустриализму и процесс трансплантации науки на такую инокультурную почву крайне затруднен (может быть лишь имитирован). Он возможен в случае «запуска» той или иной модели модернизации.

Можно назвать это теоремами, можно – закономерностями, но их не обойти, если мы имеем дело с развитием индустриального общества. А если – с *постиндустриальным*? Вот здесь все оказывается не столь просто. Прежде всего потому, что категория «постиндустриальное общество» не только многолика²⁷⁹, но и связана с развертыванием процессов глобализации и индуцирует не только социальный сциентизм, характерный для Ю.А. Жданова, М.К. Петрова многих современных ученых и политиков, но и выходит как в теоретическом, так и в практическом плане в антисциентистский и внесциентистский контекст.

Переход общества в глобальную стадию и включение в этот процесс большей части человечества обусловлен не только экономическими и политическими факторами, но и все более очевидным включением в глобальные процессы духовно-практической деятельности. О чем совершенно обоснованно заявляли еще в первой половине XX века крупнейшие мыслители: Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, русские космисты. Вполне поддерживал эти идеи Ю.А. Жданов. Однако уже тогда прорисовывались альтернативные взгляды на глобальную цефализацию.

В связи с развертыванием во второй половине XX века научно-технической революции казалось, что наука становится стержнем, безальтернативным лидером глобализации. Но уже к концу XX века многим стало казаться, что это не так, даже самим ученым. Тем более, что не только наука в сопряжении с политикой стала источником целого ряда, кажется, что неразрешимых глобальных проблем, но и в своем внутреннем развитии она

²⁷⁷ См.: *Петров М.К.* Социально-культурные основания развития современной науки. – М.: Наука, 1992; *Его же.* Системный подход к организации регионального научного центра. – Ростов н/Д.: Изд. СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

²⁷⁸ См.: *Старостин А.М.* Проблемы и перспективы формирования новой матрицы науки в контексте идей М.К. Петрова // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: идеи М.К. Петрова. XXVI Петровские чтения. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. 2013. С. 13–15.

²⁷⁹ См.: *Якунин В.И., Сулакшин С.С., Кара-Мурза С.Г.* Постиндустриализм. Опыт критического анализа. – М.: Изд. Научный эксперт, 2012.

натолкнулась на вполне ощутимые «Пределы роста»²⁸⁰. Что заставляет говорить о базисных границах сложившейся «матрицы науки» и обозначать те возможные или уже вполне обозначившиеся альтернативы, которые связаны с нарастанием внутренних проблем науки и научного познания, а также со «стыками» науки и общества, переходящего в глобальную постиндустриальную стадию. И где, то ли потребуется «перезагрузка» науки и формирование новой «матрицы науки», то ли вообще формирование альтернативного когнитивного комплекса, на базе которого будет обеспечиваться дальнейшее развитие общества. Во всяком случае подобная постановка вопроса вполне укладывается в логику «теорем М.К. Петрова», которые связывают каждую новую этапную социальную и технологическую фазу развития человечества не только с новыми формами духовности (например, индустриализм – наука и сциентизм), но и с новыми типами социально-культурного кодирования (например, лично-именной, профессионально-именной, универсально-понятийной). Следовательно, на повестке дня формирование не только новой «матрицы науки» или даже нового социально-когнитивного комплекса, но и вообще нового типа социально-культурного кодирования (например, универсально-междисциплинарно-концептного), который обеспечит и социальные коммуникации в глобальном обществе, и «укладку» знаний, получаемых в этом обществе, и механизмы апробации и применения этих знаний.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале этого раздела, подчеркнем: представление о глобальном постиндустриальном обществе как о царстве разума, базирующемся на Науке, носят чересчур оптимистический характер. В самом обществе должны произойти серьезные изменения. Да и сама Наука должна поменять свою «матрицу». Иначе постиндустриальное общество как глобальное сообщество может и не состояться.

Ю.А. Жданов и проблема культурного кода цивилизации

В последнее время, начиная с зимы 2014 г., в России неожиданно, на фоне казалось бы уже устоявшихся трендов развития, ориентированных на либеральные образцы западного происхождения в организации основных сфер жизни (политики, экономики, социальных отношений), повеяли вдруг свежие и не всегда приятные ветры изменений.

Сначала зимние Олимпийские игры в г. Сочи с их самоутверждающей, победной российской тональностью. Затем – взорвавшийся киевский Майдан, обернувшийся государственным переворотом и гражданской войной в соседней Украине. И, наконец, резкое отторжение России западными государствами от устоявшегося глобального миропорядка и нарастающий прессинг

²⁸⁰ См. подробнее: Материалы круглого стола «Дж. Хорган и его пророчество “конца науки”» // Будущее фундаментальной науки. Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы. – М.: Изд-во КРАСАНД, 2011. С. 172–232.

на нашу страну и ее руководство, затрагивающий ее экономику, политику, культуру.

Все это заставило вновь обратиться к казалось бы уже решенным вопросам и трактовкам ее современной и давней истории, пониманию духовности («русской души»), деятельности политических, военных, духовных лидеров ее настоящего и прошлого.

Сам собой всплыл старый вопрос из Ф.М. Достоевского: «Что я – тварь дрожащая, или – право имею?»

Многие политики, отечественные и зарубежные, с большим любопытством наблюдают: возможны ли, пройдут ли по отношению к России, действия, которые практиковались применительно к другим государствам и их лидерам на протяжении нескольких последних десятилетий, направленные на их дискредитацию, унижение, деструкцию?

Всё это в существенной мере не только мобилизовало российскую элиту, но и вызвало у населения неподдельный интерес к российской истории, культуре, духовности. Многие публицисты, эксперты вновь стали говорить о том, что Россия – это страна не только с непредсказуемым будущим, но и с непредсказуемым прошлым. И кто не знает этого, тот рискует ошибиться вновь²⁸¹. Подтверждение чему тут же было представлено в виде нового намеченного проекта подготовки единого школьного учебника по истории.

И, как оказалось, действительно мало что можно понять в сумбуре происходящего, в новой глобальной турбулентности, если не знать политическую историю по меньшей мере двух последних веков и если не разобратся в цивилизационных кодах собственной страны и Запада – то манящего к себе Россию, то отталкивающего и даже стремящегося ее уничтожить. На наше счастье в отечественной культуре есть титаны мысли, мудрецы, мысли и действия которых позволяют понять смыслы новых событий, которые ведут к новым испытаниям России.

К их числу следует, несомненно, отнести Ю.А. Жданова, чьи работы в области истории и теории культуры, известный опыт подготовки и реализации больших социальных проектов, разработанный им аналитический инструментарий исследования глобальных и региональных социальных процессов, позволяет понять и смысл как бы неожиданных «бандитских разворотов» истории, и обрести надежду в движении «против течения».

Та, одна из главных проблем, с которой связаны и понимание причин глобальной турбулентности, и поиски выхода из нее, связана, на наш взгляд, с ситуациями «борьбы миров», столкновений цивилизаций. Как известно, Россия не только в своих самопрезентациях, но и в трудах ведущих зарубежных историков и философов, так сказать цивилизациологов, давно уже отнесена к одному из цивилизационных центров, особой цивилизации. И является

²⁸¹ Мясников А.Л. Тайный код России. Зашифрованная история. – М.: Изд-во «Вече», 2014.

не только крупным и самым большим по территории государством, но и особым цивилизационным миром. Об этом писали и наши Н.Я. Данилевский и П. Сорокин, и европейцы – О. Шпенглер и А. Тойнби. Не оставлена эта проблема и современными учеными и мыслителями, например, в известном дискурсе С. Хантингтона²⁸².

Следует подчеркнуть, что увлекшись дискурсом «однополярный – многополярный мир государств», многие аналитики упускают из вида, что современный мир – это мир 6-8 крупных цивилизационных образований, среди которых Россия, Индия и Китай выступают как государства-цивилизации, имеющие в собственном поле притяжения десятки родственных или тяготеющих к ним других государств.

В работах Ю.А. Жданова в течение нескольких десятилетий разрабатывались разные аспекты развития российской цивилизации, связанные прежде всего с ее культурой. В острой, задевающей за живое работе «Пучина искусств: идеология и культура в СССР», Ю.А. Жданов подчеркивает: «Сложно переплетаются струи и течения российской культуры. Их постоянно волнуют общественные движения, ветры социальных бурь, глубинные ключи, порывы внешних циклонов»²⁸³. Его исследования направлены на понимание причин взлетов и падений в развитии русской культуры, вслед за чем, как правило, следовал взлет и падение всей социально-политической системы.

В ключевой работе «Размышления о сущности культуры»²⁸⁴ Ю.А. Жданов подчеркивает, что без понимания сущностных характеристик культуры невозможно понять тайны «тех исторических явлений, когда, казалось бы, процветающая культура неожиданно гибнет без каких-либо внешних вторжений»²⁸⁵.

В особенности его волновали такие ключевые для нашей страны в XX в. процессы, как культурная революция и потеря ее завоеваний и результатов. Что в ней было фундаментальным и коренным, а что конъюнктурным и наносным? Почему происходит культурный откат в конце XX века? И приходит к выводу, проделав тщательный анализ и соотнеся сущность культуры и ее базовые проявления, что «Понимаемая во всем своем грандиозном значении культурная революция, как для нас теперь ясно, отнюдь не сводится к преобразованию сферы просвещения или искусства, она затрагивает коренные условия жизни людей, их материального производства, форм общения, всех сторон деятельности»²⁸⁶.

²⁸² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка. Пер. с англ. М., 1997.

²⁸³ Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. – Ростов н/Д.: Наука-пресс, 2005. С. 129.

²⁸⁴ Там же. С. 25–48.

²⁸⁵ Там же. С. 35.

²⁸⁶ Там же. С. 48.

К этому можно было бы также добавить, продолжая мысль Ю.А. Жданова, что верно и другое: отдельные прорывы в модернизации и преобразовании социально-экономической и политической сферы общества еще не обеспечивают укоренение этих завоеваний. О чем был знаменитый спор между большевиками и меньшевиками: готова ли Россия к социалистической революции?

Степень готовности определяется далеко не только наличием революционной ситуации в социально-политической сфере, но и готовностью социокультурной, определяемой сущностными сдвигами в духовной сфере, тенденциях переструктурирования социальных отношений и формированием новых форм социальной деятельности. Революционного прогрессорства в лице авангардной партии далеко недостаточно.

Непреходящее в этих аспектах значение имеет суждение Ю.А. Жданова, подчеркивающее синтетический характер культуры, сбалансированная и синхронизированная система ее основных форм: «Культура не есть в отдельности материальное производство, или наука, или искусство и т.д., она представляет собой их синтез, способ соединения. Культура выступает как способ деятельности, содержащий в себе целостность всех своих моментов»²⁸⁷.

Ю.А. Жданов выделяет шесть базовых форм культурной деятельности (материальное производство условий жизни, воспроизводство самого человека, деятельность общения, познавательная деятельность, эстетическая деятельность, нравственная культура)²⁸⁸, синтез которых и должен определить то особенное формообразование, которое можно назвать новой культурой, например, – советской культурой. И ответ на вопрос о том, почему эта культура вдруг рухнула, следовательно, следует искать, анализируя процессы неравномерности соразвития базовых субкультурных форм и их результатов, предопределившие неустойчивость результирующей синтетической формы.

Собственно похожий дискурс, только от противного, уже давно обозначен в исследованиях Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Президиуме РАН РФ и прежде всего в работах С.Г. Кара-Мурзы²⁸⁹.

От противного – поскольку авторы исходят из положения о том, что в период перестройки и в постперестроечное время (так называемый транзит) происходили деструктивные воздействия на сформированную систему советского общества и ее культурное ядро. В то время как, исходя из исследований Ю.А. Жданова, можно сделать вывод о том, что совокупная система

²⁸⁷ Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович. Сущность культуры. С. 30.

²⁸⁸ Там же. С. 66.

²⁸⁹ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций. – М.: Научный эксперт, 2012.

советской культуры как система базовых видов деятельности была сформирована с дефектами, несбалансированно, что и привело к ее глубокому кризису и откату на некие исходные позиции. И конкретная форма горбачевской перестройки вытекает из «недостройки» культурного ядра советской цивилизации.

И здесь не место упрощенным толкованиям, вроде американской версии о том, что экономическая и политическая система СССР были подорваны ценовой политикой на нефтяном рынке или же развернутой гонкой вооружений – проектом СОИ, или же усилиями диссидентского движения и т.п. Поэтому де-факто – это результат «холодной войны», в которой победил Запад и США.

Не несет в себе значимой информации и конспирологическая версия об «агентах влияния» на политическом олимпе СССР.

Наш враг, источник обрушающего кризиса оказался в нас изнутри – это системные сбои и неукорененность базовых форм культурной деятельности. Копать нужно здесь. Здесь же в этой плоскости лежит и объяснение о последующих неудачах в «строительстве капитализма». Почаще нужно перечитывать Ю.А. Жданова и мыслителей из его окружения.

Обсуждая обозначенные проблемы, мы выходим на исследования аналогичного плана, но связанные с концепцией культурного кода цивилизации.

Вообще к понятию «цивилизации» Ю.А. Жданов, будучи ортодоксальным марксистом, нечасто обращается и, скорее, вписывает цивилизацию в культуру, нежели наоборот: «Анализ категории культуры на уровне особенного выводит нас на понятие цивилизации. Исходя из концепции троичности, можно сказать, что цивилизация – устойчивое историческое единство природного комплекса, социального бытия и особенной культуры»²⁹⁰.

Для Ю.А. Жданова проблематика перспектив цивилизационного развития лежит в рамках универсалистски-линейных схем, нежели в русле классической и современной цивилизационной парадигмы, тяготеющей к диатропическому подходу, рассматривающему разные модели и версии универсализма. Поэтому в творчестве Ю.А. Жданова мы не встречаем постановок, связанных с «культурным кодом», хотя, если перевести его суждения в указанный дискурс, можно прийти к выводу, что для него «культурный код» выступает в виде «параметров порядка» социальной системы, так сказать, «базовых констант» культуры этой системы, выход за пределы которых радикально меняет эту систему.

В данном случае уместна аналогия, связанная с известным в космологии антропным принципом, согласно которому появление жизни и разума в нашей Вселенной предопределяется вполне определенным сочетанием

²⁹⁰ Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. – Ростов н/Д.: Наука-пресс, 2005. С. 64.

известных мировых физических констант. И изменение на несколько процентов значений ряда этих констант превращает нашу Вселенную в «ненашу», в рамках которой ни жизни, ни разума не возникает. И формируется собственная траектория развития.

Таким образом, творчество Ю.А. Жданова и его понимание культуры подводит нас к новым рубежам и парадигмам исследования российской цивилизации и траекторий ее развития.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что в философско-культурологическом творчестве Ю.А. Жданова, также как в его научно-организационной и образовательной деятельности в этом направлении, на наш взгляд, заложены оригинальные и неординарные подходы к пониманию не только фундаментальных проблем, но и возможности понимания кризисных и прорывных проявлений в развитии российского общества в его истории и в современности.

Инструментальные, объяснительные, прогнозные, проектные возможности культурологических наработок выдающегося ученого и мыслителя содержат важные моменты, связанные с шагами на пути к междисциплинарному синтезу не только в рамках гуманитарного знания, но и гуманитарного и естественнонаучного.

Идеи Ю.А. Жданова и современные проблемы глобальной экологии

Ю.А. Жданов – известный советский ученый, крупный организатор науки и высшего образования на Юге России. Особенности его профессиональной социализации таковы, что, благодаря принадлежности к семьям представителей высшей страты советской партийно-номенклатурной элиты, он оказался погружен и обременен «жреческим знанием» с юных лет. А, приобретя научный и военно-политический опыт, и еще не достигнув 30-ти лет, стал руководителем сектора науки ЦК КПСС, что позволило выработать особый многоаспектный взгляд и умение смотреть на ключевые события с высоты «птичьего полета» в крупномасштабной перспективе социального и политического развития. Это придает особый оттенок любым его размышлениям и высказываниям по-существу любых крупных, масштабных процессов и явлений, что относится и к проблемам взаимоотношения человека и природы в условиях развития индустриального и высокоиндустриального общества. Несомненно, что в сфере социально-политического и социокультурного мировоззрения Ю.А. Жданов культивирует марксизм. В одном из выступлений я даже назвал его **ортодоксальным** марксистом, что некоторыми было оспорено. Но это не оговорка, поскольку различных версий и интерпретаций марксизма немало, а Ю.А. Жданов предпочитал исходить из первоисточников, причем читаемых на языке оригинала.

Его первые работы, касающиеся экологической проблематики, написанные в конце 40-х гг. XX в., пронизаны стремлением к пониманию этой проблематики диалектически. Так в статье «Влияние человека на природные процессы» (1947 г.)²⁹¹ он близок к идее коэволюции человека и природы, в которой значимость человека поступенно растет, но он (человек) не «выпадает» из коэволюционного ряда, а может образовывать разные коэволюционные ряды: «Развитие производительных сил приводит не к какой-то фиктивной свободе человека от природы, не к восхождению человека на вселенский престол, а к установлению более тесных, более богатых, всесторонних взаимоотношений, взаимосвязей между человеком и природой»²⁹² – так пишет 28-летний кандидат химических наук, зав. сектором науки ЦК, будучи хорошо осведомленным о борьбе разных научных школ и кланов в отечественной биологии. В борьбе, где преобладают идеологизированные позиции биологического активизма и марксизма. Конечно, в духе времени он отдает должное огромным преобразовательным возможностям человека, но базирующимся на научном знании, выявленных закономерностях природы и общества. Там же им высказывается в этом контексте очень важная мысль о человеческой деятельности, опирающейся на знания, как **катализатор** природных процессов: «Сознательная деятельность людей во все возрастающих масштабах становится локомотивом всех остальных природных процессов»²⁹³.

Эта идея сопряжена с концепцией ноосферы В.И. Вернадского, которая к тому времени уже оформилась, но еще не была опубликована и не нашла еще своих комментаторов и интерпретаторов. Тем не менее и для ученого-химика, и для человека, который вполне осведомлен о панораме явной и подспудной борьбы в отечественной науке 40-х гг., вполне ясно то, что каталитические процессы приводят к быстрым и не всегда просчитываемым результатам и требуют особой «социокультурной рамки», системы социального управления.

Имея это в виду в значительно позже написанной Ю.А. Ждановым работе²⁹⁴, он выделяет сопряжение В.И. Вернадским концепта «ноосферы» с социальными идеями, которые кажутся ему наиболее адекватными: «Удивительно глубоко и актуально звучат в наше время слова Вернадского: «понятие ноосферы... находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей научный социализм»²⁹⁵.

²⁹¹ Жданов Ю.А. Избранное. В 3-х т. Т. 1. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФ, 2009. С. 289-309.

²⁹² Там же. С. 311.

²⁹³ Там же. С. 312.

²⁹⁴ Жданов Ю.А. Учение о биосфере в свете диалектической концепции развития // Избранное. В 3-х т. Т. 1. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФ, 2009. С. 315-343.

²⁹⁵ Там же. С. 340.

Эту мысль Ю.А. Жданов продолжает в работе начала 90-х гг. «Грядущее основание бытия»²⁹⁶, связывая с принципом *цефализации*, также фигурирующим в творчестве В.И. Вернадского и других крупных отечественных естествоиспытателей. Цефализацию можно рассматривать в качестве природной подосновы информационных систем, меняющих свои качественные характеристики и проявления, в том числе при переходе от биосферных процессов – к ноосферным.

Ю.А. Жданов подчеркивает: «То, что предлагает Вернадский, вписывается в характеристику гигантского фазового перехода (формирование звезд тоже фазовый переход). Стихийные процессы антропогенеза в биосфере дошли до критической точки и требуют, под угрозой самоуничтожения, формирование глобально-упорядоченной структуры. В основе ее может лежать лишь знание, наука, образование, разумное действие в масштабах всей планеты»²⁹⁷.

Иначе говоря, глобальный техногенно-биосферный котел может работать, разгоняясь, в разных режимах и может привести и к новой фазе цефализации, обозначаемой ноосферой, и к взрыву, и к затуханию. Поэтому нужно точно знать не только экстремальные точки, параметры, сигнализирующие о фазовом переходе, но и условия, способствующие этому, либо – другим последствиям.

Такой инструментарий, включающий точные, количественные подходы, начинают разрабатывать под руководством Ю.А. Жданова ученые ряда институтов в системе СКНЦ ВШ в конце 70-х гг. XX в. Результаты этих работ обобщены в работе Ю.А. Жданова «Имитационная модель Азовского моря»²⁹⁸. Здесь дана и конкретика, касающаяся динамики экосистемы Азовского моря, и система методологических и методических подходов и инструментов, которые могут применяться к другим экологическим макросистемам.

Следует подчеркнуть, что подобный инструментарий был чуть позже (или даже почти одновременно) разработан применительно к более масштабным, глобальным ситуациям, связанных с изучением последствий широкомасштабного применения ядерного оружия (Н.Н. Моисеев, В.В. Александров, А.М. Тарко) и выявивших эффект «ядерной зимы»²⁹⁹. И чуть более ранее заложенные модельные исследования «пределов роста» – глобальных последствий эволюции высокоиндустриальной деятельности, нерегулируемой на межгосударственном и негосударственном уровне (Д. Медоуз, Й. Рандерс).

²⁹⁶ Жданов Ю.А. Избранное. В 3-х т. Т. 1. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФ, 2009. С. 372.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же. С. 376-398.

²⁹⁹ Таркор А.М. Академик Н.Н. Моисеев: единство науки и практики. К столетию со дня рождения // Вестник экологического образования в России. 2017. № 1 (83). С. 12-13.

Резюмируя сказанное, подчеркнем факт значимой эволюции идей Ю.А. Жданова, которые, во-первых, находятся в русле пересечения траекторий глобально-эволюционистского и эволюционно-антропологического подхода (что в общем-то не характерно для многих других исследователей). Для Ю.А. Жданова, как философа, и как естествоиспытателя и тот, и другой подходы органичны. Возможно вести поиск на пути их конвергенции. Но поиск этот не закончен и по сей день. Хотя сделаны существенные подвижки на этом пути, прежде всего Ю.А. Ждановым.

Во-вторых, Ю.А. Ждановым предприняты шаги по движению от общетеоретических и мировоззренческих конструкций – к количественным моделям, содержащим конкретно-научное знание (биологическое, экологическое, геологическое, химическое). Отработан исследовательский инструментальный опыт знания, применимый к глобальным объектам и процессам.

Каково же положение дел в этой области сейчас? Какие проблемы обсуждаются, находятся на переднем крае глобальной и социальной экологии?

Вот они в порядке перечисления и краткого комментария:

1. Проблема генезиса биосферы, перехода от геохимических к геобиологическим процессам и их воспроизводства находится в состоянии близком космологической проблеме. И хотя целый ряд экстраспективных исследований, входящих в космическую экологию, существенно пополнил наши знания о переходных процессах в разных уголках Вселенной и, ныне, кроме планет Солнечной системы, открыты несколько тысяч планет в других звездных системах, но данные о «промежуточных звеньях» от добиосферных к биосферным состояниям набираются медленно. И, если не произойдет неожиданных прорывов, то на восполнение «пробелов» может понадобиться несколько поколений исследователей.

В особенности важны данные об альтернативных путях эволюции, «срывах» в канонической эволюционной линейке от неживого к живому³⁰⁰.

2. Важно продвинуться по пути дальнейшей конвергенции естественнонаучной и социально-гуманитарной картины глобальной эволюции. Ключевыми концепциями здесь могут выступить оригинальные подходы, заложенные, с одной стороны, в гелиобиосоциологию А.Л. Чижевским, учением Л.Н. Гумилева, а, с другой, в учение Н.Д. Кондратьева. И все же уникальность земного разума, аномальность разума по сей день настораживает. По сути связь между эволюцией биосферы, глобально-экологическими процессами и эволюцией человека, локально-антропо-экологическими процессами во многом принимается постулативно: это пятый постулат «геометрии Эвклида». Но может быть возможны другие модели?

³⁰⁰ Старостин А.М. Альтернативные модели глобализации в контексте философской инноватики // Философская инноватика и глобальные проблемы современного общества. Сб. научных трудов. Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

3. Взаимосвязь вещественно-энергетических и информационных процессов и пресловутый процесс цефализации изучен гораздо меньше, нежели связи между собой геологических, химических, биологических процессов. Хотя для понимания механизмов перехода от биосферных к ноосферным процессам они могут быть решающими.

4. Важное значение приобретает когнитивный аспект междисциплинарного и полидисциплинарного синтеза, других видов синтетических когнитивных элементов, позволяющих посмотреть с холистских позиций на глобально-экологические процессы. Специальный анализ позволяет выделить около 10 методологических и методических стратегий, ведущих к решению данной проблемы. Многие из них продолжают совершенствоваться. Но требуется специальная программа разработок в этом направлении.

5. Существенна значимость стыковки и разграничения аскрептивного, дескриптивного, эссенциального дискурсов в глобальной экологии. К примеру, столь значимые современные концепты, как «устойчивое развитие», «парниковый эффект», «глобальное потепление», «озоновый слой» в глобалистике оказываются перегруженными аскрептивными установками и требуют дополнительной апробации на эволюционную перспективу и верификации.

6. О проблеме глобально-экологического опыта. Методологическая рефлексия в этом плане весьма ограничена. Мы не можем назвать специальных работ или разделов в обобщающих изданиях³⁰¹. Между тем, как и космологический, и антропологический, глобально-экологический опыт по своим характеристикам не может быть уподоблен обычному научному опыту. А, следовательно, требует разработки специальных инструментов, способов обработки данных, их обобщения и интерпретации.

К этому списку стоит добавить еще несколько позиций, касающихся глобалистики в целом, а не только глобальной экологии, поскольку и проблемы глобальной экологии мы часто рассматриваем с точки зрения относительных «пределов роста» индустриальной цивилизации, а также других угроз и рисков для биосферы (прежде всего внешнего - космического порядка).

7. Итак, каковы возможные и наиболее значимые векторы развертывающейся современной глобализации человеческого сообщества? Чем они чреватые в рамках просматриваемых альтернатив? Каковы здесь точки неустойчивости и условия «соскальзывания» в деградацию? Похожи ли они на те примеры деградации локальных цивилизаций, которые имели место в истории?³⁰²

³⁰¹ К сожалению, и наша работа начала 80-х гг. пока не получила развитие – см.: *Старостин А.М.* Наблюдение и эксперимент в глобальной экологии // В кн. «Философские проблемы глобальной экологии». – М.: «Наука», 1984.

³⁰² *Старостин А.М.* Современные исследования в глобалистике: поиск путей междисциплинарного синтеза // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9.

8. Каким может быть представлен «страховой вектор» современного глобального развития? Речь идет не только об описании глобальных угроз внутреннего и внешнего происхождения, но и о конструктивных ответах. Следует ли развернуть особые виды деятельности по производству экологических сред, глобальных многоуровневых мониторинговых и верификационных систем, генных банков; банков резервирования ресурсов цивилизационного развития на базе саморегулируемых компьютеризированных центров (проект «Глобальный Ноев ковчег») земного и космического базирования?

9. Каковы основные мотивационные и смысложизненные составляющие ноосферной цивилизации и ее структурных составляющих, основных субъектов? Можно ли описать макрокультурный код этой цивилизации?

Думается, что приведенный перечень проблем и кратко изложенная их суть развивается отчасти в русле того, что говорил Ю.А. Жданов. Отчасти есть то, что в его время еще не было известно и обозначено. Но подобная проблематизация и тогда, и сейчас необходима, дабы сохранить научный дискурс в глобалистике, не дать его идеологизировать и консервировать касательно отдельных гипотетических конструкций.

3.5. Философско-деятельностные инновации профессора В.Е. Давидовича

Всеволод Евгеньевич Давидович, известный отечественный философ, виднейший представитель ростовской философской школы и создатель собственной научной школы «Философия культуры и философская антропология»³⁰³, в рамках которой им подготовлено более 160 кандидатов и докторов наук. Он автор 9 книг и более 150 других публикаций, вышедших на 14 иностранных языках.

Главным направлением его философских исследований стала философская гуманистика. Он выступает ярким представителем прикладной философии в отечественной философии. Об этом свидетельствуют даже названия его монографических работ: «Грани свободы» (1969), «Кто ты человечество?» (1975), «Сущность культуры» (1979, совместно с Ю.А. Ждановым), «Теория идеала» (1983), «В зеркале философии» (1997). Прекрасно зная классическую и неклассическую философию, будучи лично знаком с рядом виднейших представителей мировой философии, В.Е. Давидович никогда не претендовал на лавры создателя нового философского учения. А вот в качестве философа-аналитика, прикладника чувствовал себя уверенно, именуя

³⁰³ См.: Наука в Ростовском университете. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1997.

себя «крепким профессионалом», «философоведом», в соответствии с известной классификацией академика А.А. Гусейнова (О философах и профессорах философии)³⁰⁴:

«Как он сам иронично говорит, что каждый из работающих в сфере философии должен внести в ее систему если уже не эпохальный вклад, то хотя бы весомый «вкладыш». Нельзя преподавать философию, исследовать ее, быть трубадуром ее идей, если сам не можешь философствовать не только “из истории мысли”, но и “из себя”. А масштаб того или иного человека, подвигающегося в философии, определяет мнение тех, кто его читает, слушает, воспринимает. В конце концов кто чего стоит, определит время»³⁰⁵.

Отмечая несомненный вклад проф. В.Е. Давидовича в создание таких философско-инновационных направлений, как отечественная философия культуры, философия идеала, философская глобалистика, что более или менее известно, освещено в литературе, хотелось бы также особо акцентировать внимание на фигуре профессора В.Е. Давидовича как ученого и мыслителя, который в своей творческой деятельности вышел на разработку проблем *современного космизма*, стал заметен в кругу современных ученых-космистов не только как исследователь, но и как ученый, заложивший основы своей школы в этой области. Это необходимо подчеркнуть, поскольку в биографических и автобиографических материалах, посвященных профессору В.Е. Давидовичу, указанный аспект практически не представлен, и научная, и философская общественность об этом мало осведомлена.

Так, в библиографическом издании «Всеволод Евгеньевич Давидович. (Биография В.Е. Давидовича как она написана самим собой в 2002 г.)». Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2012, к сожалению, его творческий вектор, связанный с космонавтикой и освоением космоса, освещен пока недостаточно. Точнее этому в издании посвящена всего одна строка на с. 41: «Не прошли его ученики и мимо проблем философии науки и техники. Следует назвать такие работы: «Процесс космизации науки», «Проблемы генной инженерии», «Физика как феномен культуры», «Социальные аспекты освоения космоса и др.».

Не представлен ряд важных работ в этой области и в библиографии его трудов. Собственно отмечен лишь его доклад на III Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания в 1983 г. – «Освоение космоса и общественное сознание». Между тем, проф. В.Е. Давидович активный, известный и почетный участник Чтений, посвященных разработке наследия К.Э. Циолковского в г. Калуге и секции «К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса» этих Чтений – в 60-е – 80-е годы XX в. – самого крупного научного форума по этой проблематике в те годы.

³⁰⁴ См.: Всеволод Евгеньевич Давидович (К 80-летию со дня рождения). – Ростов н/Д.: Изд. СКН ВШ, 2002. С. 26.

³⁰⁵ Там же. С. 27.

В 1980 г. проф. В.Е. Давидовичу выпала честь сделать доклад на пленарном заседании XIII Чтений К.Э. Циолковского по теме: «Космос и общественное сознание»³⁰⁶. На XVI Чтениях им сделан секционный доклад совместно с Е.В. Золотухиной-Аболиной на тему «Космос и идеалы»³⁰⁷.

Профессор В.Е. Давидович подготовил одним из первых в стране нескольких кандидатов философских наук по данной проблематике. В 1972–1975 гг. защитились в г. Ростове-на-Дону М.В. Силин, Ю.Н. Стемпурский, П.Ф. Тукмачев. Все они были в свое время слушателями ИПК при РГУ. Чуть позже, в середине 80-х гг. защитила диссертацию Ш.И. Атанасова, которую патронировал В.Е. Давидович. Ю.Н. Стемпурский позднее стал одним из руководителей секции «К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». Профессор В.Е. Давидович поддерживал активные отношения с ведущими философами в этой области, по-существу, основоположниками современного отечественного философского космизма – А.Д. Урсулом, Е.Т. Фаддеевым, В.В. Казютинским, Ю.А. Школенко.

Включено имя профессора В.Е. Давидовича и в фундаментальный 5-томник «История философии в СССР» в 2-х номинациях: в качестве активного участника направления «Философские проблемы астрономии и космических исследований»³⁰⁸ и в направлении «Социальная философия».

У автора этих строк есть совместная с В.Е. Давидовичем публикация в журнале «Философские науки» (1977. № 9), посвященная анализу проблем, поставленных в монографии А.Д. Урсула «Человечество. Земля. Вселенная» (М., 1977). В моей личной судьбе, касательно становления в качестве современного космиста, В.Е. Давидович принял непосредственное участие. По его кафедре философии в ИПК при РГУ выпустилась в начале 1977 г. моя кандидатская диссертация «Космический эксперимент как новый тип эксперимента (философско-методологический анализ)», успешно защищенная в марте 1977 г. У него же на кафедре философии и культурологии ИПК при РГУ прошла апробацию концепция моей докторской диссертации на тему «Познавательные модели космоса (философский анализ становления и развития)».

И еще один важный сюжет, в котором философско-инновационная деятельность В.Е. Давидовича представлена наиболее ярко. Несомненно, что в рамках ростовской философской школы это самый коммуникативный, самый остроумный ее представитель. Это побуждает говорить об особом инновационном *методе тамады* в преподавании философии, обобщения которого прежде всего связаны с опытом профессора В.Е. Давидовича.

³⁰⁶ Труды XIII Чтений. Секция «К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». М., 1980. С. 3-13.

³⁰⁷ Труды XVI Чтений. Секция «К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». М., 1982. С. 97-104.

³⁰⁸ История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 782-797

Такая тема кажется парадоксальной, а для некоторых и почти кощунственной: как возможно сочетание застолья, тостов, всплеска эмоций с тем, что многие воспринимают как углубленное и отвлеченное от эмоций мышление, квинтэссенцию мудрости? Это в самом деле будет невозможно, если философию и философствование свести к одному определенному аспекту. Мне близка многоаспектная репрезентация философии. В свое время я попытался дать такое многоаспектное ее определение: «Философия – это особая система мировоззренческих знаний, отображающих мир на уровне всеобщего в виде философской картины действительности; философия – это особый тип теоретико-рефлексивного мышления, осуществляемый на уровне предельных абстракций с помощью философских категорий и обращенный как на понимание окружающего мира, так и на осмысление собственных оснований мышления; философия – это особый язык, умение пользоваться которым выступает одним из важнейших критериев профессионализма; философия – это особый тип деятельности, утверждающий ценности общечеловеческого гуманизма и мудрого отношения к окружающему миру и к себе, подчеркивающий универсальные возможности человеческого свободного развития. Философия проявляет себя в образе жизни и поведении людей, следующих принципам и ценностям выдвигаемых ими учений»³⁰⁹.

Прежде всего, в рамках последнего, философско-поведенческого, деятельностного аспекта и проявляются неповторимые, яркие, личностные характеристики философии в лице представляющих ее философов. Это не парадоксальные, а личностно-стилевые особенности. У профессора В.Е. Давидовича – это стиль тамады. В биографической книге: «Всеволод Евгеньевич Давидович» отмечается, что «Многие десятилетия в разных застольях и, прежде всего, в профессиональном кругу, он выступал как опытный и признанный тамада. Острый язык, его тосты и шутки запоминают и повторяют»³¹⁰. Однако уточним, кто такой тамада и в чем состоит метод тамады?

С этимологической точки зрения: «Тамада – заим. из груз. яз. в XX в. (ср. груз. Тамадоба – «старшинство во время пира»)»³¹¹; «Тамада – распорядитель пира»³¹². Итак, тамада – это ведущий праздничного стола на Кавказе. Но это не просто свадебный или юбилейный спикер. А нечто большее: это человек, организующий общение; он представляет гостей друг другу и обществу, одновременно подчеркивая выдающиеся достоинства гостей, пришедших поздравить виновника торжества и он создает эффект достойной свиты короля – виновника торжества; в то же время тамада – человек, создающий

³⁰⁹ Старостин А.М. Философия, ее роль в жизни человека и общества. Ростов н/Д., 1999. С. 32-33.

³¹⁰ Всеволод Евгеньевич Давидович.... – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2012. С. 45-46.

³¹¹ Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. С. 436.

³¹² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1982. С. 701.

атмосферу праздника, приподнятости над повседневностью; и, к тому же, это человек, который уводит от сутолоки в застолье, он создает обстановку общения, когда даже мысль о споре, скандале не должна приходиться в голову.

Хороший тамада – это железный организатор. Он одновременно мудр и авторитетен, подтверждая каждый раз заново этот авторитет и признание здесь и сейчас своими афоризмами, юмором, шутками, назидательными или смешными историями.

Профессор В.Е. Давидович формировал свой стиль, инструментарий подачи мыслей и смыслов во вполне определенную эпоху. Это время идеологизированной, авторитарной атмосферы, которую культивировало советское государство и общество. В этих условиях интеллигенция, интеллектуалы проявляли себя своеобразно. Известный исследователь, философ В. Кормер пишет о двоемыслии отечественной интеллигенции. Но проявлялось это не только в «кухонных беседах», которые отличались полярно от публичных проявлений, но и в публичных формах, характерных стремлением к шутливости, карнавализации, в эзоповом языке, анекдотах. Проф. В.Е. Давидович был признанный мастер, который владел репертуаром, позволяющим ему выразить любую мысль, которая в своеобразной философско-эстетической или фольклорной форме подвергала сомнению, критике наличествующие формы социального бытия и сознания.

За прошедшие годы значимость метода тамады не снизилась, а значительно возросла. Это связано по меньшей мере с двумя обстоятельствами: 1) обстановкой идеологического и мировоззренческого плюрализма, которая сформировалась и присутствует в нашем обществе в политических дебатах, в школьных и студенческих аудиториях, в научных дискуссиях. Что очень напрягает учителя, преподавателя, публичного политика. Их деятельности всякий раз должна предшествовать определенная прелюдия, психологическая адаптация, создание обстановки сообщества. В ролевом плане – это задача тамады, который должен организовать целевое общение на фоне если не праздника, то мажорной обстановки; 2) контекстом общения, характеризующим присутствием типологически разных интеллектов (рациональных, эмоциональных, мистических, кинестетических и т.д.)³¹³. Этот контекст характерен для ситуаций, где изучают философию представители самых разных профессий, профессиональных и ментальных культур. В условиях, когда абитуриенты в вузы отбираются по результатам ЕГЭ, а не живых экзаменов, организуемых профессиональным сообществом, когда и сама получаемая профессия не столь важна, сколь важен сертификат об образовании, приходится искать универсальные ключи для организации общения в крайне гетерогенных группах. Здесь-то и оказывается востребован метод тамады.

³¹³ См.: Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М., 2007.

К этому необходимо добавить, что «тамадизм» в преподавании сложно-теоретических (философских и гуманитарных) дисциплин нужен и в психологическом плане – для создания обстановки поиска, интеллектуального растормаживания, снятия боязни ошибиться. Для этого необходима психологическая прелюдия, психологическая подготовка, атмосфера привычности к философствованию; а в – контекстуальном плане – для введения в мир иронии, скепсиса, сомнения, неприятия на веру, парадоксальности суждений, двойственного отношения к философским текстам (и уважение к традиции, и критика – без этого не создать условий для формирования органичной, а не комментаторской философской идентичности); и – в текстуальном аспекте – для освоения философского языка, стиля мышления, овладения философским дискурсом и, в дальнейшем, для перехода на уровень философской импровизации в решении философских задач. Уроки остроумия в этом деле вещь незаменимая.

Говоря о манере профессора В.Е. Давидовича преподносить свой предмет: философию, культуру, человека, я все время вспоминаю, что в итоге каждого микросюжета, небольшого периода в его выступлении, мне все время хотелось мысленно сказать: так поднимем же бокал за то, чтобы глобальные проблемы разрешились! Или за то, чтобы почти вечное проклятье отчуждения человека отступило хотя бы на время! Или – за то, чтобы солнце свободы светило нам хотя бы утром! У В.Е. Давидовича под рукой всегда был большой арсенал философских шуток, историй, парадоксальных поговорок и афоризмов, многие из которых придуманы им самим. В ходу у него были приемы иронии и скрытой критики, излагаемые намеком, метафорой, эзоповым языком. Использовались приемы перестановки или замены частей пословиц («Одна голова – хорошо, а два сапога – пара»), шуточные определения, запоминавшиеся навсегда (например, о соотношении формы и содержания: «Нравится форма – бери ее на содержание»). Привлекались и афоризмы известных отечественных ученых, философов (Ландау, Капицы, Мигдала и др.). Словом, самые разные источники и приемы.

Нельзя сказать, что это было нечто совершенно исключительное. Склонность к афористичности, лаконичности и метафоричности характерна и для Гераклита, Демокрита, Ф. Бэкона, И. Канта, Ф. Ницше, К. Маркса. Но если у них это был некоторый «аппендикс», то у В.Е. Давидовича такой «аппендикс» вырос до внушительных размеров. От него он отталкивался и им же завершал, создавая неповторимую, очень яркую и, я бы сказал, смачную ауру философствования. А при необходимости, в очень серьезных и ответственных случаях такой смак легко перерастал в пафосность – этакие строго-торжественные, философско-аксиологические и философско-идеологические кружева.

Приведу для иллюстрации несколько сюжетов, притч, баек в духе В.Е. Давидовича. Они могут использоваться многофункционально: и для

завязки серьезного разговора, и для разрядки в случае кризиса внимания, и для подведения итогов, и для иллюстрации тех или иных положений.

1) О взаимодействии науки и практики, политических лидеров и народа.

Притча об индейцах и новом вожде. Умер в индейском племени вождь, и общество пожелало избрать нового вождя из числа родственников прежнего. Но, как назло, никого в племени не осталось. Тогда кто-то вспомнил, что у вождя есть племянник, который работает брокером в Нью-Йорке. Послали за ним. Он сказал, что должен познакомиться с местом проживания. Приехал, ему понравилось и он дал согласие стать вождем.

На следующий день приходит к нему делегация и говорит, что близится зима и нужно к ней подготовиться. Новый вождь спросил: «А что вы обычно делаете, как готовитесь?». Собираем дрова, – ответили индейцы. – Ну вот, и собирайте. – А сколько? – «Да как в прошлом году». Делегация ушла. А молодой вождь решил позвонить в метеобюро и справиться – какой ожидается зима. Там ему сказали, что – теплее обычного. Вскоре пришла делегация и сказала, что задание они выполнили и что им следует делать дальше? Вождь сказал: – Еще немного соберите. А сам опять позвонил в метеобюро. Там ему ответили, что по уточненным прогнозам зима будет холоднее обычного. Тогда вождь уточнил – откуда это стало известно? И в метеобюро ему ответили – Да индейцы, как сумасшедшие, заготавливают дрова!

2) На тему относительности истины, относительности мировосприятия и, вообще, принципа относительности.

Сидят в кубрике боцман и юнга. Юнга смотрит в иллюминатор и говорит боцману: – Боцман, смотри какая странная птица полетела!. Боцман говорит: – Это не птица, а осьминог! Юнга: – А что, разве осьминоги летают?. Боцман: – Да нет, осьминоги не летают. Это мы тонем!

3) О разных социокультурных парадигмах, о западниках и славянофилах.

Французскому радио задают вопрос: «Кто такая порядочная женщина?». Французское радио отвечает: – Порядочная женщина – та, у которой есть муж и любовник. Нет, – возмущается слушатель, – это падшая женщина! Да нет, – комментирует французское радио – падшая женщина – та, у которой муж и много любовников! Нет! – восклицает слушатель – это же пропащая женщина! Все не так, – говорит французское радио. – Пропащая женщина – та, у которой нет ни мужа, ни любовников! Да это же одинокая женщина! – не унимается слушатель. Французское радио тут же его поправляет: – Одинокая женщина – это та, у которой один муж!

4) О философских парадоксах; о ложных альтернативах. У И. Канта спросили: – Какие женщины более верные: блондинки или брюнетки? Ответ И. Канта: – Седые!

5) Об основном вопросе философии, субъективном идеализме.

Преподаватель вошел в аудиторию и сказал, что, поскольку закончено изучение курса философии, то студентам предстоит написать сочинение. Он поставил на стол стул и сказал: – Докажите, что этот стул не существует. Лучшая работа состояла всего из двух слов: – Какой стул?

6) Что такое нравственность, в чем суть религиозных учений и священных книг?

К Ребэ пришел прихожанин и сказал: – Ребэ, вот ты все говоришь: читай Тору, а я с трудом читаю, но в итоге ничего не понимаю. Не мог бы ты как-то покороче изложить содержание этой священной книги? Сын мой, – сказал Ребэ, – суть Торы состоит в следующем положении: не желай и не делай другому того, чего себе бы не пожелал и не сделал! – А все остальное – толкования.

7) О восхождении от конкретного – к абстрактному, от многообразного – к единому.

Сделана новая расшифровка заповедей на скрижалях. Новый перевод звучит так: – «Не» с глаголами пишется раздельно! Например, «Не убий», «Не прелюбодействуй»,».

8) О двух культурах: естественнонаучной и гуманитарной.

Если Вы написали статью, все ее положения понимаете и можете доказать, то смело посылайте ее в математический журнал. Если в Вашей статье Вы все понимаете, но не все можете доказать, то пошлите ее в физический журнал. Если в Вашей статье Вы выдвинутые положения не понимаете, но можете доказать – посылайте в экономический журнал. А если Вы и не понимаете, и не можете доказать – посылайте в философский журнал.

Подобные байки и афоризмы можно приумножать, группируя вокруг основных тематических полей философии. Недавно такую работу специально проделали гарвардские профессора Томас Каткерт и Дэн Клейн, издавшие книгу: «Как-то раз Платон зашел в бар...»³¹⁴. Профессор В.Е. Давидович мог бы такую книгу издать уже полвека назад. Но она осталась не изданной. Может, со временем такую книгу издадим мы и назовем ее так – «Однажды Давидович пришел на лекцию и сказал...».

Впрочем, следует подчеркнуть, что в своей известной книге «Методика преподавания философии», изданной в 1971 г.³¹⁵, В.Е. Давидович описал целесообразность применения метода тамады и границы его применимости. Цитируем наиболее важные его суждения на этот счет: «Допустимы ли в лекции крылатые слова, шутки, остроты? Безусловно. Лекция не панихида, она должна быть расцвечена, но и тут должно быть чувство меры, иначе получится

³¹⁴ Каткерт Т., Клейн Д. Как-то раз Платон зашел в бар...: Понимание философии через шутки. М., 2012.

³¹⁵ Давидович В.Е. Методика преподавания философии. Ростов н/Д., 1971.

так, что хлесткие афоризмы запомнили, а смысл забыли. Если остроты забывают мысль – лучше не острить. Еще Гегель заметил, что нет большего оскорбления для истины, чем доказывать ее анекдотами. Этого забывать не стоит»³¹⁶.

Но не стоит забывать и то, что человек – это стиль! И то, что хорошо для философа Гегеля, совсем не годится для яркого, жизнелюбивого, ироничного и остроумного философа В.Е. Давидовича. Впрочем, В.Е. Давидович это хорошо понимал, подчеркнув там же: «Конечно, лектор прежде всего должен знать “свой предмет”. Его лекция – это прежде всего выражение знаний лектора, богатства его личности, точности мысли, теоретического лица и политической целеустремленности. Но без овладения стилистикой и орфоэпией, без умения практически владеть ими все знания лектора останутся “тайной за семью печатями”»³¹⁷.

Резюмируя все выше сказанное о методе тамады, выделим основные ситуации, где этот метод прежде всего уместен:

- прелюдия, завязка, подводка к проблеме;
- переход к резюме, создание итогового концептуального образа и подкрепление его эмоционально;
- формирование личностного ряда, философские персоналии – сначала через легенды, афоризмы, предания;
- формулировка опорных определений, законов, тенденций – ассоциативное их закрепление;
- создание проблемных ситуаций, подводка к парадоксам. Использование в купе с задачами, в т.ч. шутивными;
- постановка задачи абстрагирования: уйти от образа, метафоры – к понятийно-категориальной форме;
- переключение внимания, преодоление кризиса внимания, элементов стихийности в поведении аудитории;
- воспитательные вводные, когда «не царское дело философа» назидать, читать нотации, одергивать, а нужно одним словом, «касанием» привести в чувство, поставить на место и т.п.

И последнее. В арсенале методики преподавания философии, кроме «метода тамады», есть ряд других. В числе ключевых – «метод Сократа» – знаменитая майевтика, комплекс приемов проблематизации обучения; «метод А. Швейцера» – приручения, личностного обаяния и ответственности за тех, кого «приручили» (см. Антуан де Сент-Экзюпери), и т.п. Было бы хорошо, если мы объединили бы усилия в разработке человекообразных, ориентированных как на богатство содержания философии, так и на богатство человеческого восприятия, понимания и мышления, методов преподавания. Прекрасный урок и опыт в этом плане оставил нам профессор В.Е. Давидович.

³¹⁶ Давидович В.Е. Методика преподавания философии. С. 39-40.

³¹⁷ Там же. С. 47.

3.6. Философско-когнитологические исследования Е.Я. Режабека

Профессор Е.Я. Режабек является одним из наиболее ярких представителей Ростовской философской школы. Он является примером глубокого ученого-философа. Затрагивая некоторые данные из его научной биографии, отметим, что он является создателем научной школы, в рамках которой непосредственно подготовил 5 докторов наук и свыше 50 кандидатов наук. Он автор около 150 научных публикаций, в числе которых 7 монографий («Некоторые вопросы теории гипотезы», «Научный поиск», «Мифомышление. Когнитивный анализ», «В поисках рациональности», «Когнитивная культурология» и др.). Он был руководителем Проблемного совета «Методологические проблемы теории и истории мировой и отечественной культуры» Министерства высшего образования России (1975–1990), руководителем отделения общественных наук при СКНЦ ВШ (1970 – 1991) и внес большой вклад в организацию и координацию гуманитарных исследований на Юге России. В течение своего 60-летнего творческого пути он неоднократно обновлял направления своего научного поиска: разработка теории гипотетического знания и исследование структуры научного поиска с позиций диалектической логики; развитие концепции органических систем и ее приложение к социальным системам; участие в разработке проблем языкового мышления; выход на рубежи исследования архаичных форм мышления в когнитивно-эволюционном аспекте и, наконец, в последние годы, это обобщающая работа по когнитивной культурологии.

Следует подчеркнуть, что при всем разнообразии обозначенных сюжетов, в их исследовании неизменным оставался эпистемологический ракурс рассмотрения. Что в итоге, в рамках всего корпуса работ Е.Я. Режабека, создало объемный когнитологический образ человеческой деятельности в ее генезисе и последующем развитии.

Я бы назвал данную авторскую философскую систему Е.Я. Режабека – гуманитарной когнитологией, к числу немногих ее основоположников он несомненно относится. В этой связи нельзя не сказать о том, что когнитология вообще и гуманитарная, в частности, оказались в эпицентре фронта научной деятельности в целом.

В процессе проработки проблем взаимодействия естественного и искусственного интеллекта в последнее десятилетие стали формироваться приложения когнитологии к различным областям управления, проектирования, научного и опытно-практического поиска в виде когнитивного подхода, когнитивной аналитики.

Ныне говорят о когнитивной бизнес-аналитике (соответствующие кафедры бизнес-аналитики созданы в ВШЭ и РЭА им. Г.В. Плеханова)³¹⁸, когнитивном подходе в менеджменте, политике³¹⁹ и культурологии³²⁰, концептуальном управлении и оргорузии³²¹.

Таким образом, когнитивная аналитика выступает в качестве прикладной области общей когнитологии. Эти приложения когнитологии ориентированы на ту или иную предметно-дисциплинарную область (экономика, политика, международные отношения, культурология, военное дело и др.)

В этой связи следует подчеркнуть роль представителей Ростовской философской школы в разработке проблем гуманитарной когнитологии и когнитивной аналитики.

Речь идет о работах Е.Я. Режабека, А.А. Филатовой³²², В.А. Шкуратова³²³, которые исходят из основополагающего тезиса об определяющей роли культуры в процессе познавательной деятельности. Сами названные авторы полагают, что к родоначальникам отечественной когнитивной теории следует отнести труды А.Р. Лурия, В.С. Выготского, Ю.М. Лотмана, а также широко известного ростовского философа и науковед М.К. Петрова.

Исходя из трудов своих предшественников, Е.Я. Режабек и А.А. Филатова в большой работе «Когнитивная культурология» раскрывают основные уровни влияния культуры на когнитивные процессы и выявляют когнитивные формы, в которых воплощается культура. Среди них анализируются такие основные формы, как фреймы, модели, сценарии, схемы, концепты, такие культурные феномены языка, как метафоры, фразеологизмы, символы. Авторы, определяя свою программу деятельности, подчеркивают: «... Мы развиваем смысловую концепцию культуры, которая сформировалась в пределах когнитивной парадигмы. Когнитивные науки представляют на сегодняшний день одно из самых перспективных междисциплинарных направлений»³²⁴.

Должно быть ростовские философы, занимающиеся гуманитарно-когнитологической проблематикой, вполне могут разделить программный тезис, выдвинутый Е.Я. Режабеком, транспонируя его действие в свои области

³¹⁸ Когнитивная бизнес-аналитика. М., ИНФРА-М, 2010. 511 с.

³¹⁹ *Пушкарёва Г.В.* Когнитивные механизмы репрезентации политической деятельности в сознании индивида / Политика. Государство. Управление. М.: ИД КДУ, 2014. С. 54-77.

³²⁰ *Режабек Е.Я., Филатова А.А.* Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010; *Джерард П. Ходкинсон, Пол Р. Сперроу.* Компетентная организация: психологический анализ стратегического менеджмента. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.

³²¹ *Овчинский В.С., Сундиев И.Ю.* Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века // Изборский клуб. 2013. № 6. С. 47-66.

³²² *Режабек Е.Я., Филатова А.А.* Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010.

³²³ *Шкуратов В.А.* Новая историческая психология. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2009. 208 с.; *Шкуратов В.А.* Психология в истории культуры и познания. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2011. 268 с.

³²⁴ *Режабек Е.Я., Филатова А.А.* Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010. С. 11.

исследований: «Когнитивная культурология имеет не только теоретический потенциал, но и практический».

Одной из основных практических задач когнитивной культурологии, по нашему мнению, должен стать поиск средств и форм, обеспечивающих успешную интеллектуальную деятельность, а также выявление препятствий на пути формирования интеллекта и поиск путей их преодоления»³²⁵.

Интересна творческая эволюция Е.Я. Режабека, начинающаяся от крупных работ в области эпистемологии и истории науки («Некоторые вопросы теории гипотезы», «Научный поиск»), где выявляются алгоритмы научной деятельности, способствующие формированию, хотя и односторонних (в смысле – абстрактных), но адекватных предмету образов. Прозрачен и подконтролен разуму и результат (образ) и путь к нему (операции эмпирические и логические). Но это предметная адекватность. А как быть в случае системных объектов, где нужен синтез, интеграция предметно-интенциональных алгоритмов? Е.Я. Режабек исследует категорию органической системы на примере капиталистической формации.

Рассматриваются методологические ресурсы, предложенные Г. Гегелем и К. Марксом. Исследуются возможности и границы (условия применимости) метода восхождения от абстрактного к конкретному как синтетического метода и способствующих ему алгоритмов. Это выход на новый уровень методологической прозрачности, но одновременно выявляются контекстуальные проблемы. Иначе говоря, логические операции, даже самые сложные, всегда погружены в синтез условий, которые мы называем протологическими, эмпирическими и неподконтрольно-творческими. Если мы хотим реконструировать сложно-системный, синтетический путь познания, мы должны отойти от предметно-аналитических аналогов, выйти на иной когнитивный уровень.

Так появляется не вполне философский подход, а порой и совсем не философский подход к постижению природы познания, познавательной деятельности. И область, и метод ее репрезентации должны быть ей адекватны. Речь идет о когнитологии, когнитивистике – используются разные названия. Но есть и разные пути к ней: от науки об искусственном интеллекте; от когнитивной психологии; от структурной лингвистики; от антропологии; от эпистемологии. И истории этой уже более тридцати лет. Одним из первых в нее погрузился из гуманитариев – Е.Я. Режабек. Он идет и от своего опыта эпистемологических и научно-методологических изысканий, и от эволюционной эпистемологии, и от опыта постижения органических систем, к числу которых, несомненно следует отнести и эволюционирующую способность к разумности.

³²⁵ Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетей, 2010. С. 13.

Е.Я. Режабек погружается в когнитологические исследования мифомышления как более ранней ступени человеческого когнитивного моделирования мира. Опыт исследования мифомышления показывает не только профессиональную пригодность философии в решении проблем искусственного интеллекта (ИИ), но и невозможность дальнейшего продвижения в этой области без опоры на философский ресурс. Ибо только философия оказывается пригодна к синтетическим операциям в полном объеме. А область ИИ именно основа, она носит глубинно-междисциплинарный характер.

Завершая свое когнитологическое исследование мифомышления, Е.Я. Режабек делает принципиальный для когнитологии в целом вывод: «Предыдущее изложение показало, что гипотезу о *ступенчатой* эволюции когнитивности можно считать хорошо подтвержденной. Происходящая *рывками* эволюция когнитивности свидетельствует как о стадийных утратах, так и стадийных приобретениях. В долговременной перспективе и те, и другие ведут к постепенному (происходящему шаг за шагом) устранению погрешности паттернов родового сознания и соответственно к нарастанию объема эмпирически адекватного знания о мире»³²⁶. И этот вывод, и весь материал монографии Е.Я. Режабека, несомненно, очень важны для дальнейшего продвижения когнитологии, ибо здесь с позиций философии, гуманитарной культуры показаны существенно важные аспекты человеческого мышления, которые мы стремимся смоделировать в компьютерных устройствах.

И еще важно подчеркнуть как совершенствуется от исследования к исследованию «метод Режабека». Это, конечно, метод глубокого погружения в предметный материал. Уже в первой его монографии, где анализировалась теория гипотезы, изучался и обобщался материал истории химии: классического и неклассического этапа. И, прежде всего, история открытия Д.И. Менделеевым периодического закона. Материал монографии насыщен химической терминологией, более 40 % библиографического аппарата относится к химии и физике. Для последующих работ – это социально-экономический материал. Монография о мифомышлении насыщена литературой по нейролингвистике, психофизиологии, этнографии и антропологии, культурологии и эпистемологии. В структуре работы фигурируют специальные термины: «симультанно-недискретные» и «сукцессивно-дискретные» способы обращения с информацией; «моторно-гаптические средства», «гаптически-изобразительное восприятие», «ономастико-изобразительное видение» и т.п.

Мы знаем, что для многих выдающихся классических и современных мыслителей метод погружения в предметный и межпредметный материал – обязательный ход исследований. Вспомним экономические и математические рукописи К. Маркса («Для уяснения вопросов самому себе»).

³²⁶ Режабек Е.Я. Мифомышление. Когнитивный анализ. – М.: URSS, 2002. С. 266.

И еще один аспект стоит отметить в поисках Режабека. Это сопоставление поисков когнитивных кодов М.К. Петровым и Е.Я. Режабеком. У М.К. Петрова в его известной формуле эволюции этих кодов («личностно-именной» – «профессионально-именной» – «универсально-понятийный») доминирует, пожалуй, линейно-эволюционный подход и опора на сравнительно-культурологический и структурно-лингвистический подход. Для Е.Я. Режабека характерна опора на 4-5 дисциплин, входящих в круг современной когнитивистики и задействование диатропического подхода: этап когнитивного развития → ветвление на разные парадигмы и конкуренция между ними → выход на новый этап → и т.д. В результате мы имеем две разных гуманитарно-когнитологических модели, что составляет богатство ростовской философской школы, в рамках которой работали два выдающихся мыслителя.

Выше уже отмечалось, что Е.Я. Режабек в своих исследованиях опирался на метод синтеза предметно-дисциплинарного материала. Это какой-то из вариантов диалектического метода восхождения от абстрактного (одностороннего) к конкретному (многостороннему) знанию – образу объекта. В истории науки ученых, работающих на междисциплинарном уровне, очень мало, а работающих «по системе» – почти нет. Этот стиль мышления может быть обозначен как *компликативный* (от англ. – complicate – усложнение, сложность). В этом плане Е.Я. Режабек – ученый-компликатор.

Есть, конечно, и противоположные примеры. Л. Ландау считал себя «тривилизатором» – ученым, который может подняться на высокий уровень абстрагирования, упростить реальность до простой схемы и найти в ней наиболее важное звено, причину. В диалектической терминологии – найти исходную «клеточку». А Е.Я. Режабек мог воссоздать из «клеточки» целое.

Заключая очерк о Е.Я. Режабеке как одном из основоположников гуманитарной когнитологии, следует подчеркнуть, что именно усилиями таких исследователей удалось придать новый импульс когнитологическим исследованиям, поскольку «Основным вектором в развитии современной когнитивной науки можно считать ее возвращение от абстрактной “системы переработки информации” обратно к человеку – существу, наделенному физическим телом с определенными анатомическими и физиологическими особенностями, имеющими определенные потребности, испытывающими эмоции, наконец, включенному в социум и находящемуся в непрерывном взаимодействии с другими людьми, а также развивающемуся в этом взаимодействии»³²⁷.

И еще одно заключительное суждение. Размышляя о гуманитарно-когнитологических исследованиях Е.Я. Режабеком мифомышления, культуры в целом, мы вольны думать и о том, что им зарезервированы когнитологические исследования философской деятельности.

³²⁷ Фаликман М. Когнитивная наука: основоположение и перспективы // Логос. Философско-литературный журнал. 2014. № 1. С. 15.

3.7. Традиции и инновации в разработке диалектической логики в творчестве А.М. Минасяна

В фундаментально-философском творчестве прежде всего в рамках гегелевской и марксистской традиции центральное место принадлежит философским категориям.

Концепцию о диалектике как логике ведущие отечественные философы обосновывали не как бы глядя со стороны, извне на принцип единства диалектики, логики и теории познания, а излагали в виде материалистически интерпретированного движения от одной группы категорий, более «бедной», абстрактной по содержанию – к последующим, более конкретным содержательно «богатым». Тем самым и была изложена диалектическая логика как схема синтетической деятельности разума. Например, в широко известных работах ростовской философской школы 60-х – 90-х гг.: – «Диалектическая логика» (1966) и индивидуальных – А.М. Минасян. «Диалектический материализм» (в 3-х тт., 1972-1976) и «Диалектика как логика» (1991) изложены результаты диалектико-логических изысканий.

Среди основных признаков философских категорий подчеркивались те положения, что «категории диалектического материализма являются формами не всякого мышления, а теоретического, научного мышления, не рассудка, а разума...»³²⁸, что они «несут методологическую нагрузку, выступают как всеобщие логические принципы познания, вооружающие частные науки диалектико-материалистической всеобщей методологией, являясь логикой современного научного познания»³²⁹.

Данные суждения весьма существенны для разведения разных «логик», о которых высказано было столь много суждений в спорах о специфике формальной и диалектической логики в рамках советской философии.

Как видим, у профессора А.М. Минасяна обозначена весьма четкая концептуальная позиция: диалектическая логика востребована для весьма сложных ситуаций теоретического мышления, где необходимы сложносистемные формы теоретического анализа и синтеза.

И по сей день в авторефератах кандидатских и докторских диссертаций, прежде всего по гуманитарным наукам, соискатели, описывающие используемый теоретико-методологический инструментарий, указывают на принципы единства исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкретному. Честно говоря, это чаще декларация. Но есть и устоявшаяся традиция, которая напоминает каждому исследователю (а каждый исследователь еще и сам себе) о том, что критериями выхода в сферу

³²⁸ Минасян А.М. Диалектика как логика. Ростов н/Д, 1991. С. 47.

³²⁹ Там же. С. 48.

именно научно-теоретического мышления выступают отчетливо просматриваемые признаки диалектической логики.

При этом заметим, что крупные, наиболее известные исследователи диалектической логики (М.М. Розенталь, Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, Л.К. Науменко, А.С. Арсеньев, Г.С. Батищев, Ф.Т. Михайлов, Ж.М. Абдильдин, М.Б. Туровский, А.М. Минасян) отчетливо понимали, что процесс формирования диалектической логики носит открытый характер, и мы находимся на начальных его этапах. К этому стоит добавить, что в сфере философских исследований высших уровней мышления концепции диалектической логики придерживаются в основном сторонники марксистской и гегелевской (неогегелевской) философских парадигм.

В наше время, время дистанцирования от марксизма, многие исследователи считают «диалектическую логику» если не анахронизмом, то неким метафорическим комплексом – компендиумом ряда приемов философского мышления, объединенных под метафорическим названием «диалектическая логика». Можно спорить по этому поводу, но в современной «Новой философской энциклопедии» в 4-х т. (М., 2010) и «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (М., 2009) отсутствуют не только соответствующие статьи и определения о диалектической логике, но и присутствуют уничижительные суждения о диалектическом материализме («от него отказались (в конце 80-х гг. XX в. – А.С.) без особых споров и упреков, и это “передовое учение” рассыпалось, как изветшавший и безжизненный дом»³³⁰).

Как отнестись в таком случае к наследию, например, профессора А.М. Минасяна в области диалектической логики и категориологии? Как бы он сам отнесся к той ситуации, когда последовательные адепты теоретического марксизма и диалектики выглядят порой как сторонники некоей философской секты? А может быть сам Артавазд Михайлович был глубоко прав в своем экзистенциальном кредо: «Я могу твердо ответить, что человек моего поколения, если он честен перед собой, счастливым быть не может. Вот я озаглавил эту книгу вопросом “Как я уцелел?”. Да разве это относится только ко мне? Нет, это относится к любому, выжившему в той войне с народом и в той войне с Гитлером»³³¹.

Положа руку на сердце, многие представители уже следующих поколений, могут согласиться с этим суждением по- существу. А что, разве с завершением XX века война против народа и против России завершилась? И если профессор А.М. Минасян с огромным трудом пробивал утверждение в жизненной практике и в мышлении принципов, методов, инструментария сложносистемного мышления, сталкиваясь с невежеством, косностью, властолюбием, то не продолжается ли то же самое, но в иных формах и когда

³³⁰ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 189.

³³¹ Минасян А.М. Как я уцелел. Ростов н/Д., 2006. С. 167.

стало возможным отбросить даже намеки на сложную культуру деятельности и мышления?

Об этом стоит подумать, размышляя о подлинном значении теоретического и мировоззренческого наследия проф. А.М. Минасяна, Е.Я. Режабека, В.Е. Давидовича. Очевидно, что суждения об этом могут быть толерантно восприняты лишь в определенной системе ценностных координат. Так может быть стоит напомнить старое мудрое правило: «Не мечите бисер перед свиньями?». Думается, что все же следует разобраться с тем, что происходит в сфере сложно-теоретического мышления, о путях и этапах развития разума. Попробуем это сделать, пытаясь вписать результаты уже пройденного в сфере диалектической логики и марксистской категориологии в последующую логику развития проблемной сферы, к которой они относятся. Уместно это сделать в тезисной форме ввиду необходимости высказываний в лаконичном формате.

1. Подчеркнем особенности эпохи, начавшейся еще в конце XX в. и характеризующей социально и мировоззренчески, как эпоха глобального общества. Это переход от индустриального общества к информационному и, вместе с тем, обозначение множества разных точек роста (социокультурного, мировоззренческого, ментального) в этом процессе. Одна экономическая и социокультурная тотальность должна смениться другой, но через хаотизацию исходных форм и рост новых. Мы, как наблюдатели и акторы попали в волну частичного разрушения, распада старого и выстраивания нового, но не моментального, скачкообразного, а эволюционного, построенного на борьбе, пробах и ошибках, отборе наиболее эффективных для будущего форм жизнедеятельности.

По сей день и в России, и в окружающем мире все еще доминирует хаотизация, конкуренция и отбор. Эпистемологически востребуются в понимании этих процессов номиналистические схемы; мировоззренчески доминирует постмодернизм, плюрализм; политически приемлемые схемы – апология демократии, конкуренции.

Но уходит ли в связи с этим потребность в диалектике? Да нет, нужны по-новому осмысленные ее формы. Это уже не «алгебра революции» (революция как некий тотальный процесс), а «алгебра бифуркации» с соответствующим категориальным аппаратом. И многие заметили, что гуманитарная версия синергетики как бы пришла на смену прежней диалектики и претендует на роль новой метафизики. Но получается ли у нее новая роль? Пока нет, поскольку оказалась прервана преемственность с фундаментальной философией. А категории синергетики пока в лучшем случае выполняют функции общенаучных понятий, о которых многое писалось в конце 70-х – 80-х гг. XX в.

На наш взгляд, пока мы не восполним пробелы между диалектикой и категориологией середины XX в. (будем говорить об их еще классических

формах, принадлежности к классическим формам философской диалектики) и современными пробами на роль логики науки, логики развития, процессы адекватного, разумного понимания происходящих процессов в глобальном и локальном социуме, культуре, познании не будут достигнуты. Стартовать все-таки придется от высших достижений наших предшественников, учителей и их *диалектического* (а не метафизического, разрушительного) отрицания.

2. Что нового придется привнести в категориологию как содержательную часть диалектической логики? Есть определенный смысл в продолжении уже намеченной в категориологии традиции сосредоточиваться не на выделении и сравнении предметов, уровней, объектов, а на их отношениях, связях, фиксируемых категориально. Например, субординационных и координационных отношениях, на чем сосредоточены были отечественные диалектические логики. Нельзя считать законченными (они, скорее лишь обозначены) проблемы критериев категориальности, особенностей общенаучных понятий, контекстуальных аспектов категориальных систем.

3. Не удалось пока существенно продвинуться в направлении синтеза или установления отношений дополнительности между подходами к категориальным системам, разрабатываемым в рамках рациональных и т.н. иррациональных философских систем. Например, между категориями как характеристиками бытия в логосе сущего и экзистенциалами (М. Хайдеггер), эксплицирующими структуру понимающего бытия. В связи с нарастанием значимости в современных исследованиях познавательного контекста, алгоритмов понимания, интерпретации и реконструкции смыслов указанная тематика, которая развивалась в рамках философии жизни, герменевтики, экзистенциализма, приобретает особую значимость. Тем более, что она не получила своего завершения в разработке в рамках отмеченных философских парадигм³³².

Подталкивают к поиску новых синтетических образов трактовки объекта и субъекта, которые не разводятся в оппонирующие, противоположные отношения, а, напротив, взаимодействуют на той или иной основе, а то и взаимопроникают. В особенности это связано с интенсивным изучением информационных процессов, управления в разных сферах бытия, разработкой информационной картины мира.

4. Потенциально расширяют проблемное поле неклассической диалектической логики и категориологии новые исследования в области природы естественного интеллекта и быстро развивающиеся исследования и моделирование искусственного интеллекта и иных видов естественного интеллекта.

³³² См. об этом подробнее: Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. М.-Ростов н/Д - Н. Новгород, 2012.

В частности, речь идет о концептах множественности интеллектов, эмоционального интеллекта, социального интеллекта³³³. Место одномерной европоцентрической трактовки разума, сформированной в контексте эпохи Просвещения, начинают занимать многомерные трактовки сложносистемного разума, формирующегося в рамках различного цивилизационного опыта и, соответственно, выступающего в разных проектно-конструктивистских парадигмах.

Многообразный мир философской деятельности, включающий различные парадигмы философствования: Западную и Восточную, рациональные и иррациональные – сам выступает как диатропическая модель теоретического (или, шире говоря, когнитивного) опыта, который реализуется широко в разных видах цивилизационной практики.

Обращаясь одновременно и к отмеченным сюжетам, требующим разработки, и к нашим философским традициям, которые неизбежно сказываются и на нашем современном мировосприятии, хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что Ростовская философская школа оставила нам не только результаты в виде текстов монографий, статей, учебников, в которых содержится налет времени, пафос ситуаций, конкретный разрабатываемый материал. Она оставила нам много большее – и, прежде всего, образцы философского образа жизни и поведения в ситуациях, где требовались величайшая мобилизация человеческого духа, концентрация всех усилий для сохранения своей идентичности и, как говорят на Востоке, сохранения своего лица.

Авторская библиография

Старостин А.М. Современная прикладная философия как философская инноватика. Научно-учебное издание. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015 (Раздел III. Прикладная философия в персоналиях).

Старостин А.М. Идеи Ю.А. Жданова и современные проблемы глобальной экологии // В сб. «Ю.А. Жданов и проблемы экологии». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2017.

Старостин А.М. Нужна ли наука в постиндустриальном обществе (о социальном сциентизме Ю.А. Жданова и современном социальном антисциентизме) // Государственная служба. 2013. № 5.

Старостин А.М., Чанны Е.В. Е.Я. Режабек – философ, учитель, человек // В сб. «В кругу Юрия Андреевича Жданова: учителя, сподвижники, ученики». – Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2013.

Старостин А.М. Философская инноватика как новый вид дискурса в исследованиях постсоветских философов // В сб. «Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

³³³ См.: Gardner H. Intelligence Refrained. N.-Y., 1999; Альбрехт К. Социальный интеллект. М., 2011.

Старостин А.М. М.К. Петров и философская инноватика // В сб. «Историко-философские исследования творчества М.К. Петрова в горизонте проблем современности (XXV Петровские чтения)». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

Старостин А.М. В.Е. Давидович и развитие современного космизма // В сб.: «Человек, свобода, культура». – Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2012.

Старостин А.М. Э.В. Ильенков и философская инноватика // Ильенковские чтения-2010. Киев, 2010.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Категории в классическом и постнеклассическом философском дискурсе // В кол. моногр. «Философские проблемы социального, политическолого, экономического развития: реалии современности. К 100-летию со дня рождения А.М. Минасяна». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013.

Старостин А.М. Е.Я. Режабек как один из основоположников гуманитарной когнитологии // В кол. монографии «Культурно-созидательный потенциал философии». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014.

РАЗДЕЛ IV

ПРОБЛЕМНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОБЛАСТИ (КЕЙСЫ) ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФСКОЙ ИННОВАТИКИ

4.1. Философия науки и эпистемологическая инноватика

Одним из наиболее влиятельных течений прикладной философии выступает философия науки. Инновационные разработки в этой сфере одновременно осуществлялись и продолжают осуществляться и выдающимися учеными, и философами. Философия науки на сегодняшний день выступает как наиболее развитая и востребуемая область философской инноватики.

Философия науки: предмет, эволюция, современные парадигмы

Наука играет огромную роль в жизни современного общества. В последние десятилетия в самой науке и в ее воздействии на различные сферы практики произошли грандиозные подвижки: на основе глубоких теоретических исследований микромира, Вселенной, человека и общества удается очень быстро, на протяжении жизни одного поколения существенно обновить техническую среду, культуру, инфраструктуру производства и повседневной жизни. Можно с уверенностью сказать, что без науки и научных исследований человечеством ныне не осуществляется ни один значимый шаг вперед. Однако при определении науки мы сталкиваемся с весьма значительным разнобоем взглядов. Прежде всего нужно отметить, что наукой называют любую систему рациональных знаний или даже область систематизированных знаний. В этом случае говорят о древней науке, об античной науке, о средневековой науке и т.д.³³⁴ Между тем, более обоснованной можно считать точку зрения, связывающую появление науки со становлением индустриального общества в Западной Европе и эпохой западноевропейского Нового времени.

Широко известна точка зрения, высказанная в науковедении 60-х гг. XX в., о том, что наука – это продукт западного общества и о том, что ее появ-

³³⁴ См., например: *Касавин И.Т.* Формирование междисциплинарной парадигмы по теме «Наука и иные формы мышления» / Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур. М., 2008.

ление тесно связано с появлением нового вида практической деятельности – научным экспериментом, который так и не сложился в традиционных культурах Востока. И что именно научный опыт, сопряженный с новыми структурами рационально-теоретического мышления способствовал становлению инновационного общества. Последняя точка зрения, выделяющая науку из числа других видов познавательной деятельности, рассматривающая науку как относительно молодой (имеющий начало в XVI – XVII вв.) вид деятельности, получила воплощение в целом ряде областей знания, изучающих саму науку. Следует отметить, что в 60 – 70 гг. XX в. оформились такие дисциплины, как история науки, логика науки, социология науки, психология науки, экономика науки, науковедение и наукометрия. Наконец следует говорить о философии науки, как особой методологической и мировоззренческой области философии, направляющей свои усилия на постижение специфики научно-познавательной деятельности, обобщающей результаты конкретных исследований науки и рассматривающей данную проблематику с позиций того или иного философского направления, философской школы.

В этом смысле следует подчеркнуть, что наука выделена и осознается в современной культуре как особый объект и изучается в различных предметных ракурсах. Различные предметные проекции науки и научной деятельности позволяют выделить, по меньшей мере, три основных аспекта бытия науки: науку как познавательную деятельность, как социальный институт и как особую сферу культуры (научную субкультуру)³³⁵. В этом отношении наука, с одной стороны, может быть определена как особый тип духовного производства по достижению новых (истинных) знаний с помощью системы научных методов, а также продуцирующий новые научные проблемы и задачи; с другой стороны, наука – это система деятельности, организуемая с помощью научных обществ, академий, других научных организаций (лаборатории, научные журналы, конференции) и осуществляемая при поддержке общества и государства; с третьей – это особая субкультура, образуемая на базе идеалов и норм научного мышления, правил, ритуалов и традиций поведения ученых, складывающихся в итоге в особую профессиональную культуру и этику ученого.

Столь сложная репрезентация научной деятельности и научного мышления требует для обоснованного синтеза полученных представлений и знаний о развитии науки разработки философско-методологического и философско-мировоззренческого подхода, в рамках которого может складываться та или иная версия частнонаучного знания о самой науке. Следует подчеркнуть, что сама философская рефлексия может складываться как с позиций апологии науки (веры в науку как безусловную ценность и источник строго истинного знания), так и ее критики (рассмотрения науки лишь

³³⁵ См., например: Рузавин Г.И. Философия науки. М., 2005. С. 6–9.

как одного из источников знания, в рамках которого может процветать догматизм и схематизм мышления), что дает основания само философское знание о науке дифференцировать на сциентистскую и антисциентистскую версии.

Рассмотрение философии науки с позиций ее развития позволяет рассматривать ее в двух ракурсах: с одной стороны, как подраздел такого традиционного раздела философского знания – гносеологии. В этом плане можно говорить о гносеологии научного познания, о сравнительной гносеологии (гносеологическая компаративистика) и т.п. С другой стороны, начиная с XVI – XVII вв., когда интенсивно протекает становление классической науки, формируется представление о сложной структуре научного знания и особых процедурах его получения. Речь идет об осознанных, обоснованных и надежных алгоритмах познавательных действий, которые востребуются именно в науке и требуют специальных действий по их осознанию и применению. Поэтому область философии, концентрирующая усилия на изучении научного познания, получает наименование *эпистемология науки*. В современной терминологии нередко под философией науки понимают именно эпистемологию науки.

Однако, имея в виду изыскания последних десятилетий, проведенные не только в философии, но и в истории науки, социологии науки и других отраслях знаний о науке и, прежде всего связанные с изучением научных революций, следует признать отождествление философии науки с эпистемологией науки зауженным. Поэтому можно вести речь о более широком взгляде на предмет философии науки. В частности, известный философ и методолог науки, профессор Г.И. Рузавин дает такое определение: «Философия науки имеет своим основным предметом исследование общих закономерностей по производству, проверке и обоснованию научного знания на разных этапах истории развития общества»³³⁶. С таким определением в качестве первого приближения нужно согласиться. Но, имея в виду многоаспектность научной деятельности, ее изменчивость в процессе исторической эволюции, а также многообразие философских позиций, с которых осуществляется научно-философская рефлексия, следует дать более развернутое определение:

Предметом философии науки является вычленение и анализ общих закономерностей и тенденций научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте с позиций той или иной философской парадигмы.

Данное определение развивает и дополняет определение известного отечественного философа и методолога науки, академика В.С. Степина³³⁷.

³³⁶ Рузавин Г.И. Философия науки. М., 2005. С. 10.

³³⁷ См.: Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 8.

Рассматривая предмет философии науки, прежде всего, следует отметить его эволюционные изменения.

Первый этап связан со становлением классической науки и переосмыслением в связи с этим всей гносеологической проблематики в рамках классического рационализма и классического эмпиризма (Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте) с учетом первых эффективных образцов научной деятельности (Н. Коперник, Г. Галилей, И. Ньютон, П. Лаплас). В итоге были созданы предпосылки для формирования философии науки в качестве особой области философского знания. Первые попытки такого оформления были предприняты в XIX в. усилиями Дж. Ст. Милля, О. Конта, Г. Спенсера, Е. Дюринга, Ф. Энгельса и по большей части сконцентрированы в позитивистской философии, которая и выдвинула особую программу создания «позитивной философии науки», что выразилось в особом внимании к изучению научных методов и их перенесению в структуру философского знания и познания.

Второй этап в развитии философии науки связан с революцией в физике начала XX в. и становлением неклассического естествознания. Если на первом этапе (конец XVI – середина XIX вв.) классическая философия науки разрабатывалась в основном усилиями философов, хорошо ориентировавшихся в научной проблематике, то на втором этапе (начало XX в. – 30-е гг. XX в.) основной импульс становлению неклассической философии науки дали ученые-естествоиспытатели, хорошо ориентировавшиеся в философской и логической проблематике (А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, А. Пуанкаре, В.И. Вернадский, К. Поппер, Л. Витгенштейн и др.). Именно осмысление новых принципов познания неклассических объектов познания и научных регулятивов в неклассических условиях познания (принципы соответствия, дополненности, неопределенности, процедуры верификации и фальсификации) позволили оформить проблематику и методы неклассической эпистемологии, с которой вплоть до 60-х гг. XX в. в значительной мере отождествляли философию науки.

Третий (современный) этап эволюции философии науки связан как с дальнейшей разработкой проблематики неклассической эпистемологии (антропный принцип, нестационарные объекты и синергетические закономерности), так и со значительным расширением проблематики философии науки в социокультурную область, а также в область психологического и лингвистического контекстов научной деятельности (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд). И здесь усилия философов и историков науки сочетаются с методологической и философской рефлексией крупных ученых нашего времени.

В развитие современной философии науки наиболее значительный вклад внесли представители постпозитивистской философии науки с одной стороны (К. Поппер, И. Лакатос), с другой – исследователи, разрабатывавшие

проблемы значимости историко-научного и социокультурного контекстов (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Полани, Дж. Холтон), с третьей – диалектико-методологическая школа (Б. Кедров, П. Копнин, М. Петров, В. Степин). В последнее время набирает авторитет дискурсологический подход. Остановимся на более подробной характеристике представленных направлений.

Критический рационализм К. Поппера (1902 – 1994) является с одной стороны продолжением позитивистской традиции, с другой – попыткой преодоления затруднений, с которыми к 30-м гг. XX в. столкнулся неопозитивизм в понимании механизмов развития научного знания. К. Поппер занял критическую позицию по отношению к индуктивизму как методу построения научных теорий, принципу верификации, как надежному методу демаркации научного и ненаучного знания. К. Поппер в качестве метода надежной демаркации научного и ненаучного знания предлагает принцип фальсификации (опровержения): научные теории всегда имеют свой предмет и свои границы и поэтому должны быть принципиально фальсифицируемы, т.е. способны подвергаться проверке, результатом которой может быть и опровержение (в таком случае обнаруживаются границы предметной истинности теории). К. Поппер убежден в поступательном механизме развития теорий путем их опровержения и выдвижения новых проблем. Он символически изображает процесс развития научного знания следующим образом:

$$P_1O \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2O, \text{ где}$$

P₁O – исходная проблема; *TT* – ее предположительное решение (пробная теория); *EE* – устранение ошибок путем критики и эксперимента; *P₂O* – новая проблема.

Развитие научных знаний по К. Попперу происходит аналогично биологической эволюции с ее механизмами наследования (преемственности), и мутациями и отбора. Фальсифицированные теории (противоречащие новым фактам) отбраковываются. Результаты научного познания вписываются в более широкий культурный контекст. Сама наука должна рассматриваться в контексте «трех миров» или слоев действительности: первый мир – мир физических сущностей; второй мир – духовные состояния человека; третий мир – мир продуктов человеческого духа, включающий средства познания, произведения искусства, научные проблемы и т.п., объективированные в книгах, языках, скульптурах и др.

Концепция исследовательских программ И. Лакатоса (1922 – 1974). На примере развития доказательств и опровержений в математике И. Лакатос разработал концепцию развития научного знания в результате соперничества исследовательских программ (концептуальных систем). Сама исследовательская программа – это система теорий, организованная вокруг некоторых фундаментальных проблем, идей, представлений, которые составляют «твердое ядро» программы. При появлении опровергающих положений

«твердое ядро» сохраняется, поскольку исследователи, репрезентирующие программу, выдвигают новые гипотезы, корректирующие прежние. Вспомогательные гипотезы образуют «защитный пояс» ядра и обеспечивают углубление и конкретизацию теоретических представлений, полученных на базе этого ядра.

В результате конкуренции программ побеждает та, которая обеспечивает «прогрессивный сдвиг проблем» (предсказание новых фактов и объяснение прежних). Программа, которая не справляется с объяснением фактов и не предсказывает новых, вырождается. Понятие исследовательской программы И. Лакатосом обобщается и он говорит о науке, как глобальной исследовательской программе.

Концепция исторической динамики науки Т. Куна. Т. Кун (1922 – 1996 гг.), профессор Принстонского университета в своей книге «Структура научных революций» и последующих работах ввел ряд новых понятий, позволивших осуществить реконструкцию динамики науки, учитывающую ее революционную и эволюционную составляющие. Ключевыми понятиями концепции Т. Куна выступили: «научная революция», «нормальная наука», «парадигма». «Нормальной наукой» обозначалась эволюционная фаза в развитии науки, характеризующаяся использованием и развитием устоявшихся теорий. Период, когда накапливается большое число фактов, необъяснимых в рамках «нормальной науки» приводит к революционной фазе.

В начале революционного периода сосуществует ряд альтернативных прежней теоретической системе гипотез, конкурирующих между собой в объяснении аномальных фактов. Впоследствии утверждается наиболее приемлемая для научного сообщества теория, которая становится образцом в объяснении новых фактов и в решении проблем. Такая система теоретического знания (включающая и новую фундаментальную теорию и построенные на ее основе вспомогательные и прикладные области научного знания) и названа Т. Куном «парадигмой» (образцом). Утверждение в результате научной революции новой парадигмы дает начало новой фазе развития нормальной науки.

Т. Кун рассматривал парадигму не только в контексте новых методов и теорий, но и как своеобразную идеологию науки, которая объединяет ученых в сообщество. Разрабатывая структуру парадигмы, Т. Кун выделил в ее составе такие компоненты, как «символические обобщения» (математические формулировки фактов); «образцы исследовательской деятельности» (способы решения конкретных задач) «метафизические части парадигмы» и «ценностные установки науки»³³⁸. Тем самым Т. Кун включил в состав динамично развивающихся компонентов науки и ее внутренние (интерналистские) и внешние (экстерналистские) факты.

³³⁸ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 19–264.

Переход от старой к новой парадигме описывается им как скачкообразный, своеобразный фазовый переход. Для понимания специфики такой смены Т. Кун считает наиболее удачной аналогично с психологическим актом смены гештальтов, гештальтпереключением (Как, например, широко известный пример, переключения внимания на рисунке, графически изображающем два профиля – если сосредоточить внимание на промежутке между ними, то можно увидеть вазу).

Согласно Т. Куну, парадигмы несоизмеримы, поскольку задают объяснительные и описательные процедуры по-разному репрезентирующие одни и те же факты. Тем самым модель развития науки Т. Куна, в отличие от так называемой кумулятивной модели (задаваемой прежде всего концепцией К. Поппера) дала один из наиболее ярких образцов некумулятивного подхода к науке.

Дискуссия, которую вызвала концепция Т. Куна, оказалась одной из наиболее ярких и значимых в философии и истории науки второй половины XX века и подтолкнула развитие некумулятивного подхода к развитию науки. Среди этого класса подходов следует выделить **«анархистскую эпистемологию» П. Фейерабенда (1924 – 1994 гг.)** профессора Калифорнийского университета. С его точки зрения в свободном обществе все научные подходы, школы равны и поэтому нормой в развитии науки является научный релятивизм или эпистемологический анархизм, отрицающий любые догмы в науке и утверждающий ценность любой научной теории.

Отсюда постоянное и хаотичное увеличение числа теорий, конкурирующих между собой. Поэтому нормой в развитии науки выступает не кумулятивизм, основанный на идее постоянного нахождения истинного знания, а *пролиферация* (разнообразие) теорий, предлагающих новые точки зрения на факты и их взаимная конкуренция. Их взаимная критика и выступает основным механизмом развития науки.

П. Фейерабенд подчеркивает момент несоизмеримости новых и старых теорий, в силу изменения методологических стандартов (идеалов и норм научного исследования). С позиций эпистемологического анархизма П. Фейерабендом схвачены многие реальные черты нелинейного и многомерного развития науки.

Вместе с тем абсолютизация релятивного приводит к размыванию границ между наукой, религией, мифом, между которыми, по мнению П. Фейерабенда, нет существенной разницы: «существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах... Это принцип – все дозволено»³³⁹.

Постановка проблемы несоизмеримости парадигм и научных теорий и развитие некумулятивистских концепций развития науки подтолкнула

³³⁹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 158–159.

к более углубленному изучению проблемы преемственности в развитии науки. Это нашло отражение в концепциях Дж. Холтона, М. Полани, Ст. Тулмина.

Дж. Холтон сосредоточился на изучении внутринаучных механизмов, поддерживающих процесс преемственности в развитии науки. Он описал такой, как он полагал, важный феномен в истории науки, как сквозные тематические структуры, которые выступают точками роста нового знания.

М. Полани обратил внимание на роль в поддержании преемственности в науке таких структур, как «неявное знание» или «личностное знание», которое включает невербальные и невербализированные формы знания, передаваемые в процессе подготовки ученого (от учителя к ученику) и его деятельности в научном сообществе (постепенное «вживание» в ту или иную принятую научным сообществом теорию, а также в систему образцов объяснения и рассуждения).

Исследование эволюции идеалов и норм объяснения, стандартов понимания с позиций эволюционной эпистемологии было осуществлено Ст. Тулминым. При этом изменение концептуальных структур он описывает по аналогии с динамикой популяций (мутации и естественный отбор). В качестве популяций могут рассматриваться научные дисциплины. В роли мутаций выступают инновационные изменения, а роль механизмов отбора играют процедуры критики и самокритики.

В последние годы все большее распространение в современной философии науки получает дискурсивный анализ, концентрирующий внимание на стилях научных языков и процедурах диалога и понимания в научных сообществах, действующих в разные исторические эпохи и различных социокультурных и методологических контекстах³⁴⁰. В данных исследованиях развиваются подходы, заложенные в трудах М. Фуко, Ст. Тулмина, М. Полани и др.

Особое место среди проанализированных авторских концепций и направлений классической и современной философии науки занимает *диалектическая концепция*. Она выступает как одно из наиболее влиятельных и многочисленных по числу последователей направление в философии науки.

Как отметил известный американский историк науки Л. Грэхэм: «по универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли»³⁴¹. А принадлежащая к данной системе философия науки является «впечатляющим интеллектуальным достижением»³⁴².

³⁴⁰ См.: Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (Дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3; Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М., 2004.

³⁴¹ Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 415.

³⁴² Там же.

Истоки диалектической концепции развития науки восходят к «Диалектике природы» Ф. Энгельса, где даны не только образцы динамического анализа классической науки, но и соотнесены ее онтологический, гносеологический и социокультурный аспекты. В философских работах В.И. Ленина были даны философские оценки революционных изменений в естествознании в начале XX в. Последующая диалектическая разработка проблем философии и истории науки ориентировалась на эти классические образцы.

Ко второй половине XX в. в СССР сформировалась широкая институциональная система исследований в области философии и истории науки, концентрировавшаяся вокруг академических институтов (Институт философии АН СССР, Институт истории естествознания и техники АН СССР, республиканские институты философии Украины, Казахстана, Белоруссии и др.) и философских факультетов и кафедр вузов. В 70 – 80-е гг. XX в. был проведен ряд авторитетных всесоюзных конференций и совещаний по философским проблемам естествознания.

В разработке философско-методологических и социальных проблем науки и техники принимали участие, наряду с крупными советскими философами (Б. Кедров, П.В. Копнин, В.С. Степин, Б.Г. Кузнецов, С.Р. Микулинский), выдающиеся деятели отечественной науки (В.И. Вернадский, В.А. Фок, П.Л. Капица, В.Л. Гинзбург, Н.Н. Семенов, В.А. Амбарцумян, А.Н. Колмогоров, В.А. Энгельгардт, Н.Н. Моисеев и др.).

В отечественных исследованиях последних десятилетий изучена роль и функции философских идей и философских категорий в синтезе нового научного знания; показаны корреляции между объектным и операциональным смыслами эмпирических и теоретических конструктов; выявлена типология научных картин мира и прояснена их контекстуальная функция в развитии научного знания; подробно изучены идеалы и нормы научной рациональности в качестве компонентов оснований науки; выявлены и детализированы функции ряда общенаучных методов (восхождение от абстрактного к конкретному; различных видов аналогии и моделирования; гипотетико-дедуктивного и др.) в становлении неклассического знания в ряде предметных областей науки; исследованы с позиций диалектического развития научные революции; прояснены проблемные коллизии в фундаментальных отраслях современной науки (физика, биология, химия, математика, астрономия и космические исследования).

Одной из наиболее оригинальных отечественных разработок в области философии науки стала концепция «космизации науки», не имеющая аналогов в зарубежной философии науки второй половины XX в. – начала XXI в.³⁴³

³⁴³ См.: Старостин А.М. Космизм: прошлое, настоящее, будущее. Ростов н/Д., 2007.

Основные исследовательские программы в развитии социально-гуманитарных наук

Понятие «исследовательская программа» близко по содержанию понятию «парадигма», введенному Т. Куном в процессе анализа революций в естествознании. Таким образом, налицо определенное методологическое заимствование философии социально-гуманитарного познания из сферы философии естествознания. Однако впоследствии обнаружилось, что именно понятие «исследовательская программа» может использоваться для «разведения» естествознания и социально-гуманитарного знания, ибо оно не содержит жесткого противопоставления на субъект и объект, может включать представления об историзме объекта и более ориентировано на авторские позиции творца программы.

В самом общем виде исследовательская программа характеризуется как организационная и коммуникативная система в социально-гуманитарном знании, занимающая среднее положение между философско-методологической реконструкцией и научной теорией: «В отличие от научной теории научная программа, как правило, претендует на всеобщий охват всех явлений и исчерпывающее объяснение всех фактов, т.е. на универсальное толкование всего существующего»³⁴⁴.

Выделяют исследовательские программы разного уровня:

- метапарадигмальные – проявляющиеся в процессе исторического развития всего корпуса социально-гуманитарного знания;
- дисциплинарные;
- проблемно-методологические;
- авторские.

В этом плане мы сталкиваемся, например, с географо-детерминистской, этнометодологической (дисциплинарной) или позитивистской, постмодернистской, синергетической (проблемно-методологической), или программой школы «Анналов» (авторской). Что касается метапарадигмальных программ, то здесь, как правило, речь идет о натуралистической и антинатуралистической (культуроцентристской) исследовательских программах.

Таким образом при кажущейся эквивалентности понятий «парадигма» и «научно-исследовательская программа»³⁴⁵, последняя больше применяется при анализе социально-гуманитарного знания.

Реконструкция предпосылок становления и основных этапов развития социально-гуманитарного знания показывает, что на первых этапах эволюции здесь характерна ориентация на идеалы, нормы, образцы исследова-

³⁴⁴ Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 10.

³⁴⁵ Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006: «... мы используем оба термина. не делая между ними особых различий». С. 543.

тельской деятельности, сложившейся к тому времени в классическом естествознании.

Хотя в конце XVIII – первой половине XIX вв. в суждениях известных и авторитетных философов (Г. Гегель, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Ф. Ницше) уже подчеркивается специфика социальных объектов и процессов, связанная с их сложностью, органическим характером, динамикой развития. Однако для учета этой специфики используются методологические процедуры, появившиеся опять-таки в новых областях естествознания (биология, антропология), либо же само «неявное знание» о социальных объектах неподотчетно содержит предубеждение об их натуралистических (природных) базовых характеристиках.

Например, один из основных принципов классического рационализма, утверждающий тождество разума и бытия, базируется на неявном положении о естественности разума и его природосообразности. В то же время речь идет о естественной природе человека, о естественности его прав и свобод и т.п. Поэтому научной исследовательской программой социально-гуманитарного знания становится с XIX в. *натуралистическая*. Основной вклад в ее формирование внесли классики обществознания Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, О. Конт и др., тяготевшие одновременно к позитивистской философской рефлексии, выступившей ведущим философским направлением, помогающим сформировать первые формы научной методологии в социально-гуманитарном знании.

Э. Дюркгейм, к примеру, так определяет сущность натуралистического подхода: «Положение, согласно которому социальные факты должны рассматриваться как вещи – положение, лежащее в самой основе нашего метода, – вызвало больше всего возражений. То, что мы уподобляем реальность социального мира реальности мира внешнего, нашли парадоксальным и возмутительным. Это значит глубоко заблуждаться относительно смысла и значения данного уподобления, цель которого не низвести высшие формы до уровня низших, но наоборот, востребовать для первого уровня реальности, по крайней мере равного тому, который все признают за вторыми. На самом деле мы не утверждаем, что социальные факты – это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и «на свой лад»³⁴⁶.

Таким образом, приверженцы натуралистической исследовательской программы полагают, что либо предмет наук об обществе тот же (или подобен), что и у естественных наук, либо признается, что предметы различаются, но формы и методы наук об обществе и человеке те же, что и у естественных наук. Поэтому идеалы и нормы научности социально-гуманитарного знания строятся по образцу естественных наук. Здесь доминируют принципы объективности, детерминизма и закономерности, аналогичные есте-

³⁴⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 394.

ственна научным, а в качестве главного результата реализации натуралистической исследовательской программы видится – объяснение.

В конце XIX – начале XX в., по мере оформления базовых социально-гуманитарных наук натуралистическая программа стала испытывать существенные затруднения. Развитию сомнений в ее эффективности в значительной мере способствовал и кризис в естествознании начала XX в. Были сделаны первые шаги к формированию антинатуралистической (культуроцентристской) программы.

В начале XX в. прежде всего усилиями Г. Риккерта и В. Виндельбанда были сформированы самодостаточные представления о культуре и истории и герменевтическом подходе как эффективном способе изучения данных областей реальности. В последующем под влиянием феноменологии Э. Гуссерля сформировался феноменологический подход в социологии, психологии, педагогике, психиатрии как антитеза натурализму.

Культуроцентризм как исследовательская программа делает упор на междисциплинарность, значимость контекста, направленность на трансляцию и понимание смыслов, усиление связи с повседневностью, с прагматикой.

Тем не менее, и натуралистическая программа продолжает использоваться в современных социально-гуманитарных исследованиях. Она характерна как прямым приложением методов математики и естественных наук к изучению социальных процессов (математические методы в экономике; стохастические и термодинамические методы в социологии и демографии), так и косвенным наложением этих норм и методов исследований на изучение социальных и гуманитарных объектов.

В современной версии натурализма он ориентирован на объектоцентризм, в то время как антинатурализм – на субъектоцентризм как опорные модели для реконструкции реальности. Поэтому арсенал методов, форм и исследовательских процедур современного натурализма опирается на такие категории, как «объект», «предмет», «факт», «теория», «объяснение», «закон» и т.п., а современный антинатурализм базируется на таких категориях, как: «текст», «контекст», «смысл», «понимание», «дискурс», «ценностные ориентации субъекта» и т.п.

В последние десятилетия, основываясь на накопленном собственном исследовательском опыте, а также опыте неклассического естествознания, социально-гуманитарные науки все шире опираются на принцип дополнительности в применении натуралистического и антинатуралистического описания социальной реальности.

Вот как описывает такие ситуации крупнейший социолог наших дней И. Валлерстайн; поясняя процессы трансформации современных мировых систем: «Поскольку перед нами неразрешимая логическая дилемма, решение следует искать на эвристической основе. Анализ мировых систем

предлагает эвристическую оценку жизненной стратегии между транс-историческими обобщениями и частными изложениями... Мы утверждаем, что оптимальным методом является анализ внутри системных рамок, достаточно продолжительных во времени и в пространстве, чтобы содержать в себе основные «логики»... одновременно признавая и учитывая, что эти системные рамки имеют начало и конец и поэтому не должны рассматриваться как «вечные» явления»³⁴⁷.

Отмеченная дополнительность описания «извне» и «изнутри», сочетание объектной и субъектной категоризаций в реконструкции реальности и реальный опыт социально-гуманитарного знания в разработке таких ситуаций привлек к нему внимание современного естествознания, которое столкнулось с аналогичными ситуациями в изучении неклассических объектов и сформулировало принципы относительности описания к средствам и условиям познания; неопределенности; дополнительности; антропный принцип. Пожалуй, можно говорить о признаках начавшегося обратного воздействия методологии социально-гуманитарного познания на естественнонаучное.

Что касается оснований выделения социально-гуманитарного познания в особую сферу, то деление наук на социальные и гуманитарные встречается уже в начале XX в. в трудах представителей неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Первый делил науки на обобщающие (номотетические), это прежде всего знания о природе, и описательные (идеографические) или науки о культуре. Второй – на науки о природе и похожие на них по методам познания (например, социология) и науки о культуре, стоящие ближе к истории и связанные с ценностями. Последняя группа может быть названа гуманитарными науками.

Обобщенный взгляд на дифференциацию наук социальных и гуманитарных исходит из их различия по *предмету* (социальные науки изучают общество и социальные закономерности, гуманитарные – человеческий мир); *методу* (социальные опираются прежде всего на метод объяснения, гуманитарные – на метод понимания); разделение наук в соответствии с исследовательскими программами.

Последний подход ныне считается наиболее перспективным. С этой точки зрения к социальным наукам относятся дисциплины, ориентированные на натуралистическую исследовательскую программу и опирающиеся на разделение субъект-объектных отношений и модель объяснения реальности; к гуманитарным же – опирающиеся на культуроцентрическую программу, использующую «понимающую» методологию.

³⁴⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследования. М., 1998. С. 145.

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философия и наука. Проблемы развития и преподавания. Сб. научн. трудов. –Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009.

Старостин А.М. Модернизационный потенциал современной российской науки и условия его применимости // В сб. «Экономико-правовые вызовы XXI века». Материалы VIII Международного научно-практического форума. Ростовский институт защиты предпринимателя. Ростов н/Д., 2016.

Старостин А.М. Новая «матрица науки» для информационного общества // В сб. «Философские проблемы естествознания и технических наук». – Ростов н/Д.-Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2016.

Старостин А.М. Нужна ли наука в постиндустриальном обществе (о социальном сциентизме Ю.А. Жданова и современном социальном антисциентизме) // Государственная служба. 2013. № 5.

Старостин А.М., Понделков А.В., Пустовалова Н.Н. Институт научной школы в современной политической науке // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2.

4.2. Философия космизма. Современный космизм в контексте философской инноватики

Русский космизм – феномен междисциплинарного характера. Иногда говорят о русском космизме как части русской философии. Но, вероятно это не совсем точно, хотя и уместно, имея в виду особенности русского мирозерцания, проявившиеся в XIX–XX вв. Точнее, на мой взгляд, говорить о космизме как о направлении прикладной философии. Причем, не останавливаться только на интеллектуальной деятельности конца XIX – начала XX века. О чем и пойдет речь в последующем.

В изучении феномена русского космизма нет недостатка внимания со стороны философов, естествоиспытателей, теологов, публицистов. Однако следует обратить внимание на две характерные ситуации, которых менее всего касаются или даже осознанно обходят вниманием исследователи и пропагандисты русского космизма:

1) основные проявления русского космизма резко обрываются на фигурах К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского. Как бы продолжения не следует. Между тем, на наш взгляд, нужно говорить об эволюционном развитии парадигмы русского космизма и его трансформации из классической формы в современный русский космизм или «советский космизм», который дал огромный пласт философских, социально-политических, естественнонаучных, художественных и публицистических публикаций, связанных с предвестием и началом космической эры – непосредственным проникновением в космическое пространство, его изучением и освоением.

Данное течение отечественной естественнонаучной и гуманитарной мысли продолжает оставаться и в наши дни одним из наиболее оригинальных проявлений в мировой культуре;

2) в анализе русского космизма прежде всего подчеркивают его уникальность в многообразии течений мировой философской, художественной, мировоззренческой мысли. Между тем, русский космизм выступает как одно из наиболее ярких течений *мирового* космизма, явные истоки которого находятся в творчестве ряда античных мыслителей, ученых Нового времени и в обращении к этой тематике в новейших течениях зарубежной научной, художественной, философской, теологической мысли.

Думается, что в претензиях на полное освещение содержания и эволюции русского космизма, нельзя избежать анализа данных важнейших ситуаций, которые позволяют полнее показать всю глубину, оригинальность и значимость (в том числе прогнозную, стратегическую) данного течения и умонастроения отечественной мысли³⁴⁸.

Интерпретируя статус и особенности русского космизма в системе философского, гуманитарного, естественнонаучного, теологического знания, важным видится его современная репрезентация. Не претендуя на окончательные и законченные трактовки, отметим, что удачной нам видится репрезентация русского космизма и в классической, и в современной версии в качестве области философской инноватики.

Конституирование философской инноватики – это не дань моде. Востребованность философско-инновационной сферы связана со значительным ростом задач, востребующим инструментарий философской инноватики, что обусловлено прежде всего потребностями быстро развивающегося информационного общества, где задачи роста различных отраслей духовного производства начинают превалировать по отношению к отраслям материального производства.

Возвращаясь к русскому космизму, нам видится вполне естественной его интерпретация в качестве одной из областей философской инноватики, возникшей в результате философской рефлексии (разной природы: и рациональной, и телеологической, и натурфилософской) над междисциплинарной, многоплановой проблемой взаимосвязи человека и жизни вообще с Космосом.

Конечно, не все течения космизма удастся интерпретировать в рамках концепции философской инноватики. Космизм, культивируемый на платформе мифологии, мистицизма, эзотерики и ряда других внерациональных проявлений, вряд ли можно трактовать с точки зрения философской инноватики. Разве что с помощью инструментария философской инноватики

³⁴⁸ О том, что мысль подошла к подготовке (гуманитарной, философской, научно-технической) нового этапа развития космической деятельности, свидетельствует фундаментальное издание: «Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года». Под ред. акад. Б.Е. Чертока. М., 2010.

удастся перевести, интерпретировать результаты космическо-мифологических и эзотерических поисков в рациональный план. Вместе с тем, наиболее значимые и результативные течения космизма рациональной природы все же укладываются в парадигму философской инноватики.

В современных исследованиях русского космизма мы встречаемся с достаточно большим внутренне дифференцированным разнообразием трактовок этого феномена. Это и сужение космизма до образа космической философии, и расширение до уровня синонимизации терминов «космизм» и «русская культура»³⁴⁹; это и рассмотрение космизма как целостного культурного образования, самостоятельного течения, и в качестве своеобразной формы нео-язычества, выступившего против православия³⁵⁰.

Русский космизм: эволюция парадигмы

В современной философской, научной, теологической литературе и публицистике достаточно велик и стабилен интерес к феномену русского космизма. Данное мировоззренческое течение считается одним из фундаментальных и, вместе с тем, оригинальных проявлений русской культуры XIX – XX вв. Действительно, в попытках выделить наиболее яркие и оригинальные проявления в развитии отечественной гуманитарной и философской мысли, предпринимаемые как отечественными, так и зарубежными исследователями, чаще всего обращают внимание на известную триаду: цивилизационный подход (Н.Я. Данилевский), экзистенциальный взгляд на человека (Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский) и русский космизм (Н. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский).

Исследованию русского космизма посвящена большая по массиву публикаций литература³⁵¹. В ней даны различные определения и интерпретации русского космизма, выявляются разные его формы, изучается эволюция.

Под космизмом понимается: «психологический и мировоззренческий феномен, который находит проявления в различных сферах культуры – религии, философии, искусстве, литературе, обыденном сознании; глубинное переживание человека и космоса, в рационализированной форме выражаемое мировоззренческими идеями и философскими принципами, которые соответствуют различным этапам культурной истории человечества».

³⁴⁹ См., напр.: *Куракина О.Д.* Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993; *Леднев В.П.* История русского космизма. Екатеринбург, 1994; *Маслобоева О.Д.* Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. М., 2007.

³⁵⁰ Подробный обзор данных точек зрения представлен в работе *Николаенко Н.М.* Космизм в контексте отечественной философской культуры. Омск, 2006. С. 4–12.

³⁵¹ Для примера укажем на следующие работы: *Русский космизм: Антология философской мысли.* М., 1993; *Философия русского космизма.* М., 1996; *Космическая философия К.Э. Циолковского.* М., 2001; *Куракина О.Д.* Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993; *Николаенко Н.М.* Космизм в контексте отечественной философской культуры. Омск, 2006.

Анализируя различные подходы к пониманию космизма, известный исследователь этого феномена В.В. Казютинский отмечает следующие наиболее характерные смысловые позиции: 1) специфическое «мировоззрение» или «мировосприятие», связанное с осознанием единства всего со всем; 2) распространение «космической точки зрения» на человечество, его прошлое и будущее, выступающее в одних случаях как мировоззренческое выражение идеи единства человека и космоса, в других – освоения космоса человеком; 3) мировоззренческая идея «активной эволюции» человека и мира, направляемой разумом; космическая экспансия человечества оказывается частью этой программы; 4) почти неуловимые смыслы внутреннего космоса человека (связанного, естественно, с космосом физическим); 5) «последнее слово философии техники» – считается, что космизм выступает оправданием самых антиэкологических и антигуманных черт современной цивилизации (такая точка зрения, выдвигаемая антикосмизмом, относится не к космизму как таковому, а лишь к его техницистским версиям). В некоторых из этих интерпретаций космизм оказывается синонимом не собственно космических, а земных ситуаций, лишь проецируемых на космос³⁵².

Одним словом, в изучении феномена русского космизма нет недостатка внимания со стороны философов, естествоиспытателей, теологов, публицистов. Тем не менее ряд ситуаций в этой проблематике требует более обстоятельного освещения. Речь прежде всего идет о взаимосвязи русского и мирового космизма и о современной эволюции русского космизма.

Прежде всего проанализируем как зарождались и эволюционировали образы космоса в развитии культуры.

Предваряя суждения об образах Космоса, поясним что подразумевается под этим понятием. «Образ космоса» – это собирательная характеристика родственных по отражаемому предмету представлений о внеземной природе, о «небе». Сами эти представления формируются на основе и астрономических наблюдений, и эстетических идей, и натурфилософских рассуждений, и медицинской практики, а в последующем – на базе практических данных и концепций различных научных дисциплин и философии.

Словом, понятие «образ Космоса» очень близко понятиям «Общая картина мира», «Общенаучная картина мира». Однако, поскольку Образ может изменяться от народа к народу (при сохранении общей картины мира), от одного исторического периода к другому, этот термин более гибко отражает изменяющиеся в духовной культуре взгляды на космический мир. Само отчленение «Космоса» от «Земли» является несколько условным – это, конечно, часть общей картины мира. Однако такая часть, с которой человек не имел возможности основное время своей истории непосредственно соприкоснуться,

³⁵² См.: Казютинский В.В. Космическая философия К.Э. Циолковского в контексте русского космизма // Космическая философия К.Э. Циолковского. М., 2001. С. 403.

наиболее труднодоступная и загадочная для него область, по поводу которой тысячелетия и века строились различные спекулятивные, умозрительные модели. Космос оказывается чрезвычайно трудным объектом для познания человека.

Уже в древности было вычленено основное противоречие: Космос, с одной стороны, несоизмерен человеку и посему – всегда есть какой-то непроверяемый и сомнительный остаток в тех наглядных и теоретических построениях, которые претендуют на воспроизведение его в целости и динамике. Но с другой стороны, человек, как микрокосм, аккумулирует взаимодействия космических структур (а не только некоторая их часть) – сам в конечном, ограниченном масштабе моделирует в себе жизнь макрокосмоса и, тем самым, позволяет создавать образы целостной Вселенной с существенной претензией на достоверность («Человек – мера всех вещей»). Иначе говоря, в построении любого Образа Космоса, на любом этапе развития культуры, всегда просматривались мировоззренческие, метатеоретические или философско-методологические основания, которые придавали ученым, философам, мыслителям уверенность в правильности создаваемого образа.

То, что эти основания очень значимы, а проблемы Космоса невероятно трудны, свидетельствует воспроизведение на каждом новом этапе развития культуры многих прежних проблем. Успокоенность в отношении созданного образа всегда была временной, а мысль, критически неудовлетворенная, развивалась дальше и дальше. И сейчас, несмотря на чрезвычайную сложность, фактическую и концептуальную насыщенность представлений о Космосе, мы отвечаем на центральные вопросы о Космосе, которые были поставлены еще в Античности. И при всей несхожести образов Космоса Античности и, скажем, современных, мысль человека, подобно Творцу, движется от Хаоса к Вселенскому порядку, выражаемому древнегреческим понятием Космос. Мысль теоретическая как бы воссоздает реальное движение Космоса (неявно признавая во многом справедливую, еще мифологически оформленную идею о движении от хаотичных, недифференцированных, то ли суперплотных, то ли невещественных, то ли еще каких-то качественно однородных состояний к структурности).

Мы ограничиваем свой анализ в основном рамками европейской культуры. Дело в том, что при всем многообразии региональных источников формирования различных образов Космоса, европейская культура в течение последних 500 лет лидирует в продуцировании новых типов образов Космоса. А если учесть, что лидирующее место она занимала и в античности – по меньшей мере с VI в. до н.э. по V в. н.э. (800–900 лет), то причины такого повышенного внимания станут ясны. Кроме того, европейская цивилизация и культура внесли основной вклад в разработку классических и современных типов рационального мышления и логической, семантико-семиотической техники отображения реальности.

Что касается различных интеллектуальных техник интуитивного, медитационного, «сверхсознательного» постижения, разработка которых издавна велась на Востоке, то для создания образов Космоса, включенных в ткань классической и современной культуры, они пока мало востребуемы. Может быть им принадлежит будущее, возможно, что для своего воплощения они требуют более сложных приборно-моделирующих систем (скажем, типа устройств искусственного интеллекта), усиливающих возможности человеческой психики. Но пока европоцентричная ориентация на образы Космоса является доминирующей.

Подчеркнем также еще одно немаловажное обстоятельство. Рассматривая работы историков науки, философов и методологов, историков и социологов, можно заметить, что те из них, что касаются вопроса об образах Космоса, зачастую тяготеют к материалу истории той или иной научной дисциплины или ее раздела (астрономии, космогонии, космологии, физики, философии).

Между тем, необходимо подчеркнуть многомерность и интегральность образов Космоса. Образ Космоса того или иного типа характеризуется как онтологическими параметрами, выявленными по мере развития практики и познания, так и социальными (или, иначе, говоря, субъектными). К онтологическим характеристикам нужно отнести отображаемую пространственно-временную метрику и структурную организацию Космоса, его динамику, сущностную иерархию основных подструктур и их качественно-количественную проясненность.

Что же касается субъектных (социальных и антропологических) характеристик образов, то к ним относятся тип центризма и параметры предметно-отражательных систем (научные дисциплины, парадигмы, типы рациональности и др.), включая глубину отражения; типы семантико-семиотических моделирующих систем (вербально-категориальные, категориально-математические, математико-информационные, сопряженные с искусственным интеллектом и т.п.).

Учитывая сказанное, и то, что онтологические и субъектные характеристики образов Космоса *сплавлены* в единые картины, нужно говорить не только об эволюции отдельных монодисциплинарных, частнонаучных картин Вселенной, но и о целостных образах Космоса.

Образы Космоса в духовной жизни Европы существенно изменялись на протяжении истории. Им то придавалось центральное значение, то они уходили на периферию.

Образ Космоса интегративен, хотя наиболее существенные его фрагменты формируются по преимуществу в русле мифологического миропонимания, научного знания, философии и религии. Определенное воздействие на представления о космосе оказывали этические и эстетические взгляды.

Следует говорить о собственно *представлениях о Космосе* и о так называемой *космической установке*³⁵³. Собственно образ Космоса проходит несколько этапов в своем развитии. Для античности характерен переход от антропоморфных мифологических представлений о Космосе к рациональным, преимущественно геоцентричным. Космос представляется в виде некоторого организованного, структурированного начала, поддающегося человеческому познанию. Выдвигаются различные варианты такого образа (Гераклит, Демокрит, Пифагор, Платон, Аристарх, Аристотель, Птолемей и др.). В определенной степени намечается противопоставление земного и космического, хотя это все еще различия в рамках целостности, гармонии. Как область знания, устанавливающая связи между космическими и земными явлениями начинает складываться астрология.

Вместе с быстрым развитием рационально-астрономических знаний, философских представлений о Космосе и попытками его геометризации намечается зарождение космической установки в античной культуре: мысли о проникновении в космический мир. Такая идея рождается в рамках эстетического сознания и несет в себе социально-критический и утопический замысел (Аристофан, Платон, Лукиан).

В условиях средневековья под воздействием идеологизированного сознания образ Космоса приобретает религиозно-нравственную окраску. Космос по существу распадается на мир небесный и мир земной. Представления о мире небесном в раннем средневековье зачастую воспроизводят доантичные образы (Августин, Иоанн Дамаскин, Иоанн Экзарх, Козьма Индикоплов и др.). В позднем средневековье получили распространение геоцентрические представления, стремление выйти за рамки теолого-схоластического мышления (Р. Бэкон, Н. Кузанский). Широко распространяется астрологическая практика.

В условиях Возрождения получают, с одной стороны, развитие идеи о Человеке, как привилегированном существе во Вселенной, венце творения (Манетти, Фацио, Валла), с другой, о бесконечном Космосе, где человек – заурядное явление. Последняя идея явилась началом крушения геоцентризма и становления новой картины мира (Бруно, Коперник, Кеплер, Декарт, Галилей, Ньютон), в основе которой лежали начала классической науки.

Следует заметить, что Ренессанс продолжил развитие космической установки в европейской культуре. В художественно-образной форме моделируется деятельность человека по познанию и освоению небесных тел, планет, Луны, Солнца (Данте, Ариосто, И. Кеплер, Ф. Годвин, Сирано де Бержерак, Т. Кампанелла).

³⁵³ В последнее время данный аспект весьма детально рассматривается в рамках эпистемологического конструктивизма. См.: Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009.

От по-преимуществу математически-механической, кинематической картины Космоса, по мере развития научных представлений, рациональной философии начинается переход к синтетической картине Космоса, пронизанной идеей развития (И. Кант, Лаплас, Гегель), хотя и умозрительной по существу. Картина мира, основанная на понятиях классической науки, получает свое относительное завершение.

Основанная на этой картине космическая установка в утопической и научно-фантастической литературе приобретает черты зримого, рационального плана колонизации ближайших космических тел и космического пространства (Ж. Верн, Г. Уэллс, русский художественный космизм XIX – нач. XX в.).

С конца XIX в. в науке и философии вызревают предпосылки новой картины мира. Революционные изменения в естественных науках (Лобачевский, Риман, Эйнштейн, Планк, Фридман, Бор) приводят к началу становления неклассической научной картины мира и формированию образа развивающейся, нестационарной Вселенной. Космическая установка приобретает черты реального научно-технического проектирования (Н. Кибальчич, К.Э. Циолковский, Оберт, Эно-Пельтри и др.).

С середины XX в. достижения практической космонавтики, заатмосферной астрономии подводят к новому этапу революционных изменений во взглядах на Космос. Космические исследования интенсифицировали интеграцию частнонаучных картин мира. Вместе с тем, вполне очевидно проявился процесс космизации частно- и общенаучной картин мира. А сама космизация обозначила проблему места и роли разума во Вселенной и, таким образом, образ Космоса и космическая установка интегрируются в единую проблему.

Анализируя развитие познавательных образов Космоса, необходимо подчеркнуть существование, помимо доминирующих траекторий их эволюции (мифопоэтический – натурфилософский – научный – системно-научный), существование т.е. «побочных» ветвей развития. Они в большей мере проявляются за рамками европейской культуры. Речь идет, во-первых, о таком наиболее архаичном способе моделирования, как магическое миропонимание и более современном способе мировосприятия – эзотерическом. В данных моделях культивируется такой методологический принцип как единство макрокосма и микрокосма с акцентировкой на микрокосме как источнике знаний о макрокосме. Реализующие моделирующие механизмы здесь имеют внерациональный характер и базируются на техниках измененных состояний психики.

Наличие, по меньшей мере, двух траекторий культурной эволюции применительно к познавательным моделям Космоса и возможность их сосуществования позволяет высказать гипотезу о параллельном сосуществовании (взаимодополнительном) различных познавательно-моделирующих систем в человеческой психике. В таком случае можно вести речь не только

об эволюционно-преемственном переходе от одной познавательной модели к другой, но и о фазовом переходе, обусловленном включением и доминированием соответствующих познавательно-моделирующих систем и основанных на них техниках. Наличие столь неоднозначной ситуации применительно к познанию Космоса в наглядной форме просматривается в таком духовном феномене, как русский космизм³⁵⁴.

В нем сосуществуют столь различные формы (рациональные и внерациональные), как естественнонаучная и философская, религиозная, художественная и эзотерическая. Это в итоге позволяет говорить о феномене полиморфизма образов Космоса.

Вопрос о единстве, гармонии макрокосма и микрокосма, сформулированный еще в античности, получает в современной культуре свое решение и последующее развитие в виде проблемы отражения глобально-космических закономерностей в человеческом существовании и осознания космического смысла человеческого бытия.

В формировании современного образа Космоса решающий вклад вносит наука и, прежде всего, такое новое направление научно-технической практики, как космические исследования.

В этом плане следует остановиться на научном космическом опыте как предмете философского анализа.

Более 50 лет прошло со времени начала космических полетов, когда человечество непосредственно приступило к исследованию и практическому освоению космического пространства. Ныне поток научной и практической информации из космоса составляет значительную долю от общего ее объема, добываемого наукой. Факты, полученные в космическом пространстве с помощью вынесенных туда приборов или космонавтами-исследователями, без трепета воспринимаются общественным мнением. Космическая деятельность естественно, вписалась в человеческую практику, стала привычной. Между тем, превращение некоей деятельности или события в факт повседневности вовсе не делает их познанными, осмысленными, ясными, как говорил Гегель: «Известное вообще – оттого, что оно **известно**, еще не **познано**».

Это относится и к практике современных космических исследований. Если посмотреть на космические исследования с позиций не только фактологической и событийной новизны, а, так сказать, гносеологической, деятельностной, то возникает много вопросов, ответы на которые мы либо не услышим, либо они будут многовариантны свидетельствуя тому, что ситуация только начинает осмысливаться и проясняться.

В чем специфика космических исследований, как вида познавательной деятельности? Что дают их результаты на общенаучном и мировоззренческом уровне? Возникли ли такие структурные элементы или аспекты

³⁵⁴ См. подроб.: *Старостин А.М.* Русская идея и русский космизм // Русская идея. М., 1991.

в космической деятельности, которые отличают ее от традиционной научной деятельности? Существуют ли какие-то принципиальные трудности в познании космических объектов, которые обусловлены их спецификой и в чем они?

Круг вопросов может быть расширен и вопросы эти уже не умозрительны. Ответы на них могут быть даны с позиций почти 50-летнего опыта космических исследований. И опыт этот, на наш взгляд, заслуживает не меньшего внимания философов и методологов, нежели опыт ядерной физики или современной биологии.

Естественно, что указанные процессы не прошли мимо внимания философов и уже более трех десятилетий исследуются. В литературе существует понятие **космизации**, введенное в начале 60-х гг. Е.Т. Фаддеевым, А.Д. Урсулом, и рядом других исследователей и отражающее сложный процесс созревания предпосылок выхода человечества в космос и их реализацию.

В работах Е.Т. Фаддеева, А.Д. Урсула, Ю.Н. Стемпуурского, Ю.А. Школенко, П.Ф. Тукмачева, В.В. Рубцова, К.Х. Хайруллина, А.И. Дронова и др. дан многоаспектный анализ космизации, включая и научное познание³⁵⁵. И все же целостной, системной картины того, как воздействует практика космических исследований на **научно-познавательную деятельность**, пока не создано.

В связи с этим хотелось бы изложить эскиз такой картины именно с системных позиций.

Думается, что последствия, которые вызваны космическими исследованиями в сфере познавательной деятельности, не могут быть сведены только к какому-то одному направлению, скорее следует говорить о многомерном воздействии на научное познание. Многомерность следует понимать как изменения, происходящие в разных направлениях, на разных «этажах» научной деятельности. Необходимо отметить следующие основные из них:

– Новации, порожденные практикой космических исследований **на разных уровнях научного познания**: эмпирическом, теоретическом, мировоззренческом.

– **Формирование новых проблемных и предметных областей** научного знания в естествознании, обществознании, гуманитарных и технических науках и на их стыках в связи с развитием космических исследований.

– Развертываясь, космические исследования **затрагивают все основные аспекты научного познания**: деятельностный, информационный, инструментальный, социальный.

³⁵⁵ См. обзорные материалы, посвященные этой области: Урсул А.Д., Школенко Ю.А. Социально-философские проблемы освоения космоса / В кн. «Философия, естествознание, современность: (итоги и перспективы исследований)» (1970-1980 гг.). М., 1981. С. 282–302; Лось В.А., Урсул А.Д., Школенко Ю.А. Философско-методологические проблемы социально-экономических исследований и космонавтики / В кн. «История философии в СССР». Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 767–797; см. также: Старостин А.М. Актуальные мировоззренческие вопросы современной астрономии и космических исследований. Ростов н/Д., 1991. Гл. 1.

– Космические исследования выводят научно-познавательную деятельность **на новые рубежи сопряжения, интеграции с практикой.**

Исходным пунктом анализа выступает проблема космического опыта. До его возникновения можно было говорить о предпосылках космизации научного знания и познания. Вне соотнесения с ним любое теоретическое знание, отражающее природу космических объектов и процессов, в значительной мере носит гипотетический характер. Космический опыт, эмпирический уровень космических исследований возникает в процессе становления космического наблюдения и космического эксперимента. Эти процессы активно развиваются и в настоящее время и требуют специального рассмотрения. С началом космических исследований объекты, исследовавшиеся ранее астрономией, физикой, геологией, биологией, психологией и другими науками начинают изучаться в совершенно новых условиях. В область непосредственного научного познания вовлекаются объекты ранее недоступные. Изменяется и позиция субъекта – исследователя, выходящего в космическое пространство. Все эти изменения можно зафиксировать с помощью понятия «познавательная ситуация», под которой понимается система субъект-объектных отношений, характеризуемая определенным качеством объекта познания (земной или космической), позицией субъекта познания (земной или космизирующийся) и условиями, в которых осуществляется познание.

Само по себе введение понятия «познавательная ситуация» свидетельство гносеологической рефлексии, порожденной расслоением сложившегося научного опыта. Исходя из соотношения элементов познавательных ситуаций, следует выделить и анализировать три типа опыта:

А) **Геоцентрический опыт** – эмпирические исследования земным субъектом земных макрообъектов в макроземных условиях или наблюдения космических объектов через призму земных условий.

Б) **Космизированный опыт** – выделение и исследование в чистом виде отдельных космических факторов в земных условиях или в условиях, частично имитирующих космические. Главным видом космизированного опыта было и остается экспериментальное изучение микро-объектов, которые представляют один из основных элементов космической реальности. Второе направление космизированного опыта – искусственное воспроизведение действия ряда космических макроскопических факторов: моделирование процессов образования лунного грунта, действия на биологические объекты и человека перегрузок, кратковременной невесомости, радиации и др. Третье направление – экспериментальные исследования космических объектов с Земли путем радио- и светолокации.

В) **Космический опыт** – исследования с помощью космических средств космических объектов в космических условиях Земли и ее подсистем из космоса при наличии субъекта в космосе (космизированного субъекта) или при помощи автоматизированных средств.

Анализ специфики космического опыта может быть осуществлен посредством рассмотрения двух основных его подсистем: «Объект – Средства» и «Субъект – Средства».

Изучение взаимодействий в космическом опыте в такой его подсистеме, как «космические средства – объект» показывает, что здесь получает развитие тенденция усложнения системы субъект-объектных отношений, возрастания роли условий познания, намеченная в микро-космическом опыте. Здесь иной, чем в традиционном макроземном эксперименте, характер приобретают проблемы управления познавательной ситуацией. **Возможно, впервые ставится сама задача управления познавательной ситуацией через воздействие на отдельные ее компоненты и связи и систему в целом, а не только на объект познания.** Такая постановка мотивирована не только особенностью космических объектов и условий, но одним крайне важным обстоятельством глобально экологического свойства, впервые отчетливо проявившимся по-преимуществу, в космических исследованиях, где и получает свое дальнейшее развертывание.

Речь идет о том, что развитие большемасштабных природно-инструментальных комплексов в космосе, потребности развития здесь активных исследований поставили перед необходимостью разработки проблемы **экологии научно-познавательной деятельности**³⁵⁶.

На чувственно-практическом уровне в космических исследованиях (подсистема С-Ср) мы сталкиваемся с **проблемой инструментализации основных чувственно-предметных операций.** Образ объекта в космических исследованиях по-преимуществу опосредован компьютерно-информационной реальностью. Если в условиях наземных исследований чувственный образ контролируется сенсорной системой, опытом человека, сложившимся в ходе длительной эволюции, и развития практики, то в космических исследованиях первостепенную значимость приобретают адекватные перцептивные средства и проблема «двойной» **адекватности** – объекту и субъекту познания.

Более чем за пять десятилетий космические исследования дали огромный массив эмпирической информации. Но какова степень ее воздействия на фундаментально-научные направления? Меняется ли что-либо в этих представлениях, или же этот массив информации укладывается в рамки традиционных гипотез и теорий? Сказываются ли новые космические данные на мировоззренческих ориентациях?

³⁵⁶ Прежде всего данная проблема просматривается в качестве вопроса о экологических границах научно-практической деятельности и развитии дистантных и квазиприборных методов эмпирического познания; подробнее: *Старостин А.М.* Экологические границы космического эксперимента // Идеи К.Э. Циолковского и современные научные проблемы. М., 1984.

Воздействие информации, получаемой в космических исследованиях, на научно-теоретические взгляды достаточно четко просматриваются на уровне:

- научных теорий и дисциплин;
- частнонаучных картин мира;
- общенаучной картины мира.

Что касается воздействия космической информации на уровне научной теории и научной дисциплины, то оно проявляется в интенсивно протекающем процессе образования новых научных теорий и научных дисциплин, предметом рассмотрения и объяснения которых выступают космические объекты Солнечной системы, поведение макроземных объектов в космических условиях Земли ее подсистем, рассматриваемых в иной (космической) познавательной системе. Здесь идет процесс выработки новых теоретических схем на базе принципиально новых экспериментально-измерительных процедур. В настоящее время численность космических наук и научных направлений превышает сотню. Они появляются как в сфере техники и естествознания, так и в области наук об обществе и человеке³⁵⁷.

Возникновение и развитие комплекса космических наук, и последующее их взаимодействие с традиционными научными направлениями сказалось на развитии научно-теоретического знания в двух аспектах. Прежде всего, отсекло массу конкретных гипотез о строении и функционировании космических объектов и макроземных объектов в космических условиях, сформировавшихся на таком этапе преодоления геоцентризма в науке, который можно назвать **геоцентрическим космизмом**, когда была отчетливо осознана ограниченность геоцентрических понятий и теорий и их пытались заменить рядом «космических». И, вместе с тем, те области космоса, куда умозрительно «проникло» мышление, стремящееся освободиться от геоцентризма, представлялись во многом геоцентрически. Новые научные космические направления замещают предположительное (весьма вариативное) знание точным.

Именно об этой функции космических исследований забывают некоторые теоретики, утверждающие, что наши представления о Солнечной системе, о Земле, о «ближнем» космосе были полностью подтверждены данными космических исследований. Действительно, ряд гипотетических представлений был подтвержден и существенно пополнен. Но, основная масса предположительных знаний не подтверждена и уже почти забыта.

Второй аспект имеет выход на формирование новых частнонаучных картин мира. Выработка новых систем видения объектов (негеоцентрических) началось вместе со становлением **конкретнонаучного** космического

³⁵⁷ См. подробнее: *Старостин А.М.* Актуальные мировоззренческие вопросы современной астрономии и космических исследований. Ростов н/Д., 1991. Гл. 5.

знания. Точнее говоря, начался процесс корректировки традиционной системы видения и постепенное замещение ее новой системой. Этот процесс идет и в физике, и в астрономии, и в химии, и в геологии, и в биологии, т.е. во всех фундаментально-научных направлениях, на базе которых вырабатываются основные частнонаучные картины мира. Чем он примечателен? Одна из основных черт изменений, вызванных космическими исследованиями на уровне частнонаучных картин мира – это их усложнение, приобретение свойства **многоаспектной системности**. Просматривается это и на примере астрономической картины мира³⁵⁸.

В видении «большой» Вселенной до эпохи космических исследований (и предшествующего им подготовительного периода) преобладали элементы пространственно-кинематического устройства. Эта картина статична: астрономы как бы исследовали застывшую, неразвивающуюся картину Вселенной. И в видении устройства Солнечной системы преобладали аспекты кинематики и пространственного устройства. Данные для многоаспектного видения Солнечной системы и «большой» Вселенной (в пространственном, структурном, генетическом и других аспектах) складываются лишь в период, непосредственно предшествующий космическим исследованиям, и получают свое развертывание после начала космических исследований. Космические исследования позволили не только существенно изменить астрономическую картину Солнечной системы, но и перейти к построению полидисциплинарной, **интернаучной** картины такого относительно целостного образования, как Солнечная система и другие мегаобъекты.

С развитием космических исследований в частнонаучных картинах стала четко просматриваться тенденция к введению в их ткань такого компонента как условия или **надсистема**. Любая частнонаучная картина мира, задавая систему видения объектов той или иной фундаментальной области, акцентирует внимание на их подсистемах и надсистемах. Данные о роли надсистем в развитии физических, химических, геологических, биологических объектов принесли космические исследования.

Можно уже говорить и об изменениях, вносимых прямо или косвенно космическими исследованиями, в представления о социальной форме движения материи. И здесь существует «надсистемная» тенденция, проявившаяся в создании глобалистики, в значительно обострившемся интересе к проблемам внеземных цивилизаций.

Изменения, внесенные космическими исследованиями и частнонаучные картины мира, находят свое отражение и на уровне общенаучной картины мира. Это проявляется в таких тенденциях, как **космизация** общенаучной картины мира, интенсификация **интеграционных** процессов

³⁵⁸ См.: Старостин А.М. Космические исследования и научная картина мира // Социологические проблемы космонавтики и внеземных цивилизаций. М., 1982.

во взаимодействии частнонаучных картин, **гуманизация** представлений об окружающем мире.

Особо следует остановиться на рассмотрении такого фундаментального процесса, связанного со становлением космического опыта, и новых структур научного мышления, как формирование негеоцентричного научного мышления. Этот процесс затрагивает глубинные категориальные и логические структуры мышления. Его анализ был начат в 60-70 гг. в работах советских философов В.П. Бранского, А.С. Кармина, В.В. Казютинского, А.М. Мостепаненко, Ю.Н. Стемпуурского, Е.Т. Фаддеева, А.Д. Урсула и др.

Изучение этих положений и соответствующих материалов из истории развития науки, а также опыта космических исследований, позволяет ввести такую фундаментальную гносеологическую характеристику, как **центризм научного познания**, под которым понимается определенная исторически-конкретная система видения окружающего мира, тип социального отражения, обусловленный содержанием изучаемых природных аспектов и тех средств, с помощью которых изучается данный «срез» природы.

Центризм научного познания обусловлен центризмом практики – исторически-конкретными пространственно-временными, вещественно-энергетическими и орудийными ее параметрами и привязанностью к освоению и преобразованию определенной природной системы. Подробный анализ геоцентризма как определенного типа центризма показывает, что его устойчивый и воспроизводящийся характер имеет действительные корни, от преодоления которых зависит реальное преодоление геоцентризма естественнонаучного познания. Эти корни имеют свою онтологическую, гносеологическую и логическую составляющие.

Такова взаимосвязь космических исследований с развитием научно-познавательной деятельности, научного знания в целом. Анализ этих связей не удастся «замкнуть» только в рамках гносеологического аспекта. Характер космической познавательной деятельности и, вместе с ней, всего растущего тела современной науки, таковы, что требуют включения экологического, социокультурного, ценностного, социологического аспектов.

Анализ особенностей научно-познавательной деятельности в космических исследованиях позволяет констатировать ее тесную связь с макро- и микросоциальными условиями. Существо этого сопряжения состоит, во-первых, в том, что познавательная деятельность в космосе для своего осуществления и дальнейшего развития требует определенных социально-экономических, политических (включая межгосударственные отношения), социальных предпосылок. Во-вторых, функционирование в качестве субъекта космических исследований больших и сверхбольших коллективов и групп выделило социокультурные аспекты научно-познавательной деятельности в качестве неотъемлемых атрибутов космических исследований и современной научно-познавательной деятельности в целом.

Глобальный характер космической деятельности, многофункциональный характер космических средств ставят проблемы планирования, финансирования, распространения и использования результатов научного познания по-преимуществу на интернациональной основе. Дальнейшее широко-масштабное развитие космических исследований находится в зависимости от степени зрелости глобального субъекта. Средства, результаты и последствия этой деятельности оказываются значимыми для жизни и деятельности всего человечества, **обретают характер непосредственной общечеловеческой ценности**. Космические средства создают предпосылки для превращения человечества в космическую цивилизацию³⁵⁹.

Таковы основные направления воздействия космических исследований на развитие научного познания и, шире говоря, на развитие всей познавательной и практической деятельности.

Представленный философско-методологический анализ космического опыта позволяет констатировать, что в последние десятилетия вполне сложилось не только новое инновационное направление человеческой практики, но и продолжаются усилия по его осмыслению, прогнозированию, презентации новых гуманитарных, технических и естественнонаучных проектных разработок. Причем это осуществляется не только в научно-рациональном русле, но и в других проекциях человеческой ментальности, поскольку, очевидно, такой объект, как Космос, не укладывается в процессе осмысления в рамки одной ментальной формы. Все это позволяет говорить о современных формах русского космизма. Остановимся на этом сюжете подробнее.

Современные формы русского космизма формировались в связи с началом Космической Эры и возникшей необходимостью как осмысления принципиально нового вида человеческого опыта, так и прогнозирования и подготовки к новым шагам в данной области. В связи с формированием указанной проблематики в 60–80 гг. XX в. сложилось несколько ведущих исследовательских центров, координирующих разработки в области мировоззренческой и гуманитарно-космической проблематики. Ими стали отдел философских проблем естествознания Института философии АН СССР и Институт истории естествознания и техники АН СССР.

Основным форумом для обсуждения научно-технических, философских, социально-политических и правовых проблем освоения космоса стали многочисленные научные секции Чтений памяти К.Э. Циолковского, ежегодно проводимые в г. Калуге на базе музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского. Ко времени 2005 – 2006 гг. прошли уже 40 и 41 Чтения³⁶⁰. Продолжены они и далее, но сложнее стало с их изданием и распространением.

³⁵⁹ См.: *Старостин А.М.* Космонавтика: проблемы развития и парадоксы общественного восприятия // Космонавтика и перспективы человечества: философско-социальный аспект. М., 1991.

³⁶⁰ Научное творчество К.Э. Циолковского и современное развитие его идей. Калуга, 2005.

За четыре с лишним десятилетия современный этап развития отечественного космизма прошел несколько этапов в своем развитии.

На первом этапе, в начале 60-х гг. XX в. были сделаны первые достаточно общие публикации прежде всего философского и мировоззренческого характера. По праву приоритет здесь принадлежит Е.Т. Фаддееву, А.Д. Урсулу, Н.А. Варварову, И.М. Забелину, В.П. Бранскому и др.³⁶¹ Введен термин «космизация».

Параллельно интенсифицируется разработка космической проблематики в художественной форме в советской научно-фантастической литературе и публицистике, в кино и на телевидении. Признанными корифеями здесь по сей день остаются А. и Б. Стругацкие и И.А. Ефремов. После некоторого спада интереса к их произведениям, вышедшим в 50–70 гг. XX в., наметилась новая волна повышенного интереса к их творчеству в начале XXI в. В исторической и философской науке этого времени началась интенсивная разработка классического наследия известных русских космистов, прежде всего К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского.

Широкое воздействие первых шагов космической практики на духовное развитие общества позволили сформулировать и обосновать тезис о космизации общественного сознания (А.Д. Урсул, Ю.А. Школенко, А.М. Старостин)³⁶². В качестве концептуального ядра этого феномена можно рассматривать интенсивное развитие философско-мировоззренческих исследований, которое и обозначило контуры современного отечественного космизма.

В середине 80-х гг. XX в., подводя рубежные итоги, Институт философии АН СССР подготовил и опубликовал 5-томное издание «История философии в СССР». Одна из глав издания специально была посвящена философско-мировоззренческому осмыслению космической практики³⁶³. В частности здесь отмечалось: «К предмету философских проблем освоения космоса были отнесены наиболее общие закономерности и тенденции взаимодействия общества и космоса, исследование общих характеристик отношений типа «человек – Вселенная», «общество – космос», «человечество – космические цивилизации»... Систематическая разработка философских и социологических проблем космонавтики развернулась в начале 60-х гг., после первых космических полетов людей в космос.

В настоящее время в Советском Союзе над этой проблемой работает большой коллектив ученых, опубликовано в общей сложности более 300 работ... Расширение общих масштабов космической деятельности еще больше

³⁶¹ Варваров Н.А., Фаддеев Е.Т. Философские проблемы астронавтики // Вопросы философии. 1961. № 8; Забелин И.М. Физическая география и наука будущего. М., 1963.

³⁶² См. об этом подробнее: Старостин А.М. Актуальные мировоззренческие вопросы современной астрономии и космических исследований. Ростов н/Д., 1991.

³⁶³ История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 782–797.

привлекло внимание философов и социологов (В.Е. Давидович, Б.М. Кедров, В.В. Рубцов, А.М. Старостин, Ю.Н. Стемпуцкий, А.И. Тукмачева, П.Ф. Тукмачев, Е.Т. Фаддеев, Ю.А. Школенко, К.Х. Хайруллин и др.), ученых и специалистов в области ракетно-космической техники, космических исследований, космической биологии и медицины, астрономии, астрофизики (О.М. Белоцерковский, О.Т. Газенко, В.П. Глушко, Н.С. Кардашев, К.Я. Кондратьев, Б.Н. Петров, Р.З. Сагдеев, Б.В. Раушенбах, И.С. Шкловский и др.), летчиков-космонавтов СССР (Г.Т. Береговой, А.А. Леонов, В.И. Севастьянов, К.П. Феоктистов и др.) к общетеоретическим проблемам космонавтики»³⁶⁴.

Огромный пласт работ, опубликованных в 60–80-е гг., затрагивал как общемировоззренческие и онтологические проблемы взаимодействия человека и его духа с космосом³⁶⁵ и как бы продолжающие мировоззренческие изыскания К.Э. Циолковского, Тейяра де Шардена, В.И. Вернадского, так и содержащих достаточно конкретную проблематику, обобщающие реальную практику космической деятельности³⁶⁶ и, вместе с тем, ставящие и обсуждающие проблемные ситуации, которые могут реально возникнуть в процессе целенаправленного исследования и освоения ближнего и дальнего Космоса. К числу таких проблем следует отнести не только анализ перспективных направлений освоения и обживания космоса, возможных позитивных и негативных воздействий на экологию Земли и человека, но и вопросы поиска разумной жизни во Вселенной и установления контактов с внеземными цивилизациями (программы СЕТИ и SETI)³⁶⁷.

Следует отметить, что в значительной мере данная проблематика была идеологически нагружена, достаточно объемно включена в идеологические акции «холодной войны». Основополагающим пропагандистским тезисом здесь выступал: «Социализм – стартовая площадка советских космических кораблей». К концу 80-х гг. многоаспектная и масштабная деятельность, осуществляемая в СССР, стала претерпевать серьезные сокращения. В массовой печати появились нападки на советский ракетно-космический комплекс, который «оттягивает огромные средства от удовлетворения нужд советского народа». В последующие 90-е гг. после разрушения СССР космическая деятельность многократно сократилась. Оценочно к середине 90-х гг. финансирование космической деятельности сократилось более чем в 20 раз (оно и сейчас более чем в 10 раз уступает уровню финансирования советских космических программ в середине 80-х гг.).

³⁶⁴ История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 784–785.

³⁶⁵ Ильенков Э.В. Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8, 9; Казначеев В.П., Спириин Е.А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.

³⁶⁶ См. работы А.Д. Урсула, А.М. Старостина, П.Ф. Тукмачева, М.П. Фомичева, Г.С. Хозина, Ю.А. Школенко.

³⁶⁷ См.: СЕТИ (связь с внеземными цивилизациями). М., 1975; Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. 3-е изд. М., 1973; Кардашев Н.С. Астрофизический аспект проблемы поиска внеземных цивилизаций // Внеземные цивилизации. М., 1969.

На практике как бы демонстративно стали убирать все то, что напоминает о том, что «социализм – стартовая площадка освоения космоса», поскольку и в самом деле организационно-управленческая и материально-техническая эффективность обеспечения большими космическими проектами в СССР в 3-4 раза превосходила американскую эффективность за счет прежде всего более высокого уровня централизации, сокращения конкурентных и транзакционных издержек в процессе государственного управления большими проектами³⁶⁸.

Существенно сократились и объемы гуманитарных исследований и публикаций по данной тематике, наметились новые направления, связанные прежде всего с освоением внерациональных способов отражения космоса и космической деятельности. Следует подчеркнуть, что это еще в большей мере коснулось массовых представлений, которые ныне формируются по преимуществу на внерациональной и иррационально-мистической основе.

Тем не менее, в середине 90-х гг. XX в. – начале XXI в. в отечественной исторической, мемуарной, философско-мировоззренческой литературе был введен в оборот значительный пласт знаний, расширяющих как представления о классике русского космизма, так и разрабатывающие и популяризирующие внерациональные формы духовного освоения космоса. В основном это связано с преодолением прежних цензурных и идеологических препон. Например, наследие такого оригинального отечественного, но малоизвестного направления, как биокосмизм не разрабатывалось, поскольку в 20–30-е гг. основные его представители были репрессированы. Недостаточно освоено было наследие таких мыслителей, как Н. Федоров, П. Флоренский, А. Чижевский. Да и большинство философских и гуманитарных работ К.Э. Циолковского увидело свет только в этот период.

Тем не менее к началу XXI в. проблематика отечественного космизма в его современных формах продолжает развиваться. В последние годы появились крупные обобщающие работы, в которых подытоживаются и обобщаются результаты исследований, проведенных в 70–90-е гг. На рубеже XX и XXI вв. защищен ряд докторских диссертаций, в которых разрабатываются различные аспекты космической деятельности.

На примерах классического и современного русского космизма просматриваются следующие гносеологические тенденции:

а) познавательное моделирование Космоса основывается на двух противоречиво связанных принципах: трансцендентности (несоизмеримости Космоса и Человека) и единства микро- и макрокосма. Эти принципы своеобразно трансформируются в рамках каждой базовой модели Космоса;

б) по мере эволюции космизма формируется семейство базовых его моделей и их внутренняя самодостаточность. В познании и понимании

³⁶⁸ См.: Делягин М.Г., Шеянов В.В. Русский космос: победы и поражения. М., 2011. С. 156-188.

Космоса складывается диатропическая система моделирования, облакаемая в истории культуры в формы с различными доминирующими моделями;

в) диатропическая система моделирования Космоса базируется на различных социокультурных и антропосоциальных механизмах (социокоды, сенсорные системы и состояния сознания). Взаимодействие основных образов в системе может осуществляться как по принципу соответствия, так и по принципу дополнительности. В ряде случаев речь идет о проявлениях своеобразной системы ментальных анализаторов и их синхронизации (синтезе). Реальной является проблема взаимной соизмеримости образов Космоса и их адекватной реконструкции;

г) развитие познавательных образов и моделей Космоса сопряжено с развитием т.н. «космической установки» – нацеленности человеческой деятельности на освоение Космоса. Космическая установка в своем развитии приобретает формы, синхронные с базовыми образами (моделями) Космоса. В их составе формы, рассчитанные на преобразование Человека в результате взаимодействия с Космосом, и – на преобразование Космоса, его переустройство Человеком и другими разумными существами;

д) русский космизм с его многообразием образов Космоса и типов космической установки представляется полигоном (моделью) для анализа феномена полиформизма образов Космоса и основных механизмов их генерирования.

Резюмируя сказанное, подчеркнем: космическая проблематика и ее философское осмысление в начале XXI в. оказались не на первых позициях в науке и общественном сознании. Тем не менее, от прикладных аспектов космической деятельности в военной сфере, научных исследованиях, глобальном мониторинге и глобальной связи, метеорологии, телевидении и др., мы не ушли и никогда не уйдем. Ушли от мобилизационного, форсированного освоения околоземного космоса. Но философия, прежде всего в прикладных своих проявлениях, продолжает развивать различные течения космизма, вышедшие на мировоззренческую авансцену в начале XX века.

Автор этой работы подготовил в 1993 г. к защите докторскую диссертацию на тему «Познавательные модели космоса: философский анализ становления и развития». Концептуальные аспекты этой работы были изложены выше. Они приводят нас к выводу о необходимости дальнейшего развития современного космизма как необходимой части современного мировоззрения. В дополнение к сказанному хотелось бы **привести несколько фрагментов наших работ конца 70-х – начала 90-х гг. XX в.**

Космонавтика: парадигмы развития и стереотипы общественного восприятия

Становление на планете целостной цивилизации сопровождающееся резкими переменами в развитии производительных сил, социальными коллизиями, пересмотром всей системы отношений общества и природы требует пересмотра многих традиционных ценностей, переоценки многих направлений и форм деятельности человечества. Не осталась без внимания и космонавтика. Поскольку сейчас необходим критический подход, пересмотр прежних оценок и взглядов, в освещении проблем нашей космонавтики порой преобладают критические и скептические тона. За считанные годы мы стали свидетелями перехода от апологетического подхода (что ни сделано – эпохально, замечательно, впервые ...) к критически-скептическому.

Если продолжить тему о превратностях подходов и парадоксах восприятия, то нетрудно заметить, что теперешний стиль отношения к космонавтике является ни чем иным, как прежним, но вывернутым наизнанку. Мы как бы перешли во взглядах на развитие космонавтики от утопии к антиутопии.

Вслед за этим последовало и общественное мнение. Оно оказалось крайне восприимчивым, манипулятивным, легко согласилось с новыми оценками и взглядами. Причины этого заключены как в огромном дефиците объективной фактической информации о той области, о которой идет речь, так и в особенностях общественного сознания, психологии нашего общества. К этому следует добавить непривычность массового сознания к плюрализму высказываний на одну и ту же тему. Монопольная идеологизация многих отучила понимать, что истина постигается в сложном и противоречивом процессе ее поисков.

Придерживаясь именно этой нормы любого научного исследования, и опираясь на ряд работ критического плана³⁶⁹, мы попытаемся не только объяснить столь легкую переменчивость в стереотипах массового сознания (здесь есть и более яркие и парадоксальные примеры), но и обсудить по существу важнейший вопрос о путях развития советской и мировой космонавтики.

Анализируя тенденции развития космонавтики, доступная общественности история которой в последнее время пополнилась описаниями коллизий в принятии ключевых решений, драматическими событиями в судьбах крупных космических проектов, показе самоотверженного труда многих людей, внесших вклад в развитие космонавтики³⁷⁰, рассматривая все

³⁶⁹ *Авдеевский В.С., Лесков Л.В.* Куда идет советская космонавтика? М., 1990; *Исаченко И.И.* Тупики космической гонки. М., 1989; *Мишин В.П., Салахутдинов Г.М.* Человеческая ориентация развития космонавтики // Наш современник. 1990. № 3; О подготовке государственной (общакадемической) программы «Исследование космоса» // Вестник АН СССР. 1988. № 12. С. 41–52.

³⁷⁰ *Мишин В.П., Салахутдинов Г.М.* Человеческая ориентация развития космонавтики // Наш современник. 1990. № 3; *Назаров Г.* Космос рублями не оклеишь // Молодая гвардия. 1990. № 4. С. 192–206.

это в реальном социальном и политическом контексте времени, приходишь к мысли о том, что в течение многих лет сам процесс развития космонавтики во многом детерминировался социальными, политическими, идеологическими причинами, сформировавшими определенное устойчивое направление и набор основных функций, которыми располагала и располагает космонавтика.

По-моему, удачным для описания таких состояний может служить понятие парадигмы развития космонавтики, под которой имеется в виду определенная модель, тип и целевая направленность космическо-земной деятельности, преобладающей в данное время. Естественно, что о содержании той или иной парадигмы развития можно судить не столько по идеологически-рекламным сообщениям официальных кругов, средств массовой информации, сколько по таким объективным показателям, как: пропорции в финансировании военных, коммерческих, научных проектов; число запусков с соответствующей целевой ориентацией, пропорции в объемах получаемой целевой информации (военная, научная, прикладная, в том числе экологическая и др.); стоимость, масштабы и кадровое обеспечение материально-технической базы, изготавливающей космическую технику, оборудование для соответствующих целей³⁷¹.

В полном объеме эта информация и до сих пор недоступна, однако достаточно и ряда косвенных данных, взаимно-сопоставительных обзоров, опубликованных в научной и публицистической литературе и официальных источниках различных стран, чтобы определить типы парадигм развития мировой космонавтики и национальных космических программ³⁷².

Можно говорить о советской и американской парадигмах космонавтики в 50–60 гг., о евроазиатской (Япония, Китай, Западная Европа) – в 70–80 гг. Следует выделить и так называемые ориентации, связанные с основным функциональным полем космонавтики: геополитической, прагматически-коммерческой, познавательной (когнитивной), демонстрационно-престижной. Национальные и региональные космические программы в этом плане распадаются на различные парадигмальные типы в зависимости именно от содержательного соотношения целевых ориентации.

Анализ истории советской и американской космонавтики дает возможность выявить существенные моменты конкуренции взаимообуславливающей развитие национальных космических программ, «загоняющей» их

³⁷¹ Авдудевский В.С., Лесков Л.В. Куда идет советская космонавтика? М., 1990. С. 3–9; Кук У. Новый золотой век космической науки // Америка. 1990. февраль (№ 399). С. 14–19; Панкова Л.В. Гражданская космическая программа США // США: Экономика. Политика. Идеология. 1989. № 2. С. 84–92; Хозин Г.С. Экономические проблемы космонавтики // США: Экономика. Политика. Идеология. 1990. № 1. С. 21–30.

³⁷² Хозин Г.С. Экономические проблемы космонавтики // США: Экономика. Политика. Идеология. 1990. № 1. С. 21–30.

в один **геополитический парадигмальный тип развития**. Поскольку именно СССР и США в 50-80 гг. принадлежит основной объем работ в мировой космонавтике, то чисто по количественным показателям их совокупность можно отождествить с **геополитической парадигмой мировой космонавтики**. Ее основные черты: обслуживание космическими средствами военно-политических (геополитических) национальных и региональных интересов; обеспечение традиционных оборонных сфер деятельности и реализация принципиально новых проектов (типа СОИ), которые призваны сделать космическую технику не только новым элементом сложившейся военно-промышленно-государственной инфраструктуры, но и основой для новых направлений военно-политической деятельности и соответствующих доктрин, оправдывающих противоборство на Земле и в космосе; повышение удельного веса космонавтики в военно-промышленном комплексе (ВПК), и превращение ее в одно из основных звеньев этого комплекса; высокий приоритет в финансировании и обеспечении ресурсами тех направлений космонавтики, которые «работают» на геополитические интересы.

Геополитическая парадигма сформировалась на общем фоне глобальных социально-политических (геополитических) отношений 40-50 годов XX века. Аналогичные космонавтике проявления можно выявить также в развитии физико-технического комплекса. Что касается других направлений научно-технической деятельности государств, то и здесь в большей или меньшей степени эта парадигма имела место (даже в развитии общественных наук). Внутренние социально-экономические и политические особенности двух стран обуславливали тяготение к разным ориентациям внутри геополитической парадигмы космонавтики. В США, наряду с продолжающимся преобладанием (в первые годы абсолютно преобладавшим) геополитической парадигмы, в 60–70 гг. получила приоритет демонстрационно-престижная ориентация, которая в последующем уступила место – прагматически-коммерческой (оттеснив – демонстрационную). Сейчас проявляется тенденция к росту влияния когнитивной ориентации. В Советском Союзе в 50–60 гг. преобладали демонстративно-престижная и когнитивная ориентации, которые средствами массовой информации выдвигались на первый план (а геополитическая – тщательно скрывалась и до недавнего времени интерпретировалась как адекватная реакция на действия «другой стороны»). В 70–80-х гг. демонстрационная ориентация была оттеснена прагматически-коммерческой. Сейчас в СССР появляются предпосылки для форсированного развития прагматически-коммерческой ориентации и наращивания когнитивной³⁷³.

Естественно, что те или иные парадигмы и ориентации космической деятельности возникают в зависимости от конкретных социальных потребностей и возможностей, уровня финансирования, поддерживаются разными

³⁷³ Авдудевский В.С., Лесков Л.В. Куда идет советская космонавтика? М., 1990.

(зачастую конкурирующими) ведомственными и монопольными группами. Базируются они на определенных политических и экономических структурах. Влияние этих структур на соотношение ориентации внутри парадигм изучено слабо. Советские исследователи к такой проблеме вообще не приступали, между тем, качественные изменения в рамках той или иной парадигмы - процессы, обусловленные созданием или демонтажем сложных материально-технических, управленческих, образовательных, кадровых и других структур в государстве. По этой причине начало критического осмысления положения дел в нашей космонавтике – это, во-первых, симптом наметившейся смены парадигм, а, во-вторых, свидетельство начала всестороннего анализа опыта исторического развития и факторов, обеспечивающих жизнеспособность советской космонавтики.

Наивно было бы полагать, что одними только критическими подходами удастся изменить геополитическую парадигму мировой космонавтики, в то время, как она продолжает составлять фундамент национальной безопасности. Прежде всего, необходимо выяснить меру **разумной достаточности** в финансировании, развитии материально-технической, управленческой и кадровой базы этого направления научно-технического и социального прогресса. Не менее актуально определить соотношение направлений и ориентации, которые создают предпосылки новой парадигмы; требует решения вопроса о конверсии материальной, кадровой базы, творческого потенциала геополитической парадигмы на обеспечение деятельности в рамках новой парадигмы, в большей степени отвечающей реальностям целостного человечества, ориентирующегося на гармонию с биосферой и Вселенной.

Какая парадигма в развитии мировой космонавтики приходит на смену геополитической? Вероятнее всего это парадигма, о которой мечтали основоположники космонавтики. Ее можно назвать **цивилизационной**. В плане освоения космического пространства, намеченном К.Э. Циолковским³⁷⁴, в суждениях многих деятелей мировой космонавтики в качестве кардинальной идеи высказывалась мысль о космонавтике, как могучем средстве освоения новых пространств, энергий, расширения познавательного горизонта, овладения и управления природными и социальными процессами на Земле. И в последующие времена, когда космонавтика уже совершила первые свои шаги, многие конструкторы, космонавты, ученые-обществоведы разрабатывали именно идею цивилизаторской, социально-прогрессивной функции космонавтики. Эта ориентация сформировалась в соответствующие направления геокосмической практики. Вместе с тем, это пока ориентация, а не парадигма.

³⁷⁴ Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами / Циолковский К.Э. Избр. тр. М., 1962. С. 167–208.

В развитии советской, американской, западно-европейской, китайской, японской космических программ в разной степени и в разных объемах представлена прагматически-коммерческая ориентация космонавтики, но она все еще продолжает развиваться в рамках геополитической парадигмы³⁷⁵. И это ее реальное содержание, которое ранее выдавалось за должное. Однако, космонавтика более трех десятилетий работала не на нужды глобальной цивилизации, а на узко трактуемый «национальный интерес». С ее помощью отрабатывались механизмы сохранения геополитических интересов. Вместе с тем, в силу специфических особенностей космической деятельности именно в рамках космических программ были созданы технические средства, способствующие глобальному самосохранению человечества.

О цивилизационной парадигме мировой космонавтики можно будет говорить уже за пределами XX столетия³⁷⁶. Создание мощной материально-технической базы для развертывания космической индустрии, систем космоэкологического мониторинга и космической информационной инфраструктуры, развертывание космического приборного парка, значительное преобладание цивилизованных ориентации в финансировании, объеме запусков, числе работающих кадров, объемах получаемой информации, конверсирование и демонтаж военно-космического комплекса – все это позволит говорить о завершении геополитической и развертывании цивилизационной парадигмы космонавтики.

В связи со становлением цивилизационной парадигмы возникает немало вопросов об альтернативных (космическому) способах решения коренных задач глобального прогресса. В условиях, когда геополитическая парадигма не будет преобладать в общественном сознании, в космической деятельности могут отразиться чисто геоцентрические и антропоцентрические ориентации. Предвидя такие ситуации, следует обсудить вопросы о параметрах и пределах роста земной цивилизации, об условиях ее превращения в космическую цивилизацию, а так же, об альтернативных моделях глобального развития. Следует также иметь в виду, что цивилизационные ориентации космонавтики практически не связаны с факторами традиционно трактуемой национальной безопасности. Поэтому общество способно (через демократические механизмы власти) оказать заметно сдерживающее влияние на формирование цивилизационной парадигмы. В результате относительные затраты на космические программы заметно начнут снижаться, а рентабельность вложений будет возрастать. В конкурентной борьбе с другими научно-техническими комплексами и отраслями науки и производства космонавтика может и нести значительные потери: снизится ее приоритетность,

³⁷⁵ Исаченко И.И. Тупики космической гонки. М., 1989.

³⁷⁶ Урсул А.Д. Перспективы выживания цивилизации: космоэкологический аспект // Философские науки. 1989. № 8. С. 3–12.

уменьшится финансирование, более реалистичным станет отношение к ней общественного мнения. Но все эти моменты не смогут полностью исключить космическую деятельность как одного из важнейших факторов развития цивилизации.

Усилия общества на научном, техническом, экономическом, социально-философском, социологическом, методологическом и других направлениях осмысления, и практической реализации планов космической деятельности целостного человечества «приблизит нас к созданию парадигмы достойной прогрессивного Человечества.

Космическая цивилизация: границы роста

Представленная тема звучит как модернизация глобалистских постановок 70-х годов, связанных с докладами Римскому клубу. Бесспорно, она во многом навеяна современной глобалистикой, однако и необходимостью вообще разобраться в соотношении экстенсивных и интенсивных возможностей в развитии человеческого общества. Обращение к проблемам развития космических цивилизаций, возможно, не столь актуально в практическом, сколь в мировоззренческом и методологическом аспектах: как поиск ключа к пониманию некоторых тенденций развития общества, кажущихся универсальными. В этом отношении следует упомянуть по меньшей мере три обстоятельства, связывающие практический и мировоззренческий уровни:

Прежде всего – обоснование глобалистики, непосредственно анализирующей животрепещущие проблемы развития современного человечества. Философия глобальных проблем и должна посмотреть на возникшие экстремальные, граничные ситуации современности с точки зрения некоторых универсальных закономерностей развития.

Второе обстоятельство связано с необходимостью осмыслить элементы нарождающейся космической практики. Что это: зигзаг развития технической цивилизации, проба ее возможностей или задел для будущего витка развития цивилизации? Современное человечество обозначило вектор движения во внеземной ареал и имеет не только обоснованные программы, сценарии последующих шагов, но и некоторую материально-техническую и творческую базу для их реализации. Какова в этом необходимость и возможные последствия? Здесь необходимы суждения не столько в рамках обоснования альтернативы: «земной-космический путь развития», сколько поиск возможных космических и космически-земных альтернатив.

Третий момент связан со значительным усилением общественного и научного интереса к проблемам внеземных цивилизаций (ВЦ). В этой сфере мы сталкиваемся с массой свидетельств на обыденном уровне как будто говорящих: «вот они – космические пришельцы, рядом с нами». То что это возможно говорят и различные умозрительные расчеты о числе цивилизаций

в космосе. В то же время многолетние поиски следов астроинженерной деятельности ничего не дали. В итоге проявления этого своеобразного «астро-социологического парадокса» значительно усилились позиции сторонников концепции космической уникальности земной цивилизации. Обозначенная ситуация требует некоторой нетривиальной (не только лежащей в плоскости: «множественность – уникальность») развязки.

Перечисленные обстоятельства намечают некоторые новые возможности в разработке глобальных проблем. Такой подход к глобалистике может быть назван экстерналистским, поскольку рассмотрение традиционных для глобалистики проблем осуществляется в предельной пространственно-временной перспективе и как бы с позиций внешнего наблюдателя, отстраненно.

Что касается вопроса о границах роста, некоторых граничных условиях, то такой ракурс рассмотрения позволяет максимально прояснить «смысл» развития цивилизации, выявить вариации развития, нащупать пути выхода из кризисных ситуаций. С позиций экстерналистской глобалистики уже на первых этапах своего развития возможная космическая цивилизация должна сталкиваться с целым комплексом ограничений, действие которых заставляет представлять себе развитие цивилизаций в космосе иначе, нежели путь неограниченной экспансии и астроинженерии.

Опуская детальное рассмотрение существующих здесь граничных условий, нужно подчеркнуть, что они заставляют обратить внимание на все более яркие проявления сущности цивилизационного пути развития. Если в развитии живой природы сущность ее проявляется в экспансии жизни, «оживлении» окружающей среды, то в развитии цивилизации – в «очеловечивании» природы. Иными словами, переход на новый уровень организации (общество) более ярко проявляет самоорганизующие свойства социальной материи. На последующих фазах развития (высокоразвитая цивилизация) происходит переориентация самоорганизующей деятельности с вещественно-энергетических на информационные начала. По всей видимости основной вектор развития цивилизаций с определенного их уровня перенацеливается с внешнеприродных условий и сред на информационные условия и среды. Выход в околопланетный и околозвездный космос может оказаться с этой точки зрения кратковременным и вспомогательным этапом. Основная же ось развития связана с самоорганизующимися и саморазвивающимися информационными системами – с внутренним измерением физического космоса.

С позиций экстерналистской глобалистики возможно иначе взглянуть и на традиционный набор глобальных проблем земной цивилизации (они оказываются лишь внешним проявлением, очередным пределом информационного развития), и на проблемы развития космической практики (ее основная нацеленность – не на новые индустриальные технологии и астроинженерию, а на – новые информационные технологии и возможности),

и на проблемы вземных цивилизаций и коммуникаций с ними (и здесь основные критерии обнаружения и установления контакта сосредоточены в информационной плоскости, связанной с иной картиной мира). В последнем случае вполне логично поставить проблему постцивилизационного развития, его сущности и направлений, хотя никакого эмпирического материала для ответа на этот вопрос у нас сейчас нет.

***Космонавтика и космическая деятельность в зеркале
массового сознания (социологическая записка – 1989 г.)***

В отечественной литературе, как ни странно, отсутствуют системные конкретно-социологические данные о бытующих в массовом сознании оценках, понимании космических явлений, отношении к космической деятельности.

Нельзя сказать, что здесь никогда ничего не предпринималось. Можно отметить некоторые попытки конкретно-социологических оценок мнений отдельных социальных групп (студенчество, школьники), предпринятых П.Ф. Тукмачевым. Отдельные данные по материалам зарубежной печати представлены в работах Г.С. Хозина, В.В. Рубцова, Ю.А. Школенко по локальным вопросам.

Вместе с тем, социологический анализ у нас пока ограничивается теоретическим уровнем, теоретическим моделированием. Между тем конкретно-социологический анализ представляет научный и практический интерес не только по отношению к развитию экономики, межнациональным отношениям или к сфере тех или иных политических событий, деятельности политических лидеров, но и в других областях, в том числе к сфере космической деятельности.

Мы провели такой опрос по репрезентативной региональной выборке (г. Ростов н/Д и Ростовская область, число опрошенных разных категорий населения – 307 чел.). Это пилотный проект, требующий продолжения, но уже и он дает представление о том, что думают, знают и как оценивают космическую деятельность, космические феномены разные категории населения и общество в целом.

1. ***Место освоения космоса*** среди глобальных и насущных проблем – 5-е (23,5 % – ок. ¼ опрошенных). На это место ставят все социальные группы. Большой вес придают этой проблеме крестьяне (41,2 %), а также учащаяся молодежь: школьники 26,1 %, студенты 27,3 %. Наименьшее внимание – у служащих, интеллигенции (14,8 %) – вдвое меньше.

Несмотря на значительный массив критических материалов в средствах массовой информации (правда, в последние полгода эти тона были приглушены и появились позитивные публикации) лишь незначительная часть населения выступает за свертывание космической деятельности

(5,2 % в среднем). Более к этому тяготеют рабочие, меньше – учащаяся молодежь и интеллигенция.

Немалый слой людей, не видящих никаких отрицательных последствий развития космонавтики (12,1 %), в особенности среди рабочих (23,2 %).

Значительное большинство считает, что космическая деятельность насущно необходима (57,7 %). В особенности убеждена в этом учащаяся молодежь. Слой людей, полагающих, что космонавтика появилась лишь из-за политических или военных амбиций невелик – 18-20%. Где-то на этом уровне и число людей, считающих, что космонавтика «оттягивает», отнимает у населения средства, которое можно использовать по-другому.

2. Важным является градация *приоритетов* в развитии космонавтики.

а) приоритетными видятся следующие результаты:

– решение насущных практических задач (связь, ТВ, метеорология, навигация) – 2/3 опрошенных;

– решение научных задач – 60 %,

далее:

– создание необходимых средств для дальнейшего продвижения в космос.

На последних местах – космонавтика как средство предотвращения глобальной войны и демонстрационных возможностей космонавтики.

Крайне незначительная часть (около 5 %) считает, что космические программы бесполезны.

б) приведенная структура приоритетов действует и на стадии выбора перспективных будущих космических программ. Здесь на ведущих местах:

– развертывание в космосе солнечных электростанций (49,2 %);

– полет человека на Марс (30,6 %).

Причем, более прагматичны здесь селяне, более «романтичны» (новая колонизация) служащие, интеллигенция, учащаяся молодежь.

Наименее популярен такой вид будущей деятельности, как развертывание космической оборонной системы (13 %).

Вместе с тем, в массовом сознании бытует убеждение, что космические полеты и программы в ближайшем будущем несколько сократятся и сосредоточатся на практических насущных (40 %), только 10 % полагает, что космонавтика сохранит военные приоритеты.

в) космические достижения с наиболее высоким рей-тингом:

– первый полет человека в космосе (57 %);

– высадка людей на Луне (36,2 %);

– запуск первого искусственного спутника Земли (ИСЗ) (30 %).

Особенность у интеллигенции – у нее на 1 месте лунные пилотные экспедиции – 55,5 %.

Учащаяся молодежь выше расценивает запуск спутника связи и космическое ТВ, нежели первый ИСЗ.

Наименее популярны такие достижения, как: доставка лунного грунта автоматами; мягкая посадка на Венеру; военные спутники наблюдения.

Опять-таки лишь незначительное меньшинство (4 %) придерживается того мнения, что среди космических результатов «не на чем остановить взор».

Направлениями космической деятельности, без которых можно было бы обойтись, массовое сознание считает:

- полет женщин в космос (31,9 %);
- военные спутники наблюдения (24,4 %) и международные пилотируемые полеты (19,2 %).

Среди проектов, предложенных на предмет оценки их «бесполезности», были и такие, как многоцветные космические системы и программа орбитальных станций. Однако лишь от 4 до 7 % опрошенных считают эти программы ненужными. В качестве наиболее опасных отрицательных последствий развития космонавтики видят экономические последствия космической деятельности (44,6 %) и военные (34,9 %).

3. Значительная часть вопросов была посвящена изучению мировоззренческих ориентаций, состоянию научной грамотности.

Что касается уровня научной грамотности, то группы, имеющие более высокий общий образовательный рейтинг, оказались и более научно грамотными. Так, на вопрос: Что представляет из себя Солнце? – при общем уровне положительных ответов (звезда) – 56,4 %. Наименее сведущими оказались рабочие – 37,8 %, наиболее – служащие, интеллигенция – 85,2 %. Соответственно и уровень затрудняющихся среди первых был во много раз большим, чем среди вторых.

Лишь примерно 25,4 % ответов соответствовали современным космологическим представлениям о развитии Вселенной. И здесь интеллигенция примерно вдвое «грамотнее» рабоче-крестьянской группы.

Сопоставление упомянутых данных с аналогичными американскими опросами (Лайтман, Миллер и др.; 1983–87 гг.), показывает, что они примерно одинаковы. (Чуть более половины американцев назвали Солнце звездой и около 24 % полагают, что Вселенная расширяется).

Изучение самооценки знания основных астрономо-космонавтических понятий показало, что этот уровень очень невысок и с такими явлениями, как «Красное смещение», «зодиакальный свет», «альbedo» знаком лишь каждый шестой, а с такими, как «квazar», «бoлид», «эклиптика», «солнечный ветер» – менее, чем каждый третий. В значительной части это относится и к учащейся молодежи. Наиболее хорошо опознаваемы (чуть более опрошенных) оказались понятия «апогея» и «терминатор». Последний, впрочем, многие узнавали, судя по всему из названия одноименного американского фильма, которое, как известно, существо дела совершенно не отражает.

Анализ источников знаний показал неважную картину. Крайне невысоко опрошенные оценивают школьное и вузовское образование, лекционную

пропаганду. Ведущее место отводят СМИ (около $\frac{3}{4}$), научно-популярной литературе.

Кстати говоря, место астрологической и оккультной литературе отводится невысокое. Лишь каждый восьмой выделил ее среди источников пополнения своих знаний и примерно 15 % разделяют позиции, высказанные в этой литературе.

Должен отметить, что по сравнению с исследованиями мировоззренческих ориентаций, проводимых в регионе 2 года назад, среди учащейся молодежи значительно (в 2-3 раза) выросла доля лиц с позитивной установкой на религиозные ценности. Причем, следует думать, что это традиционные религиозные ценности, а не космизированные течения современных суеверий (об этом свидетельствуют соответствующие ответы).

Любопытно распределились ответы на блок вопросов, связанных с существованием жизни в космосе, контакт с внеземными цивилизациями. Типичным здесь является следующее мнение: около половины убеждено, что космические цивилизации – распространенное во Вселенной явление (по аналогичным опросам в США – 62 %). С точкой зрения, что земная цивилизация уникальна во Вселенной согласен лишь каждый девятый.

Вместе с тем, чуть менее половины опрошенных – и это наиболее распространенная позиция – считают, что контакты между цивилизациями – крайне редки, а публикуемые сообщения о НЛО сигнализируют о явлениях весьма разнородной природы. Верят в то, что большинство публикуемых сообщений о НЛО достоверно примерно каждый третий. Причем среди служащих, интеллигенции таких меньше, а среди школьников, рабочих – больше (до 40 %).

Между тем конкретно-социологический анализ представляет научный и практический интерес не только по отношению к межнациональным отношениям, развитию экономики или в сфере изучения тех или иных политических акций тех или иных лидеров, но и в других сферах, в том числе и в сфере космической деятельности.

Выводы*:

Общественное мнение в области освоения космоса и космических программ характеризуется как полностью ориентированное на цивилизационную парадигму космонавтики (в отличие от геополитической). Оно трезво оценивает возможности общества, полагая, что следует сосредоточиться на максимальном развитии тех приложений космонавтики, которые приносят наибольшую пользу, сочетая с развитием научных космических программ. Среди наиболее важных нетехнических, социальных направлений, наиболее крупных программ деятельности космонавтике не отводится 1-е место. Скорее ее видят на своем месте, подчеркивая важность сохранения уже завое-

* Напомним, речь идет о социологическом исследовании 1989 г.

ванных позиций более органичного вплетения ее в существующие направления деятельности.

Прагматизм массового сознания тем не менее парадоксально сочетается с известными романтическими устремлениями. Все основные категории опрошенных в числе приоритетных направлений космической деятельности в ближайшем будущем выделили и полет человека на Марс, и создание лунной базы.

Серьезные выводы в сфере образовательной политики, реформы содержания образования напрашиваются в связи с изучением состояния научной грамотности. Она оставляет желать много лучшего и без заботы об удовлетворительной образовательно-ценностной среде, нечего и думать обществу в целом, нашим космическим ведомствам и агентствам, что население полностью поймет, разберется и поддержит их планы и наметки. В развитии космонавтики, и это становится все яснее, вырисовывается возрастающая значимость социокультурных факторов. Это требует не только своих коррективов, но и существенного изменения взглядов на соотношение, сочетание в космонавтике инженерно-производственной, научной, пропагандистской, рекламной, образовательной деятельности. Но для этого нужно накапливать, создавать банк социокультурной информатики в сфере космонавтики.

Предложения: 1) целесообразно системный и локальный мониторинг проводить достаточно регулярно, развернув его с регионального до общенационального уровня; 2) вопросам информационным, пропагандистским уделять специальное внимание.

Космическое наблюдение как метод научного познания

В богатом творческом наследии К.Э. Циолковского встречаются положения, до сих пор удивляющие силой предвидения. Например, одним из шагов, приведших к революционным изменениям в астрономии, справедливо считается использование космической техники. Астрономия получила тем самым возможность выносить приборы и наблюдателя за пределы земной атмосферы и стала всеволновой. Резко увеличился приток новой эмпирической информации, появились новые теоретические схемы, существенно изменилась астрономическая картина мира. Обращаясь к классической работе К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», мы находим здесь предсказание этой революции: «... Только с момента применения реактивных приборов, – писал К.Э. Циолковский, – начнется новая, великая эра в астрономии – эпоха более пристального изучения неба»³⁷⁷.

³⁷⁷ Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами (1911 – 1912 гг.) / Избр. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 205.

В другом месте этой же работы высказано положение, очень актуальное на современном этапе космических исследований, когда предпринимаются попытки дать оценку фундаментально-научной их ценности. Что дали они за два с половиной десятилетия для науки? Вызвали ли необходимость пересмотра фундаментальных научных концепций?

На первых порах космической эры было высказано немало прогнозов о том, что выход в космос в скором времени приведет к пересмотру многих основных естественнонаучных положений, возникновению новых фундаментальных представлений. Кардинальные проблемы, которые были поставлены до начала космических Полетов (происхождение Солнечной системы, жизни на Земле, существование иных обитаемых миров и т.д.) казалось, будут, быстро решены. Иначе говоря, сработает эффект «открытия калитки»³⁷⁸.

Действительность, как предвидел К.Э. Циолковский оказалась сложнее: «Проникни люди в солнечную систему, распорядись в ней, как хозяйка в доме: раскроются ли тогда тайны Вселенной? Нисколько! Как осмотр какого-нибудь камешка или раковины не раскроет еще тайны океана»³⁷⁹.

Эти два положения К.Э.Циолковского, высказанные много лет назад и подтвержденные современной практикой, имеют гносеологический характер. Речь здесь идет о двух моментах в космических исследованиях: первый – начало революционных изменений в научном познании со времени выхода в космос; второй – длительный и сложный характер познания космических объектов.

Иначе говоря, революционные изменения в науке не последуют сразу и автоматически после выхода в космос, а потребуют долгого и кропотливого исследовательского труда, создания арсенала новых средств и методов.

Процесс формирования новых методов и исследовательских процедур в исследовании космического пространства продолжается уже четверть столетия. Появились такие методы, как космическое наблюдение и космический эксперимент. Определенные модификации претерпевает в космических исследованиях метод моделирования. Можно зафиксировать ряд изменений, происходящих на теоретическом уровне науки³⁸⁰.

Но если изменения, происходящие в арсенале космических средств и методов, привлекают внимание, то вопросам специфики космического эксперимента, космического наблюдения уделялось мало внимания. Между тем метод космического наблюдения играет все большую роль в современной

³⁷⁸ Ducrocq A. La mythe du guichet. – In: Air et cosmos, 1981, v. 19, № 873, p. 59-64.

³⁷⁹ Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами (1926 г.) / Избр. тр. М., 1962. С. 244.

³⁸⁰ Старостин А.М. Космические исследования и научная картина мира / В кн.: Социологические проблемы космонавтики и внеземных цивилизаций. М., 1982. С. 15–23.

науке и культуре. Мы постараемся проанализировать существо метода космического наблюдения, выделить его социокультурный аспект.

Космическое наблюдение выступает как разновидность определенного исторически конкретного типа опыта, который может быть обозначен, как **космический опыт**. Он выделяется в нашей литературе наряду с такими типами, как геоцентрический и космизированный³⁸¹. Особенности космического наблюдения определяются не только спецификой космических объектов, но и другими компонентами его структуры, которая включает субъекта, с его целями и познавательными задачами; **объект**; **информационный носитель**, посредством которого осуществляется передача информации об исследуемом объекте; систему исследования – совокупность средств и объектов, среди которых присутствует исследуемый объект и который так или иначе выделен в качестве предмета изучения; **приемно-регистрирующее устройство** – средства фиксации, измерения исходного и конечного состояния объекта и условий в ходе наблюдения.

Для космического наблюдения характерно формирование системы исследования, связанное с выходом за пределы Земли. Вынесение за пределы атмосферы приборных средств или человека-наблюдателя позволяет конструировать по отношению к космическим и другим объектам принципиально новые наблюдательные ситуации. Предметом наблюдения могут выступать космические объекты, Земля и ее подсистемы, деятельность человека в космосе, протекание различных технологических процессов и т.д.

Ряд особенностей космического наблюдения обусловленных характером космических условий и объектов, в свое время рассматривался³⁸². Мы остановимся на рассмотрении трех моментов космического наблюдения, в которых, на наш взгляд, проявляются его наиболее существенные особенности и намечаются любопытные сдвиги в развитии метода наблюдения вообще.

Во-первых, интерес представляет рассмотрение роли активности субъекта в космическом наблюдении. Это важно потому, что здесь мы сталкиваемся с попытками преодолеть ситуации, в которых имеет место несоизмеримость времени существования субъекта и наблюдаемого объекта, их пространственная несинхронность. Мы встречаемся с этим уже в астрономическом наблюдении с поверхности Земли, где, однако, основным средством

³⁸¹ Севастьянов В.И., Старостин А.М., Урсул А.Д. Космонавтика и научный эксперимент (проблемы методологии). М., 1979.

³⁸² Гречко Г.М. Космонавт-исследователь на орбитальной станции // Земля и Вселенная. 1982. № 2. С. 17–21; Иванченков А.С. Визуальные наблюдения с борта станции «Салют-6» / В кн.: Наука и человечество. М., 1981. С. 83–93; Иванян Г.А. Специфика участия космонавтов-исследователей в геокосмических экспериментах. Л., 1975; Йен З. Некоторые проблемы визуальных наблюдений Земли из космоса / В кн.: Будущее науки. М., 1982. С. 113–118; Лазарев А.И., Николаев А.Г., Хрунов Е.В. Оптические исследования в космосе. Л., 1976; Рукавишников Н.Н. О роли космонавта в космических научных экспериментах // Природа. 1977. № 10. С. 137–141; особенности деятельности космонавта в полете. М., 1976.

выступает теоретическая активность субъекта, приводящая к конструированию так называемых «квазиэкспериментальных» ситуаций³⁸³.

С началом космических исследований проявляются возможности развития новой формы активности субъекта, которую можно было бы назвать **проективной активностью**. Существо ее заключается в конструировании различных «срезов», «проекций» объекта за счет изменения системы исследования, включающей этот объект. Эта форма активности субъекта особенно актуальна там, где возможности воздействия на объект, меняющие его состояния, крайне ограничены или не могут быть осуществлены по экологическим или каким-либо еще ограничениям, либо естественные изменения объекта несоизмеримы со временем существования субъекта.

Второй момент, представляющий интерес – это анализ образа объекта, получаемого в результате исследований. В космическом наблюдении (в особенности при автоматизированных исследованиях) используются сложные приемно-регистрирующие устройства. С их помощью различные параметры объекта фиксируются, преобразуются, запоминаются, передаются на Землю и здесь идет их обработка и привязка к пространственно-временным координатам.

Современные технические устройства выполняют функции первичного отражения и преобразования информационного эквивалента объекта в сенсорный эквивалент. Процесс собственно наблюдения превращается в многослойную структуру, где идет движение от одного информационного слоя к другому. В результате образуется сложная информационная реальность, соответствующая свойствам изучаемого объекта и условиям его существования. Это многопараметрическая информационная реальность и она далеко не всегда удобна для чувственного восприятия, сложна в интерпретации.

Вот почему одной из труднейших проблем космического наблюдения является создание автоматизированных систем обобщения и интерпретации первичной информации, извлечения целевой информации. В противном случае мы сталкиваемся с противоречиями между огромным объемом космических данных и малой пропускной способностью в обработке, ненаглядным характером данных и отсутствием навыков работы с ними.

Результат: «Научной обработке подвергается еще небольшая часть космических наблюдений Земли. Из тысяч фотографий, полученных космонавтами, отдешифрованы только немногие. Среди сотен тысяч телевизионных изображений с ИСЗ «Метеор» детальному анализу подверглось не более 1 % изображений»³⁸⁴. Для изменения этого положения в настоящее время

³⁸³ См.: *Степин В.С.* Взаимосвязь наблюдения, эксперимента и теории в познании Вселенной / В кн.: Философские проблемы астрономии XX века. М., 1976. С. 151–187.

³⁸⁴ *Шкловский И.С.* Вторая революция в астрономии подходит к концу // Вопросы философии. 1979. № 9. С. 54–69.

интенсивно используются возможности космонавтов-исследователей, непосредственно ведущих наблюдения. Преимущество этого вида космического наблюдения состоит в том, что его программа может быть оперативно изменена, в зависимости от полученного результата, и быстро получена интерпретация и обобщение виденного. Однако это относится только к таким первичным данным, которые фиксируются визуально. В космических же наблюдениях такой вид информации по относительному объему не слишком велик. Объект отражается визуально в узком диапазоне спектра, дается качественная интерпретация виденного.

Поэтому кардинальной проблемой космического наблюдения остается необходимость Создания технических систем, опосредствующих функции наблюдателя и способных преобразовывать систему первичных данных в сенсорные эквиваленты. С этой проблемой сталкиваются исследователи и в других областях научного питания, по мере продвижения вглубь исследуемых объектов. Но в космических исследованиях она стоит во весь рост.

Третий момент космического наблюдения – противоречие между глобальным характером космических исследований и региональными формами их осуществления и использования получаемых результатов, что обусловлено, существующей социально-политическими реальностями. Этим обусловлен ряд ограничений, накладываемых на распространение космической информации. Немаловажно и то, что космическое пространство (в особенности околоземное) и космические объекты представляют не только предмет исследовательского интереса, но и являются – социальной и экологической ценностью как элементы среды обитания и освоения. Поэтому при планировании космических наблюдений, разработке исследовательских средств, так же, как в космическом эксперименте, возникает проблема экологических границ³⁸⁵.

Наконец, в космическом наблюдении, как и в других видах наблюдения, имеют место специфические идеалы и нормы научно-практической деятельности³⁸⁶. В своей совокупности они задают общую схему метода. Наряду с такими общими нормами наблюдательной деятельности, как требования новизны, точности, воспроизводимости, возможности проверки другими способами, в космическом наблюдении формируется целый ряд дополнительных норм, вытекающих из особенностей космических условий, экстремальных условий деятельности, сложности и трудоемкости осуществления космических полетов. Перечислим следующие нормы космического наблюдения не останавливаясь на характеристике:

- программно-целевой подход к подготовке наблюдений;
- единство научной и практической целесообразности;

³⁸⁵ См.: Севастьянов В.И., Старостин А.М., Урсул А.Д. Космонавтика и научный эксперимент (проблемы методологии). М., 1979.

³⁸⁶ См.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981.

- модельная проработка (наличие модели объекта);
- методическое перекрытие (наличие в арсенале нескольких, взаимнопересекающихся методик наблюдения);
- комплексность изучения объекта;
- дублирование в регистрации и документировании результатов;
- количественная выраженность результатов.

Указанные нормы, которые, впрочем, не являются специфическими лишь для космического наблюдения, отражают сегодняшний уровень развития космической техники и средств наблюдения. Проблема специфики метода космического наблюдения требует дальнейшей разработки. Мы лишь попытались показать сложный характер процесса формирования новых космических методов, выделить ряд особенностей метода космического наблюдения, поставить проблемы, требующие дальнейшего обсуждения.

Экологические границы космического эксперимента

В известных научно-технических и философских работах К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903, 1911 и 1926 гг.), «Монизм Вселенной», «Будущее Земли и человечества»³⁸⁷ и других изложена стройная и последовательная программа освоения космоса и предложены основные средства ее реализации. По существу, Циолковским «была впервые осознана идея становления космической практики как закономерного этапа прогресса цивилизации.

Анализируя и развивая наследие великого ученого, мы должны рассматривать предсказанный им процесс освоения космоса в его реальной противоречивости. Некоторые аспекты данного процесса непосредственно не затронуты (или почти не затронуты) в творчестве Циолковского, но тесно связаны с логикой развертывания основных его идей. Необходимость их анализа стала ощутимой только в наше время – время начала практической реализации программы, выдвинутой ученым. К таким аспектам следует отнести и реальные противоречия во взаимодействии общества с внеземной природой в процессе ее познания и преобразования. Задачей настоящей статьи является постановка и обсуждение проблемы развивающихся взаимоотношений научно-экспериментальной деятельности и космической природы в свете уроков современной экологической ситуации, возникшей в результате взаимодействия производственной деятельности и земной природы за последние десятилетия.

Нужно заметить, что, рассматривая взаимоотношения общества и живой природы в научно-познавательной практике, обычно исходят из

³⁸⁷ Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами. Собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 69–99, 100–139, 179–260; Он же. Монизм Вселенной. Калуга, 1925; Он же. Будущее Земли и человечества. Калуга, 1928.

определенной модели субъект-объектных отношений, согласно которой объект пассивен, а активность субъекта количественно растет. На эмпирическом уровне это означает переход от наблюдений к эксперименту и от более пассивных к более активным методам воздействия на объект. И действительно, возрастание преобразовательной активности в экспериментальной деятельности является магистральным путем развития научного познания. Увеличиваются преобразовательные возможности, стоимость научных приборов и инструментов, их обслуживают многотысячные коллективы ученых и специалистов³⁸⁸. Интенсивно протекает индустриализация экспериментальной деятельности³⁸⁹. Но свободен ли данный путь от всех и всяких ограничений? Не возникнет ли с ростом масштабов научных инструментов и их преобразовательных возможностей неблагоприятная экологическая ситуация? Как может она выглядеть. Постановка подобных вопросов закономерно обусловлена резким увеличением размаха, активности и потенциалов научно-практической деятельности.

Ограничения того или иного свойства всегда накладываются на научный эксперимент. В особенности это относится к социальным и медико-биологическим экспериментам, в которых должно выполняться главное требование: безопасность для жизни и здоровья изучаемого объекта и соблюдение правовых и нравственных норм. Однако такие ограничения в общем-то не носили (или почти не носили) экологического характера. Положение изменилось с развертыванием космизированных естественнонаучных и научно-технических экспериментов. Стало необходимым учитывать также и возможные их экологические последствия (особенно нежелательные). И тем более животрепещущей оказывается проблема экологических границ эксперимента применительно к космической научно-экспериментальной деятельности.

В понятие «экологические границы» мы вкладываем широкий смысл, связывая их не только с биосферой Земли, но и вообще со средой обитания живого³⁹⁰. Экологическими границами космического эксперимента будем называть такие ограничения на экспериментальную преобразовательную деятельность с использованием космической техники, которые диктуются необходимостью предотвращения возможных негативных последствий этой деятельности для Земли и ее оболочек, космической среды или планет в Солнца. Речь идет об искусственных воздействиях, которые ведут к нежелательным

³⁸⁸ Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. – М.: Наука, 1974. С. 88–89, 94.

³⁸⁹ Жданов Г.Б. Эксперимент и теория в современном естествознании (Физические науки) с/ В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. – М.: Наука, 1968. С. 116–118.

³⁹⁰ Экология – наука, изучающая взаимоотношения организмов между собой и с окружающей средой. С началом освоения космоса экология в тенденции все более превращается в интегральную дисциплину, изучающую главным образом взаимодействие общества и природной среды (будь то земная или космическая среда).

возмущениям планетарной или космической среды либо к разрушению уникальных космических объектов. Подобные эффекты могут представлять собой побочный результат влияния космических средств на земную и космическую среду, а могут и возникать непосредственно в ходе воздействия на космические объекты и оболочки Земли в познавательных целях. Рассмотрим факты первого и второго рода.

Любой космический эксперимент мыслим, как правило, лишь при наличии ракетно-космической техники. Но ее функционирование с ростом масштабов ракетно-космических систем: и частоты запусков уже чревато некоторыми негативными экологическими последствиями. Например, вывод технических устройств и космос отрицательно влияет на состав и структуру атмосферы пашей планеты. Запуск сверхмощных носителей с Земли нарушает целостность озонового слоя, защищающего земные организмы от губительных ультрафиолетовых лучей. Околосреднее пространство засоряется нефункционирующими объектами. Пока, на первых порах космической эры, подобные негативные аспекты проявляются в виде слабых тенденций. Однако уже сегодня расширяющиеся масштабы экспериментальной практики в космосе и увеличение числа космических экспериментов остро ставят проблемы предвидения отрицательных последствий и разработки мер социального контроля за космической экспериментальной деятельностью.

В этом отношении важными оказываются проблемы, связанные с дальнейшим развитием космической техники и ее взаимодействия с земной и космической природной средой. Возникает надобность в разработке космической техники с учетом определенных экологических ограничений. Пути здесь могут быть различными: увеличение надежности и длительности функционирования аппаратуры в космосе, ее полифункциональность и т. п., что в состоянии уменьшить потребность в большом количестве новых запусков. Однако в конечном счете принципиально решить возникшее противоречие мыслимо только посредством создания относительно самостоятельной производственной базы вне Земли.

Побочные воздействия функционирования космической техники ощущаются не только в земных оболочках и в околосреднем космическом пространстве. Наблюдаются влияния и на некоторые другие реалии в космосе. Так, при изучении Луны и околосреднего пространства с помощью американских кораблей «Аполлон» произошло «загрязнение» ничтожно малой лунной атмосферы выхлопными газами. Их массы стали сопоставимыми)³⁹¹, а в результате на естественном спутнике Земли, по существу, образовался новый атмосферный слой. Таким образом, мы опять сталкиваемся с проблемой экологических границ.

³⁹¹ См.: Шевченко В.В. Физическая селенография // Вестн. АН СССР, 1973. С. 11–12.

Анализ протекания очень тонких и потому легко «ранимых» процессов в космосе, поиск жизни на планетах Солнечной системы, изучение ряда малоисследованных, но, возможно, играющих большую роль в космической природе явлений, - все это требует создания особо «чистых» экспериментальных средств и методик их использования. Иначе само функционирование орудий космического эксперимента будет порождать эффекты, сопоставимые с естественными, и, следовательно, исказить действительную картину наблюдаемых объектов или приведет к необратимым изменениям в развитии ряда космических событий. Отсюда вытекает, что космические средства, признанные оптимальными с точки зрения мощности, экономичности и т. д., вполне могут оказаться неоптимальными с экологических позиций. Значит, планирование экспериментальной деятельности в космосе, в особенности разработка долговременных программ, нуждается в возможно более полном учете экологических аспектов.

Те же выводы справедливы и относительно ряда непосредственных воздействий на космическую среду и объекты с исследовательскими целями. Некоторые из таких объектов являются уникальными и представляют собой не только познавательную ценность; между тем активные воздействия на них в ходе экспериментов могут вызвать необратимые их видоизменения, включая и нежелательные. Например, занесение земных микроорганизмов в планетную среду, пусть иную, но не препятствующую существованию какой-то жизни (на Марсе и даже на Венере)³⁹², может привести к трансформациям поверхностных оболочек планеты и стать фактором, препятствующим дальнейшему объективному изучению ее природы и сущности биологической формы движения материи. В последующем модифицированные формы живого в случае их попадания в земные условия тоже могут породить нежелательные последствия.

В свете сказанного понятно, почему уже созданы международные организации, вырабатывающие системы рекомендаций и устанавливающие соответствующие нормы для проведения ряда космических экспериментов. В частности, все страны, участвующие в космических исследованиях, представляют в КОСПАР сведения о том, в какой мере их космическая техника отвечает требованиям планетного карантина³⁹³.

При анализе проблемы экологических границ важно отметить, в каких областях экспериментирования в космосе она особенно актуальна, а в каких – почти не стоит. В общем в настоящее время человечество только переходит к постановке активных экспериментов с космическими мега-объектами. Поэтому

³⁹² В литературе предлагаются проекты преобразования природных условий Венеры путем искусственного внедрения в ее атмосферу земных микроорганизмов. См.: Шкловский И.С.: Вселенная, жизнь, разум. Изд. 4-е. – М.: Наука, 1976. С. 290–291.

³⁹³ Холл Л.Б. Карантин планет: принципы, методы и проблемы / В кн.: Основы космической биологии и медицины. – М.: Наука, 1975. Т. 1. С. 391–417.

проблема экологических границ еще лишь едва намечается по отношению к экспериментальной деятельности в дальнем космосе Солнечной системы, но зато заметно актуализируется в связи с экспериментами в околоземном космическом пространстве, которое начинает испытывать все более заметное воздействие человека, увы, не всегда носящее позитивный характер³⁹⁴.

Динамика и формы развития экспериментальной деятельности в космосе, как они видятся сейчас в перспективе нескольких предстоящих десятилетий, не исключают возможности возникновения ситуаций типа экологического кризиса в тех или иных осваиваемых областях космической природы. Со временем вне Земли, очевидно, приступят к строительству гигантских научных инструментов (ускорителей элементарных частиц, плазменных генераторов, сверхмощных лазеров, радиотелескопов, установок, моделирующих явления аннигиляции, гравитационного коллапса и т. п.). В этих условиях негативные результаты экспериментальных воздействий на космические объекты и среду могут проявиться в таких масштабах и с такой силой, которых мы пока не знали из практики земных экспериментов. Мыслимо, например, нарушение определенного равновесия между микро-, макро- и мегапроцессами и возникновение неконтролируемого перехода физических микропроцессов в макро- и мегасобытия³⁹⁵.

Понятно, что научные эксперименты, чреватые подобными последствиями, в натурном виде нецелесообразны. Видимо, развитие научно-экспериментальной деятельности в космосе будет идти не только по линии неограниченного роста перемещаемых масс и затрачиваемой на это энергии, как указывается в некоторых прогнозах³⁹⁶. Логично предположить развертывание в дальнейшем также и иных способов извлечения информации из природных систем и проведения «решающих экспериментов», и именно – посредством моделирования или каким-либо еще *несиловым* путем.

Подобные тенденции обозначаются уже в современном космическом эксперименте. Здесь наряду с «силовым» воздействием на объект или естественные условия, переводящим их из одного состояния в другое, широко используются «несиловые» методы. При использовании последних состояния исследуемого объекта сколько-нибудь существенно не меняются, а информация о его строении, свойствах и т. д. приобретаетс​я благодаря значительным изменениям познавательных систем, с помощью которых он изучается, или через подбор таких факторов влияния, которые бы серьезно не нарушали структуру объекта при соприкосновении с ним и выступали бы в роли управляемых носителей информации о нем (примером может служить

³⁹⁴ Лилли С. Люди, машины и история. – М.: Мысль, 1970. С. 372–373.

³⁹⁵ О гипотетических возможностях такого перехода говорят, в частности, теоретические выкладки М.А. Маркова. См.: Марков М.А. О природе материи. – М.: Наука, 1976.

³⁹⁶ Холл Л.Б. Карантин планет: принципы, методы и проблемы / В кн.: Основы космической биологии и медицины. – М.: Наука, 1975. Т. 1. С. 300–303.

изменение частоты, мощности и других параметров электромагнитного пучка, которым зондируют объект и по изменениям которого судят о структуре объекта). Масс-энергетические характеристики упомянутых факторов имеют при этом косвенное значение. Главными выступают качества физического отражения и сохранение отраженного «отпечатка» объекта.

Таким образом, вопрос об экологических границах экспериментов в космосе придает новые грани проблеме отражения, стимулирует создание новых методов и средств извлечения информации из природных систем. Это в свою очередь усиливает необходимость дальнейшей разработки концепций информации в неживой природе³⁹⁷ и поиск более совершенных способов ее извлечения. При этом вполне возможно, что распространенные естественнонаучные картины мира, в которых базисными являются категории пространства, времени, движения, взаимодействия, придется дополнить новыми базисными категориями отражения, разнообразия, информации и т.п.

Конечно, направление «несиловых» экспериментов в космосе не отменяет, а дополняет направление «силовых» экспериментов. Вместе с тем оно позволяет практически учесть, когда нужно, наличие определенных экологических границ, одновременно способствуя преодолению последних как препятствий на пути прогресса экспериментальной и вообще всей познавательной деятельности. Ведь эта деятельность, как известно, в принципе безгранична.

Подведем итоги сказанному. Ввиду интенсивной космизации научного эксперимента и развертывания экспериментальной деятельности непосредственно в космосе встает проблема возможных негативных и притом крупномасштабных экологических последствий этих процессов и на Земле и вне нашей планеты. Для предотвращения (или хотя бы сведения к минимуму) таких последствий необходимо достаточно точное определение конкретных экологических ограничений, требуемых для безопасного по отношению к природной среде осуществления тех или иных научных опытов.

Необходимо также развитие космизированной и космической экспериментальной деятельности, а в гносеологическом аспекте – поиск новых методов, более результативных в познавательном плане и в то же время более приемлемых с экологических позиций.

Некоторые методологические проблемы астросоциологии

Астросоциология – это научное направление, предмет исследования которого составляют внеземные цивилизации (ВЦ), их взаимосвязи и вопросы их возможных взаимоотношений с земной цивилизацией. Это направление в науке пока еще только формируется, и исследования ведутся в основном на теоретическом уровне.

³⁹⁷ См.: Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: Философские очерки. – М.: Мысль, 1975. С. 41–63.

Выдающийся вклад в разработку проблемы ВЦ сделан К.Э. Циолковским. Основная мысль, которой он придерживался и которую развивал, – это мысль об обитаемой Вселенной, о существовании бесконечного прогресса в развитии разумной жизни во Вселенной и о наличии целых сообществ разумных цивилизаций, к которым постепенно примкнет и земная цивилизация³⁹⁸.

Не останавливаясь на детальном анализе астросоциологических взглядов К.Э. Циолковского³⁹⁹, рассмотрим, какой поворот приняла астросоциологическая проблематика в последние годы, и проанализируем некоторые методологические вопросы, встающие в связи с ее разработкой.

К числу важнейших и центральных вопросов астросоциологии, от решения которых зависит само существование этого направления, относится существование ВЦ. В последние несколько лет ведется упорная теоретическая борьба сторонников концепции множественности обитаемых миров и сторонников идеи уникальности земной цивилизации.

Одним из авторов современного варианта концепции уникальности является известный астрофизик И.С. Шкловский. В своих статьях и докладах он высказал следующее положение: «Познаваемая нами картина объективно существующей, подчиняющейся своим закономерностям Вселенной исключает наличие в ней некоторой разумной деятельности космического масштаба. Ибо не может разум так преобразовать космические объекты, чтобы его деятельность «не была видна» нам... как нам представляется, вывод о том, что мы одиноки если не во всей Вселенной, то, во всяком случае, в нашей Галактике или даже в местной системе галактик, в настоящее время обосновывается не хуже, а значительно лучше, чем традиционная концепция множественности обитаемых миров»⁴⁰⁰.

Рассмотрим это положение и его обоснование. Сразу нужно отметить, что вывод об уникальности земной цивилизации является не более как развернутой констатацией факта ненаблюдаемости иных обитаемых миров, но не обоснованием. Что же касается философского значения этого вывода, то и здесь следует разобраться.

Прежде всего гипотеза уникальности. Она распадается на «сильный» и «слабый» варианты. Позиция «сильного» варианта состоит в утверждении, что земной биологический мир и земная цивилизация – единственное и уникальнейшее образование в бесконечной Вселенной и иных обитаемых миров не существует. Позиция «слабого» варианта состоит в утверждении, что жизнь и разум во Вселенной – чрезвычайно редкое явление, настолько

³⁹⁸ Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. Калуга, 1925; Он же. Причина Космоса. Калуга, 1925.

³⁹⁹ Подробный анализ этих взглядов дал Фаддеев Е.Т.: *Фаддеев Е.Т. К.Э. Циолковский как предтеча астросоциологии* / В кн.: Тр. V и VI Чтений К.Э. Циолковского. Секция «Исследование научного творчества К.Э. Циолковского». – М.: ИИЕТ АН СССР, 1972. С. 12–25.

⁴⁰⁰ Шкловский И.С. О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной // Вопросы философии. 1976. № 9. С. 92.

редкое, что разные цивилизации, в силу их взаимной удаленности в пространстве и одновременности существования, не имеют никаких возможностей не только для установления контакта, но и установления факта существования друг друга.

Шкловский, судя по ряду публикаций, в которых излагалась его точка зрения, является сторонником «слабого» варианта. Давая название концепции – «о возможной уникальности», – вместе с тем он говорит о возможной редкости внесемных цивилизаций и чрезвычайной редкости так называемых сверхцивилизаций, т. е. о нашем практическом одиночестве во Вселенной. Но в принципе он не отрицает существования ВЦ.

Действительный смысл его позиции – это «слабый» вариант уникальности. Но слабый вариант, по сути, всего лишь разновидность концепции множественности, а не альтернатива ей. Расхождение с большинством представителей этой концепции заключается только в оценках распространенности ВЦ, путей их развития, мотивов деятельности.

Исторически предположения о множественности обитаемых миров придерживались как материалисты, так и отдельные представители идеализма. Однако они вкладывали противоположный смысл в понимание сущности и причин множественности миров. И это было главным различием между ними. Существенно, что ни один последовательно мыслящий материалист не придерживался предположения об уникальности земной цивилизации, и это не случайно. Для материализма множественность и распространенность жизни и разума во Вселенной всегда выводились из идеи единства материального мира, его бесконечности в пространстве и времени, из убежденности в существовании универсальных закономерностей движения материи.

Идеи об уникальности земного мира долгое время придерживалась христианская религия. Сейчас она стремится модернизировать свои взгляды, включить в них идею множественности обитаемых миров. Однако эта идея не согласуется с догматами церкви, в частности с догматом об «искуплении». Естественно, что предположения некоторых современных ученых об уникальности (единственности) земной цивилизации избавляют идеологов христианства от мучительных попыток примирить религию с утверждениями современной науки.

Однако водораздел борьбы тезисов об уникальности или множественности проходит не только по линии «материализм – идеализм». Линия этого раздела имеет и методологические основания.

В «Материализме и эмпириокритицизме» В.И. Ленин дал важные методологические положения, показывающие, как «работают», осуществляя прогностическую функцию, общие положения диалектического материализма. Он, в частности, писал: «Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды... Но, не зная этой необходимости, мы знаем, что она существует. Откуда это знание? Оттуда же, откуда знание, что вещи существуют».

вне нашего сознания и независимо от него, именно: из развития наших знаний...?»⁴⁰¹.

Но абсолютно то же самое можно сказать и по поводу существования ВЦ. Мы не знаем, каковы они, насколько распространены во Вселенной, каким образом действуют и где их искать. Но, не зная этого, мы знаем, что они существуют. Это можно предсказать, исходя из представлений о единстве материального мира и его всеобщих свойствах. Доказательство абсолютной уникальности земной цивилизации чрезвычайно затруднительно не только в методологическом плане, но и с естественнонаучной точки зрения. Оно требует не просто выдвижения «отрицательной гипотезы», а открытия запрета или запретов, не позволяющих явлению жизни и разумной жизни возникнуть в множественном варианте или достигать высших уровней развития.

До сих пор основные научные программы по исследованию сущности жизни и ее происхождения явно или неявно исходят из диалектико-материалистических методологических принципов, полагая, что жизнь возникает во Вселенной закономерно и каких-либо запретов на развитие этого процесса нет⁴⁰².

Таким образом, «сильный» вариант гипотезы уникальности должен быть снят с обсуждения. Что касается представлений И.С. Шкловского о возможной уникальности земной цивилизации, то они, как уже отмечалось, относятся к «слабому» варианту, который по сути своей – разновидность концепции множественности обитаемых миров. На наш взгляд, астросоциологическую проблематику нужно не зачеркивать, а развивать далее. Это комплекс важнейших идей мировоззренческого характера, который находится полностью в русле философии марксизма.

Думается, что к проблеме ВЦ можно полностью отнести слова С.П. Капицы, высказанные на Президиуме АН СССР в ходе обсуждения проблемы происхождения жизни. Он сказал, что сейчас больше пропагандируются частные достижения науки и ослабла широкая пропаганда фундаментальных концепций крупного мировоззренческого значения, в том числе связанных с возникновением и эволюцией жизни. А это открывает дорогу для прагматического подхода к науке, для распространения лженаучных и псевдонаучных представлений⁴⁰³.

Остановимся на некоторых методах, способах подхода к проблемам астросоциологии. Выскажем несколько замечаний, подробно не развертывая их. Они кажутся нам важными в дальнейшем развитии астросоциологической проблематики.

⁴⁰¹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 197.

⁴⁰² В Президиуме АН СССР. О проблеме происхождения жизни // Вестн. АН СССР. 1978. № 4. С. 3–12.

⁴⁰³ Там же. С. 11.

1. Пока в разработке астросоциологических проблем нет оснований для пессимизма, поскольку основания для количественных оценок очень зыбки. Это связано прежде всего со слабостью технических средств, с помощью которых ведутся эмпирические исследования. В арсенале астрономии пока нет столь мощных инструментов, которые позволили бы зафиксировать существование планетных объектов даже у ближайших звезд. Рассуждая о возможностях провести наблюдения и сделать выводы об отсутствии проявлений астроинженерной деятельности, не следует переоценивать возможности имеющихся средств.

2. Методологический анализ проблемы показывает, что «оптимистические» и «пессимистические» оценки наблюдаемости ВЦ делаются при отсутствии больших и долговременных научных программ поиска ВЦ. Н.С. Кардашев привел факт, показывающий, что даже в наиболее обстоятельных современных исследованиях, направленных на поиск искусственных сигналов, время изучения отдельной звезды составляет всего несколько минут⁴⁰⁴. Но самое главное то, что в имеющихся научных программах поиска сигналов или возможных проявлений ВЦ нет сколько-нибудь серьезного социально-философского обоснования поисков.

Главный упор на симпозиумах и конференциях по проблеме ВЦ делается не на развитие идей об их возможной социальной природе и сущности, а на радиоастрономические, астрофизические, лингвистические и иные частнонаучные моменты⁴⁰⁵. Как ранее отметил Е.Т. Фаддеев, при забвении социально-философского аспекта проблемы ВЦ, являющегося главным, мы рискуем выработать такие стратегии поиска, при реализации которых заведомо ничего не найдем или найдем не очень скоро⁴⁰⁶.

3. В поисках возможных проявлений ВЦ пока мало учитывается возможная несхожесть артефактов земного и внеземного происхождения. Мы ожидаем увидеть в космосе проявления астроинженерной деятельности, какое-то «космическое чудо» и думаем, что при любых условиях сможем интерпретировать его как явление искусственное, артефакт.

Нельзя не учитывать отмеченный также С. Лемом эффект «познавательного горизонта». Он пишет: «За горизонтом находится все, чего цивилизация не знает и о чем не может даже додуматься с помощью суммы своих знаний. Каким предстанет перед такой цивилизацией грандиозное явление, которое она может наблюдать, но которое находится за ее познавательным горизонтом? Оно будет ей казаться естественной загадкой»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁴ Кардашев Н.С. О стратегии поиска внеземных цивилизаций // *Вопр. философии*. 1977. № 12. С. 43–44.

⁴⁰⁵ Проблема СЕТИ. – М.: Мир, 1975.

⁴⁰⁶ Фаддеев Е. К.Э. Циолковский как предтеча астросоциологии... С. 18–23.

⁴⁰⁷ Лем С. Одиноки ли мы в космосе? // *Знание – сила*. 1977. № 7. С. 41.

Думается, что пока в большей мере писатели-фантасты средствами художественного моделирования рассматривают возможные негеоцентрические проявления и модели поведения ВЦ. Ученые об этом задумывались меньше; их мысль чаще всего не выходила за рамки геоцентрической модели поведения цивилизации. Кстати говоря, проработка этого вопроса весьма нужна для построения дальних прогнозов о будущих путях развития земной цивилизации. Уже сейчас целесообразно начать построение и анализ возможных «сценариев» развития земной цивилизации по космическому пути.

4. При обсуждении проблемы поисков следов деятельности ВЦ пока совершенно не учитывался фактор экологических границ практической деятельности, социально-экологический аспект проблемы. Несомненно, что в своей практической деятельности в условиях космического пространства человечество уже должно учитывать опыт решения экологической проблемы на Земле и свою деятельность в космосе в дальнейшем строить иначе, чем в условиях Земли, избегая лучевого и вещественного загрязнения космической среды.

Очевидно, что и в поиске проявлений ВЦ нужно учитывать действие экологических (в широком смысле слова) факторов в деятельности ВЦ. В таком случае обнаружение ВЦ по внешним проявлениям становится весьма сложной задачей, поскольку высокоразвитая цивилизация должна стремиться «вписаться» в естественную природную среду, преобразовывать ее так, чтобы не нарушать равновесия больших природных систем, гармонично строить свои отношения с ними.

5. Вероятно, не следует делать далеко идущие выводы из того, что мы пока не обнаружили в космосе радиосигналов искусственного происхождения. Мы можем и не обнаружить их, если коммуникации между ВЦ устанавливаются не с помощью радиосвязи, а иными путями. Нашему земному способу передачи информации с помощью радиоволн не более 80 лет. А возможностями передавать информацию с помощью этих же средств на космические расстояния человечество овладело 10–15 лет назад.

Думается, что этот способ передачи информации перестанет быть главным (а тем более на сверхбольшие расстояния) уже через 40–50 лет. Не учитывать того, что «сверхцивилизации» используют в целях связи какие-то неизвестные нам средства, нельзя. И тем более нельзя искать в космосе отражение собственных средств и способов деятельности, характерных только для небольшого отрезка развития земной цивилизации.

Не следует сбрасывать со счетов и то, что в коммуникациях между ВЦ и земной цивилизацией едва ли не самой важной является проблема целей, мотивов и потребностей в контакте. Что касается цивилизации Земли, то нужно подумать, доросли ли мы до контакта, «интересно» ли им и нужно ли с нами контактировать? Высокоразвитая цивилизация наверняка имеет возможность предварительного изучения своих вероятных партнеров

по контакту в целях принятия последующего решения: развивать контакт из скрытой формы в открытую, двустороннюю или нет.

Мы затронули лишь некоторые методологические проблемы астросоциологии. Многие из высказанных положений предстоит еще развернуть и более подробно аргументировать. Разработку этих вопросов плодотворно ведет ряд исследователей. Однако одного следует избегать при рассмотрении астросоциологических проблем – нетерпения, торопливости и игнорирования уже имеющегося в арсенале философии запаса идей по данному вопросу.

Авторская библиография

Старостин А.М. Русский космизм в контексте современной философской деятельности // Век глобализации. 2016. № 1-2 (17-18).

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Русский космизм в образно-художественном измерении. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика и русский космизм. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011.

Старостин А.М. Актуальные мировоззренческие вопросы астрономии и космических исследований. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во РГПИ, 1991.

4.3. Философия глобализма. Альтернативные модели глобализации с позиций философской инноватики

В современной науке, экспертных разработках, в общественном мнении достаточно устоялся и занял свое место концепт **глобализации общества**. Его принято определять как «процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земли структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества»⁴⁰⁸, а также как применяемого для обозначения «интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества»⁴⁰⁹. Соответственно, результаты исследований и различных интерпретаций процесса глобализации концентрируются в междисциплинарной области научных исследований, получившей название «**глобалистика**». Ее усилия направлены «на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций

⁴⁰⁸ Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.–СПб., 2006. С. 163.

⁴⁰⁹ Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 5.

развития, а также на анализ порождаемых его позитивных и негативных последствий»⁴¹⁰. В целом данные определения приемлемы. Однако в них есть весьма существенные нюансы, которые требуют уточнения. Прежде всего, следует отметить, что «глобалистика» на сегодняшний день представляет из себя не междисциплинарную область исследований, а *многодисциплинарную* область. Хотя сама проблема глобализации и требует перехода на *междисциплинарный* уровень, но современная матрица науки и логика ее реализации разворачивается по традиционному научно-аналитическому сценарию: репрезентации характеристик глобализации на дисциплинарном уровне (экология, метеорология, политология, социология, экономика и др.), и выходя в итоге на постановку проблемы сборки дисциплинарных образов в целостный образ глобализации. Однако примеров сборки на сегодняшний день очень мало и они нас не вполне устраивают. Да и само состояние глобалистики (см. схему 8) как комплексной области познания и знания еще далеко от того, чтобы осуществить успешный синтез, или говоря современным языком – теоретическую сборку.

Схема 8. Проблемное поле глобалистики⁴¹¹

⁴¹⁰ Чумаков А.Н. Указ. соч. С. 4.

⁴¹¹ Гайдулин Р.Р., Ильин И.В., Иванов А.В. Введение в палеоглобалистику. М., 2011. С. 23.

Ведущие глобалисты вполне осознают сложившуюся ситуацию: «Глобалистика как новое научное направление, ведущее исследование проблем глобального масштаба и общечеловеческой значимости, еще находится на стадии становления»⁴¹². И, как совершенно правильно подчеркивается, здесь еще преобладают аспектность, описательность, ситуативность, связанная с текущими коллизиями глобального уровня. В этом противоречии и состоит одна из основных проблем современной глобалистики. Другая связана с определенным «забеганием» прикладных аспектов по отношению к фундаментальным.

Можно также подчеркнуть и наличие существенных моментов политико-идеологического воздействия, ведущих к лоббированию взглядов, интересов, подходов отдельных крупных государств, союзов государств или крупных ТНК и репрезентации выдвигаемых ими концептов в качестве универсальных или «подлинно глобальных».

Об этом свидетельствует вся история глобалистики, вплоть до наших дней. В особенности это было заметно в период «холодной войны», борьбы сверхдержав – СССР и США, в рамках которой зарождались первые идеологизированные версии глобалистики в виде «глобальных проблем современности» и «моделей глобального развития»⁴¹³.

Следует отметить, что уже в 60–70-х гг. XX в. наметились различающиеся или альтернативные (и не только в политико-идеологическом аспекте) модели глобализации. С одной стороны, это сложные количественные модели, основанные на инерционных сценариях, доведения до неких «пределов роста» тенденций развития цивилизации, наметившихся в середине – конце XX в. С другой стороны, это попытки смоделировать развитие, связанное с переходом на новые технологии (многие из которых тогда еще либо были в разработке, либо не существовали), технологические уклады, межгосударственные отношения, системы ценностей. Многие из наработок этого направления легли в формирование концептов «постиндустриального общества», «информационного общества», «общества знаний»⁴¹⁴.

Нужно также отметить, что именно в 60–70-е гг. XX в. сформировалось еще одно влиятельное течение в глобалистике, которое моделировало развитие человечества в контексте освоения космоса и рассматривало количественные и качественные трансформации человека и общества, в связи с его экспансией за пределы земной среды обитания⁴¹⁵. В отечественных

⁴¹² Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.–СПб., 2006. С. 196.

⁴¹³ См., напр.: Хозин Г.С. Глобальные проблемы современности. Критика буржуазных концепций. – М.: Мысль, 1982; Фролов И.Т. Философия глобальных проблем // Вопросы философии. 1980. № 2.

⁴¹⁴ См., напр.: Гвишиани Д.М. Методологические проблемы моделирования глобального развития. М., 1977; Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. – М.: Владос, 1998.

⁴¹⁵ См.: Фаддеев Е.Т. Космонавтика и общество. Ч. 1–2. – М.: Знание, 1970; Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная. – М.: Мысль, 1977.

глобалистских исследованиях это направление мировоззренчески и методологически связано с доктриной русского космизма. В западной глобалистике это включено в контекст глобального эволюционизма⁴¹⁶.

Нельзя не отметить также и ту ветвь глобалистики 70–80-х гг. XX в., связанную с анализом не столько проявлений технико-технологических и экономических тенденций, сколько с ценностно-мировоззренческими основаниями человеческой деятельности (Т. де Шарден, А. Швейцер, Т. Хиггинс, Р. Аткинс, Л. Уайт, Э. Фромм), которые в итоге приводят к альтернативным трендам глобально-цивилизационного развития.

В качестве основных моделей такого альтернативного развития рассматривались (не только в прошлом, но и как модель будущего) путь Запада и путь Востока⁴¹⁷.

По ходу нашего обзора подчеркнем, что автор с 70-х гг. XX в. разрабатывает глобалистские подходы к развитию современного человечества в контексте современного космизма. Хотелось бы обратить внимание в этой связи на ряд авторских научно-аналитических сюжетов, намеченных в этом ключе.

Во-первых, это конкретно-методологическое исследование системы эмпирических методов, которые продуцируют конкретное, фактологическое знание в глобалистике⁴¹⁸. С нашей точки зрения, этот сюжет не получил с 80-х гг. XX в. соответствующего продолжения, хотя и не устарел по сей день.

Во-вторых, это трехпараметрическая модель фазовых глобально-цивилизационных переходов в ретроспективе и космической перспективе⁴¹⁹.

В-третьих, в рамках обсуждения парадокса Э. Ферми (астросоциологического парадокса) выдвинута идея интервалов развития и относительных границ роста и смыслов развития космических цивилизаций (КЦ). И в этом плане предложена парадигма *экстернальной* глобалистики⁴²⁰.

Анализируя процесс развития глобалистики, следует подчеркнуть, что глобалистика как комплексное научное направление начала складываться еще на том этапе развития человеческой цивилизации со второй половины

⁴¹⁶ Нельзя не отметить, что в рамках концепции глобального эволюционизма есть и весьма оригинальные отечественные глобалистские исследования, например, работа: *Габдуллин Р.Р., Ильин И.В., Иванов А.В.* Введение в палеоглобалистику. – М.: Изд-во МГУ, 2011.

⁴¹⁷ См., напр.: *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.* – М.: Прогресс, 1990; *Альтернативные пути к цивилизациям.* – М.: Логос, 2000.

⁴¹⁸ См.: *Старостин А.М.* Проблемы наблюдения и эксперимента в глобальной экологии // *Человек, общество и природа. Труды III Всесоюзного совещания по философской проблематике естествознания.* – М.: Наука, 1983; *Его же.* Наблюдение и эксперимент в глобальной экологии // *Философские проблемы глобальной экологии.* – М.: Наука, 1984.

⁴¹⁹ См.: *Старостин А.М.* Актуальные мировоззренческие вопросы современной астрономии и космических исследований. Ростов н/Д., 1991. С. 19–28.

⁴²⁰ См.: *Старостин А.М.* Некоторые методологические проблемы астросоциологии // *Проблемы внеземных цивилизаций и некоторые тенденции космизации.* – М.: Наука, 1980; *Его же.* Освоение космоса как глобальная проблема // *Человек и космос.* – М.: Наука, 1981.

XX в., когда факторы глобального порядка только начали проявлять себя в науке, технике, производстве, воздействии на планетарную природную среду и межгосударственные отношения (атомная энергия, ядерное оружие, ракетная и космическая техника). В то же время до того этапа, в рамках которого можно говорить о доминировании глобальных факторов в развитии общества, общество тогда еще не дошло. Пожалуй, нет этого и в наше время, хотя суждения о человечестве, как факторе, определяющем развитие планетарной среды и планеты Земля как целого, достаточно распространены.

Тем не менее, на наш взгляд, следует говорить о классической глобалистике, основные подходы в которой сложились во второй половине XX в., и о современной или неклассической глобалистике (начало XXI в.), которая вышла на уровень разработки фундаментальных проблем человеческой цивилизации, опираясь на варианты новой общенаучной картины мира (постнеклассической) и ведя поиски новых частных картин мира (глобальная экология, синергетика, глобальный эволюционизм) и пытаясь их скоординировать и интегрировать.

В этих поисковых исследованиях оказалось востребовано философское знание, современная философия, поскольку именно она обладает способностью целостного мировидения и интеграции отдельных, особенных аспектов развития в целостную картину. Достаточно убедительно подчеркнул данное обстоятельство известный исследователь в сфере глобалистики проф. А.Н. Чумаков: «Философский подход предполагает рассмотрение глобальных проблем в их единстве, целостности и взаимосвязи с точки зрения их общественной значимости и социальной обусловленности. Такое исследование предполагает, прежде всего, выявление сущности глобальных проблем... к известным философским проблемам *бытия, сознания, смысла жизни* и другим постоянно обсуждаемым в философии вопросам, современная эпоха добавила принципиально новую, никогда не существовавшую ранее тему единой судьбы человечества и сохранения жизни на Земле»⁴²¹.

В данном определении зафиксирована значимость исследования глобальных проблем и современной глобалистики для развития фундаментальной философии. Однако не вполне ясно, как же инструментарий философии может быть востребован для анализа проблем современной глобалистики и развязки тех проблем и тупиков, в которые она зашла.

В этом отношении весьма полезную и значимую роль может сыграть концепция философской инноватики, которую мы разрабатываем в последние годы⁴²². Ситуации, в которых актуально обращение к интегративным

⁴²¹ Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 12.

⁴²² См.: Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: URSS, 2012; Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д., 2009.

возможностям и функциям философии, в последние годы все чаще обозначаются в современной науке.

Указанные ситуации характерны и для современной глобалистики, которая востребовала и востребует философский инструментарий. И философия глобалистики, философия глобальных проблем пока вряд ли может быть отнесена к фундаментально-философской проблематике. Здесь необходимо использовать философский инструментарий в виде философской инноватики. Она-то и должна нам помочь осмыслить теоретические, эмпирические, методологические и аксиологические коллизии современной глобалистики и наметить пути ее дальнейшего развития.

Прежде всего с этих позиций следует обозначить различные парадигмально-концептные коллизии, сложившиеся в современной глобалистике, которые пока далеки от возможностей сближения и интеграции и даже не всегда ясны пути к этому. Вот эти коллизии*:

1) дисциплинарный		холистский,
и даже полидисциплинарный	vs	сложносистемный
подход, видение		подход

Пока идет «расползание» глобалистики, ее интерпретация в рамках экономики, политических наук, социологии, истории⁴²³. В то же время арсенал фундаментальных концептов целостного порядка не растет: «ноосфера», «планетарная цивилизация», «постиндустриальное общество» – эти концепты пока недостаточно емки, чтобы сформировать возможность «укладки» частнонаучного, дисциплинарного знания, объемы и «номенклатура» которого продолжают расти.

2) глобалистский		глобалистский
культуроцентризм	vs	натуроцентризм

Ситуация «двух культур», двух базовых парадигмальных подходов к комплексным проблемам – технократического и гуманитарного плана – характерна и для глобалистики.

Вклад со стороны технократического подхода очевиден. Это и методология глобального математического моделирования, и методология сбора комплексной эмпирической информации глобального рода, которые привели к формированию основных глобалистских доктрин и дирижистских доктрин на международном, региональном и национальном (локальном) уровне: «пределы роста», «нулевой рост», «сбалансированный рост», «устойчивое развитие», «глобальное потепление».

* См. схему 9.

⁴²³ См., напр., аспектные варианты: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008 (экономика); Маликова Н.Р. Социальное измерение глобалистики. М., 2012 (социология); Уткин А.И. XXI век. М., 2011 (политология, история).

В то же время концепты гуманитарной природы заземлены на доктрины «мир-системы», «постиндустриального общества», «конца истории», «столкновения цивилизаций». Хотя концепты и одного, и другого порядка значительно расширили горизонты глобалистики, но они все еще находятся в разведенном, взаимодополнительном состоянии.

Схема 9. Основные парадигмально-концептные коллизии философии глобалистики

- 3) интернализм (Малая история, социальный эволюционизм) vs экстернализм (Большая история, глобальный эволюционизм)

Большая часть современных глобалистских исследований по сути геоцентрична и ведет поиск решений, касающихся земной (планетарной) цивилизации, не пытаясь вписать их не в природно- и социально-предпосылочный контекст, развернутый в далекое прошлое, а только в узкопространственные границы, не превышающие границ планетарных сфер и оболочек, и временные интервалы протяженностью от нескольких столетий до последних десятилетий. Такие подходы не предусматривают ни исследований, начатых А.Л. Чижевским, ни современных изысканий в области астробиологии

и космобиологии, ни концептов космической цивилизации⁴²⁴, ни фундаментальных и прикладных проекций антропного принципа. Такая нестыковка очень прозрачно напоминает рассогласование не только картин, но и инструментальных возможностей вроде систем Птолемея и Коперника, но применительно к современной глобалистике.

4) линейный диатропика,
эволюционизм vs гомологические ряды
в глобальных процессах

С этой коллизией мы встречаемся все чаще и сталкиваемся, когда сопоставляем фундаментальные тренды, обозначившиеся в рамках эволюции цивилизации Запада и цивилизации Востока. В основе формирования возможных глобальных альтернатив лежат так называемые цивилизационные ценностно-мировоззренческие матрицы⁴²⁵. Они как своеобразные социально-кодирующие механизмы формируют альтернативные отношения и подходы применительно к природе, обществу, человеку, познанию на уровне локальных цивилизаций. Удастся ли в случае данной коллизии конвергенция путей цивилизационного развития и формирование некоторой планетарно-универсальной траектории, либо же мы останемся в рамках многополюсного цивилизационно-планетарного контекста? – Ответа четкого пока нет. Пока же доминирует линейно-эволюционный подход, проецирующий траекторию развития западного мира в качестве глобально-универсального.

5) горизонтальный вертикальный
глобальный vs глобальный
эволюционизм эволюционизм

Это особая коллизийная тема, имеющая применительно к вертикальному прогрессу две основные проекции: геоцентрическую и космическую. Геоцентрическая проявляется в виде образа локальной цивилизации-лидера, выходящей на планетарный уровень, которая «тащит» за собой весь остальной мир. Космическая проявляется в известных образах качественного скачка в социальном, аксиологическом, когнитивном и даже антропологическом измерениях, когда человечество доходит до глобальных пространственных границ, вещественно-энергетических и информационных уровней преобразовательной деятельности и претерпевает качественное преобразование.

Применительно же к горизонтальному глобалистскому видению человечество продолжает оставаться и антропологически, и аксиологически прежним, даже выходя на уровень регулирования планетарных процессов.

⁴²⁴ См., к примеру: *Гиндилис Л.М.* SETY: поиск Внеземного Разума. М., 2004. С. 455–535 (Гл. 5. Эволюция космических цивилизаций); *Панов А.Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума. М., 2007.

⁴²⁵ См.: *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д., 2009. С. 264.

Обсуждение возможностей сближения и конвергенции, либо необходимости более четкого разведения обозначенных коллизий способно, на наш взгляд, продвинуть развитие современной глобалистики с помощью инструментария философской инноватики. Способствовать этому может также обсуждение и разработка фундаментальных проблем современной глобалистики, в рамках которых конкретизируются обозначенные выше парадигмально-концептные коллизии в глобалистике. Вот список этих проблем современной неклассической глобалистики:

1. Из области палеоглобалистики: прерывалась или нет цепь, линия цивилизационного развития в условиях несформированной планетарной цивилизации («Великий потоп» и другие катастрофы более раннего периода; находки артефактов, которым многие миллионы лет)?

2. В самом ли деле исчерпаны ресурсы индустриальной цивилизации? Или земная (планетарная) экосфера с ее ресурсами и граничными условиями требует перехода в новый формат практической, управленческой и когнитивной деятельности, в рамках которого открываются принципиально иные и ресурсные возможности, и новые ограничения в глобальной практической деятельности?

3. Возможна ли эволюция многосоставной (многополюсной) планетарной цивилизации до границ энергетической емкости основных планетных сфер и ряда других природных и социальных параметров? Каковы препятствия в становлении ноосферы, как единой саморегуляционной системы в случае ее разнородного (в деятельностном и управленческом аспекте) состава? Каковы регулятивные возможности цивилизационной системы планетарного уровня с бинарной и тернарной структурой: планетарной элитой, планетарным «средним классом» и планетарным «массовым слоем» (то, что сейчас называют «золотым миллиардом», «креативным классом» и прочими, но не сконцентрированными в рамках одного государства или союза государств, а распределенного в различных цивилизационных очагах, но действующих скоординировано или в рамках общих норм, интересов, индикаторов деятельности. Вроде «мирового правительства», но значительно шире)?

Не послужит ли такая структура за счет направленных биологических и культурных мутаций, социальной и генной инженерии закреплению статуса планетарной элиты и формированию новых подвидов человека – «человек управляющий», «человек творящий», «человек потребляющий»?

4. Каково отклоняющее и затеняющее воздействие политико-идеологического и вообще аксиологического наполнения в понимании глобальных процессов таких концептов, как «пределы роста», «ядерная зима», «постиндустриальное развитие», «устойчивое развитие», «глобальное потепление»? Что можно отметить, говоря о современных «идолах глобалистики»?

5. Каким может быть представлен «страховой вектор» современного глобального развития? Не только в виде россыпи глобальных проблем

и угроз внутренней (по отношению к цивилизации) и внешней природы, а по- существу? Следует ли развернуть особые виды деятельности по производству экологических сред, глобальных мониторинговых систем; генных банков; банков восстановления цивилизационного развития на базе саморегулируемых и компьютерных центров – проект «Глобальный Ноев ковчег» – земного и космического базирования?

6. В чем новые смыслы концепта «космическая цивилизация» с точки зрения современного космизма, в рамках которого имеет место интегративная тенденция макро- и микро-космизма? Когда «ходы» в освоении микро-объектов выводят на макрокосмический уровень, открывая новые способы перемещения в космосе и получения космической информации от удаленных объектов и когда «Близкое» и «Далекое» удастся объединить за счет выхода в иную мерность.

7. Возможны ли альтернативы применительно к «космической цивилизации», причем альтернативы без потери качества (сложности, наукоемкости; например, – биотехнологическая цивилизация – производство усовершенствованного человека; когнитивная цивилизация, основанная на когнитивных паттернах нового типа – раскодированных методах прямого, холистского, интуитивного познания или развернутых возможностях компьютерного и имитационного моделирования), а также связанные с реальностью, имитируемой не по принципу корреспондирования, а по принципу когерентности и голографичности?

8. Какими видятся новые этапы цивилизационного постпланетарного (ноосферного) развития с позиций «вертикальной эволюции» (Большой истории) и «вертикального прогресса»? Что они могут представлять, если основой такого эволюционного этапа видится переход на новый уровень когнитивного кодирования: «третья сигнальная» и – большего порядка – по И.П. Павлову или последующие типы социокультурного кодирования – по М.К. Петрову – 4-й, 5-й (после личностно-именного, профессионально-именного и универсально-понятийного)?

9. Каковы основные мотивационные и смысложизненные составляющие ноосферной (космической) цивилизации и ее структурных составляющих, субъектов, в дополнение или в развитие тех высших мотивационных уровней (по А. Маслоу), которые видятся как стремление к самореализации? Достаточно ли того, что об этом написал еще 100 лет тому назад К.Э. Циолковский?

10. Что можно сказать о космическом прогрессорстве применительно к развитию нашей цивилизации? Есть ли его признаки (НЛО и УФО-логия), наблюдается ли, хотя бы косвенно, некое генерирующее (на стадии зарождения человека разумного), направляющее, защитно-экранирующее (от рисков самоуничтожения и глобальных разрушительных факторов – геологических и экологических катастроф, падения астероидов, солнечной сверхактивности и т.п.) воздействие?

11. Какие изменения следует внести в современные научные концепции мира, которые применительно к развитию цивилизации (глобальное развитие) базируются на концепции иерархии форм движения? Здесь пока нет идеи единства микро- и макрокосмоса и, в особенности, в связи с универсально-базовой ролью информационных процессов во Вселенной.

Резюме. Подводя итоги анализа современных процессов **глобализации** с позиций философской инноватики, подчеркнем то обстоятельство, что современный глобализм (или глобализм в современном прочтении) пока представляет проекцию деятельности сверхдержав и региональных союзов государств на реальные глобальные природные, социоприродные и социальные процессы. До уровня планетарной цивилизации или цивилизации как планетарного фактора по соответствующим 3-5 базовым факторам (социальный, экологический, информационный, энергетический, ценностно-гуманистический, антропологический) мы не дотягиваем пока в пределах 2-3 порядков (10^2 – 10^3) или, при существующей динамике развития – 3-4 поколения (100–120 лет).

Что касается **глобалистики** как комплексной, полидисциплинарной научной области, то здесь время Большого синтеза еще не пришло. На то есть реальные когнитивные барьеры фундаментального и прикладного свойства. Однако пора включить в осмысление глобализации ряд новых сюжетов, дабы уйти от апологизации и идеологизации некоторых трендов развития общества (например, постиндустриализм как продолжение вестернизации и распространение ее на глобальный социум). Требуется более обстоятельного осмысления ряд основных концептов, таких как:

цивилизационный интервал – пространственно-временной, вещественно-энергетический, информационный ареал развития цивилизации определенного типа;

цивилизационный фазовый переход – трансформация цивилизации одного типа в цивилизацию другого типа (эволюционным или инволюционным путем);

составная цивилизация – цивилизация, состоящая из взаимодействующих цивилизаций разного типа (составное локальное и глобальное общество);

превращенный глобализм (аналог формы превращенной) – не соответствующая глобальной цивилизационной природе проекция на глобальные процессы моделей локального развития сверхдержав, ТНК, союзов государств;

ноосфера и тифлозоны – глобальная сфера развития цивилизации, регулируемая на основе разумных начал и стратегий и, соответственно, зоны инволюции и деградации в рамках ноосферы.

Выше речь шла в основном о философско-аналитическом рассмотрении глобалистики, к которому следует добавить ряд суждений методологического порядка, связанных со стратегическими стилевыми подходами, что

требует определенного упорядочения имеющегося материала, дабы не смешивать между собой доказанные факты и положения с мифологическими конструкциями и суждениями по-существу. Применительно к такому многообразному содержательному и логическому конгломерату принято классифицировать разные его составляющие на **аскрептивные, дескриптивные и эссенциальные** элементы.

Поясним, что имеется в виду. Терминологически под аскрептивным подходом, аскрептивным дискурсом имеется в виду ориентация на компоненты целеполагания, конструирования, которые конечно не могут быть не замкнуты на групповые и корпоративные интересы или специфику деятельности позиции субъекта (когнитивная, управленческая, коммуникативная, технологически-преобразовательная). Отсюда и термин – аскрептивный – предписывающий, направляющий.

Необходимость выделения данного аспекта обусловлена достаточно быстрым и объемным включением в оборот политических дискуссий и в состав политических и экономических решений на глобальном уровне целого ряда основополагающих для современной глобалистики моделей и гипотез, не прошедших всесторонней апробации и верификации: «устойчивое развитие», «исчерпаемые ресурсы», «перенаселенная планета», «озоновые дыры», «парниковый эффект», «глобальное потепление». Они были выдвинуты в последние несколько десятилетий, однозначно интерпретированы на уровне доминирующих в экономическом и военно-политическом отношении государств и влиятельных международных организаций. Был подписан ряд протоколов и соглашений на межгосударственном уровне (Рио-де-Жанейро, Монреаль, Киото и др.) и принят к регулятивному исполнению и координации.

Однако большая часть этих решений либо не принята значительной частью научного сообщества из-за недостаточной эмпирической и верификационной базы либо признана тенденциозной⁴²⁶.

Можно называть данные суждения мифоподобными, идеологизированными или метафорическими. Но, основываясь на них, кое-кто успел «наварить» экономический и политический капитал. По отношению к аскрептивному дискурсу, который в основе своей содержит незавершенные или односторонние научные изыскания, следует относиться и критически, и иметь под рукой альтернативную научную базу.

Аскрептивный дискурс дополняется дескриптивным – описательным, дающим весь спектр глобальных проявлений, который может содержать альтернативные проявления. Достаточно напомнить, что современная глобалистика начиналась с каталогизации и описания достаточно большого

⁴²⁶ См.: *Кокин А.В., Кокин А.А.* Современные экологические мифы и утопии. СПб., 2008; *Городницкий А.М.* Тайны и мифы науки. В поисках истины. М.: Изд-во Эксмо, 2014.

числа глобальных проблем человечества. Они имеют различные причины: космологические, экологические, экономические, социокультурные.

Описание и изучение этих проблем далеко не закончено, точно так же как не всегда ясны причины, их породившие и степень их пролонгированности и проявленности во времени и пространстве (циклические и непериодические, повторяющиеся и спонтанные и т.п.). данный тип дискурса в глобалистике, несомненно, ведет к эссенциальному⁴²⁷ – сущностному, направленному на выявление закономерности, тенденции.

Здесь производится обобщение однородных и разнородных феноменологических характеристик. И, конечно, именно здесь концентрируются наиболее значимые концепты глобалистики: «биосфера», «ноосфера», «глобализация», «глокализация», «глобальная перестройка», «инклюзивная глобализация» и др. Определенно значимыми выступают социальные концепты, в которых отражается типологически целостная модель социума, динамика развития которого выводит цивилизацию на глобальный уровень: «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знаний», «коммунизм», «глобальная цивилизация», «космическая цивилизация», «общество массового потребления», «общество всеобщего благоденствия» и др. Без таких сущностных конструкций холистского уровня невозможна корректная систематизация семейства глобальных проблем, их объяснение и прогнозирование.

Что касается анализа современной глобальной динамики с учетом сделанных методологических рекомендаций, то далее, обращаясь к анализу проблем современной глобальной динамики, отражаемых в современной глобалистике, подчеркнем, что она определяется в фундаментально-научном аспекте исчерпанием исследовательского потенциала секторного (монодисциплинарного) и полидисциплинарного научного подхода к глобализации и необходимостью выдвижения концептов (паттернов), базирующихся на междисциплинарном подходе.

В ценностно-идеологическом плане картина социально-глобальной эволюции, замкнутая на социалистические, либералистские, анархистские, консервативные подходы претерпела кризис и перестала выполнять оптимальные социально-ориентирующие функции для обоснования перспективных экономических, социальных и политических решений стратегического уровня на государственном и межгосударственном уровнях.

В глобально-управленческом аспекте исчерпаны схемы политико-экономической регуляции, основанные на глобальных образах «биполярности» и «однополярного мира», «глобальной иерархии», а стратегические схемы полиархического глобального управления и взаимодействия пока

⁴²⁷ См.: Эссенциализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. С. 1173-1174.

не выработаны, либо только вступили в фазу первичной апробации⁴²⁸. В аспекте локально-социальной и личностной идентичности исчерпаны возможности социализации по типу традиционного общества и общества модерна, начинают преобладать регулятивы идентичности многосоставного и многоуровневого характера, что скорее дезориентирует социальные группы и индивидов, не создает дальнесрочные перспективы развития личностного и социального характера.

Все отмеченные аспекты требуют своего когнитивного и управленческого переформатирования и введения в русло сбалансированного когнитивно- и ценностно-ориентирующего стратегического видения.

Что касается анализа современного состояния исследований в данной области, то обстоятельные обзоры научных подходов и достижений в области, которую принято относить к глобалистике, даны в статьях монументального международного энциклопедического словаря «Глобалистика» под ред. И.И. Мазура и А.Н. Чумакова⁴²⁹. В статьях И. Мазура, А. Чумакова, М.А. Чешкова, А.И. Костина, А.И. Уткина, И.А. Василенко и др.⁴³⁰ дан анализ генезиса, этапов развития, современного состояния глобалистики в мире и в современной России. Примерно в этом же ключе анализируется феномен глобалистики в монографии А.Н. Чумакова «Глобализация. Контуры целостного мира»⁴³¹.

Вполне определенно можно сказать, что в рамках отечественной науки был высказан еще в первой половине XX в. ряд оригинальных фундаментальных идей и подходов как в естественнонаучном, так и в гуманитарном ключе. Они связаны с именами Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, В.С. Степина, А.Д. Урсула, П.Л. Капицы и др. Нельзя не отметить, что наряду с процессуальной глобально-эволюционной составляющей в глобализации и, соответственно, в глобалистике, всегда присутствовал, постулировался тот образ социальной целостности, который фиксировался на уровне представлений о «глобальной цивилизации». На этот образ накладывались не только социально-мировоззренческие, но и идеологические предпочтения авторов. К их числу следует отнести такие концепты, которые доминировали в последние 50-70 лет, с которыми связывали глобальное будущее, глобальный этап развития человечества, как «коммунизм», «постиндустриальное общество»,

⁴²⁸ См. подробнее: *Старостин А.М.* Глобальная и локальная данджерология как междисциплинарное направление // В сб. «Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований: опыт и проблемы». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017. С. 343-350.

⁴²⁹ Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.-СПб.-Н.-Й.: Издат. центр «Елима», издат. дом «Питер», 2006.

⁴³⁰ Там же. С. 187–199, 695.

⁴³¹ *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. Монография. – М.: Проспект, 2011.

«информационное общество», «общество риска», «инновационное общество», «общество массового потребления» и др.

Идеологизация данных концептов, в смысловое русло которых пытались включить основные симптомы реальной глобализации, показала вместе с тем и смысловые, контекстуальные пределы, которые сдерживали развитие глобалистики как фундаментально-научной модели глобализации. Это зафиксировано в работах начала XXI в. Так в книге Бринка Линдси «Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма»⁴³² предлагается волнообразно-циклический подход к феномену глобализации, в рамках которого проводится оригинальная идея о сдерживающем характере политико-экономических и идеологических начал в глобальной эволюции, которые «запускают» реальную глобализацию по второму и третьему кругу, но она не может реализовать свой потенциал из-за данных «пределов роста». Возможен, вследствие этого переход на саморазрушительную траекторию. В чем-то перекликаются с этим взглядом идеи польского экономиста Гжегожа Колодко⁴³³, который в заключении своего труда настаивает на необходимости опоры на междисциплинарную методологию в современной глобалистике. Однако не предлагает таковой.

Уже состоявшийся экономический и социально-политический опыт глобализации в критическом ключе переосмысливает Гемавит Пенкадж⁴³⁴. По-существу он переформатирует тот список глобальных проблем, разрешение которых казалось откроет «шлюзы» подлинной глобализации, и которые были выдвинуты в 70–90-е годы XX в. (Мир 1.0 и Мир 2.0). Он уповает на радикальный поворот к иному ценностно-гуманистическому контексту, который основан на солидарных началах, стремлении к глобальному сотрудничеству и преодолению барьеров, этому препятствующих (Мир 3.0).

К сожалению, как и у Г. Колодко конструктивная программа здесь только названа, но не развернута, не обозначен инструментарий ее реализации.

В отечественной глобалистике в последние годы последовательно реализуется программа ИМЭМО РАН под руководством академиков А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. В фундаментальной работе «Глобальная перестройка» под их редакцией⁴³⁵ и ряде других также репрезентируется новый формат глобальных проблем, сведенных в несколько кластеров («Экономика», «Социально-политические процессы», «Политика и безопасность»). Исследования в этой и ряде других работ этой группы авторов способствуют обозначению путей переосмысления современных проявлений глобализации.

⁴³² Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. – М.: ИРИСЭН, 2008.

⁴³³ Колодко Г.В. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М.: Магистр, 2015.

⁴³⁴ Гемавит П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: Альпина Паблишер, 2013.

⁴³⁵ См.: Глобальная перестройка / Отв. ред.: А.А. Дынкин, Н.И. Иванова; Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. – М.: Весь мир, 2014, 528 с.

Однако и здесь недостает конструктива – новых образов глобализации, основанных на междисциплинарном подходе.

Выделенные в обзоре отечественные и зарубежные работы не исчерпывают многообразие поисков в сфере современной глобалистики. Но они фиксируют вполне определенные когнитивные пределы, связанные и с мировоззренческими, и с методологическими «пределами роста», а также указывают на необходимость репрезентации новых направлений научного поиска.

Дальнейшие шаги исследования, позволяющие преодолеть указанные выше когнитивные «пределы роста», на наш взгляд, определяются идеей альтернативных моделей глобализации, в рамках которой возможно выявить глубинные причины и основания, породившие современный переходный процесс в глобализации и когнитивно-диагностическое разнообразие его репрезентаций («глобальная перестройка», «деглобализация», «инклюзивная глобализация» и др.). Эти глубинные процессы можно выявить только на основе междисциплинарного подхода, основанного на новом понимании структуры научного поиска в системе междисциплинарных исследований (методы философской инноватики)⁴³⁶.

Интерпретация указанных содержательно-предметных и методологических коллизий требует когнитивных усилий, направленных на развитие теоретического и прикладного инструментария современной глобалистики. Необходимо особо остановиться на идее альтернативных моделей глобализации.

Подчеркнем два важных, заявивших о себе в сфере современной глобалистики обстоятельства: во-первых, нарастание когнитологического дефицита в области понимания сущности и механизмов глобальных проблем; а, во-вторых, недостаточность и противоречивость усилий государств и межгосударственных акторов в сфере выстраивания системы глобального управления.

В этом контексте в качестве нового направления мы предлагаем ориентироваться на концепт «альтернативная глобалистика», где в качестве основы выдвигается исследование и соотнесение ряда парадигмально-концептных коллизий в области современной глобалистики. Движение в русле синтеза этих коллизий должно будет способствовать более глубокому пониманию сущности глобализации и выработке *междисциплинарного* взгляда на нее.

Первичный анализ концептуальных оснований альтернативных моделей глобализации позволяет выделить несколько основных трендов в их развитии (см. схему 10).

⁴³⁶ Старостин А.М. Современные исследования в глобалистике: поиск путей междисциплинарного синтеза // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9.

Основания альтернативных моделей глобализации

а) продолжение секторного подхода (прежде всего макроэкономического и геополитического), все более активное включение в анализ признаков нового мирохозяйственного и технологического укладов, политической многополярности	б) глобализация как новая антропологическая революция (аналог неолитической и индустриальной) с ее качественными изменениями в производстве, ценностно-мотивационной и когнитивной сфере на массовом уровне	с) глобализация в контексте глобального эволюционизма (Федоров, Циолковский, Т. Де Шарден, Вернадский, Кардашев) как становление космической цивилизации I уровня
---	---	---

Схема 10

В качестве приоритетной модели нами видится эволюционно-антропологическая («новая антропологическая революция»), в рамках которой происходит смена фундаментальных установок организации социальной жизни на уровне массового социального бытия (переход к модели личностной и групповой самореализации и концентрации духовного капитала). Ее существенные проявления и предпосылки уже просматриваются в организации жизнедеятельности значительного слоя людей нескольких наиболее развитых стран мира. Существо изменений заключается в скачкообразном переключении деятельности, характерной для так называемого «креативного класса». Но при этом востребуются и принципиально новые технологии, в том числе социально-гуманитарные. И явно обозначаются установки на развитие и расширенное воспроизводство прежде всего человеческого капитала, а не промышленного потенциала, финансового капитала и других, отчужденных от живой человеческой, прежде всего духовной деятельности, видов капитализации труда и других видов деятельности.

В этом аспекте актуальной видится разработка расчетной модели «порогов роста», позволяющей наметить авангардные и периферийные социальные кластеры, в рамках которых возможен переход к фазе самореализации в массовом слое на личностном и групповом уровне.

Обращаясь к рассмотрению современной глобальной динамики с учетом уже имеющегося когнитивного опыта, и, прежде всего, имея в виду контекст альтернативных подходов и их оснований, обозначим основные коллизии современной глобальной динамики (глобальный контекст и детерминанты его неустойчивости).

а) Прежде всего, это переход от системы глобальной иерархии, сложившейся и функционировавшей четверть века и связанной с распадом СССР и социалистической системы, что получило название «однополярного мира».

В настоящее время формируется полиархическая система, связанная с существенным укреплением экономического и военного потенциала Китая, а также Индии и изменением политических притязаний России. Все это может быть названо устремленностью к **глобальной демократии**. На очереди становление новых международно-правовых и международно-финансовых отношений, что может также занять 25-30 лет. Но в итоге сформируется политико-экономическая платформа нового этапа глобализации.

б) Не следует упускать из вида, что глобальные экономические и политические процессы сопровождаются и балансируются сопряженным **процессом государствообразования**. За период с конца 40-х годов (около 65 лет) число государств в мире выросло более чем втрое. Государствообразование этого периода включает две интенсивные волны: послевоенную, связанную с распадом колониальной системы Запада и постсоветский период, связанный с распадом СССР и восточно-европейской социалистической системы⁴³⁷. Именно государствообразующий процесс способствовал становлению глобальной демократии посредством ускоренного развития новых крупных государств и образования новых государственных союзов, не связанных с геополитическими и геоэкономическими мотивами и интересами, сложившимися под влиянием стран Запада⁴³⁸.

в) Мощным фактором становления нового этапа глобализации и нового глобального контекста выступают **цивилизационные факторы**, возобновление локально-цивилизационной динамики. На это повлияло как изменение баланса отношений крупнейших государств и новых государственных объединений (США и ЕЭС, Китай, Индия, Россия, страны Ближнего и Среднего Востока), так и девальвация объединяющего потенциала крупнейших идеологических систем (национал-социализм, коммунизм, либерализм). Ныне, наряду с христианско-протестантскими началами, которые продолжают занимать ведущее место в ценностно-цивилизационном ряду, усиливается влияние конфуцианско-буддийского комплекса, палитры исламских религиозно-ценностных комплексов, а также православно-христианских цивилизационно-духовных начал.

г) следует подчеркнуть ныне четко обозначившееся существенное воздействие на становление нового глобального контекста **культурно-антропологических факторов**. Они связаны, прежде всего, с очень высокой динамикой в прохождении населения многих стран мира, макрорегионов основных ценностно-мотивационных ступеней в процессе первичной и вторичной социализации. Прежде всего, это выход основной массы человечества

⁴³⁷ Губарев П.Ю., Медяник И.А., Самыгин С.И., Старостин А.М. Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве. – М.: М.: РУСАЙНС, 2017.

⁴³⁸ Об эволюции нормативно-регулятивной системы международных отношений в условиях глобализации см. подробнее: Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте глобальных процессов. – М.: «Изд-во «Известия», 2018.

за послевоенный период на ступень массового материального потребления и некоторой части населения мира (до 15-20%) – на ступень личностной и духовной самореализации и духовно-культурных приоритетов в массовом потреблении.

Можно предположить, что последующие 25-30 лет (жизнь одного поколения) приоритеты духовно-личностной самореализации станут нормой не только для элитного и среднего слоя, но и распространятся в массовом слое, что, скорее всего, отразится и на приоритетах глобальной экономики, а также будет связано со становлением новых технологических укладов и их задействованием на обеспечение мотивов и потребностей высокого уровня.

Наряду с четырьмя обозначенными тенденциями, определяющими облик новой парадигмы глобализации в первой половине XXI века, следует особо подчеркнуть детерминанты, которые «подавливают» движение мира в данном направлении. Это, прежде всего:

д) интенсивный процесс **глобальной экономической перестройки**, основные проявления которой сводятся к следующим направлениям:

– в технологическом плане – это четвертая промышленная революция (по Клаусу Швабу⁴³⁹ или, о чем чаще говорится в отечественной экономической литературе – переход к 6-му технологическому укладу, вытекающему из кондратьевских циклов⁴⁴⁰. И в том, и в другом случае говорится о начале 20-х годов XXI в. и сюда включают такие базовые технологические новшества, как освоение технологий квантовых вычислений и искусственного интеллекта (ИИ); Интернета вещей (ИВ); трехмерной печати; создание мощных нано- и биотехнологических отраслей; «зеленая экономика»⁴⁴¹; новая (микрокосмическая и макрокосмическая) энергетика; создание транспортной инфраструктуры, базирующейся на новых энергетических носителях;

– в финансово-экономическом плане – это преодоление расширяющегося разрыва между реальной глобальной экономикой и финансовой сферой через посредство инфосферы и информационных регулятивов рыночных обменов;

– глобальная капитализация человеческих ресурсов (многопараметрическая) и, в частности, рост социальной сферы, что явно обозначилось в странах ЕС, на которые уже приходится около 60% совокупного мирового объема социальных расходов при менее 10% населения мира⁴⁴²;

⁴³⁹ Шwab Клаус. Четвертая промышленная революция. – М.: Изд-во «Э», 2017. С. 31-32.

⁴⁴⁰ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010; Акаев А., Садовничий В. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой экономики и России // Сайт «Социальный анализ и моделирование».

⁴⁴¹ См. подробнее: Альбеков А.У. Императивы развития экологически чистых технологий в Российской Федерации // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2016. № 3 (55). С. 11-20.

⁴⁴² Глобальная перестройка. – М.: «Весь мир», 2014. С. 31-32.

- формирование геокосмической экономической инфраструктуры⁴⁴³;
- формирование эколого-экономической сферы (производство замкнутых и открытых экологических макро- и микросред).

К этому необходимо добавить:

е) глобализацию и синхронизацию развития научно-инновационных процессов, прежде всего, сопряженных с *глобальной цифровой инфосферой*, что проявляется в:

– формировании глобальной инфосферы как суммы инфомиров с атрибутами самоорганизации и саморазвития, и перемещении туда научно-экспериментальной и проектной деятельности как базовой области практического опыта и его верификации (альтернативная когнитивистика)⁴⁴⁴; освоение новых фрагментов фундаментальной реальности и установление сопряжений (не только когнитивных) между этими областями и инфореальностью;

– концентрации научно-инновационных процессов на сохранении и приумножении человеческого потенциала, и поддержании потенциала самоорганизации глобального социума;

– формировании новой волны военно-технологической и военно-политической революции, позволяющей парировать, купировать и элиминировать возможности оружия массового поражения; перемещение военной конкуренции в область инфосферы (когнитивное оружие, кибероружие)⁴⁴⁵.

Указанные факторы, формирующие глобальную динамику на новом этапе, мы конечно должны иметь в виду не только при разработке новой картины глобализации, но и при проекции глобальных процессов на локальный уровень.

Важнейшим аспектом современной глобалистики выступает исследование проекции глобальных процессов на макрорегиональные и локальные системы, что получило название глокализации⁴⁴⁶.

Основной смысловой посыл макрорегиональной проекции глобальных процессов должен быть прежде всего связан с сотрудничеством. Естественно, что конкурентные начала в экономическом и политическом взаимодействии государств, отдельных регионов и крупных корпораций никто не отменял. Но они должны развиваться в русле цивилизованных отношений, основанных на правовых и договорных началах⁴⁴⁷.

⁴⁴³ Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. С. 115-121.

⁴⁴⁴ См. подробнее: Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 163-165.

⁴⁴⁵ Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. – М.: Книжный мир, 2015. С. 3-14.

⁴⁴⁶ Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.-СПб.-Н.-Й.: Издат. центр «Елима», издат. дом «Питер», 2006. С. 243-244.

⁴⁴⁷ См. подробнее: Альбеков А.У., Резников С.Н. Глобализация vs регионализация цепей поставок. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2014.

Между тем, современный этап глобализации, да и предшествующие ему, показывают, порой, преобладание других начал: когда конкуренция выходит на уровень конфликтов – сначала низкой интенсивности, а потом – и с использованием жесткой силы, включая военное принуждение.

Череда таких ситуаций в мире сменяет друг друга: на рубеже XX – XXI веков и по сей день – это Югославия и Ближний Восток, Афганистан, Кавказ и Украина. Ныне – это рождающиеся макроконфликтные ситуации в Европе и на Корейском полуострове.

Естественно, что нас в первую очередь интересует наш Южно-Российский регион, раскинувшийся от Черного до Каспийского моря. Прежде всего в его пограничье ныне сходятся непосредственно серьезные интересы полутора десятков государств, в том числе новых, образовавшихся в результате распада СССР (Россия, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Молдавия, Украина, Южная Осетия, Абхазия и самопровозглашенная Новороссия) и, конечно «старожилов» (Турция, Болгария, Румыния, Иран).

С точки зрения конфликтогенности и нестабильности в нашем регионе только в постсоветский период вспыхнуло несколько крупных военных конфликтов – две чеченские войны, Карабахский и Приднестровский конфликты, абхазо-грузинская и осетино-грузинская война с включением России, военные действия на Юге Украины. По поводу ряда из них проведено множество заседаний ООН и ее Совета Безопасности. Конфликты высокой и средней интенсивности провоцируются на Юге России террористическим подпольем, что срывает или сдерживает реализацию больших потенциальных возможностей привлечения сюда крупных инвестиций глобального уровня на развитие энергодобывающей, транспортно-логистической, рекреационной, торговой сфер. И, как следствие, не происходит ожидаемого скачкообразного развития занятости, роста уровня жизни, развития культуры и образования.

Поэтому весьма значимо обсудить проблемы стабилизации нашего региона, что, естественно, должно основываться на понимании глобального контекста, условий и возможностей встраивания в него макрорегиона. А также на выявлении непосредственных детерминант внутреннего порядка, как способствующих, так и препятствующих стабилизации и росту.

Глокализационный облик Южно-Российского региона складывался в зависимости от тех основных функций, наметившихся во взаимодействии глобальной динамики и государственно-суверенного развития России.

В геополитическом аспекте Юг России, Северный Кавказ, в XVIII – XX в. формировался как потенциально лимитрофная зона, периферийный пояс безопасности для государственно-территориального ядра России. В принципе и поныне данная функция сохраняется и роль ее даже усиливается

в связи с отпадением части прежних республик СССР и выдвиганием на их территорию сил глобального влияния и вторжения.

В последующий период предстоит решение задач расширения лимитрофной зоны за счет укрепления дружеских и партнерских отношений с приграничными государствами и их регионами, а также укрепления оборонительной приграничной инфраструктуры. Это сеть транспортных коммуникаций, портов, ремонтных заводов, полигонов, складов и других элементов оборонительной инфраструктуры и логистики. Направленность ее функций связана с антитеррористической деятельностью и потенциальными угрозами со стороны Ближне-Средне Восточных макрорегионов (Южное направление) и Юго-Восточной Европы с ее новыми союзниками.

В **макроэкономическом аспекте** регион нацелен на решение рекреационных задач, сельскохозяйственного производства и переработки, «зеленой экономики», транспортно-связывающей и перевалочной инфраструктуры и логистики⁴⁴⁸.

В перспективе регион может быть значительно больше нагружен топливно-добывающей и энергетической инфраструктурой и созданием транспортных магистралей Север–Юг и Восток–Запад для оптимизации глобального транзита больших потоков товаров, энергоносителей (новый Шелковый путь, новые трубопроводы). Следует подчеркнуть, что потенциал рекреационных услуг за следующие 25-30 лет может быть увеличен в 3-4 раза, а в области производства и переработки сельскохозяйственной продукции возможности макрорегиона позволяют ему стать основной производственной и экспортной базой страны в этой части (ныне – не более 30 %).

В **цивилизационном аспекте** Южно-Российский макрорегион выступает как площадка сопряжения наиболее крупных цивилизационно-религиозных комплексов современного мира: христианско-православного, исламского и буддийского.

Управление отношениями в таком формате на государственном и местном уровне прошло апробацию, образно говоря, в трех изданиях: Российско-имперском, советском и постсоветском. В каждом «издании» со временем удавалось оптимизировать столь сложные отношения между макрогруппами населения. Данный опыт многообразен и имеет не только государственно-национальное, но и глобальное значение. Но потенциал этот имеет дальнейшие перспективы развития и возможности использования в других макрорегионах Европы и Азии. Мы полагаем, что изучение южно-российского опыта государственного и регионального кросс-культурного управления заслуживает отдельного внимания.

⁴⁴⁸ См. Альбеков А.У. Характеристика экспортного потенциала Ростовской области // Концепция международного, межрегионального сотрудничества и поддержки экспортной деятельности в Ростовской области. – Ростов н/Д.: РГЭУ (РИНХ), 2016. С. 9-73.

Для более углубленного и детального исследования описанных проблем, а также для координации научно-экспертной деятельности недавно создан в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глобализации, и можно надеяться на продвижение новых знаний о глобальных процессах не только в науке, но и в системе высшего образования.

Важно при этом учесть *уроки протогобализации (Эллинский мир, Византия)*.

В работах ряда современных ученых, мыслителей (Валлерстайн, Гидденс, Линдси) проводится идея о волнообразном характере глобализации. В частности, Бринк Линдси пишет о первой волне глобализации конца XIX – начала XX века (еще в рамках индустриального общества), которая была даже более масштабной, нежели современная⁴⁴⁹.

С таких эволюционных позиций можно утверждать о наличии протогобализационных процессов, которые зарождались вместе с появлением крупнейших древних государств и империй. Именно от них исходил импульс освоения или завоевания (военного, торгового, культурного) всех пригодных для жизни пространств Земли.

В этом плане первой мировой Империей можно считать античную Грецию и древний Рим. А в последующем – Византию, Второй Рим, где уже осознанно сформировалось государство-цивилизация. Цивилизационно-религиозные скрепы, как показывает опыт других государств-цивилизаций, оказываются наиболее прочными в удержании государств на исторической арене.

Россия уже много веков придерживается принципа «Москва – Третий Рим» и успешно доказывает ту же теорему о прочности государства, базирующегося на цивилизационной платформе. И хотя Южно-Российский регион примкнул к Российской Империи по историческим меркам недавно, но культурно-цивилизационные предпосылки, родственные российско-цивилизационным, сформировались много раньше. Это связано со взаимодействием торгово-экономическим, культурным с регионами в последующем Юга России, с Эллинским миром (Танаис, Феодосия, Херсонес и др.).

Продовольственное снабжение Афин в античную эпоху во многом зависело от хлебной торговли с северо-причерноморскими городами. Эти экономические связи оказались очень устойчивыми и пережили века.

Вплоть до того, что в XVIII – начале XX вв. в этом регионе сформировался самый крупный район экспорта зерна в мире.

Очевидно и то влияние, которое на этом фоне было связано с продвижением греческой культуры и религии, которое мы воспринимаем сейчас

⁴⁴⁹ Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. – М.: ИРИСЭН, 2008.

как фоновое. Но недавно высказанная Президентом РФ В.В. Путиным мысль о том, чтобы сделать из Херсонеса Таврического «русскую, российскую Мекку» заставляет более серьезно задуматься о наших духовных корнях и цивилизационном коде. И об опыте культурной эволюции от эллинского язычества – к византийскому монотеизму, который оказывается сходным с русской духовной эволюцией.

На наш взгляд, можно утверждать, что ценностно-культурный стержень, основанный на цивилизационной культуре и цивилизационной преемственности, позволяет народам сохранять свою историческую идентичность при любых сложных переменах, в том числе и не затеряться в турбулентных процессах глобализации. Это подтверждает опыт многих народов Южно-Российского макрорегиона, которых даже репрессировали и выселяли. Но они не стали маргиналами, не потеряли свой национально-культурный код и идентичность. Это подтверждает мысль В. Франкла, известного психолога и мыслителя, пережившего заключение в гитлеровском концлагере⁴⁵⁰. Он полагал, что выжить в этих условиях смог тот, кто не терял своей духовности и веры.

В этом плане, как уже говорилось выше, историческая судьба Южного региона, Кавказа сложилась так, что здесь сложились, хотя и не сразу, и не без труда, формы общежития, традиции взаимоотношений народов, принадлежащих к разным локальным цивилизациям. Это началось с эллинских времен, с эллинской торговли и культуры.

В результате регион к новому и новейшему времени жил по законам симфонического взаимодействия, найдя свои способы преодоления конфликтов, порождаемых властной системой, устроенной по принципу: «разделяй и властвуй». Этот противоположный ход, дающий результат, который наш известный ученый, политик, академик Ю.А. Жданов назвал «Солнечное сплетение Евразии», он описал так:

«Передовых людей России на протяжении многих поколений волновала мысль: как преодолеть насаждаемые эксплуататорским обществом антагонизмы и противоречия между народами? Первоначальный ответ заключался в том, чтобы устанавливать дружеские, братские связи с народами Кавказа, ... стремиться ко взаимному обмену, обогащению культурными ценностями, создавать и укреплять интернациональные связи ...»⁴⁵¹. Думается, что с этим вполне можно согласиться.

Если перейти теперь от описательного дискурса к аскрептивному (предписывающему), то исходя из проделанного анализа, можно прийти к следующим выводам и рекомендациям:

⁴⁵⁰ Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. М., 2016. С. 232.

⁴⁵¹ Жданов Ю.А. Избранное. Т. 2. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. С. 360.

1.1 Рассмотрение среднесрочных и долгосрочных тенденций развития и, тем более, индикативного планирования изменений Южного макрорегиона требует вписывания в контекст глобального развития и учета перспективных направлений и противоречий глобализации на ее новом этапе – многополюсного характера с центрацией на ведущих цивилизационных центрах.

1.2 Можно полагать, что Южный макрорегион, как и в предшествующие периоды своего развития, скорее всего сохранит свои геополитические, геоэкономические, локально-цивилизационные характеристики, которые требуют более глубокой привязки к тем глобальным проектам, которые могут быть органично сопряжены с макрорегиональными характеристиками (высокий лимитрофно-геополитический, рекреационный потенциал, возможности развития зеленой экономики и соответствующей транспортной инфраструктуры и логистики).

1.3 Необходимо изучить и обобщить тенденции формирования эволюционного потенциала межцивилизационного и кросскультурного взаимодействия в Южном макрорегионе, а также выделить факторы, способствующие его деградации и разрушению.

1.4 Следует продумать и обсудить возможности создания в Южно-Российском макрорегионе особой экономической зоны по типу оффшорной, основанной не только на финансовых началах, но и с особым льготным режимом налогообложения, кредитования, землеотведения, таможенной регуляции и паспортного режима для жителей других, прежде всего дружественных, государств. Цель – создание условий для эффективного привлечения инвестиций, реализации международных инновационных проектов.

Необходимый опыт по ряду указанных направлений уже сложился во взаимодействии России и некоторых ее регионов с приграничными дружественными государствами и партнерскими макрорегионами.

1.5. Как показывает анализ, наиболее перспективные объяснительные и прогнозные возможности в понимании глобального и глокального развития демонстрируют междисциплинарный и полидисциплинарный подходы, разработки соответствующих алгоритмов и дискурсов, которым следует уделить самое пристальное внимание.

1.6. Следует включить в образовательные программы и курсы высшей школы те новые области знаний, касающиеся глобальной и глокальной безопасности, угроз и рисков данной природы, которые основаны на новых, порой альтернативных концепциях глобализации и апробированы в ходе международных научных диалогов.

И еще один важный аспект философско-инновационного анализа, связанный с выдвинутой концепцией альтернативных моделей глобализации – философско-антропологический.

В современной глобалистике тема человека, антропологическая тематика находятся на периферии научного дискурса. На первом плане: массовые широкомасштабные изменения планетарного уровня в экономике, политике, экологии⁴⁵². Хотя уже в первых докладах «Римскому клубу» и некоторых трудах его основоположников рефлексия по поводу роли человека, его культуры, особенностей социализации в глобальных условиях уже явно присутствовала, но не задавала основную «повестку дня». Пример – известная книга А. Печчеи «Человеческие качества» с концепцией нового гуманизма⁴⁵³. В последующем, еще в условиях перестроечного СССР были сформированы ориентации на «новое глобальное мышление и видение» и «общечеловеческие ценности». Однако данная проблематика оказалась существенно идеологически нагружена, что помешало ее дальнейшей разработке.

К настоящему времени под влиянием все новых инновационных проявлений в науке и обществе проществовали темы, явно антропологически нагруженные: «постчеловека», «биоэтики» и «экологической этики», человека в контексте стандартов массового потребления и массовой культуры, человека в сфере виртуальной реальности и т.п.

Эти подходы и коллизии, с ними связанные, хорошо обозначены в известной книге Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее»⁴⁵⁴ и их последующими интерпретациями⁴⁵⁵.

Каких-то новых глубоких, стержневых антропологических идей выдвинуто не было. И новой глобальной «повестки дня» в антропологической проекции не сформировано. Тем не менее, философско-антропологическая рефлексия зафиксировала сложившуюся асимметрию и отметив вероятную ее причину: «Ведя речь о перспективах современного человека, можно сказать, что XX век оказался знаковым в истории человеческого рода. Именно в это время произошло превращение человека в силу уже явно сверхземного, космического масштаба. Добившись колоссальной власти над миром внешним (и природным, и социальным тоже), он, однако, не обрел такой же власти над самим собой»⁴⁵⁶.

Иначе говоря, поиски реальных «пределов роста» в сложившемся формате отношений общества с окружающей природой стоит перенести

⁴⁵² Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М.-СПб.-Нью-Йорк: Издат. дом «Питер», 2006. С. 34-38, 162-163, 997-1002, 1041-1042.

⁴⁵³ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

⁴⁵⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2008; *Fukuyama F. Our Posthuman Future.* N.-Y., 2002. P. 19;

⁴⁵⁵ См., например: Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 2007; Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Человек в трех измерениях. М.: Изд-во РГГУ, 2010; Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. М.: Изд-во «Ленанд», 2015.

⁴⁵⁶ Горбачев В.Г. Философская антропология. Движение к своему статусу в советской и постсоветской философии. М.: Изд-во «Либроком», 2011. С. 273-274.

с внешних (природно-социальных) условий и обстоятельств – к внутренним, антропологическим (ограничения сознания и внутренней культуры). На это в свое время указывал еще А. Печчеи.

Выше уже обращалось внимание на новые концептуальные подходы в глобалистике, которые ориентированы на человека, гуманистику в глобально-стратегической перспективе. Это наша концепция «альтернативных моделей в глобалистике»⁴⁵⁷.

Данная концепция ориентирована в ретроспективе на представление о волнообразном характере глобальной динамики⁴⁵⁸. А в современной репрезентации – на три возможных модели глобальной динамики: секторную, эволюционно-антропологическую и глобально-эволюционную. В рамках каждой из трех моделей культивируется и своя модель перспектив человека в глобальном мире.

В секторной модели доминирует модель человека экономического⁴⁵⁹, ориентированная на высокие стандарты массового потребления (элитный и субэлитный экономический человек), включая и вопросы безопасности, здоровья, собственности, досуга, образования, коммуникаций. Они должны быть вписаны в динамику глобального устойчивого развития и определенных ограничений в экономическом росте, что породило в виде идеологизированной метафоры – идею о «золотом миллиарде». Иначе говоря, в развитии глобальном обществе в условиях конечных и ограниченных природных ресурсов место найдется лишь для каждого седьмого-десятого, а именно – для верхней социально-экономической страты.

Большинство разработок, касающихся технологических, информационных, биологических инноваций, применимых к человеку-потребляющему на элитном уровне (генные коррективы, биологически-витальные коррективы в организме, ИИ в виде приставок к человеческому восприятию и мышлению, «умные дома» и «умные города» и т.п.) носит в основном секторный характер⁴⁶⁰. В рамках этой же модели возникают проблемы, связанные с идентичностью и смысло-жизненными ориентациями индивидуально-персоналистского типа⁴⁶¹.

⁴⁵⁷ Старостин А.М. Смена парадигмы в современной глобалистике: социальные и когнитивные детерминанты // Гуманитарий Юга России. 2017. № 4; Старостин А.М. Современные исследования в глобалистике: поиск путей междисциплинарного синтеза // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2017. № 9.

⁴⁵⁸ Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 365-367.

⁴⁵⁹ Шаститко Е.А. Модели человека в экономической теории. М.: Изд-во «Инфра-М», 2006.

⁴⁶⁰ Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э», 2017. С. 149-197.

⁴⁶¹ Гуревич П.С., Спирова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+, 2015. С. 332-340; Дилигенский Г.Г. Человек перед лицом глобальных процессов // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. – М.: Альпина Паблишер, 2003.

Данная секторная модель накладывает свои ограничения и на эмансипационные процессы социального, гендерного, этнического и расового, религиозного и культурного плана.

Глобально-эволюционная модель имеет более чем столетнюю (м.б. даже 150летнюю) традицию в русском космизме и в аналогичных течениях западного глобального эволюционизма (Т. де Шарден, Э. Леруа и современные мыслители – Х. Шепли, Ф. Хойл и др.⁴⁶² и основана на идее радикального и поступенного **преображения** духовного и материально-биологического облика человека. Именно эти преобразования могут составить основу для достижения личностного бессмертия, а освоение (колонизация) космоса – неисчерпаемый ресурс для антропологизации космоса. Таковы взгляды Н. Федорова и К. Циолковского, биокосмистов⁴⁶³.

Впрочем, естествоиспытатели, чье воображение не простиралось в область космической экспансии (В. Вернадский, А. Чижевский), предпочитали видеть глобального человека, развивающегося коэволюционно с биосферой (идея ноосферы)⁴⁶⁴.

Отдельно следует говорить о теологической версии ноосферы, которая ориентирована на преобразование духовное, в основе которого лежит теократическая эволюция, практически не включающая техносферу, либо же – тотально-регулируемую техносферу⁴⁶⁵. В настоящее время глобально-эволюционные разработки практически не задействованы в концепциях глобального управления. Или, скорее, сдвинуты на его когнитивную и управленческую периферию.

Эволюционно-антропологическая модель. Ориентирована на глобально-эгалитарный подход. В рамках этой модели можно говорить о третьей антропологической революции (после неолитической и индустриальной), в рамках которой происходит смена фундаментальных установок организации социальной жизни на уровне массового социального бытия – переход к модели личностной и групповой самореализации и концентрации духовного капитала. Ее существенные проявления и предпосылки уже просматриваются в организации жизнедеятельности значительного слоя людей нескольких наиболее развитых стран мира (Северный и Центральный пояс ЕЭС) и явно обозначаются установки на развитие и расширенное воспроизводство

⁴⁶² Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. М.: Изд-во ИФАН, 1999; Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: «Мысль», 1965; Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988.

⁴⁶³ Олейников Ю.В., Оносов А.А. Указ. соч.; Циолковский К.Э. Воля вселенной. Космическая философия. М.: Эксмо, 2015; Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Изд-во «Ад Маргинем Пресс», 2015; Маслобова О.Д. Российский органицизм и космизм XIX – XX вв.: эволюция и актуальность. М., 2007.

⁴⁶⁴ Олейников Ю.В., Оносов А.А. Указ. соч.; Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988.

⁴⁶⁵ Олейников Ю.В., Оносов А.А. Указ. соч.; Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: «Мысль», 1965.

прежде всего человеческого потенциала («человеческого капитала»), а не промышленного потенциала, финансового капитала и других, отчужденных от живой человеческой, прежде всего духовной деятельности, видов капитализации труда и иных видов деятельности. Так, к примеру, в странах ЕЭС сконцентрированы затраты около 60% мирового объема социальных услуг при менее 10 % населения планеты⁴⁶⁶.

В рамках вхождения в новую антропологическую революцию получили развитие все массовые эмансипационные процессы последнего столетия (социально-классовые, гендерные, национально-этнические и расовые, социокультурные и др.). И речь идет о реализации принципа социальной справедливости не только в сфере труда и экономических интересов, но и в сфере постматериальных интересов и ценностей, глубинных основ человеческого существования.

Следует говорить также об обновленной социально-ценностной и личностно-ориентированной эгалитарной матрице⁴⁶⁷. Она включает, кроме традиционно выдвигаемых ценностей личностных прав и свобод и социальной справедливости также и ценности альтруизма и гуманизма, солидарности и социальной и личностной ответственности, общего дела и общего блага⁴⁶⁸, что формирует развитую социальную эгалитарную культуру. Поддержку данные ценности и ориентации находят прежде всего в современных социалистических и постсоциалистических движениях (неокоммунизм, социал-демократия, христианско-демократические движения и другие аналогичные религиозно-конфессиональные движения) и в появлении новых светских неозгалитарных течений в науке, культуре, образовании⁴⁶⁹.

В заключение следует подчеркнуть методологическую значимость в разработке проблемы человека, как относительно самостоятельной, так и в глобальном контексте, взаимоотношения двух парадигм: технократической (естественнонаучной) и культурологической (гуманитарной). Пока они находятся в рамках действия принципа дополнительности и значительных подвижек конвергентного порядка или интегративного плана не особо наблюдается. Возможно это зависит от прогресса в соответствующих взаимодействующих научных дисциплинах. Но, возможно – и от продвижения в рамках контекстов, куда включается антропологическая проблематика. В данном случае это глобалистский контекст.

⁴⁶⁶ Глобальная перестройка. М.: Весь мир, 2014. С. 31-32.

⁴⁶⁷ Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: «Ключ-С», 2017; Швец Л.Г. Справедливость в гендерном измерении / Социальная справедливость в современном мире. М.: «Ключ-С», 2017.

⁴⁶⁸ Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: «Ключ-С», 2017.

⁴⁶⁹ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

Авторская библиография

Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Альтернативные модели глобалистики и проблемы современной глобальной динамики. Кол. моногр. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

Старостин А.М. Современная глобалистика: аскрептивный, дескриптивный, эссенциальный дискурсы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12.

Старостин А.М., Альбеков А.У. Глобальная динамика современного мира в контексте смены парадигмы в глобалистике // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2017. № 3 (59).

Старостин А.М. Современные исследования в глобалистике: поиск путей междисциплинарного синтеза // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88).

Старостин А.М. Проблема человека в современной глобалистике // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2017. № 2.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философские проблемы глобализации в контексте философской инноватики. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2012.

Старостин А.М. Наблюдение и эксперимент в глобальной экологии // В сб. «Философские проблемы глобальной экологии». – М.: «Наука», 1984.

Старостин А.М. Освоение космоса как глобальная проблема // В сб. «Человек и космос». – М.: «Наука», 1981.

4.4. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели

Анализируя структуру и динамику изменений социально-гуманитарного знания и познания, мы сталкиваемся прежде всего с проблемой аутентичности этого знания своему объекту и с многочисленными усилиями по осмыслению его специфики. С этим также тесно связана проблема адекватного приложения социально-гуманитарного знания в форме управленческой, проектной, диагностической, коммуникативной и иных видов деятельности.

Обобщенные срезы в данной аналитической деятельности, касающиеся прежде всего специфики социально-гуманитарного знания и познания, опубликованы в виде ряда монографических изданий, сборников научных статей, а также апробированы в образовательном процессе с магистрантами

и аспирантами-гуманитариями⁴⁷⁰. В частности, достаточно полным образцом и примером такой сводки знаний выступает учебно-научное издание коллектива авторов кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС – «Философия и методология гуманитарных наук»⁴⁷¹.

Тем не менее, многие проблемы, относящиеся к выявлению философско-методологических оснований социально-гуманитарного познания и инструментария эффективных приложений социально-гуманитарных знаний к решению практических задач, пока не решены или находятся на поисковых этапах. В частности, весьма важным выглядит вопрос о вписывании социально-гуманитарного знания в общенаучную картину мира. Попытка его решить была сделана академиком В.С. Степиным на VI Российском философском конгрессе в г. Нижний Новгород в 2012 г. Однако, с нашей точки зрения, данную попытку вряд ли можно назвать завершённой. По всей видимости, желание описать социально-гуманитарную картину мира (что фактически и означает оформление философии социально-гуманитарного знания), а затем интегрировать ее с естественнонаучной картиной мира, зависит во многом от степени нашей готовности к такого рода обобщениям, от наличия концептов социального гуманитарного знания высокой степени обобщенности, что требует особых обсуждений и новых работ.

Попробуем представить если не некий эскиз, претендующий на такого рода обобщение, то по меньшей мере «маршрутную карту» движения к искомому результату. Основным инструментарием анализа для нас выступает при этом философская инноватика⁴⁷², обращенная к социально-гуманитарному знанию и познанию в целом.

Подчеркнем то обстоятельство, что для конституирования философии социально-гуманитарного знания в качестве целостной области прикладного философского знания и претендующей на обобщение результатов, имеющих в частно-гуманитарных областях философии (философии истории, философии культуры, философии политики, философии экономики, философии науки, философии управления, философии образования и др.) необходимо проанализировать и дать определенные ответы на ряд важнейших вопросов:

- Как возможна единая социально-гуманитарная картина мира при достаточно большом разнообразии дисциплинарно-научных (частнонаучных) гуманитарных картин мира (социальной философии, философии политики и др.), которое обусловлено их генерированием на базе различных фундаментально-философских парадигм – философии жизни, философской

⁴⁷⁰ См., напр.: Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. – М.: Канон+, 2010; Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон+, 2012; Эпистемология: новые горизонты. – М.: Канон+, 2011.

⁴⁷¹ Философия и методология гуманитарных наук. – М.: «Перо», 2012.

⁴⁷² См.: Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: URSS, 2012; Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник – 2015. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

герменевтики, философии позитивизма, философии марксизма, экзистенциализма, философского прагматизма и др.? Если такая картина возможна, то каковы механизмы конвергенции или интегрирования различных парадигмально-философских подходов? А если есть принципиально непреходимые познавательные барьеры, то каковы они и можно ли поставить «проблему перевода», условного преодоления несоизмеримости?

- Существуют ли базовые социально-гуманитарные теории (социоцентрические, антропоцентрические, культуроцентрические), которые могли бы выполнить роль и миссию пусковых механизмов для кристаллизации достаточно разрозненного социально-гуманитарного знания, подобно тому как роль кристаллизатора выполняет в естествознании физика и фундаментальные физические теории?

- Что можно сказать о логико-методологических основаниях социально-гуманитарного знания? Есть ли какая-либо единая модель или несколько базовых моделей структурирования социально-гуманитарного знания? Как можно классифицировать социально-гуманитарное знание с точки зрения его развитости, «продвинутости», эффективности?

- Каков практический, инновационный потенциал современного социально-гуманитарного знания и каковы возможности и ограничения использования социально-гуманитарного знания в прикладном аспекте?

Развернутые ответы на поставленные вопросы открывают, на наш взгляд, возможности конституирования философии социально-гуманитарного знания и познания по крайней мере на уровне философии естествознания как образца и открывают путь к конвергенции естественнонаучной и гуманитарной картин мира и формированию единой научной картины мира, не педалирующей на физикализм. Однако на этом пути и для достижения обозначенного результата необходимы по меньшей мере две вещи.

Первое. Включение категории информации (проявляющейся на всех материальных уровнях) или, скорее, онтологической рефлексии (наряду со взаимодействием как универсальным отношением в материальном мире) во все разделы естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Иначе фундаментальное знание о природных объектах не обладает необходимой полнотой для естественного продвижения к конвергенции с социально-гуманитарным знанием. Что касается категории «развитие», которой также недостает в естественнонаучной картине мира, то первые шаги к этому уже сделаны с помощью синергетики.

Второе. Формирование представлений, моделей о современной структуре социально-гуманитарного знания и познания, которое было бы совместимо с современными представлениями о структуре естественнонаучного познания. И, вместе с тем, содержало черты их собственных особенностей. На последнем вопросе мы остановимся подробнее, имея в виду базовые

модели социально-гуманитарного познания и знания. В этом плане в рамках социально-гуманитарного познания, с нашей точки зрения, следует выделить три базовых модели:

Сильноструктурированное социально-гуманитарное познание, в рамках которого четко просматривается фундаментальная и инновационная его части, включающая прикладные исследования и разработки. Естественно, что на фундаментальном уровне просматривается воздействие, влияние тех или иных фундаментальных парадигм философского мышления и наличествует рефлексивная идентификация по этому основанию. Что касается инновационной части, то здесь, с учетом специфики социально-гуманитарного знания культивируется нацеленность на соответствующие формы прикладного знания и разработки. Развитие в рамках сильноструктурированной базовой модели социально-гуманитарного знания является наиболее эффективной формой познавательной-практической деятельности, максимально способствующей продвижению и решению проблемы социально-гуманитарной картины мира и единой научной картины мира.

Слабоструктурированное социально-гуманитарное познание ориентировано на выделение двух базовых частей: текстуального (репрезентирующее знание, отвечающее на вопросы: know what и know why) и контекстуального (смысл, ценности, опыт – know how и know who) знания и познания. Ориентация на прикладные подходы и инновации здесь не просматривается в качестве отдельной задачи. Знание дифференцировано по проблемно-категориальному подходу. И установка на инновации практически неотделима от основной задачи – приращения нового фундаментального знания прежде всего второй проблемной формы (ноу-хау и ноу-ху), тем не менее особое внимание уделяется интерпретации, сравнению, передаче (трансферу) знаний и выявлению оптимальных условий для этого.

Неструктурированное (по вертикали, но не дисциплинарной горизонтали) социально-гуманитарное знание не рефлектирует над проблемой перехода от фундаментального знания к его приложениям. Это осуществляется на уровне интуитивных находок и ремесла. Не вводятся в оборот социально-гуманитарные технологии и операции. По-существу, социально-гуманитарное познание находится на уровне искусства или ремесла и передается от Мастера ученику по текстуальному или деятельностному образцу.

Схематично все сказанное можно отобразить следующим образом (см. схему 11).

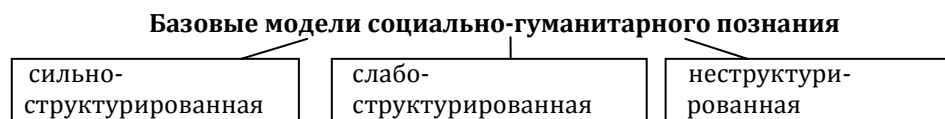

Схема 11

Поскольку в наибольшей мере нас интересует сильноструктурированная модель, которая построена, с одной стороны, на явно выраженной рефлексии к основаниям познания, а, с другой, содержит установку на приложения и инновации, остановимся на ней подробно.

Касательно философии социально-гуманитарного познания с позиций первой (сильноструктурированной) базовой модели, следует подчеркнуть и собственно фундаментальную, и инновационную части. В рамках фундаментальной части с позиций разных парадигм философского познания разрабатываются проблемы развития социальной и постсоциальной форм бытия и релевантных им форм познавательной деятельности. Более конкретные суждения по этому поводу следует высказать отдельно и в связи с продвижением в рамках фундаментальных проблем социально-гуманитарного познания, которые очерчены ранее.

Что касается философии прикладного аспекта социально-гуманитарного познания, то прежде всего следует отметить, что трактовка инноваций и инновационной деятельности, в особенности связанной с включением в их круг социально-гуманитарных инноваций, не всегда, а зачастую совсем не похожих на технико-технологические, медицинско-биологические инновационные схемы и сети может существенно различаться. Это схематично можно показать с помощью схемы 12, где подчеркнуто сходство трактовок технологических и гуманитарных инноваций на классическом этапе и их существенное расхождение – на современном, что и востребовало к их пониманию обобщенные методы и рефлексивные подходы, которые традиционно связывают с философией и называют философией некоей предметной деятельности. К таковой можно отнести и наш дискурс, касающийся социально-гуманитарных предметов (дисциплин) в целом.

В последние десятилетия и, в особенности, с начала XXI в., конституируется новый тип гуманитарной инноватики, в основе которой субъект-субъектный подход, базирующийся на иной когнитивной матрице, которая основывается на категориях «смысл»: «понимание», «интерпретация», «ценности», «дискурс», «текст», «контекст» и т.п.⁴⁷³ Вместе с тем, в поиске адекватных управленческих инноваций в рамках более сложных самоорганизующихся систем происходит смещение от категорий целевой детерминации – к категориям коэволюционного влияния, поддержание социального гомеостаза, социально-средового воздействия, упорядочения социально-хаотических состояний.

⁴⁷³ Старостин А.М. Философия науки и эпистемологическая инноватика // Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. LAP LAMBERT Academic Publishing (Германия), 2010. С. 203-205; Косошин А.А. О системном и ментальном подходах к миро-политическим исследованиям. – М.: ЛЕНАНД, 2008.

Социально-гуманитарные инновации в контексте основных научно-исследовательских программ

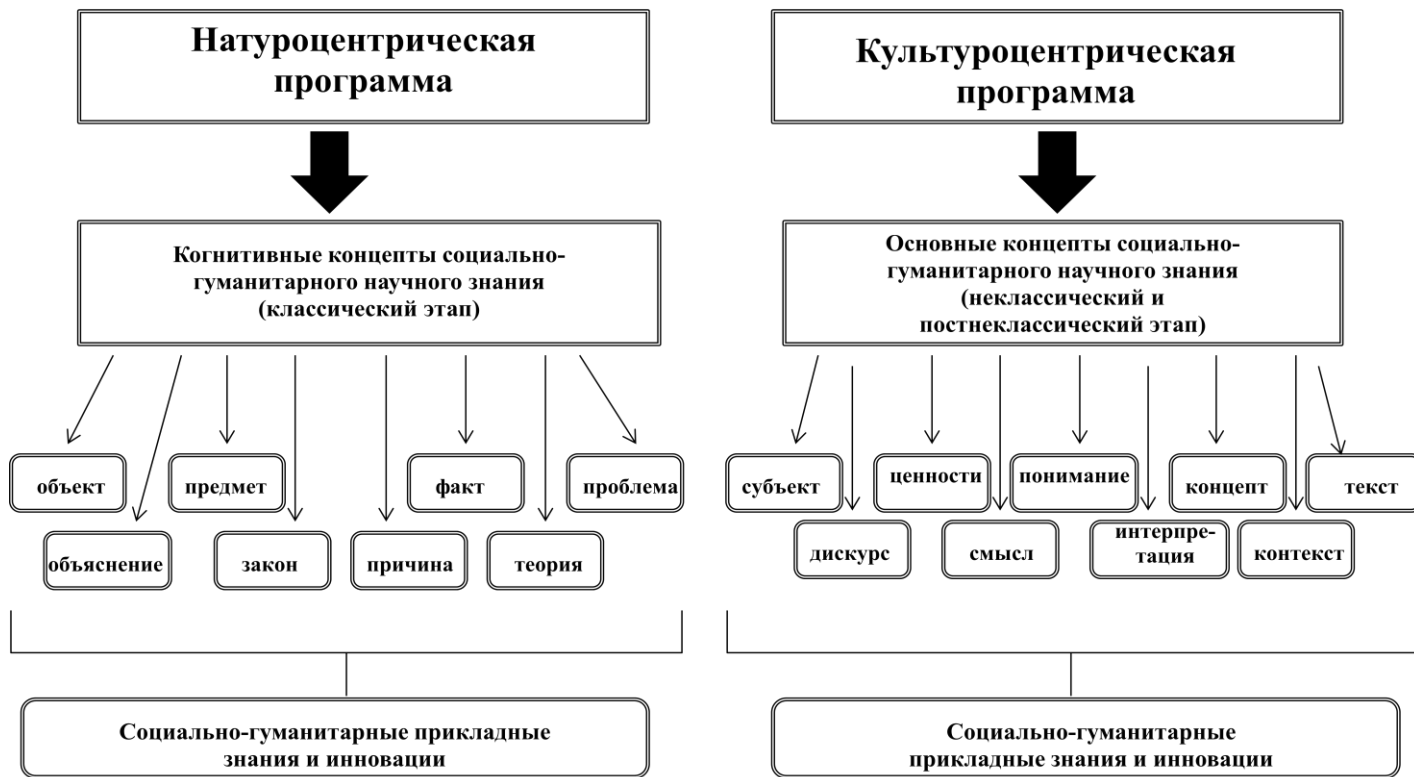

Схема 12

В то же время идет поиск «акупунктурных точек» интеллектуальных и социальных систем, позволяющих переводить эти системы в хаотическое состояние и управлять через организацию хаоса, либо выявлять так называемые триггерные цепочки, позволяющие осуществлять противоположные операции: выводить систему на более высокие уровни организации. В эпицентре этих поисков наиболее чувствительной областью оказываются субъект-субъектные взаимодействия в сфере управления, реализующие технологии рефлексивного управления.

Таким образом, в центре развития современной фазы гуманитарных инноваций оказывается когнитивная гуманитарная наука, ориентированная на исследования и разработки в сфере гуманитарного мышления, восприятия, принятия решений в рамках сложного рефлексивного взаимодействия. В этом контексте очень важен и востребован инструментарий и опыт прежде всего философской инноватики.

Следует также подчеркнуть, что инновационная деятельность ныне достаточно подробно анализируется в рамках гуманитарного знания. Основные ее аспекты изучаются и репрезентируются в экономической науке, теории управления, социологии и психологии, а также в современной политической науке.

Обращаясь непосредственно к социально-гуманитарной инноватике, следует отметить, что основным предметом ее применений выступают экономическая, социальная, политическая, духовная сфера общества.

К социально-гуманитарной инноватике следует отнести такие широко применяемые в экономической, социальной, политической практике виды действий, основанные на научных исследованиях и разработках, и систематизированной практике, таких как: социальные и гуманитарные технологии; методы и методики социального проектирования и планирования; методы и методики образовательной деятельности в контексте различных культурно-образовательных систем; методы и технологии социального управления и управления поведением; PR-, GR-, HR-технологии и др.

Формирование данных инновационных направлений приводит к появлению в информационном обществе нового типа работников – когнитивных работников (knowledge worker), идущих на смену таким прежним категориям, как интеллектуальный работник, академический работник, инженер знания, брокер знания, профессионал хай-тека и т.д.⁴⁷⁴

К новой категории относят исследователей, дизайнеров, разработчиков программных продуктов, профессионалов индустрии развлечений, проектных менеджеров, контролирующих экспертов, финансовых консультантов, системных аналитиков и т.п., которые в совокупности формируют так называемый

⁴⁷⁴ Концепция «Общества знания» в современной социальной теории. – М., 2010. С. 53-54.

креативный класс⁴⁷⁵, который и будет обеспечивать дальнейшую трансформацию экономики знаний и когнитивного капитализма⁴⁷⁶ в экономику креативности.

Следует подчеркнуть, что социально-гуманитарная инноватика не изолирована, а зачастую и сопровождает технико-технологические нововведения: «при этом установлено, что генерация 100 % новых технологических знаний приводит к одновременному появлению 17 % новых экономических и 17 % новых экологических знаний, 9 % социальных знаний и 4 % новых политических и культурных знаний»⁴⁷⁷.

К этому следует добавить два важных с нашей точки зрения момента.

Во-первых, как уже было подчеркнуто выше, важным аспектом инновационной деятельности выступает коммерциализация научных и иных разработок, доведение их до вида товара, услуг, которые тиражируются и продаются в условиях массового рынка.

Применительно к социально-гуманитарным инновациям (да и не только к ним) важным является момент массового тиражирования. А вот коммерциализация может иметь место опосредованно, а может и не просматриваться, ввиду некоммерческой основы в распространении массовых образовательных, медицинских, культурных, информационных услуг производство и оплату которых берет на себя государство, общественные организации и фонды или даже отдельные лица. Тем более, что в отличие от технико-технологических инноваций, механизмы закрепления авторских прав в сфере социально-гуманитарных инноваций далеко не всегда установлены или найдены адекватные им формы. Это большая проблема.

Следует также иметь в виду, что значительная часть социально-гуманитарных инноваций включает в себя эффекты эмоционального, ценностного порядка, которые не всегда могут быть коммерчески оценены, но имеют определенный социальный эффект.

В качестве примера важнейших социально-гуманитарных инноваций 2-й половины XX в. – начала XXI в. (по экспертной оценке) приведем следующие:

- ✓ концепция и технологии формирования социального государства;
- ✓ концепция, технологии и практики ненасильственных действий;
- ✓ технологии и инструментарий программирования поведения в организациях и базовых видах деятельности (PR, HR, GR, НЛП и т.д.);
- ✓ сервисная модель государственного управления («гибкая власть»), её реализация в технологиях «электронной демократии», «электронного правительства»;

⁴⁷⁵ Храмова Е.Л. Разработка инновационного продукта: семь поводов задуматься о будущем // Инновации. СПб., 2009. № 9. С. 118-120.

⁴⁷⁶ Польре Б. Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. № 2 (179).

⁴⁷⁷ Воронина Л.А., Ратнер С.В. Научно-инновационные сети в России: опыт, проблемы, перспективы. – М.: ИНФРА-М., 2010. С. 56.

- ✓ программа мультикультуризма и формирования толерантной межнациональной среды;
- ✓ концепция и политический проект гуманизации отношений к человеку и различным группам меньшинств со стороны государства и местных обществ (права человека, права женщин, права детей, права пожилых людей, права безнадежных больных и др.);
- ✓ создание технологий нескольких поколений индустрии развлечений, включая виртуальную (компьютерную) реальность;
- ✓ разработка концепций, технологий и практик проблемного и развивающего обучения, включающих практику работы с различными кластерами одаренных детей;
- ✓ разработка и применение модели рефлексивного управления и рефлексивной логики;
- ✓ разработка и продвижение через Internet различных сетевых моделей социального и профессионального взаимодействия;
- ✓ разработка технологий штурм-брейнинга, форсайта и иных коллективных методов социального проектирования и прогнозирования;
- ✓ разработка концепций множественного интеллекта и продвижение их в базовые практики профессиональной деятельности и обучения.

Во-вторых, многие крупные инновации носят комплексный или междисциплинарный по своему источнику характер. Технические или биомедицинские включают, например, моменты математического, инженерного, информационного, организационного, производственного, кадрово-профессионального и иного обеспечения, которые, как уже подчеркивалось выше, далеко не всегда прописаны в «формуле инноваций». Аналогичная картина предстает и в сфере социально-гуманитарных инноваций.

Заметим, что и классическая, и неклассическая гуманитарная инноватика, в основном носит объектоцентрический характер, в рамках которого разрабатываются и используются технологии воздействия на массы, большие группы, рассматриваемые как объекты управления, объекты манипулирования⁴⁷⁸. Тем не менее, со стороны субъекта, использующего социально-гуманитарные инновации, весьма важной выступает ценностно-целевая составляющая (см. схему 13).

Следует отметить, что в системе социально-гуманитарных и когнитивных инноваций (как, впрочем, и в сопряжении с технико-технологическими инновациями) велика роль философского знания и философских исследований, продуцирующих не только новую методологию, но и новые смыслы, ценности, способы понимания мира, человека, техносферы.

⁴⁷⁸ Касательно современных манипулятивных воздействий в отечественной литературе есть весьма подробные разработки – см., например, *Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции. – М.: Академ. проект, 2009; *Цыганов В.В., Бухарин С.Н.* Информационные войны в бизнесе и политике. – М.: Академ. проект, 2007.

**Ценностно-целевая направленность
социально-гуманитарных исследований (СГИ)**

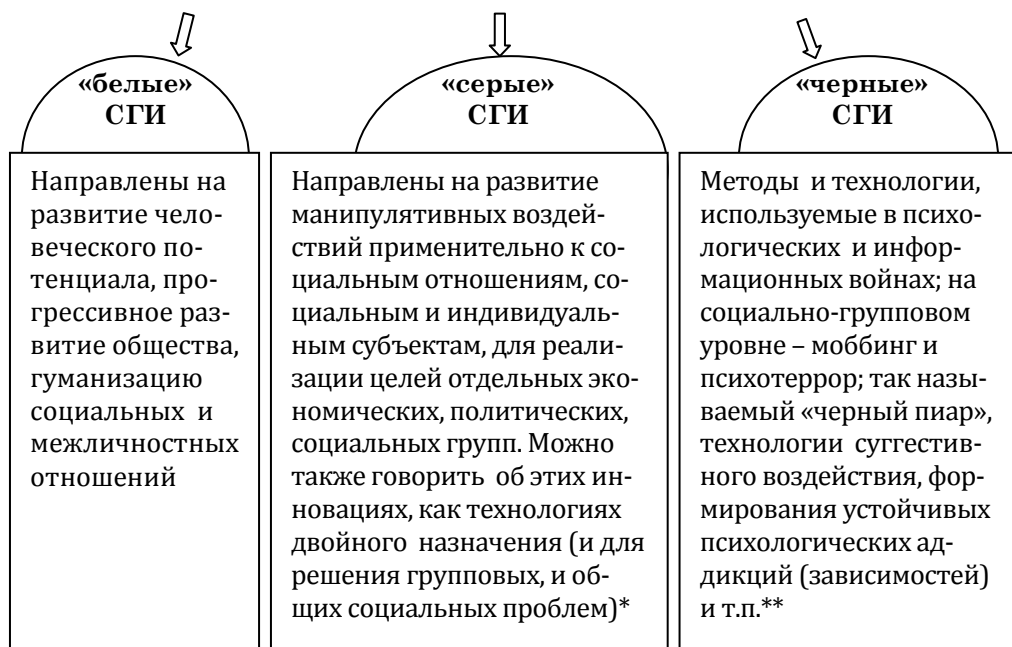

Схема 13⁴⁷⁹

Обобщая сказанное о социально-гуманитарных инновациях, следует подчеркнуть, что схемы внедрения фундаментального социально-гуманитарного знания достаточно разнообразны. Это и контекстуальный подход, который более практикуется в рамках слабоструктурированной модели; и корреспондирование структур фундаментального социально-гуманитарного знания в социальную практику, что, зачастую ведет к имитации, формально-практическому подходу; и операционализация концептов и парадигм, позволяющая увидеть «трудности перевода»; и, наконец, социально-гуманитарная инноватика, примеры из которой по-преимуществу проводились выше. Схематично сказанное изображено на схеме 14.

* См., напр.: Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издат., 2012.

** См., напр.: Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Указ. соч.; Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Западная: новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Эксмо, 2010.

**Модели социально-гуманитарной прагматики в рамках
сильноструктурированной базовой модели**

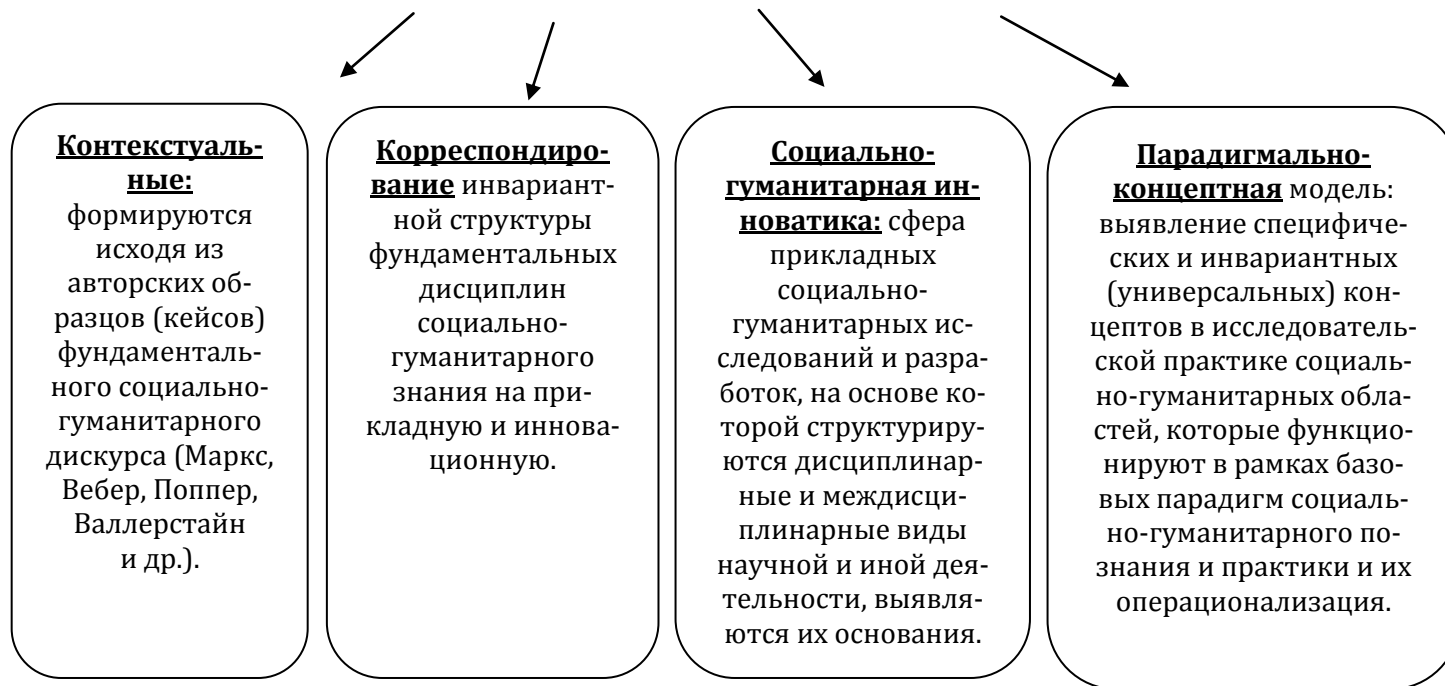

Схема 14

Итак, что же такое «Философия социально-гуманитарных инноваций?».

В первом приближении – это интеллектуальные техники исследования интегративных междисциплинарных и межуровневых когнитивных конструкторов и сложносистемных наукоемких способов деятельности в обществе, результатами которой является:

✓ Выявление сущностных тенденций развития инновационной деятельности.

✓ Выявление мировоззренческих, научных и практических оснований инновационной деятельности и инновационных продуктов.

✓ Установление связей инновационной деятельности с этапами и фазами развития общества и его возможных будущих состояний.

✓ Выявление институциональных, поведенческих, ценностных условий, способствующих развитию инновационной деятельности, инновационных процессов;

✓ Установление ближайших и отдаленных социальных, когнитивных, антропологических последствий инновационной деятельности.

Изучение качественных изменений в управленческой, коммуникативной, образовательной, экономической, политической и иных видах деятельности, которые сориентированы на инновации и массово востребуют их.

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Монография. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Монография. – Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.

Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления // Государственная служба. 2012. №№ 5-6 (73, 74).

Старостин А.М. Современная философская деятельность в системе социально-гуманитарной инноватики // Научная мысль Кавказа. 2011. № 4 (68).

Старостин А.М. (отв. ред. и автор). Философия и методология гуманитарных наук. Уч. пос. – М.: Изд-во «Перо», 2012.

4.5. Философия управления

В современной трактовке «инновации, инновационная деятельность» трактуется как сфера применения, приложения новых научных знаний. В этом плане, на наш взгляд правомерно говорить и о **сфере философских инноваций**, понимая под этим приложение философских знаний и методов к той или иной, востребующей их области человеческой деятельности. Фундаментальная философия осуществляет свои прикладные функции в различных областях духовной практики и, прежде всего в «точках роста», «точках прорыва». Одной из важнейших точек роста современной цивилизации выступает социальное управление.

Есть три решающих обстоятельства, наиболее серьезно мотивирующие анализ современной системы и методологии социального управления, включая и государственное управление: во-первых, продолжающиеся социально-политические и экономические процессы переходного характера, в рамках которых Россия пребывает с конца 80-х гг. XX в. по сей день. В этих рамках апробированы разные схемы, подходы к государственному управлению: от ельцинской «организованной анархии» («берите суверенитета сколько сможете») – до «вертикали власти» и «суверенной демократии». Однако, не смотря на то, что подходы меняются каждые 5-6 лет, оптимальной и, тем более, эффективной модели государственного управления выработать так и не удалось.

Второе обстоятельство связано с нарастающими процессами социально-экономической глобализации и все более явным обозначением субъекта глобального управления, к которому следует отнести не только элиту транснациональных компаний (ТНК) и международных организаций, осуществляющих на глобальном уровне координацию и синхронизацию финансово-экономических и политических процессов (ВТО, ВБ, ООН, НАТО и др.) в публичном и неформальном (Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб и др.) режимах, но и часть правящей элиты наиболее развитых стран мира, уже встроенную в глобальную систему управления.

Современная Россия существенным образом уже интегрирована в глобальные социально-экономические процессы. Однако ее включенность в глобальную политическую сеть существенно ниже, что сказывается на продвижении ее интересов в глобальных отношениях и значительно снижает эффективность ее государственного управления. Ярким примером последнего выступал развернувшийся в 2008–2009 гг. мировой финансово-экономический кризис. На основные симптомы проявления и последствия для России существующая система государственного управления отреагировала с большим опозданием и неполной адекватностью.

Третье обстоятельство обуславливается расширяющимся фронтом информационной революции, переходом все большего числа стран в информа-

ционную фазу социального развития. Последнее тесно связано с процессами глобализации.

В монографии М. Делягина «Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России?»⁴⁸⁰ на это содержится прямое указание: «Информационная революция корезжит системы управления. Организация человеческого общества определяется структурой его управления или – на уровне местных сообществ и всего человечества в целом – самоуправления. И вот эта-то структура оказывается все менее дееспособной, причем ее вполне наглядно разрушает сам «технологический прогресс, а в наиболее общем виде – информационная революция»⁴⁸¹.

Все это заставляет более внимательно отнестись не только к анализу существующей практики социального управления и, в частности, государственного управления (ситуативный анализ), но и к ее теоретико-методологическим основаниям.

Прежде всего, обращаясь к сущности управления, следует отметить, что под ним обычно понимают: «элемент и одновременно функцию организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических и др.), обеспечивающую сохранение их структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и цели деятельности»⁴⁸². Сразу же подчеркнем, что в этом, в целом приемлемом для определенного контекста определении, есть свои ограничения, связанные прежде всего с контекстом. Ибо, например, в управлении развитием, все более востребованном применительно к современным социальным системам и организациям, задачи «сохранения структуры и поддержания режима деятельности» имеют достаточно локальный характер, а основные задачи направлены как раз на изменение структуры и функций (и, следовательно, режима деятельности).

Что же касается социально-природных систем, то здесь даже сами цели деятельности находятся в зависимости от состояния системы и приобретают динамически-нелинейный характер.

Словом, в рамках общей теории управления, понимание природы управленческих процессов неоднозначно. Попытки выстроить некую единую теорию управления как научную доктрину пока не увенчались успехом⁴⁸³. И, более того, нельзя даже точно сказать: возможна ли она. Ситуация во многом похожа на попытки физиков-теоретиков – от А. Эйнштейна до наших дней – построить единую теорию поля (физических взаимодействий), сведя воедино четыре известных вида физических взаимодействий.

⁴⁸⁰ Делягин М. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? М., 2009.

⁴⁸¹ Там же. С. 17.

⁴⁸² Теория управления / Под ред. А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухина. – М., 2008. С. 19.

⁴⁸³ Об этом свидетельствует и репрезентация философских и методологических проблем управления в коллективной монографии Института философии РАН: «Философия управления: проблемы и стратегии» (М.: ИФ РАН, 2010).

Аналогия тем более полна, что в теории управления мы имеем дело, с одной стороны, с представлениями и принципами управления, выработанными в кибернетике и математических теориях операций и игр, с другой – с представлениями гуманитарной природы, касающихся управления социальными организациями и теорией менеджмента.

По поводу именно этой ситуации классик кибернетического подхода к управлению Стаффорд Бир заметил: «Когда речь заходит об управлении, воцаряется странное молчание. Нет ни общего соглашения о существовании такого предмета, как науки управления, ни единодушного мнения, что уметь управлять, вообще говоря, можно обучиться. Причина, очевидно, заключается в том, что никто еще не систематизировал опыт, который человечество накопило в области управления»⁴⁸⁴.

В связи с этим суждением вновь подчеркнем, что дело не только в опыте, накопленном в области управления, но и в ряде принципиальных трудностей методологического, категориального и парадигмального характера, с которыми мы сталкиваемся в попытках систематизации и концептуализации этого опыта. Прежде всего речь идет о попытках совмещения, синтеза естественнонаучного и гуманитарного подхода к управлению. Одним из перспективных подходов в этом направлении выступает метод моделирования, опора на понятие «модель управления». Но и здесь есть свои трудности, связанные с пониманием сущности модели и моделирования. В частности, в уже упоминавшейся книге «Теория управления» (под ред. А.Л. Гапоненко и А.П. Панкрухина) приводится развернутая классификация основных моделей управления⁴⁸⁵ (прежде всего социального):

- по виду преобладающей собственности на средства производства;
- по степени рыночного влияния на экономику;
- по характеру властных полномочий руководством;
- по критерию «встроенности» человека в систему производительных сил;
- по территориальному происхождению и месту адаптации;
- по принадлежности к соответствующим школам менеджмента;
- по роли и месту человека в системе управления;
- по отдельным управленческим принципам (модель управления по результатам; ситуационная модель);
- по отношению к изменениям по внешней и внутренней среде.

Однако данное понимание лишь косвенно соприкасается с технологическим пониманием управления того же Ст. Бира, который подчеркивает: «Проблемы управления не имеют отношения ни к организации предприятия, ни к талантам людей, призванных решать эти проблемы»⁴⁸⁶. И детализирует:

⁴⁸⁴ Ст. Бир. Наука управления. М., 2007. С. 7.

⁴⁸⁵ Теория управления. М., 2008. С. 36-37.

⁴⁸⁶ Ст. Бир. Указ. соч. С. 66.

«Наука об управлении использует методiku, источником которой в основном явилось изучение природы, исследует работу организатора. **Работа же эта лишь незначительным образом определяется тем процессом, которым управляют.** Она протекает в области предсказаний и оценки различных факторов, с тем, чтобы определить, какие из них действительно влияют на ход дела; эти факторы и необходимо количественно оценить. Цель науки управления состоит также в том, чтобы свести полученные количественные данные в некоторую систему, характеризующую ситуацию. Это предполагает выдвижение гипотез о том, почему данные факторы действуют именно таким образом, а также позволяет сформулировать «законы», действующие в данной ситуации. Для выполнения всего этого необходимо проведение не только изменений, но и исследование операций»⁴⁸⁷.

Для того чтобы сблизить гуманитарный и технократический подходы в теории управления с нашей точки зрения необходимо встречное движение со стороны этих подходов. Что касается гуманитарного, то он, по нашему мнению должен предложить более обобщенные гуманитарные модели, которые могут в последующем быть формализованы. Основной путь здесь лежит через модели, где сопряжено понимание самих управляемых систем с определенным типом управления. В этом плане следует воспользоваться оговоркой Ст. Бира о том, что, хотя и в незначительной степени, но процесс, которым управляют, все же определяет само управление. Или, говоря словами другого классика, если базисными считать управленческие операции, то надстроечные для них – подуправленческие процессы – активно реагируют на базисные воздействия и заставляют их меняться.

Итак, в нашем понимании основные модели управления, репрезентированные в рамках динамично изменяющихся систем, выглядят следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Тип и структура систем	Агрегативные (стационарные)	Органические (самовоспроизводящиеся)	Рефлексивные
Тип изменений	Стационарный (стабильно функционирующий)	Эволюционный	Козэволюционный
Тип управления	Объектный (внешнее воздействие на внутренние составляющие, внешнюю среду и траекторию движения или режим функционирования)	Реляционный (воздействие на структуру, связи и вещественный «геном»)	Проективный (воздействие на информационный «геном»)

⁴⁸⁷ Ст. Бир. Указ. соч. С. 10–11.

В рамках данной таблицы представлены изоморфные отношения типов систем и типов управления. Однако в реальной практике социального управления мы очень часто имеем дело с гомоморфными их отношениями, когда, например, объектный тип управления применяется к органическим и даже рефлексивным системам. Реже мы сталкиваемся с попытками переноса проектного типа управления на биологические и физические системы (великий физиолог И.П. Павлов, имея в виду подобную неадекватность, запрещал своим сотрудникам выражения типа: «Собака подумала» и вытекающие отсюда типы воздействий).

Поскольку в аппарате описания управляющих воздействий используется значительное число терминов, имеет смысл их дифференцировать применительно к трем типам управления: объектному (1), реляционному (2) и проективному (3). Так, применительно к объектному типу управления чаще всего используются термины: направляющее воздействие; активизация; будирование; применительно к рефлексивному: руководство; влияние; целенаправленные преобразования; планирование; регулирование, упорядочение; применительно к проективному: развитие; подстройка; содействие; целевая детерминация; соразвитие.

Такое «аппаратное расширение», с одной стороны, и дифференциация, с другой позволяют произвести понятийную нюансировку и расширить «понятийное гнездо», связанное с социальным управлением.

Что касается анализа методологически наиболее востребуемых концепций социального управления, опираясь на которые можно интерпретировать и различные подходы к государственному управлению, то здесь следует иметь в виду классический **социально-телеологический** подход и, набирающий силу, **социально-синергетический** подход.

Традиционная теория социального управления, используемая в различных версиях по сей день, вполне может быть названа **социально-телеологической**. Она ориентирована на разработку технологий постановки сложных целей (принятие управленческих решений) и социальных технологий как средств их достижения. Существуют разные модели такого подхода, в рамках которых акцент делается на методах воздействия на людей – руководителей и исполнителей (бихевиористская модель), либо – на выстраивании социальных структур и организации взаимодействий между ними (институциональная модель), либо делающий ставку на интеграции действий и институтов, и их функций и организационного поведения, и ресурсов, и ряда других факторов (системная модель) в движении к поставленным целям.

На сюжетах, связанных с использованием в социальном управлении различных социальных технологий, следует остановиться более детально не только потому, что технологизация различных видов социального управления, включая и политическое, используется все более активно, но и потому, что с этим связан давний мировоззренческий спор.

С социальными и политическими технологиями мы все чаще сталкиваемся в современной политической практике. Под ними понимают и алгоритмы деятельности, способствующие повышению ее эффективности, и трактуют как новый формат методов и средств деятельности применительно к современным условиям⁴⁸⁸. К тому же технологизация социально-политической деятельности в содержательном аспекте может пониматься и как новый этап ее рационализации, и как переход к манипулятивным способам воздействия. Многое зависит от той научной парадигмы, в рамках которой разрабатываются эти технологии. Это и обуславливает концентрацию внимания прежде всего на методологическом аспекте технологизации социально-политического управления. Остановимся на этом более подробно.

Обращение к области социальных технологий можно рассматривать и как новую крупную область социальных инноваций, и как новое прочтение давно поставленных, но так и не решенных в полной мере проблем.

С точки зрения современных социальных инноваций разработка и интенсивное внедрение социальных технологий может рассматриваться как новый этап глобальной научно-технической революции который может быть назван научно-гуманитарной революцией. Он вполне естественно следует за радикальным обновлением технологически-производственной базы и естественнонаучного потенциала, созданного человечеством за последние десятилетия. Очевидно что дальнейшее развитие системы естественнонаучных и инженерных знаний и механизмов их реализации в технико-производственной сфере наталкивается на пока существенно отстающую социальную организацию и систему социального и политического управления.

Функционирование созданных к началу XX века сверхбольших технических систем обусловлено не только высокими требованиями к точности, надежности, прогнозируемости, результативности, оптимальности, но и очевидными социальными и социально-природными рисками. Причем, масштабы рисков носят уже не локальный или региональный, а глобальный характер. К такого рода рискам могут быть отнесены военные конфликты, социальные, демографические, социально-природные катастрофы или их угрозы.

Поскольку плотность расселения человечества к концу XXI в. близка к предельной для условий индустриального общества, а основные используемые ресурсы исчерпаемы в ближайшие десятилетия, то и встают задачи, во-первых, оптимизации и организации управления социальными процессами на глобальном уровне и перевода социального развития человечества в режим направленного развития, а, во-вторых, прогнозирования и предотвращения (или минимизации последствий) возможных рисков и кризисных состояний социума. Причем, наиболее уязвимой и недостаточно управляемой

⁴⁸⁸ См.: Прикладная политология: Словарь-справочник. М.: РАГС, 2004. С. 179-180.

видится как раз сфера социальных отношений и человеческого поведения. Вот почему значимость разработки, апробации и внедрения социальных технологий на всех уровнях: локальном, страновом, региональном и глобальном, видится одной из наиболее важных и приоритетных задач для социально-гуманитарных наук и социального управления.

Между тем, как подчеркнуто выше, с такого рода постановкой проблемы мы уже не единожды встречаемся в истории общественной мысли. Однако до начала XX в. такую постановку задачи в науке можно считать предвосхищением практических потребностей. Лишь в 60-70-е гг. XX в. мы, пожалуй, впервые встречаемся с экспликацией проблемы, подводящей к острой востребованности социальных технологий на всех уровнях социального управления. И это связано с началом формирования глобального самосознания человечества («Римский клуб»).

До XX века в социальной науке первые осознанные обращения к социальным технологиям связаны с первыми же научно-рациональными версиями системы социальных знаний (К. Маркс, О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.). Одновременно зарождаются основные крупные методологические платформы, в рамках которых в последующем осуществляется разработка социальных технологий и разрабатываются механизмы их применения.

Наиболее определенно и достаточно критически эти платформы очерчены были уже более полувека назад К. Поппером,⁴⁸⁹ который обозначил две группы подходов к социальным технологиям (или два типа социальных технологий), связав их вообще с мировоззренческим подходом к развитию общества.

Холистская, или утопическая, социальная технология связана с преобразованиями общества в целом, начало которому кладет социальная революция. Однако она влечет за собой столь значительные непредвиденные и нежелательные последствия, социальные и экономические потери и огромные избыточные страдания людей, что ее следует отнести к числу нецивилизованных деяний (по К. Попперу).

«Частичная» социальная технология (piecemeal engineering) может быть отнесена к социально-реформистским действиям, осуществляемым постепенно и с учетом и контролем возможных отрицательных социальных последствий. Вместе с тем она допускает возможность корректировки действий и даже их значительной ревизии.

Одновременно К. Поппер достаточно критически оценивает объяснительные и прогнозные возможности социальных наук. Ограничения на социальную инженерию связываются не только с гуманистическими и этическими требованиями современного общества, но и с гносеолого-методологическими сложностями познания и управления социальными системами.

⁴⁸⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1, 2. М., 1992.

При всей неоднозначности отношения к конкретным оценкам и мировоззренческим установкам К. Поппера, мы не можем отрицать глубины и принципиальности поставленной им проблемы применительно к пониманию сущности и границ применимости социальных технологий.

Итак, первая парадигма, которую К. Поппер связывал с социально-революционным мировоззрением, а мы можем и несколько расширить ее рамки, может быть также названа **парадигмой фазовых переходов** на определенной ступени развития общества. Иначе говоря, существенные инновационные социальные подвижки доктрина фазовых переходов связывает с резким обновлением всех основных сфер жизни общества и социальных отношений. Помимо такого рода парадигмальной трансформации, с данной точки зрения, не удастся существенно обновить характер социального управления и внедрить новые социальные технологии. Вот почему представители этой доктрины придают такое значение социальным технологиям революционного обновления, подготовке социальных революций. Речь здесь идет не только о левых партиях и движениях. В определенной степени такой же позиции придерживаются силы, выступающие за демонтаж той или иной социальной системы. Предлагаемые социальные технологии также вписываются в стратегию фазового перехода, суть которой образно формулируется как «от целого – к частям».

Парадигма же постепенных эволюционных изменений, суть которой упрощенно можно обозначить как «от частей – к целому», доминирует в современном общественном сознании, приобретая все более четко выраженные черты доктрины устойчивого развития. Предпосылочной основой этой доктрины выступает убеждение в том, что путем постепенных шагов, постепенных изменений подсистем общества и их последующей гармонизации удастся сохранить систему базовых ценностей, установок и ориентаций данной социальной системы и удержать ее в равновесии, в рамках устойчивой траектории развития.

В последнее время все более заявляет о себе не совсем привычная для западноцентричных воззрений **парадигма коэволюционного развития**, в основе которой по-преимуществу лежит цивилизационный подход. Доктрина коэволюционного развития различных цивилизационных систем вообще полагает недопустимым перенос одного социально-технологического комплекса на иную цивилизационную почву. Данная доктрина становится все более популярной в кризисных условиях современной России, где явно пробуксовывают хорошо зарекомендовавшие себя в условиях Запада социальные технологии. Привлекает по, что уже появились работы, где технологии политической власти в России рассматриваются с позиций именно данной парадигмы⁴⁹⁰.

⁴⁹⁰ См.: *Королев С.Л.* Бесконечное пространство. М., 1997; Его же. Технологии власти в истории России. Автореф. докт. дисс. М., 1998.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что та или иная парадигма понимания сущности социальных технологий и их применения достаточно тесно связана с этапом развития общества и его состоянием.

Общая социально-историческая тенденция состоит в постепенном переходе от социальных технологий, основанных на прямом воздействии, к технологиям, базирующимся на манипулятивном, а затем и партисипативном воздействии. В современном индустриальном обществе доминируют социально-манипулятивные технологии, но уже обозначилась общая тенденция перехода к партисипативной основе. Соответственно организационные условия и факторы указанных типов социальных технологий существенно различаются. Тем не менее, по мере развития все больше возрастает роль т.н. субъективного фактора и символических средств воздействия на него.

При столкновении с большими самоорганизующимися социальными системами, функционирующими в условиях, которые могут быть и стабильными, и неравновесными, мы видим, что на практике социально-телеологическое понимание управления часто дает сбой, не приводит к поставленным целям. Да и невольно возникает вопрос: «А имеет ли вообще смысл использовать категорию «управление» применительно к большим самоорганизующимся системам?» В каком, например, смысле можно говорить об управлении Объединенной Европой или современной Россией?

Думается, что при столкновении с большими социальными системами и попытками целенаправленного воздействия на их функционирование и развитие мы вольно или невольно приходим к таким мыслям, в особенности, когда такие системы самопроизвольно сходят с привычной траектории движения. Примером тому выступает новейший глобальный кризис финансово-экономической системы. Никакие усилия и попытки его приостановки не приводят к стабилизации.

Поэтому следует подчеркнуть, что социально-телеологическая трактовка социального управления имеет свои границы, как и всякая научная абстракция. Очевидно, что чем с более сложной самоорганизующейся социальной системой мы имеем дело, тем более смещаемся в поиске адекватного управленческого инструментария от категорий целевой детерминации – к категориям коэволюционного влияния, поддержания социального гомеостаза, социально-средового воздействия, упорядочения социально-хаотических состояний и т.п. Что вольно или невольно подводит нас к понятийному аппарату синергетики, которая в последние 2-3 десятилетия как раз и концентрировала свои усилия на исследовании нестационарных, нелинейно изменяющихся, саморазвивающихся объектов и систем.

Однако, что касается социально-гуманитарных приложений синергетики, она, в лучшем случае, по мнению С.П. Капицы, С.П. Курдюмова и Г.Г. Малинецкого представляет своеобразную натурфилософию компьютерной

эры⁴⁹¹. А в худшем случае, по мнению В.Г. Буданова, может оказаться просто модным увлечением, эвристическим ходом, а не научным инструментариумом⁴⁹².

Обращаясь к категориальному составу синергетики, следует в качестве ключевых выделить понятия: «гомеостаза», «аттрактора», «неравновесности», «хаоса», «бифуркации», «нуклеации», «нелинейности», «триггерного эффекта» и др.

Популярными иллюстрациями их проявлений могут выступать такие примеры, как, в случае «бифуркации» – поведение богатыря на распутье, где можно пойти по траекториям: «женатому быть», «коня потерять» или «голове сложить». Но реализация самих траекторий не означает абсолютной неизбежности указанных событий, а – повышенную вероятность риска именно этих номинаций.

С триггерными и резонансными эффектами мы в образной форме встречаемся в известном рассказе Рэя Брэдбери «И грянул гром», где главный герой, путешествуя во времени, раздавил золотистую бабочку, что драматически повлияло на дальнейший ход событий. Малые воздействия повлекли глобальные последствия.

Отечественные ученые-методологи, анализирующие проблемы социально-гуманитарной методологии, – Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, С.П. Капица, Г.Г. Малинецкий⁴⁹³, обращают внимание на ряд следующих ключевых принципов применительно к синергетической модели управления:

1. Классически-научные и неклассические подходы, связанные с управлением, ограничивались двумя типами объектов: а) детерминированные, относительно которых можно было дать прогноз на любое желаемое время и б) стохастические, относительно которых можно было оперировать статистическими характеристиками, распределениями вероятностей.

В последние 20 лет, благодаря синергетике, выявлен еще один важный класс объектов: в) формально они являются детерминированными, т.е. в принципе возможно строить прогноз касательно них по схеме а). Но, вместе с тем, предсказывать их реальное поведение можно лишь в течение ограниченного времени. Сколь угодно малая неточность в определении начального состояния системы может нарастать со временем, и с некоторого момента мы теряем возможность что-либо предсказывать, поскольку система может вести себя хаотически.

Поэтому, сообразно природе объектов и сред, в которых они существуют, вообще возможны траектории-орбиты возможного развития. Следовательно, далеко не любые траектории изменения системы возможно

⁴⁹¹ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 2003. С. 60.

⁴⁹² Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2007. С. 26.

⁴⁹³ См. вышеуказанные работы, а также монографию Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова. Синергетика: нелинейность времени и ландшафта коэволюции. М., 2007. С. 194-202, 213-215.

осуществить. А существует некоторый дискретный спектр возможных будущих состояний системы.

Можно проводить аналогии с дискретностью траекторий движения электронов в атоме, или с набором устойчивых орбит планет в Солнечной системе, но такие наборы спектров устойчивого (стационарного) движения существуют в любой сложной системе. Поэтому управленческие воздействия, применительно к таким ситуациям, эффективны лишь в случае их соответствия спектру возможных будущих состояний⁴⁹⁴.

2. Представление о линейной связи между управляющим воздействием и результатом весьма ограничено. Применительно к сложным системам, включая социальные, более адекватным является положение о нелинейном характере такой связи в общем случае. В этом общем случае необходима ориентация на поиск т.н. малых резонансных воздействий, имеющих большой эффект (малые причины больших событий). А, с другой стороны, выявление чувствительных к резонансному воздействию точек системы. На этом базируется, кстати, концепция управления социальным хаосом и управления через организацию хаоса. Так, сегодня провокационная дезинформация, черный PR легко создают новые локусы хаоса и гасят старые, что прежде всего осуществляется через воздействие на ценностные пространства.

3. Чтобы эффективно управлять сложными социальными системами, необходимо принимать во внимание **контекст** – включенность в организационные, коммуникационные связи.

4. Сложная социальная система управляется коэволюционно, в системе с управляющим воздействием. Главная проблема в том, как найти для объекта наиболее благоприятный из существующих путь собственного развития, обеспечить его самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие. Это что-то похожее на принцип даосизма: «Хорош тот правитель, который управляет как можно меньше» или, согласно другого правила даосов: «О правителе народ должен знать как можно меньше». Можно согласиться, что данный подход скорее соответствует термину «божественный» и противоположен современным имиджево-лидерским подходам к управлению, культивируемым в современной западной и отечественной политической практике.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что синергетический подход к социальному управлению ассоциируется с такими выделяемыми качествами социальных систем, как: а) эволюционирующий и нестационарный их характер, в отличие от представлений о стабильной организации; б) составные, сложные организации со значительным ресурсом самоорганизации,

⁴⁹⁴ В последней версии стратегического менеджмента Игоря Ансоффа введен специальный раздел «Модель турбулентности среды обитания», где анализируется влияние роста новизны происходящих изменений, увеличение напряженности в среде обитания фирм на рост сложности и неопределенности рыночной действительности – см.: *Ансофф И.* Стратегический менеджмент. СПб., 2009. С. 100-131.

в отличие от гомогенных и организуемых извне систем; в) организации с преобладанием информационных и символических взаимодействий и символического капитала; г) организации с механизмами самовоспроизводства (компсами – аналогами генотипа).

Применительно к приведенной нами выше типологии социального управления именно проективный тип управления в наибольшей степени востребует социально-синергетическую концепцию для своего описания. К тому же именно такие организации и системы характерны для информационного общества.

С точки зрения основных его параметров, генерирующих указанные системы и организационный контекст их взаимодействия, для информационного общества характерно следующее:

- в экономике, финансах, бизнесе – электронные деньги – переход к виртуальным зачетным эквивалентам коммерческих отношений; системам управления знаниями и интеллектуальному капиталу компаний;

- в производстве – нанотехнологии – производство продуктов, объектов с заданными свойствами на атомном уровне на основе информационных матриц и кодов объектов;

- в связи, передаче информации, образовании – дистантное воздействие на резонирующие (критические) ментальные точки – культурные коды (мемы), создание голографно-информационной среды (развитие Интернета до 3-х мерного уровня);

- в организации труда – компьютеризированная операционализация трудовых отношений, индивидуальные компьютеризированные рабочие места, формирование виртуальных корпораций;

- в военном деле – дистанционные низкоэнергетические воздействия и точечные воздействия на «нервные узлы» военной и экономической инфраструктуры – военная акупунктура;

- в политике – формирование систем электронного правительства, интернетного гражданского общества;

- в познании – создание систем искусственного интеллекта, способных моделировать эволюцию и коэволюцию объектов и среды на основе сигнальной системы 3-го уровня (виртуальная реальность);

- в управлении – синергетический подход, представление управленческих систем как нелинейных и включающих эволюционирующие контексты, поиск триггерных (резонансных) технологий и разработка топологии управленческих воздействий.

- в СМИ – обращаясь к развитию современного глобализирующегося общества, мы видим проявление указанных симптомов при все возрастающей роли СМИ, значимость которых проявляется не только в области их основных функций, но, все более как средства управления синергетического типа.

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Социальное управление: вопросы теории и методологии. Кол. моногр. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010.

Старостин А.М. Политические элиты и рефлексивное управление // Научн. вестн. Волгоградской академии госслужбы. Серия: политология и социология. 2010. № 1.

Старостин А.М. Новые подходы к методологии социального управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2009. № 2.

4.6. Философия политики и политологическая инноватика

Философия политики – это область наиболее обобщенных знаний о политике или, как пишут известные авторы: «Это философское размышление над тем, что относится к политическому»⁴⁹⁵. Изучение данной области актуально в образовательном аспекте в связи с включением ее в образовательные программы по обучению магистров-политологов и аспирантов-политологов. Разумно то, что аспиранты-политологи, сдающие экзамен кандидатского минимума по «Истории и философии науки», должны хорошо освоить не только содержание базовых политических учений, но сделать это в связи с политической философией. К сожалению, учебников и учебных пособий, которые бы представили во всем объеме эту связку недостаточно. Но они весьма вариативны. Поэтому необходимо выявить механизмы этой вариативности и показать некоторые значимые, наиболее современные разработки в области политической философии. И, прежде всего, политическую философию в действии.

Как некоторый образец очень привлекательна в этом плане работа (курс лекций) известного российского философа и востоковеда Александра Пятигорского «Что такое политическая философия: размышления и соображения»⁴⁹⁶. В ней автор последовательно реализует свой основной подход: «В данном случае, когда я говорю, что буду говорить о политической философии, *что* явится

⁴⁹⁵ *Шахай Анджей, Якубовский Марек.* Философия политики. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2011. С. 10.

⁴⁹⁶ *Пятигорский А.* Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. М.: Изд-во «Европа», 2007.

предметом философии? Не политика, а *мышление* о политике»⁴⁹⁷. И далее: «Объект политической философии – это политическая рефлексия, рефлексия о политике».

Упомянутый автор доказывает и показывает заявленный статус политической философии на многих десятках иллюстрациях, примерах. К сожалению, эти примеры не развернуты в последовательные кейсы, на которых можно просмотреть, как применяется исследовательский инструментарий политической философии в том или ином случае. Необходимо восполнить эту лакуну, опираясь на ту или иную репрезентацию политической философии. Но прежде необходимо показать, как еще понимается политическая философия в современной литературе.

Прежде всего подчеркнем, что большинство современных авторов подчеркивает нарастающую востребованность политической философии. Хотя так было далеко не всегда. Еще в первой половине XX века казалось, что политическая философия, истоки которой восходят к Платону и Аристотелю (а в Восточной традиции – к Конфуцию) – это уже архаика. И действительно, с XIX века убыстренно развивалась политическая наука или, к настоящему времени – политические науки (политическая экономия, политология, политическая конфликтология, политическая социология, политическая психология, политическая культурология и ряд более специальных областей в рамках каждой из них). На этом фоне решать задачи и проблемы политических наук с помощью философских подходов и методов, отвлеченных, умозрительных, кажется архаикой.

Однако уже с середины XX века, когда в рамках политических учений был накоплен значительный массив эмпирических знаний и возникли проблемы его обобщения, выработки теоретических конструктов, обозначились и разные парадигмы в политологии. Сейчас мы указываем на: институционализм и бихейвиоризм, марксизм и системно-структурный анализ, цивилизационный и гендерный подход, использование синергетики и когнитивно-информационного подхода.

Каждая из названных парадигм претендует на универсализм: описание, объяснение, прогнозирование и проектирование деятельности во всей полноте реальных политических процессов. И, с другой стороны, остается не проясненным: могут ли быть связаны в какие-то общие кластеры указанные парадигмы и подходы? Потребность такой интеграции так же становится весьма ощутимой по мере понимания, что столь разросшийся свод политического теоретического знания весьма востребован и достаточно продуктивен в каждой указанной выше версии.

Не менее объемные и сложные проблемы возникли по мере роста конкретно-политологического, эмпирического знания. А с помощью каких

⁴⁹⁷ Пятигорский А. Указ. соч. С. 9.

механизмов может быть обобщено это разноплановое знание? И тут на когнитивную арену вновь выходит политическая философия, но уже в роли «машины рефлексирования», «машины синтеза», механизма отбора и конвергенции ключевых политических концептов.

На сегодняшний день основной статус и основная миссия политической философии обозначена так: «политическая философия (теория) является теорией нормативной, в то время как наука о политике – эмпирическая наука»⁴⁹⁸; «Политическая наука – это теория среднего уровня, т.е. теория, которая не претендует на философские обобщения политики. Этим занимается философия политики, или политическая философия. Как раз в ее задачу входит раскрытие общих закономерностей политики, выяснение внутренней логики ее развития, связей с другими сферами общественной жизни – экономической, духовной и социальной»⁴⁹⁹.

И, наконец, для полной ясности миссии политического философа, образное сравнение А. Пятигорского со ссылкой на известного нашего философа М.К. Мамардашвили: «Философ – это шпион, который наблюдает за тем, как ты, они, вы думаете. Потому что данные своего мышления вы сами просто так не осознаете»⁵⁰⁰.

Еще один сюжет связан с размышлением на тему: «Политическая философия» и «Философия политики» – это одно и то же или существенно различные вещи? Достаточно обстоятельно эта проблема обсуждается в работе Т.А. Алексеевой «Политическая философия: от концепций к теориям»⁵⁰¹. В итоге автор приходит к выводу: «В целом, различие между философией политики и политической философией достаточно условно и сплошь и рядом определяется смысловой логикой и научной традицией. Нить, связующая философию политики и политическую философию еще не разорвана, и это позволяет нам часто говорить о них, как об одной сфере знания»⁵⁰². Стоит согласиться с этим суждением, но отметить следующее. Достаточно важно в философском исследовании политики – кто осуществляет эту функцию: философ или политолог-теоретик?

Иными словами, как мы оказываемся на уровне философии политики: путем операционализации категорий и методов фундаментальной философии применительно к области политики, или же – путем обобщения, синтеза, идя от политического как теорий среднего уровня – до мировоззренческого уровня, уровня политической картины мира?

⁴⁹⁸ Шахай А., Якубовский М. Философия политики. Харьков: Гуманитарный центр, 2011. С. 12.

⁴⁹⁹ Гобозов И.А. Философия политики. М. 2002. С. 17.

⁵⁰⁰ Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 55.

⁵⁰¹ Алексеева Т.А. Политическая философия. От концепций к теориям. М.: РОССПЭН, 2007.

⁵⁰² Там же. С. 9.

Можно, конечно, сказать, перефразируя Фому Аквинского: если нас интересует истина, то неважно каким путем мы к ней приходим – прямым, через божественное откровение или опосредованным, через скрупулезное исследование творений Божьих. Однако различие в формах представления истины будет при этом чувствоваться.

Разница в обобщенных формах представленности политического мира будет, конечно чувствоваться в зависимости и от того *кто* этим занимается (философ или теоретик-политолог), и от используемого инструментария философской репрезентации.

Покажем это на ряде примеров, прежде всего, на примерах репрезентации структуры политического знания. В недавно вышедшей коллективной работе под редакцией проф. А.Н. Чумакова высказано такое понимание предмета и структуры философии политики: «Философия политики – это междисциплинарное направление науки, и в этом качестве она призвана изучать духовные и мировоззренческие аспекты политического мира: онтологию, аксиологию, эпистемологию и методологию. Философия политики есть наука о наиболее общих основаниях и возможностях политики, о соотношениях объективного и субъективного, закономерного и случайного, сущего и должного, рационального и вне рационального»⁵⁰³.

Как видим, структурирование поля политической философии осуществляется по принципу наложения структуры фундаментальной философии на проблемно-теоретическое поле политики. Аналогичный подход мы встречаем в работе «Политическая философия» И.А. Василенко⁵⁰⁴, где выделяются в качестве основных разделов: политическая онтология, политическая антропология, политическая праксеология, политическая эпистемология. Такой подход достаточно распространен.

Иной подход представлен Т.В. Лебедевой, которая подчеркивает: «Философия политики – это теория, претендующая на философское обобщение политики, раскрывающая содержание, характер, формы, закономерности политической деятельности, сущность власти, политического выбора, разрабатывающая нормы правильного политического порядка и оптимальной организации политической власти, выясняющая внутреннюю логику развития политики, ее связей с другими сферами общественной жизни»⁵⁰⁵.

В работах Т.А. Алексеевой, а также у А. Шахая и М. Якубовского, авторы отталкиваются от ценностно-мировоззренческих парадигм (социализм, либерализм, консерватизм и т.д.), в рамках которых происходит различная интерпретация базовых политологических концептов (государство, авторитет,

⁵⁰³ Философия в профессиональной деятельности. М.: Проспект, 2014. С. 238–239.

⁵⁰⁴ См.: Василенко И.А. Политическая философия. М.: Изд-во «Гардарики», 2004.

⁵⁰⁵ Лебедева Т.В. История и философия политики // История и философия науки в 4-х книгах. Книга 3. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 200–287.

свобода, равенство, справедливость). А в работах С. Неретиной, А. Огурцова, а также В.П. Макаренко⁵⁰⁶ осуществляется вычленение и операционализация основных политических концептов в различных эпистемологических дискурсах. Похожая схема реализуется в лекциях А. Пятигорского, который сводит число концептов к минимуму (политическая власть, государство, революция, война).

Словом вариантов политической философии предложено немало, очевидно, и ввиду значительного запроса на такие исследования, и, ввиду наличия неоднозначных, вариативных подходов к проблеме путей реализации философской рефлексии в пространстве политической мысли. Анализ этих разнообразных подходов позволяет говорить, во-первых, о прикладном характере политической философии по отношению к основным направлениям фундаментальной философии и, во-вторых, о наличии разных матриц политической философии или философской рефлексии в политике.

Что позволяет нам обратить внимание на нашу авторскую концепцию прикладной философии, распространенную в том числе и на политическую философию. Это концепция «философской инноватики». И далее мы репрезентацию основных проблем философии политики изложим в русле философской инноватики.

Несколько слов о самой философской инноватике.

Мы хотели бы обратить прежде всего внимание на сложное, многослойное взаимодействие философского и междисциплинарного научно-гуманитарного знания, которое проявляется при постановке, обсуждении, разработке ряда проблем, касающихся развития современного общества.

Речь идет о необходимости перевода сложного гуманитарного дискурса из неявно принимаемого философско-методологического и философско-мировоззренческого контекста в отрефлектированный контекст и даже текст, системно совмещенный с междисциплинарным и дисциплинарным знанием. Такого рода рефлексия требует введения системного видения самой философской деятельности и ее связей с гуманитарно-научной деятельностью (да и не только гуманитарно-научной, шире говоря). Ключевым понятием в этой связке выступает категория «философской инноватики».

Философская инноватика в своих массовых проявлениях генерируется в процессе развития и усложнения отношений философии с наукой, другими сферами духовности и практикой. Это определенный и вполне конкретный этап развития философской деятельности, связанный с развитием ее инструментально-прикладного потенциала. В этом плане философия следует по пути развития любой отрасли рационального познания, где происходит дифференциация на фундаментальную и прикладную сферы.

⁵⁰⁶ Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической структуры. М.: Изд-во ИФАН, 2011; Макаренко В.П. Политическая концептология. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011.

Область философской инноватики в широком смысле: решение нефилософских проблем с помощью философского инструментария. По-преимуществу философская инноватика ориентирована на комплексные и междисциплинарные проблемы. С ее помощью осуществляется формирование эпистемологического контекста, который впоследствии остается «за скобками» междисциплинарного или дисциплинарного исследования.

Отталкиваясь от сказанного выше, следует особо подчеркнуть, что у каждой фундаментальной философской системы есть своя версия (модель) философской инноватики. Структурализм и экзистенциализм, аналитическая философия и прагматизм, феноменология, философский волюнтаризм и марксистская философия опираются на собственный инструментарий философской инноватики, с помощью которого разрабатываются начала и подходы к формированию различных культурно-образовательных систем; инструментарий той или иной философии управления или философии политики; проектируются различные модели философской когнитологии или философии науки с их аппаратом рефлексии.

Хотелось бы также подчеркнуть нетривиальность различий между различными моделями философской инноватики, формирующихся на базе альтернативных философских парадигм. Например, для разных форм позитивизма, аналитической философии, выводящих на философию науки как вид прикладной философии, существенно проявление в сфере соответствующей философской инноватики установки на конструктивизм, конструктивистский подход.

Запрос на философскую инноватику в сфере гуманитарного знания, пожалуй, впервые обозначился в конце XIX – начале XX в. в философии марксизма, создавшем на базе модернизированной гегелевской диалектики принципиально новые прикладные области социальной философии и философии политики, затем реализованные в инновационную концепцию научного коммунизма. Русские последователи марксизма (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин) довели данную многослойную схему деятельности до применения в неклассических условиях. С другой стороны, в этот же период в рамках позитивизма сформировалась система философской инноватики, приложенной к области естественнонаучного познания.

Анализируя приведенные и другие примеры современной отечественной философской инноватики, необходимо отметить следующие ее особенности.

Во-первых, идеальным случаем (условием) философско-инновационной деятельности является соединение в одном мыслителе функций и философа, и конкретика. Такого рода ситуации складывались еще в условиях классической науки. Яркими примерами здесь выступает творчество Р. Декарта, Г. Лейбница, раннего И. Канта, позднее – О. Конта, К. Маркса, М. Вебера. Вместе с тем и современное научное познание не смогло бы сделать

свои последующие шаги без объединения философских и конкретных усилий А. Эйнштейна, А. Пуанкаре, Н. Бора, В. Гейзенберга, В.И. Вернадского.

Во-вторых, в творчестве отечественных ученых и философов, внесших большой вклад в становление философской инноватики и ее инструментария, следует подчеркнуть существование двух основных форм философско-инновационных программ: индивидуальных (Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, М.К. Петров, Ю.А. Жданов и др.) и коллективных (Г.П. Щедровицкий, В.С. Библер и др.).

В современной философской деятельности инновационный компонент значительно усилился. Философы все более ориентированы не только на освоение, развитие классических и новых философских систем, парадигм, но и на решение задач, имеющих по отношению к ним прикладной характер.

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что в сфере философской инноватики задействованы не только профессиональные философы. Многие крупные ученые, конструкторы, художники, практики, сталкиваясь с трудными проблемами, обращаются к инструментарию Восточной или Западной философии, а то и изобретают «философский велосипед». Но руку философам в этих случаях редко протягивают. Дескать – «наука сама себе философия!» Но это не так. Есть обширная пограничная область, – и не научная, и не философская, и не религиозная, и не идеологическая, где востребован инструментарий философской рефлексии. Это «пограничье» сейчас стало очень обширным и плотным. Его и следует конституировать как сферу философской инноватики и отнести к ней профессионально, а не по-дилетантски и не снобистски.

Иными словами, функциональный аспект философского знания выводит нас на его методологические, мировоззренческие, аксиологические и иные приложения. А если продолжать двигаться по этим векторам далее, то мы выходим на уровень философской инноватики. Однако здесь есть и множество векторов, которые идут не от философии к ее приложениям, а от запросов сложных проблем и задач науки, политики, религии, идеологии. И в этих направлениях, как правило, в случае междисциплинарной проблематики, также формируется сфера философской инноватики.

В исследованиях и разработках в сфере философской инноватики используется достаточно обширный арсенал методов и методик: общефилософские методы и подходы (восхождение от абстрактного к конкретному, генетически-конструктивный, феноменологический, герменевтический, сравнительно-философский); общенаучные (исторический, системный и структурный подходы, гипотетико-дедуктивный, когнитологические методы и подходы, элементы синергетического подхода, мысленный эксперимент); конкретно-научные методы и подходы, используемые в современной социологии, политологии, психологии, культурологии, теории управления и т.д.

В целом инструментарий философской инноватики ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно

недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями и т.п.

Существенно важным в рамках концепции философской инноватики является вопрос о способах операционализации различных парадигм фундаментальной философии. И, что также происходит, и о чем уже говорилось, о встречном движении – путях восхождения от различных теоретических концептов – к целостной отраслевой картине действительности в рамках той или иной фундаментальной научной дисциплины. В этом плане, имея в виду то, что уже сказано о разных версиях политической философии и о прецедентах в других видах прикладной философии, мы ранее представили матрицу способов операционализации (см. схему 3 на с. 93), в рамках которой фигурируют следующие способы операционализации: контекстуальный, корреспондентный, парадигмально-концептный, структурно-функциональный, философская инноватика, композиционный.

Что касается исходного определения, то не отбрасывая тех, что уже приводились выше, мы хотели бы предложить следующее: философия политики, политическая философия – прикладной уровень фундаментальной философии, касающийся мира политических реалий, содержащий политическую картину мира⁵⁰⁷ и знание о когнитивных процедурах, с помощью которых сформирована эта картина.

В философии политики репрезентуются основные уровни политической реальности и презентующие их когнитивные типы, исходя из которых возможно выстроить стратегии политической деятельности.

Исходя из сказанного и обращаясь к конкретике политической философии в русле данных определений и общего философско-инновационного понимания политики, следует выстраивать базовые сегменты (кейсы) политической философии, полученные в ходе философско-политических исследований.

Таким развернутым примером является наш учебный курс «Актуальные проблемы политической науки в контексте политической философии»⁵⁰⁸. Здесь по проблемно-тематическому принципу отобраны 15 кейсовых исследований: от политологической инноватики и политической когнитологии – до гендерологии. При этом система кейсов остается открытой

⁵⁰⁷ См. подробнее о политической картине мира: Даниленко В.П., Даниленко Л.В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. – М.: КРАСАНД, 2012. С. 447–535.

⁵⁰⁸ Старостин А.М., Швец Л.Г. Актуальные проблемы политической науки в контексте политической философии. Уч. пос. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

для пополнения. Хотя представленные здесь кейсы не перекрывают все пространство политического мира, но содержат инструментарий анализа и тех областей, которые не вошли пока в русло наших исследований и могут быть с успехом продолжены. Иными словами, в них заложен методологический механизм и инструментарий покрытия всего политического пространства.

Авторская библиография

Старостин А.М., Швец Л.Г. Актуальные проблемы политической науки в контексте политической философии. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

Старостин А.М. Философия политики: научный и образовательный дискурс // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4.

Старости А.М. Философия политики: статус направления, решаемые задачи, перспективы исследований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 3.

Старостин А.М. Концепт Soft Power в современной политической философии // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11. № 1.

Старостин А.М. Философия политики: статус направления и диатропика исследовательских и методических подходов // В сб. «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы». Мат-лы Всерос. конференции РАПН). М., 2014.

Старостин А.М., Жуковский Д.А. Цивилизационная парадигма в политической науке: многовариантность моделей в контексте цивилизационной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 4.

Старостин А.М. Политологические инновации в контексте социально-гуманитарной инноватики // Конфликтология. 2013. Т. 3.

Старостин А.М., Понделков А.В., Верецагина А.В., Самыгин С.И. Основы политологии. Уч. пос. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2012.

4.7. Философия образования и философско-образовательная инноватика

В последние годы в мировом сообществе и в России актуализированы дискуссии о необходимости новых образовательных реформ, которые, с одной стороны, должны привести к образовательным практикам, более адекватным требованиям и запросам современной цивилизации, с другой, на страновом и региональном уровнях – будут более совместимыми и способными к взаимной интеграции. В этом русле находятся и социально-институциональные проекты типа Болонского процесса⁵⁰⁹, и поиски новых версий профессионального образования, на роль которого претендует прежде всего компетентностный подход⁵¹⁰.

Следует выделить и поиски, ведущие к созданию индивидуально-ориентированных и элитных форм обучения⁵¹¹, опирающиеся на концепцию личностно-ориентированного образования и методическую деятельность, основанную на силлабусах, программах-договорах и т.п.⁵¹²

Анализ новых образовательных проектов и новаций приводит к выводу о разноуровневом характере порождающих их источников и факторов: одни относятся к особенностям глобально-социальных и цивилизационных трансформаций, другие обусловлены появлением новых информационных технологий и возможностей, третьи связаны с изменением положения личности в современном обществе и т.п. Выявляя и систематизируя многообразие этих источников и факторов, мы обнаруживаем, что в данных процессах существует определенная иерархия основных причин и векторов развития. Самый фундаментальный слой складывается на уровне философской рефлексии, которая отслеживает изменения в эпистемологических, социальных и антропологических основаниях новой системы. Далее эти общие образы концентрируются в различных версиях современной философии образования, а затем трансформируются в научные теории современного образования и воспитания, сопряженные с экспериментальной образовательной практикой. И лишь на этой базе осуществляется разработка новых образовательных проектов, предлагающих новые институциональные, информационные, деятельностные и методические изменения и реформы, которые,

⁵⁰⁹ Глобализация и образование. Болонский процесс: материалы «круглого стола». М., 2004.

⁵¹⁰ *Шадриков В.Д.* Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. № 8; *Колосов В.П.* О классификации компетенций // Высшее образование сегодня. 2006. № 2.

⁵¹¹ *Бондаревская Е.В.* Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов н/Д., 2000; *Старостин А.М.* Эффективность деятельности государственной власти и управления. Ростов н/Д., 2005. С. 324–325, 352–353.

⁵¹² *Митусова О.А.* Интеграционные процессы в подготовке специалиста-коммуниканта в языковом пространстве. Ростов н/Д., 2006. С. 173–182.

как правило, и находятся на слуху у руководителей науки и образования, политиков и общественности. Таким образом, в современных дискуссиях о путях развития образования и предлагаемых образовательных инновациях мы, как правило, имеем дело лишь с заключительным звеном осмысления стратегии образования. Наглядно это представлено на схеме 15.

Следовательно, полновесное обсуждение стратегий развития образования требует обращения не только к нижнему слою системы образовательной рефлексии, но и ко всем другим. Значительный интерес в этом отношении представляют как поиски, идущие в современной философии образования, так и на вышестоящих философских уровнях. Что касается философии образования, то именно на уровне этих исследований рождаются и постановки, и решения, ведущие к разработке новых культурно-образовательных систем, отличных от современной.

Кстати говоря, современная культурно-образовательная система, основы которой закладывались еще Я.А. Коменским, основанная на классно-урочной системе, дисциплинарной фрагментации знаний и преимущественно репродуктивном подходе к учебной информации, благополучно дожила до наших дней. Она в разных модификациях и в модернизированном виде пронизывает все уровни образовательной практики и, по-видимому, как нельзя лучше удовлетворяет потребностям индустриального общества, нуждающегося в массовом производстве (на основе типовых, стандартизированных требований) грамотных людей и узких специалистов. Эпистемологической и информационной основой построения такой системы является классический рационализм вообще и классическая научная картина мира, в частности.

Нельзя сказать, что на протяжении хотя бы XX в. не предпринималось попыток создания новых культурно-образовательных систем. К их числу можно отнести системы Р. Штайнера и М. Монтессори, апеллирующие в существенной мере не к развитию рационального мышления и навыков рационального целеполагания, а к чувственно-эмоциональной и интуитивной сферам человека, акцентирующих развитие чувственно-эстетических, религиозно-мистических способностей. Однако эти эксперименты оказались пока мало востребованными.

Выдающимся достижением в области разработки новых культурно-образовательных систем нового поколения, ориентированных на развитие инновационного мышления, креативных способностей стала система развивающего обучения, разработанная в 60–80-е гг. XX в. отечественными философами и учеными Э.В. Ильенковым, В.В. Давыдовым, А.В. Занковым. Она базируется на диалектико-логической методологии и доведена до уровня учебно-методических разработок. В настоящее время она привлекает все большее внимание даже не столько в нашей стране (где работает большое число классов и школ типа «Эврика»), но и на Западе.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Схема 15

Нельзя не отметить интереснейшие разработки отечественных ученых и философов, направленные на развитие других культурно-образовательных систем инновационного типа: методологическую программу Г.П. Щедровицкого, программу «диалога культур» В.С. Библера, «тезаурсное движение» М.К. Петрова и др.⁵¹³

В рамках современной философии образования предлагаются образы культурно-образовательных систем, основанные на методологических принципах и ценностях современного неклассического естествознания и неклассического гуманитарного знания: образование, построенное на принципах научной инноватики и герменевтически-диалогических подходах (акценты на методы понимания и диалога).

Активно развивающаяся философско-педагогическая антропология акцентирует усилия на развитии личностных начал и развертывание личностного потенциала⁵¹⁴.

Анализ оснований и истоков поисков в современной философии образования выводит нас на изучение глубинных тенденций развития общества и науки, как основного «поставщика» рациональных знаний. Безусловно, в современной неклассической науке обозначился ряд серьезных методологических и содержательно-познавательных изменений, которые не могут не затронуть и структуру, и содержание образования как одного из основных потребителей нового знания. Прежде всего это очень серьезные интегративные тенденции, которые ведут к существенной перестройке матрицы научно-дисциплинарных знаний. Вместе с тем, это и начало новой картины мира, основанной не на физикалистских, а на информационных началах. Это и существенное изменение образа знания в современной эпистемологии.

Схематично характер наиболее важных изменений в научной картине мира можно отобразить следующим образом (см. схему 16).

Другим источником стратегических идей, касающихся изменений в современном образовании, выступают концепции постиндустриального общества и уже складывающаяся практика постиндустриального развития.

Обращение с этих позиций к ближайшей ретроспективе показывает, что с завершением эпохи индустриализации и началом перехода к новой исторической фазе культурно-цивилизационного развития неизбежно начинается парадигмальный кризис образования, преодоление которого возможно так или иначе как результат формирования новой парадигмы образования.

⁵¹³ См.: Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. М., 2004. С. 29-31.

⁵¹⁴ Там же. С. 6-7, а также: Старостин А.М. Культурно-образовательная антропология как методологическая основа анализа и построения современных образовательных систем // Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона. Ростов н/Д., 1996.

Сравнительные характеристики классической и современной науки

<i>Классическая наука</i>	<i>Современная наука</i>
1. Вселенная: бесконечная, стационарная, гомогенная, множественность обитаемых миров	Многомерная, ветвящаяся, нестационарная, антропный принцип в «нашей Вселенной»
2. Пространство и время: однородное, одноуровневое (универсальное), атрибутивная концепция	Неоднородное, многоуровневое. Реляционная концепция
3. Движение: траекторное, стационарное, одноуровневое	Многоуровневое, нестационарное, полиэволюционное
4. Структура и связи (взаимодействие): концепция дальнего действия, одноуровневый (универсальный) характер взаимодействий, субстанционально-вещественный характер мира, открытая иерархия структурных уровней	Концепция близкого действия, многоуровневый (различные виды взаимодействий) характер взаимодействий, реляционность связей; сочетание эволюционных и фазовых, вариантных и инвариантных, симметричных и асимметричных преобразований структуры
5. Акцент на силовых и субстратно-субстанциональных связях и взаимодействиях (физических, химических, биологических)	Акцент на информационных связях и носителях (информационная картина мира)
6. Опора в познании на объект-объектные и субъект-объектные реконструкции, гносеологическая корреспондентность	Опора в познании на модельные представления, гносеологический релятивизм и гносеологическая когерентность
7. Доминирование научно-дисциплинарной репрезентации знаний, элементаризм	Движение к интегративным и холистическим репрезентациям знаний, системность и холизм

Указанные изменения зафиксированы были еще в 60–70-е гг. XX в. в различных концепциях постиндустриального общества. В частности, один из ведущих идеологов течения постиндустриализма Д. Белл отмечал: «Постиндустриальное общество не «замещает» индустриальное или даже аграрное общество. Постиндустриальное общество вносит новое измерение в продолжающую существовать индустриальную реальность»⁵¹⁵. Поэтому представляется обоснованным обозначение переходного к постиндустриальному обществу периода как периода супериндустриализма, когда постиндустриальные тенденции лишь формируются, возникают внутри индустриального общества и видоизменяют его.

⁵¹⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 198.

Позднее идеология постиндустриализма нашла воплощение в концепции «информационного общества» 80-х гг. (Ж.Ж. Серван-Шрейер, Е. Масуда, Дж. Нейсбитт, поздний Э. Тоффлер, Ф. Махлуп, М. Порат)⁵¹⁶, возродившей веру в научно-технический прогресс, основанный на развитии информационных технологий. В свою очередь, сами концепции постиндустриального общества вбирают в себя обширные теоретические истоки, которые имеют отношение к анализу тенденций гуманизации экономики. Что касается нашего времени, то здесь уже речь идет не о концепциях, а о реалиях информационного общества, затрагивающих все сферы деятельности наиболее развитых государств.

В постиндустриальном обществе в качестве основного предмета труда выступают не вещественные факторы, прежде всего накопленная информация. Она же является и его важнейшим продуктом – продуктом приоритетных для постиндустриального общества наукоемких, информационно-ориентированных отраслей: биологии, генетики, электроники, космической техники, производства искусственных материалов.

Сдвиги в производительных силах, происходящие при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу, вызывают и качественное преобразование главной формы хозяйственной деятельности индустриального общества – труда. В сравнительном освещении происходящие сдвиги при переходе к постиндустриализму можно схематически представить следующим образом (см. схему 17).

Основными характеристиками общественных процессов в современном мире являются прежде всего высокий динамизм, комплексность и растущая неопределенность условий функционирования общества. Адаптация человека к постоянно меняющимся социальным и экономическим условиям жизни и деятельности является актуальной социальной задачей. В этой связи важно, чтобы подход к современному образованию на всех ступенях (дошкольное образование, начальная, средняя, высшая школа, послевузовское образование) ориентировался на достижение таких целей.

Возможными составляющими способности человека к адаптации являются: системное мышление, творческая и исследовательская культура личности, социально значимые качества личности, формируемые с самого раннего возраста. Благодаря этим качествам и молодые люди, и взрослые смогут найти обоснованное решение в каждой новой социально-экономической ситуации.

Соответственно, с позиции обеспечения функций стабилизации и развития выделяются репродуктивный и креативный компоненты образовательной системы. В соответствии с ориентацией образовательной системы, преобладанием одного из компонентов всю совокупность образовательных систем можно разделить на репродуктивные, креативные и смешанные.

⁵¹⁶ См.: *Эбстер Ф. Теории информационного общества*. М., 2004.

*Основные характеристики индустриального
и постиндустриального общества (в сравнении)*

Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
1. Борьба с природой, разбазаривание природных ресурсов	Сотрудничество с природой, коэволюционный подход
2. Приоритет механической техники, машинного производства	Наукоемкая техника, высокие технологии
3. Неограниченный рост, форсированные технологии	Сбалансированный рост
4. Принципы индустриализма в организации жизни общества (стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация)	Принципы нового общества (индивидуализация, деконцентрация, децентрализация, мини-формы, комплексная интеграция, асинхронность нового ритма)
5. Репрезентативная демократия	Демократия участия
6. Коммуникации на основе почты, средств массовой коммуникации, структурированных вертикально. Общение иерархичное, стратифицированное. Индустриализированное (поточно-тиражное) образование и культура	Информационно-компьютерные, сетевые коммуникации, персонифицированные, без иерархии, по интересам и желаниям. Перестройка на этой основе культурно-образовательной деятельности
7. Доминирующие ценности человека: деньги, власть, массовое потребление	Доминируют духовные (постматериальные) ценности, творчество, многомерность ориентаций и акцент на понимании другого человека
8. Приоритетность потребностей национальной экономики и ее развития	Интернациональные ориентации на глобальное развитие

Общая проблема современного образования заключается в том, что подавляющее большинство мировых образовательных систем ориентируется на воспроизводство и стабилизацию, а не на развитие. С этих позиций совершенствование традиционного образовательного процесса превращает его в более эффективный инструмент достижения устаревших целей воспроизводства.

Система воспитательных воздействий, ориентированная исключительно на воспроизводство и поддержание стабильности, реализуется в действительности и осознается в теории как взаимодействие индивида и среды, точнее, как приспособление первого ко второй, нормативная «подгонка» личности к данным социальным структурам и институтам. Это и порождает

консервативную систему образования, при которой формируется человек, адаптированный к жизни в конкретных общественных условиях при отсутствии мотивации к саморазвитию. «Выпускники» такой образовательной системы обеспечивают дальнейшее существование общества на тех же основаниях – круг замыкается.

Воспроизводящая, или репродуктивная, образовательная система обеспечивает передачу информационно-культурного багажа, не снабжая учащихся навыками его целостного практического использования. Ценностные ориентации, передаваемые образовательной системой, в силу инерционности образования запаздывают, оторваны от реальности. Все богатство культуры, передаваемое репродуктивной образовательной системой, которое должно поддерживать стабильность и уровень образованности общества, носит, таким образом, идеально-ознакомительный, неактуальный для молодых поколений характер.

Такого рода ориентация сохраняется как порожденная парадигмой индустриализма, нацеленного на объектоцентризм, активно-преобразовательную интенцию практики, классическую дисциплинарную матрицу научной деятельности, что в контексте становления современного информационного общества начинает давать существенные сбои как в системе разделения и кооперации трудовой деятельности, так и в характере и качестве подготовки специалистов-профессионалов, призванных обеспечивать эту деятельность. В этой связи и началась критическая ревизия как научно-рациональной картины мира, которая лежит в основе адаптационных и преобразовательных стратегий общества, так и образовательной деятельности, призванной готовить людей, обеспечивающих реализацию данных стратегий.

В силу этого в последнее время активно развиваются новые направления философско-педагогической мысли, которые отталкиваются от глобального анализа современности и формирующейся новой парадигмы научной картины мира.

Сторонники этих направлений считают, что классически-детерминистское видение мира, которое длительное время господствовало в науке и образовании, но не согласуется с новыми представлениями науки, глубоко укоренилось в содержании современного образования, обрекая его на парадигмальное отставание, а главное – оставляя гуманистический и эстетический аспект за пределами интереса и ответственности индивида, так как в детерминистской теории этике нет места, поскольку, по ее представлениям, поведение человека однозначно предопределено неотвратимо действующими «объективными» факторами, да и эстетическое трудно вычислить с помощью математических формул.

Новая парадигма научной картины мира пока еще формируется, однако ее контуры и штрихи уже проявляются и к ним можно отнести (наряду с тем, о чем выше уже шла речь) примат (приоритет, первенство) человека и

его сознания в системе источников саморазвития общества, а также лидирующую роль гуманитарных наук в системе научного познания.

Таким образом, культура технической цивилизации, базирующаяся на классическом научном рационализме, на принципах детерминизма и властного господства над природой, сегодня осознается как ограниченно-применимая и даже тупиковая для дальнейшего развития, приведшая к современным глобальным кризисам, в том числе к экологическому и антропологическому.

Новая философия образования требует и адекватной организации содержания образования. В этом плане ключевым (знаковым) становится переход от предметно-дифференцирующего к интеграционным принципам образования, к принципам целостности культуры.

В связи с этим на философию образования и ее проблематику необходимо взглянуть не только с позиции ее объектов, т.е. образовательных ценностей, но и в плане ее основных субъектов – обучаемого (учащегося, студента) и обучающего (педагога, учителя).

Что касается обучаемого, новая философия образования сближается с позициями философии жизни и практически выступает как философия жизни человека развивающегося, приобщающегося к культуре, обретающего возможность для реализации своих сущностных (духовных, биологических, социологических) сил и ресурсов в рамках реальной социокультурной системы и выражает это в категориях социализации (индивида, личности) или социогенеза, т.е. направленной передачи накопленных и отобранных опытом предшествующих поколений знаний и культурных ценностей последующим поколениям.

Практически все современные течения философии образования сходятся на том, что цель образования в конечном итоге – помочь человеку в адаптации к реально существующей социальной системе, войти в культуру, «найти себя» в реальной действительности, в современном мире. Заметим в связи с этим, что взгляд того или иного педагога и философа на социализацию неразрывно связан с его взглядами на саму природу (сущность) педагогической деятельности. Если в представлении педагога все сводится к репродукции знаний (пусть самых качественных) в жестких структурных формах организации (стандарты, единые планы и программы), а не в организации и поддержании продуктивных коммуникаций на основе вариативных программ, образование обретает форму власти, ограничивая индивида и пределы его развития (образование в такой унитарной форме нередко превращается в идеологический придаток власти). Именно поэтому вопросы гуманизации образовательного процесса обретают ныне особую актуальность.

Все упомянутые особенности должны найти органичное отражение в деятельности учителя (педагога) – он и проектировщик, и организатор свободного развития индивида, и культуровед, и футуролог, и философ

общепланетарного мышления, и знаток аксиологии и исторических тенденций ее развития.

Сейчас однако считается, что при анализе культурных систем (системы конкретной культуры) чаще всего педагог рассматривается лишь как часть (аспект) социально-профессионального фактора культуры.

Еще один важный момент в новой трактовке образования, точнее самого образовательного процесса, который рассматривается значительно шире рамок собственно образовательного воздействия, а в качестве особого института и механизма социализации индивида (социогенеза), где сходятся и различные философские течения; однако взгляды на социализацию и роль индивида в этом процессе различаются в широких диапазонах.

В этом плане характерны прежде всего подходы двух социально-философских школ: Парсонса-Мертон и Хабермаса-Орбана, по сути придерживающихся полярных позиций.

Так, теория Парсонса-Мертон (она известна в теоретической социологии и социальной философии как «структурно-функциональная») утверждает, что устойчивость социальной системы достигается во многом за счет адаптации индивидов к социальной сфере путем усвоения знаний, символов культуры, нормативов поведения и коммуникации. А потому дело образования (особенно школы) – производить отбор индивидов для выполнения ими в будущем определенных социальных ролей и подготовить их к этому⁵¹⁷.

Индивид, в данном случае, скорее выступает не как субъект, а как объект весьма жесткой системы целевой подготовки к заранее определенным ролям, на которые он может селективно отбираться по каким-то критериям. Подобные представления о социализации личности бытовали и бытуют и в нашей отечественной образовательной практике.

Иной позиции придерживается социально-философская школа Хабермаса-Орбана (чьи учения известны как «теория эмансипирующей социализации» или «критической теории социализации»), которая считает, что личность активна в своем взаимодействии с социальной средой, следовательно, цель социализации не в жестком закреплении индивида в какой-то социально-функциональной роли (работник, политик, семьянин и т.д.), а в самораскрытии и самоутверждении.

Есть и другие толкования смысла и сути социализации, однако практически все течения философии образования сходятся на том, что цель образования в конечном итоге – помочь человеку в адаптации к реально существующей социальной системе, войти в культуру, «найти себя» в реальной действительности, в современном мире – между полярными взглядами философских школ Парсонса-Мертон и Хабермаса-Орбана есть целый спектр различий в понимании социализации.

⁵¹⁷ *Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory. N-Y. 1977. P. 297.*

Суммируя уже сказанное о парадигматичных изменениях в системе «образование – общество», в процессе перехода социума в новое состояние, выделим основные параметры изменений. Схематично эта модель имеет следующие характеристики⁵¹⁸ (см. схему 18).

*Трансформация парадигмальных характеристик
образования при переходе к информационному обществу*

<i>Образование в индустриальном обществе</i>	<i>Образование в информационном обществе</i>
Функционирование системы	Эволюция системы
Закрытая (относительно других социальных институтов) система	Открытая система
Приоритет иерархии и вертикальных связей в системе	Приоритет горизонтальных связей (сетевая организация)
Специализация (в педагогической деятельности) и бюрократизация (в управлении)	Партисипация
Подчиненность, субординация	Автономность
Утверждение ценностей социальной и государственной необходимости	Приоритет ценностей социальной и личной свободы
Приоритет государства над обществом	Паритет государства и общества
Преобладание этатистских и групповых ценностей	Преобладание ценностей культуры
Социоцентрические установки	Антропосоциоцентрические установки
Образование как просвещение, приоритет предметоцентричных знаний	Образование в системе постиндустриальной, приоритет поведенческих знаний и навыков
Образование как информационный процесс (знание как информация)	Образование как социокультурный процесс (знание как ценность, товар, услуга)
Отражательная субъектность потребителя образования	Интерактивная субъектность
Установка на идентификацию картины реальности с самой реальностью	Установка на моделирование реальности
Профессионально-ролевая модель образованности	Культурно-ролевая модель образованности
Преобладание государственно-административных и государственно-общественных методов управления (приоритет этатизации)	Преобладание общественно-государственных методов управления (приоритет менеджериализации в образовании)

Схема 18

⁵¹⁸ Старостин А.М., Швец Л.Г. Новая парадигма управления образованием // Проблемы управления образованием. Волгодонск, 2000.

Следует подчеркнуть также, что образование по своей природе двух-полюсно – оно отражает и воплощает не только «всеобщее» цивилизационное, но и «специфически-культурное» – региональное, этническое и т.д. Образование в этом смысле все активнее осознается как мост, ведущий к новому культурному устройству мира, к новой цивилизационной культуре.

Суммируя сказанное о тенденциях изменений, которые наметились в развитии современной цивилизации, научно-познавательной деятельности и статусе личности, можно выделить базовые тренды, ведущие к видоизменению образовательных моделей (см. схему 19).

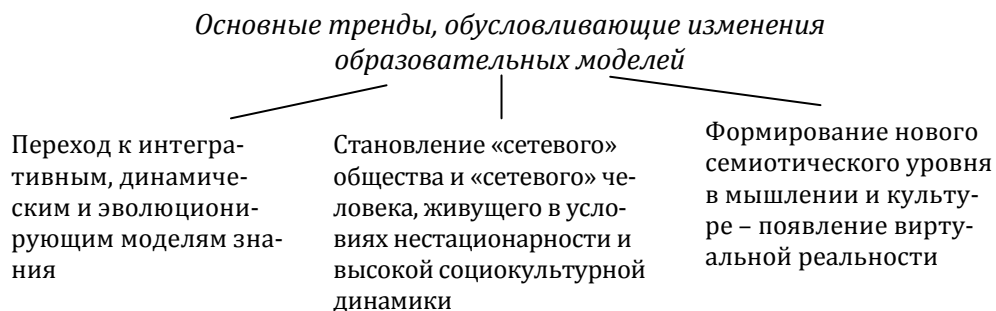

Схема 19

В связи с высказанными общими подходами особо следует остановиться на философских аспектах современного высшего образования. В рамках философии высшего образования действуют в принципе все указанные выше механизмы и факторы. Однако, в отличие от общеобразовательных моделей, в высшем образовании доминирует целевая установка на профессиональную подготовку и профессионально-ориентированное развитие личности, которая может трансформироваться в установку интенсивного и непрерывного саморазвития личности и создание институтов поддержки этих процессов. С этим связаны и трансформации высшего образования, ориентированные на конвергенцию различных областей профессиональных компетенций, их трансфер, изменение профессиональных ролей и компетенций, возможности перехода в более широкие профессионально-деятельностные кластеры и т.п.

Анализируя с обозначенных позиций состояние и тенденции развития современного российского высшего и послевузовского (непрерывного) образования, необходимо подчеркнуть следующее.

Прежде всего подчеркнем эволюционный аспект в становлении новой российской системы высшего образования.

Общей мировой тенденцией, явно проявляющейся по меньшей мере со второй половины XX в., выступает процесс демократизации. Россия, хотя и с запозданием, включилась в данный процесс с конца 80-х гг. 25-летний опыт проведения демократических реформ показал, что наиболее эффективным

фактором, обеспечивающим благоприятную среду для реформирования и смягчения объективных трудностей и субъективного восприятия сложностей преобразований оказывается образование. Оно обеспечивает адаптацию населения к новой социально-экономической среде и оказывается наиболее эффективным институтом ресоциализации и новой социализации. Если СМИ (или второй по значимости социальный институт) осуществляют первичную психологическую подготовку, ориентацию и преподнесение основных образцов поведения, то система образования дает систему знаний и первичных навыков поведения в новой среде.

Проводя сравнительные сопоставления развития образования и его влияния на формирование новой политической и гражданской культуры, мы обращаем внимание на то, что основной акцент во многих странах мира был сделан на развитие социализирующих функций среднего образования. Именно за послевоенный период (с 1950 г.) большая часть стран мира значительно подняла планку продолжительности среднего образования. Так, уже к 2000 г. по данным ЮНЕСКО 80 % стран мира имели 12-летнюю продолжительность школьного образования (124 страны). А часть из них – 13 лет (47 стран) и 14 лет (5 стран)⁵¹⁹. Российская же школа осталась на прежних позициях и по-существу несущественно изменилась для выполнения задач новых форм социализации.

Ввиду же того, что процесс демократических реформ в России осуществлялся гораздо более интенсивно и ускоренно, нежели в других регионах мира, основные задачи социализации нового поколения и ресоциализации работающих специалистов легли на высшую школу. Здесь же сосредоточен и основной потенциал кадров, который в состоянии решать задачи не только профессиональной подготовки, но и социального воспитания молодежи и взрослой части кадров специалистов (переподготовка и повышение квалификации).

Об этом мало говорится, но на протяжении 90-х гг. и практически по сей день вузы России выполняли и выполняют две основных миссии, из которых в итоге более важной оказалась миссия социализации. Перестройка вузовской системы на новую систему специальностей, стандартов и требований в подготовке специалистов оказалась на виду и проводилась целенаправленно и, по-существу, в мобилизационном режиме. Что же касается второй миссии, то она находится в тени. На нее не выделяется особых средств и не уделяется серьезного внимания. Между тем, анализ объемов проводимой деятельности показывает, что настала пора существенно укрепить социализирующий потенциал высшей школы. О чем идет речь? Обратим внимание на несколько позиций.

Первое. По данным доклада ООН в начале 2000-х гг. в России по специальности устраивается лишь 18 % выпускников вузов⁵²⁰. При этом данный

⁵¹⁹ Мир и Россия. М., 2000. С. 164–166.

⁵²⁰ АиФ. 2001. №44. С. 24.

процент за последние 12–15 лет продолжал снижаться. Социологические исследования показывают, что даже трудоустроившиеся и проработавшие на производстве от одного до трех лет выпускники в среднем один раз успевают поменять работу⁵²¹. Конечно, данная ситуация обусловлена динамикой экономических реформ и процессов реструктуризации производства. Тем не менее, на структуре подготовки специалистов и востребованности высшего образования это сказалось парадоксальным образом. За последние 20 лет удельный вес студенчества в стране вырос более чем в 1,5 раза: только за первое постсоветское десятилетие – со 191 студента на 10 тыс. населения в 1990 г., до 285 в 2000 г.⁵²² В дальнейшем эта доля продолжала расти, и по данному удельному показателю Россия ныне входит в ведущую пятерку государств. При всем при том, что значительная часть студенчества обучается уже на коммерческой основе. Но население страны готово идти и на большие затраты для себя и своих детей, вкладывая свои весьма небольшие накопления в образование.

Второе. За годы реформ 90-х гг. – начала 2000-х, пожалуй, единственная крупная социальная система в стране, которая не сократила, а приумножила свой потенциал – это высшая школа. По всем ключевым параметрам (кроме, пожалуй, оплаты профессорско-преподавательского труда) здесь шел рост. Система сохранила свою относительную конкурентоспособность с ведущими странами Запада, хотя оценки качества нашего образования постепенно попадали. Здесь много показательных примеров. В начале 90-х гг. они были весьма неплохими. Достаточно сослаться на то, что по рейтингу Американской ассоциации, аккредитующей вузы, в числе лучших 74 неамериканских университетов 13 российских⁵²³. И это при условии двойных стандартов, пристрастного отношения, обусловленного конкурентными соображениями и т.п. Уже в первом 10-лети XXI века произошел существенный откат в оценках качества. Оно по-прежнему высоко лишь в нескольких десятках крупных вузов.

Между тем, на развитии высшей школы не могли не сказаться разрушительные для производительных сил страны последствия экономических реформ 90-х гг. Интегральным показателем таких последствий стало падение качества профессиональной подготовки молодых специалистов на уровне основной их массы (на элитном уровне это мало сказалось). Об этой проблеме все больше говорится среди руководителей образования и специалистов в области образования. Однако на общих тенденциях роста потенциала высшей школы и востребованности ее продукции это пока никак не сказывается. Более того, спрос на образовательные услуги на этом уровне продолжает расти или оставаться на прежнем высоком уровне.

⁵²¹ Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. М., 2001. С. 316.

⁵²² Багаутдинова Н.Г. Высшая школа сегодня и завтра: пути преодоления кризиса. М., 2003. С. 78.

⁵²³ Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. М., 1995.

Третье. Значительно выросла за годы реформ востребованность услуг на самом высоком уровне образовательных услуг: подготовка специалистов и, в особенности, докторов наук. При всем том, что основные показатели развития отечественной науки и ее авторитет в мировой науке упали, подготовка специалистов, сертифицированных как ученые, растет. Основная масса таких услуг оказывается высшей школой. Но их потребители являются не только представителями высшей школы или академической и отраслевой науки.

Четвертое. Уровень оплаты труда специалистов с высоким уровнем образования (высшее и послевузовское) значительно снизился за годы реформ практически во всех сферах, кроме нескольких (экономическое управление, финансы, торговля, деятельность ряда правовых институтов). Однако это не сказалось на востребованности высшего и послевузовского образования.

Можно было бы продолжить этот ряд парадоксальных ситуаций, которые, на наш взгляд, показывают, что за последние 20 лет сформировались очень важные функции высшей школы, которых либо не было в прежней социально-политической системе, либо они выполнялись другими социальными институтами. Среди них функции и меры:

- экономического воспитания, применительно к современным рыночным отношениям;
- демократического гражданского воспитания;
- правового воспитания, применительно к условиям правового государства;
- коммуникативной подготовки;
- информационно-компьютерной подготовки;
- лингвистического воспитания;
- нравственного воспитания и формирования индивидуальной культуры личности;
- общесоциальной защиты и обеспечения безопасности от криминальных и асоциальных факторов;
- обеспечения предпосылок для получения высокого статуса в обществе и некоторые другие.

Однако высшая школа лишь частично решает данные задачи, стихийно возложенные на нее обстоятельствами. При этом часть задач, поскольку они четко не осознаны, не сформулированы и не обеспечены соответствующими ресурсами, решается по-дилетантски, ситуативно, некачественно.

На наш взгляд, требуется развитие в высшей школе и выделение бюджетных средств особого «третьего сектора» (помимо учебной и научной деятельности) – сектора социализации со своей инфраструктурой и штатно-кадровым обеспечением. Именно на этой основе могут получить развитие различные области студенческой самодеятельности, самовоспитания, психологической и социальной защиты, клубной деятельности, которые введут функции социализации в осознанное и рационально организованное русло.

Важен также институциональный аспект. Современное российское высшее профессиональное образование институционально развивается, базируясь на 3-х моделях, взаимодействующих между собой:

а) *консервативная*, основанная на стандартах, лицензиях, сертификатах, различного рода регламентах и нормах, по-преимуществу, государственных – в России, и ориентированная на такой основной результат, как образованность (профессиональная и общая эрудиция). Не оценивая ее качественный уровень, следует отметить, что степень запаздывания знаний, информации, методологии, методик, навыков в данной образовательной системе от реальных требований общества, экономики, управления составляет 10-20 лет. Основная решаемая задача – предпрофессиональная и культурная социализация, поддержание академических традиций в образовании, развитие классических ценностей культуры в личности;

б) *сервисная, клиентоориентированная*, основанная на заказах реальной экономики, управления, политической и культурной сферы и прагматически ориентированная на такой основной результат, как компетентность (профессиональные компетенции). Реализуется в сфере переподготовки, повышения профессиональной квалификации, образования по заказам корпоративного сектора, органов государственной и местной власти и управления. В ней присутствует известный элемент научных разработок. Однако данная модель ситуативна и работает в диапазоне небольшого запаздывания в пределах 1-5 лет;

в) *инновационная модель*, ориентированная на опережение потребностей реальной экономики, управления, обороны, культуры, ориентированная на такой основной результат, как личностная креативность (умение ставить и решать новые профессиональные задачи). Основана на разработке образовательных областей и методов обучения на базе областей знаний, которые в краткосрочной или среднесрочной перспективе должны стать массово востребованными. И в большей степени – у обучаемых развиваются задатки и способности получения знаний, навыков, методов в процессе организации самостоятельной инновационной деятельности.

Следует подчеркнуть, что складывающаяся в итоге в современном высшем образовании России многосоставная или многоукладная система образования, по всей видимости коррелирует со складывающейся многосоставной системой российского общества⁵²⁴, которая включает концентры традиционалистского, индустриального и постиндустриального социально-экономических и технологических укладов. Причем в рамках индустриального уклада доминируют производства и технологии топливно-энергетического и сырьевого характера.

⁵²⁴ См. подробнее: *Старостин А.М.* Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. Ростов н/Д, 2011. С. 86-88.

Оценочно (по объемам затрат, приведенному обучаемому контингенту и по контингенту обучающего корпуса в государственных вузах) пропорции областей а), б), в) в России в настоящее время таковы: 80:15:5⁵²⁵, через 5 лет необходимо иметь: 50:35:15, а через 10 лет: 40:40:20.

В этой связи остро необходимо нормативно-правовое закрепление статуса и прав на деятельность в рамках каждой из указанных моделей. Пока в наихудшем положении находится модель в) (права интеллектуальной собственности, статус экспериментальных площадок и т.п.).

Основные факторы перепозиционирования:

- 1) ускорение научно-технического и информационного развития;
- 2) смена базового технико-технологического уклада;
- 3) переориентация сферы профессионального образования на поддержку непрерывного образования;
- 4) перекomпозиция социально-экономического развития на поддержание глобального развития и капитализацию человеческих ресурсов.

В качестве перспективных форм развития образовательных практик в сфере высшего образования видятся:

на ближнюю перспективу – развитие второго поколения программ профессионального образования и профессиональной социализации (первое – ориентировано на ЗУНы), ориентированного на компетентностный подход и системы непрерывной образовательной поддержки, базирующиеся на сетевых ресурсах и экспертных системах;

– проектное обучение, ориентированное на деятельность в системе информационной реальности (базирующееся на методах и методиках информационно-имитационного моделирования, motion-capture⁵²⁶ и т.п.).

на среднюю перспективу: – развитие второго поколения научно-деятельностной социализации (первое связано с подготовкой специалистов в исследовательских и инновационных университетах), основанной на информационной картине мира, культуроцентрической методологии и включении в контекст деятельности систем искусственного интеллекта;

более отдаленную перспективу: – развитие образовательных проектов, ориентированных на раскрытие личностного потенциала и самореализацию, базирующихся на освоении техник измененного сознания и погружения в виртуальную реальность.

Таким образом, опора на анализ социальных, эпистемологических, антропологических изменений, происходящих в процессе развития современной цивилизации и фиксируемых на разных уровнях философской рефлексии,

⁵²⁵ Для сравнения: в 2002 г. в США из 2500 аккредитованных университетов 126 (или 5 %) отнесены к разряду исследовательских (см.: Инновационная политика и региональное развитие в современном мире. М., 2011. С. 19).

⁵²⁶ См.: Работать будем по-новому // Business Week Россия. 2007. № 12. С. 26–33.

позволяют дать обоснованный прогноз грядущих изменений в образовательной практике и подойти к более глубоко мотивированным проектам культурно-образовательных систем.

Особого внимания в обсуждаемых стратегических аспектах развития высшего образования заслуживают проблемы элитного управленческого образования, поскольку оказывают первостепенное воздействие на формирование структур власти и управления нового поколения – когнитивной власти. В этом плане нужно подчеркнуть, что масштабные задачи модернизации России в предстоящие 8-10 лет были поставлены в цикле программных статей В.В. Путина 2011–2012 гг. В них была заложена в том числе перестройка системы государственного управления. Прошедшее после их опубликования время показывает, что перенастройка на новые управленческие задачи государственного аппарата практически не происходит и не только по причине инерционности прежних механизмов управления, но и в силу недостаточной интеллектуальной готовности высшего звена госуправления к новому этапу развития страны. К этому добавились еще «санкционные войны» Запада против России. Требуется перезагрузка системы государственной кадровой и образовательной политики, нацеленной прежде всего на элитный административно-политический слой.

Подчеркнем, что аналогичные задачи возникли практически во всех развитых странах мира, где в силу обновления финансово-экономических отношений и перехода к новому производственно-технологическому укладу, интенсивному развитию глобальных экономических и политических отношений, сложилась устойчивая зона социальной и политической турбулентности, чреватая кризисными проявлениями и востребующая, с одной стороны, широкомасштабные управленческие инновации, а, с другой – органического включения элементов кризисного управления в систему государственных, межгосударственных и надгосударственных институтов. Наряду с разработками нового поколения организационно-управленческих новаций в системе государственно-административных реформ, значительный интерес и усилия направляются на переформатирование методов и механизмов работы с высшим управленческим персоналом, его образования, образовательного и экспертно-консультативного сопровождения его деятельности.

В этом плане привлекают внимание две базовых тенденции: ориентация на более ранний элитный отбор и организацию элитной социализации и ориентация на непрерывное элитное образовательно-консультативное сопровождение управленческой деятельности на всем ее протяжении.

В связи с этим значительный интерес представляют поиски крупных современных политологов и социологов в этой области. К примеру, изыскания видного французского социолога П. Бурдьё. В книге «Государственный нобилитет. Элитные школы в поле власти» Бурдьё показывает тесную связь и взаимный обмен в области власти и в области образования, который имеет

особое значение для истеблишмента. Поддержка стабильности элиты во многом обеспечивается системой контролируемых ею учебных заведений. Этот синтез создает «элиты элиты»⁵²⁷.

В современной отечественной практике сложилась определенная система образовательной подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, где в последние годы появились учебные структуры и программы, ориентированные на элитный управленческий уровень (президентская программа, президентский резерв, целевые наборы на ФПК и курсы повышения квалификации высшего управленческого персонала и др.). Этот опыт уже обобщался в том числе и в деятельности творческих групп и объединений ЮРИУ РАНХиГС (СКАГС)⁵²⁸. В ЮРИУ РАНХиГС есть опыт экспериментальной подготовки групп высшего управленческого звена регионального уровня.

Вместе с тем актуальными и малоразработанными в этой области (элитное образование топ-персонала) остаются:

- создание инновационных и экспертных сегментов элитного образования, ориентированных на проблемы управления политического и социально-экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе (стратегическое топ-управление);

- сборка элитного образования в иерархическую систему, сопровождающую топ-персонал по мере его продвижения в элитной иерархии (например, институт управления – Академия управления – Высшая школа управления);

- формирование системы элитной социализации: общекультурное, этическое, мировоззренческое развитие через систему элитного образования, клубную работу, включение в ассоциации топ-выпускников и др.;

- пролонгированный в довузовское звено элитный отбор и элитная образовательная работа со способными и талантливыми детьми и юношеством (олимпиады, специализированные школы и классы, юношеские и молодежные конкурсы и др.);

- разработка научно-образовательных и научных специализаций для занятий научной деятельностью в сфере политического управления (магистратура, аспирантура, докторантура по специальностям: «Политическое руководство», «Государственное администрирование»);

- разработка организационных структур, учебно-программного и информационного обеспечения в сфере элитного администрирования

⁵²⁷ Bourdieu P. The State Nobility. The Schools in the Field of Power. Oxford, 1996. P. 335.

⁵²⁸ См., напр.: Образовательная и кадровая политика как факторы формирования элиты. Отечественный и зарубежный опыт. - Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС. 2007: Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Швец Л.Г. Государственная кадровая политика и формирование резерва кадров на государственной гражданской службе. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009; Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. - М.: Книжный дом «Либроком». 2013.

(топ-администрирование), формирование сети высших школ государственного администрирования на федеральном (на базе РАНХиГС) и региональном уровнях;

- разработка и запуск специальных интернет-ресурсов, обеспечивающих информационно-справочную, консультативно-экспертную работу в сфере государственного и муниципального управления, в том числе непрерывное управленческое образование и самообразование («Управленческий Интернет»);

- состыковка, сопряжение кадровой работы с топ-административным (элитным) звеном с его образовательно-воспитательной и информационной работой.

Решение указанных проблем позволит уже в краткосрочной перспективе подготовить обоснованные предложения по глубокому реформированию образовательной системы, работающей с элитным управленческим слоем и повысить качество государственной управленческой деятельности.

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философия образования в глобальном и национальном измерении. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

Старостин А.М. Социализирующая функция образования и ее роль в модернизации современной высшей школы // Экономика образования. 2014. № 5.

Старостин А.М. Ю.А. Жданов и философские проблемы образования // В сб.: «Университеты Юга России: истоия и современность». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011.

Старостин А.М. Научно-образовательные инновации и идолы антициентизма // В сб. «Ю.А. Жданов о ценностях науки и образования». – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011.

Старостин А.М. Модели образования в современном мире: ситочки формирования и тренды развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2007. № 2.

Старостин А.М. Новые модели образования в современном мире: факторы формирования и тенденции развития // Философия права. 2007. № 5, 6.

4.8. Философия когнитологии: гуманитарная проекция

Философский анализ когнитологии необходим прежде всего для выработки общих концептов, общей платформы когнитивных исследований. Пока она очень аморфна и поэтому, хотя «скорости прироста научного знания в разных областях когнитивной науки можно только позавидовать, но до общей картины функционирования человеческого разума, пожалуй, столь же далеко, как и полстолетия назад, на первых этапах становления этой научной области»⁵²⁹. Попробуем проанализировать эти ситуации с точки зрения философской инноватики.

Особенностями современного этапа развития науки и научной деятельности выступают, с одной стороны, продолжающийся процесс ее технологизации, расширения многообразных практико-ориентированных приложений, а, с другой стороны, все большая концентрация усилий на познании природы человека.

В условиях перехода к информационному обществу ключевую роль начинают играть NBIC-технологии (от англ. терминов: Nano, Bio, Inform, Cognitive)⁵³⁰, получивших также название «конвергентных технологий»⁵³¹. На их развитие ныне выделяется основная доля средств на науку, прикладные исследования и разработки. Освещению научных результатов этого направления посвящена большая часть научных публикаций. Нарастающее значение в указанном комплексе приобретают когнитивные технологии, основанные на комплексных и междисциплинарных исследованиях в рамках когнитивной науки, когнитологии.

Цель данного раздела: проследить влияние новой методологии исследований на научно-исследовательскую, научно-экспертную, научно-прогностическую деятельность; показать новые возможности организации исследований и повышения их эффективности. Предметно-дисциплинарная нацеленность касается социально-гуманитарных наук.

Схематично система когнитологии выглядит следующим образом (см. схему 20).

⁵²⁹ Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. 2014. № 1. С. 316.

⁵³⁰ Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. NBIC-технологии: инновационная цивилизация XXI века. М.: Изд-во ИНФРА-М, 2012.

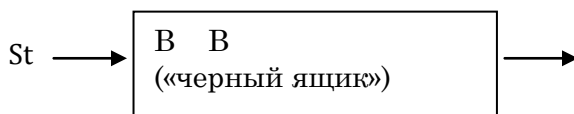
⁵³¹ Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность. М.: Канон+, 2014. С. 15.

**Когнитивная наука или когнитивные науки –
продукт компьютерной революции
и революционных изменений в смежных дисциплинах**

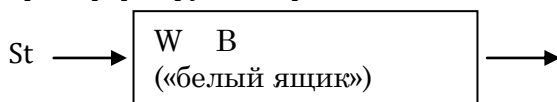
Схема 20

Образно говоря, познавательная схема, выстроенная в когнитологии по образцу бихейвиористской модели:

(где *ВВ* (*black box*) – субъектно-познавательные механизмы), *St* – стимул в виде познавательных задач и исследовательских мотивов и *R* – реакция в виде познавательных результатов: эмпирических данных, теоретических данных – знаний)

трансформируется в рамках когнитологии в познавательную схему:

(где *WB* (*white box*) – «прозрачные» механизмы познавательной деятельности по образцу компьютерной метафоры (*ИИ* – искусственного интеллекта)).

Формирование когнитологии – это не только появление нового крупного междисциплинарного направления в науке, но оно приводит к революционным изменениям в познавательной деятельности в целом на рубеже XX в. и XXI в., что схематично можно показать в виде изменений в когнитивной матрице (см. схему 1 на с. 75-76).

В целом, говоря о качественных сдвигах в компьютерной науке и компьютерных отраслях, связанных с развитием когнитологии и ее приложений,

следует указать на многоуровневый, усложняющийся характер развития этого процесса. В этом плане современные сферы развития концептуального инструментария и применения компьютеров можно разделить на три уровня:

computation – выполнение вычислительных процедур, операций и решение самых сложных научных и прикладных задач с помощью этого инструментария;

communication – создание компьютерно-информационных сетей, включающих не только возможности практически мгновенной информационной коммуникации, но и возможности накопления, развития гигантских объемов информации;

cognition – уровень, ориентированный на поддержку индивидуальной и коллективной мыслительной, интеллектуальной деятельности, связанной прежде всего с постановкой и подготовкой к решению новых задач, проблем, включая и управленческие решения.

Когнитология выводит нас с уровня поиска оптимальных вычислительных или алгоритмических инструментов на уровень поиска оптимальных или нестандартных когнитивных маршрутов, моделирование многоагентных когнитивных структур, включая структуры неантропоморфной природы.

Исследования в области когнитологии и искусственного интеллекта способствовали интенсивному поиску и новым результатам в области концепций естественного интеллекта. К примеру, достаточное распространение получила гарднеровская концепция множественности интеллектов, эмоционального и социального интеллекта, концепции когнитивных фреймов, когнитивной культурологии, операционального кода и др.

В процессе проработки проблем взаимодействия естественного и искусственного интеллекта в последнее десятилетие стали формироваться приложения когнитологии к различным областям управления, проектирования, научного и опытно-практического поиска в виде когнитивного подхода, когнитивной аналитики. Ныне говорят о когнитивной бизнес-аналитике (соответствующие кафедры бизнес-аналитики созданы в ВШЭ и РЭА им. Г.В. Плеханова)⁵³², когнитивном подходе в менеджменте, политике⁵³³ и культурологии⁵³⁴, концептуальном управлении и оргоруужии⁵³⁵, когнитивном моделировании социально-экономического развития⁵³⁶.

⁵³² Когнитивная бизнес-аналитика. М., ИНФРА-М, 2010.

⁵³³ *Пушкарева Г.В.* Когнитивные механизмы репрезентации политической деятельности в сознании индивида / Политика. Государство. Управление. М.: ИД КДУ, 2014. С. 54-77.

⁵³⁴ *Режабек Е.Я., Филатова А.А.* Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010; *Джерард П. Ходкинсон, Пол Р. Сперро.* Компетентная организация: психологический анализ стратегического менеджмента. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.

⁵³⁵ *Овчинский В.С., Сундиев И.Ю.* Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века // Изборский клуб. 2013. № 6. С. 47-66.

⁵³⁶ *Горелова Г.В., Захарова Е.Н., Гинис Л.А.* Когнитивный анализ и моделирование устойчивого развития социально-экономических систем. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2005.

Таким образом, когнитивная аналитика выступает в качестве прикладной области общей когнитологии. Эти приложения когнитологии ориентированы на ту или иную предметно-дисциплинарную область (экономика, политика, международные отношения, культурология, военное дело и др.). В этой связи следует подчеркнуть роль представителей Ростовской философской школы в разработке проблем гуманитарной когнитологии и когнитивной аналитики.

Речь идет о работах Е.Я. Режабека, А.А. Филатовой⁵³⁷, В.А. Шкуратова⁵³⁸, которые исходят из основополагающего тезиса об определяющей роли культуры в процессе познавательной деятельности. Сами названные авторы полагают, что к родоначальникам отечественной когнитивной теории следует отнести труды А.Р. Лурия, В.С. Выготского, Ю.М. Лотмана, а также широко известного ростовского философа и науковеда М.К. Петрова.

Исходя из трудов своих предшественников, Е.Я. Режабек и А.А. Филатова в большой работе «Когнитивная культурология» раскрывают основные уровни влияния культуры на когнитивные процессы и выявляют когнитивные формы, в которых воплощается культура. Среди них анализируются такие основные формы, как фреймы, модели, сценарии, схемы, концепты, такие культурные феномены языка, как метафоры, фразеологизмы, символы. Авторы, определяя свою программу деятельности, подчеркивают: «... Мы развиваем смысловую концепцию культуры, которая сформировалась в пределах когнитивной парадигмы. Когнитивные науки представляют на сегодняшний день одно из самых перспективных междисциплинарных направлений»⁵³⁹.

Следует также отметить, что параллельно в когнитологическом ракурсе развиваются поиски другого ростовского философа и политолога – В.П. Макаренко и представителей его научной школы в области политической концептологии. Это также поиск путей эффективной реализации интеллекта в сфере политических наук с помощью углубленного анализа оснований этих наук, рефлексии, направленной на репрезентацию именно научно-политологического дискурса⁵⁴⁰.

Должно быть ростовские философы, занимающиеся гуманитарно-когнитологической проблематикой, вполне могут разделить программный тезис, выдвинутый Е.Я. Режабеком, транспонировав его действие в свои области

⁵³⁷ Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010.

⁵³⁸ Шкуратов В.А. Новая историческая психология. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2009; Шкуратов В.А. Психология в истории культуры и познания. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2011.

⁵³⁹ Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010. С. 11.

⁵⁴⁰ См. материалы, представленные в журнале «Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований», а также: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии. М.: Праксис, 2002. 416 с.; Поцелуев С.П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов-на-Дону: изд-во СКАГС, 2010. 496 с.

исследований: «Когнитивная культурология имеет не только теоретический потенциал, но и практический».

Одной из основных практических задач когнитивной культурологии, по нашему мнению, должен стать поиск средств и форм, обеспечивающих успешную интеллектуальную деятельность, а также выявление препятствий на пути формирования интеллекта и поиск путей их преодоления»⁵⁴¹.

Опираясь на материалы приведенных подходов, можно рассмотреть и более четко обозначить место, позиции когнитивного подхода, например, в системе государственного и корпоративного управления, где, наряду с такими привычными аналитическими парадигмами, как институциональная (организационная) и поведенческая, начинают обращать внимание на когнитологическую, к которой как к новой системе координат начинает смещаться внимание, заземленное на использование информационно-компьютерных и человеко-машинных систем в процессах подготовки и реализации государственно-управленческих решений и обеспечении государственных услуг. На это, в частности, обратил внимание зам. директора Института прикладной математики РАН Г. Малинецкий, подчеркнувший следующее обстоятельство: «На одном из слушаний в Общественной палате была оглашена удивительная цифра – в органах государственной власти и в силовых структурах России не хватает 17 тысяч (!) аналитиков. С другой стороны, в Государственной думе имеет место филологическая и антикоррупционная экспертиза, но нет экспертизы по существу»⁵⁴².

Систематизируя основные причины и факторы, обуславливающие быстро нарастающую потребность в когнитивной аналитике и востребованность ее инструментария, укажем на основные:

– начало перехода к глобальному информационному обществу, связанное с широким внедрением информационных технологий и включением в эти процессы баз знаний. Что все чаще заставляет говорить не просто об информационном обществе, а об обществе знаний, которые становятся особо значимым продуктом в современной и будущей рыночной экономике. На это, в частности, указывает один из наиболее авторитетных концептологов общества знаний Б. Польере, введя концепт «когнитивного капитализма»: «Когнитивный капитализм следует понимать как общество знания, управляемое и организованное по капиталистическим принципам. Кроме того, когнитивный капитализм следует понимать как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному»⁵⁴³;

⁵⁴¹ Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010. С. 13.

⁵⁴² Малинецкий Г. Думать некому? // Литературная газета. 2013. № 49. С. 9.

⁵⁴³ Польере Б. Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. № 2. С. 66.

– смена в производстве основных технологических укладов (4-го и 5-го на 6-й), где базовыми выступают компьютерные технологии и человеко-компьютерные системы, а в науке начинает доминировать NBICS-комплекс⁵⁴⁴;

– концентрация трендов цивилизационного развития на человеческом капитале и человеческом потенциале как основной цели социального и экономического развития и инвестиций (против товаров, услуг, как преждем основном тренде) – постматериальных трендах⁵⁴⁵;

– формирование новых базовых видов деятельности и профессий – инновационного и креативного характера (девелоперы, эксперты, консультанты, системные аналитики, дизайнеры, разработчики программных продуктов, проектные менеджеры и др.)⁵⁴⁶;

– переход к постнеклассическим и сложносистемным формам и схемам социального, экономического, политического управления интерфейсного и рефлексивного типа, включающие элементы искусственного интеллекта («умная власть», «когнитивная власть»);

– появление постнеклассических картин мира, концепций, принципов и подходов к знанию, информации и их использованию с элементами и основаниями нелинейности, рефлексивности не укладывающиеся в классические и неклассические способы репрезентации и «укладки» знаний (фреймы, когнитивные карты, сценарии, схемы, гештальты, ситуационные модели)⁵⁴⁷;

– обнаружение в сложных человеко-компьютерных системах и взаимодействиях с элементами искусственного интеллекта принципиально значимых сегментов знаний и механизмов их производства, требующих перевода из скрытого в открытый режим, операционализации (невербальные коммуникации, неявное знание, латентные когнитивные структуры и интуиция, перцептивные циклы, гештальты, механизмы интерпретации и понимания)⁵⁴⁸.

Указанные тренды и факторы проявились достаточно быстро в процессе встречного движения в развитии компьютерных технологий, деятельности по созданию моделей ИИ (искусственного интеллекта) и углубленного исследования новыми методами и средствами когнитивной деятельности человека и общества. Тем не менее и до получения когнитологических эффектов в конце XX в. – начале XXI в. уже были выявлены парадоксы,

⁵⁴⁴ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

⁵⁴⁵ Швец Л.Г. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами. Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. С. 5-10, 55-72.

⁵⁴⁶ Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Ростов н/Д: Дониздат, 2012. С. 20-25.

⁵⁴⁷ Финн В.К. К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 88-103; Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного знания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70-92.

⁵⁴⁸ Когнитивный подход. М.: Канон+, 2007. С. 20-57.

проблемные ситуации, которые можно рассматривать в качестве **когнитивно-логических прототипов**. Вкратце остановимся на их репрезентации, имея в виду прежде всего ситуации в управленческой практике.

Прежде всего отметим ряд парадоксов когнитивного характера, выявленных в управленческой деятельности, звучащих почти как анекдоты, но не получивших должного объяснения. Речь идет о «принципе Парето 80/20» (80 % продуктивной работы в любой организации выполняет 20 % ее персонала), о «принципах Питера» (например, принцип компетентности: «чтобы избежать ошибок, надо набираться опыта; чтобы набираться опыта, надо делать ошибки»), о «законах Паркинсона» (например: «численность персонала возрастает независимо от того, становится работы больше, меньше, или ее нет совсем», или «прогресс науки обратно пропорционален числу выходящих журналов») или же о «законах Мэрфи» (например: «если нужно срочно сделать какое-либо дело, обратиться к тому, кто занят больше всех» или «лучший руководитель тот, у кого подчиненные много способнее его самого»).

Далее, следует, говоря о прототипах когнитивной аналитики в управлении, обратить внимание на становление концепций сравнительного менеджмента, философии менеджмента и обнаружение несоизмеримых парадигм менеджмента (американская, немецкая, японская, скандинавская), в которых успех управленческой деятельности достигается на уровне управленческого полицикла и управленческой спирали. А сам управленческий опыт может рассматриваться как когнитивно-управленческий капитал. Обнаруживается многовекторность развития когнитивно-управленческого капитала.

Свой вклад в формирование прототипов когнитивно-управленческой аналитики внесли разработка и апробация в экономической и административной сферах различных типов управленческой деятельности, управленческих стратегий: управление по результатам, управление по целям, управление по ценностям. Изучение управленческой деятельности в стабильных и нестабильных (кризисных, развивающихся) форматах выявило зависимость эффективности управленческой деятельности от когнитивных факторов.

Особо следует сказать об изучении особенностей отечественной модели управления как в сфере экономики, социальной сфере, так и о государственном управлении. Что привело к формированию так называемой «русской модели управления» (А. Прохоров, А. Паршев). Ее характерные черты:

- неэффективность и результативность: неэффективное в каждом конкретном пункте, в каждый момент времени, в конечном счете оно достигает таких успехов, для достижения которых вообще-то требуется постоянное эффективное управление. И еще:

- русская система управления, являясь неэффективной в кратко- и среднесрочном плане, с долговременной точки зрения вполне эффективна, так как чудовищные затраты в конце концов компенсируются впечатляющими

результатами. Если бы они не компенсировались, то страна не заняла бы такую большую территорию и не имела бы такого влияния в мире.

Как подчеркивает А. Прохоров⁵⁴⁹, ключевым элементом русской модели управления является существование двух режимов, двух стереотипов поведения в каждой голове и обществе в целом: нестабильного режима (аварийного, мобилизационного) и стабильного (застойного). Что обуславливает в итоге: 1) неправовой характер государства и управления и 2) приводит к строгой централизации, что исключает механизмы инноваций (все работают по единым образцам) – отсюда «догоняющие модернизации» и неизбежность импорта идей и образцов.

Более конкретное представление об основных функциях и роли когнитивной аналитики в современной системе государственного управления, включая государственное управление, можно составить, обращаясь к перечню основных задач, решаемых с применением когнитивной аналитики. В перечень входит:

- когнитивный анализ управленческих решений, включая и этап их подготовки, где высок удельный вес экспертно-аналитической и модельной части, в том числе направленной на оценку не только объекта управления, но и субъектов управления, либо субъектов, препятствующих реализации;

- когнитивный менеджмент, основная направленность которого – процесс производства и реализации знаний, включая и неклассическое знание. (Или по определению: когнитивный менеджмент – систематическое управление процессами, посредством которых знание идентифицируется, накапливается, распределяется и применяется в организации для улучшения ее деятельности);

- организация управления знаниями в организации, создание обучающейся организации (например, по модели Сенге⁵⁵⁰;

- организация интеллектуального поиска с использованием многоагентных технологий;

- использование OLAP-технологий (оперативная аналитическая обработка информации, прежде всего компьютерно-отформатированной, использование методов и средств хранения и анализа многомерных данных);

- когнитивная поддержка прогнозных разработок, включающая моделирование системы противодействий и рисков в процессе реализации стратегических решений.

⁵⁴⁹ Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Эксперт», 2002.

⁵⁵⁰ Джерард П. Ходкинсон, Пол Р. Сперроу. Компетентная организация: психологический анализ стратегического менеджмента. Харьков: Гуманитарный центр, 2007; Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М.: «Олимп-Бизнес», 1999.

Вместе с тем, путь к большей конкретизации представлений об инструментальной когнитивной аналитике в системе управления связан с так называемыми кейсами, кейс-методикой.

Перечисляя эти кейсовые ситуации, в которых как раз и решаются указанные выше основные функции управленческой когнитивной аналитики, отметим такие:

– принятие решений в сложных и сложносистемных проблемных ситуациях. Ранее, в 60-70-е годы XX в. такого рода ситуации закрывались сетевым управленческим подходом. Но с погружением в конкурентную среду, конфликтные ситуации потребовалось дополнить сетевые методы моделированием многоагентной и многосубъектной деятельности;

– принятие решений в условиях неструктурированных или слабоструктурированных проблемных ситуаций (например, в условиях гибкой системы деятельности, не имеющей четкой цели, а ориентирующейся на смыслы или вырабатывающей цели по мере развития);

– принятие решений в условиях управления по ценностям (идеология, миссия, идентичность, смысловые паттерны);

– принятие решений в условиях сложной неопределенности и высоких рисков (сценарный коридор, минимизация потерь и т.п.);

– принятие решений в условиях скрытого воздействия (оргоружие);

– принятие решений в условиях сложнорефлексивного взаимодействия (разные цивилизационные культуры), межсубъектных конфликтных игр (по Э. Бёрну).

Впрочем, можно назвать и конкретные методы и методики, применяемые, например, в когнитивной бизнес-аналитике⁵⁵¹ и современной политической науке (Политологическая когнитивная аналитика. См. элементы ее использования⁵⁵²).

Рассматривая то, как отдельные «ручейки» когнитологических исследований сливаются в общий поток, ряд исследователей прогнозирует в ближайшей перспективе формирование новой мощной когнитивной отрасли⁵⁵³ (см. схему 21).

⁵⁵¹ Когнитивная бизнес-аналитика. М., ИНФРА-М, 2010.

⁵⁵² Политический атлас современности. М., изд-во МГИМО, 2007; Компьютерное моделирование социально-политических процессов. Под ред. О.Ф. Шаброва. М.: Интерпракс, 1994.

⁵⁵³ *Малинецкий Г.Г.* Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. М.: URSS, 2012. С. 214.

Схема 21. Укрупненная блок-схема когнитивной отрасли

Заключая наш анализ проблемы, наметим первоочередные теоретические и прикладные проблемы, от решения которых зависит дальнейшее продвижение в рамках указанной тематики. Прежде всего отметим то обстоятельство, что в 2009 г. на базе Южно-Российского института управления РАНХиГС (ЮРИУ РАНХиГС) была сформирована проблемная группа с перспективой перерастания ее в научную школу по проблемам прикладной философии и философской инноватики. Она продолжает свою деятельность на базе Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), институционализовавшись в качестве Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ) и сетевой кафедры ЮНЕСКО. В этих рамках реализовано около 20 «круглых столов» и научных конференций, включая и международные, по указанной проблематике. Издано более 30 монографий и сборников. В них как раз и разрабатываются теория и методы качественного когнитивного анализа сложносистемных и междисциплинарных проблем, в том числе касающихся государственного и корпоративного управления и других областей социальной деятельности.

Сфера философской инноватики объединяет прикладные философские исследования (философия политики, философия управления и т.п.) и разработки по схеме, имеющей распространение в научном познании и его приложениях: фундаментальные исследования – прикладные исследования – разработки. Что, с нашей точки зрения, позволяет запустить отлаженный «философский конвейер», массово востребуемый в различных областях познавательной и практической деятельности.

Философская инноватика концентрирует свои усилия на выявлении оснований предметно-научных и междисциплинарных областей, анализе смены отраслевых научных парадигм, частнонаучных и общенаучных картин мира и других исследовательских направлений, где сама наука или область рационально осмысленного практического опыта не имеют достаточно серьезного и отрефлектированного инструментария теоретического синтеза⁵⁵⁴.

Иначе говоря, мы имеем дело с определенной – философско-инновационной схемой операционализации. Она наиболее употребима во вполне определенных когнитивных условиях. Применительно к социально-гуманитарному познанию «исследовательская почва» должна быть значительно «разрыхлена», или, как мы это обозначили, развивается по сценарию сильно-структурированной модели социально-гуманитарных наук⁵⁵⁵.

Существуют и иные схемы философской операционализации, в основе которых лежит иной взгляд на прикладную философию и на сценарии взаимо-

⁵⁵⁴ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М.: Книжный дом Либерком, 2013. С. 8-9, 364; Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2012. Ростов н/Д: Дониздат, 2013. С. 6.

⁵⁵⁵ Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели / Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. С. 5-7.

действия философии и других областей духовности и практического опыта: корреспондентной, контекстуально-философской и парадигмально-концептной схемах операционализации⁵⁵⁶. В этом плане когнитологические исследования выступают в роли одного из важных инструментов философской инноватики. Все это вполне соответствует тезису О.Е. Баксанского о том, что: «Постепенно в различных областях философии происходит зарождение и развитие новых позиций, соответствующих принципам когнитивного подхода. Фактически идет процесс второго порядка: сначала философия внесла свой вклад в становление когнитологии, теперь же когнитивные представления изменяют предмет самой философии. Соответственно в философии не может не проявиться когнитивная экспансия»⁵⁵⁷.

Следует даже подчеркнуть, что эта экспансия проявляется прежде всего в прикладной философии и философской инноватике. И она формирует в итоге процесс третьего порядка – философию когнитологии. Инструментарий когнитивной аналитики, когнитивных исследований по-разному консолидируется с различными парадигмами прикладной философии, что в результате дает различные версии философской когнитологии.

Резюмируя сказанное, подчеркнем:

Формирование и развитие когнитологии, концепций искусственного интеллекта и их влияние на развитие эпистемологических представлений нового поколения выявило возможности моделирования не только сложных систем и процессов, но и репрезентацию вариантов процессов познания сложных систем и результатов их эволюции.

В итоге когнитология помогает генерировать 3-й революционный принцип в эпистемологии. Что в итоге видится следующим образом:

1-й принцип (начало XX в.) – дополнительности описания проявлений объектов в микромире к субъекту и его средствам познания;

2-й принцип (середина XX в.) – антропный – зависимость представленности объекта субъекту от глобальных условий (контекста) существования субъекта и возможностей его эволюции в рамках этих условий;

3-й принцип (конец XX в.) – когнитивной относительности – зависимость представленности объекта субъекту от модели когнитивной репрезентации (априоризм И. Канта в компьютерной редакции).

Для продвижения в области философии когнитологии необходимы коррективы в само понимание философской деятельности с позиций системно-компаративной ее репрезентации (раздел I-II), а также развертывание деятельности по когнитологическому анализу самой философии. В этом

⁵⁵⁶ Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Ростов н/Д.: Дониздат, 2012. С. 33-34.

⁵⁵⁷ Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность. М., изд-во Канон+, 2014. С. 225.

случае встречного движения удастся ускорить и процессы междисциплинарного синтеза в самой когнитологии.

Методы когнитивной аналитики как прикладной сферы когнитологии – одно из перспективных и недостаточно освоенных современных направлений научной методологии и методики в социально-гуманитарных исследованиях. Оно требует значительных организационных и координационных усилий в постановке и освоении и обещает значительный эффект в продвижении научного и экспертного знания.

На этой концептуальной базе могут быть образованы как новые теоретико-ориентированные и прикладные учебные курсы, тренинги, практикумы, так и новые специальности. Например, «когнитивный политический анализ и прогноз», «когнитивное управление», «нелинейные когнитивные процессы в системе государственного управления», «социальная когнитивистика» и др. На этой основе также возможна организация подготовки новой генерации специалистов для системы научных организаций, государственного и корпоративного управления и госслужбы: когнитивных аналитиков и экспертов, способных к реализации описанных выше когнитологических задач и поиска разрешения когнитивно нагруженных кейс-ситуаций.

Целесообразно приступить к созданию научно-экспертной палаты (пока на региональном уровне) для мониторинга и содержательной оценки на основе методов когнитивного анализа и прогноза представленных Правительству РФ экономических, социальных, культурных проектов, проектов развития территорий, касающихся прежде всего Юга России (включая и Крым).

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014.

Старостин А.М. Когнитивная аналитика в системе государственного и корпоративного управления (к постановке проблемы) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1.

Старостин А.М. Когнитология и когнитивная аналитика в социально-гуманитарных исследованиях: состояние и перспективы развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 2.

Старостин А.М. Когнитивная аналитика в исследованиях современных политических, экономических, социокультурных и управленческих процессов // В сб. «Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Взгляд из 2013 г.». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

Старостин А.М. Альтернативная когнитология как фактор формирования новой волны глобализации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 8.

4.9. Философия конфликтологии

В современной системе социально-гуманитарных наук одной из наиболее динамичных областей выступает конфликтология: «Сейчас объем теоретических и прикладных исследований конфликтов растет с каждым годом, соответственно увеличивается число публикаций. Только в нашей стране количество защищенных диссертаций по проблемам конфликтов перевалило за тысячу. Активно развивается научная комплексная дисциплина «конфликтология» и ее важные направления – психология конфликтов, социология конфликтов, юридическая конфликтология, политическая конфликтология, педагогическая конфликтология и др. Предпринимаются попытки создать общую теорию конфликтов на основе системной методологии»⁵⁵⁸.

Можно продолжить далее, отметив, что конфликтология, испытывая острую потребность в синтетическом взгляде на сущность и детерминанты конфликтных отношений, вплотную подошла к формированию философского дискурса и инструментария, позволяющего осмыслить собственные методологические и аксиологические основания, выйти на уровень сравнительного анализа конфликтологических концептов, продуцируемых в разных философских парадигмах знаний и изучение возможностей их конвергенции.

Как показывает научная практика, это нормальный путь развития любой научной системы знаний. Ранее всего это было обнаружено в естествознании, о чем достаточно пространно высказывались основоположники современной науки – А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, А. Шрёдингер, В.И. Вернадский и др.: «Дело в том, что философский анализ отвлеченных понятий, во множестве зарождающихся в новой науке, в ее новых проблемах и научных дисциплинах, необходим для научного охвата новых областей... Поскольку анализ основных научных понятий совершается философской работой, натуралист может и должен (конечно относясь критически) им пользоваться для своих заключений. Ему некогда самому его добывать»⁵⁵⁹.

Это в полной мере чувствуется сейчас в современной конфликтологии. В современных конфликтологических исследованиях, наряду с их содержательными, структурными и иными понятийными и метафорическими составляющими, существенную нагрузку несут смысловые и контекстуальные составляющие, бóльшая часть которых может рассматриваться как **основания** конфликтологии. И в отечественной, и в зарубежной конфликтологии данным основаниям уделяется определенное внимание. В особенности в тех случаях, когда необходим выход за конкретно-предметные рамки той или иной отрасли конфликтологии (социологической, политологической, психологической

⁵⁵⁸ Зазыкин В.Г., Оболонский Ю.В. Психологическая реальность конфликтов. – М.: Изд-во «Психотерапия», 2012. С. 7.

⁵⁵⁹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М., 1991. С. 104-105.

и др.) на междисциплинарно-конфликтологический и методологически-конфликтологический уровень. Актуализирует сказанное суждение известных отечественных конфликтологов А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова: «По проблеме конфликта на сегодняшний день в стране защищено более 100 докторских диссертаций. Однако каждая наука исследует конфликт изолированно от других, междисциплинарные связи между ними практически отсутствуют»⁵⁶⁰.

С нашей точки зрения, значимую роль в разработке оснований современной конфликтологии призвана играть философская инноватика как область приложений фундаментальной философии⁵⁶¹ к разработке сложных научных, социальных, экономических, политических проблем, востребованных современным обществом и связанных с необходимостью принятия эффективных стратегических решений, способствующих развитию прежде всего человеческих ресурсов на глобальном, региональном, локальном уровнях и стабильному воспроизводству среды обитания.

Исходной проблемной ситуацией для философской инноватики в сфере современной конфликтологии выступает, прежде всего, наличие двух базовых моделей ее развития.

В рамках первой модели репрезентируется некая отдельная область, называемая фундаментальной конфликтологией, общей теорией конфликта, на основе которой разрабатываются прикладные конфликтологические концепции и технологии отраслевого вида – 10–15 основных конфликтологических отраслей (политическая, юридическая, экономическая, педагогическая, военная и т.д.).

Во второй модели в качестве теоретической основы выступают концепции фундаментальных гуманитарных наук (социологии, экономики, политологии, права, психологии и т.д.), основываясь на которых разрабатываются соответствующие конфликтологические проекции данных дисциплин. Соответственно, конфликтологические концепции выступают в качестве частных теорий по отношению к своим «материнским концепциям», и их прикладные аспекты соотносятся с основным гуманитарно-дисциплинарным фундаментом.

Отмеченная методологическая дилемма не выступает жесткой и пока не требует «чистоты» в методологическом самоопределении. Но не исключено, что по мере дальнейшего развития конфликтологического знания (либо его иного фундаментального прообраза) такое самоопределение обозначится.

Отталкиваясь от этих предварительных замечаний, перейдем к анализу базовых конструкторов, которые определяют образ той или иной конфликто-

⁵⁶⁰ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Новые способы и приемы профилактики и разрешения конфликтов. М.: Юнити, 2009. С. 13.

⁵⁶¹ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: URSS, 2012; Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современной конфликтологии / Под ред. А.М. Старостина. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2011.

логической парадигмы. Прежде всего следует обратить внимание на то, что в рамках социально-философского и философско-методологического анализа социально-гуманитарного знания, основных концептуальных подходов к обществу, фиксируются несколько пар доминирующих и относительно полярных парадигм: например, «в современной социологической науке, несмотря на многообразие теорий, концепций, подходов, доминируют **две основные парадигмы – социологический реализм** (объекты исследования – общество, социальная структура, социальные институты) и **социологический номинализм** (объекты исследования – индивид, личность, человек). Они продолжают существовать и в современной науке, олицетворяя ту или иную методологическую структуру»⁵⁶². И, добавим, не только в социологической науке, но и в других отраслях гуманитарного знания.

Скажем, в политической теории данная парадигмальная диспозиция детерминирует дифференциацию концепций демократии и стратегий их реализации на два класса: идентитарные (коллективистские) и конкурентные (индивидуалистические). Более того, данная диспозиция вполне явно просматривается и на уровне общественной психологии.

Другой парой на уровне базовых конструктов в социально-гуманитарном знании выступает: «**объективное**» и «**субъективное**».

Анализ проблем современного общества может быть сориентирован на разные его модели. С одной стороны, это научная, или рациональная картина, построенная на базе социального детерминизма. Здесь представлены причинно-следственные, или корреляционные взаимосвязи между различными и значимыми социальными, политическими, экономическими факторами.

Вместе с тем по жизни мы чаще исходим из субъективной картины жизни общества, которая проецируется в общественное сознание, массовое сознание, общественное мнение. Эта картина построена на ценностях и интересах, привычках и моде, языковых стереотипах и фольклорных образах, традициях и ритуалах. Здесь другие индикаторы устойчивости и нестабильности, связанные с социальным и личностным самочувствием, взаимопониманием, комфортом и дискомфортом, признанием и отвержением, статусностью и близостью.

Зачастую субъективная картина общества более информативна, в особенности в ситуативных аспектах. Она затем подталкивает нас к объективированным, формализованным и количественным описаниям, исходя из которых возможно принятие решений на перспективу.

Если объективированные картины основаны на теоретических моделях и социальной статистике, то субъективированные – на изучении массового группового, индивидуального сознания.

Базовую роль в основаниях общей конфликтологии как теоретической междисциплинарной области выполняет третий блок конструктов, репрезен-

⁵⁶² Тоценко Ж.Т. Социология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 37-38.

тирующих *динамику социальных систем* и обозначающих место в этой динамике конфликта. При общих подходах в первую очередь любопытна не столько микродинамика самого конфликта, сколько его макродинамическая характеристика: нагруженность конфликтогенного социума, роль конфликтной составляющей в эволюции общества.

В этом плане современная конфликтология опирается на определенные социально-эволюционные и общезволюционные доктрины и представления о развитии.

В современной методологии науки доминирует несколько основных доктрин развития, которые так или иначе транслируются на конкретно-научные и междисциплинарные области: диалектика, универсальный эволюционизм; синергетика; все более востребованным становится культурно-цивилизационный подход вкупе с циклическими концепциями развития.

Для отечественной конфликтологии диалектическая доктрина выступает базовой в качестве реконструкции общей социальной динамики. Уже сам конфликт репрезентирован как некое столкновение, *борьба*, либо *противоречие* между взаимодействующими сторонами. По-существу конфликтология, выстраиваемая в таком смысловом поле, может рассматриваться как прикладная диалектика. О чем свидетельствуют и исходные определения конфликта. К примеру, такое: «Под социальным конфликтом понимается наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу»⁵⁶³.

Данная доктрина, используемая явно или неявно, несет трансформируемые в конкретно-понятийный аппарат общекатегориальные схемы *диалектического* взаимодействия и развития: противоположности; взаимопереход противоположностей; обособление противоположностей; различие; противоречие; отрицание и т.д. Остается лишь посетовать, что далеко не всегда достаточно богатый и разработанный инструментарий диалектики, в случае опоры на нее как на основание, используется осознанно и в полном объеме.

Вторая доктрина пока слабо используется в современной конфликтологии. Речь идет об *универсальном или глобальном эволюционизме*. Данная доктрина пока плохо адаптирована к потребностям гуманитарного познания. И современные гуманитарии с настороженностью к ней относятся, поскольку связывают ее с методологическим инструментарием современного естествознания и натуроцентрической исследовательской программой. В становление доктрины универсального эволюционизма большой вклад внесли известные философы и естествоиспытатели: Л. Бергсон, А. Уайтхед,

⁵⁶³ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Новые способы и приемы профилактики и разрешения конфликтов. – М.: Юнити, 2009. С. 75.

П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, В. Эбелинг, Э. Янч, Н.Н. Моисеев, С.П. Курдюмов и др.⁵⁶⁴

В доктрине универсального эволюционизма ставится задача реконструировать и презентовать «единый процесс эволюции и самоорганизации, включающий как «магистральный ствол» – усложнение структур от кварк-глюонной плазмы до человека и общества, так и многочисленные «боковые ветви»⁵⁶⁵.

В рамках универсального эволюционизма рассматриваются процессы коэволюции (соразвития) различных систем, в том числе и стоящих на различных эволюционных уровнях; подстройки; «направленной» эволюции (слабый и сильный антропный принцип); информационной детерминации будущих состояний; макросистемной детерминации микросистемных составляющих и обратный процесс и др.

Третья доктрина – *синергетическая*. Она основана на достаточно конкретном, количественно выраженном инструментарии и представлениях о самоорганизации сложных нелинейных систем, динамично развивающихся самоорганизующихся системах. Применительно к жизни общества синергетический инструментарий находится в стадии апробации⁵⁶⁶.

Конфликтные отношения относятся к наиболее динамичным аспектам современной социальной, экономической, политической жизни. Они востребуют и новый инструментарий исследования, и новые концептуальные подходы, к числу которых следует отнести аппарат гуманитарной синергетики⁵⁶⁷, поскольку синергетика имеет дело с динамичными, неравновесными, сверхсложными системами, а конфликтные ситуации как раз и выступают маркерами подобных систем и процессов. В качестве ключевых понятий здесь используются: «аттрактор», «неравновесность», «хаос», «бифуркация», «нуклеация», «триггерный эффект», «гомеостазис» и др. Данный понятийный аппарат хорошо ложится на анализ динамично развивающихся конфликтных ситуаций. Но наиболее продуктивно его применение не столько к самому конфликту и характерной для него ситуации, сколько ко всему фазовому пространству, в рамках которых он появляется и разрешается.

Четвертой концепцией социального развития выступает *культурно-цивилизационный подход*, базирующийся на *циклической парадигме* общественного развития⁵⁶⁸, что отличает этот взгляд от трех прогрессистских парадигм

⁵⁶⁴ Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. – М., 2007; Черникова И.В. Глобальный эволюционизм: философско-методологический анализ. – Томск, 1987.

⁵⁶⁵ Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. М., 2007.

⁵⁶⁶ Синергетическая парадигма: Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

⁵⁶⁷ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007; Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

⁵⁶⁸ Афанасьев В.В., Качура Г.Н. Циклы цивилизаций. М.: Канон+, 2010.

развития, упомянутых выше. Выдвинутые и развитые усилиями Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева, И.М. Рыбкина различные варианты циклической теории основываются на понятии локальной цивилизации. Сами локальные цивилизации, взаимодействующие между собой и проходящие через цикл «зарождение – зрелость – угасание», образуют сложную диатропику глобального и локального развития общества.

Кстати говоря, обращение к категории «цивилизация», в смысле «локальная цивилизация», позволяет сконцентрировать внимание в области социальной теории на учете специфики цивилизационного развития российского общества и государства. Сразу оговоримся: смысл термина «специфика» не означает движения российского общества и государства к автаркии, закрытому обществу, в чем часто упрекают известные деятели, как только обозначается тема цивилизационной специфики.

Локально-цивилизационная специфика российского общества, проявляющаяся в ментальности и жизнедеятельности всех народов, объединенных Российским государством, основана на культурно-мировоззренческой матрице, отличной от западной и восточных культур и цивилизаций (мы ранее неоднократно обращали внимание на данные особенности⁵⁶⁹. И данный вектор значим в разработке и социально-политических концепций⁵⁷⁰, и общей социальной теории, учитывающей локально-цивилизационную специфику. Вписывание в такую схему развития конфликта как механизма перехода от одного звена к другому звену цикла и одновременно симптоматизирующего приближение перехода к новому звену требует нового смыслового наполнения конфликтологии.

Следует отметить значимость системообразующей роли для социальной теории категории «**организации**» и тесно связанного с ней управленческого аспекта.

Рассматривая с этих позиций комплекс наиболее значимых современных подходов и теоретических разработок в области современной социальной теории, можно заметить, что большая их часть выполнена в рамках **институциональной и неинституциональной парадигмы**.

Предлагаемые меры практической реализации современных российских реформ также осуществляются с этих позиций. Между тем, следует обратить внимание на значимость **поведенческо-деятельностного подхода**, который выделяет прежде всего категории «организационной культуры», «интересов, мотивов и потребностей» и обозначает значимость ценностных аспектов в становлении и функционировании организаций⁵⁷¹.

⁵⁶⁹ Понеделков А.В. *Элита*. Ростов н/Д, 1995. С. 150-151; Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д, 1998. С. 18-20.

⁵⁷⁰ Старостин А.М. *Цивилизационная парадигма в политической науке* // Труды IV Всероссийского конгресса политологов. М.: РАПН, 2006.

⁵⁷¹ Пригожин А.И. *Цели и ценности. Новые методы работы с будущим*. М.: Дело, 2010.

К сожалению, данные сюжеты практически пока не реализованы ни в современной социальной теории, лежащей в основе прикладных исследований и разработок, ни в практике по ее реализации. Между тем, в абсолютном большинстве случаев неудач и пробуксовок современных российских реформ, провоцирующих конфликты и тупики развития, основные их детерминанты связаны с неготовностью и немотивированностью людей, несформированностью соответствующей организационной культуры, слабостью или отсутствием лидерских начал и других компонентов, которые изучаются в рамках поведенческой парадигмы.

В то же время бюрократизация, теневилизация, развитие коррупционных отношений и соответствующие конфликты – это обратная сторона «медали», риски и патологии, развивающиеся в условиях дефицита организационной культуры. На данный аспект ранее уже обращалось внимание применительно к российским административным реформам⁵⁷². Ныне данные явления воспроизводятся по тому же сценарию в условиях современных реформ в ряде других отраслей.

В качестве основных фазовых состояний, помимо самого конфликта, с нашей точки зрения, следует обозначить также **конкурентные и солидарные отношения**. Если мы хотим, к примеру, адаптировать инструментарий синергетики к конфликтологии, то придется доработать и само понятийное поле конфликтологии.

В настоящее время исследования солидарных отношений связываются с условиями конституирования в обществе таких социокультурных универсалий, как гуманизм, толерантность, альтруизм, ненасильственные действия, политкорректность и т.п. Вместе с тем, как отмечает Э. Гидденс, «различие между двумя теориями – теорией, исходящей из консенсуса между членами общества, и теорией, идущей от противостояния между членами общества, и по-видимому, не столь глубоко, как это кажется.

Указанные две позиции отнюдь не являются абсолютно несовместимыми. Вероятно, во всех обществах наблюдается тот или иной вид согласия относительно ценностей и в то же время, несомненно, везде возникают конфликты»⁵⁷³. В связи с этим можно предположить, что естественны такие типологические социальные системы, где преобладающей стороной выступает либо консенсусная сторона, либо конфликтная, но тем не менее и в том, и в другом случае данные состояния, выступающие как норма в рамках каждой отдельной системы, видятся дисфункцией в рамках другой.

⁵⁷² Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. Административная реформа в России: шаг вперед, два шага... // Власть. 2005. № 9; Старостин А.М. Стоп-кадры. Эффект от административной реформы незначителен // Новая газета на Дону. 2006. № 34.

⁵⁷³ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 575.

В качестве таких типологических социальных систем выступает традиционное общество, с одной стороны. В нем доминирует в качестве базовой ценности и установки – стабильность, что обуславливает культивирование механизмов солидаризации. В качестве таковых видятся прежде всего установление как приоритетных общинных целей и ценностей над индивидуальными; культивирование в качестве всеобщих идеократических комплексов; установление жесткой социальной иерархии.

С другой стороны, в современном (индустриальном и постиндустриальном) обществе в качестве базовой ценности и установки доминирует ориентация на высокую социальную динамику, обеспечиваемую конкуренцией во всех основных видах отношений.

Конкуренция может рассматриваться как **конфликт низкой интенсивности**, развивающийся в особым образом институализированной социальной среде, не позволяющей перейти конфликту на более высокий уровень интенсивности и поддерживающий общественно легитимные условия состязательности («общественный договор»). Культивирование механизмов конкуренции обеспечивает конституирование таких ценностей, как свобода личности и приоритет (паритет) индивидуальных интересов над групповыми, социальная динамика и инновации.

В связи со сказанным следует сделать некоторые пояснения. В частности, под конфликтами низкой интенсивности нужно понимать отношения, которые не меняют существенно общесистемную конфигурацию общества, но придают ему значительную социальную динамику. Сохранение данной конфигурации обусловлено консенсусом участвующих сторон («правила игры» или «правила состязательности») и обеспечение этого консенсуса ценностной и правовой системой.

В отличие от этого **конфликты высокой интенсивности** изменяют общесистемную конфигурацию и обусловлены нарушением консенсуса одной из сторон (переход в одностороннем порядке к другим, запрещенным «правилам игры»). Разрушение консенсуса ведет к развертыванию различных процессов:

- а) ведущих к обособлению одной из сторон в рамках прежней системы;
- б) ведущих к изменению системы доминирования;
- в) ведущих к перераспределению ресурсов, собственности, территорий.

Такого рода конфликты и их последствия характерны прежде всего для переходных обществ. В процессе перехода от традиционного к современному обществу происходит переформатирование соотношения солидарных и конфликтных начал в рамках формирования новых базовых ценностей (или вне этих рамок). Характерная черта таких обществ – значительный рост конфликтов высокой интенсивности. В случае затягивания процесса формирования новых регулятивов солидарных, консенсусных отношений затягивается и переходный период.

Поскольку основными механизмами развития современного общества, обеспечивающими высокую социальную динамику, выступают легитимизированные и социально регулируемые разные виды конкуренции (политическая, экономическая, духовная) есть необходимость уточнить существо конкурентных отношений. Тем более, что в переходных обществах мы, как правило, сталкиваемся с квазиконкурентными отношениями.

Конкуренция, состязательность становится воспроизводимся процессом лишь постольку, поскольку органически включает элемент солидарности, консенсуса, который основывается на: а) общем признании основных правил и условий состязательности; б) наличии независимых арбитров (институтов) и санкций за нарушение условий состязательности; в) разрушение привилегированного положения отдельных участников конкурентного процесса (демонополизация); г) публичность и открытость.

В случае явного или неявного нарушения правил поддержания конкурентного процесса формируется квазиконкуренция, в рамках которой состязательность лишь имитируется, а фактически в рамках такой системы идет фильтрация и исключение наиболее способных, пассионарных участников конкурентного процесса, создаются особые условия для отдельных участников, в основном теневым образом. В итоге такая декоративная конкуренция ведет либо к асимметричному теневому ответу, когда «непривилегированные» участники процесса начинают пользоваться запрещенными приемами, либо – к конфликтным и скандальным ситуациям, вплоть до массовых социальных взрывов.

Именно с квазиконкурентными процессами мы и имеем дело в современной России, которая полностью погружена в переходный период и по-видимому долго еще будет в нем находиться. Основная болезнь, препятствующая переходу к современному обществу, связана с всяческим игнорированием солидарных, консенсусных начал при формировании конкурентных процессов. При этом часть общества и прежде всего средний класс давно проявляют заинтересованность и готовность к утверждению новых ценностей. Не готов, в силу особых интересов, высший класс. Это общий диагноз.

Анализируя фазовое пространство «конкуренция, конфликт, солидарность» с синергетических позиций, мы хотели бы прежде всего обратить внимание на диспозиции, связанные с бифуркациями на стыках этого пространства. Графически эти стыки выглядят следующим образом:

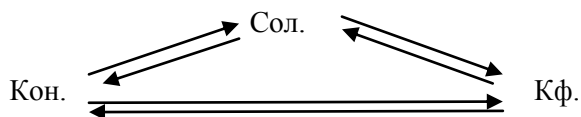

Схема 22

Из схемы 22 вытекает наличие 6 бифуркационных точек:

Сол → Кон; Кон → Сол; Кон → Кф; Кф → Кон; Сол → Кф;
Кф → Сол.

Прокомментируем данные ситуации с точки зрения их возникновения, особенностей развития, используемого инструментария применительно к политическим процессам и отношениям.

Кон → Сол – ситуация, характерная для формирования усилий общественно-политических объединений, партий, находящихся в оппозиции, создание «народных фронтов» и т.п., движимых к единой цели – перехвату или захвату власти. В данной ситуации редко устанавливаются стратегические союзы. После захвата власти или же неудачной на то попытки возобновляются конкурентные отношения внутри заключенного союза, объединения, нередко переходящие в конфликт.

По аналогичной схеме развиваются отношения в бизнесе, где формирование компаний, не имеющих достаточных ресурсов, вокруг общих крупных целей приводят к значительным результатам, недостижимым по отдельности каждым участником союза.

Столь же типична ситуация для случаев, когда серьезная внешняя угроза подталкивает к объединению усилий ряда государств в целях отражения угрозы.

Сол → Кон – ситуация, симметричная предыдущей и возникающая чаще всего внутри объединения относительно разнородных, автономных политических субъектов по выполнению обязательств, достижению общей цели. Возможны и иные ситуации, подобные тому, что произошло в СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда, в силу неравномерности развития различных частей страны, формирование обособленных интересов в разных частях ее и ослабления государственной власти, начался «парад суверенитетов». В рамках прежде целостной политико-идеологической системы оформились вначале конкурентные (оппозиция) отношения, переросшие в конфликт и последующее обособление.

Сол → Кф – Достаточно распространенная ситуация, связанная с идеологическими разногласиями во внутрипартийной среде, которая зачастую приводит к разделу, а то и разрушению партии. Некоторое время разлад (конфликт) удается сдерживать силами партийной этики, партийной дисциплины, но чаще всего конфликт развивается далее, вплоть до обособления одной из групп. «Пусковым механизмом» таких ситуаций нередко оказывается межлидерская конкуренция. Для российской действительности резкие переходы от порядка (солидарных отношений) – к конфликту на почве появления новых лидеров характерны на протяжении всей истории. Многие эксперты вообще полагают Россию лидерской страной, где недостаток

порядка возмещается лидерством и где ориентации большинства населения по-преимуществу «вертикальные»⁵⁷⁴.

Кф → Сол – Если обратиться к примеру России, как государству, то для ее политических систем и политических лидеров столь же характерна симметричная предыдущей схема резких переходов от конфликта к солидарности. Но, в отличие от прежней ситуации, где основные механизмы обусловлены идеократическими и лидерскими началами, обратный ход связан, как правило, с внешними угрозами.

Кон → Кф – Одним из наиболее распространенных поводов перехода от конкурентных к конфликтным отношениям в отечественной современной политической практике связан с нарушением одной из сторон «правил игры» или попытками монополизировать собственное положение и влияние. К примеру, каждые выборы, в которых участвуют отечественные политические партии, вскрывают огромное число указанных попыток со стороны «правящей партии». Но последующие судебные, парламентские, журналистские разбирательства не снимают данной ситуации. Официальные власти в итоге признают, что «отдельные случаи» имели место, но «не сказались на конечном итоге». Поэтому ситуация воспроизводится с завидным постоянством.

Кф → Кон – Во внутри- и внешнеполитических отношениях – характерная ситуация, когда «победителей не судят», но «победители судят» по итогам выигранного конфликта. Однако сам конфликт переходит в скрытые, внутренне напряженные формы. Они могут приводить как бы к внезапной дестабилизации, возобновлению острых конфликтов. Яркий пример – этнополитические и межэтнические конфликты на Северном Кавказе в 90-е гг. XX в., приведшие к вытеснению русского населения из республик, где многие десятилетия царил «дружба народов».

Описание приведенных ситуаций будет неполным, если не обозначить условия, способствующие их динамике, индикаторы, характеризующие их возникновение, а также технологии, способствующие управлению данными ситуациями, либо же обозначение ситуаций неуправляемых (взрывных) состояний. Это отдельный разговор, но ему как раз предшествует типологизация самих ситуаций с позиций динамики и синергетического анализа.

Можно также предположить, что включение конфликтологической проблематики в синергетический дискурс будет способствовать формированию синергетической парадигмы в конфликтологии и дальнейшему углублению конфликтологической тематики на новой теоретико-методологической платформе.

Завершая анализ проблем межпарадигмального и междисциплинарного синтеза в конфликтологии, следует подчеркнуть, что и рассмотрение общих вопросов взаимодействия между различными социально-гуманитарными

⁵⁷⁴ Пригожин А.И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление. М., 2007. С. 99-100.

научными дисциплинами, и возможностей и условий перехода из одной парадигмы в другую, осуществляемое с позиций философской инноватики, позволяет более четко отрефлексировать и текст, и контекст современной конфликтологии и, опираясь на выделенные базовые конструкты, выйти на уровень различных течений **философии конфликта**. А они уже явно формируются и весьма различаются в рамках научно-рациональной, внерациональной (прагматической, художественной, психоаналитической, эзотерической, теологической) картин действительности.

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современной конфликтологии. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011.

Старостин А.М. Философия конфликтологии: статус направления научного поиска и базовые проблемы // Конфликтология. 2014. № 5.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Согласие, конкуренция, конфликт в межпарадигмальной инсталляции // В сб. «Модернизация как управляемый конфликт». – М.: Изд-во «Ключ-С», 2012.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Конфликты и порядок в контексте национальной безопасности современной России (по материалам социологического исследования) // В сб. «Проблемы устойчивости общественного развития в условиях трансформации миропорядка». – М.: Изд-во ИС РАН, 2016.

Старостин А.М. Конфликты и развитие: синергетическая инсталляция // Конфликтология. 2010. № 3.

Старостин А.М. Конфликты и солидарность в конкурентном обществе: гарантии и риски // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2007. № 1.

4.10. Философия элитологии – репрезентация нового направления философских исследований: эссенциальная и феноменологическая проекция

В современном глобализирующемся мире и научном познании быстро растет интерес к элитам. Прежде всего, к политическим, административным, бизнес-элитам, интеллектуальным, военным, элитному слою СМИ и элитам новых, нарождающихся креативно-инновационных областей деятельности.

Данный интерес, как и любое современное серьезное намерение и предприятие выражается прежде всего в научном и, шире говоря, аналитическом дискурсе: появились и быстро развиваются элитологические исследования в политологии, социологии, психологии и других отраслях знания.

Это позволяет также утверждать, что и сами элитологические исследования включены не только в процесс научно-предметной дифференциации, но наметились и интеграционные течения*. Это позволило нам прийти к утверждению, что «комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является **элитология**»⁵⁷⁵.

Дальше – больше: и в рамках конкретных направлений элитологии (политической, социологической, социально-технологической и пр.), и в интегративной элитологии заявляют о себе различные методологические и парадигмальные подходы. Применительно к ним необходима рефлексия, в особенности в части прикладных исследований и разработок, экспертных оценок, прогнозов и, тем более, разрабатываемых решений. На этом уровне, где идет уже операционализация концептов и понятий настает черед философского анализа. Однако статус элитологии, в ее интегративной и дисциплинарных проекциях, уже достаточно на наш взгляд определен, чтобы не обращаться к помощи философии политики, философии управления, философии истории, философии права, философии культуры, философии психологии, а сформировать собственную область прикладных (по отношению к элитологии) философских исследований – **философию элитологии**. Когнитивный опыт, накопленный во многих областях научного познания и зафиксированный в современной философии науки, показывает, что данная логика развития, характерная в том числе и для элитологии, носит типичный характер.

Однако прежде чем изложить основные позиции философии элитологии, как они видятся ныне, сделаем несколько замечаний о прикладной философии вообще, к разновидностям которой следует отнести философию элитологии. Они затрагивают то когнитивно-аналитическое течение, которое разрабатывалось в последние годы в СКАГС (ЮРИУ РАНХиГС) и получило название философской инноватики.

Сфера философской инноватики объединяет прикладные философские исследования (философия политики, философия управления и т.п.) и разработки по схеме, имеющей распространение в научном познании и его приложениях: фундаментальные исследования – прикладные исследования-разработки, что, с нашей точки зрения, позволяет запустить отлаженный «философский конвейер», массово востребуемый в различных областях познавательной и практической деятельности.

Философская инноватика концентрирует свои усилия на выявлении оснований предметно-научных и междисциплинарных областей, анализе

* Определенным свидетельством этого является проведение в г. Ростове-на-Дону 7-8 октября 2013 г. I Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» на базе Южно-Российского института-филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

⁵⁷⁵ *Старостин А.М.* Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Монография. Ростов н/Д.: Дониздат, 2012. С. 5.

смены отраслевых научных парадигм, частнонаучных и общенаучных картин мира и других исследовательских направлений, где сама наука или область рационально осмысленного практического опыта не имеют достаточно серьезного и отрефлектированного инструментария теоретического синтеза⁵⁷⁶.

Существуют и иные схемы философской операционализации, в основе которых лежит иной взгляд на прикладную философию и на сценарии взаимодействия философии и других областей духовности и практического опыта⁵⁷⁷: контекстуально-философская и парадигмально-концептуальная схема операционализации.

Применительно к элитологии мы будем придерживаться по преимуществу философско-инновационной схемы операционализации, хотя не исключено обращение и к другим схемам. Это связано не только с тем обстоятельством, что философию элитологии, как и саму элитологию пока трудно отнести к сильно-структурированным базовым моделям гуманитаристики, но и с тем, что элитология как когнитивная область вырастает не только на базе рационально-философских предпосылок (рациональные парадигмы философии), но и на основе иррациональных философских предпосылок. (Ф. Ницше, например, как один из отцов-основателей философии элитологии).

Философия элитологии, определяя ее в первом приближении, это социально-когнитивная область, основывающаяся на принципах приоритетного направляющего воздействия на процессы изменений социального бытия со стороны «продвинутых», выделяющихся интеллектуальными и волевыми качествами социальных групп-элит (сильная формулировка). Либо – это принцип *возможности влияния* на усложняющееся социальное развитие, в перспективе все усиливающееся, элитных групп, опирающихся на осознанно развиваемые и культивируемые, усложняющиеся духовные практики (*социальная демидургия при посредстве социальной цефализации*)*.

Анализ данной социально-гуманитарной позиции, философской по звучанию, опирается на предпосылки элитистской или элитологической парадигмы, контуры которой уже просматриваются в ряде областей социально-гуманитарного знания (политологии⁵⁷⁸, социологии, истории, психологии).

⁵⁷⁶ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М.: Книжный дом Либерком, 2013. С. 8-9, 364; Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник. 2012. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. С. 3-6.

⁵⁷⁷ Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Монография. Ростов н/Д.: Дониздат, 2012.

* Термин «цефализация» используется основоположниками концепций ноосферы и обозначает нарастающее значение роли головного мозга и центров продуцирования идеальных образов в процессе исторической эволюции животного мира и человеческого общества.

⁵⁷⁸ Старостин А.М. Элитологическая парадигма в политической науке // Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Монография. Ростов н/Д. Изд-во СКАГС, 2009. С. 258-266.

Методологическая база элитологической парадигмы связана с известной в политической и социальной философии оппозицией элитарного и эгалитарного начал.

Дилемма «элитизм-эгалитаризм» является основополагающей для философии и общественнознания. Их противостояние прослеживается на протяжении многих веков в истории философской мысли и общественного сознания. Эгалитаризм исходит из идеи равенства имущественного положения, социальных возможностей или результатов деятельности. Эгалитаризмом пронизано христианское вероучение. Светский эгалитаризм получил широкое распространение, начиная с буржуазных революций (Г. Бабеф, Ж.-Ж. Руссо и др.). Не случайно Ницше не видел большой разницы между идеологией французской революции и социализмом, с одной стороны, и христианством, с другой, которые он считал тождественными по духу и пронизанными «рабской моралью».

Эгалитаризм находит свое обоснование, выделяя антропологические, ценностно-гуманистические, этические, экологические и иные основания. В них включены такие параметры человеческого (индивидуального и социального) бытия, как альтруизм и забота о ближнем, идентификация с другими, солидарность и склонность к общежитию в составе крупных социальных организаций, неустойчивость конфликтующих крупных социальных организаций и др. Влияние разных форм эгалитаризма приводило к утверждению различных форм демократического устройства и системы демократических ценностей. Отступления от этих форм, аристократизация, в особенности в условиях высокой общественной динамики и массовой социальной стандартизации, приводили к «восстанию масс» и утверждению эгалитаризма в масштабе целых государств и сообществ государств.

Элитистские идеи и установки, вплоть до конца XIX в. развивались в рамках социально-философских концепций (Платон, Конфуций, Т. Карлейль, Ф. Ницше). В конце XIX – начале XX в. начинает формироваться элитология как научное направление (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, П. Сорокин, Н. Бердяев и др.).

Элитизм основан на утверждении о естественном антропологическом, интеллектуальном, социальном неравенстве людей и их неизбежном расхождении на группы, среди которых доминирующая роль, несмотря на действие сдерживающих социальных механизмов, так или иначе отходит немногочисленной (2–5 %) аристократической (или меритократической) группе, определяющей путем властного воздействия или иных форм воздействия, пути развития общества. Наличие руководящего или «правлящего класса» обусловлено прежде всего всевозрастающей ролью управленческой деятельности в обществе и неравными способностями и склонностями (желанием участвовать) различных людей в этой сфере.

Любая эгалитаристская вспышка в обществе заканчивается элитарным переделом, а «восстание масс» сменяется «восстанием элит» или «восстанием меньшинств».

Постоянная конкуренция и взаимная дополнительность элитизма и эгалитаризма побуждают к более глубоким поискам оснований человеческой природы и изучению переходных состояний («мягкий элитизм», «ограниченная демократия»). Российская социально-историческая практика дает для этого обширный материал.

Следует подчеркнуть, что сам элитологический подход сформировался еще в конце XIX – начале XX вв. в острой методологической полемике и оппозиции к марксистской методологии. Да и в первой половине XX в. он в социально-гуманитарном познании был недостаточно востребован. Эгалитарские и массово-демократические ценности оказывали мощное мировоззренческое воздействие как на формирование фундаментально-теоретических подходов (конфликтологический, бихейвиористский, системный и структурно-функциональный), так и приложений к системе социального управления.

Поворот во 2-й половине XX в. от «восстания масс» к «восстанию меньшинств»⁵⁷⁹ произвел методологическую ревизию и на парадигмальном уровне социально-гуманитарного знания, что вновь востребовало элитологический подход и заставило иначе взглянуть на движущие механизмы всего общества.

Как подчеркивает один из ведущих современных элитологов, Д. Хигли: «Иными словами, можно ожидать, что в последующие годы элиты в демократиях усвоят более осознанную элитистскую систему взглядов. Для тех, кто придерживается возвышенного эгалитарного видения демократии, это неутешительная картина, но я думаю, что она вероятна»⁵⁸⁰.

В этом ключе конечно важно осознание таких компонентов парадигмы, как базовые принципы и регулятивы исследований, фундаментальные концептуальные положения, выводы и следствия, интерпретирующие все стороны политического процесса, а не только связанные непосредственно с предметом элитологического познания.

Прежде всего нужно указать на систему принципов элитологии, отметив, что одна из первых попыток их систематизации и обоснования была предпринята нами еще в середине 90-х гг. XX в. и в последующем развита⁵⁸¹.

Что касается конкретизации данных принципов на теоретическом уровне, то речь может идти о той или иной коллективной или авторской элитологической концепции. Обозревая те из них, которые появились

⁵⁷⁹ *Московичи С.* Век толп. М., 1998; *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

⁵⁸⁰ *Хигли Д.* Демократия и элиты // *Полития.* № 2 (41). Лето 2006. С. 31.

⁵⁸¹ *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д., 1998. С. 17-21; *Старостин А.М.* Эффективность деятельности государственной власти и управления (элитологический аспект). Ростов н/Д., 2005. С. 42-46.

в нашей элитологической мысли и получили известность: концепции региональных элит Санкт-Петербургской (А.В. Дука) и Ростовской (А.В. Понедельков, А.М. Старостин) элитологических школ, концепцию этнократических элит М.Х. Фарушкина, концепцию социально-управленческих типов взаимодействия элит А.Е. Чириковой и Н.И. Лапиной, культурно-исторических типов элит О.В. Гаман-Голутвиной или концепцию ценностной обусловленности деятельности элит А.К. Магомедова, практически везде просматривается не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода.

Иными словами мы имеем дело и с конкретно-теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиции элитологии. Что касается мировой элитологии и, прежде всего, политической элитологии, то здесь доминируют две базовые элитологические доктрины: иерархическая (Ч.-Р. Миллс) и полиархическая (Р. Даль).

В российской элитологии присутствует свой вариант, фиксирующий разнообразие моделей взаимодействия элит, который может быть обозначен как полицентрическая.

Кроме того, следует говорить и о том, что в западной политологии и политической социологии доминирует институциональная (неоинституциональная) доктрина в элитологических исследованиях, в то время как в российской элитологии, отталкиваясь от институтов, в итоге апеллируют к лидерам и лидерским командам, отчетливо сознавая слабость российских политических институтов и их формальную роль в элитогенезе.

Такого рода доктринальная амбивалентность порождает инструментальную и экспертную амбивалентность в процессе операционализации концептов. Часть российского элитологического научного и экспертного сообщества исходит из институциональной идентификации российских элит. Другая часть идентифицирует их в качестве неполноценных элит и антиэлит.

С нашей точки зрения, более доктринально-репрезентативной выглядит позиция о незавершенности процессов институционализации элитогенеза, обозначая российские элиты в качестве **протоэлитных сообществ**. Более адекватной моделью в этом случае будет все же полицентричная модель элит в многосоставном российском обществе.

К сказанному необходимо добавить существенные позиции, касающиеся взаимодействия элит и субэлитного слоя. Тем более это важно для современной России, где процесс элитообразования в самом разгаре.

Двадцатое столетие, наполненное в его первой половине бурными массовыми движениями за демократизацию, и откатными процессами во второй половине, выдвинуло две ключевых метафоры: «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет, С. Московичи) и «восстание элит» (К. Лэш). Своеобразным

мировым социально-политическим полигоном в этом плане, где в концентрированном и масштабном виде были представлены и то, и другое, является Россия.

В настоящее время здесь зарождаются предпосылки для третьего вида социальных катаклизмов, который уже получил метафорическое название «восстание среднего класса». Но если быть более точным, то это пока не весь «средний класс», а, скорее, его наиболее политически активная и «продвинутая» часть, которую более адекватно следует идентифицировать в качестве субэлитного слоя.

Если проанализировать эволюцию российского квазикапитализма за последние два десятилетия, то формирование субэлитного слоя, как носителя социальных и политических инноваций, одновременно выступающего в качестве основного актора в формировании гражданского общества в современной России, как раз подходит к этапу завершения. И, вместе с тем, сформировалась основная коллизия и основной вектор действий субэлитного слоя на следующее десятилетие, которое и будет по всей видимости периодом «восстания субэлит». Эта коллизия сформировалась в рамках общей эволюции квазикапитализма в современной России.

Для современных российских реалий, где бизнес развивается свободно чуть более двух десятилетий характерна значительная эволюция отношений бизнеса и власти за этот период. От времени зарождения цивилизованного рынка, на первых порах которого сложилось доминирование крупного и крупнейшего бизнеса («семибанкирщина») – к борьбе финансовой и торгово-промышленной олигархии с путинской властью – затем к доминированию государства и, наконец, к – альянсу бизнеса и власти, основанному как на теневых (коррупционных) схемах, так и схемах долевого участия – таков, коротко говоря, эволюционный путь этих отношений за последние двадцать лет. На языке социально-политических схем и моделей это путь от полицентричных⁵⁸² – к дуалистичным отношениям.

По прошествии ряда лет в путинский период указанные модели существенно эволюционировали под воздействием двух основных экономических детерминант: сырьевой и административной ренты, масштабы которых

⁵⁸² Модельный инструментарий, на который мы опирались, и наиболее удачно описывающий многообразие, полицентризм моделей отношений бизнеса и власти, в свое время был предложен известными российскими элитологами А. Чириковой и Н. Лапиной (См.: *Лапина Н., Чирикова А.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999. С. 85-93; см. также *Чирикова А.Е.* Региональные элиты России. М., 2010). С их точки зрения следует выделить несколько основных моделей взаимодействия бизнеса и власти, которые сложились в России в 90-е гг. XX в. Первая модель – это модель патронажа, предполагающая административный диктат власти над бизнесом. Вторая – модель партнерства, в рамках которой представители бизнеса и власти эффективно взаимодействуют. Третья модель – «борьба всех против всех». Четвертая – приватизация власти, когда власть контролируется или формируется экономической элитой. Пятая модель носит смешанный характер.

значительно расширились под воздействием международных обстоятельств (значительный рост цен на энергоносители и сырье) и усиления вертикали власти, в рамках которых за последнее десятилетие сформировалась самовоспроизводящаяся и повсеместно распространившаяся система административной ренты («откаты», коррупционные отношения). В эту систему оказался всецело включен и крупный бизнес, получающий из бюджета государства огромные заказы и преференции, и административная элита, получившая в лице крупного бизнеса своеобразного соакционера и сама ставшая таковым. Эти тенденции закреплены вместе с тем за счет кадрового элитного сопровождения, что прослеживается в материалах наших социологических исследований на протяжении более 15 лет⁵⁸³.

Подтверждений тому, что указанные детерминанты (сырьевая и административная рента, «вертикаль власти»), действующие на протяжении десятилетия, способствовали формированию и взаимодействию двух «матрешек» (бизнес как «акционер» власти и власть как патрон и клиент административно-рентных отношений), в отечественной экономической, политологической и социологической литературе достаточно.

Со стороны власти в последнее время четко обозначилась антикоррупционная риторика, пока не подтвержденная действенным инструментарием разрушения системы административной ренты.

В наших исследованиях последних лет и на уровне экспертных оценок и замеров, и на уровне массового сознания⁵⁸⁴ также четко прослеживается наиболее высокая ранговая значимость коррупционных составляющих и факторов административно-экономического воздействия в числе механизмов, препятствующих экономической модернизации, инноваций в экономике и политике.

Вместе с тем, было заметно как в период декабря 2011 – марта 2012 гг. формировались группы интересов со стороны активной части субэлитных слоев и «среднего класса», которые решительно настроены на разрушение вышеописанного дуализма крупного бизнеса и власти и расчищение завалов на пути к нормальному гражданскому обществу в России.

Нельзя сказать, что «восстание субэлит» это абсолютно новый феномен в мировой политике. Достаточно вспомнить «восстание третьего сословия» на заре капитализма. А что касается России, то это в конце XIX – начале XX вв. цепная реакция роста политической активности разночинцев и интеллигенции (в т.ч. национальной). В последние десятилетия похожие тенденции наблюдались как в России (перестроечная интеллигенция), так и

⁵⁸³ Административно-политическая элита региона (социологический анализ). Ростов н/Д., 1995; Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ). Ростов н/Д., 2012.

⁵⁸⁴ Взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества. Информационно-аналит. материалы к проведению Круглого стола. – Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.

в других государствах (Украина, Арабский Восток и др.). Однако, пожалуй, впервые субэлитные слои в России выступают в качестве движения за «чистоту рынка и демократии» в странах переходного (индустриального и постиндустриального) типа.

Формирование внутриэлитных ценностных комплексов и идеологием призвано сплотить ту или иную элитную фракцию или элиту в целом, дабы не упустить доминирующие позиции в обществе.

В силу динамично нарастающей проблематики, в России (да и не только в России), напрямую связанной с национально-гражданской, государственной, этнической конфессиональной, профессиональной идентичностью все большее значение приобретает идентичность элиты. Можно смело констатировать, что данная проблема становится одной из самых обсуждаемых в научном сообществе.

Элитная идентичность – это осознание принадлежности к элитному слою и вытекающие отсюда чувства избранности и ответственности за принимаемые решения, за реализуемую политику и свое предназначение на всех уровнях – региональных, местных, наконец, общенациональных и даже мировых. Это внутреннее самосознание и самоощущение элиты приобретает все большее значение для представителей властных элит различных государств; для представителей экономической, научной, культурной, религиозной и иных базовых видов деятельности. Для представителя, укорененного в элитном слое, для того, кого социальный «лифт» вынес в элитный слой, первостепенное значение начинает играть ощущение (осознание) своей инаковости, своих качественно новых возможностей и миссии, определяемой этим положением.

Это внутреннее состояние и внутренняя же установка, которая приходит на смену прежним установкам и ценностям демократического толка с его популизмом и социальной мимикрией элит, задается самой сменой фаз социально-исторического процесса.

В современных элитологических исследованиях важен выход на лидерский уровень. Анализ особенностей политической деятельности российских элитарных личностей показал существенную незавершенность процессов элитогенеза в отношении сформированности его новых типажей.

Очевидным изъяном в деятельности элитарных личностей в российской политике выступает их ориентация не на общегражданские принципы и приоритеты, а командно-клановые и корпоративные.

В обсуждении проблем генезиса и развития современных российских элит часто затрагиваются вопросы их качественного состава и эффективности управленческой деятельности. В суждениях известных отечественных социологов и политологов Ж.Т. Тощенко, О.И. Шкаратана, Л. Гудкова, Б. Дубина, Ю. Левады и др. встречаются суждения о неэлитных проявлениях современной элиты, ее называют «псевдоэлитой», «позиционной элитой»

и т.п. В одном из последних элитологических исследований Ю.В. Усовой анализируется многомерная модель позиционирования современных российских элит⁵⁸⁵. Это показывает серьезную неустойчивость наших элит в их статусном ракурсе и продуманное или инстинктивное желание задублировать свое высокое статусное положение за счет других ресурсов позиционирования (значительный объем собственности и финансовые ресурсы, владение СМИ, командно-административные и клановые связи, партийно-политическое позиционирование, создание имиджа интеллектуала и т.п.). Излагаемая позиция – не то, что общее место, но она противостоит весьма распространенному одномерному статусно-позиционному (альтиметрическому) подходу, склонному к некритическому восприятию и апологетике элитных позиций отечественных крупных политиков и бизнесменов. Между тем, где-то в тени остаются вопросы (и ответы на них): в чем причина несоответствия элитного позиционирования большой группы людей с неэлитными качествами?» и «Что с этим делать?»

Первичные ответы на эти вопросы, конечно, существуют. Например, такой известный отечественный социолог, как О.И. Шкаратан отмечает: «В 1993 г. мы с огорчением писали о том, что реформы приходится проводить в стране, прошедшей через три революции, две войны и сталинские казематы, в стране с существующей практически до сих пор системой социальной мобильности, которая в основу социального положения кладет не принцип профессионализма, интеллектуального приоритета, а угодничество, чиновничество»⁵⁸⁶. С этим отчасти можно согласиться. Отчасти, поскольку, во-первых, не вполне справедливо противопоставляются принцип профессионализма и чиновничество. В сталинский период как раз часто сочеталось чиновничество с интенсивным трудом, устремленностью к образованию и профессионализму, поскольку последнее и выступало как основной мотив к социальной мобильности. Скорее можно говорить о том, что программы модернизации страны осуществлялись в таком высоком темпе и с такой мобилизационной нагрузкой на население, что элитные слои (как и другие) не удавалось быстро нарастить: слишком высок был процент потерь.

С данным положением можно сравнить разве что положение в Германии в первой половине XX в. Тоже две войны, революция и нацистская контрреволюция, но два катастрофических поражения. Однако немецкая элита тем не менее укрепилась и не понесла таких потерь, как российская. И в последующем развитии во второй половине XX века состав немецкой элиты выглядит как более качественный.

⁵⁸⁵ Усова Ю.В. Политические элиты современной России: динамика и позиционирование. Владикавказ, 2013.

⁵⁸⁶ Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 434.

Самих немцев данный вопрос о качестве элит: политических и военных, прежде всего, тоже очень занимал и занимает. Они специально занимались такого рода исследованиями, в особенности в начале 40-х гг. XX в.: «Испытания интеллигенции», проведенные в годы войны немцами среди советских военнопленных, показали, что хотя группа с интеллектуальным развитием выше среднего обнаружила «выдающиеся знания и одаренность, превосходящие западноевропейский уровень», группы с развитием средним и ниже среднего (а к ним, как и у других народов, принадлежало около 75 % испытуемых) «оказались значительно ниже германского уровня»⁵⁸⁷. Иначе говоря, отечественный элитный фактор сработал в итоге лучше немецкого, а вот за недостатки субэлитного и массового слоя пришлось заплатить вдвое и втрое большую цену числом человеческих жертв. Да и элитный слой выстроился непосредственно перед войной и в годы войны, когда часть механизмов, блокировавших «правильный элитогенез», оказалась остановленной. Но вскоре после окончания войны она вновь была запущена. В результате чего, как совершенно справедливо отмечает О.И. Шкаратан: «Можно сказать, что сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет элите вести общество за собой... Понятие «медитократия» вполне может служить для обозначения характерологических свойств карьерной мобильности и формирования элиты как в этакратическом, так и в пост(нео)этакратическом обществах»⁵⁸⁸.

И это действительно так, а у немцев после второй мировой войны дело элитообразования тоже пошло по довоенной канве, и они достаточно быстро восстановились и превзошли значительно жизненный уровень СССР. Хотя в политической сфере и по сей день их устремления и притязания сдерживаются со стороны США.

В чем же конечные причины столь разнодействующих механизмов элитообразования в странах с похожей во-многом социально-политической судьбой?

На наш взгляд, нужно обратить внимание на действие двух важнейших факторов, которые и по сей день, хотя и в модифицированном виде, продолжают действовать в нашем социуме.

Первый из них – **эгалитарная концепция** социального устройства, запущенная в действие в начале XX в. и реализованная на практике после революции 1917 г. и гражданской войны. На ее основе были ликвидированы элитные, аристократические слои и привилегированные сословия имперской России, и за несколько десятилетий выстроилась новая структура

⁵⁸⁷ Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск, 2000. С. 225.

⁵⁸⁸ Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 434–435.

общества и механизмы управления им через посредство номенклатурной системы.

Именно в номенклатуре родился позиционный подход в выстраивании элитной карьеры в качестве доминирующего. Считалось, что «незаменимых людей нет» и за счет факторов социального положения (классовое происхождение), социального опыта (быстрого, но разнообразного) и образования (ускоренного), а также этакратических ценностей и приоритетов (служение государству, высокая ответственность, готовность к самопожертвованию) удастся решить любые проблемы, даже «пробежать» 200–300-летний путь вхождения в индустриальное общество за несколько десятилетий (см. знаменитый спор большевиков и меньшевиков о готовности России к социальной революции и строительству социализма).

В результате уже к 60-м гг. XX в. Стало вполне понятно, что «незаменимые люди» есть, и ставка на активного и «идейного» середняка из рабоче-крестьянских низов малосостоятельна, и из этого материала элиты не слепишь. В то же время стране «победившего социализма» и сверхдержаве мало кто угрожал, а если и угрожал, то было чем отбиться. Остромобилизационные механизмы, которые так или иначе выдвигали на военные, политические, научно-технические, промышленные высшие позиции действительно элитных людей, замедлили свое действие или угасли. И основной эгалитаристский посыл опять развернулся во всем своем цвете.

Так на медитократическом слое в элитных позициях Россия и въехала в постсоветский период, который должен был бы (как у немцев и в других развитых странах) перевести стрелки на элитизм как основной принцип управления в высокоразвитом обществе. Однако не перевел или перевел формально, поскольку продолжал действовать и действует поныне **принцип маргинализации** в обществе мобилизационного типа. А постсоветская Россия осталась обществом мобилизационным, так как сменила «период развернутого (и ускоренного) строительства коммунизма» на «период развернутого (и ускоренного) строительства капитализма».

В связи с этим остановимся на втором концепте «**маргинализации**» и о том, чем она мешает в формировании полноценных элитных слоев. Маргиналами и маргинальными группами называют часть населения, выпадающую из существующих социальных институтов и отношений и теряющую свой статус, оказывающуюся на обочине социальной организации общества и теряющую прежнюю систему ценностей, социальных привычек, мотивов.

Рост объема и влияние маргинальных групп называют маргинализацией⁵⁸⁹. С массовой маргинализацией сталкиваются при переходе от традиционного к индустриальному обществу. В России эти процессы порождены

⁵⁸⁹ На изломах социальной структуры. М., 1987; «Маргиналы» – 50/50: опыт словаря нового мышления. М., 1989; *Стариков Е.Н.* Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989.

были в плановом порядке в 1920-е гг. началом индустриализации, когда, например, с 1920 по 1927 гг. численность рабочих выросла в 5 раз. В последующем Великая отечественная война и послевоенное восстановление привели к крупномасштабной маргинализации населения, которое меняло свои профессии и виды деятельности, перемещалось из региона в регион. В итоге на начало 1980-х гг. до 75 % жителей нашей страны жили и работали не в тех местах, где родились. К примеру, в г. Москве широко использовался термин «лимитчики», «лимита» – задействование в строительстве, на транспорте, в обслуживании, в милиции людей из разных городов страны, приехавших по разнарядке и имеющих определенные льготы, прежде всего московскую прописку.

Социологи установили, что за 20 лет, в течение 60–70-х гг. число домохозяйек и других трудоспособных иждивенцев в семьях СССР сократилось почти в 9 раз. Все эти многомиллионные слои, перемещавшиеся из деревень в города, из больших городов на необжитую периферию страны, срочно осваивавшие новые профессии и виды деятельности были еще не укоренены на новых социально-профессиональных позициях и требовалась смена 3-4 поколений, дабы такое укоренение произошло. Оно касается и субэлитных, и элитных слоев.

То, о чем говорится, может быть названо восходящей маргинализацией, поскольку обусловлена она высокой социальной мобильностью. Однако прежний житель села быстро горожанином не становится, а человек, даже способный и закончивший вуз, но не имеющий соответствующих социальных привычек, традиций и занявший номенклатурный пост, в элиту не превратится. Это и.о. элита. И нужны многие десятилетия, дабы эта «и.о.» трансформировалась в настоящую элиту.

В 90-е гг. XX в. в России начался новый процесс, опиравшийся на новую волну маргинализации. Он хорошо описан в нашей научной литературе, публицистике. В бизнес и власть пришли люди из номенклатурных слоев, науки, образования, криминала и теневой экономики. Они хотели быстрого успеха и укоренения на новых статусных позициях. У большинства это не получилось, но получилась маргинализация, сформировавшая новую субкультуру и слой «новых русских», занявших элитные позиции. По своему происхождению, жизненному опыту, образованию, профессиональным достижениям и способностям (основные параметры требований к элитам) это медитократия с маргинальными проявлениями. Она в основном удовлетворяет сталинскому подходу к кадрам: «Незаменимых людей нет». Когда этот подход заменится, наконец, на противоположный – «незаменимые люди есть» – и начнется процесс настоящего, а не ускоренного и фиктивного, существования, элитаобразования, мы в чем-то станем похожи на немцев, а предпосылки того, что наша элита будет лучше немецкой, у нас есть. Вторая мировая война это всем показала.

Таким образом, можно полагать, что тормозом движения российской элиты к ее новому качественному состоянию оказывается не столько групповая сплоченность, политический и управленческий опыт, внутрифункциональные отношения, а уровень качества «человеческого материала». Это и побуждает ставить проблему элитной личности и элитной идентичности в политике, равно как и в других ключевых областях, которая, надо прямо признать, не только не разработана, но и не поставлена должным образом.

На качественную сторону состава элит обращали внимание политологи, социологи, историки, работающие в элитистской парадигме. Один из основоположников научной элитологии В. Парето настойчиво подчеркивал, что помимо власти и богатства должен иметься набор определенных качеств у людей, претендующих на принадлежность к элите. Это, – отмечал он, – военная доблесть, происхождение, личное достоинство, искусство управления.

Известный испанский философ начала XX в. Х. Ортега-и-Гассет относил к элите тех, кто обладает интеллектуальным или моральным превосходством, наивысшим чувством ответственности. Известный английский историк и философ А. Тойнби утверждал, что представителям элиты должно быть присуще творческое начало⁵⁹⁰.

Обсуждая персоналистский аспект современного российского элитизма, следует отметить действие двух основных факторов, влияющих на его проявления и эволюцию. С одной стороны, это традиции российской власти, когда на протяжении нескольких столетий формировалось монопольное влияние авторитаризма и бюрократии. Заметим, бюрократии не европейской, сформированной на правовых и профессиональных началах и ценностях, а – евразийской – с ее традиционализмом, следованием образцам, доминированием чина и места в лестнице чинов и званий и «принципом кормления». Статусные позиции здесь абсолютно преобладают над личностными проявлениями. Личностное своеобразие – это привилегия только одного или немногих. А желающие «высовываться» и самореализоваться быстро перемещаются на элитную периферию, в ряды духовной аристократии, компенсирующей свою обделенность чинами некоторой фрондой.

С другой стороны, это ориентация на нормы политической жизни и образцы поведения западных элит. Быстрое усвоение методов и технологий продвижения в элиту и формирования элитарных личностей, сориентированных на политическую культуру активного участия, стиль жизни, присущий обществу массового потребления и массовой культуры. Все это вместе взятое создает неповторимый облик российских политиков, которые ни на кого в мире не похожи.

⁵⁹⁰ Карабущенко П.Л., Карабущенко Н.Б. Психологические теории элит. М., 2006. С. 30-32.

Поскольку подлинная, основанная на социально-психологических, акмеологических предпосылках и показателях эффективности деятельности, элитность в российских политиках пока недостаточна, то для широкого круга конституэнтов и населения ее можно сымитировать, подать на уровне имиджа.

Именно имитационно-имиджевая форма существования и подачи элитности продолжает оставаться ведущей в современной российской политике. Имитируется почти все: образованность, ученость, гражданственная направленность действий, эффективность и результативность политических решений и т.п.

Однако в становлении подлинной политической элитности есть свои закономерности, которые не удастся обойти никакими «имиджевыми технологиями» и имитациями. К числу наиболее существенных мы относим факторы элитной социализации. Стержневой составляющей элитной социализации выступает элитное образование, которое, применительно к современной России, имеет особую значимость. Поскольку, как показала практика последних десятилетий, никакие внутренние перегруппировки и новые назначения выходцев из советской номенклатурной элиты оказались не способными сформировать ни образ, ни качество новой элиты. Претензии на руководство процессами демократизации и новой волны модернизации блокируются установками и схемами действий прежней политической культуры и отсутствием новой системы ценностей, предлагаемых время от времени новой элитой. Вряд ли в качестве таковых могут выступать чужие и чуждые образцы и проекции неудовлетворенных амбиций и комплексов, сформировавшиеся в рамках прежней социально-политической системы.

Поэтому постсоветские образцы политической элитности и носят столь мелкомасштабный и имитационный характер и никак не могут укорениться.

Изменить наблюдаемые тенденции в сторону большей открытости, публичности и профессионализма возможно в полной мере, задействуя факторы элитной рекрутации и элитной социализации, характерные для демократической политической культуры.

При этом следуют важные методологические и социально-технологические предпосылки.

В современной научной элитологии все больший вес приобретают инновационные подходы, ориентированные на формирование новой элиты (политической, экономической, интеллектуальной) современного (постсоветского) российского общества. Поскольку к инновациям относят прикладные исследования и разработки, мы зачастую наблюдаем разрыв между фундаментально-элитологическими и прикладными исследованиями из-за стремления побыстрее решить поставленную задачу.

Однако по отношению к элитам «побыстрее» вряд ли получится, точно так же как в процессах формирования больших социальных групп, этносов и их композиций. Дело в том, что для решения столь сложных задач на прикладном уровне прежде важно решить их на методологическом и теоретическом уровне, что позволяет понять: почему нет должного результата на прикладном уровне. В этом плане необходимо обратить внимание, что в современном социогуманитарном знании и познании работают разные теоретико-методологические подходы и ориентиры.

Во-первых, не следует забывать тот урок, который нам преподнес К. Поппер в его знаменитой книге «Открытое общество и его враги», где он указывает на две группы социальных технологий.

Холистская, или утопическая, социальная технология связана с преобразованиями общества в целом, начало которому кладет социальная революция. Однако она влечет за собой столь значительные непредвиденные и нежелательные последствия, социальные и экономические потери и огромные избыточные страдания людей, что ее следует отнести к числу «нецивилизованных деяний» по К. Попперу. Революционно-конструктивистские преобразования резко обрывают социально-эволюционные цепи, останавливают процессы капитализации в основных сферах деятельности, запуская новые процессы.

«Частичная» социальная технология (piecemeal engineering) может быть отнесена к социально-реформистским действиям, осуществляемым постепенно и с учетом и контролем возможных отрицательных социальных последствий. Вместе с тем она допускает возможность корректировки действий и даже их значительной ревизии. Такой подход можно назвать эволюционно-конструктивистской социальной инженерией. Здесь сохраняются социально-эволюционные процессы капитализации в основных сферах.

К этому следует добавить, что в современной социальной теории, применительно к социальному конструктивизму, можно обозначить несколько трактовок того, что мы понимаем под этим. Это прежде всего некие социально-инженерные акции, проектирование, создание и совершенствование социальных систем, начиная от современных поселений и городов, систем образования и медицины, ведения бизнеса в разных условиях и, заканчивая формированием социально-профессиональных групп, «заточенных» под решение определенной задачи, проблемы, под решение масштабных конфликтных ситуаций и т.п. В этом ряду может быть расположена и элитная инженерия, продуцирующая элитные системы управления, элитную кадровую политику, элитные системы образования. Если такого рода социальная инженерия реализуется в кризисной ситуации или, напротив, ее реализация ведет к необходимости быстрых реформ, и она носит революционный характер, то мы имеем дело как раз с холистской парадигмой, которая по

К. Попперу, выступает как враждебная «открытому обществу». Применительно к элитам – это секторно-целевой социально-инженерный подход.

В формировании элит с точки зрения социальной инженерии главное – селекция, сепарация (в той или иной форме), система контролируемого и прозрачного программирования (обучения), нацеленная на выполнение определенных функций (компетенций), ротация в целях проверки и обогащения опыта и контролируемое завершение деятельности. Здесь как бы нет преемственности, включения в органическую социальную группу и ее воспроизводство. Социально-целевая элитная социальная группа как бы не несет в себе качеств суверенности и суверенной идентичности.

Импонирует же К. Попперу эволюционно-селекционный подход, метод взращивания, органично включающий преемственность. Есть и другой аспект социального конструктивизма, который достаточно популярен при фундаментальных социально-гуманитарных исследованиях и который может выступать как фундаментальное основание социальной инженерии (см. работы П. Бергера, Т. Лумана, К. Джерджена, Дж. Келли и др.).

Показательно, что по мнению известных отечественных социальных методологов: «Социальный конструкционизм органично слился с таким мощным социальным движением, как феминизм, который боролся против конкретного варианта конструирования взглядов на образ женщины и образ мужчины в обществе. Феминизм стал основным полем приложения социального конструкционизма, потому что его основной пафос заключается в том, что образы полов во всех социальных текстах в общественном сознании, идеологии и психологических теориях конструируются предвзято»⁵⁹¹.

На наш взгляд, подстановка в это суждение «элитизма» вместо «феминизма» мало что меняет в содержании приведенного суждения. Иначе говоря, мы должны вести речь, с одной стороны, о секторно-целевом подходе в элитологии или, точнее, в ее прикладной социально-инженерной части, когда пытаемся решать задачи выделения элитных политических управленцев и бизнесменов, организаторов экономических и социокультурных программ и проектов.

При этом создаются «элитные команды» под решение задач в разных сферах жизни общества. Это своеобразный элитный ангажемент. Здесь даже не требуется соблюдение гражданской или национальной идентичности, как и в высокопрофессиональных спортивных командах. Достаточно того, что есть основная задача, выделенные средства, сконструирована команда (микро или макроуровня) и присутствует некий заказчик.

⁵⁹¹ Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. М., 2007.

Но в итоге отсутствует преемственность, минимальна пролонгированная социальная капитализация и нет органической связи между «элитной командой» и социумом.

В современной отечественной политико-управленческой практике мы чаще всего сталкиваемся с такой проекцией социально-элитной инженерии. Но она «не оставляет следов» в наблюдаемом элитаобразующем процессе.

Необходимо, по меньшей мере на перспективу, дополнять ее системной элитной инженерией, которая отличительна прежде всего преемственностью в функционировании и результатах элитогенерирующих институтов, социальной капитализацией и органической связью с социумом.

В решении такой задачи основным объектом элитной инженерии становится элитный макроансамбль как система, направленная эволюция которого потребует смены как минимум 4-5 поколений, дабы сформировалось аутентичное элитное сообщество, качественный элитный слой, обладающий ярко выраженными качествами самовоспроизводства и самоорганизации

Стоит также прислушаться к важной методологической установке, высказанной еще М. Вебером применительно к становлению и развитию индустриального общества и культивированию технологических и экономических инноваций на этой платформе. Речь идет о «духе капитализма», «протестантской этике» и тому подобных ценностно-мотивационных факторах, которые данный классик противопоставлял методологическим позициям других классиков («невидимая рука рынка», «основные противоречия капитализма» и т.п.), которые в большей мере выстраивались во внешнем, объективистском плане.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что, опираясь на инструментарий философско-инновационной операционализации, мы имели возможность репрезентации историко-элитологических и современных элитологических конструкторов в рамках различных элитологических концепций, направлений и научных школ в современной элитологии.

Развитие исследований в намеченных направлениях будет способствовать дальнейшему конституированию философии элитологии и развитию элитистской парадигмы и прикладных элитологических исследований в системе социально-гуманитарных наук.

Если рассматривать в сопряжении эссенциальный (сущностный) и феноменологический (опытно-описательный) аспекты, то сделанная выше репрезентация философии элитологии в философско-прикладном аспекте приобретет более доказательный характер.

В наших исследованиях в области политической элитологии основной акцент делался на репрезентацию элитного слоя и его роли в политическом управлении. Между тем в последние годы и в политико-управленческой практике, и в восприятии наиболее политически влиятельных, хотя и весьма различных по идеологическим позициям отечественных элитных и субэлитных

групп, и во взаимодействиях России с другими субъектами в рамках глобального сообщества обнаружился нарастающий запрос к сильному лидерскому представительству Российского государства.

Истоки разнонаправленных запросов и оценок связаны как со стабилизацией внутривнутрироссийской политической ситуации, так и с ростом конкуренции между Западом и другими регионами мира и нарастающей борьбой за «перетягивание» России как евразийской державы в рамки того или иного лагеря.

Рост политического и экономического влияния России в условиях нарастающей нестабильности мира оказывается борьбой за «глобального политического джокера», способного существенно изменить соотношение сил в глобальном противостоянии. Сама Россия пока не в полной мере стала крупным глобальным игроком, претендующим на роль самостоятельного центра силы. Но ее вес уже достаточен, чтобы попытаться серьезно изменить удельный вес уже сложившихся центров глобальных сил.

Решающую роль в этих процессах играет ныне российский Президент В.В. Путин, имеющий сегодня и весомый авторитет в международных отношениях, и во внутренней политике, и наиболее серьезный опыт политического управления из всех лидеров ведущей двадцатки государств мира. Вот почему развернулась борьба и за его поддержку, и за его дискредитацию как внутри страны, так и в международной политике. Авторитетный лидер выступает в качестве центра консолидированной и сконцентрированной политической воли. Учитывая это обстоятельство, и сам Президент РФ значительно усилил требования и запросы к лидерской составляющей политического управления в современной России.

Вот почему важно оценить, как эти требования воспринимаются в современном экспертном и массовом сознании. Что касается фигуры самого В.В. Путина, то события на Украине весной-осенью 2014 г. показали его нарастающую консолидированную поддержку среди массового и элитного слоя (о чем говорят как опросы населения, так и результаты голосований по коллективно принимаемым политическим решениям).

Именно об этом свидетельствуют и результаты нашего опроса экспертов и населения⁵⁹² (см. табл. 3). Здесь фиксируется та лидерско-элитная конфигурация, которая ответственна за стабильность ситуации в стране, регионе, на местах. На деле это триада: «Президент РФ – руководители субъектов РФ – органы местного самоуправления».

Несколько более разноречивой выглядят позиции субэлитных слоев, где обозначен и официальный, и оппозиционный взгляды и подходы к актуальным политическим проблемам.

⁵⁹² Опрос проводился осенью 2014 г. более чем в 20 регионах РФ по квотной и репрезентативной выборкам.

Таблица 3

Как Вы считаете, какие из нижеперечисленных государственных органов, организаций и должностных лиц наиболее эффективно могут влиять на стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в Вашем регионе (можно указать 3-4 варианта)? (в %, по данным экспертов)

1. Президент РФ	79,6
2. Совет Федерации	4,98
3. Государственная Дума	12,94
4. Совет безопасности	3,48
5. Прокуратура	17,91
6. Суд	5,47
7. ФСБ	16,42
8. МВД	8,46
9. Армия	3,98
10. Полномочный представитель Президента РФ в ЮФО	4,48
11. Минрегионразвития РФ	6,47
12. Институт уполномоченных по правам человека	1,49
13. Миграционная служба	1,49
14. Руководители субъектов РФ	61,19
15. Законодательные органы субъектов РФ	15,92
16. Органы местного самоуправления	29,35
17. Общественные организации	6,47
18. Политические партии	11,44
19. Профсоюзы	0,5
20. Религиозные организации	2,49
21. СМИ	14,93
22. Другие	1,99

А каков запрос общественного и экспертного мнения к лидерам другого уровня? На этот вопрос мы попытались ответить, проведя социологический опрос. Что касается наиболее существенных позиций, то обратим внимание на следующее. Прежде всего в оценках экспертов не наблюдается часто встречающаяся коллизия между «сущим» и «должным», что применительно к нашему предмету касается оценок реального стиля взаимоотношений региональных лидеров с бизнес-группами и другими значимыми элитными группами и желаемого образа этих отношений. В реальных взаимодействиях по мнению почти половины экспертов доминирует партнерский стиль, что создает нормальную, избегающую конфликтных ситуаций, обстановку взаимодействия.

Вторую ранговую позицию занимает патронажный стиль. И в том, и в другом случае его наблюдает около ¼ экспертов. В итоге можно констатировать, что с лидерами административно-политической элиты представителям

других групп элитного альянса почти всегда возможно договориться, прийти к компромиссу.

Что касается целенаправленного конфликтного подхода, сопряженного с репрессивным воздействием, то он мало распространен (8–9 % случаев по мнению экспертов). Правда, во взаимоотношениях с бизнес-элитой, как считает 13 % экспертов, имеют проявления коррупционных отношений. Конечно, это малоприятная новость, но и эти проявления тоже не отнесешь к репрессивному подходу.

Что касается «должного», то и здесь большая часть экспертов ратует за развитие демократических начал во взаимодействии административных лидеров с другими элитными группами (53–54 % опрошенных). К авторитарным началам как к приоритету апеллирует порядка 28 % экспертов. Правда нужно видеть и то, что желаемым в действиях политического лидера эксперты видят опору на правопорядок, справедливость, а также приверженность патриотическим ценностям (свыше 45 %).

Касательно же заботы о малоимущих, здесь эксперты не видят большой проблемы (13,4 %). Еще менее поддерживается ориентация на конфессиональные (6,5 %) или светские ценности (12 %) как значимые в формировании авторитета политического лидера. Наиболее значимую поддержку получила ориентация лидера на прогресс, инновации, позволяющие продвигать Россию и ее регионы на новые высоты, заставляющие считаться и уважать Россию в мире (около 37 %).

Несколько насторожили суждения о качественных характеристиках современных региональных лидеров. Лишь 30% экспертов полагают, что они достаточно образованы. Остальные думают, что этих характеристик не хватает (16,4 %), либо нужно вести постоянную работу по повышению их компетентности (49,2 %).

Вполне определены рекомендации экспертов по критериям селекции политических лидеров. Ведущая роль здесь отводится отбору наиболее способных, а не устремленных в эту область, а также развитию всех мер подготовки, образования и управленческой социализации лидеров.

Касательно оценок и мнений об административно-политических элитах, развернутая характеристика которых была нами дана на Первом Всероссийском элитологическом конгрессе, можно отметить, что значимых сдвигов в этих оценках на уровне 2014 г. не произошло. Тем не менее, стоит дать обновленную версию этих оценок в уже более расширенном панельном ряду социологических замеров 2007–2014 гг.

Прежде всего следует подчеркнуть одно бросающееся в глаза противоречие: при всем том, что и оценки лидерского стиля, и должные требования к нему, как подчеркивают эксперты 2014 г., имеют партнерско-демократический характер, но реальная конфигурация власти, замкнутая на лидера,

авторитарна. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Кому, на наш взгляд, сегодня реально принадлежит власть в регионе?» (см. табл. 4).

Таблица 4

Кому, на Ваш взгляд, сегодня реально принадлежит власть в регионе (дать не более 3-х вариантов ответа)?

	Население		Эксперты			
	2007	2013	2007	2009	2013	2014
1. Законодательному органу субъекта РФ (республики, края, области)	20,65	22,25	12,08	8,12	2,50	25,4
2. Отдельным политическим партиям и общественным организациям	13,05	10,25	3,34	8,57	1,25	9,45
3. Руководителю субъекта РФ (Президенту республики, руководителю края, области)	60,86	49,25	34,96	22,32	63,75	73,13
4. Прежней номенклатуре	5,64	8,25	3,34	6,65	3,75	4,98
5. Представителю полномочного представителя Президента РФ в субъекте РФ	19,63	10,75	7,20	7,10	13,75	9,45
6. Руководителям крупных госпредприятий и их лобби	14,88	18,75	4,63	7,44	16,25	15,42
7. Коррупцированной части аппарата управления	30,46	25,00	13,11	10,37	33,75	18,91
8. Богатым людям, коммерсантам, предпринимателям, банкирам	26,54	24,25	12,34	10,94	31,25	1,99
9. Мафии, криминальным структурам	13,24	15,25	5,91	5,98	20,00	26,87
10. Кому еще	1,33	0	1,80	1,01	-	1,99
11. Затрудняюсь ответить	3,99	3,5	1,29	0,34	1,25	-

Что касается демократического компонента властных структур, которые избираются населением (региональные законодательные собрания, региональные отделения партий), то и население, и эксперты отводят им скромные позиции.

Если же говорить об оценках ближайшей перспективы во взаимодействии элит между собой и с населением, то у последнего надежда на то, что к его запросам и пожеланиям правящие элиты будут внимательно прислушиваться, еще не умерла (на это надеется около 42 % опрошенных – и это

первая ранговая позиция). Это подтверждается и в ответах на вопрос: «Каким основным требованиям должна удовлетворять элита?». Здесь про-ранжированные населением оценки первого ряда выражаются тетрадой: «Профессионализм – образованность – высокая нравственность – патриотизм». При этом население отводит профессионализму значительный удельный вес (около двух третей опрошенных). Граждане, как и в ответах на предыдущий вопрос, хотели бы видеть ориентированность элиты на социальную справедливость и учет интересов разных социальных групп (третья по ранговой значимости позиция). В то же время «Практичность, прагматизм» и «Справедливость» получили невысокий уровень предпочтений – чуть более 9 % и 4 % соответственно. (см. для сравнения табл. 5). При этом 23 % опрошенных выразили сомнение в том, что региональной элите присуща политическая ответственность.

Таблица 5

*Каким основным требованиям должна удовлетворять элита
(укажите 3-4 качества)?*

	Население			Эксперты		
	2007	2013	2007	2009	2013	2014
1. Профессионализм, компетентность	64,28	66,00	21,91	22,45	88,75	86,07
2. Высшая нравственность	32,59	29,00	11,32	9,27	50,00	45,27
3. Образованность, эрудиция	37,71	37,50	10,74	10,80	28,75	26,37
4. Значительный и разнообразный управленческий опыт, включая опыт партийной и советской работы	23,11	19,75	8,82	7,51	25,00	26,87
5. Патриотизм, государственный подход к делу, державность	28,75	31,25	8,97	9,35	38,75	30,85
6. Демократизм	9,80	10,00	2,79	5,44	13,75	5,47
7. Практичность, прагматизм	12,16	10,75	3,82	3,14	8,75	5,97
8. Хорошие связи с Западом	4,16	3,25	0,15	1,46	1,25	
9. Умение учитывать и координировать интересы различных социальных групп	27,27	31,75	8,24	7,20	26,25	32,84
10. Справедливость	31,43	27,75	7,06	5,82	3,75	10,95
11. Высокая внутренняя культура	24,65	13,00	6,32	4,75	22,50	-
12. Связь с народом	20,81	29,00	7,06	5,52	11,25	17,41
13. Политическая воля	3,65	3,75	2,35	1,92	8,75	14,93
14. Другое	0,51	0	0,44	0,23	0	-

В общественном мнении, несмотря на многие риторические пассы и усилия СМИ, вполне адекватно отражаются и реальные властные позиции в элитном сообществе, и первоочередной запрос на качественный состав и эффективную деятельность элит.

Этому выводу есть и еще ряд подтверждений. В частности, около половины опрошенных граждан разделяют позицию, согласно которой федеральная и региональные элиты не вполне соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою.

Характерны и ответы на вопрос о стабильности положения современной российской элиты. Наибольший удельный вес принадлежит оценкам, фиксирующим некоторую неустойчивость элит. Так думает свыше 38 % граждан. Что касается более определенных оценок (либо – «стабильно», либо – «нестабильно»), то они сопоставимы: так полагает около пятой части опрошенных (см. для сравнения табл. 6).

Таблица 6

На Ваш взгляд, стабильно ли положение современной российской элиты?

	Население		Эксперты		
	2007	2013	2007	2009	2014
1. Думаю, что да	19,69	21,75	14,58	18,27	36,5
2. В чём-то стабильно, в чём-то нет	40,35	38,00	45,31	44,67	3,6
3. Достаточно нестабильно	19,88	15,75	25,52	20,81	14,5
4. У элиты имеются различные возможности обеспечения стабильности	19,82	22,00	13,02	14,21	11,5
5. Другое	0,26	2,50	1,57	2,03	1,5

В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, обращает на себя внимание парадокс: население значительно выше ценит «разруливание» элитой возникшей ситуации, нежели ее профилактику, недопущение ее возникновения. Так, большинство опрошенных (свыше 44 %) выделило «умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку». А вот «чуткости к проблемам населения» (13,7%), умению «патронировать развитию местного бизнеса» (12,2%) отведены низшие места в рейтинге (см. для сравнения табл. 7).

По-видимому, такая градация достоинств определяется все еще незавершенным переходным периодом с его конфронтационно-конкурентным фоном, большей востребованностью «пожарных мер», а не повседневной конструктивной деятельности элит.

Таблица 7

*Какие достоинства и позитивные характеристики проявляются
в деятельности современных политических региональных элит
(дать не более 3-х ответов, в %)?*

	Население		Эксперты			
	2007	2013	2007	2009	2013	2014
1. Умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку	48,57	44,50	23,72	22,65	37,50	59,7
2. Координация действий различных групп населения	25,61	26,75	15,31	18,45	27,50	-
3. Умение лоббировать интересы населения региона	27,52	23,50	15,05	16,41	18,75	37,31
4. Чуткость к проблемам населения	25,02	13,75	8,67	11,07	5,00	28,86
5. Патронирование развитию местного бизнеса	23,99	12,25	13,27	18,45	42,50	27,86
6. Забота о развитии национальной культуры и образования	30,02	15,50	18,62	8,91	18,75	16,92
7. Другое	4,19	10,25	5,36	4,07	3,75	9,45

Ранжирование ответов на «зеркальный» вопрос о недостатках элит, в общем-то, подтверждает сказанное. И, кстати, в этих ответах гораздо меньше парадоксов. Ведущая тройка недостатков, отмечаемых населением, остается неизменной в течение ряда последних лет: «Коррупционность – недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельским признакам». На первом же месте оказался ответ «игнорирование запросов и интересов населения» (свыше 58 %). Данное устойчивое ранжирование ответов по сути обозначает изначальную «родовую травму» постсоветских элит, сформировавшихся не на принципах меритократии, а в жестокой борьбе за передел государственной собственности и власти. Поддержки со стороны общества при этом не требовалось. Более того, постсоветские элиты сделали все, чтобы максимально изолировать общество от «большого передела». Остается лишь надеяться, что в близкой перспективе возникнут условия для востребованности совсем других качеств элит, на что указывают респонденты в ответах следующего проблемно-тематического блока.

В предлагаемых мерах по совершенствованию состава и эффективности деятельности современных российских элит отметим ответы респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, сформировался высший слой административного руководства Вашего региона?» Здесь отражена позиция, о которой мы говорили выше. Первая ранговая позиция носит более или менее определенный характер – «В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность» (37 %), –

так сказать, «идеологические оборотни». На втором месте – «К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы» (29,5 %). На третьем – «У власти находятся сейчас люди, у которых много замыслов, желание изменить ход событий, но их усилия блокируются высшей государственной властью и коррумпированными структурами» (24,7 %). Правда, предложенный для выбора вариант ответа не фиксирует, в чем отличительные черты такого рода руководителей, что дает респонденту возможность скрыть свою позицию за этой «неопределенностью» (см. для сравнения табл. 8).

Таблица 8

Как, по Вашему мнению, сформировался высший слой административного руководства области (края, республики) (дать не более 3-х вариантов ответа)?

	Население		Эксперты			
	2007	2013	2007	2009	2013	2014
1. В ходе политической борьбы произошел отбор руководителей новой формации	38,40	19,75	29,7	19,15	18,75	30,85
2. В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменявшая прежнюю идеологическую принадлежность	29,53	37,00	16,97	25,48	56,25	31,34
3. К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы	40,61	29,50	18,79	21,06	41,25	17,91
4. У власти находятся сейчас люди, у которых много замыслов, желание изменить ход событий, но их усилия блокируются высшей государственной властью и коррумпированными структурами	26,47	24,75	10,00	13,99	21,25	15,92
5. Высший слой администрации сформировался современным демократическим путем	18,45	15,75	12,12	12,37	5,00	22,39
6. В высшие эшелоны администрации пришли те, кого хотели выбрать избиратели	18,51	13,75	10,30	6,33	0	14,43
7. Другое	1,24	6,25	2,12	1,62	3,75	11,44

Что касается оценки влиятельности механизмов, которые традиционно относят к меритократическим и демократическим, действие которых ведет к отбору более профессиональных и некоррумпированных политиков

и чиновников, то лишь чуть более 15 % населения указывают на их влияние на формирование современной российской политико-административной элиты.

Что же нужно сделать для улучшения качественного состава элит? Респонденты указывают на механизмы кадровой политики и культурно-образовательные факторы:

а) конкурсный отбор на основе профессионализма и компетентности (50,5 %);

б) повышение образовательного уровня (41,2 %);

в) продуманная кадровая политика под контролем центра (32 %).

Однако граждане ясно понимают, что желаемые изменения произойдут не сразу. Отвечая на вопрос: «Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в региональных структурах власти?», они демонстрируют вполне реалистический прагматичный подход: а) умение выражать и защищать интересы населения – 42,2 %; б) лояльность политическому режиму – 35,5 %; в) профессионализм – 34 %; г) умение поддерживать неформальные отношения с влиятельными людьми из Центра (27,5 %) (см. для сравнения табл. 9).

Таблица 9

Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в региональных структурах власти (дать не более 3-х вариантов ответа)?

	Население		Эксперты			
	2007	2013	2007	2009	2013	2014
1. Лояльность политическому режиму	27,95	35,50	21,00	23,34	63,75	48,76
2. Умение выражать и защищать интересы населения (региона субъекта)	26,05	42,25	17,05	12,63	11,25	38,81
3. Умение поддерживать неформальные отношения с влиятельными людьми в субъекте РФ	29,03	27,50	17,46	10,39	51,25	37,81
4. Богатство, деньги	46,76	22,25	12,89	11,46	25,00	7,96
5. Лидерские качества, напористость	-	15,75	9,98	8,03	10,00	27,36
6. Профессионализм	44,76	34,00	15,80	9,42	13,75	34,33
7. Национальность	10,86	2,75	2,70	3,96	7,50	1,99
8. Связь с криминальным миром	-	5,75	2,08	2,03	2,50	1
9. Другое	0,95	2,50	1,04	0,21	1,25	3,98

Что касается мнений и оценок экспертов и жителей разных регионов страны, то в данном исследовании была возможность опросить с помощью наших партнеров экспертов и граждан Республики Адыгея, Республики Дагестан, Коми, Чеченской Республики, Алтайского, Краснодарского,

Ставропольского краев, Калининградской, Курганской, Рязанской, Челябинской и Читинской областей. Сопоставление их мнений по наиболее характерным позициям анкеты показывает, что основные тенденции сохраняются во всех наблюдаемых регионах РФ. Думается, что эти тенденции будут наблюдаться повсюду в российской провинции.

Резюмируя сказанное, мы, ориентируясь на данные оценок экспертов и населения, видим неразрывную связь лидерско-элитной составляющей эффективного политического управления (см. табл. 10). Как отметили эксперты в ответе на вопрос:

Таблица 10

Если выделять факторы, способствующие повышению эффективности регионального уровня власти, то какие из них Вы считаете наиболее важными? (дать не более 3-4 вариантов ответа, в %)

1. Наличие сильного лидера	65,67
2. Высокопрофессиональная команда	63,68
3. Хорошо организованная система кадровой политики	29,85
4. Обеспечение финансовыми и материальными ресурсами	44,28
5. Выстроенность нормативно-правовой базы	18,91
6. Хорошо отлаженная система контроля за исполнением принятых решений	31,84
7. Система мотивирования исполнителей решений	10,95
8. Высокоинтеллектуальный штаб экспертов и консультантов, помогающих готовить решения	8,96
9. Наличие авторитетных лоббистов и связей в Центре	10,95
10. Эффективная оценка информационного воздействия на избирателей, население	1,49
11. Поддержка власти со стороны крупного бизнеса	6,97
12. Наличие конструктивной оппозиции	10,95
13. Хорошее взаимопонимание и взаимоподдержка властей	17,91
14. Что еще (напишите)	1

Мы бы к этому добавили еще фактор времени (дабы лидер с элитной командой успел завершить задуманное) и везения.

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философия элитологии. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г. Феномен маргинализации в современном российском элитогенезе // Власть. 2016. № 1.

Старостин А.М., Понеделков А.В. Современная российская элитная презентация в экспертном измерении // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 6.

Старостин А.М. Элитологическая парадигма в гуманитарном познании: тенденции маргинализации современных российских элит // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3.

Старостин А.М., Понеделков А.В., Ашин Г.К., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Уч. пос. (4-е изд.). – М.: Издат. группа URSS, 2018.

Элитология. Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Экон-информ», 2013 (Старостин А.М. – автор и соавтор 30 статей).

Старостин А.М., Понеделков А.В. Современные элиты: доктринальный, прикладной и экспертиенциальный аспекты // В сб. «Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы I Всероссийского элитологического конгресса. Т. 1». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2013.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Методологические условия релевантности элитологических исследований // В сб. «Элитология России: современное состояние и перспективы развития». Мат-лы I Всероссийского элитологического конгресса. Т. 1. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2013.

Старостин А.М., Понеделков А.В. Региональные административные политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. 2008. № 6.

4.11. Философия гендера: фундаментальное и прикладное измерение*

В современной науке в последние десятилетия интенсивно развиваются гендерные исследования. Сформировались гендерные парадигмы и направления в социологии, политологии, психологии, педагогике, конфликтологии и др. Затронули они и сферу философии, где прежде всего феминизм нашел благодатную почву для анализа значимой асимметрии в деятельности субъекта познания, властвования, управления и других сфер субъектных проявлений, в рамках которых подспудно, контекстуально заложено андроцентрическое (маскулинное) начало: «Для большинства философов «человечность» и «маскулинность» тождественны»⁵⁹³. Что составляет благодатную почву для критического анализа. При этом непременно вспоминают кантовский трактат «Антропология с прагматической точки зрения» (1798), где мыслитель называет женщину «домашним животным».

Следует подчеркнуть, что появление гендерных исследований в философии ряд авторов относит к числу главных инновационных событий

* Раздел написан совместно с проф. Л.Г. Швец.

⁵⁹³ Брокгауз. Философия: концепции, мыслители. Пер. с нем. – СПб.: Амфора, 2010. С. 81.

в философской науке со второй половины XX века: «Гендерные исследования – интердисциплинарная сфера взаимодействия естественных, общественных и гуманитарных наук, в том числе – и в особенности – при участии философии. Во многих разделах гендерные исследования вышли на уровень высокого академизма, а во многих – остаются на уровне популизма и политической конъюнктуры или просто научной моды»⁵⁹⁴.

Концептуальный каркас, который фигурирует на философском и научном уровне гендерологии включает такие категории, как: «гендерная система», «гендерная стратификация», «гендерная идентичность и идентификация», «социальное конструирование гендера», «феминное и маскулинное сознание и самосознание», «феминизм» и ряд других.

Вместе с тем требуют прояснения проблемы статуса философии гендера в фундаментально-философском и философско-прикладном ключе. Большой интерес представляют вопросы влияния философии гендера на развитие других направлений философии, а также – социальной и когнитивной обусловленности становления и развития этого направления. Останемся на выделенных проблемах.

Нельзя не заметить, что гендеризация в науке и философии обусловлена интенсивным эмансипационным процессом, который с нарастанием происходил в XX в. и продолжается в XXI в., пройдя ряд этапов. Прежде всего он коснулся женщин и их стремления к равенству в сфере труда и социально-политических отношений.

Если брать общий контекст гендерных изменений, то речь идет прежде всего о том, что в развитых странах происходят изменения, связанные (по определению И.С. Кона) с сексуальной, гендерной и семейной революциями⁵⁹⁵.

Пик сексуальной революции в развитых странах Запада пришелся на 1960–1970-е гг., а главными историческими предпосылками стали индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением.

Социально-культурные сдвиги, которые первоначально выглядели как сексуальные, очень скоро переросли в революцию гендерную. Сексуальная революция XX в. была по преимуществу женской. Практически все поведенческие и дискурсивные перемены, которые ассоциируются с этим понятием, будь то снижение возраста сексуального дебюта, изменение характера партнерских отношений или отношения к эротике, выражены у женщин значительно сильнее, чем у мужчин.

Однако ослабление гендерной поляризации началось отнюдь не в постели, а в сфере общественного разделения труда. В доиндустриальном и индустриальном обществе рамки потенциального соперничества мужчин и

⁵⁹⁴ Курашов В.И. Начала философии. – М.: КДУ, 2007. С. 86.

⁵⁹⁵ Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революция // Постклассические гендерные исследования: Колл. моногр. / Отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб.: Изд-во С-Петерб. унта, 2011. С. 8–31.

женщин были социально жестко фиксированы. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого веками отработанные гендерно-специфические приемы и методы, но крайне редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Сегодня женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках. Современные мужчины и женщины открыто конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельности. В сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Мужчины утрачивают монополию на политическую власть.

Также произошла семейная революция. Брак утратил монополию на оправдание сексуальности и легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» в ряде «продвинутых» государств фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от семейного статуса и пола партнеров, а «семьей» в ряде случаев считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитываются ли дети в одном или двух домохозяйствах. Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности административно-бюрократического «регулирования» семейных отношений сверху. В современном браке гораздо больше гендерного равенства, «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. В связи с этим меняется и отношение к однополым семьям. В первом десятилетии XXI в. однополые браки полностью узаконили 13 стран, во многих других странах, чтобы избежать конфессиональных конфликтов, их легитимируют под другими названиями, типа «гражданских партнерств».

Словом быстрое развитие гендерного перепозиционирования в социальной практике, идущее рука об руку с гендерными исследованиями, не могло не выйти на уровень философских обобщений и обоснований. Тем более, что гендерные изыскания развиваются уже не только в русле феминизма, но захватывают сферу маскулинных и квазигендерных отношений. Вместе с тем когнитивный и социально-проектный опыт, полученный здесь, быстро распространяется на иные сферы проявления человеческого существования и отношений: «Сегодня стало реальностью распространение феминистской методологии женских и гендерных исследований на исследования этносов и рас, инвалидности»⁵⁹⁶.

⁵⁹⁶ Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. – М.: Изд-во «Дашков и К», 2012. С. 8.

В существующих философских обобщениях гендерной направленности уже обозначилась соответствующая проблематика и приверженность к инструментарию ряда фундаментальных философских парадигм и их сегментов⁵⁹⁷ (прежде всего социально-философский и философско-антропологический анализ в рамках философии марксизма, философии постмодернизма, философии жизни): «Представители философского феминизма выдвинули три основных подхода к проблеме гендерной обусловленности познающих субъектов: теорию феминистской позиции, феминистский постмодернизм, феминистский эмпирицизм»⁵⁹⁸. Следует указать на то, что в рамках Ростовской философской школы также интенсивно ведутся исследования субъектности в различных контекстуальных полях⁵⁹⁹, обозначено понятие «модальности субъектности»⁶⁰⁰, связываемой с неклассическим пониманием субъектности.

Стоило заняться разноликостью субъектностью, сделать определенные обобщения, придя к понятию «модальности субъектности», как новый срез не заставил себя ждать в виде квазигендерной субъектности. Квир-теория, квир-анализ, направленные на объяснение «бытия иных» в трудах И. Сэджвик, Д. Батлер, Э. Гросс, идеально вписались в концепцию многомерной субъектности, которая выше изложена в нашей монографии. К тому же, как нам кажется, удалось приблизиться к пониманию сущности второй волны эмансипации, развернувшейся к концу XX в. во всем мире, и которая серьезно повлияла на выстраивание структур современной власти на всех уровнях, включая глобальный.

Продолжение указанной линии философского анализа, связанной с многомерным пониманием субъектности, ориентацией на разные модальности субъектности, приводит к обнаружению более детальной, но значимой дифференциации всей сферы когнитивной деятельности по гендерному основанию.

В частности, ведя анализ в сфере многомерной модели интеллекта (чье появление обусловлено в первую очередь формированием когнитологии и исследованиями в области искусственного интеллекта) и выделяя как наиболее значимые ее сферы – сферу рационального и эмоционального интеллекта, нельзя обойти вниманием тот факт, что с современной точки зрения

⁵⁹⁷ Определенный вклад в развитие философии гендера сделан в рамках Ростовской философской школы, представленной в трудах I–XI Международных гендерных чтений, проводимых более 10 лет на базе РГУ-ЮФУ и Донского философского общества (рук. программы – проф. Л.А. Савченко).

⁵⁹⁸ Гендерные исследования знания // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. С. 138.

⁵⁹⁹ Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2011.

⁶⁰⁰ См.: *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Классические и неклассические модели субъектности в контексте философской инноватики // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник – 2012. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. С. 519-526.

основные проявления рационального интеллекта представлены в рамках деятельности маскулинной субъектности, а эмоционального – в рамках феминной субъектности⁶⁰¹, которая изучена значительно хуже.

Изучая сферу эмоционального и социального интеллекта, вспоминаются попытки М. Хайдеггера ввести в оборот модельный эквивалент понятийной категории – экзистенциал, но применительно к ценностно-целевой сфере деятельности. На очереди – попытки синтезировать сферы теоретического и практического разума, изучая взаимодействие рационального и эмоционального интеллекта.

Кстати говоря, еще один мостик между разными категориальными и экзистенциальными системами также намечается в связи с гендерными исследованиями.

В рамках различной гендерной субъектности практическая асимметрия рационального и эмоционального интеллектов приводит не только к попыткам переделки «леворуких» женщин в аутентичных «праворуких» маскулинных интеллектуалов, но и к разработке тонких когнитивных технологий, позволяющих эффективно воспользоваться природой и обществом сформированной гендерной асимметрией.

Изложенные соображения позволяют сделать вывод о том, что исследования в рамках философии гендера могут развиваться разными путями. Например, традиционным и уже явно обозначившемся, когда осуществляется критика традиционных философских обобщений с точки зрения гендерной репрезентации и преодоления новых «идолов познания». В качестве такового примера выступают исследования «власти», «влияния» и «доминирования» в рамках гендерной парадигмы.

Анализ властеотношений в гендерном измерении обращает прежде всего внимание на категорию «влияние». Даже не решив в должной мере проблему гендерной асимметрии во власти, именно женщины, находясь под доминантным воздействием мужчин, широко опирались на технологии влияния и в той или иной степени уравнивали, а то и парировали доминантное начало. Известный философ XX в. Б. Рассел в своей широко известной книге «Власть» писал: «В любой большой организации, где лидер обладает значительной властью, находятся менее заметные люди (мужчины и женщины), которые имеют силу влияния на лидеров посредством личных методов»⁶⁰².

⁶⁰¹ Это очень наглядно показано в одной научно-популярной работе, где дана обширная сводка когнитивных различий по гендерному основанию: см.: Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Т. 2. – М., 2014, гл. 8 – Он и Она: с. 119-322, 358-359. Автор основывается на обзоре «Sex Differences: Summarizing More than a Century of Scientific Research. Rpsychology Press, 2008», где представлены 18000 научных исследований половых различий, которые касаются не только поведения, но и анатомии, физиологии, склонности к различным заболеваниям. Кроме того проанализированы и исследования по гендерным различиям: эмоциям, обучаемости, склонностям.

⁶⁰² *Russel B. Power. A New Social Analisis. N.-Y, 1938. P. 283.*

Анализ эволюции политической власти с точки зрения ее «матричных компонент» показывает все усиливающееся ее смещение с опоры на доминантную компоненту – к опоре на компоненту влияния. Это в перспективе означает вступление на почву, где вступают в действие более антропологически адекватные параметры женской природы и женского опыта. Следует в полной мере использовать данную тенденцию как в аспекте политической социализации женщин, так и политической институализации с прицелом на использование возможностей политического участия и политического представительства женщин в органах власти (конструирование и развитие новых политических институтов).

Традиционная гендерная асимметрия в рамках сложившихся политических институтов и отношений может быть дополнена иной (функциональной) асимметрией, где преобладают методы и технологии политического влияния.

Анализ тенденций развития систем государственной и муниципальной власти в современной России показывает постепенное изменение модели их функционирования: от абсолютного доминирования – к влиянию; от административно-политического стиля – к государственному и муниципальному менеджменту (оказание государственных и муниципальных услуг).

Переориентация на сервисную парадигму требует существенных изменений не только в стилевом, но и в кадровом, и структурно-субъектном аспектах основных субъектов власти и управления. Здесь следует обозначить важность проблемы полисубъектности в управлении и полисубъектной представленности во власти. Последнее означает пропорциональность, либо значимость учета и представленности в системе власти и управления таких основных аспектов, как: гендерный, ювенальный, геронтологический, этнический.

Практика показывает, что даже при различных показателях эффективности деятельности той или иной части субъекта управления различные крупные группы населения отдадут предпочтение в системе управленческих коммуникаций «своим» представителям. Правда, сразу следует оговориться, что это происходит в рамках сервисной модели власти и управления.

Поэтому выделение гендерного аспекта в муниципальном управлении и местном самоуправлении весьма значимо. Естественно, что даже в гендерном отношении речь нужно вести о подборе кадров, имеющих примерно одинаковые или сопоставимые характеристики профессиональной подготовленности и управленческой культуры.

Именно в политической сфере уже давно обозначено эволюционное движение, связанное с дифференциацией и взаимным уравниванием и взаимным контролем, которое именуется разделением властей или разделением ветвей политической власти. На этом пути не только выстроены различные модели балансирования и специализации канонических ветвей политической власти, но и вполне четко проявились области взаимного влияния

одной ветви власти на другую, поскольку субординационный порядок в таком взаимодействии либо исключен (паритет властей), либо ограничен.

В то же время хотелось бы провести аналогию в другом измерении эволюции власти. Широко известно, что в 30-е гг. XX в. в сфере развития экономической власти четко обозначилась тенденция разделения на власть – собственность и власть – управление, которая впоследствии получила название «революции менеджеров».

Данная тенденция впоследствии обозначилась и в сфере политической власти, где ориентация на общесоциальные интересы и стандарты в «обществе массового потребления» не только потребовала существенного усиления функций государственного управления, но и впоследствии привела к концепциям и практике «государственного менеджмента». Такой важнейший компонент политической власти, как управление, вычленился и в какой-то мере обособился из слитного, спаянного с другими компонентами власти состояния.

Аналогичные процессы обозначились применительно к влиянию вообще и политическому влиянию в структуре политической власти, в частности.

В связи со сказанным следует отметить следующее. Анализ эволюции политической власти с точки зрения ее основных компонент показывает все усиливающееся ее смещение с опоры на доминантную компоненту – к опоре на компоненту влияния. Это в перспективе означает вступление на почву, где вступают в действие более антропологически адекватные параметры женской природы и женского опыта. Наиболее явно данные тенденции проявляются как раз на уровне местного самоуправления и муниципального управления.

Традиционная гендерная асимметрия в рамках сложившихся политических институтов и отношений может быть дополнена иной (функциональной) асимметрией, где преобладают методы и технологии политического влияния. И, тем самым, можно активизировать процессы форматирования аутентичных в гендерном отношении форм властных и иных политических отношений (участие, представительство, самореализация).

Партнерство женщин и мужчин в политике является источником более полной и представительной демократии, создания реальных возможностей учета многополюсных интересов в обществе.

Мировой опыт парламентаризма показывает: если в законодательном органе 10 % мест занимают женщины, это облегчает принятие законов в защиту детей. Если 20–30 % мест заняты женщинами, то все программы, отражающие интересы всего женского населения, реализуются намного быстрее и эффективнее. Не случайно ООН во всех документах придерживается строгого принципа – без участия и наделения властными полномочиями женщин не могут быть найдены надежные решения в обществе, которому угрожают социальные, экономические или иные проблемы.

Другой путь развития философско-гендерных исследований, примеры которого мы постарались представить выше, обнаруживается с точки зрения

появления новых источников философского опыта. Каковым выступают иные, нежели уже хорошо освоенные, измерения субъектности (гендерное, квазигендерное, лица с ограниченными возможностями – disabled person, кросс-культурное).

Здесь можно провести аналогию с подходами известного российского философа Е.А. Торчинова, который пытался расширить сферу современного философского опыта, изучая в чем-то альтернативный опыт философии восточных цивилизаций, и пришел к похожим выводам: «Почему неевропейские философские традиции могут стать лекарством для европейской (западной) философии? Никак не потому, что они лучше, а потому, что они *иные*. Именно свежий взгляд на, казалось бы, давно уже набившие оскомину проблемы, а также возможность наличия принципиально иных, нежели на Западе, подходов к области познания и придает неевропейским философским традициям их эвристическую и эпистемологическую ценность»⁶⁰³.

Этот подход, который можно считать более инновационным, обнаруживает свою эффективность в рамках конкретных, дисциплинарных и прикладных философских исследований.

Предлагаемая для обсуждения тема тесно связана с конструктивистской позицией современного феминистского движения. Но как показывают исследования в различных течениях гендерологии, далеко не всегда препятствия для кажущихся должных преобразований, ведущих к гендерному равноправию, находятся в социально-политических и экономических стереотипах патриархата. Речь нужно вести и о внутренних (для женщин, да и в какой-то мере и для мужчин) барьерах, которые закладываются, программируются в механизмах первичной и вторичной социализации и в сфере личностных ценностно-мотивационных установок, обусловленных внутренней психологической и соматической структурой гендерного происхождения. Как раз последнего плана факторы просматриваются прежде всего в **СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ**. Нужно подчеркнуть, что данная тема нами уже затрагивалась на XI международных гендерных чтениях⁶⁰⁴ и в публикациях в процессе подготовки к VII Российскому философскому конгрессу 2015г. в г. Уфе⁶⁰⁵. Здесь речь шла о гендерной дифференциации семейно-демографических установок. Однако, хотя данная сфера и является одной из ключевых в построении и реализации смысло-жизненных стратегий,

⁶⁰³ Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Азбука классика, 2007. С. 37.

⁶⁰⁴ Швец Л.Г. Гендерный аспект современных социально-демографических мотивов и ценностей // Гендерные реалии 21 века. Сб. статей XI международных гендерных чтений. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. с. 242-247.

⁶⁰⁵ Швец Л.Г. Смысло-жизненные поиски в гендерном измерении // Цивилизационная парадигма в философии и смысло-жизненная рефлексия. Сб. трудов научной конференции с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. с. 104-111.

но не затрагивает целый ряд других аспектов. Итак, прежде всего определимся с понятиями и методологическими подходами.

Как считают авторы «Новой философской энциклопедии», смысл жизни – это процесс поиска (и его результат) – онтологических оснований собственного бытия⁶⁰⁶. В другом случае известные авторы уточняют с позиций своей концепции многоуровневости и интервальности бытия: «Иногда спрашивают: в чем смысл жизни? Но вопрос поставлен неправильно, точнее неинтервально. Смысл жизни существует только в целостности того или иного измерения человеческого бытия. Человек существует во многих интервалах, смысл его жизни поэтому многомерен»⁶⁰⁷. Авторы на индивидуальном уровне выделяют три уровня существования индивида: органический («Я – Оно»), социальный («Я – Ты и Мы») и духовный. Соответственно, «В истории духовных исканий человечества можно выделить три главных направления в решении центральной аксиологической проблемы: смысл жизни – находится за пределами жизни в объективных порядках бытия, в Боге, абсолюте, в надличностных ценностях, в служении человечеству, в торжестве коммунизма и т.п.;

– изначально присущ жизни в ее глубинных основаниях, иными словами, ценность и смысл жизни – в самой жизни (как говорил Гёте: с годами я убеждаюсь, что смысл жизни в том, чтобы ее прожить);

– задается, полагается самим человеком благодаря усилиям по самореализации (экзистенциализм и др.)»⁶⁰⁸. У другого известного автора иное уточнение: «Часто и много говорят о качестве жизни, о том, как нужно или как хотелось бы жить, но гораздо реже – о том, зачем жить. Вот этот вопрос о том, зачем, ради чего или во имя чего живет человек, и есть вопрос о смысле человеческой жизни»⁶⁰⁹.

И еще одно важное положение, которое подчеркивает взаимосвязь убеждений и установок, связанных с представлениями о смысле жизни, с жизненным опытом, склонностью и навыками смысложизненной рефлексии. Огромная масса людей, мужчин и женщин, получает смысложизненную программу в процессе первичной и вторичной социализации: «Чаще всего ценностные убеждения, в том числе отвечающие на вопрос “зачем жить?”, складываются в детстве и юности нерелексивно: человек принимает их на веру, делает внутренним достоянием, не подвергая их анализу и критике. Впоследствии он может пересмотреть свои ценностные представления, но сначала он спаян с ними»⁶¹⁰. И хотя известный психолог и психотерапевт Виктор Франкл утверждал, что «Смысл нельзя дать как вещь (ибо каждый человек создает свои смыслы), его нужно найти», но на деле происходит

⁶⁰⁶ Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. Т. 3. – М.: Мысль, 2010. с. 577.

⁶⁰⁷ Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Философия. – Симферополь: Изд-во СОНАТ, 2013. С. 335.

⁶⁰⁸ Там же. С. 336-337.

⁶⁰⁹ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. – М.: Изд-во Альфа-М., 2012. С. 160.

⁶¹⁰ Золотухина-Аболина Е.В. Философская антропология. – Ростов н/Д.: Изд-во Феникс, 2014. С. 238.

значительная эволюция, переход от ступени к ступени применительно к смысложизненным ценностям: вначале семья, общество задают некоторую типовую модель ответов на смысложизненные позиции и поиски, а затем, в зависимости от жизненного опыта и личностных особенностей эти позиции могут быть обогащены или пересмотрены в результате индивидуальных смысложизненных поисков.

Выстраивание смысложизненных поисков в сопряжении с длительной и целенаправленно организуемой жизнедеятельностью, в рамках которой апробируются и уточняются направления этих поисков, или они закрепляются на долгий период, можно назвать смысложизненной стратегией. И здесь могут быть свои типологические модели. Например: «Обобщая, можно, на наш взгляд, выделить две противоположные по сути своей модели (варианта) постановки и решения смысложизненной проблемы.

Жизнь для себя (эгоистическая ориентация). В основе своей эта модель естественна и присуща многим людям, хотя, разумеется, и в разной степени и в разных формах. Она порождается, в основе своей, инстинктом жизни.

Жизнь для других (альтруистическая ориентация). Она столь же естественна для человеческой природы и представлена в жизни людей. Данная ориентация вытекает, в основном, из социокультурных качеств человека»⁶¹¹. Обращаясь к данной типологии, невольно приходит желание ее гендерной интерпретации. Прежде всего, имея в виду мужской эгоизм, где, лежащие в его основе индивидуалистические ориентиры и ценности гораздо ярче выражены, более четко направлены на личностную самореализацию и существенно весомее поддерживаются в социуме. Правда, можно подчеркнуть, что и эта стратегия с лихвой эксплуатируется в определенных социально-экономических укладах и формациях. Однако и значимая асимметрия в смысложизненных стратегиях и их реализации вполне заметна.

Уже одно то, что женская жизнедеятельность существенно больше задействована и закрывает основные проблемы непубличной сферы социума и, естественно, не получает должной компенсации, воспринимается как естественно-должное, говорит об аскрептивной (преднамеренно-организуемой) направленности социально-политического и экономического управления в этом направлении. Тем более, что социально-психологические и индивидуально-психологические особенности женщин позволяют эти действия. На это совершенно справедливо обращает внимание известный ученый и специалист в области гендерной социологии Г.Г. Силласте, подчеркивая амбивалентный характер психологических механизмов, позволяющих превращать массовые смысложизненные стратегии женщин, ориентированные на альтруизм, в общественную обязанность и повинность: «Изменения в духовных

⁶¹¹ Горбачев В.Г. Философская антропология: движение к своему статусу в советской и постсоветской философии. – М.: Изд-во Либроком, 2011. С. 273.

ценностных ориентациях женской общности имеют свои особенности, связанные с психологией женщины. Она по природе своей не склонна к поспешной смене социокультурных взглядов, в итоге более устойчива, прагматична в духовно-нравственных ориентациях, чем мужчина. Почему? Отмечу две причины: женский консерватизм и женский фатализм. Обратите внимание: о женском консерватизме говорят и пишут, как правило, иронически-насмешливо или критически-агрессивно. Оба эти подхода неоправданны. Дело в том, что по своей социальной сути женский консерватизм – позитивное явление. Его цель (за редким исключением) состоит в том, чтобы сохранить, отстоять от натиска среды обитания проверенные жизнью духовные ориентации и ценности: семья, дети, осуждение насилия во всех его проявлениях, стабильность в обществе. Женский консерватизм редко бывает агрессивным и нетерпимым... В отличие от консерватизма женский фатализм представляет собой социальное явление, противоречивое и опасное. Фатализм стремится сохранить в неизблемости отжившие духовные ориентиры и ценности... Он фактически мешает адаптации женщин к новой социальной среде обитания, тормозит их нравственное и духовное развитие...»⁶¹².

Следует подчеркнуть, что на уровне крупномасштабных, глобально-гендерных проявлений просматривается не только гендерная асимметрия в смысловых стратегиях, но и стремление ее переконструировать. С одной стороны, значительно большая доля альтруизма и консерватизма, проявляемой в женских смысловых стратегиях, с другой – индивидуализма и эгоизма, а также предприимчивости и инновационности – в мужских стратегиях. В принципе такая диспозиция достаточно ясно была обозначена уже в классических гендерологических исследованиях. Но это явно недостаточно для последующей конкретизации. А последующее движение может быть, с одной стороны, заострено на типичные социальные и психологические ситуации, где человеку приходится менять свою жизненную стратегию под давлением прежде всего внешних обстоятельств и конфликтных ситуаций (получение профессии, устройство на работу, смена места жительства, кризисы в семье, потеря работы и источников существования и т.п.), что характерно для сторонников адаптивистского подхода. В отличие от этого сторонники развивающего подхода полагают, что изменение жизненных стратегий связано с точками и трудностями роста и сопутствующих им вызовам, кризисам, конфликтам, что продолжается в течение всей жизни.

Одним из первых предложил теорию развития личности в таком ключе социальный психолог Эрик Эриксон⁶¹³, который полагал, что с вызовами прежде всего связанными с изменением ключевых механизмов внутреннего

⁶¹² Силласте Г.Г. Гендерная социология и гендерная реальность. – М.: Альфа-М, 2012. С. 588-589.

⁶¹³ Erikson E.H. Child hood and Society. New York; Norton, 1950. На русском яз.: Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.

развития личности, преломленными через внешние обстоятельства, мы сталкиваемся на протяжении всей жизни. Он выдвинул теорию восьми стадий развития: от младенчества – до преклонного возраста. На каждой стадии человек, сталкиваясь с качественно новым вызовом, должен существовать, отвечая на него, сменить свою микро-стратегию либо же, в случае неудачи столкнется с кризисом развития, препятствиями развития уже в рамках новой стадии. Так вот, эриксоновская и подобные ей концепции⁶¹⁴ весьма адекватно могут описывать стадии роста личности в гендерном контексте. Они же достаточно адекватны для выявления препятствий личностно-гендерного развития в макросоциальных и микросоциальных условиях.

Не обращаясь к детализации всех стадий роста, обратимся к трем сюжетам такого рода.

Первый связан с 3, 4, 5 стадией развития по Э. Эриксону, начиная от первых проявлений и осознания индивидуальности в дошкольном возрасте и заканчивая формированием юношеской идентичности. Уже здесь обнаруживаются явные предпосылки эквивалентности личностного потенциала в гендерном измерении и в то же время их гендерное своеобразие и уникальность.

Конкретизируя сказанное, следует напомнить, что уже в исследованиях Э. Маккоби и К. Жаклин, касающихся базовых проявлений доминантности (агрессивной, эгоистической, манипулятивной, социальной) было введено понятие контрдоминантности. Под ней понималось нежелание индивида быть управляемым, манипулируемым. Исследовательницы установили, что, к примеру, девочкам свойственно именно такое поведение – они не доминируют над мальчиками, но и не подчиняются им.

«В целом же исследования доминантности выявили удивительное сочетание наличия и отсутствия различий между полами: нет больших различий по доминантности, но нет и сходства, а есть своеобразие полов в проявлении различных форм этой доминантности»⁶¹⁵. Иными словами, фактически до вступления в стадию взрослости никто никем не помыкает и каждый живет по своим правилам, что позволяет выстраивать относительно аутентичную смысложизненную стратегию прохождения детства и юности.

Однако уже на завершающем этапе этой стадии начинаются существенные гендерные перекосы, встраивание одной гендерной группы в «правила игры» другой: «Кэрол Гиллиган, образовательный психолог из Гарвардского университета, продемонстрировала влияние гендера на социальное поведение... Она сделала крупное открытие (1990): мальчики и девочки прибегают к разным стратегиям в принятии моральных решений. Поэтому, игнорируя гендерное различие, мы приходим к неполной картине

⁶¹⁴ Паркер Э. Семь возрастов женщины: возрастные особенности физиологии и психологии женщины / Пер. с англ. – М.: ННН, 1995.

⁶¹⁵ Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб., 2008. С. 224.

человеческого поведения... Она обнаружила отчетливую тенденцию: маленькие девочки вступают в жизнь уверенно и энергично, но их самоуважение улетучивается в подростковом периоде... В результате к 20 годам девочкам приходится бороться за то, чтобы вернуть себе силу личности, которой они располагали десятью годами раньше»⁶¹⁶.

Тот немаловажный нравственно-психологический фактор гендерной природы, который формирует специфический контекст выработки смысло-жизненных стратегий на этой стадии, это по К. Гиллиган, то что у мальчиков вырабатывается установка на справедливость в отношениях, и они опираются на формальные правила в определении правильного и неправильного. В то время как девочки опираются на подход, ориентированный на заботу и ответственность, отталкиваясь от личности. К. Гиллиган подчеркивает, что безличные правила далее и в жизни мужчин доминируют на работе, в то время как личные отношения занимают большее место в жизни женщин⁶¹⁷.

Думается, что в полной мере удастся создать оптимальный гендерный контекст в подготовке к реализации смысло-жизненных стратегий на этапе «детство – юность» и сформировать у детей и подростков соответствующие навыки развития и саморазвития, если более полно использовать исследования и рекомендации современной гендерной педагогики и психологии⁶¹⁸.

Что касается периода зрелости, то здесь поле смысло-жизненных стратегий в гендерном аспекте становится наиболее дифференцированным и даже поляризованным, поскольку существенно изменяется поле гендерных ролей в публичной и частной жизни для мужчин и женщин. Скорее всего это связано с существенной асимметрией занятости мужчин и женщин в публичной и частной (семейной) сферах. Женщине, по-существу, приходится перепрыгивать с одного жизненного «эскалатора» на другой, которые к тому же движутся с разными скоростями. Поэтому женские смысло-жизненные стратегии приобретают явно выраженный бинарный характер. Желание же сосредоточиться по-преимуществу на публичной сфере, профессиональном росте и карьере существенно сказывается на социально-демографических последствиях и воспитании детей.

Мы ранее особо рассмотрели дифференциацию семейно-демографических установок мужчин и женщин и их проявления в ценностно-мотивационной сфере⁶¹⁹, что показало необходимость существенной государственной социальной поддержки российских женщин в их потребности реализовать себя в семейной сфере. Но в то же время не оказаться «замороженными»

⁶¹⁶ Мационис Дж. Социология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2004. С. 177.

⁶¹⁷ Там же. С. 178.

⁶¹⁸ Ерофеева Н.Ю. Гендерная педагогика. – Ижевск: Изд-во ERGO, 2010.

⁶¹⁹ Швец Л.Г. Смысло-жизненные поиски в гендерном измерении // Цивилизационная парадигма в философии и смысло-жизненная рефлексия.. Сб. трудов научной конференции с международным участием. – Ростов н/Д Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 108-110.

в реализации других жизненных стратегий. Пока эти процессы развиваются весьма вяло. Есть смысл более четко контролировать эти процессы, используя, к примеру, методику роста человеческого капитала в гендерной проекции.

Итоги же стихийного развития процессов, влияющих на смысложизненные стратегии и планы женщин в условиях становления рыночных отношений в современной России хорошо показаны в монографии Г.Г. Силласте⁶²⁰. В частности, в главке «“Дамское счастье” не по Эмилю Золя» обращается внимание на существенный рост в последние годы значимости позитивных личностных отношений в семье, значительный рост значимости личной свободы и значимости профессиональной карьеры⁶²¹.

Применительно к *среднему* зрелому возрасту, который в России склонны обозначать крылатым выражением «баба ягодка опять», можно подчеркнуть не только физиологическую, но и духовно-нравственную рекурсию, зачастую даже массовую потребность начать жизнь по новому сценарию: «Женщины, потратившие много лет на семью, находят период среднего зрелого возраста особенно затруднительным. Дети вырастают и уже требуют к себе меньше внимания, а мужей поглощает работа, так что возникают периоды, которые трудно заполнить. У многих разведенных женщин возникают и серьезные финансовые проблемы. По всем этим причинам в годы средней зрелости все больше женщин возвращается к учебе и выбирают себе новую карьеру»⁶²². Здесь в самый раз стоит обозначить как проблему для женщин формирование институтов и технологий «третичной социализации», поскольку мужчины в массовом порядке (кроме увольняемых из служб – военной и правоохранительной) с этой проблемой не сталкиваются и в выстраивании смысложизненных стратегий на этой стадии вряд ли нуждаются в такой степени.

Что касается гендерного аспекта стадии преклонного возраста, то для российской современной действительности это по-преимуществу женщины.

Как отмечают авторы большого комплексного социального исследования «Гендерные стереотипы в меняющемся обществе»⁶²³, основное время этой группы пенсионного возраста «в основном тратится на инструментальную и материальную поддержку молодых членов семьи как трудоспособных, так и детей»⁶²⁴. В то же время занятость в публичной сфере этой когорты невелика: «Свободное время неработающих пожилых людей с сохраненным жизненным потенциалом – это в значительной степени невостребованный ресурс нашего общества»⁶²⁵. И дело касается не только экономической невостребованности, но и резкого сокращения горизонта личностного

⁶²⁰ Силласте Г.Г. Гендерная социология и гендерная реальность. – М.: Изд-во Альфа-М, 2012.

⁶²¹ Там же. С. 591–597.

⁶²² Мационис Дж. Социология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2004. С. 191.

⁶²³ Там же. С. 245.

⁶²⁴ Там же. С. 191.

⁶²⁵ Там же.

развития. Какие уж тут смысложизненные стратегии? Тем не менее эта ниша также может заполняться, что, несомненно повлечет за собой и рост продолжительности жизни. Ибо желание жить, видение перспектив мобилизует личность. В развитых странах мира уже пытаются решать эту проблему путем организации досуга, туризма, различных форм творческой деятельности и общения. У нас, очевидно, все это еще впереди.

Заключая обозначенный сюжет, подчеркнем, во-первых, значимость развития исследований в ракурсе выявления гендерной специфики в проблемах политической власти и демократизации, трансформации семьи, смысложизненных поисков, стратегий, сценариев. Это обогащает наши представления о роли и месте человеческого капитала в глобализирующемся обществе. В то же время дает новые основания и выявляет факторы, позволяющие корректировать развитие этого общества. А, во-вторых, мы можем прояснить и выявить оптимальные траектории развития соответствующих институтов (государство, семья, образование, культура), с помощью которых организуются процессы первичной, вторичной и даже третичной социализации с учетом гендерного контекста.

Что касается стратегий образования, на которых сказывается действие гендерных особенностей, то следует выделить следующие тенденции:

Во-первых, возрастание динамики социального развития и значительное снижение контрастов в обозначении гендерного аспекта на макрорегиональном и локально-цивилизационном уровне приводит к постепенному выравниванию в пропорциях занятости мужчин и женщин в различных отраслях экономики и управления. Этому серьезно способствует и феминистский социальный прессинг. На примере же современной России видно, как за четверть века кардинально изменилась экономико-отраслевая структура и пропорции трудовой занятости людей, а также уровень оплаты их труда. Так, доля промышленных отраслей занятости и занятость в них существенно снизились. Зато выросла более чем вдвое занятость в отраслях торговли, сервиса, финансово-экономического обслуживания. В них как раз преобладает женский труд. Он, соответственно, стал относительно более оплачиваемым и востребуемым. В профессиональной когорте «экономисты, юристы» в сфере труда и профессионального обучения ныне доминируют женщины. И это обстоятельство позитивно сказывается на их статусных позициях, отнюдь не по причинам борьбы за равноправие, а по причинам большей отраслевой востребованности в современных обстоятельствах. Поэтому вряд ли удастся существенно снизить потребность в этом секторе образования. Он уже серьезно «обжит» и на него есть гендерно обусловленный запрос.

Другое дело, что более маскулинно выраженный запрос на инженерно-техническую профспециализацию снижает возможности статусного и профессионального продвижения мужской половины.

Во-вторых, возрастание рисков политической и экономической нестабильности, развитие процессов урбанизации, значительный рост институтов социальной поддержки (прежде всего, социальной), удлинение сроков первичной и профессиональной социализации до 23-25 и более лет снизило в значительной мере социокультурные функции семьи и довело до критических значений ключевые демографические показатели (прежде всего воспроизводство и средний возраст населения). Это в итоге существенно высвободило женщину из области семейных обязанностей и повинностей и во многом уравнило в возможностях и правах с мужчинами, но значительно феминизировало и общество, и образование. В исторически краткой перспективе это остро почувствовалось в российском обществе. К тому же, данная динамика привела к позитивным статусно-ролевым и мотивационным изменениям в когорте женщин и негативным для когорты мужчин: «В современном мире полоролевые стандарты для мужчин гораздо жестче, чем для женщин. Отношение к маскулинным девочкам менее категорично, чем к феминным мальчикам. Активную независимую женщину общество примет легче и лучше, чем беспомощного мужчину. В связи с этим мальчик испытывает жесткое давление и может ощущать себя некомфортно, если не соответствует стереотипу»⁶²⁶.

В-третьих, в управленческой сфере и прежде всего в современном бизнесе, в связи с развитием ориентаций на новые отношения: HR-, GR, PR, существенно возросла востребованность эмоционального интеллекта, характеристики которого присущи прежде всего женской когорте. Это, с одной стороны, значительно влияет как на специализированную, так и на общегуманитарную образовательную подготовку. А, с другой стороны, повышает востребованность людей, одаренных задатками эмоционального интеллекта. Наблюдаемые социально-когнитивные сдвиги естественным образом ведут к смене статусных, кадровых, профессиональных приоритетов и создают новые предпочтения к их обладателям по гендерному признаку.

Поэтому формирование новых экономических и технологических укладов, которые имеет новая волна глобализации, в сочетании с развитием новых технологий обучения и социализации, идущих следом, может в среднесрочной перспективе скорректировать в лучшую сторону уже упомянутый выше закон Кэрол Гиллиган, который гласит: «маленькие девочки вступают в жизнь уверенно и энергично, но их самоуважение улетучивается в подростковом периоде... В результате к 20 годам девочкам приходится бороться за то, чтобы вернуть себе силу личности, которой они располагали десятью годами раньше»⁶²⁷.

⁶²⁶ Ерофеева Н.Ю. Гендерная педагогика. – Ижевск: ERGO, 2010. С. 63.

⁶²⁷ Массионис Дж. Социология. – СПб.: «Питер», 2004. С.177.

Правда все еще остаются по меньшей мере два момента, которые вызывают острую критику у представителей феминизма:

Во-первых, серьезные диспропорции у женщин и мужчин в рамках соотношения рабочей и домашней занятости и общего баланса занятости. Средние затраты времени на все виды домашнего труда составляют по данным социологов и экономистов 30,3 часа в неделю у женщин и 14 часов – у мужчин⁶²⁸. В среднем общее время занятости у женщин трудоспособного возраста в 2 раза больше, чем у мужчин⁶²⁹.

Во-вторых, серьезные диспропорции в статусном положении мужчин и женщин в системе управления, высшего образования, науки. Так, при общих неплохих показателях занятости в системе госуправления, где даже преобладают женщины, в высшей ее страте их численность во многие разы уступает мужчинам. Так и в системе высшего образования на примере Ростовской области видно, что среди профессуры женщин втрое меньше, чем мужчин, а среди ассистентов – вдвое преобладают женщины⁶³⁰.

Дабы не дожидаться истечения среднесрочной перспективы, чтобы выровнять указанные диспропорции (а они серьезно беспокоят общественность), необходимо существенно наращивать возможности непрерывного образования и прежде всего дистантного. Именно эти ресурсы чаще всего востребуют молодые женщины для конвертации своей трудоспособности и желания самореализации – в статусные позиции.

Резюмируя сказанное, обратим внимание на то обстоятельство, что гендерные факторы в системе образования по мере демократизации и гуманизации способствуют уравниванию прав, возможностей и статусов мужчин и женщин. Однако движение в направлении устранения гендерной асимметрии в этом аспекте порождает серьезные проблемы в социально-демографическом аспекте, а также первичной и вторичной социализации. Здесь образовательные стратегии пока не срабатывают на опережение и социально не программируются. Возможно данное направление купируется действиями глобальных элит, живущих в парадигме «пределов роста». Но возможно действуют и более глубинные факторы, связанные с антропологической эволюцией и ее пересечениями с тенденциями глобализации.

В заключение подчеркнем следующее:

1. Гендерная философия или философия гендера развивается пока на уровне прикладной философии и философской инноватики, тяготея

⁶²⁸ См.: Мезенцева Е.Б. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической реальности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. – М.: МОТ, 2003. С. 57-58.

⁶²⁹ См.: Колесникова А.А. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда (гендерный аспект) // Гендерные отношения в социокультурной среде. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 140.

⁶³⁰ См.: Астоянц М.С. Мотивация профессиональной деятельности преподавателя вуза: гендерный аспект // Гендерные отношения в социокультурной среде. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 13.

к различным фундаментальным репрезентациям социальной философии и философской антропологии, но имея выходы и в другие отрасли и парадигмы философского знания, обогащая их новым философским опытом.

2. Перспективными областями гендерологии, пополняющими философию гендера новыми знаниями и обобщениями, выступают кейсы, связанные с исследованиями в области философии политики, философии элитологии, философии управления, когнитологии.

3. Облекая сказанное выше в более строгие формулировки, определения, подчеркнем: философия гендера – область философской инноватики (прикладной философии и философских разработок), ориентированная на исследования социального бытия, дифференцированного в гендерном измерении, а также на анализ специфики когнитивных процессов, реализуемых в гендероцентричных модальностях; выявление возможностей и результатов их конвергенции и областей взаимной дополнительности.

Ведущими областями философско-гендерных исследований выступают разные проявления субъектности в полимодальных и мономодальных формах: разная субъектная модальность когнитивных, властных, управленческих, эмоционально-деятельностных, трудовых и иных проявлений.

Философия гендера отмечает переориентацию гендерных научно-аналитических и практических подходов, или подходов, существенно задействующих гендерный аспект: от интенций, связанных с социальной справедливостью, уравнивательностью и партнерством – к поиску эффективных аутентичных гендерной модальности форм ее самореализации и саморазвития, поиска новых видов деятельности, где реализованные гендерные задатки и способности дают значимые когнитивные, социальные, политические и управленческие прорывы, продвижения человеческого сообщества по пути гуманизации, развития духовности, личностной самореализации и, в целом, ноосферизации.

Авторская библиография

Старостин А.М. Семь грехов маскулинности // В сб. «Гендерные ценности в 21 веке. Труды XIII Международных гендерных чтений». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Философская репрезентация гендерного подхода в политической науке // В сб. «Гендерная трансформация в современном мире». Труды XII Международных гендерных чтений». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015.

Старостин А.М. Философия гендера // В монографии: Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. Раздел 3.11.

4.12. Философские проблемы геополитики

В процессе становления глобального информационного общества значительно и даже скачкообразно усложняются проблемы социального влияния и управления экономическими, политическими, духовными процессами. Все более востребованными становятся научно-рациональные концепты и разработки в сфере гуманитарного знания. Следует отметить, что данная востребованность, запрос касается прежде всего разработок, сделанных на уровне сложных институциональных структур гуманитарной направленности. Наиболее популярна здесь деятельность так называемых «мозговых центров», которых в современном мире насчитывается уже более 3000 и более $\frac{3}{4}$ от их числа принадлежит наиболее развитым странам (США, Европа, Япония, Канада и др.)⁶³¹. В России также получили развитие такого рода центры, занимающиеся гуманитарной аналитикой, прогностикой, моделированием, конструированием и проектированием управленческих и информационных систем. Однако общее их число и востребованность органами власти пока на порядок уступает «авангарду человечества». С другой стороны, интенсивно разрабатываются системы инструментального обеспечения в области решения сложных, междисциплинарных проблем и задач, касающихся моделирования глобального развития, соотношения глобальных, региональных и локальных трендов социального развития.

Следует обратить внимание на то, что наиболее интенсивно развиваются такие инструментальные подходы, которые связаны с востребованностью подходов культуросетрической программы социально-гуманитарного знания, базирующейся на категориях: «смысл», «понимание», «интерпретация», «текст», «контекст», «дискурс», «ценности» и т.п. Что отличает современный социально-гуманитарный подход от традиционного натуроцентризма и объективизма в гуманитаристике (базовые категории: «объект», «предмет», «факт», «теория», «объяснение», «закон», «причина» и т.п.)⁶³².

Вместе с тем, в рамках обозначенной тенденции становятся востребованными подходы к организации гуманитарных исследований и знаний, восходящие к философско-методологическим взглядам М. Фуко, Ст. Тулмина, М. Полани, обращавших особое внимание на научно-операциональную роль

⁶³¹ См.: Сунян В.Б. «Мозговые центры» США: их роль и эволюция как независимых исследовательских организаций // США, Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 1. С. 4–16.

⁶³² См.: Старостин А.М. Основные исследовательские программы в развитии социально-гуманитарных наук // В кн.: Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д., 2009. С. 20–23. В работе Кокошина А.А. «О системном и ментальном подходах к миро-политическим исследованиям» (М., 2008) также обращается внимание на различие указанных подходов, правда автор описывает их в собственной терминологии.

«научного контекста», «неявного знания», идеалов и норм научного объяснения, процедур диалога и понимания, стили научного языка и т.п.⁶³³

В этом плане мы хотели бы обратить внимание на сложное, многослойное взаимодействие философского и междисциплинарного научно-гуманитарного знания, которое проявляется при постановке, обсуждении, разработке ряда проблем, касающихся развития современного общества.

Речь идет о необходимости перевода сложного гуманитарного дискурса из неявно принимаемого философско-методологического и философско-мировоззренческого контекста в отрефлектированный контекст и даже текст, системно совмещенный с междисциплинарным и дисциплинарным знанием. Такого рода рефлексия требует введения системного видения философской деятельности и ее связи с гуманитарно-научной деятельностью. Ключевым понятием в этой связке выступает категория «философской инноватики».

Как уже подчеркивалось выше, философская инноватика в своих массовых проявлениях генерируется в процессе развития и усложнения отношений философии с наукой и практикой. Это определенный и вполне конкретный этап развития философской деятельности, связанный с развитием ее инструментально-прикладного потенциала. В этом плане философия следует по пути развития любой отрасли рационального познания, где происходит дифференциация на фундаментальную и прикладную сферы.

Следует еще раз особо подчеркнуть, что у каждой фундаментальной философской системы есть своя версия (модель) философской инноватики. А «единственно верной» модели философской инноватики нет. Или пока нет.

Структурализм и экзистенциализм, аналитическая философия и прагматизм, феноменология, волюнтаризм и марксистская философия опираются на собственный инструментарий философской инноватики, с помощью которого разрабатываются начала и подходы к формированию различных культурно-образовательных систем; инструментарий той или иной философии управления или философии политики; проектируются различные модели философской когнитологии или философии науки с их аппаратом рефлексии.

Запрос на философскую инноватику в сфере гуманитарного знания, пожалуй впервые обозначился в конце XIX – начале XX в., с одной стороны, в философии марксизма, создавшем на базе модернизированной гегелевской диалектики принципиально новые прикладные области социальной философии и философии политики и затем реализованные в инновационную концепцию научного коммунизма. Русские последователи (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин) довели данную многослойную схему деятельности до применения

⁶³³ Старостин А.М. Основные исследовательские программы в развитии социально-гуманитарных наук // В кн.: Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д., 2009. С. 17-19.

в неклассических условиях. С другой стороны, в этот же период в рамках позитивизма сформировалась система философской инноватики, приложенной к области естественнонаучного познания.

С нашей точки зрения, в области современной геополитики вполне вызрела ситуация, востребующая инструментарий философской инноватики.

В современных обстоятельствах геополитика трактуется достаточно разнообразно:

«Геополитика – наука, изучающая взаимодействие различных стран или регионов в масштабе всей планеты с учетом географических факторов»⁶³⁴.

или: «Геополитика – это наука

(1) о влиянии территории и всей географической среды на внешнюю и внутреннюю политику государства;

(2) о возникновении и пресечении соблазнов мирового господства под тем или иным лозунгом (флагом, принципом и т.п.);

(3) о подготовке народов и их государств к выживанию в условиях потенциальных конфликтов»⁶³⁵.

Как видим, есть трактовка геополитики натуроцентрического порядка, а есть и более ориентированная на культуроцентрические начала. Есть смысл в связи с этим обозначить ряд идей и подходов, которые принципиально важны для развития современной геополитики и, прежде всего, обозначить философско-прикладной контекст, в который она вписывается.

Первоначально теоретические построения основателей геополитики строились на достаточно ограниченном понятийном аппарате – *пространство, государство, сила*. Всё многообразие межгосударственных отношений в геополитическом ключе интерпретировалось следующими суждениями: 1) государство есть пространственный феномен, подобный живому организму; отсюда и соответствующие образы: дерево (Ф. Ратцель), рука человека (Р. Челлен), анаконда (А. Мэхэн); 2) функция государства – силовой контроль над пространством; 3) геостратегия государства – установление прямого силового контроля (военного и политического) над пространством⁶³⁶.

К концу XX в. в современной геополитике, наряду с государствами, как политическими акторами, выступают негосударственные и межгосударственные организации, ТНК, геодивизации⁶³⁷. В этом плане геополитика выступает как первый набросок политической глобалистики, где основным актором является государство.

⁶³⁴ Мухаев Р.Т. Геополитика. М., 2010. С. 3.

⁶³⁵ Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М., 2010. С. 55.

⁶³⁶ См.: Кефели И. Философия геополитики. М., 2007. С. 9.

⁶³⁷ Там же. С. 10.

Одновременно в конце XIX – начале XX в. зарождается целый ряд других концепций и концептуальных образов, где развитие человечества рассматривается как целостность, вынесенная в ближайшее природное окружение; в то же время внутренне напряженно структурированная:

- 1) концепция локальных цивилизаций;
- 2) концепция эволюции ОЭФ;
- 3) концепция империализма, США и суперимпериализма;
- 4) концепция взаимодействия трех социально-политических миров;
- 5) концепция ноосферы;
- 6) концепция космизма.

В послевоенный период – 60–70-е гг. XX в. формируется ряд новых подходов и моделей хорошо количественно инструментированных и имеющих несомненное контекстуальное влияние на развитие современной геополитики:

- 7) концепции Ф. Броделя и мир-системный анализ И. Валлерстайна;
- 8) глобальное моделирование (аналитика «Римского клуба» и концепция Н. Моисеева);
- 9) глобальная и социальная экология;
- 10) глобалистика как комплексное, междисциплинарное течение;
- 11) концепция Л. Гумилева;
- 12) концепция Т. Парсонса, сочетаемая с глобальным подходом;
- 13) концепция постиндустриального (информационного) общества.

Наличие столь большого разнообразия идей и концепций в данной области свидетельствует, с одной стороны, о том, что задача вписывания в природный, средовой, географически-пространственный контекст действий социальных и политических макроакторов, является значительно более широкой, нежели ее собственно геополитическая трактовка. С другой стороны, геополитическая интерпретация социально-политических взаимодействий и развития требует постоянного погружения в междисциплинарный контекст. Первый и второй аспекты между собой тесно связаны.

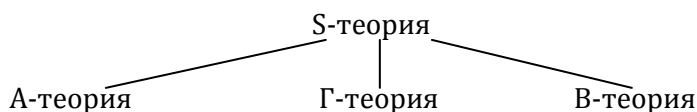
Характерно то, что, меняя аспекты рассмотрения, тем не менее большинство упомянутых концепций и подходов решали сходные задачи: рассмотреть на макроуровне в условиях геосреды, насыщенной некоторым набором ресурсов, взаимодействие (конкурентное и солидарное) социальных макроакторов и их эволюционные изменения. Базовые прообразы для такой репрезентации обозначились уже к началу XX в. в виде глобальной экологической системы, в рамках которой шла межвидовая и межорганизменная конкуренция, направленная на овладение жизненными ресурсами среды и расширение (экспансию) возможностей воспроизводства.

Подчеркивая значимость инструментальных начал в развитии методологии геополитики, обратим внимание на два значимых подхода в процессе вписывания геополитики в междисциплинарный контекст и контекст анализа весьма сходный, аналогичный геополитическим исследованиям.

Обозначая условно геополитику Г-теорией, а концепции, приведенные выше (социальная экология, мир-системный анализ И. Валлерстайна, концепция конфликта цивилизаций Ф. Фукуямы и др.), соответственно: А-теория, В-теория, С-теория, Д-теория, при первом инструментальном подходе выявляются междисциплинарные и межконцептуальные связи:

Тем самым углубляются основания проблемного контекста. При втором инструментальном подходе идет поиск образов и идей, инвариантных в А-теории, В-теории, Г-теории и создается возможность расширения Г-теории до средовой теории – S-теории:

И первый, и второй подход лежат в русле инструментария философской инноватики, применяемого к геополитической и сходной с ней проблематике.

В то же время нужно подчеркнуть, что детализация и привязка базовых образов к политическим и социальным реалиям шла, как уже отмечалось выше, в рамках развития двух основных социально-гуманитарных программ: технократической и культурологической.

От первого протоглобалистского подхода в лице классической геополитики, где существование земной цивилизации (человечества) рассматривается в реальном пространстве в качестве связной целостной структуры – к современной модели геополитики, где человечество рассматривается в качестве **многосвязной** целостной структуры. По-существу такая модель, по аналогии с биосферой, может быть названа социогеосферой, или, если взять более мелкий масштаб, **геоценозом**. И с полным основанием ее можно называть и геосоциологией, и геоэкономикой, и геonoоcферой или геоинформациологией, и геоисторией, и геосинергетикой.

Для современной геополитики характерен особый контекст, в котором содержатся границы существования геоценоза; рассмотрение рисков достижения экстремальных положений, которые могут быть названы смертельными болезнями цивилизации (их насчитывается уже более двух десятков – так называемых глобальных критических проблем, содержащих реальные

угрозы гибели человечества). По-существу, это предмет *экстремальной геополитики* или ее финалистской версии.

Финалистская (экстремальная) геополитика в то же время выступает и как геоцентрический вариант *концепции космических цивилизаций*, что нельзя не отметить, вычлняя предельные и максимально отвлеченные начала геополитики, так как, по-существу, для выявления неких универсальных и особенных трендов в геополитической модели, необходимо репрезентировать геополитический субъект в более широкой природной системе – космической. Выход в земную надсистему создает принципиально новые возможности развития геополитического процесса.

Авторская библиография

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика и современная геополитика. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010.

Старостин А.М. Ю.А. Жданов и инновационные проблемы геополитики Юга России // В сб.: «Ю.А. Жданов: вклад в разработку методологических проблем научного творчества и развитие инновационной деятельности в Южно-Российском регионе». – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2010.

Старостин А.М. Философская инноватика и проблемы междисциплинарного синтеза в современной геополитике // В сб.: «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник-2011». – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011.

4.13. Этика как прикладная философия: инновационный взгляд

Этика – наука, область философии, предметом которой является мораль⁶³⁸. Часто говорят об этике или об учении о морали, разделяя предметную, онтологическую часть (мораль) и концептуальную, теоретическую (этика). Первоосновы этики и сам термин заложены Аристотелем, который и обозначил ее как «практическую философию». Однако следуя принципу полноты, непременно нужно назвать основы и традиции индийской и китайской философии, в особенности Конфуция, в рамках которых ориентация на этику как «прикладную философию» еще более ярко выражена, поскольку проблемы структурирования внутреннего мира, индивидуального и массового поведения здесь имеют значительно большее значение, нежели в рамках Западной философии.

⁶³⁸ Современный философский словарь / Под ред. Г.Х. Керимова. М.: Академ. проект, 2015. С. 801; Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 472.

На Западе первоочередное внимание уделяется мирозерцанию, познанию мира или космоса. Тем не менее уже Аристотель подчеркивает приоритетность «практической философии», имеющей дело с поведением людей, перед метафизическими проблемами и знаниями. Спустя более 2000 лет, ту же приоритетность вновь подчеркнул И. Кант, как крупнейший мыслитель в области общефилософской, и в нравственно-этической. Именно им выдвинут на первый план **практический разум** – которому, как он полагал, в конечном счете служит философия в целом.

Он подчеркивал: «...мудрость... вообще-то больше состоит в образе действий, чем в знании»⁶³⁹, поскольку подлинный философ – это философ практический, наставник мудрости, воспитывающий учением и делом. К этому стоит добавить, что и по сей день в разных уголках земли, у разных народов вопросам нравственного воспитания подрастающего поколения и коррекции поведения взрослых людей в сторону предписанных обществом моральных принципов, ценностей и образцов придается приоритетное значение. Хотя не всегда это делается назидательно, вербально. Но всегда выстраиваются некоторые барьеры, уровни, обозначаются социально значимые индикаторы, не будучи соответствующим которым вы не пройдете в общезначимую социальную жизнь.

В современных условиях, когда социальные, экономические, политические процессы чрезвычайно ускорились, перейдя в глобальную фазу и значительно интенсифицировались не только обмены товарами, услугами, знаниями, но и людьми, представляющими разные культуры и системы ценностей и образцов поведения. Глобальная и локальная среда быстро становится из относительно гомогенной существенно гетерогенной. Здесь на новый уровень ставится проблема морально-этического плюрализма, меры терпимости (толерантности) к порой полярно проявляемым образцам поведения и моральным субкультурам. Вновь значительно возросли запросы на разработку новых этических концепций и доктрин в качестве основы развития как конвергентных, так и взаимно дополнительных морально-этических процессов. В основе, в фокусе внимания вновь обозначена этика как «практическая философия».

Но в условиях социальной турбулентности, нестационарности зачастую возникает ощущение острого кризиса морали и этики, как науки о ней (как говорит Б. Данэм, видный американский философ, – «этика мертва», или – по А. Макинтайру, – «от морали осталась одна видимость»). Впрочем, такая ситуация периодически возникала в эпохи крупных социальных катаклизмов (войны, революции, крупные социальные кризисы), когда быстрые социальные перемены приносили не только новые институты, отношения,

⁶³⁹ Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1964. С. 241.

ценности, но сопровождались массовой маргинализацией и деградацией⁶⁴⁰. Именно в таких ситуациях на грани выживания как отдельных людей, так и целых общностей особо проявлялся субкультурный (особенный) характер массовых моральных проявлений. Как метко заметил в начале Нового времени, когда Запад начал быструю колониальную экспансию, и столкнулся с другими локальными морально-этическими системами, известный английский поэт XVII в. Сэмюэль Батлер: «каннибализм нравственен в стране каннибалов». Опыт XX в. представил огромное количество масштабных примеров такого рода (от А. Гитлера – до Пол Пота и целых террористических квазигосударственных образований, базирующихся на насилии и агрессии как базовом социально-этическом инструменте).

Это дало свою проекцию в сферу новых этических доктрин, которые сконцентрировались прежде всего на проблематике степени допустимости насилия (легитимного и нелегитимного) как инструмента социального управления и социализации и границ ненасильственных практик, которые так или иначе упираются в сопротивление насилию. Как очень метко заметил известный отечественный философ и мыслитель И.А. Ильин в своей работе «О противлении злу силою»: «Сама идея о возможности сопротивления посредством непротивления даруется человечеству и оказывается применимой тогда и постольку, когда и поскольку общий, родовой процесс обуздания зверя в человеке грозой и карой («Ветхий завет») создает накопленный и осевший итог обузданности и воспитанности, как бы экзистенциальный минимум правосознания и морали, открывающий сердца для царства любви и духа («Новый завет»)»⁶⁴¹. Иными словами, чтобы подойти к уровню возможностей эффективного противодействия злу, насилию, социальной деструкции, необходимы качественные изменения в рамках культуры, которые само насилие, агрессию переводят на символическую ступень, ступень не прямых, стилизованных действий, что становится результативным.

Похоже, что именно в рамках этой новой морально-этической проблематики (мы бы сказали – инновационной) наметился и новый подход к вопросу о том, существует ли **нравственный прогресс**? Если можно говорить о научном, когнитивном, техническом прогрессе, то дает ли положительный ответ на такой же вопрос касательно поведения, нравов «практическая философия» или Этика? Или мы движемся по пути борьбы добра и зла маятникообразно? Или же ближе к истине оказывается «имморалист» Ф. Ницше, который как раз указывает, что прогресс будет состоять в переходе на новый уровень моральной регуляции, находящийся «По ту сторону добра

⁶⁴⁰ См.: Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – М.: Центрполиграф, 2012. Подробный анализ таких ситуаций содержится в работах крупнейшего психоаналитика В. Франкла.

⁶⁴¹ Ильин И.А. О противлении злу силою / И.А. Ильин. Путь к очевидности. М., 1993. С. 97.

и зла»? Как он подчеркивает: «Становиться по *ту сторону* добра и зла – оставить *под собою* иллюзию морального суждения. Это требование вытекает из познания, сформулированного впервые мною: **что не существует вовсе никаких моральных фактов**»⁶⁴².

Ф. Ницше видит этот прорыв, связывая его со сверхчеловеческим или аристократическим поведением. Но мы, полагаясь на современные данные о структуре нравственно-мотивационной деятельности, и видя ее высшие уровни связали бы такое поведение с более высоким уровнем мотивационных установок, нацеленных на духовные потребности и самореализацию. Именно на этом уровне качественно трансформируются и по-новому интерпретируются привычные нравственные категории: добро, зло, благо, совесть, счастье, любовь, долг, свобода, справедливость и др.

К вопросу о развитии этических систем и программ нравственного поведения подталкивают не только быстрые изменения в развитии современного человечества и вовлечение в круг познания различных морально-этических субкультур, но и достаточно динамичные изменения в составе самой фундаментальной философии, которая за последние 100–150 лет прошла через две философских революции: неклассическую и современную. Если неклассическая философия, начавшись с середины – конца XIX в. генерировала полипарадигмальную матрицу философий, основывающихся на разных модусах человеческой природы: воли; практической деятельности; сознания и подсознания; научного познания; языка; эмоционально-мотивационной сферы и др., породив такие парадигмы, как позитивизм, прагматизм, философию жизни, герменевтика, экзистенциализм, марксизм, феноменологию, то со второй половины XX в. постнеклассическая философия ищет пути синтеза, конвергенции, объединения на основе взаимодополнительности отмеченных фундаментальных философских парадигм. В целом идет формирование *диатропической* системы современной философской деятельности, в рамках которой обозначена эволюция и дифференциация весьма разных доктрин «практической философии» или этики. Действие указанных факторов продуцирует формирование разных этик, например:

А) *Аналитической этики*, позиционирующей себя в качестве метаэтики и нацеленной на выявление инструментария верификации моральных понятий и предложений, а также на различение прескриптивных и дескриптивных суждений. Что в итоге позволяет логически и лингвистически структуризовать систему ценностных понятий и суждений и дать инструментарий отсечения реальных деонтологических проблем от моральной демагогии и манипулятивных морально-этических конструктов.

В) *Феноменологической этики*, стоящей на позициях существования априорных, идеально-объективных моральных ценностей, репрезентирующей

⁶⁴² Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 1. С. 585. М., 1990.

четырёхступенчатую иерархию этических ценностей: гедонистических, витальных, духовных, религиозных. Они одновременно выступают как ступени этического развития как в филогенезе, так и в онтогенезе.

С) *Прагматической этики*, связывающей этические понятия и установки с интересами, потребностями, успешностью поведения, придавая им ситуативный характер и обращая внимание на мощную связь с моральным опытом. Данная система, дистанцируясь от инструментария моральной рефлексии ориентирует на поиск жизненных поведенческих программ, ведущих к душевному комфорту и удовлетворенностью жизнью, построенному на практических ценностях. Можно привести и иные парадигмальные проекции этики как «практической философии». Такая наблюдаемая диатропика этических концепций, как и в случае анализа других примеров прикладной философии (философии политики, философии образования, философии конфликта, философии геополитики и др.) приводит к поиску и выявлению доктринальных основ этих концепций, которые лежат в контексте их функционирования. Обычно на контекстуальную подоплеку этического знания, фундаментально-когнитивную базу этического мышления не всегда обращается внимание. Тем не менее она существует и проявляется вариативно на уровне следующих концептов:

- различных концепций человека (социокультурные, биосоциальные, теологические);
- разных концепций общества с точки зрения их социального структурирования (элитарные, эгалитарные, смешанные или умеренно-элитарные);
- различных подходов к структурированию поведения (духовно-практического или деятельностного, мотивационно-иерархического, телесно-соматического и структур подсознательного и т.п.);
- влияние разных эпистемологических субкультур: натуроцентрической и культуроцентрической;
- воздействие разных концепций развития, соотношения филогенеза и онтогенеза (духовно-эволюционная, диалектическая, синергетическая, культурно-цивилизационный подход, глобально-эволюционный подход).

Можно обозначить и еще ряд концептуальных позиций, смысловые вариации которых приводят к видоизменениям и появлению новых этических доктрин. В этом плане можно в качестве примера новой этической системы, которая погружена в соответствующий концептуальный контекст, привести книгу Дарио Саласа Соммэра «Мораль XXI века»⁶⁴³. В данной работе, в основе которой лежит концепция «физика морали», автор пытается на основе значительного объема физико-энергетических и структурных

⁶⁴³ Дарио Салас Соммэр. Мораль XXI века. М.: Изд-во «Кодекс», 2014.

замеров установить корреляции между «праведным», «добродетельным» и «неправедным» поведением и материально-энергетическими и физиологическими отдаленными последствиями для человека. Пожалуй, удачным будет термин «коэволюционного развития» с природой, обществом, близким окружением и самим собой, на котором как на принципе нравственного развития, базируется автор. Система Д.С. Соммэра необычна, но он смело пытается интегрировать культуроцентрический и натуроцентрический подходы в объяснении позитивно-нагруженных и негативно-нагруженных этических ценностей и принципов и предложить соответствующую моральную программу поведения.

На этом и ряде других примеров новых этических разработок, следуя алгоритму философско-инновационного исследования, удастся выявить и оценить влияние доктринальных факторов, которые в современном знании не только неоднозначны, вариативны, но и конкурируют друг с другом. Вследствие этого и ответ на знаменитый Пилатовский вопрос: «Что есть истина?», применительно к этическому знанию, требует обстоятельного контекстуального анализа.

Далее, анализируя те детерминанты, которые формируют сложную диатропику этических доктрин и программ поведения, наряду с глобальной динамикой и нестационарностью, а также процессами парадигмально-философской дифференциации и интеграции, необходимо отметить действие третьего детерминанта: внутриаэтической дифференциации и специализации. Прежде всего это проявилось в формировании нового уровня этического познания – прикладной этики. Согласно определению основателей этого направления в отечественной морально-этической теории и практики: «прикладная этика – нормативно-ценностные подсистемы, конкретизирующие мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика и т.п.) и теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения»⁶⁴⁴. Такие разработки по своему замыслу и духу очень близки философской инноватике, которая в данном случае направлена на морально-этическую сферу, находящуюся на продвинутом рубеже новых подходов, исканий в теории и практике.

Здесь также четко осознается сложность механизмов продвижения от фундаментально-теоретического уровня к прикладному и обратный ход, ведущий от переднего края нового опыта – к его обобщенным схемам. Так, один из известных зарубежных адептов прикладной этики Дж. Кэллахан предостерегает от «ошибочного понимания, порожденного самим названием “прикладная этика”, наводящим на мысль, что занятие такой этикой предполагает простое приложение общих нормативных теорий к различным вопросам,

⁶⁴⁴ Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. Перепутья прикладной этики: от «Края исследовательской Ойкумены» к центру «этической вселенной» // Философия и этика. – М.: «Альфа-М», 2009. С. 669.

вызывающим общественный интерес. В соответствии с этой моделью «прикладная этика» задается вопросом, например, что бы могла сказать теория Канта или Милля о моральности добровольных аборт или что бы сказала теория Аристотеля о моральности использования определенных медикаментов»⁶⁴⁵. Здесь имеют место более сложные технологии операционализации, ведущие от фундаментального уровня к прикладному и разработкам. Об этом мы уже говорили подробно ранее, в ходе репрезентации философской инноватики.

Важным моментом, с которого «стартует» вся современная этическая система, включающая и фундаментальные и прикладные аспекты, является **проблема морального выбора**. Она несет основной инновационный заряд, ее сопровождают моральная критика и рефлексия, в ней явно или неявно заложен вектор поисков. Именно об этом говорят наиболее «продвинутые» в этике теоретики и прикладники. Например, известный отечественный философ Ю.А. Шрейдер подчеркивает: «Автор решил избрать иной путь построения курса, а именно положить в его основу три понятия: **«ситуация морального выбора, этическая система и этические принципы (законы этики)»**⁶⁴⁶. Что же касается исходного момента, то, с точки зрения Ю.А. Шрейдера, именно он дает «старт» всей этической машине: и поисковой, и функциональной: «Мы можем не иметь ни ясного представления о морали, ни даже уверенности в ее объективном существовании, но зато мы можем осознать личный жизненный (или, как говорят философы, экзистенциальный) **опыт пребывания в ситуации морального выбора**. Осмыслить этот опыт, создать теоретическое представление о том, что такое моральный выбор, чем должен руководствоваться человек в ситуации морального выбора и как возможны такие ситуации, позволяют различные этические системы»⁶⁴⁷.

Мы бы обратили также внимание на важнейшую часть морально-этического процесса, движущегося **по рекурсивному пути**: от моральной проблемы – к этической теории и обратно, – к **морально-этическому опыту**, без которого не состоится такой путь.

На момент, который проблематизирует любую сложную морально-этическую ситуацию, обращают внимание и авторитетные представители прикладной этики: «смысл прилагательного “прикладная” менее всего предполагает элементарную аппликацию, ибо речь идет о приложении как процессе морального творчества, процедуре конкретизации, акте морального выбора. Ситуация выбора – универсальная структура приложения. *Modus Vivendi* прикладной этики – моральный выбор»⁶⁴⁸.

⁶⁴⁵ Кэллахан Дж. От «прикладной» этики к практической: преподавание этики в практическом аспекте // Этическая мысль. Вып. 9. – М.: ИФ РАН, 2009.

⁶⁴⁶ Шрейдер Ю.А. Этика. – М.: Текст, 1998. С. 7.

⁶⁴⁷ Там же. С. 8.

⁶⁴⁸ Бакштановский В.И., Согмонов Ю.В. Цитиров. произв. С. 668–669.

Но мы бы несколько расширили значимость важнейшей для этики и морали ситуации морального выбора до его контекста, где зарождается **морально-этическая проблема**. Ибо к выбору нужно еще подойти. На это совершенно правомерно указывает и цитировавшийся выше Дж. Кэллахан: «Первый шаг в курсе практической этики – научить студентов распознавать моральные вопросы. Вопросы, имеющие моральное содержание, – это те вопросы, которые (по меньшей мере) касаются прав и/или благополучия людей (и/или других чувствующих существ) и/или характера действующего субъекта... Таким образом, первая важная задача в преподавании практической этики – своего рода пробуждение сознания, помогающее сделать студентов более восприимчивыми к моральной сложности мира»⁶⁴⁹.

Исходя из сделанных замечаний, подчеркивающих особую значимость в современном морально-этическом инновационном процессе моральной проблематизации в единстве с морально-этическим опытом, вполне логично было бы говорить о **морально-этической ситуации**. Это некоторая аналогия с **познавательной ситуацией**, о которой шла речь в разделе о философском опыте (см. 2.2. настоящего издания). Следуя логике такого подхода, можно выделить основные классы, узлы, на базе которых разворачиваются и в этической теории, и в моральном опыте морально-этические коллизии, назвав эту систему (которая может пополняться) **матрицей проблемно-этической параметризации**. Вот какие коллизии можно для начала выделить (пока не разворачивая их в соответствующие характеристики – ценности, установки, правила поведения – для каждой из сторон коллизий):

- массовое – элитарное (индивидуально-аристократическое);
- универсальное – особенное (этническое, сословное, классовое и т.д.);
- природное – культурное (деятельностное);
- стационарное (устойчивое) – динамичное (развивающееся);
- субстанциональное (априорное) – реляционное (апостериорное);
- нормативное – прецедентное;
- фундаментальное – прикладное (отраслевое);
- рефлексивное – проективное;
- целевое – инструментальное;
- доктринальное – опытное.

Не разворачивая пока на базе данных ситуаций обсуждения, тем не менее приведем весьма характерный пример концепции, в рамках которой соприкасаются и парадоксальное учение Ф. Ницше о «конце морали» в сопряжении со сверхчеловеком (дилемма: «массовое – элитарное»), и острые моральные коллизии, обусловленные изучением сопряжения природных и культурных начал в человеке («природное – культурное»), в особенности

⁶⁴⁹ Кэллахан Дж. Цитиров. произв. С. 197.

если мы имеем дело с некоторым «недоразвитием» отдельных людей или целых общностей.

Есть любопытная концепция Л. Колберга, которая, исходя из этих коллизий и, задействуя соответствующий социологический, психологический, антропологический материал, выстраивает достаточно убедительную (и инновационную) морально-этическую концепцию:

«Колберг выделил шесть стадий нравственного развития личности, которые сменяют одна другую в строгой последовательности аналогично познавательным стадиям у Пиаже. Переход от одной стадии к другой происходит в результате совершенствования когнитивных навыков и способности к сопереживанию – эмпатии. В отличие от Пиаже Колберг не связывает периоды нравственного развития личности с определенным возрастом. В то время как большинство людей достигают по крайней мере третьей стадии, некоторые на всю жизнь остаются нравственно незрелыми»⁶⁵⁰. Вот эти стадии: первая и вторая относятся к детям, которые еще не усвоили понятий о хорошем и плохом. Соответственно, первый уровень регулируется стремлением избежать наказания, а второй – стремлением заслужить поощрение. На третьей стадии люди отчетливо осознают мнения других и стремятся к действиям, которые получают одобрение окружающих, имея собственное понимание хорошего и плохого. На четвертой стадии люди осознают интересы общества и правила поведения в нем. Именно здесь формируется позитивное нравственное сознание. На пятой стадии люди осмысливают возможные противоречия между различными нравственными убеждениями, формируется способность представлять нравственные последствия поступков, исходящих из разных морально-этических систем ценностей. На шестой стадии формируется собственная нравственная доктрина, имеющая универсальную значимость и лишенная эгоцентризма. Это высшая ступень нравственного развития, представленная разными морально-этическими доктринами и образцами поведения великих моралистов: Иисуса Христа, Будды, Махатмы Ганди, Мартина Лютера Кинга и др.⁶⁵¹

Апробация концепции Колберга показала, что хотя она представляет в веберовском смысле «идеальный тип» и не все так четко укладывается в обозначенные стадии, но она весьма обогащает наше понимание развития нравственности.

Завершая анализ инновационных процессов в морально-этической деятельности, и придерживаясь изложенной выше концепции и схемы философии, включающей философскую инноватику, возможно дать репрезентацию этики как системы фундаментальной и инновационной деятельности (схема 23).

⁶⁵⁰ Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. С. 106.

⁶⁵¹ Там же. С. 106–107.

Схема 23. Схема инновационного процесса в морально-этической сфере

Предложенная схема представляет собой своеобразную фрейм-карту современного морально-этического процесса, включающего не только многоуровневые изменения, но и показывающую их весьма различные источники, детерминанты, механизмы изменений. О многих из них речь шла выше.

Единственное замечание касается понимания термина «метаэтика». В данной схеме речь идет об исследованиях оснований этических теорий и учений: примерно в том же контексте, в котором «работает» современная философия, математика, логика.

Хотя в данном тексте речь уже шла об аналитической этике, которая позиционирует себя как метаэтика⁶⁵², есть и еще один смысл метаэтики, заложенный исследованиями в эпоху начала космических полетов – как космическая этика, имеющая предметом разработку и решение проблем, связанных с контактами с внеземными цивилизациями. Речь в частности идет о принципах и подходах, разработанных в трудах Э. Фазана, У. Стивера, Ю.А. Школенко, В.А. Лефевра и др.⁶⁵³ Очень занимали эти разработки крупных представителей современной научной фантастики (см. С. Лем – «Солярис», «Фиаско»).

Следует также обратить внимание на то, что в связи с включением в инновационный процесс в гуманитарном знании и деятельности, современная этика во всех своих ипостасях переживает «новое рождение», можно сказать новую революцию. Особо востребованы оказались технологии ненасильственных социальных действий. Морально-этическая регуляция репрезентируется в современных условиях как инструментарий «мягкой силы», контекстуального управления через инновационно организованную систему социализации и воспитания и социального манипулирования в рамках «больших социальных систем»: государства, образования, церкви, крупных корпораций, профессиональных сообществ.

Авторская библиография

Старостин А.М. Этика как прикладная философия: инновационный взгляд // Critic. A Journal of the Centre of Russian Studies. – New Delhi. Jawaharlal Nehru University. № 14. 2017-2018.

Старостин А.М. Этика в контексте философских инноваций // В сб. «Теоретическая и прикладная этика в системе современной культуры». – М.-Берлин: Direct-Media, 2016.

Старостин А.М. Этика как прикладная философия // В моногр.: Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2015. Раздел 4.16.

⁶⁵² См.: Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 2010. С. 476.

⁶⁵³ См.: *Старостин А.М.* Актуальные мировоззренческие вопросы современной астрономии и космических исследований. Ростов н/Д., 1991. С. 63–64, 81; *Школенко Ю.А.* Космический век. М., 1986.

4.14. Философия безопасности в обществе риска. Данджерология и рискология

В осмыслении современных острых широкомасштабных, экономических, социальных и политических проблем глобального уровня существуют (сложились) разные стратегии: одни из них идут вслед за опытом и в опыте же ищут объяснение и инструменты решения проблем (индуктивный путь, дискурс); другие же предпочитают увидеть проблему как частное проявление целого и создать общую доктрину, с позиций которой можно понять и решить возникшую проблему как некую частность (дедуктивный дискурс). В связи с последним невольно вспоминается метод Шерлока Холмса, который, благодаря умению реконструировать целое, находил объяснение частностям.

Об этом невольно вспоминаешь, когда, казалось бы отлаженная деятельность и объясняющая ее концепция начинает давать сбои. Здесь и начинается как эмпирическая, так и теоретическая рефлексия. Об этом еще раз напомнил известный экономический методолог Дэниел М. Хаусман с его крылатой и образной постановкой: «Зачем заглядывать под капот?»⁶⁵⁴. Расшифровывая эту сентенцию, он пояснил: «Когда теории или подержанные автомобили функционируют нормально, их использование вполне целесообразно, хотя и надо внимательно следить за тем, чтобы все их части были проверены и исправны. Однако информация о том, насколько хорошо теории справлялись с выполнением той или иной задачи в прошлом, не является единственным критерием их верной оценки. Экономисты должны заглядывать под капот своих теорий, и они это делают»⁶⁵⁵.

В этом плане уместно привести еще одно высказывание авторитетного экономиста международного уровня Эрика С. Рейнерта, которое имеет особую методологическую значимость применительно к развитию современной России: «Посетив в 2015 году Гайдаровский форум в Москве, я был крайне удивлен, что экономисты, которым страна обязана самой что ни на есть разрушительной шоковой терапией – профессор Джеффри Сакс и профессор Андерс Ослунд – были в числе наиболее почитаемых и дорогих гостей, в особенности первый. Я вновь и вновь убеждаюсь в том, что руководство страны так и не поняло связи между этими разрушительными теориями и крахом российской экономики в 1990-х годах, от которого государство пока еще не оправилось... При всем уважении я вынужден предположить, что российская экономическая элита поражена определенной формой стокгольмского синдрома, когда жертвы проникаются симпатией к тем, кто нанес им ущерб, и начинают верить в те же ценности, что и их обидчик»⁶⁵⁶.

⁶⁵⁴ См.: Философия экономики. Антология. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 221.

⁶⁵⁵ Философия экономики. Антология. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 226.

⁶⁵⁶ Рейнерт Эрик С. Спонтанный хаос. Экономика эпохи рецессии. – М.: Изд-во РОССПЭН, 2017. С. 10-11.

В этом плане становится еще более актуально «заглянуть под капот».

Вопрос о будущем мировой финансовой системы выступает и как острая эмпирическая проблема, и как предмет доктринальной рефлексии.

В эмпирическом плане тревожат масштабы последствий современного финансово-экономического кризиса и неопределенность в результатах использования имеющихся методологических, теоретических и исходящих из них управленческих инструментах.

Мы вполне можем находиться в рамках ситуации, подобной Птолемеевской геоцентрической системы, когда добавление нового деферента или эпицикла в имеющуюся систему лишь на некоторое время закрывает проблему. Но в новой ситуации может потребоваться точно такой же ход. Однако уже очевидно, что требуется замена «финансово-экономического геоцентризма». Иначе, нарастающий объем событий, их непонимаемая нами стихия все быстрее тащат нас к обрыву неуправляемости и когнитивному диссонансу.

Поэтому изберем ход доктринального дискурса, начиная с философско-прикладного подхода. Это оправдано не только житейской мудростью («Отойти, чтобы дальше прыгнуть»), но и природой проблемы, с которой мы столкнулись.

Репрезентация проблемы

По сути речь идет о пролегоменах к глобальному управлению финансами в период перестройки глобальных отношений. По большому счету в последнее десятилетие был заложен важнейший тренд в современную глобальную динамику: переход от «однополярного мира» к глобальной демократии»⁶⁵⁷. А это вызывает смену концепций глобального развития и глобального управления. От концепции устойчивого развития (УР)⁶⁵⁸ начался переход к концепциям «глобальной перестройки», «глобальной многополюсности», «альтернативной глобалистики»⁶⁵⁹.

Комментируя результаты реализации концепции УР, классики глобального моделирования Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рандерс подчеркивают: «Попытки глобального управления, основанные на координации действий государств, крупных корпораций и влиятельных международных организаций, имеют низкую эффективность»⁶⁶⁰.

В принципе этого и следовало ожидать, если исходить из социологических и социально-философских доктрин, выдвинутых еще в начале 90-х гг. XX в. Э. Гидденсом, У. Беком, объяснивших глубинные основания в становлении

⁶⁵⁷ Старостин А.М. Современные исследования в глобалистике: поиск путей междисциплинарного синтеза // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9.

⁶⁵⁸ Ильин И.В., Лось В.А., Урсул А.Д. Устойчивое развитие и глобальные процессы. – М.: МГУ, 2015.

⁶⁵⁹ Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. – Ростов н/Д.: Из-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

⁶⁶⁰ Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя. – М.: БИНОМ, 2012. С. 19-20.

новой фазы глобального общества и получивших у Ульриха Бека название «общество риска»⁶⁶¹. По У. Беку идеалом и главной ценностью продвинутой современности выступает безопасность в отличие от классической современности, где таковыми выступали богатство, комфорт, справедливость, равенство. И к доминированию ценностей безопасности как раз и приводит массовый и повсеместный переход человечества к задействованию глобальных ресурсов, сочетаемый, во-первых, с массивными инновационными прорывами в области развития глобальной техносферы и экономики, а, во-вторых, с низким уровнем политической и управленческой координации действий многих макросубъектов, действующих в рамках глобальной среды обитания человечества. Это остро ставит вопросы разработки не только новых концепций экономического, политического, технико-технологического, социокультурного развития, но и их междисциплинарной и мировоззренческой интерпретации.

В графическом плане обозначившаяся дивергенция путей развития общества и их осмысления может быть обозначена следующим образом (см. схему 24).

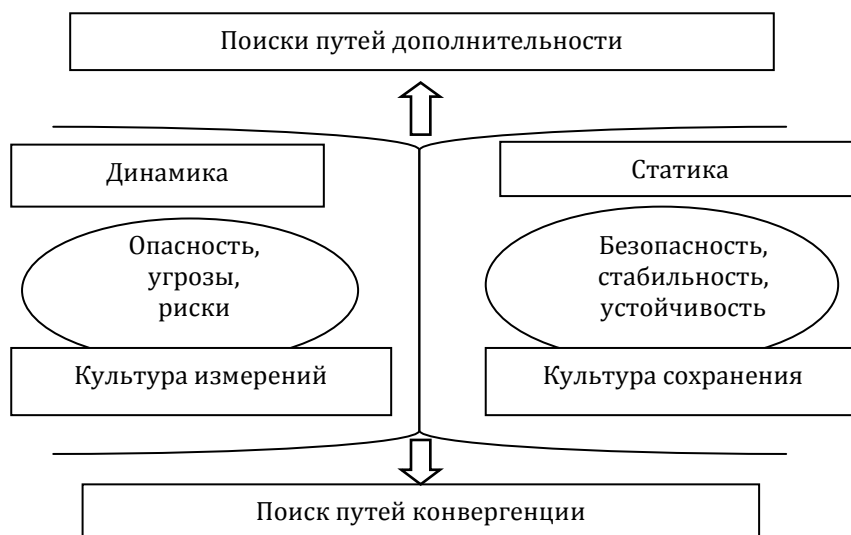

Схема 24. Соотношение основных регистров социального бытия

Особую остроту осмыслению данной дилеммы придает выход на уровень глобальных рисков. К масштабным рискогенным параметрам онтологической природы в условиях современной глобальной динамики следует добавить ряд рискогенных параметров когнитивного и аксиологического

⁶⁶¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

происхождения. Они обусловлены сменой этапов и фаз в развитии науки и когнитивной деятельности в целом. Удобно представить эти параметры, исходящие в первую очередь из трансформационных преобразований науки в виде когнитивной матрицы (см. схему 18 на с. 360).

Что касается аксиологических параметров, то вслед за У. Беком нужно подчеркнуть существенную смену приоритетов в конструировании социального бытия: с ориентации на массовое потребление товаров и услуг, комфорт и благоденствие – на инновационную и когнитивно-информационную деятельность. Если вписывать эту смену ориентиров в мотивационно-поведенческую структуру, то в данном случае речь идет о переходе на более высокие уровни мотивации и интересы, связанные с личностной самореализацией и развитием, поисковой деятельностью в области когнитивной и культурно-образовательной сфер, а также с переориентацией на новые формы капитализации: личностные, когнитивные, кросс-культурные и др.

Резюмируя в предварительном порядке сказанное, подчеркнем то обстоятельство, что изменение масштабирования общества, связанное с его глобализацией, оказалось непосредственно связано с его внутренней структурой и функциональной перестройкой, в результате чего перепозиционировались фундаментальные ориентации социального развития: с локальной и глобальной устойчивости – на риск, изменчивость, глобальную и локальную динамику. Вместе с этим поменялись местами аксиологически-антропологические полюса: с массового удовлетворения базовых потребностей – на массовое удовлетворение высших потребностей (личностная самореализация и развитие, духовное и культурное самосовершенствование). В итоге требует кардинального пересмотра философия и идеология безопасности в таком контексте (метатеоретический, смысловой аспект). А вслед за этим и перекомпоновка теорий среднего уровня и прикладных конструктов.

О версиях философии безопасности

Формулируя в самом общем виде смысловое наполнение концепта «философия безопасности», смысловые предпосылки которого обозначены выше, вычленим его вариативный ряд (схема 25).

Определяя философию безопасности в контексте развернутых процессов глобализации, т.е. в качестве философии безопасности для общества риска, мы не исключаем ее классические варианты, ориентированные на ранние этапы глобализации и даже ее проявления на уровне национально-государственного функционирования и развития. В таком случае речь идет о философии безопасности в обществе устойчивого развития или философии безопасности лиминального (кризисно-переходного) общества.

Можно зафиксировать определенную эволюцию отмеченных философски-прикладных областей буквально на протяжении последних 50 лет.

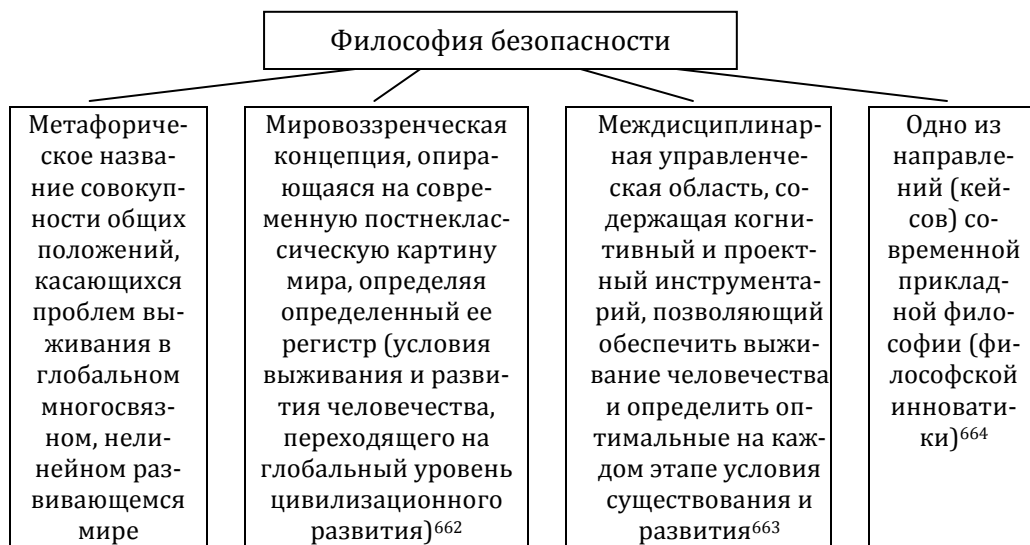

Схема 25. Философия безопасности

Еще в 60-70-е гг. XX в. доминантой в выборе приоритетных моделей социально-экономического развития можно было рассматривать философию безопасности в условиях **устойчивого социально-экономического роста**. С тех времен, пожалуй, лишь Китай сохранил такой общий подход к развитию, что, с одной стороны, вызывает удивление и даже несогласие, поскольку экономика КНР за счет этого занимает все более заметные позиции в мировой экономике. В то же время китайский факт ускоренного экономического роста порождает тревогу о быстром приумножении факторов риска в глобальной эколого-социальной системе.

Начиная с 90-х гг. XX в. вступила в пору философия безопасности в условиях устойчивых глобальных межсекторных балансов и рисков, связанных с их нарушением. Это **доктрина «устойчивого развития»**, которая продолжает доминировать и поныне. Однако ныне возникли значительные сомнения по истечении четверти века попыток ее утвердить. С нашей точки зрения, о чем уже отмечалось выше, зарождается новая философия безопасности

⁶⁶² В качестве ядра такой концепции (регистра ПНКМ) можно рассматривать альтернативную глобалистику (См.: Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Монография / Под ред. А.У. Альбекова, Г.Г. Матишова, А.М. Старостина. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

⁶⁶³ В качестве одного из первых вариантов такого подхода можно рассматривать Концепцию устойчивого развития и весь ее контекст, созданный многочисленными докладами «Римскому клубу».

⁶⁶⁴ См. подробнее: Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

на пороге зарождения *глобальной эволюционной диатропики*⁶⁶⁵. В данном случае речь следует вести о сопоставлении разных моделей глобальной социальной эволюции.

Уже начальный цикл, связанный с применением алгоритма междисциплинарного синтеза, позволяет обозначить основания базовых альтернативных моделей глобализации, о чем мы уже говорили ранее (п. 4.3, схема 10).

Как уже подчеркивалось⁶⁶⁶: более вероятны и перспективны поиски в русле новой антропологической революции, для понимания которой необходим междисциплинарный подход. Институциональная среда в этом случае концентрируется вокруг задач раскрытия человеческого потенциала и эффективности его применения, а также на рисках и угрозах этого уровня функционирования глобального социума (экология человека, а не природы вообще, экономика человека, новая гуманность).

Что касается концепций среднего уровня, которые реализуют более конкретные подходы к пониманию, прогнозированию и проектной деятельности в «обществе риска» на глобальном, макрорегиональном, национально-государственном уровнях, то они репрезентированы в ряде концептуальных моделей: рискологии⁶⁶⁷, данджерологии⁶⁶⁸, секьюритологии⁶⁶⁹ и др. Сами эти модели исходной эмпирической базой имеют политические, финансово-экономические, экологические, военные кейсы. Для примера обозначим наши авторские подходы к репрезентации данджерологии как междисциплинарной области.

О концепциях рискологии среднего уровня. Данджерология

а) *Данджерология* – учение (наука) об опасностях, угрозах и рисках человеческого существования и способах их парирования и минимизации. Термин навеян английской калькой (дейнджер – опасность), но несколько русифицирован, дабы не вызывать ассоциации с мистическими и эзотерическими представлениями и практиками, имевшими место в истории. В данном случае речь идет о рациональном знании в системе по-преимуществу научно-прикладных исследований и разработок (инноваций), имеющих дело с дисфункциональными и деструктивными состояниями в социальных,

⁶⁶⁵ Термин введен известным методологом Ю.В. Чайковским (См.: Чайковский Ю.В. Активный связанный мир. М., 2008. С. 312), под чем подразумевается сопоставление рядов эволюционирующих объектов.

⁶⁶⁶ См. подробнее: Альбеков А.У., Старостин А.М. Глобальная динамика современного мира в контексте смены парадигмы в глобалистике // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). № 3 (59). 2017. Сентябрь. С. 12-23.

⁶⁶⁷ См.: Рэдхед К., Хьюз С. Управление финансовыми рисками. – М.: Экономика, 1996; Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. Управление в нестабильной экономической среде: риски, стратегия, безопасность. – М.: Экономика, 1997; Воронцовский А.В. Управление рисками. СПбГУ, 2004.

⁶⁶⁸ Старостин А.М. Научные и информационные версии данджерологии: когнитивные и ценностно-образующие стратегии // Фактор-А. 2017. № 3.

⁶⁶⁹ Ярочкин В.И. Секьюритология. Наука о безопасности жизнедеятельности. М., 2000.

социоприродных системах и антропогенного характера. Данджерологию можно разделить на секторную и междисциплинарную версии.

б) Обобщения данджерологического характера стимулированы усилением социальной динамики и переходом ее на глобальный уровень.

Как уже отмечалось выше, характерные в этом ключе теоретические разработки связаны прежде всего с концепцией **«общества риска»** Ульриха Бека, выдвинутой в начале 90-х гг. XX в.

Эмпирическая и доказательная база данджерологии

а) Если отталкиваться от политико-управленческих оснований, концентрирующихся на наиболее массовой и острой проблематике государственно-общественных кластеров и их дисфункциональных состояний, то существует подход, выделяющий «отраслевые» государственные политики (См.: Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Качество и успешность государственных политик и управления. – М.: Научный эксперт, 2012. – где выделено 42 «отраслевых» политики) и, соответственно, позиции, которые ведут к угрозам и рискам человеческой жизни, здоровью, безопасности общества и отдельных его подсистем.

б) В сопряжении с этим кластером образуется кластер особых дисфункциональных состояний общества, который на уровне отраслевой государственной политики может быть обозначен как отраслевые сферы национальной безопасности (экономической, продовольственной, военной, финансовой, духовной, информационной и т.д.). Это в итоге излагается в концентрированном виде как концепции, доктрины, стратегии обеспечения национальной безопасности в той или иной области.

в) При полидисциплинарном и междисциплинарном подходах формируются многопараметрические матрицы общественной безопасности⁶⁷⁰, содержащая 25-30 параметров предельно-критических показателей социального развития (ПКПР). В свое время мы сформулировали понятие «коридора эффективности» деятельности административно-политических элит, где, наряду с нижними границами, основанными на оценке рисков и угроз, указываются и высокие оптимальные показатели социального развития, основанные на индексах развития человеческого потенциала (ИРЧП)⁶⁷¹.

г) Под руководством автора в 2003-2016 гг. были защищены 12 кандидатских и 3 докторских диссертации по проблемам национальной безопасности, включающих порядка 10 направлений обеспечения национальной безопасности. Это позволило подготовить основательную научную базу для

⁶⁷⁰ См.: Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. С. 445-446; Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценки предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587-605

⁶⁷¹ См.: Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления (этиологический аспект). – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. С. 134-136.

последующих обобщений в данджерологическом направлении, выстроив также в этом плане философско-прикладной кейс «Философская репрезентация делинкветной деятельности (терроризм, коррупция)»⁶⁷².

д) Одним из важных и репрезентативных было социологическое исследование, проведенное в 2015 г. Под руководством А.М. Старостина и А.В. Понеделкова «Проблемы национальной безопасности: региональный уровень» в более чем 25 регионах страны. Оно позволило сделать вывод о том, что наиболее явно бросаются в глаза общественного мнения не столько отдельные и многообразные угрозы, сколько системный характер угроз, связанных со стабильностью общества и власти, а не действием каких-то отдельных факторов. Хотя в глаза бросается и другое: наименее актуальными в недрах общественного мнения оказываются те угрозы, которым уделяется наибольшее политическое внимание и освещение в СМИ. В наибольшей степени респонденты сосредоточены на проблемах общественной безопасности, снижении угроз и рисков в их повседневной жизни (коррупция, мошенничество, физическое насилие, шантаж)⁶⁷³.

Об информационных версиях данджерологии

Указанные выше сюжеты и примеры в основном относятся к когнитивной сфере: научных и научно-экспертных поисков. Эти поиски научно-дисциплинарного и междисциплинарного характера направлены на установление глубинных факторов и причин дисфункциональных состояний общества. Однако поиски могут идти десятилетиями, а управленческая практика требует ситуативной и краткосрочной реакции. Так появляются информационные (в т.ч. экспертные) версии отраслевой или системной данджерологии. Они основываются на каких-то научных идеях или гипотезах, которые еще не прошли полной апробации. Либо в ход идет повседневный опыт, практические прецеденты, давшие хоть какой-то положительный эффект. Зачастую информационные версии политизируются и идеологизируются в интересах доминирующих или монополюльно представленных политических и финансово-промышленных групп.

Показательный пример из области социальной экологии: эволюция экологических информационных версий типа «устойчивого развития», «озоновых дыр», «парникового эффекта», «глобального потепления», которые односторонне, либо превратно освещали и освещают наблюдаемые глобальные процессы⁶⁷⁴.

⁶⁷² См.: Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 399-412.

⁶⁷³ См.: Проблемы национальной безопасности: региональный уровень. Информационно-аналитические материалы круглого стола. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 5-10.

⁶⁷⁴ Кокин А.В., Кокин А.А. Современные экологические мифы и утопии. СПб., 2008; Городницкий А.М. Тайны и мифы науки. В поисках истины. – М.: ЭКСМО, 2014. С. 394-409.

В работе на когнитивном и информационном уровне с такими сложными явлениями, как терроризм и коррупция, требуется, во-первых, обязательный выход в широкий научный, исследовательский контекст. Это требует специальных усилий и времени. Необходимы научная диагностика, выявление фундаментальных и прикладных аспектов, оценка средовых и кросс-культурных составляющих, опора на современную теорию и практику диффузии инноваций разной природы («белые», «серые», «черные») и направленности.

Во-вторых, полученные научно-когнитивные, глубинно-знаниевые образы требуют разноуровневой образовательной привязки, включая и практико-ориентированные, навыковые и поведенческие компетенции.

В-третьих, как видно на примере быстро сменяющих друг друга информационных версий в данных областях (разного рода доктрины, стратегии, концепции), которые требуют дисциплинированного отношения со стороны исполнителей, которым они адресованы, здесь нужна известная осторожность и опора не только на науку (которая может вести долгий поиск), но и на исторический опыт и здравый смысл. Нигилизма по отношению к директивным документам у нас всегда было в достатке. А вот внимательного отношения к живому опыту недостает.

Как можно было видеть на примере данджерологии, ее наполняемость и рекомендации управленческого порядка существенно зависят от эмпирической базы. В данном случае мы более ориентировались на данные социально-политического характера. Весьма значимыми выступают данные и финансово-экономического характера. В этом случае речь идет о финансово-экономическом аспекте данджерологии (рискологии). Определенную ее версию можно увидеть в уже цитировавшейся выше работе Эрика С. Рейнерта. Собственно этому аспекту и посвящена данная конференция.

Важно при этом не упустить значимость других аспектов данджерологии в решении финансово-экономических проблем.

Выводы

Современный этап глобализации общества обозначил сопряжение человеческой практики с онтологически разнородными уровнями реальности (микро-, макро-, мега-) и создал возможности конструирования альтернативных когнитивных и аксиологических эволюционных стратегий. Это выводит человеческое существование в область мультипликационно-цепных (лавинообразных), мультифуркационных (онтологически многоверсионных) масштабных по последствиям и распределенных в пространстве и во времени возможных эволюционных рядов, а также глобально-циклических рисков и глобальной нестационарности среды обитания.

Вследствие этого возникают принципиально новые проблемы управления нестационарными и нестабильными состояниями и процессами, что

заставляет говорить о философии безопасности в обществе риска. Риск начинает преобладать не только над стабильностью и устойчивостью, но и приобретает онтологически новые проявления. Можно говорить в связи с этим и о смене философских доктрин, ориентированных по-преимуществу на риск и нестационарность, в отличие от устойчивости. К этому необходимо присовокупить качественные изменения в структуре, ценностном и когнитивном контексте человеческой деятельности, которая также становится пронизанной постоянным мотивом инновационного обновления и освоения онтологически нечеловекообразных объектов и процессов.

Философия безопасности, ориентированная на глобальное общество риска, требует не только собственной разработки, но и ориентации на теоретический инструментарий среднего уровня, призванный опосредовать, с одной стороны, трансляцию новых философских интенций в практику. А, с другой стороны, обеспечить обобщение новых опытно-эмпирических подходов и практик.

В качестве таких теорий среднего уровня можно репрезентовать разные варианты междисциплинарного знания: данджерологию, рискологию, секьюритологию и др. Их развитие, ориентированное на изучение и управление основными сферами человеческого риска, приводит к формированию областей прикладных направлений и разработок, таких как военная и политическая рискология, финансово-экономическая рискология, кросс-культурная рискология, социально-психологическая и личностно-ориентированная рискология и др.

Авторская библиография

Старостин А.М., Швец Л.Г. Философия безопасности в глобальном обществе в контексте современной прикладной философии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 6.

Старостин А.М. Философия безопасности в обществе риска // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2018. № 2.

Старостин А.М. Глобальная и глокальная данджерология как междисциплинарное направление / В сб. «Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований: опыт и проблемы». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Конфликтологический потенциал угроз и рисков в сфере национальной безопасности современной России: экспертный взгляд // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1.

Старостин А.М., Понеделков А.В. Россия: социально-политические характеристики безопасности // Власть. 2011. № 10.

4.15. Философия местного самоуправления

Рассматривая проблемы развития местного самоуправления и муниципального управления в современной России, мы сталкиваемся с известной неудовлетворенностью управленческой эффективностью на этом уровне как среди населения, так и среди управленческих кадров. Причины этого многообразны. Они констатируются в многочисленных научных и научно-практических публикациях. В том числе затрагиваются проблемы недостаточной теоретической разработки проблем местного самоуправления (далее – МСУ). А мы подчеркнули бы еще и такой аспект данной проблемы, как неполнота и даже отсутствие философии МСУ, поскольку серьезным концептуальным разработкам предшествует философская рефлексия.

Философия, как известно, рассматривает фундаментальные основания бытия и методы их познания. В какой мере она необходима в столь приземленной сфере, как местное самоуправление, повседневная жизнь и заботы граждан и местных властей? С этим как раз и сталкиваешься, когда меняются основы социального бытия на местном уровне в связи с глубокими формационными сдвигами в образе жизни страны. Когда кардинально меняется хозяйственный уклад и основополагающие ценности, реструктурируется образ жизни, приходят в движение и переселяются на другие территории целые народы, а свой народ уезжает из обжитых мест. Когда, как говорил классик, «все смешалось в доме Облонских», но нужно по-прежнему этим управлять и поддерживать хотя бы элементарный порядок. И когда в существующих теоретических подходах, концепциях не находят опору для конструктивных хозяйственных, социальных, культурных решений.

В истории российского общества такие периоды уже случались. Впервые, когда уже наблюдалось стремление опереться на научно-рациональное мышление, осмысленно-рациональный подход в области проблем МСУ, такое случилось во второй половине XIX в., когда закладывались основы реформы жизни местных сообществ. Отечественная научная мысль 60–90-х гг. XIX вв. активно включилась в процесс теоретического осмысления этих проблем и обосновала масштабные реформы на уровне местных сообществ (Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, А.И. Васильчиков, В.П. Безобразов, А.Д. Градовский, М.И. Свешников, Л.А. Велихов и др.). Не прошел мимо этих процессов в конце XIX в. и русский марксизм, внимательно изучавший крестьянскую общину и нарождающиеся формы самоорганизации рабочего класса.

С этого времени можно говорить о создании начал отечественной философии местного самоуправления. В послереволюционный (после октября 1917 г.) период можно говорить о марксистской социальной философии, исходившей из эгалитаристских организационных и ценностных начал, приведших к концепции самоорганизации трудовых коллективов и территориально-производственных методов организации местной жизни и местного самоуправления.

В наше время, в начале XXI века, применительно к жизни на местном уровне в России пока не сложилась философия местной самоорганизации, местного самоуправления. Точнее, она во многом заимствована из концептуальных построений европейских мыслителей и ученых («гражданское общество», «субсидиарность», «муниципалитет», «частная жизнь» и т.п.), конкретизированных на ценностно-нормативном уровне в «Европейской Хартии о местном самоуправлении», которой вполне соответствует современное российское законодательство и образ мышления российской бюрократии XXI века.

Что касается самого отечественного местного самоуправления, то оно по ряду причин, именно как САМОуправление, практически отсутствует, будучи подменено местным (муниципальным) управлением, которое, в свою очередь, в силу полной зависимости от региональных и федеральных властей по базовым параметрам своего существования (бюджет, ресурсы, влияние административных и правоохранительных структур и др.) фактически выступает в качестве структур власти, подчиненных государственной власти, а не имеющих какую-то самостоятельность и, тем более, зависимость от местного населения. Данная коллизия зафиксирована как на уровне многочисленных социологических опросов населения и муниципальных чиновников, так и на уровне анализа состояния муниципальных финансов и результатов управленческих решений. И здесь стоит коснуться, хотя бы вкратце, как уже отмеченные коллизии отражаются в концептуальных современных поисках и в общественных умонастроениях.

Прежде всего отметим, что в обсуждениях, дискуссиях, связанных с проблемами эффективности местного самоуправления в современной России, на первый план, как правило, выдвигаются вопросы недостаточно развитой финансово-экономической составляющей, экономической базы деятельности местного самоуправления. И в самом деле: абсолютное большинство местных поселений дотируются из регионального и федерального бюджетов. Иначе ни один значимый проект местного уровня не удалось бы реализовать. Таким образом выстроенная структура экономических взаимодействий государства и местных сообществ вольно или невольно программирует модель местного самоуправления не на преобладание принципов субсидиарности, а – на принципы субординации, иерархии.

Проявление этой тенденции на уровне авторитета местной власти четко отметили авторы одного из недавних исследований муниципальных реформ, проводимых на постсоветском пространстве: «В тех сообществах, где местные власти обладают достаточными ресурсами, эффективно решают вопросы местного значения и защищают интересы населения, авторитет местной власти высок и сопоставим с авторитетом институтов государственной власти. В тех же странах, где ресурсы местного самоуправления ограничены (например, в Армении, Грузии, Молдове), у населения укореняется мнение,

что органы местного самоуправления являются лишь нижними звеньями государственной власти, всецело зависимыми от него»⁶⁷⁵.

В данном исследовании Россия не отнесена к числу стран, где ресурсы местного самоуправления ограничены, однако на деле это скорее всего именно так. О чем свидетельствуют и данные опроса, проведенного в феврале–марте 2011 г. Северо-Кавказской академией государственной службы и Ассоциацией муниципальных образований Ростовской области по программе «Отношение населения к деятельности местного самоуправления в сельских поселениях». И с тех пор малоизменившиеся. На вопрос: «На Ваш взгляд, что понимается под местным самоуправлением?» – около 60 % респондентов ответили: «Официальная государственная власть на низовом местном уровне». И менее 9 % понимают под этим «Форму самоорганизации граждан». Но понимание сущности и существующих форм местного самоуправления далеко не во всем зависит от ресурсов, которыми располагает местная власть. У населения, живущего на той или иной территории, имеются собственные, достаточно большие ресурсы, которые многократно превышают те возможности, которыми располагает региональный и местный бюджет, пополняемый из налоговых ресурсов государства. Собственные ресурсы, включая и живую энергию, могут быть подключены для развития местных сообществ, а могут и остаться втуне. Огромным ресурсом местного самоуправления была и остается самостоятельная энергетика и ресурсы граждан. А «размораживание» и использование этих ресурсов зависит от состояния ценностно-мотивационной сферы местного сообщества.

В последнее время в теории и политической практике об этом говорится все чаще. Например, в управленческой теории, в том числе ориентированной на государственное управление и местное самоуправление, интенсивно разрабатывается концепция управления по ценностям⁶⁷⁶.

И в частности, отмечается, что «... у нас господствует экономический материализм, согласно которому все дело в инвестициях, налогах, финансовых институтах, оргструктурах, технологиях... Социокультурные изыскания они считают чем-то второстепенным, невлиятельным. Между тем можно считать доказанным, что затраты и управление бывают эффективными только тогда, когда они опираются на соответствующую ценностную базу, присущую народу, коллективам, личностям»⁶⁷⁷.

⁶⁷⁵ Муниципальная реформа в Российской Федерации. Правовое и экономическое исследование. М., 2010. С. 403.

⁶⁷⁶ Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010; Старостин А.М. Семь «смертных грехов» современной бюрократии и проблемы повышения эффективности государственной и муниципальной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2010. № 3.

⁶⁷⁷ Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010. С. 37-38.

В политической и управленческой практике речь идет о проблеме участия, которая детерминируется прежде всего состоянием ценностно-мотивационной сферы.

Необходимость решения проблемы участия, развития инициативы и активности населения в делах местных сообществ подтверждают данные уже упоминавшегося недавнего опроса. В частности, на вопрос «Считаете ли Вы себя полноправным участником местного самоуправления?» отрицательно ответили более 52 % респондентов. А в качестве основной причины отсутствия возможности повлиять на решения администрации сельского поселения 47 % респондентов указывают на пассивность граждан.

Как растормозить, растормошить, преодолеть пассивность, инертность, а то и тягу к деструкции, дезорганизации в местном сообществе? Думается, что достаточно конструктивные ответы мы найдем в современной теории организации, теории управления, социальной психологии. Но не только там.

Все это и побуждает к формированию современной философии местного самоуправления как области рефлексии, применительно к причинам, формирующим социальное бытие в упомянутых параметрах и состояниях, а также касательно когнитивного процесса, который так и не удастся развернуть с ориентацией на всестороннее познание и понимание структур и тенденций местного бытия. Последняя фраза может быть не совсем понятна. Для ее конкретизации просто приведем один показательный пример. В 70-е гг. XX в. в г. Таганроге Институт социологических исследований АН СССР организовал многолетний многопараметрический мониторинг нескольких сотен домохозяйств, построенный по репрезентативной выборке. Материалы этого эксперимента дали гораздо больше достоверных материалов, чем тысячи статей и десятки социологических опросов, посвященных исследованию социалистического образа жизни.

Выскажем ряд соображений, касающихся формирования области, которую мы назвали философией местного самоуправления. Сразу скажем, что вопросов здесь гораздо больше, чем ответов.

В принципе процесс концептуализации в области данной тематики, охватывающий политологические, правовые, социологические, экономические дисциплины, может разворачиваться достаточно долго, неспешно и стихийно. Между тем, он может быть, с нашей точки зрения, ускорен и скорректирован на более интенсивное междисциплинарное взаимодействие, если будут интенсифицированы философско-методологические и ценностно-философские исследования. И здесь мы бы обратили внимание на возможности новой области анализа – философскую инноватику⁶⁷⁸, понимаемую как сфера концептуальных и проектных разработок междисциплинарного

⁶⁷⁸ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и прагматическом контексте. Монография. М., 2012.

или межпарадигмального вида, осуществляемых с помощью инструментария философской рефлексии.

Анализируя основные подходы и контекст в разработке теории местного самоуправления, с точки зрения философской инноватики, следует обозначить базовые социально-философские, философско-методологические, философско-управленческие идеи и концепты, которые определяют тот или иной вариант теории МСУ.

Собственно вариантов современной теории самоуправления не столь много. Как отмечается в научной литературе, это: политическая теория самоуправления; теория социального обслуживания; теория самоуправляющихся единиц как юридических лиц; концепция дуализма муниципального управления, а также те или иные варианты комбинаций данных исходных концепций⁶⁷⁹. А вот основная категориальная «ось», вокруг которой группируется концептуальная полемика и организуется затем нормативно-правовое и ценностное поле социального проектирования, может быть представлена в различных ипостасях. Чаще всего в качестве такой «оси», определяющей (и концептуально, и ценностно, и практически) построение системы местного самоуправления, выступает категория «государство». Поэтому и концепции, и практика МСУ поляризуются на субординационную (МСУ как неотъемлемая часть государства) и координационную (МСУ как самостоятельная система общественного управления) модели. В качестве компромиссного варианта разрабатывается концепция дуализма МСУ, основанная на принципе субсидиарности (дополнительности)⁶⁸⁰.

Следует обратить внимание на необходимость не только репрезентации взаимоотношений государственной власти и МСУ в ракурсе «властной вертикали», но и на содержательную нюансировку функционирования данной системы.

Прежде всего можно вести речь о содержании основных кратических моделей, которые складываются и в плане эволюции государственной власти в обществе, и в ее современной репрезентации⁶⁸¹: модели правового государства; государства и общества массового потребления; социального государства; постматериального государства и общества (ориентированных на человеческий капитал).

В рамках данных эволюционирующих систем меняются не только взаимодействие и наборы функций государства и МСУ, но основные ценностно-целевые ориентиры, детерминирующие направленность, стратегию функ-

⁶⁷⁹ *Пешин Н.Л.* Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М., 2007. С. 112.

⁶⁸⁰ Там же. С. 115.

⁶⁸¹ *Старостин А.М.* Эффективность государственного управления в контексте современных кратических теорий // Электоральное пространство современной России. Политические науки: Ежегодник. 2008. М., 2009.

ционирования основных подсистем (государство, МСУ) данных систем. Например, вместе с изменением ценностно-целевой направленности государственной власти и управления от политико-административной модели – к концепции государственного менеджмента и государственных услуг – следует ожидать сопутствующих изменений и в системе ценностно-целевых ориентаций МСУ, а также в системе их взаимоотношений.

Следует обратить внимание и на то, что в рамках социально-философского и философско-методологического анализа социологического знания, основных концептуальных подходов к обществу, фиксируются две доминирующих и относительно полярных парадигмы: «В современной социологической науке, несмотря на многообразие теорий, концепций, подходов, доминируют *две основные парадигмы – социологический реализм* (объекты исследования – общество, социальная структура, социальные институты) и *социологический номинализм* (объекты исследования – индивид, личность, человек). Они продолжают существовать и в современной науке, олицетворяя ту или иную методологическую структуру»⁶⁸². И, добавим, не только в социологической науке, но и в других отраслях гуманитарного знания. Скажем, в политической теории данная парадигмальная диспозиция детерминирует дифференциацию концепций демократии и стратегий их реализации на два класса: идентитарные (коллективистские) и конкурентные (индивидуалистические). Более того, данная диспозиция вполне явно просматривается и на уровне общественной психологии. К примеру, современная российская действительность характерна «ножницами» между по-преимуществу идентитарной (общественной) ориентацией общественной психологии и персоналистски ориентированными (приоритет личности) основными стратегиями государственного функционирования и развития.

В последнее 20-летие соотношение идентитарности и персонализма меняется в пользу второго. Однако социальное и политическое качество персонализма при этом остается на самом низком уровне. В итоге общественная, солидарная база, без которой не может конституироваться МСУ, сокращается, из нее уходит собственно общественный интерес, что обуславливает существенные проблемы в становлении современной системы МСУ в России.

В связи с обозначенным сюжетом необходимо отметить еще два существенных момента, детерминирующих конституирование «оси», связанной с категорией «общество». Прежде всего, это категория и концепции «гражданского общества», вокруг которых ныне в России ведется достаточно много споров.

Обращаясь к другим базовым категориям, определяющим местное бытие и местное сознание и управление: «местное общество», «общий интерес», «местное самоуправление» и тенденции его развития, а также учитывая

⁶⁸² Тоценко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 37-38.

специфику современного местного общества, необходимо отметить два существенных момента, детерминирующих конституирование «оси», связанной с категорией «общество». Прежде всего, это категория и концепции «гражданского общества», вокруг которых ныне в России ведется достаточно много споров. Не касаясь самих этих дискуссий (о них речь шла и на наших международных конференциях, организованных при участии Фонда им. Ф. Эберта)*, отметим, что местные сообщества, которые могут рассматриваться в качестве сегмента гражданского общества страны в целом и могут трактоваться как *местное гражданское общество*, что придает важную направленность концепциям МСУ, переключая их внимание с по-преимуществу хозяйственно-организационного – на гражданский и ценностный аспекты.

В качестве другого момента отметим исследования в области многосоставных обществ⁶⁸³, которые призваны не столько типологизировать, упорядочить и унифицировать представление о многообразии существующих локальных и региональных сообществ, сколько дать на этой основе реалистическую картину жизни и развития современных обществ-государств в мире. Причем речь идет не только о многосоставности в смысле политической культуры по А. Лейпхарту, но и о экономически-технологической многоукладности, что более актуально для современной России и что существенно детерминирует параметры первого указанного аспекта многосоставности. Обращение к данному сюжету позволяет выявить сложности и риски в попытках внедрить унифицированную модель МСУ в современном российском обществе. Они (эти попытки) порождают не только формализм, блокирующий полноценную работу внедряемой модели, но и генерируют неформальные (теневые) модели МСУ. Последний феномен требует и обстоятельных обсуждений, и исследований, которые могут быть реализованы прежде всего в контексте категории, консолидированной с категорией «цивилизация».

Обращение к категории «цивилизация», в смысле «локальная цивилизация», позволяет сконцентрировать внимание в области философии МСУ на учете специфики цивилизационного развития российского общества и государства. Сразу оговоримся: смысл термина «специфика» не означает движение российского общества и государства к автаркии, закрытому обществу, в чем часто упрекают известные деятели, как только обозначается тема цивилизационной специфики. Речь идет о бережном отношении к огромному национальному опыту хозяйствования и социальной организации на обширнейших территориях Российского государства, опыте организации взаимоотношений

* Международная конференция «Перспективы гражданского общества в современной России и особенности его формирования в условиях Северо-Кавказского региона». Ростов н/Д., 11–12.09.2002; Международная конференция «Проблемы соответствия партийной системы интересам гражданского общества современной России». Ростов н/Д., 28–29.05.2004.

⁶⁸³ Старостин А.М. Трансформация государственного управления в условиях многосоставного общества // Социальное управление. Вопросы теории и методологии. Ростов н/Д., 2009.

многочисленных народов на этой территории, опыте организации гармоничных отношений с природной средой⁶⁸⁴.

Совершенно не случайно веками выстраивалась и воспроизводилась такая форма российской государственности, как федеративная (многонациональная). Не случайны и многовековые поиски «русской идеи» как основы построения российской государственности на идеократической основе, что характерно для всех локальных цивилизаций. Это поиски, знавшие различные варианты воплощений, но всегда воспроизводившиеся в данном направлении.

Поиск национальной (государственной) идеи идет в России и в современных условиях. Локально-цивилизационная специфика российского общества, проявляющаяся в ментальности и жизнедеятельности всех народов, объединенных Российским государством, основана на культурно-мировоззренческой матрице, отличной от западной и восточных культур и цивилизаций. Мы ранее неоднократно обращали внимание на данные особенности⁶⁸⁵. Данный вектор значим и в разработке политических концепций⁶⁸⁶, и философии МСУ, учитывающей локально-цивилизационную специфику.

Что касается некоторых суждений о том, что местное самоуправление в нашей стране вообще не нужно, а поскольку оно все же введено, то пусть муниципалы со своими проблемами сами и управляют и можно ли «отделить» местное самоуправление от государства?

Можно по этому поводу заметить, что в качестве ключевого критерия различия государственного управления и местного самоуправления выступает категория «общественный интерес»: достаточно четко различаются или могут быть разведены государственно-общественный интерес и местный общественный интерес. Здесь вполне допустима аналогия: есть частные фирмы и корпорации и есть казенные (государственные). Конечно, в процессе развития те или иные сферы интересов могут «перетекать» с местного на государственный уровень и наоборот. Но ничего в этом страшного нет. Плохо, когда происходит огосударствление, в особенности чрезмерное, и бизнеса, и власти.

Местная власть позволяет полнее, конкретнее, оперативней и эффективней реализовать местный общественный интерес. Но государственная власть должна осуществлять надзор, межтерриториальный арбитраж, реализовать на местной территории (с согласия и при участии местной власти) государственные программы и необходимые государственные функции. В этом плане явно напрашивается понятие «муниципального заказа» – ближнесрочного, среднесрочного и долгосрочного – как документа, подготовленного местным сообществом, согласованного с ним и направленного местным

⁶⁸⁴ Еремян В.В. Муниципальная история России. М., 2005.

⁶⁸⁵ Понеделков А.В. Элита. Ростов н/Д, 1995. С. 150-151; Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д, 1998. С. 18-20.

⁶⁸⁶ Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке // Труды IV Всероссийского конгресса политологов. М., 2006.

органам власти для реализации. В таком документе и реализуется местный общественный интерес.

Что касается природы и тенденций развития местного самоуправления, следует подчеркнуть, что самоуправленческая деятельность носит и догосударственный, и внегосударственный характер. В том смысле, что побуждение людей к действиям базируется, как правило, на иных механизмах, нежели государственное принуждение и государственное насилие. Самоуправление опирается на поддерживаемые членами сообщества ценности, традиции и ритуалы, общественное мнение, лидерское влияние. В ходе самоуправленческой деятельности, в силу недостаточности средств принуждения, мобилизации, наказания, контроля, мы встречаемся со значительным числом затруднений и препятствий. Самоуправление требует в качестве необходимого условия значительного внутрисоциального согласия в рамках обозначенных совместных проблем, целей, используемых средств. Существенная часть усилий органа самоуправления концентрируется как раз на поддержке ресурсов внутреннего согласия.

Можно сказать, что самоуправление – это основная форма и действующая модель «общественного договора» – категории, выдвинутой политическими мыслителями европейского Нового времени.

Думается, что в современных условиях значимость самоуправления объективно возрастает, поскольку, прежде всего в развитых странах, да и в развивающихся также, общественная среда становится все более чувствительной к проблемам личности, ее развития, защиты прав и свобод, что более востребует не только методы добровольной и консенсусной самоорганизации, но и накладывает существенный отпечаток на деятельность института государства, что проявляется в разработке и реализации новых моделей его деятельности: «сервисное государство», «отзывчивое государство», «гибкое государство» и т.п. Это во многом сближает действия государственных институтов с институтами местного самоуправления.

В перспективе и в либералистской, и в социалистической, и в анархистской традиции проявляется тяга к переходу от доминирования государственного управления – к доминированию самоуправления.

Что касается социального проектирования, то следует обратить серьезное внимание на исследования в области теории организации, социальной психологии. Как создается крупная организация, корпорация, успешный коллектив, спортивная команда? Это делается с опорой на некоторые общие правила. Прежде всего это выдвижение больших, общезначимых, перспективных целей. Мотивация членов организации на целедостижительные действия. Координация этих действий, обеспечение ресурсами, выявление лидеров (позитивно и негативно настроенных) и точечная работа с ними и т.д.

Если говорить кратко, то без формирования внутренней самоуправленческой культуры (включающей и общие ценности, и навыки, и дисциплину),

без мотивации людей, без выделения лидерской компоненты и без обеспечения доступа к ресурсам (хотя бы из тех, что потенциально есть у местного сообщества) никакого местного самоуправления не получится. Для того, чтобы сделать это не в течение столетий, а за годы и десятилетия, необходима специальная управленческая поддержка. Но не подмена органами государственной власти органов местного самоуправления.

Есть два пути формирования гражданского общества на местном уровне: стихийный (как это происходило во многих странах Европы) и конструктивистский. Стихийный связан с длительным периодом формирования сферы частных интересов и создания устойчивых механизмов их согласования.

У нас еще не сложилась устойчивая сфера частных интересов, и на это уйдут десятилетия. Поэтому и необходим запуск конструктивистской программы, которая в том числе поможет создать и сферу местных гражданских интересов. И, в первую очередь, необходимо создавать «точки кристаллизации» в виде специально подготовленных групп, к которым тянется (или в которые мобилизуется) готовое к сотрудничеству население. Конечно, и местное самоуправление – это не филиал государства. Это орган, который способен диагностировать местные интересы и организовать местное население, включая его собственные материальные и духовные ресурсы, для организации достойной жизни на данной территории.

Резюмируя, подчеркнем, необходимые условия для организации самоуправления – это подготовленный для этого управленческий персонал, кадры (как «центр кристаллизации» местных интересов и целеполагания по их достижению) и выделение достаточных ресурсов (или права на их использование).

Касаясь тенденций развития МСУ, наряду с их цивилизационной природой, нужно отметить на связь эволюции МСУ с эволюцией данного национального государства. В рамках данных эволюционирующих систем меняются не только взаимодействие и наборы функций государства и МСУ, но и основные ценностно-целевые ориентиры, детерминирующие направленность, стратегию функционирования основных подсистем (государство, МСУ) данных систем.

Тем не менее, нужно заметить, что пока даже в формальном отношении, баланс общественных и государственных интересов на уровне МСУ явно смещен в пользу государства. Если же проследить не только формальное, но и реальное наполнение указанных отношений, то данный баланс уверенно эволюционирует в сторону региональных и федеральных государственных властей, что связано со многими детерминантами, но не только с уровнем наполненности муниципальных бюджетов.

Завершая краткий экскурс в область философии местного самоуправления, заметим, что в первом приближении ***Философия МСУ может быть определена как область знаний и представлений об особенностях социального бытия данного общества на местном поселенческом уровне и о методах постижения, познания этого бытия.*** С нашей точки зрения,

разработка философии МСУ должна предшествовать и сопровождать далее разработку концепций МСУ (общих и дисциплинарных), которые далее реализуются и конкретизируются в дирижистских (управленческих, нормативно-правовых) и иных регулятивных разработках.

Несформированность в современном отечественном общественном сознании философии МСУ, как и адекватных природе нашего современного российского общества концепций МСУ не может нас смущать. Мы должны помнить слова одного из основоположников современной теории управления Стаффорда Бира: «Когда речь заходит об управлении, воцаряется странное молчание. Нет ни общего соглашения о существовании такого предмета, как наука управления, ни единодушного мнения, что умению управлять, вообще говоря, можно обучиться. Причина, очевидно, заключается в том, что никто еще не систематизировал опыт, который человечество накопило в области управления»⁶⁸⁷.

При всей завышенности требований указанного автора к управлению мы не должны забывать, что применительно к различным системам, включая социальные, мы нередко отождествляем категорию «управление» с понятиями «руководство», «влияние», «направляющее воздействие», «регулирование», а потом разочаровываемся и критикуем тех, кто «не справился с управлением».

Научить управленцев дифференцировать ситуации с социальными системами по глубине и объему управляемости, а тем более, самоуправляемости, это тоже одна из задач философии местного самоуправления.

Авторская библиография

Старостин А.М. Философия местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3.

Старостин А.М., Понделков А.В., Ляхов В.П. Местное самоуправление в современной России: поиски в теории и практике // В сб.: «Проблемы повышения эффективности местного самоуправления в условиях современных реформ и политических процессов в России». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. А также см. журнал: Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4.

Старостин А.М. Философия местного самоуправления // В моногр. Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Местное самоуправление в контексте философии управления // В сб. «Местное самоуправление в России: итоги реформы и перспективы развития». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2013.

⁶⁸⁷ Бир Ст. Наука управления. М., 2007. С. 7.

4.16. Современные социально-демографические проблемы в контексте различных методологических репрезентаций

Последнее полу столетие было характерно для сферы демографических процессов новыми фундаментальными проблемами и парадоксами. Долгое время казалось, что Россия (от времен позднего СССР – до зарождения новой России) далека от всего этого. Однако бурные политические и социально-экономические трансформации постсоветского периода показали, что это совсем не так, пополнив копилку демографических парадоксов конца XX – начала XXI века. Здесь мы сталкиваемся и с системными демографическими сбоями, и с высокой степенью разбалансированности демографических процессов, связанных с политическими и социальными мегаконфликтами, и с кризисами в сфере социального управления. В настоящее время ощущается острая потребность в обновлении сложившихся подходов к этой проблеме, в апробации нового методологического и методического инструментария в сфере демографии. Остановимся на этом подробнее.

Анализ современных российских и мировых демографических процессов в итоге упирается в необходимость выработки реалистических и действенных рекомендаций по регулированию этих процессов.

А коль очевидно, что демографические процессы затрагивают жизнь и деятельность на много поколений вперед, то речь идет о демографической политике того или иного уровня (региональной, государственной, международной). Нужно подчеркнуть, что общей тенденцией в формировании демографической политики в последние десятилетия (со второй половины XX в.) выступает ориентация во многих государствах мира на научно обоснованный (или экспертно проработанный) социальный конструктивизм. Хотя нельзя отрицать и то, что элементы конструктивизма, желание прямо или косвенно влиять на демографические процессы, конструировать их под политические и экономические потребности государства проявлялись и раньше. Однако рубежным событием в этой области можно, пожалуй, считать феномен «демографического взрыва», когда вначале второй половины XX века, в ходе освобождения от колониализма в десятках государств Азии и Африки начали формироваться социальные институты здравоохранения, существенно повлиявшие на уровень заболеваемости и смертности, в том числе младенческой. А механизмы воспроизводства населения в традиционных обществах остались в прежнем виде, что резко нарушило сложившиеся балансы рождаемости и смертности в десятках государств мира. В итоге население в мире за полвека, начиная с 1950 г., выросло в 2,5 раза, в странах Азии – втрое, и в Африке – вчетверо. Напротив, на Европейском континенте и в Северной Америке рост не превышал 1,5 раза за тот же период.

При том, что демографически существенно расширенная модель в развивающемся мире продолжает действовать и поныне, а в развитых странах воцарилась по-преимуществу суженная модель. В итоге баланс населения в развитых странах по отношению к развивающимся изменился с 1:2 в 1950 г. до 1:4,5 к началу 10-х гг. XXI в. Что приводит к совершенно разнонаправленным демографическим стратегиям в развивающихся государствах (стратегия торможения) и в развитых (стратегия ускорения)⁶⁸⁸.

Политико-демографическая мотивация элит стран «золотого миллиарда» образно описана известным российским этологом В.Р. Дольником: «Совсем иные мотивы у тех, кто в период демографического взрыва на Земле требует стимуляции рождаемости. Кто ратует за это? Националист, ибо для него не своя нация – нелюди, пусть их будет меньше, а своих больше. Милитарист, ибо чем больше детей, тем больше может быть армия, тем больше генеральских мест. И придворный демограф, который обещает за счет прироста рабочих рук заткнуть дыры в экстенсивной экономике. Последний отчасти прав, но он забывает, что в условиях надвигающегося сокращения ресурсов эти руки не на что будет употребить»⁶⁸⁹.

Конечно, в приведенной цитате основные политико-мотивационные подходы схематизированы, огрублены. Но, как известно: «Сказка – ложь, но в ней намек...». Например, основные демографические фобии конца XX в. – начала XXI в. действительно связаны с ресурсными и экологическими границами, которые обозначились в ходе ускоренного расширенного демографического роста («демографический взрыв»). Эта проблема в научном, идеологическом, политическом форматах вызывает основные дебаты в области регулирования глобальных и региональных демографических процессов.

Исходя из сказанного, констатируем, что в современных государствах мира наблюдается 3 основных типа демографических процессов:

- 1) расширенного воспроизводства населения;
- 2) нулевого роста населения;
- 3) суженного демографического (или депопуляционного) развития.

А что в России? С нашей точки зрения, они порождают различные модели демографической политики, в зависимости от модели властной миссии и социально-экономического уровня развития государств⁶⁹⁰.

Заметим, что в современной социально-политической и экономической литературе принято апеллировать прежде всего к социально-экономическим механизмам и факторам демографического роста и воздействиям

⁶⁸⁸ См.: Россия в полицентричном мире. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011. С. 135-137.

⁶⁸⁹ Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. – СПб-М.: Петроглиф, 2013. С. 324-325.

⁶⁹⁰ См. об основных кратических моделях и властной миссии государства: Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: URSS, 2012. С. 191-193; Атоян Ш.М. Властная миссия государства: современные проблемы. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

на них, что и отражается прежде всего в государственных стратегиях, концепциях, правовых актах, призванных регулировать демографические процессы на государственном и региональном (местном) уровнях⁶⁹¹. Это известные меры социальной поддержки работающих женщин и семей социально-экономическими мерами (развитые страны)⁶⁹². Либо же, если у государства недостает ресурсов, а наблюдается значительный демографический рост, то осуществляются меры социального и экономического сдерживания этих процессов⁶⁹³.

Важно подчеркнуть, и в этом В.Р. Дольник абсолютно прав, несмотря на приведенные им утрированные корреляции, что в значительной мере за современными макроэкономическими и макросоциальными решениями в области демографии как правило просматривается достаточно явный макрополитический контекст, что позволяет понять и облегчить политическую мотивацию социально-демографических решений. К этому стоит добавить новые позиции политического порядка, вытекающие из анализа современных социально-демографических процессов, о которых ранее было известно лишь в общих чертах, гипотетически.

Например, «Американский демограф Ричард Синкотта, проанализировав возрастной состав населения в странах, где с 1972 по 1989 год произошли революции, утверждает, что исход революции и строй, который после нее установится в стране, зависит от возраста населения. Синкотта использовал показатель, называемый медианным возрастом. Это такой возраст, старше и моложе которого в стране имеется одинаковое количество людей. Все страны, где в момент революции медианный возраст составлял 25-35 лет, как правило, пришли к демократии. Девять из десяти стран с медианным возрастом ниже 25 лет после революции скатились обратно к недемократическому режиму. Если медианный возраст выше 35 лет, то революция чаще всего не происходит»⁶⁹⁴.

В итоге анализа приведенных подходов нам кажется вполне правомерным говорить о кратическом контексте демографической политики. В чем он проявляется?

1. В обществе, где доминируют авторитарные политические институты и ценности, население рассматривается элитами, властью как объект воздействия и манипулирования. Поэтому роль субъекта (порой «всемогущего») отводится власти, властным элитам и институтам, берущим на себя всю ответственность за происходящее в социальной среде и исключаящим участие граждан и общественных организаций, за выбор направлений

⁶⁹¹ Социальное знание на службе российского общества. – М.: Наука, 2010. С. 257-266.

⁶⁹² См.: Государственная и муниципальная социальная политика. – М.: КНОРУС, 2011. С. 456-461.

⁶⁹³ Государственная и муниципальная социальная политика. – М.: КНОРУС, 2011. С. 456-461.

⁶⁹⁴ Возраст демократии // Наука и жизнь. 2012. № 10. С. 53-54. Для справки: медианный возраст населения России ныне составляет 38 лет; в 1991 г. составлял 33 года, а в 1917 году составлял до 25 лет.

и осуществление социальной (в т.ч. демографической) политики. Это **авторитарно-бюрократическая модель** властвования, которая порождает авторитарную и патерналистскую демографическую политику. Она может приносить кратковременные регуляционные эффекты, но чаще всего идет «вслед за событиями» и склонна выдавать за действительное – желаемое.

2. В обществе, где наблюдается паритет властно-бюрократических и рыночно-корпоративных институтов получают развитие институты гражданского общества и культивируются функции правового государства, получает развитие **социально-экономическая модель демографической политики**.

3. В обществе, где устанавливается паритет властно-бюрократических, рыночно-корпоративных и гражданских институтов, формируется социальное государство и получает развитие модель демографического развития в рамках роста человеческого капитала.

4. В обществе, где властно-бюрократические институты ориентированы на сохранение и консервацию традиционных ценностей, разделяемых большей частью населения, культивируется цивилизационная модель демократического развития.

5. В обществах, где властно-бюрократические и корпоративные институты и институты гражданского общества ориентированы на либерально-демократические ценности, формируется многоверсионная (дисперсная) модель демографических процессов, сохраняющая минимальный пакет социальной защиты.

В условиях современной России мы наблюдаем сочетание (композицию) 1 и 4 моделей, что обусловлено и доминированием властно-бюрократических институтов, и достаточно быстрым сползанием общества к системе традиционно-консервативных ценностей, в особенности в этнически-гомогенных регионах (Юг страны, республики Поволжья и Сибири).

У нас доминирует композитная многосоставная модель, обусловленная еще и значительным социально-экономическим неравенством регионов и базовых слоев населения, что препятствует переходу на более прогрессивные модели демографической политики (модели 2; 3). А это, в свою очередь, не дает возможности уйти от повышенных макродемографических рисков⁶⁹⁵ и их социально-политических последствий, влияющих на социально-политическую устойчивость страны.

Общепризнанным с точки зрения экспертных оценок является констатация длительного и продолжающего свое развитие демографического кризиса

⁶⁹⁵ См.: Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценки предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управление социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587-605; Осипов Г.В., Локосов В.В. Пределы падения // Осипов Г.В. Социология и политика. М., 1995. С. 556-568.

в современной России. Такое состояние характерно для многих развитых стран, где за последние годы сложилась депопуляционная ситуация. Но для России по многим оценкам «демографический кризис произведен от управленческой деятельности государства, он рукотворен и потому может и должен быть обращен»⁶⁹⁶.

Современная государственная власть прилагает в последние годы значительные усилия и ресурсы к выходу из кризиса, оценивая их эффективность как значимую. В самом деле, в начале 90-х гг. сформировалось и нарастало «демографическое пике» (естественный прирост в расчете на 1000 чел. изменился с 2,2 в 1990 г. – до -5,9 в 2005 г.⁶⁹⁷), вплоть до середины 10-х гг. XXI в. С 2006 г. ускорение поменяло знак и привело к еще отрицательному, но значительно уменьшившемуся сокращению до -1,7 в 2010 г., и к нулевому показателю в 2012 г.

В немалой степени этому способствовал план мероприятий на 2011–2015 гг. по реализации «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁶⁹⁸.

Однако, не являются ли суждения экспертов-демографов об эффективности в этой сфере поспешными? Что нужно предпринять для закрепления наметившихся положительных тенденций?

Ввиду сложносистемного характера демографической проблемы в России, в первую очередь следует обратить внимание на методологический инструментарий ее исследования и репрезентации.

При анализе современных демографических процессов явно обозначаются различные базовые методологические подходы. Прежде всего следует указать на доминирование объективистской методологии, базирующейся на натуроцентрической научно-исследовательской программе⁶⁹⁹. Современные демографические исследования, основывающиеся на ней, задействуют прежде всего результаты социальной статистики, характеризующие процессы прироста и убыли населения, рождений и смертности; возрастные когорты населения – их соотношения и сдвиги; этнонациональные и региональные вариации; обращается внимание на миграционные составляющие и т.п.

Субъективистская методология, базирующаяся прежде всего на культуроцентрической научно-исследовательской программе⁷⁰⁰, обращает внимание на ценностно-мотивационные факторы, идентичность, социальное

⁶⁹⁶ Национальная идея России. В 6 т. Т. III. – М.: Научный эксперт, 2012. С. 1955.

⁶⁹⁷ См.: Российский статистический ежегодник. 2011. М., 2011. С. 84.

⁶⁹⁸ См.: Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 // СЗ РФ. 2007. № 42.

⁶⁹⁹ См.: *Старостин А.М.* Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М., 2012. С. 40.

⁷⁰⁰ Там же. См. также: *Швец Л.Г., Старостин А.М.* Мотивационная составляющая эффективности местного самоуправления // В сб. «Эффективность самоуправления муниципальных образований городских и сельских поселений (опыт России и Германии)». Ростов н/Д., 2011.

и личностное самочувствие, связанные с общественными и индивидуальными стереотипами и новациями в демографических процессах.

Эти показатели могут существенно не совпадать с потребностями, интересами и исходящими из них планами государства и общества. Причем, государство и общество педалируют на экономические, оборонные, массовые потребительские и социокультурные запросы, которые исходят из значимых угроз национальной безопасности, необходимости поддержания инерционного (устойчивого) развития социальных систем, необходимости удержания и освоения территорий проживания, факторов экономического роста и т.п. В то же время перечисленные факторы политического и макро-социального порядка могут дестабилизировать устой семейного бытия, создавать коллизии, препятствующие или сдвигающие сроки создания семьи, сопутствующие ее нестабильности.

Бросается в глаза именно методологическая асимметрия в обсуждении и конструировании ситуаций, существенно влияющих на демографическое воспроизводство. Объективистский подход более ориентирован на запросы государства и общества в целом. Он более прост и проработан в инструментальном плане. Он также характерен настроенностью на макроуровень демографических процессов и выстраивается по принципу приоритетов в системе: «государство – общество – личность».

Субъективистский подход характерен для демографического микро- и мезоуровня и в современных условиях выстраивается по принципу приоритетных интересов в системе: «личность – общество – государство».

А каково в связи с этим самоощущение населения? Ведь это немаловажная составляющая в оценке современной демографической ситуации. Общество, выступающее как объект демографической политики, должно само высказываться на сей счет. Мы поставили задачей выявить показатели общественного мнения применительно к российской демографической политике и соотнести их с объективными статистическими показателями. В этих целях в январе-феврале 2014 г. был проведен опрос населения в ряде регионов России по теме «Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России».

Мы приведем ключевые показатели этого опроса, касающиеся состояния и изменений в демографической ситуации⁷⁰¹. Прежде всего, как оценивается современная демографическая ситуация?

В общественном мнении ее оценочный баланс на уровне страны отрицательный: соотношение мнений респондентов, считающих ее «безусловно, благополучной» и «скорее благополучной» к сумме мнений, состоящих

⁷⁰¹ Подробнее об этих данных можно судить на основе материалов информационно-аналитического сборника «Современные социально-демографические процессы в общественном мнении». – Ростов н/Д.: Дониэдат, 2014.

из позиций «скорее кризисная» и «безусловно, кризисная», почти равняется 1:2 (32,02 % к 59,17). То же характерно и применительно к региону проживания (21,68:56,63).

Это связано прежде всего с тем, что изменения пока мало заметны, а предлагаемые меры, направленные на улучшение демографии, пока «не поражают воображение». В целом же, в динамике за последние 5 лет изменения, фиксируемые на уровне общественного мнения, колеблются почти в равных пропорциях в рамках позиций: «ситуация ухудшилась», «ситуация улучшилась», «ситуация не изменилась». Это, скорее говорит в пользу наметившихся положительных, хотя еще и не очень заметных изменений. Это показывают и оценки современной демографической политики. На вопрос: «Как Вы считаете, насколько эффективна государственная демографическая политика, проводимая в стране, в целом?» получены следующие ответы (табл. 11):

Таблица 11

Вопрос	% ответов
1. Полностью эффективна, приносит ощутимые результаты.	3,6
2. Скорее эффективна, результаты есть, но необходима доработка.	46,97
3. Скорее неэффективна, результатов практически нет.	27,65
4. Абсолютно неэффективна, нет никакой пользы.	9,04
5. Затрудняюсь ответить.	12,69

Конечно, важное место в улучшении общественных оценок занимает своевременное и полное информирование населения о достигнутых результатах. Его очень недостает. О принимаемых мерах граждане информированы очень слабо. Однако в абсолютном большинстве каждый судит по тому что он видит и знает. И более 70 % респондентов указывает на то, что предлагаемые меры бюджетной, административной, правовой поддержки демографической политики в стране недостаточны для заметных изменений в этой сфере. А на уровне регионов эта цифра еще выше. Часть граждан (более 10 %) указывают на психологические факторы, уже сложившиеся стереотипы в репродуктивных установках граждан. Это требует усилий по их изменению, поскольку изменения установок – это существенный резерв в повышении эффективности демографической политики.

Интересны мнения граждан о значимых «точках роста» в демографической политике. Они таковы: «повышение рождаемости коренного населения России» – 51,3 %; «сокращение смертности в России» – 25,7 %; «прекращение утечки русского населения за рубеж» – 10,8%.

Что касается активизации миграционных ресурсов, на что, если не делают ставку, то не препятствуют этому прежде всего в крупных городах, то

эти меры непопулярны и их поддерживает лишь 3,6 % респондентов. Поэтому к данной мере, если мы рассчитывали на поддержку гражданского общества, прибегать нужно крайне сдержанно, дабы не «разбудить спящую собаку» национализма. Тогда – точно будет не до демографии.

Одновременно граждане в целом негативно относятся к восстановлению «налога на бездетность» и в целом позитивно оценивают государственные меры посредством выделения «материнского капитала».

Для нас было также очевидно, что серьезно изменить демографическую ситуацию только путем «спецмероприятий» очень трудно и затратно. А вот активизация социально-экономической политики и усиление факторов «самопомощи» граждан, когда они смогут за счет собственных семейных ресурсов прийти к реализации собственных демографических и репродуктивных потребностей, может выступать как основной вектор эффективных демографических изменений.

На эту мысль наталкивает самооценка своего нынешнего материального положения граждан. Ведь более 36 % из них оценивают его, как «бедственное» и «едва сводим концы с концами». Иначе говоря, никаких ресурсов для развития полноценной семьи не имеющих. А ведь большая часть этого слоя – молодежь в репродуктивном возрасте.

Очевидно, что прежде всего современный социально-экономический статус граждан приводит их к сдержанно-оптимистическому и скептическому взгляду на демографические изменения ближайшего будущего. Вот ответы на соответствующий вопрос (см. табл. 12).

Однако субъективистский подход может быть развит за счет задействования нового методологического инструментария.

Таблица 12

*На Ваш взгляд, как изменится демографическая ситуация
в течение ближайших 5 лет в стране?*

Варианты ответов	Ответы в %
1. Не изменится	35,4
2. Улучшится	21,66
3. Ухудшится	16,63
4. Затрудняюсь ответить	26,31

в регионе

Варианты ответов	Ответы в %
1. Не изменится	35,41
2. Улучшится	21,01
3. Ухудшится	18,29
4. Затрудняюсь ответить	25,29

Развитию в плане конкретизации и дифференциации субъективистского подхода, где доминируют ценности, мотивы, интересы, поведенческие характеристики, способствует гендерная «система координат». В ее рамках приходится изучать и считаться с ценностно-мотивационными особенностями, различиями и противоречиями, обусловленными гендерной позицией основных субъектов (а не только гендерным неравенством). И если такая «система координат» текстуально или контекстуально не заложена в общественно-государственные оценки, расчеты и решения, то реальное положение дел может сильно расходиться с желаемым и общественное благо не воспринимается таковым основными субъектами демографического процесса. А также эти субъекты выстраивают свою линию (или линии) поведения, в итоге не вписывающиеся в общий тренд демографических ориентиров.

Например, по данным социологических опросов и их сопоставлению с демографической статистикой, общее число многодетных семей в современной России пятикратно уступает числу желающих иметь таковую. Но общество и государство по-прежнему львиную долю инноваций направляют на поддержку малодетных семей, не концентрируя усилия на поддержке глубоко мотивированных на расширенное воспроизводство населения.

Другой пример: быстро растет число женщин, рожаящих детей вне брака и число неполных семей (до 30 % и более от общего числа семей), что уже в скором времени приведет к превышению их числа по отношению к мотивированным на полную семью. Однако в общественном мнении, в высказываниях ряда «отцов церкви» это стремление женщин самореализоваться в роли женщины-матери во что бы то ни стало, не находит поддержки. Государственная помощь женщинам-матерям, объективно способствующим поддержанию воспроизводственных демографических процессов, совершенно недостаточна.

Не углубляясь далее в исторические экскурсы, отметим основные демографические тенденции и базовые ситуации, которые в современной России последних 20 лет порождены прежде всего недооценкой и незнанием факторов социальной мотивации, самочувствия, социально-психологического диссонанса и последствиями социальных стрессов. Это ситуации, уже обозначенные и достаточно известные с объективистских позиций: «демографический крест», «демографическое сжатие (убыль)», «демографическая геронторизация (постарение)», «снижение демографического качества», «демографическая демотивированность (неустойчивость семьи)», «демографическое отчуждение (разведение функций семьи и брака и рождения и воспитания детей)», «демографическая диаспоризация» и т.п. Однако данные ситуации не осмыслены с субъективистских позиций и не переведены в инструментальный план.

В этом отношении гендерный подход привлекателен тем, что рекомендует дифференцированно подходить к описанию, толкованию, пониманию базовых социальных ролей, выполняемых в обществе мужчинами и женщинами. Что касается демографических проблем и ситуаций, то здесь

такая дифференциация сказывается гораздо глубже и серьезнее, нежели в реализации экономических и профессиональных, управленческих и политических ролей и функций.

Следует подчеркнуть, что по мере развития общества меняются и общечеловеческие приоритеты, и гендерные параметры поведения, устанавливаемые обществом. В XX в. это нашло отражение в гендерной революции. В начале XXI в. в рамках современной гендерологии находит отражение мысль не только об эмансипации женщин, всё более глубокой и разноплановой, но и о реструктуризации общества на основе гендерных приоритетов. Так, известный гендеролог Кэролайн Мозер подчеркивает, что женщины так или иначе включены в следующие базовые виды деятельности:

- производственная деятельность;
- воспроизводственная (репродуктивная) деятельность;
- деятельность по поддержанию социальной интеграции (в рамках локального сообщества или социальной группы).

Что касается мужчин, то их деятельность, как правило, ограничивается выполнением лишь двух видов – производственной и интеграционной⁷⁰².

Касательно же ряда аспектов интеграционной деятельности, то как подчеркивает Лина Шлёссер, «деятельность по поддержанию социальной интеграции локального сообщества и социальной группы (семьи) практически никогда не попадает в сферу экономики и политики. В этот вид деятельности входит организация мероприятий (праздники, встречи, благотворительная деятельность). Этот вид деятельности тоже характеризуется четко выраженным разделением труда, где больший вклад принадлежит женщинам»⁷⁰³. И далее, с акцентом на второй вид деятельности: «В результате недооценки репродуктивного труда подвергается угрозе дальнейшей девальвации и коммерциализации – психическое, культурное и физическое воспроизводство населения. От этого страдают не только женщины, но и мужчины. И это влияет на демографическую ситуацию в целом»⁷⁰⁴.

Заявленный здесь подход гораздо ближе к требованиям субъективистской методологии – не адаптировать к нормам и ценностям, сложившимся в обществе, поведение мужчин и женщин путем гендерного выравнивания, а менять социальные приоритеты и отношения с учетом гендерных особенностей. Пока у нас доминирует первый, социально-адаптивный подход. Он сквозит в исследованиях и рекомендациях, специально ориентированных на гендерную специфику⁷⁰⁵.

⁷⁰² Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М., 2002.

⁷⁰³ Шлёссер Лина. Демографические проблемы немецкого общества: гендерный аспект // Гендерные отношения в социокультурной среде. – Ростов н/Д.: ЮФУ, 2013. С. 284.

⁷⁰⁴ Там же. С. 285.

⁷⁰⁵ Филimonкова С.А. Гендерные отношения как составная часть социально-демографической политики // Государственная и муниципальная социальная политика. Курс лекций. М., 2011. С. 508-526.

Что же следует предпринимать для реализации другого более сильного, с точки зрения социального конструктивизма, гендерного подхода? Речь идет прежде всего о более глубоком изучении и понимании гендерных различий прежде всего в ценностно-мотивационной и поведенческой сфере с прицелом на мотивы более адекватной гендерной самореализации.

Попробуем кратко описать эти различия в виде таблицы (табл. 13).

Таблица 13

Ценностно-мотивационные различия в современных семейно-демографических установках мужчин и женщин⁷⁰⁶

Вид установки	Мужчины	Женщины
1. Воспроизводство семьи, рода	Доминирует установка на демографическую (родовую) самореализацию	Доминирует установка на стабильную семью, «семейное гнездо», длительные эмоциональные отношения
2. Выполнение семейной роли	Установка на ролевое семейное доминирование, экономическую роль «кормильца», вспомогательные роли в ведении семейного хозяйства	Установка на ролевую семейную паритетность, ведущие роли в ведении домохозяйства, социокультурное семейное доминирование («воспитатель»)
3. Личностно-демографический идеал, программа семейного воспроизводства	Установка на 1-2 ребенка в семье, включающая обязательное рождение мальчика («наследника»)	Установка на 2-3 и более детей, включающая рождение девочки или на гендерную паритетность
4. Установка на соотношение семейной, профессиональной, личностной роли в развитии семьи	Приоритет в профессиональной реализации и подчиненное выполнение других ролей	Приоритет семейной роли, подчиненное выполнение других ролей
5. Основной гендерный мотив личностной самореализации	Установка на презентацию мужской состоятельности продолжателя рода	Установка на реализацию материнской роли

⁷⁰⁶ Кон И.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей. М., 2009; Кон И.С. Мужчины в меняющемся мире. М., 2009; Кон И.С. Отцовство как социокультурный феномен // Педагогика. 2005. № 9; Василец Т.Б., Романова Н.В. Мужское и женское в структуре личности. Ростов н/Д., 2002.

Приведенная совокупность базовых семейно-демографических установок может быть еще дополнена, но и, исходя из приведенных позиций, видно, что существенная гендерная асимметрия выступает реальностью, обусловленной не только факторами социального пола, но и более глубокими социально-биологическими программами. Конечно, в различных социально-экономических и социокультурных условиях приведенные гендерные различия либо стереотипизируются и становятся более рельефными, либо сглаживаются, благодаря поддержке со стороны государства и общества и развитию эмансипационных тенденций. В то же время само по себе сглаживание гендерных различий в семейно-демографической сфере иногда служит сдерживающим механизмом в восстановлении полноценной семейно-репродуктивной функции.

К этому стоит добавить, что развитие инновационной сферы в области человеческой репродукции возрождает у части общества надежды на возобновление некоторых евгенических проектов («новые амазонки» и зеркальная по отношению к ним ситуация – суррогатное материнство, услуги по искусственному оплодотворению, использование потенциала генной инженерии и современной медицины по восстановлению репродуктивных функций и коррекции наследственных заболеваний и т.п.), хотя это не всегда совместимо с доминирующими антропологическими и гуманистическими ценностями.

Все же применительно к России напрашивается комплекс мер в семейно-демографической области, уже апробированных в ряде стран Европы (Германия, Норвегия, Финляндия, Швеция), которые выравнивают личностные возможности и соотношение основных гендерных ролей мужчин и женщин, не деформируя их «естественные» проявления, а поддерживая и создавая условия и ресурсы для более эффективного и эмоционально-мажорного их выполнения. Следует указать на ряд таких мер: выплата не только единовременных, но и ежемесячных пособий малообеспеченным семьям с детьми до 8-10 лет, пролонгированный оплачиваемый отпуск по уходу за малолетними детьми, сокращенный рабочий день и дополнительный отпуск для родителей в многодетных семьях; льготная система кредитования и страхования многодетных (3 и более ребенка) семей, дополнительное пенсионное обеспечение для женщин, воспитавших 3 и более детей и т.п. Как отмечают специалисты, эти меры дали свой позитивный демографический эффект и: «Во многих странах Западной и Северной Европы после периода повышения рождаемости не произошло ее заметного снижения»⁷⁰⁷.

Мы бы добавили к этому еще один аспект: произошло еще и приращение в ценностно-мотивационной сфере, охватывающей ее высшие уровни – уровни личностной самореализации и духовности, поскольку полнота человеческого бытия и в целом, и в гендерной проекции не может состояться без реализации в семейно-репродуктивной сфере.

⁷⁰⁷ Социальное знание на службе российского общества. М., 2010. С. 253.

Авторская библиография

Старостин А.М. Социально-демографические проблемы в контексте различных методологических репрезентаций / В моногр.: Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Современные социально-демографические проблемы и конфликты в контексте различных методологических репрезентаций // Конфликтология. 2014. № 2.

Старостин А.М. Демографические процессы и демографическая политика в контексте различных кратических моделей // В сб. «Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

Старостин А.М., Понделков А.В. Миграционные процессы в южнороссийском контексте // Мир и политика. 2009. № 1 (28).

4.17. Философия исторического образования

Представляемые суждения навеяны дискуссиями, прошедшими в Центре политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета в рамках научных конференций на тему: «Проблема проработки советского прошлого» (23-24 марта 2013 г.) и «Наследие коммунистического прошлого в современной жизни России и российские перспективы левого движения» (18-19 мая 2013 г.). Проблемы, представленные на обсуждение конференции «Проблема проработки советского прошлого» вызвали у меня интерес не только как у ученого, философа, претендующего на новации в философско-методологической сфере («философская инноватика»), но и как у эксперта в области политики, который, работая в Президентской академии, должен предлагать определенные рекомендации в политико-управленческой сфере. А также как у гражданина, погруженного в очень сложный, конфликтный социально-исторический ценностно-смысловой контекст усилиями СМИ, политтехнологов, партийных идеологов и общественных деятелей нашего времени – Времени, как долгое время говорили, транзита. А ныне социально-политическая лексика обновляется и говорят не о трендах, а о турбулентности и лиминальности.

Сразу же хочу напомнить, что известным русским поэтом Александром Полежаевым применительно к нашему Отечеству, которое время от времени попадает в зоны турбулентности и лиминальности, уже 200 лет назад были высказаны поэтически образные, но очень точные, касательно отношения к нашему историческому прошлому, слова:

Была страна под небесами,
Была великая страна –
Страна чудес, ... но времена
Враждуют страшно с чудесами!

Понятное дело, что ностальгическое представление о «стране чудес» значительно усиливается и охватывает большие массы людей в периоды разорительных и мучительных социальных преобразований и сразу после них. В XX веке эти потрясения накрывали Россию трижды: страшная волна Первой мировой, Гражданской войн и иностранной интервенции; не менее опустошительная волна Второй мировой и изматывающей «холодной» войны; и, наконец, современный период, начавшийся с Перестройки и все еще идущий по сценарию – траектории, которые в конце 80-х годов метафорически были обозначены как: «перестройка – перестрелка – перекличка». В каждом таком водовороте вряд ли уцелело бы какое-либо еще государство. А Россия была в центре, в воронке. Еще в начале 20-х гг. XX в. знаменитый Герберт Уэллс, много размышлявший о прошлом и будущем человеческой цивилизации, писал: «К 1920 г. Россия являла собой еще невиданное до сих пор зрелище современной цивилизации, пришедшей к полному краху»⁷⁰⁸. И еще, о конце периода, связанного с Первой мировой войной: «Вследствие ее было убито множество людей. Мир обеднел, все страны пришли в расстройство, а Россия была совершенно разорена»⁷⁰⁹. А впереди были еще не менее двух разрушительных потрясений. В итоге все «скелеты в шкафу», которые в развитых странах хранят, а то и лелеют столетиями, в России выбрасывались на общее обозрение по меньшей мере трижды. Перемешались все их кости и имена их хранителей. Неоднократно злодеи становились героями, а герои объявлялись злодеями. По многу раз переименовывались города, улицы, да и страна в целом. Менялись праздники. Горели и исчезали по несчастью или умыслу архивы и миллионы документов и свидетелей. А смысловые ключи к пониманию множества документов утеряны или находятся на грани утери. И это не меньшая проблема, чем ключи к пониманию древних культур.

Я говорю об этом постольку, поскольку число идеологизированных и политизированных историков у нас не стало меньше. И хотя мы за короткое время смогли освоить немалое число новых для нас доктринальных и документальных исторических источников, но историческое профессиональное и массовое сознание не поднялось на новый уровень.

Даже известные авторы, претендующие на объективность, слишком спешат с итоговыми выводами, не давая себе труда «отремонтировать» старую машину по производству исторических знаний. Вот небольшой фрагмент из научно-публицистической 700-страничной книги известного историка

⁷⁰⁸ Герберт Уэллс. История цивилизации. – М.: Астрель, 2011. С. 452.

⁷⁰⁹ Там же. С. 453.

Роя Медведева. Резюмируя сказанное на этих страницах, он подчеркивает: «Одни авторы перечисляют только достижения, другие только пороки советской модели социализма. Следует быть более объективными. Советский Союз был уникальным государством с необычной общественной системой. Многие цели и задачи, которые ставились перед нами в программах КПСС, были не только разумными, но и благородными. Однако этими целями нельзя было оправдать примененные лидерами КПСС порочные или даже преступные средства. Такие средства не только дискредитировали цель, но и делали ее недостижимой»⁷¹⁰.

Интересное суждение, в особенности относительно преступности средств. Особенно интересное, если более четко соотнести в историческом времени благие намерения и «преступные» (с чьих-то оценочных позиций – чьих спрашивается?) средства. Получается, что периоды наибольшего задействования «преступных» средств давали наиболее существенное продвижение к благим целям. Иными словами, можно доказывать (и это, разумеется, делается другими, не менее известными историками) противоположную теорему. Но самое главное, что ни те, ни другие, не предлагают новые фундаментальные концепции, которые помогли бы углубить наше понимание собственной (и не только) истории. Гораздо ближе к истине стоят представители науки, опирающиеся на ироничный фольклор, например, такой:

– Первое правило переходного периода истории: на каждого историка найдется историк такой же величины с противоположным мнением.

– Второе правило переходного периода истории: и оба они неправы.

Но какая же дорога ведет к «Храму исторической истины?» – Ответ на данный вопрос не прост, и он связан с реконструкцией эволюции системы исторического познания. А коль скоро мы выходим на вопросы, связанные еще и с историческим образованием и распространением исторических знаний, то – с углубленным их изучением, причем сопряженным с развитием исторического познания.

В этом плане весьма значимо и поучительно использование «метода Ферро».

Как известно, Марк Ферро – авторитетный французский историк, представитель знаменитой историографической школы «Анналов» и соредатор одноименного журнала. Специализировался в 60-е гг. XX в. на советской истории, защитив докторскую диссертацию о русской революции 1917 г. С начала 80-х гг. XX в. широко известна его книга «Как преподают историю в разных странах мира» (В нашем переводе – «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» – издание 1992 и 2010 гг.⁷¹¹). Он показал исключительную роль исторического образования и деятельности СМИ

⁷¹⁰ Рой Медведев. Советский Союз. Последние годы жизни. – М.: Астрель, 2011. С. 634.

⁷¹¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Книжный клуб, 2010.

в формировании этих феноменов. В частности, применительно к историческому образу недавнего прошлого, который изучался М. Ферро в более чем 50 странах мира, с помощью «Метода М. Ферро» установлено существенное влияние на образ прошлого страны, нации, крупной общности таких ценностных факторов, как: этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм, событийный центризм. М. Ферро показал на примере, в том числе преподавания истории в ряде бывших республик СССР, наличие тенденций аберрации (искажений) исторической памяти в виде существенного преувеличения исторической значимости «успешных» событий (военно-политические победы, экономические и социальные достижения) и преуменьшение или исключение из событийного поля поражений, потерь, большой цены успеха. А также подчеркивание решающей роли страны, нации, этноса в «Большой истории», что иногда в нашей культуре обозначают в виде ряда ироничных метафор («Глобус Украины», «Россия – родина слонов» и т.п.).

В частности, в Предисловии к указанной книге М. Ферро указывает на несколько примечательных примеров:

«Все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т.е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывали прежде. Сегодня у каждой нации есть несколько историй, накладывающихся одна на другую и сопоставляющихся одна с другой»⁷¹².

И далее: «Истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба... Что касается функции истории как борца, то тут на ум приходят прежде всего манипуляции, практиковавшиеся в СССР. Долгое время предавался забвению Троцкий, а говорилось только о Сталине. Затем имя Сталина исчезло или почти исчезло, а Троцкого стали цитировать часто, но лишь для того, чтобы осудить. С началом перестройки вновь появился Бухарин, стали мягче писать о Троцком, вспомнили Мартова... Еще более радикальна эволюция образования в США. Она состоит в переходе от идеологии *melting-pot* (Америка, как «плавильный котел», в котором перемешиваются народы, превращаясь в единое целое) к идеологии *salad-bowl* («салатница»), согласно которой каждая культура сохраняет свою самобытность. Однако несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы»⁷¹³.

Суть «метода Ферро» с нашей точки зрения состоит во включении методологической рефлексии в формирование научно-исторического и историко-образовательного знания.

⁷¹² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Книжный клуб, 2010. С. 7.

⁷¹³ Там же. С. 7-8.

Вспоминая работы профессора А.В. Потемкина по истории философии и эволюции философского знания⁷¹⁴, правомерно говорить о диатрибической традиции не только в философии, но и в историческом познании. Когда собственно научно-исторические знания, достаточно сложные и разнообразные, содержащие значительную долю гипотетических и оценочных суждений, в силу различных обстоятельств, значительно упрощаются, «выпрямляются» от поисковых зигзагов и проблематичных суждений и превращаются в диатрибический («школярский») текст. Между тем, и в самом историческом обучении, как и во многих других предметных областях, уже около полусотни лет известен метод и система проблемного обучения (В.В. Давыдов, Л.В. Занков), во многом корректирующий диатрибические отклонения. И делающий само историческое образование более релевантным системе научно-исторических знаний и соотносимым с познавательно-историческим процессом.

Релевантная реконструкция эволюции системы исторического познания и сознания в первую очередь опирается на исследования в области философии истории. Ибо здесь прежде всего обращается внимание на основания главных парадигм в познании истории. В их числе «субстанционалистская трактовка, релятивистское понимание истории, экзистенциальное вопрошание о смыслах истории»⁷¹⁵.

В качестве парадигмальных новаций, которые выявляются с помощью инструментария философской инноватики, следует указать на историческую диатропику в рамках глобально-эволюционного подхода, а также применение синергетических и математических моделей к анализу социально-исторических систем.

Впрочем и возможности уже известных парадигмальных подходов могут быть углублены и дополнены. На наш взгляд, следовало бы также реконструировать концепцию социально-информационного кодирования М.К. Петрова, обещающую выход на более существенные обобщения в области социально-информационной картины мира, что предполагает также и реализацию идеи ноосферы и, в свою очередь, перевода исторического развития и исторического познания в глобально-эволюционный контекст.

Существенным дополнением понимания сложности и многомерности исторических процессов (политическая история, экономическая история, социальная история в глобальном, региональном и локальном преломлении) и их погруженности в социально-информационное пространство выступает изучение эволюции исторического образования и исторического

⁷¹⁴ Потемкин А.В. Проблема специфики философии в диатрибической традиции. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1980.

⁷¹⁵ История и философия науки. Кн. 4. – М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 201; Светлов Р.В. Идеология и история. История России как предмет идеологической конкуренции. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017.

массового сознания (включая и проблему «исторической памяти»). В этом аспекте я бы также подчеркнул значимость «метода М. Ферро».

Тенденции исторического образования, показанные М. Ферро еще в 80-е гг., мало поменялись к нашим дням. Показательны в этом плане материалы большой дискуссии о преподавании истории Второй мировой войны в разных странах мира⁷¹⁶. Здесь, в дополнение к уже известным со времен М. Ферро феноменам, отмечались такие вещи, как заметные проявления фальсификации истории.

К примеру, в докладе известного финского историка Йохана Бекмана подчеркивается: «Фальсификация истории имеет определенную географию. Такие страны, как Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва и Украина искажают историю Второй мировой войны сообразно собственным интересам. К тому же относится непрерывная психологическая война против России и русских. Цель этих действий заключается в стремлении уничтожить всё, что может напоминать о Советском Союзе, – т.е. уничтожить Россию. Агрессивные атаки против русских имеют прежде всего психологический смысл, поскольку их объединяет одна задача – заставить русских испытывать вину, растерянность и гнев против руководителей своей страны»⁷¹⁷.

Что касается острых проблем отечественного исторического образования, то наиболее характерные из них – это: работа по «заемным» когнитивным лекалам (соросовские программы); безмерное расширение числа рекомендуемых для преподавателей и учащихся учебников; а также ничтожное число учебных часов, отводимых на изучение Второй мировой войны (4 часа за все годы обучения) и других наиболее значимых исторических событий. Например, федеральный перечень учебников, рекомендованных и допущенных к использованию в образовательном процессе общеобразовательных учреждений, утвержденный Минобрнауки РФ (список действовал до 2014 г.) насчитывал 108 учебников⁷¹⁸.

Понятна озабоченность Президента РФ и его рекомендации о значительном сокращении подобных списков и выработке более четких, сбалансированных подходов к историческому образованию и ориентации на более четко сформулированные цели образовательного процесса в области отечественной истории, включая и советский ее период.

Заключая сказанное применительно к реконструкции советского прошлого, подчеркнем, что образы его задевают интересы ряда влиятельных социальных и политических групп, которые лоббируют действия, направленные на аберрацию восприятия и фальсификацию недавней истории.

⁷¹⁶ Вторая мировая и Великая отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. – М.: РИСИ, 2010.

⁷¹⁷ Там же. С. 128.

⁷¹⁸ Там же. С. 315.

Своеобразным «противоядием» против подобных исторических аберраций выступает метод полицентричной подачи в репрезентации исторических образов, основанный на информировании (в политкорректных формах) массового субъекта о существовании параллельных и альтернативных образов одних и тех же процессов и событий.

Примером разработки такого подхода может служить коллективная работа «История России с позиций разных идеологий» под редакцией проф. Б.В. Личмана⁷¹⁹. Несколько ранее вышла работа В.Г. Хороса, освещавшая ключевые проблемы отечественной истории с кросс-культурных позиций⁷²⁰.

Привычки и навыки полицентричного исторического восприятия позволяют снизить эмоциональный накал в историческом восприятии и сформировать более сбалансированное, взвешенное отношение к прошлому. Это в первом приближении.

Что касается последующих шагов, то они, как уже отмечалось выше, требуют включения в полной мере методологической рефлексии в сфере исторического познания и обращения к контексту, который образуют подходы, связанные с различными версиями философии истории.

Вместе с тем, намечаются перспективы создания конвергентных образов, а также обозначение областей описания комплементарного типа (принцип дополнительности).

Авторская библиография

Старостин А.М. Проблемы изучения советской истории и метод М. Ферро // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 2.

Старостин А.М. Философия исторического образования / В моногр.: Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониэдат, 2014. Раздел 3.12.

Старостин А.М. Социализирующая функция образования и ее роль в модернизации современной высшей школы // Экономика образования. 2014. № 2.

Старостин А.М., Топольян А.П. Роль русской православной церкви в духовно-нравственном воспитании граждан современной России // Наука и школа. 2012. № 2.

Старостин А.М. Мировоззренческий опыт в системе социальной практики: цивилизационный контекст // Социум и власть. 2015. № 6 (56).

Старостин А.М., Старостин А.А. Национально-государственная идентичность современного российского общества в контексте национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8.

⁷¹⁹ История России с позиций разных идеологий. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2007.

⁷²⁰ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. – М.: Изд-во ЦГО, 1996.

4.18. Философия девиационной и делинквентной деятельности (терроризм, коррупция, организационные патологии)

Девиации и делинквенции – деятельностьные проявления, которые запрещаются или ограничиваются в рамках той или иной культуры или субкультуры. Интерес для философского осмысления представляют переходные, пограничные для разных культур и субкультур состояния. Иные из них могут рассматриваться в качестве проявлений архаичной и традиционной культур. Так, например, некоторые культурологи рассматривают тюремную и криминальную субкультуру в качестве архаичной субкультуры.

Для современной России весьма актуальна борьба с террористическими и коррупционными проявлениями. Но эффективные инструменты борьбы с ними зачастую не те, что «лежат на освещенном месте». Дабы подойти к ним не с точки зрения монодисциплинарной, а системно, необходим философский инструментарий. В данном случае аппарат прикладной философии.

I

В современных политических дискуссиях и оценочных суждениях по поводу глобальных, региональных и локальных проявлений терроризма встречается два класса подходов: фетишистский* и экспертный. Фетишизм характерен больше для реальных политиков, публицистов, которые склонны к формированию нового образа врага человечества. Эксперты, выполняющие познавательные, аналитические, диагностические задачи стараются вычленив за фасадом терроризма подспудные силы и детерминирующие факторы. Из этих позиций следует и определенная методология принятия политических решений и проектируемых действий. Фетишистский подход основывается на известной методологии: бороться с симптомами и внешними проявлениями. Однако и в политике, равно как и в повседневной жизни, хорошо известно, что без правильной диагностики, выявляющей истоки, причины состояний, нельзя вылечить болезнь, снять патологическое состояние.

В последнее время в плане исследования разнообразия методологических подходов и мировоззренческих контекстов в репрезентациях и интерпретациях феномена терроризма выдвинуто понятие «методологических паттернов» в изучении экстремизма и терроризма⁷²¹.

Конечно, с точки зрения современных гуманистических ценностей и установок, терроризм – это патологические социальные проявления. Но, чтобы с ними бороться нужно понять, что их породило, симптомом каких

* В русском языке есть даже более определенное наименование для подобного феномена, которое обозначается словом «жупел» – то, чем пугают, устрашают.

⁷²¹ См.: Чудинов С.И. Экстремизм в глобальном обществе риска. – М.: Изд-во «Наука», 2016. С. 45-75.

динамических изменений и катаклизмов он является. И здесь находим целый ряд типологических ситуаций различной причинной обусловленности. Рассмотрим наиболее характерные.

1. Терроризм – это радикальное средство, с помощью которого новый политический подход, новая политическая группа, ресурсы которой несоизмеримы с властвующей элитой, пытается расшатать властные позиции и прийти к власти. Тогда встает вопрос – не возникла ли террористическая патология в качестве единственного реального ответа на другую патологию – узурпацию власти и закрытие легальных каналов продвижения к ней? Если это действительно так, то следует скорректировать стратегию и тактику властвующей группы. Иначе она рано или поздно власть потеряет: будет ли это следствием террористических воздействий, или же в результате процесса потери социальной базы поддержки и делегитимации по тем же причинам, которые обусловили и террористические акты.

2. Терроризм – это прямое порождение действий структур – сателлитов властвующей группы, которая использует его – терроризм – в качестве средства устрашения, мобилизации, переключения внимания населения, создания искусственного «образа врага». Если дела в державе идут неблестяще и число недовольных быстро растет, то нужно показать им, что может быть и гораздо хуже и направить часть усилий общества на ложные цели. В данном случае терроризм выступает механизмом управления в кризисных ситуациях властвующей группировки и она знает, что борьба с ним входит в общие правила игры, о которых, помимо власть имущих, мало кто знает. Но это рискованная игра и о ней рано или поздно становится известно, хотя бы по косвенным признакам.

3. Терроризм – это скрытый механизм (диверсионный) воздействия одного государства на политику другого государства, ведущий либо к ослаблению противника, либо предшествующий широкомасштабной войне. В таком случае следует научиться воздействовать не только на исполнителей тайных операций, но и их инициаторов, организаторов и их соучастников.

4. Терроризм – это одно из проявлений конкурентной борьбы между политическими, экономическими и иными группами, каждая из которых стремится занять более высокие статусные позиции и выбить противника из конкурентной борьбы.

Последняя ситуация наиболее любопытна для исследователей, поскольку для современной России она носит контекстуальный характер и обусловлена повсеместным распространением и культивированием неограниченных конкурентных начал в основных сферах жизнедеятельности, сочетаемых с неустоявшейся политико-правовой и гуманистической культурой. В итоге на протяжении последних полутора десятилетий это породило жесткое политическое противостояние, включившее в себя и две чеченские войны, и образование региональных этноконфликтных очагов с большими

жертвами, а ныне, по-существу, начались внутризтнические межклановые войны за власть в ряде республик Северного Кавказа. Аналогичная картина наблюдается в сфере экономических и имущественных отношений, где широко задействованы и террористические средства и методы. Что касается теневой экономики, то криминальные войны 90-х гг. унесли не меньше человеческих жертв, чем острые этнополитические ситуации.

Каждая из приведенных типологических ситуаций, генерирующая террористические проявления, требует своей методологии анализа и методики их купирования и разрешения. Хотя наиболее сложной и имеющей социально-системную природу выглядит последняя, четвертая. И, вместе с тем, по отношению к ней наблюдается наименьшее число аналитических суждений и предложений. Пожалуй, можно констатировать определенное табуирование и уход от анализа.

Целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание на изучение соотношения солидарных и конфликтных начал в условиях разного типа социальных сред и процессов.

Следует подчеркнуть, что дилемма «консенсус» и «конфликт» относится к числу основных парадигмообразующих в социальной науке. На это обращает внимание один из ведущих современных социологов Э. Гидденс⁷²².

Противопоставление теорий консенсуса (солидарности) и конфликта в обществе обосновывал в свое время один из основоположников научной социологии Э. Дюркгейм. Впоследствии идеи единства, целостности социума, обеспечиваемого солидарными отношениями, развивались такими научными авторитетами, как Т. Парсонс, Э. Мэйо. Первый исследовал конфликты как дисфункциональные проявления в обществе с позиций интеграционного процесса с целью достижения общественного согласия. Второй – в школе «человеческих отношений» (public relations) рассматривал конфликт как опасную «социальную болезнь», которую следует всячески избегать, стремясь к «социальному равновесию» и «состоянию сотрудничества» как признаку «общественного здоровья»⁷²³. В рамках концепций глобального развития Римского клуба, опирающегося на принципы социального согласия и солидарности, следует особо выделить доктрину органического роста и развития Э. Пестеля⁷²⁴. В настоящее время исследования солидарных отношений связываются с условиями конституирования в обществе таких социокультурных универсалий как гуманизм, толерантность, альтруизм, ненасильственные действия, политкорректность и т.п.

Вместе с тем, как отмечает Э. Гидденс: «различие между двумя теориями – теорией, исходящей из консенсуса между членами общества, и теорией,

⁷²² См.: Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 575–576.

⁷²³ Цит. по: Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2003. С. 26.

⁷²⁴ Пестель Э. За пределами роста. М., 1998.

идушей от противостояния между членами общества, по-видимому, не столь глубоко, как это может показаться на первый взгляд. Указанные две позиции отнюдь не являются абсолютно несовместимыми. Вероятно, во всех обществах наблюдается тот или иной вид согласия относительно ценностей и в то же время, несомненно, везде возникают конфликты. Более того, как правило, в социологическом исследовании всегда следует изучать соотношение между консенсусом и конфликтами в пределах социальных систем»⁷²⁵.

В связи с этим можно предположить, что естественны такие типологические социальные системы, где преобладающей стороной выступает либо консенсусная сторона, либо конфликтная, но и в том, и в другом случае данные состояния, выступающие как норма в рамках каждой отдельной системы, видятся дисфункцией в рамках другой.

С одной стороны, в качестве таких типологических социальных систем выступает традиционное общество. Стабильность в нем доминирует в качестве базовой ценности и установки, что обуславливает культивирование механизмов солидаризации. В этом ряду – установление как приоритетных, общинных целей и ценностей над индивидуальными; культивирование идеократических комплексов в качестве всеобщих; установление жесткой социальной иерархии.

С другой стороны, в современном (индустриальном и постиндустриальном) обществе в качестве базовой ценности и установки доминирует ориентация на высокую социальную динамику, обеспечиваемую конкуренцией во всех основных видах отношений. Конкуренция может рассматриваться как **конфликт низкой интенсивности***, развивающийся в особым образом институализированной социальной среде, не позволяющей перейти конфликту на более высокий уровень интенсивности и поддерживающей общественно легитимные условия состязательности («общественный договор»). Культивирование механизмов конкуренции обеспечивает конституирование таких ценностей как свобода личности и приоритет (паритет) индивидуальных интересов над групповыми, социальная динамика и инновации.

Все это вместе взятое требует определенных пояснений. В частности, под конфликтами низкой интенсивности нужно понимать отношения, которые не меняют существенно общесистемную конфигурацию общества, но придают ему значительную социальную динамику. Сохранение данной конфигурации обусловлено консенсусом участвующих сторон («правила игры» или «правила состязательности») и обеспечение этого консенсуса ценностной и правовой системой.

Конфликты высокой интенсивности изменяют общесистемную конфигурацию, они обусловлены нарушением консенсуса одной из сторон

⁷²⁵ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 575.

* См. также п. 4.9. «Философия конфликтологии».

(переход в одностороннем порядке к другим, запрещенным «правилам игры»). Разрушение консенсуса ведет к развертыванию различных процессов, ведущих к:

- обособлению одной из сторон в рамках прежней системы;
- изменению системы доминирования;
- к перераспределению ресурсов, собственности, территорий.

Такого рода конфликты и их последствия характерны прежде всего для переходных обществ. В процессе перехода от традиционного к современному обществу происходит переформатирование соотношения солидарных и конфликтных начал в рамках формирования новых базовых ценностей (или вне этих рамок). Характерная черта таких обществ – значительный рост конфликтов высокой интенсивности. В случае затягивания процесса формирования новых регулятивов солидарных, консенсусных отношений затягивается и переходный период.

Поскольку основными механизмами развития современного общества, обеспечивающими высокую социальную динамику, выступают легитимизированные и социально регулируемые различные виды конкуренции (политическая, экономическая, духовная) уточним существо конкурентных отношений. Тем более, что в переходных обществах приходится, как правило, сталкиваться с квазиконкурентными отношениями.

Конкуренция, состязательность становится воспроизводимся процессом лишь постольку, поскольку органически включает элемент солидарности, консенсуса, который основывается на: а) общем признании основных правил и условий состязательности; б) наличии независимых арбитров (институтов) и санкций за нарушение условий состязательности; в) разрушении привилегированного положения отдельных участников конкурентного процесса (демонополизация); г) публичности и открытости.

В случае явного или неявного нарушения правил поддержания конкурентного процесса, формируется квазиконкуренция, в рамках которой состязательность лишь имитируется, а фактически в рамках такой системы идет фильтрация и исключение наиболее способных, пассионарных участников конкурентного процесса, создаются особые условия для отдельных участников, в основном, теневым образом. В итоге – декоративная конкуренция ведет либо к асимметричному теневому ответу, когда «непривилегированные» участники процесса начинают пользоваться запрещенными приемами, либо – к конфликтным и скандальным ситуациям, вплоть до массовых социальных взрывов.

Именно квазиконкурентные процессы наблюдаются в современной России, которая полностью погружена в переходный период и по-видимому долго еще будет в нем находиться. Основная болезнь, препятствующая переходу к современному обществу, связана с игнорированием солидарных, консенсусных начал при формировании конкурентных процессов. При этом

часть общества и прежде всего средний класс давно проявляют заинтересованность и готовность к утверждению новых ценностей. Не готов, в силу особых интересов, высший класс. Это общий диагноз.

В связи со сказанным, обратим внимание на специфику политической конкуренции в современной России и сложившуюся практику ее регулирования.

Политическая конкуренция относится к сфере политики, а политика – это отношения власти, вокруг которой неизбежно возникает принимающая разные формы борьба – от конкуренции до конфликтов между различными социальными и политическими силами. Следовательно, степень политического насилия, оказываемого группами (партиями) в отношении друг к другу и к государству может увеличиваться или снижаться, а его индикатором выступает политическая конкуренция, которая, определяя меру организованности общества, непосредственно влияет на возникновение в ходе модернизации единой политической системы⁷²⁶.

Политическая конкуренция нужна для развития плюралистической демократии. К примеру, минуя этап конкуренции политических партий, по-видимому, нельзя выработать цивилизованную политику, цивилизованный механизм взаимодействия гражданского общества с властью.

Уточняя понятие «политическая конкуренция», следует различать два специфических вида взаимодействия в политике – конкуренцию и конфликт. Конкуренция отличается тем, что ее участники ориентируются на сложившиеся в обществе нормы и правила, регулирующие порядок достижения поставленной цели.

Специфика политических конфликтов заключается в том, что вступающие во взаимодействие люди, стремясь к достижению своих политических целей, начинают использовать все способы воздействия на своих противников, в том числе и те, которые выходят за рамки разрешенного законом. Конфликты обычно сопровождаются агрессивными действиями с обеих сторон, которые в экстремальных ситуациях могут переходить в вооруженное столкновение.

Перейдем к проблеме использования административного ресурса в политической конкуренции в условиях неразвитой демократии в постсоветской России. Административный ресурс в таких условиях может проявляться как через ограничение политической конкуренции (создание барьеров входа для потенциальных конкурентов, использование зависимых информационных ресурсов для политической агитации и т.п.), так и через форсирование конкурентных отношений, переводящих их в конфликтные. Неконкурентный политический рынок, в свою очередь, становится фактором

⁷²⁶ См.: Скакунов Э.И. Политическая конкуренция в России // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 12.

формирования административного ресурса⁷²⁷. Ведь политическая конкуренция – это один из механизмов контроля над действиями политиков, обеспечивающая выполнение взятых политиком обязательств. Ослабляя конкуренцию, политик расширяет возможности по использованию доступных ему ресурсов, т.е. увеличивает свой «административный ресурс». С его помощью в дальнейшем он может в большей степени ограничивать конкуренцию.

Усиливая же межгрупповую конкуренцию на основе разных базовых отношений, политик создает тотальное «поле ссоры», благоприятствующее реализации принципа «разделяй и властвуй». Правда, в такой игре можно и управление потерять. Поэтому столь большую популярность приобрели концепции так называемого управляемого конфликта.

Отсутствие в России достаточно развитых нормативно-правовых и иных регуляторов деятельности политиков приводит к дальнейшему увеличению роли административного ресурса. Появляются черты авторитарного режима, когда власть концентрируется в одних руках. Становление государственной монополии на физическое и символическое насилие приводит в то же время к образованию пространства борьбы за монопольное обладание выгодами, связанными с этой монополией.

Исследователи отмечают, что в Конституции РФ не заложен потенциал, способствующий созданию системы публичной политической конкуренции, а без такой конкуренции неизбежно рождается конкуренция «клановая», и так называемая партийная жизнь протекает под контролем внепартийного центра власти; ведь только политическая конкуренция рождает реальную ответственность власти и потому делает понятными для людей и эффективными демократические институты (в частности, выборы); именно она способна подрубить корни коррупции, заставляя правящую партию реально бороться с этим явлением, а не имитировать борьбу⁷²⁸.

Политическая система, которая постоянно подчеркивает приоритет исполнительной власти и принижает власть представительную, не способствует конкуренции. Системы с президентской формой правления менее благоприятны для политической конкуренции, нежели системы парламентской демократии.

Монополизация политического и парламентского процессов со стороны так называемой «партии власти», созданной исполнительной властью с целью обеспечения дополнительных рычагов влияния на законодательную ветвь власти, дала этой партии широкие возможности для давления на депутатов, избранных при поддержке других партий⁷²⁹. А отсутствие

⁷²⁷ Нуреев Р.М. Экономические субъекты постсоветской России // Мир России. 2001. № 3.

⁷²⁸ Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий // Государство и право. 2003. № 10.

⁷²⁹ См.: Лапаева В.В. Закон о политических партиях: вопросы взаимодействия партий с государством // Журнал российского права. 2002. № 4.

эффективной политической оппозиции в обществе и в парламенте делает подобные политтехнологические манипуляции практически бесконтрольными.

Возникает вопрос, а есть ли выход, виден ли «свет в конце тоннеля»? Думается, что подходы к нему станут более ясными, если рассматривать социум не как поле для тотального культивирования конкуренции в различных базовых отношениях, что, порой выглядит как самоцель. Следует обратиться к проблеме устойчивого развития социума, где, наряду с конкурентными механизмами действуют механизмы солидаризации. Следует напомнить, что один из классиков социологической науки Э. Дюркгейм вообще считал эти механизмы ведущими в организации и прогрессивном развитии общества.

Нужно полагать, что следует включить механизмы, которые могут и должны снизить накал конкурентных начал в системе экономических и политических отношений. Но не в пользу какого-то монопольного субъекта (например, государства, бюрократии, элиты), а в пользу демонополизации, уравнивания возможностей разных субъектов. Очевидно, что анализ этих механизмов должен представлять специальную тему.

Во-вторых, вряд ли удастся добиться большей солидаризации общества, ежели упор делать только на ценностные, идеологические начала в виде поиска общей идеологии, веры, ценностей и утверждения их в качестве обязательного начала.

Скорее всего в этом направлении нас будет поджидать неудача, так как резкое преобладание частных и личных интересов над групповыми, общественными и общенациональными никакая идеология не сгладит.

Основной путь – системный подход к включению механизмов солидаризации в области всех базовых отношений: экономических, политических, духовных. Это позволит смягчить контекст конкурентных отношений в обществе. На таком фоне многие острые и контрастные проявления, включающие и терроризм, автоматически будут уходить. А для урегулирования наиболее глубоких появится социальная и политическая база.

II

Широкомасштабный характер в отечественной управленческой практике приобрела такая значимая организационная патология⁷³⁰, как авторитарный конформизм.

Тема конформизма в управлении далеко не избита, и в существующих монографических и учебных изданиях прямых упоминаний не найдется. Речь в данном случае идет об авторитарных, иерархических системах управления и оргкультурах, ориентированных на «вертикальные» властные структуры. Именно там личностно-ролевая подстройка подчиненного под руководителя, желание ему угодить, завоевать его внимание лестью, услуж-

⁷³⁰ См. подробнее: *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – Гл. 4. Организационные патологии.

ливостью, стать лично полезным весьма распространено. Это своеобразная транзакция, дополнение деловых, рационально-бюрократических отношений личностными. Но речь идет не о профессиональной «услужливости», наилучшем исполнении служебной, профессиональной роли (для чего нужна компетентность, помноженная на большой труд), а о личностных отношениях по обслуживанию начальства и игре на потребностях, фобиях, желаниях руководителя, которые предугадываются, а то и формируются подчиненными. Для этого нужны другие качества. По-существу в любой авторитарно-бюрократической структуре выстраиваются несколько формальных и неформальных систем отношений. И, прежде всего, это отношения служебные и «сервисные».

Вот давний пример двухсотлетней давности. Один из наиболее одаренных отечественных администраторов эпохи Александра I, министр юстиции И.И. Дмитриев так описал свои ощущения: «Со вступлением моим в гражданскую службу, я будто вступил в другой мир, совершенно для меня новый. Здесь и знакомства, и ласки основаны по большей части на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе; образ обхождения непрестанно изменяется, наравне с положением каждого. Товарищи не уступают кокеткам: каждый хочет исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было за счет другого. Нет искренности в ответах: ловят, помнят и передают каждое слово»⁷³¹. Картина знакомая и по недавней истории, когда «дорогой Леонид Ильич» и «родной Борис Николаевич» так «велись», что интересы государства трещали по швам.

Спрашивается: почему указанная система конформизма имеет тенденцию устойчивого воспроизводства в России и как ее парировать? На наш взгляд, это связано как с внешними факторами, в пределах которых складываются и воспроизводятся основные параметры и особенности властвования и управления в России, так и с особенностями и темпами формирования параметров российской политической (да и общей) культуры.

Что касается внешних факторов, то к основным из них мы бы отнесли природно-климатические и геополитические характеристики. Это то, что влияет на формирование «русской модели управления», так сказать факторы социальной и общей экологии. Как подчеркивает известный отечественный исследователь А. Прохоров, ключевым элементом русской модели управления является существование двух режимов, двух стереотипов поведения, обусловленных по преимуществу экологическими (средовыми) факторами: нестабильного режима (аварийного, мобилизационного) и стабильного (застойного). Что обуславливает в итоге: 1) неправовой характер государства и управления («чрезвычайка») и 2) приводит к строгой централизации, во многом исключая механизмы инноваций (все работают по единым

⁷³¹ Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. – М.: НЛО, 2004. С. 228–229.

образцам и командам) – отсюда «догоняющие модернизации»⁷³² и неизбежность импорта, идей и новых образцов предметной среды⁷³³. И, естественно, воспроизводится знаменитый и неизживаемый русский авторитаризм, который, как подчеркивает тот же А. Прохоров, с точки зрения управления, будучи неэффективным в кратко- и среднесрочном плане, с долговременной точки зрения вполне эффективен, так как чудовищные затраты компенсируются в конце концов впечатляющими результатами. Иначе страна не заняла бы такую большую территорию с огромными ресурсами и не могла бы ее удерживать многие столетия и не имела бы такого влияния в мире⁷³⁴.

С указанными внешними параметрами трудно что-то сделать (да и надо ли), не опираясь на параметры политической и управленческой культуры, которые существенно отличаются от западных.

В самом деле, демократическая политическая культура требует безусловной правовой поддержки, формирования развитого правового государства. А в области управления – последовательную его рационализацию, переход к безличным и внеличным параметрам управленческого порядка, следуя веберовской и поствеберовской парадигме.

В России же подобный подход к бюрократии начал формироваться недавно, прежде всего, начиная со слома сословно-аристократических барьеров. Но историю не обгонишь и в 90-е годы XX в. мы вновь вернулись к восстановлению этих барьеров, обозначая лишь формальные атрибуты демократии и правового государства. А на деле, безличный, нормативно-правовой подход, не делящий граждан по «сортам», вновь существенно дополнился личностным, устанавливаемым с опорой на патрон-клиентные, «сервисно-коммерческие» и кланово-семейные отношения. Их катехизисом являются многочисленные заповеди и технологии А. Карнеги, направленные на установление общей атмосферы конформизма, соблазнение и ублажение начальства или конкурента. В итоге политическое и административное управление, да и во многом корпоративное, становятся асимметричными, построенными на двойных и тройных стандартах и, зачастую, коррумпированными.

Путь к демократической культуре сложен и основан на многофакторной системе нонконформизма. Это, во-первых, путь к обществу с гораздо меньшей системой неравенства и где противовесом политическим и бизнес-элитам выступает гражданское общество. Во-вторых, это долгая работа по повышению общей культуры граждан, населения и, в особенности, управленческого слоя. В-третьих, это длительная работа по утверждению принципов рациональной

⁷³² Старостин А.М., Данилов А.Г., Понеделков А.В. Государственная модернизационная политика России: предпосылки и итоги в ретроспективе и в современной проекции. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2012.

⁷³³ Прохоров А.П. Русская модель управления. – М.: «Эксперт», 2012. С. 107–108, 121–122.

⁷³⁴ Там же. С. 315–316.

бюрократии и меритократического подхода к руководящим кадрам управления: отбор по профессионализму, опыту, заслугам в управленческую элиту. Запрос на это, кстати, в течение многих лет фиксируют наши элитологические исследования как со стороны населения, так и самих управленцев. Так уже около 20 лет мы фиксируем этот запрос в виде матрицы должных, наиболее желаемых качеств управленцев: «профессионализм – образованность – высокая нравственность – патриотизм». И в то же время доминирует оценка преобладания в реальности другой матрицы качеств: «Коррупцированность – недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельским признакам»⁷³⁵.

Возвращаясь к высказыванию министра И.И. Дмитриева более 200-летней давности и сопоставляя их с сегодняшними реалиями, можно, конечно, повторить известные слова поэта Н.А. Некрасова о том, что «жаль в эту пору прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе». Имея в виду, что указанные факторы демократизации, утверждения нонконформизма, разрушающие авторитаризм и отечественное лизоблюдство действуют медленно, это, так сказать, мегатренды, сверхдлинные причинно-следственные связи. Однако в данном случае важно понимание этих причин, рефлексия и последующие действия. Кажется, что данное понимание уже приходит в голову ряду более дальновидных политиков.

Д. Трамп начал бороться с идеологическим либеральным конформизмом. В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию 2016 г. выдвинул идею о том, что не элиты, а общество выступают заказчиком общественного договора и в этом суть обозначенной новой парадигмы развития⁷³⁶. К сходным идеям приходит ряд лидеров и политических элит в Европе.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что конформизм как субкультура, основанная на личностном воздействии на руководителя, лидера в авторитарной системе, разрастаясь, становится тормозом развития и, следовательно, управленческой девиацией, а то и патологией, если ведет к формированию культа руководителя, вождя⁷³⁷. Под прикрытием конформизма в действительности происходит смещение в постановке управленческих задач и решений в сторону интересов узких групп бюрократии или их кланов. А нередко и перехват власти и управления. Своевременная диагностика и коррекция стиля и культуры управления позволяют этого избежать.

⁷³⁵ Элитология и стратегии развития современной России. Инф.-аналит. мат-лы второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАН-ХиГС, 2016. С. 34, 38.

⁷³⁶ Ивантер А., Рогожников М., Скоробогатый П. Атмосфера общих дел. Субъектами нового цикла развития страны призваны стать консолидированное общество, обузданные элиты и предпринимательский класс // Эксперт. 2016. № 49.

⁷³⁷ Пригожин А.И. Деорганизация: причина, виды, преодоление. – М.: Изд-во Альпина-Бизнес Бук, 2007. С. 95-147.

III

В последнее время в России уделяется повышенное внимание государственной антикоррупционной политике. Это проявилось в формировании нормативно-правовой базы (Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008; «Национальный план противодействия коррупции», утвержденный Президентом РФ 31.07.2008 № Пр-1568; Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 гг.» и ряд других решений); мобилизации усилий ведомственного (МВД, СК, Генпрокуратура, ФСБ) и межведомственного характера.

Вместе с тем, многие проблемы, обозначенные в директивных и нормативных документах, остаются нерешенными и к тому же объем коррупционной деятельности, прежде всего крупномасштабной и исходящей от чиновников и представителей всех ветвей государственной власти, не снижается. Об этом свидетельствуют экспертные оценки, исследования общественного мнения и мнения предпринимателей.

Достаточно отметить тот факт, что с 2008 по 2010 гг. Россия, по данным международных организаций, продвинулась по индексу восприятия коррупции (ИВК) со 147 на 154 место из 180 обследованных стран (2,1 балла по 10-балльной шкале). А ИВК ниже 3 баллов считается «национальным позором»⁷³⁸.

Оценивая в целом качество государственной антикоррупционной политики, следует подчеркнуть, что она во многом остается:

а) ситуативной и ориентированной на мелких коррупционеров (врачи, учителя, постовые ГИБДД и т.п.), в то время как крупные коррупционеры находятся вне зоны пресечения этой деятельности. По оценкам специалистов, более 95 % коррупционных деяний не регистрируются, не рассматриваются и не наказываются⁷³⁹;

б) в нормативную базу по сей день не включены наиболее эффективные меры, направленные на устранение крупномасштабной коррупции (конфискация, отчеты не только о доходах, но и крупных приобретениях не только ведомственных лиц, но и их родственников и доверенных лиц и др.);

в) отсутствие социальной базы и гражданской мотивации, направленной на борьбу с коррупцией;

г) нацеленность на пресечение результатов и субъектов коррупционной деятельности, а не на разрушение коррупционных механизмов;

д) неэффективность органов государственной власти в решении экономических, социальных, культурных проблем средствами бюджетной политики.

Отдельно следует оговорить научный и экспертный аспекты рассматриваемой проблемы. Наряду с исследованиями теневой экономики и коррупци-

⁷³⁸ Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М., 2011. С. 115.

⁷³⁹ Там же. С. 121.

онной деятельности, проведенными в работах таких известных ученых, как Г.А. Сатаров, В.В. Лунеев, В.Н. Лопатин, В.Л. Римский, подобного рода труды представлены учеными ЮРИУ РАНХиГС С.Н. Назаровым, А.И. Бойко, А.В. Понеделковым, А.М. Старостиным. Под их руководством идет работа молодых ученых. Были защищены кандидатские диссертации М.Ю. Бушем «Политический аспект коррупционных отношений в современной России» (рук. А.В. Понеделков), А.А. Самсоновым «Основные направления трансформации государственной антикоррупционной политики в современных условиях» (рук. А.М. Старостин).

Отдельно необходимо указать на поддержку перспективных и нестандартных исследований коррупционной деятельности как неформальных отношений в рамках рентной экономики, быстро развивающейся в современной России. Ряд специалистов указывает на доминирующее место, которое занимают три вида рентных отношений в социально-экономической системе российского общества: природно-ресурсную ренту, на базе которой формируется олигархический слой и обслуживающие его социально-профессиональные группы; социальную ренту, поддерживающую массовые слои общества; и административную ренту, львиная доля которой образуется из коррупционных поступлений. Такая рентная модель, которая продолжает свое развитие и противодействия которой пока не имеют успеха, и выступает основной базой для коррупционных отношений, рынка коррупционных обменов. На наш взгляд, развитие обозначенного подхода позволит иначе посмотреть на природу коррупции и бороться не с ее последствиями и отдельными проявлениями, а найти пути трансформации рентной экономики в нормальную. Либо же, если такие шаги невозможны, трансформировать рентные отношения из формальных, теневых форм – в официальные, публичные.

Подчеркнем значимость экспертно-аналитической базы для подготовки эффективных рекомендаций в данной сфере. Причем уровень эффективности повысится, если мы будем ориентироваться на междисциплинарный подход, который может рассматриваться как значимая когнитивная инновация в этой области.

Проблемы коррупции обсуждаются в научных источниках и в публицистике часто. Вместе с тем **не всегда просматривается инновационный вклад** в решение проблемы. Иначе говоря, то реальное приращение знаний, методик исследования, выявленной карты узких мест на предмет коррупционных сделок, незаконной коммерческой деятельности, выявленных типов функционеров и их психологических профилей, располагающих к коррупционным действиям. А главное – не вполне понятны истоки, причины, порождающие коррупцию.

Нам кажется, что в исследовательских и практических процедурах, касающихся коррупции, наблюдается определенный **кризис жанра**. Нужно двигаться дальше и на научном уровне, и в рамках опыта, эмпирических

инструментов изучения коррупции, и, в таком случае появятся какие-то проорывы в области эффективной практической борьбы с коррупцией. Подчеркнем, в каких звеньях из названных, с нашей точки зрения, требуется развитие:

Во-первых, прежде всего необходим сравнительный анализ нашего собственного пути развития за последние хотя бы полстолетия: от развитого социализма – к неразвитому капитализму и далее – некоторая эволюция в рамках переходного периода.

Здесь нужно подчеркнуть, что, хотя в политико-правовом контексте жизнь вроде бы поменялась радикально, но по сути не слишком. «Священными коровами», новыми идолами были провозглашены частная собственность, занятие бизнесом, права человека, независимый суд, рынок в экономике и демократия в политике, запрет на общенациональные ценности, идеологию, зафиксированный в Конституции РФ. Соответственно, советская правовая система, которая считала «врагами народа» всех сторонников этих «священных коров», была перезагружена на «врагов народа», мешающих «свободному капитализму». Между тем в разы возросла государственная коррупция на этом фоне (по данным «трансперети интернешнл»)⁷⁴⁰.

Наши американские «друзья» и партнеры, консультировавшие и направлявшие эти процессы, нам аплодировали в 90-е гг. Но через 25 лет капиталистической перезагрузки те же «друзья» и партнеры вдруг признали, что высшая административно-политическая и бизнес-элита в России – сплошь воры и коррупционеры, обнародовав «Кремлевские списки» и наложив персональные и коллективные санкции на всю верхушку.

В общественном отечественном мнении, которое по-преимуществу с опаской и отвращением относится к новорусскому капитализму с его первых шагов, в этих списках ничего нового нет. И в множественных опросах населения на протяжении многих лет бытовая и деловая коррупция стоит в качестве помех развития и социально-политических зол на первых местах наряду с бедностью и социальной несправедливостью⁷⁴¹.

Сравнительные опросы социально-политического характера также показывают, что в отношении коррупции оценка современного чиновника в сопоставлении с советским на порядок отличается в худшую сторону для первого⁷⁴². Поэтому, оценивая природу и источники коррупции, прежде всего в среде государственных органов, мы вполне имеем право говорить о ее системном характере как о порождении новой системы. Пусть эта система еще молодая,

⁷⁴⁰ Кортаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. – М.: Изд-во Либроком, 2009. С. 182.

⁷⁴¹ Старостин А.М., Понделков А.В., Швец Л.Г., Филоненко В.И. От кадрового обеспечения инвестиционного развития – к инвестиционному обеспечению кадровой политики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 126.

⁷⁴² Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 532.

неустоявшаяся, но тенденции ее развития в данном плане не внушают оптимизма.

Во-вторых, сравнение с состоянием борьбы с коррупцией в странах с такой же системой показывает, что, например, если бы в США не было бы закона о лоббизме и еще ряда других важных актов, которые допускают платные посреднические услуги в бизнесе, судебной системе, в госзакупках, то по коррупционной составляющей США и ряд других западных стран были бы вполне сопоставимы с Россией. Так что вполне можно говорить о невыверенном векторе развития правовой и правоохранительной систем в борьбе с коррупцией в нашем Отечестве. Это узко-нормативистский курс на регламентацию и формальную, мелочную разрешительность всего и во всем. Он заорганизовывает все виды деятельности и, как ни парадоксально, способствует развитию коррупции.

В ряде же развитых стран коррупция – это во многом **узаконенный лоббизм** и посредническая коммерческая деятельность с целью сделать эти процессы более прозрачными и даже обложить налогами. Поэтому репрессируют только тех, кто выходит за рамки правил лоббистского, посреднического бизнеса. Не преследуют там и за глобальный финансовый монополизм, позволяющий населению США потреблять вдвое больший продукт, нежели производят. Не преследуют государственный терроризм и протекционизм (глобальный и национальный) и многое еще чего. В ряде обстоятельств и наша страна проявляет гибкость и готовность путем исключительных мер («налоговая амнистия», «амнистия выведенных за рубеж капиталов»), направленных на возвращение огромных финансовых средств, выведенных за границу рядом крупных мошенников и коррупционеров.

Так что, если мы движемся по пути капиталистической цивилизации, нужно перенимать не только репрессивный опыт, но и опыт создания условий для развития разных видов коммерции, прежде всего в непроевизводительной сфере, сфере услуг, доля которой быстро нарастает и в мире, и у нас, в развитых странах превышая уже половину ВВП.

Далее, нужно продвигать систему научных, объективно обоснованных, основанных на многосторонней исследовательской базе, представлений о том, что такое коррупция и каковы ее **инвариантные и вариативные характеристики** и источники.

Коснемся данного аспекта, включающего теоретическую базу, концептуальные представления:

а) мы уже говорили об этом, ссылаясь на исследования профессоров В. Шляпентоха, С. Кордонского, Р. Гринберга⁷⁴³, которые прямо указывают

⁷⁴³ Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. Нью-Йорк, 2007; Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. М., 2010; Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008; Кордонский С.Г. Рынки власти. М., 2006.

на особый характер экономических отношений и действие экономических и управленческих институтов в условиях переходных экономик. Попытка выстроить эти институты и отношения подобно развитым странам оказалась неэффективной. Но их система, порой имитирующая реальные институты и отношения, все же работает, поскольку дополнена рядом таких отношений, как рентные, бартерные, посреднические и лоббистские, что способствует функционированию и формальной, и неформальной экономики. В этом аспекте коррупция выступает как особый инструмент незрелой экономики. В свое время (в середине 90-х) мы писали о **феномене административного предпринимательства**⁷⁴⁴ как деятельности, обеспечивающей развитие реального предпринимательства, страхующего и сопровождающего от получения заказа до его сдачи заказчику. С нашей точки зрения, эта деятельность в постсоветской России получила полновесное развитие. В различных отраслях посредническая, страховая, лоббистская деятельность, вознаграждаемая комиссионными на всех уровнях отраслевого управления, выступает нередко даже как более легитимная и эффективная, нежели законная. Бизнес и граждане, опирающиеся на теневые коррупционные сделки, включают их в число транзакционных издержек.

А каковы альтернативы? Это – настойчивое и целенаправленное развитие нормальных институтов, выявление «узких мест» в цепочках, которые проходит производство товаров и услуг, создание транспарентной следящей системы за прохождением сделок и их реализацией, разработка методик оценки реальной стоимости производимых товаров и услуг⁷⁴⁵.

Наконец, создание официальных структур, которые обеспечивают ускоренное и безрисковое прохождение сделок, т.е. системы «VIP-класса» по повышенной стоимости. Словом, нужны новые реалистичные модели и концепции функционирования различных сегментов экономики переходного типа и экономической системы в целом. В ином случае мы уподобляемся советскому взгляду, который рассматривал теневую экономику как отклонение от нормы и преступление. Но, как оказалось, это был бизнес, которому не давали ход и преследовали. Где гарантии, что мы и сейчас не идем по ложному пути? Словом, нужен новый реализм и отражение его в иной нормативно законодательной и методической базе.

б) анализируя различные концепции и версии, описывающие переход от индустриального общества к информационному⁷⁴⁶, обращаешь внимание на глубинные изменения, касающиеся деятельности человека в условиях производства знаний, информации, инноваций. На то, как должен оцениваться

⁷⁴⁴ Старостин А.М., Понеделков А.В. Политическая элита и административное предпринимательство // Социально-экономические проблемы предпринимательства. – Ростов н/Д.: СКАГС, 1995.

⁷⁴⁵ Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления. Под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана. – М.: Альпина Паблишер, 2018. С. 535-541.

⁷⁴⁶ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 18-25.

и потребляться такой продукт, какие новые профессиональные группы появляются, и как должны развиваться на этом фоне коммерческие отношения⁷⁴⁷. Это и нас, живущих в постсоветской России, касается. А ведь по обзорам результатов антикоррупционной деятельности у нас к наибольшим «зонам риска» относится деятельность учителей и преподавателей вузов, врачей, деятелей искусства, чиновников. Между тем, значимость в обществе и реальная стоимость услуг, оказываемых в этих отраслях (образование, здоровье, досуг и культурное развитие) намного отстает от нормативов и расценок, бытующих в развитых странах: и в относительном (в сравнении с другими профессиональными группами), и в абсолютном измерении.

Объемы разнообразных «шабашек», «халтурок» и имитаций бурной творческой деятельности, которая в итоге абсолютно неэффективна, быстро нарастают. А, с другой стороны, быстро растут области теневых, неформальных эффективных услуг, которые оцениваются по совершенно другим шкалам. Это парадокс, но можно подать его и как коррупционную составляющую. Доходит до жутких вещей, когда так называемая вторая половина дня профессорско-преподавательского состава в вузах по сути приватизирована и от них требуют реальной и коммерчески значимой научной продукции в плановом порядке. В то же время систему научной деятельности и научных институтов, которые предназначены для этого и сосредоточены в РАН и отраслевых НИИ, разрушают. Вот это сюжет для разработки других, альтернативных моделей и подходов, в которых «коррупционная» деятельность носит другое название. Все равно его придется развивать. А коррупционные дела в этой сфере придется рассматривать иначе.

в) Борьба с коррупцией в существенной мере *затрагивает людей*, а не только плохо организованные институты, отношения, регулятивы. В конечном счете виновным оказывается конкретный человек или группа людей. В литературе, отечественной и зарубежной, по менеджменту, работе с персоналом, в особенности в специальных отраслях и фирмах, давно обозначена категория «надежный персонал»⁷⁴⁸.

Иначе говоря, речь идет не только о внешнем контроле и мониторинге деятельности, но и самоконтроле, внутренней культуре руководителей и исполнителей. Далеко не каждый человек способен хорошо себя контролировать, не поддаваться девиантному влиянию, разным соблазнам. Причем, выявить людей, которые ненадежны в коррупциорискогенных обстоятельствах, вполне возможно. Точно так же, как существуют меры подготовки к таким обстоятельствам, защиты от них и дополнительной страховки⁷⁴⁹.

⁷⁴⁷ Старостин А.М. Современная прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 289.

⁷⁴⁸ Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. – М.-СПб.: Питер, 2003. С. 41-192.

⁷⁴⁹ Швец Л.Г. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2012. С. 247-260.

Этот сюжет, во многом психологический, поведенческий, требует своего развития. Но иначе нужно посмотреть и на коррупцию, скажем как аддикцию⁷⁵⁰, применительно к группе риска. Можно сказать: не демократично, не гуманно. Однако применительно к занятости во многих отраслях государственной службы принято и узаконено ограничение прав личности. И это оправданно. Также жестко поступают и крупные финансовые, и инновационные фирмы, где имеют место коммерческие тайны, служебные секреты, ноу-хау и другие категории, связанные с регламентацией доступа к ним.

Кстати, говоря, доля рекламаций по этой части в службах и организациях, работающих над проблемой надежности персонала, значительно меньше, нежели в иных отраслях и организациях.

Затронем сюжет о роли мирового и отечественного опыта.

Перед нами лежит серьезное, объемное исследование, выполненное подразделениями Всемирного банка: «Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления»⁷⁵¹.

Здесь рассмотрены инструменты изучения коррупционных цепочек и связей: выявление точек коррупционной уязвимости, применение маршрутных карт, использование информационных и коммуникационных карт, методики выборочного контроля качества конечного продукта и др. Вкупе с разработанным ООН набором инструментов по борьбе с коррупцией⁷⁵². Это существенный и разнообразный инструментально-методический материал, который неплохо бы наложить на имеющийся у нас опыт опросов, обобщения опыта правоохранительной и судебной системы и ведомственных проверок, к которому мы в основном обращаемся как к эмпирической и доказательной базе. А ведь на сей день она очень узка, да и концептуально весьма ограничена⁷⁵³. Надо данную базу расширять с прицелом на новые концептуальные подходы, о которых речь шла выше.

Резюмируя сказанное, хочется вновь обратить внимание на по-преимуществу междисциплинарный и межотраслевой, а также сравнительный подход, следуя которым удастся выйти на новые горизонты понимания коррупции в нашем обществе и найти эффективные способы противодействия ей. Но, как можно было понять из сказанного, это собственно противодействие

⁷⁵⁰ Гилинский Я.И. *Девиантология*. – СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2004; Менделевич В.Д. *Психология девиантного поведения*. – М.: ИД «Городец», 2016.

⁷⁵¹ Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / Под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана. – М.: Изд-во Альпина Паблишер, 2018.

⁷⁵² Коротаев А.В., Халтурина Д.А. *Современные тенденции мирового развития*. – М.: Изд-во Либроком, 2009. С. 183-201.

⁷⁵³ Нельзя не отметить, что в последнее время опубликован ряд качественных исследований, посвященных феномену коррупции, которые ориентированы на междисциплинарный и кросс-культурный подход: см. *Валянский С.А., Калужный Д.В.* Давай бери! Коррупция: торговля властью крупным оптом. – М.: Изд-во «Пятый Рим», 2018; *Матвейчев О., Аюбян А.* Мифы о коррупции. – М.: «Книжный мир», 2018.

не коррупции, а решение тех институциональных, социокультурных, управленческих проблем, существование которых порождает коррупционную в традиционном понимании деятельность и способствует ее укоренению. И в то же время распознавание новых видов коммерческой (бизнес-) деятельности, которая порождена современным обществом и оформление нового нормативного поля, дабы не мешать, а способствовать развитию.

И последнее. В антикоррупционной политике не менее значима, нежели системность, скоординированность усилий органов государственной власти, поддержка усилий гражданского общества. Его институты оказывают прежде всего общественную, моральную, да и порой и организационную поддержку усилиям государства. Когда общество и государство действуют в унисон – налицо успехи в антикоррупционной политике. Об этом свидетельствует и исторический опыт.

Коррупционные проявления в истории России с петровских времен развиваются волнообразно и характерны прежде всего для переходных эпох (николаевская Россия XIX в., николаевская Россия XX в., постсоветский период). Успех же в борьбе с коррупцией наблюдался в случае введения жестких антикоррупционных мер, подключения свободной прессы, проведения показательных процессов против мздоимцев, создание атмосферы нетерпимости к коррупционной деятельности, антикоррупционное воспитание в государственных и общественных учреждениях.

Авторская библиография

Старостин А.М., Швец Л.Г. Авторитарный конформизм как девиация в современном управлении / В сб. «Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Противодействие коррупции: междисциплинарный подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4.

Старостин А.М., Швец Л.Г., Тованчова Е.Н. Девиации в современном государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1.

Старостин А.М., Понделков А.В., Швец Л.Г. Феномен маргинализации в современном российском элитогенезе // Власть. 2016. № 5.

Старостин А.М. Философия делинквентной деятельности (терроризм, коррупция) / В моногр.: Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. Раздел 4.12.

РАЗДЕЛ V

ФИЛОСОФСКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ*

5.1. Государствообразующие процессы в современном политическом пространстве: концепции и реальность

Изучение ситуации в современном политическом пространстве (международном, региональном, локальном) с точки зрения основных институциональных структур, конституирующих его, позволяет обозначить различные методологические подходы. Речь можно вести по меньшей мере о наибольшем влиянии двух: стремление видеть институциональную структуру политического пространства в статике (не избегая экстраполяции этого положения на будущее) и динамичный подход, видящий возможность качественных трансформаций данной структуры уже в недалекой перспективе. Конечно, все это напоминает ортодоксально-марксистскую (а, возможно, и более раннюю) репрезентацию, делящую методологически значимые подходы к развитию на метафизику (как концепт устойчивости и неизменности) и диалектику (как концепт динамики, в том числе и резких качественных изменений, источником которых выступают противоречивые силы или источники).

Тем не менее, современная политическая оптика должна включать возможность одновременной или совместной репрезентации двух принципиально различных подходов, абсолютизация каждого из которых чревата односторонностью. Об этом вполне отчетливо говорят и предупреждают прежде всего специалисты в области сравнительной политологии⁷⁵⁴ и общегуманитарной компаративистики:

«С научной точки зрения известную опасность может представлять стремление построить статические модели политического порядка, т.е. постулировать неизменность политических культур... всегда проще и удобнее

* Авторская библиография представлена в конце раздела V.

⁷⁵⁴ См.: Желтов В.В. Сравнительная политология. – М.: Изд-во Акад. проект, 2008; Сморгунов Л.В. Сравнительная политология. М., 2002.

твердить о постоянстве порядка. К тому же появляется перспектива выдвижения легких решений, которые оставляют в стороне факторы разрыва и изменения»⁷⁵⁵. Достаточно проблемным, а, порой и парадоксальным, видится с этой точки зрения изучение одного из основных политических институтов – государства. Если начинать с «середины», т.е. отталкиваться от существующей системы государств современного мира во всем их видовом многообразии, то крайне значимым для большинства исследователей видится процесс глобализации, который все глубже затягивает государства в «воронку трансформаций».

Огромная литература по этому поводу⁷⁵⁶ предпочитает подталкивать аналитические и прогностические исследования к ситуации альтернативного развития: с одной стороны, идеи сохранения государства как главного субъекта внешней и внутренней политики, а, с другой стороны, «отмирания» или значительного снижения статуса государства и замещения его более значимыми институтами.

Типичными выступают тезисы, высказываемые известными отечественными исследователями. Например, Ю.А. Нисневич, который показывает как институт государства в разных его обликах реформируется, демократизируется, децентрализуется под напором транснациональных процессов: «Тот факт, что государства-нации, границы которых возникли в результате перманентных войн за территории и ресурсы, утрачивают свое доминирующее значение, во многом обусловлен таким феноменом конца XX в., как глобализация»⁷⁵⁷.

Важна, конечно, и та «матрица», по которой «отредактированное» государство согласно общих требований и применительно к конкретному его воплощению, войдет в политическую суперсистему (типа ЕЭС). Однако альтернативный взгляд на происходящие процессы базируется на той их части, которая развивается согласно другой «матрице». Речь идет о разных моделях глобализации, в рамках которых, как в разных условиях и контекстах, судьбы института государства и траектории его развития выглядят совершенно иначе: «Идеи альтернативной глобализации дают о себе знать не только в общественном сознании, но и в государственной политике ряда развитых стран, создавая предпосылки определенного замедления, если не попятного развития, глобализационных процессов»⁷⁵⁸.

Кстати говоря, альтернативистская глобалистика тесно переплетается с альтернативными же подходами и дебатами о структурах «однополюсного»

⁷⁵⁵ Желтов В.В. Указ. соч. С. 260–261.

⁷⁵⁶ См., например, обзор в: Хелд Д., Гольдблатт Д., Мангрю Э., Перритон Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. – М.: Праксис, 2004.

⁷⁵⁷ Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. – М.: Кнорус, 2012.

⁷⁵⁸ Глобальная перестройка. – М.: «Весь мир», 2014. С. 226. См. также: Старостин А.М. Современная глобалистика в контексте философской инноватики // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4.

и «многополюсного» миров. Что касается видения судеб государства прежде всего в контексте идей альтернативной глобализации, то здесь заявлена вполне определенная позиция. Так, в исследовании «Россия в полицентричном мире», выполненном коллективом под редакцией академика А.А. Дынкина и Предисловием Е.М. Примакова, утверждается: «в обозримой перспективе значение института государства в международных отношениях будет увеличиваться, особенно как источника легитимации новых форм и механизмов этих отношений. Функции государства будут множиться, а их внутространовая и трансграничная направленность – теснее переплетаться между собой ... Способность конкретных государств создавать, поддерживать и эффективно использовать такие формы станет определяющим фактором в определении статуса и конкурентоспособности государства в мире»⁷⁵⁹. Аналогичны оценки известного исследователя В.С. Малахова, отмечающего, что «слухи о скорой кончине государства сильно преувеличены. Государство по-прежнему остается универсальным политическим институтом и базовой ячейкой мировой политико-экономической системы»⁷⁶⁰.

Весомым основанием для суждений о том, что государство как политический институт вполне жизнеспособно и, скорее всего, хорошо вписывается в полицентричную модель глобализации, является положительный ответ на вопрос: «Продолжается ли государствообразование в современных условиях?» Это действительно сущностный вопрос, требующий анализа и обсуждения прежде всего в глобалистском контексте.

Остановимся на этом подробнее. Здесь есть несколько проекций. С одной стороны, как уже говорилось выше, при всем различии в понимании глобалистского контекста, в современном мире очень интенсивно идут процессы, меняющие формы и политические системы, на которых базируются традиционные государства. Так, цитировавшийся уже проф. Ю.А. Нисневич отмечает: «Завоевание демократией доминирующего положения в мире началось с падения правых авторитарных режимов в Южной Европе, и прежде всего в Португалии и Испании, затем в 80-е гг. XX в. серия переходов к демократии произошла в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, а в феврале 1990 г. начался демонтаж режима апартеида в Южной Африке. Это привело к тому, что количество либеральных демократий в мире увеличилось с 30 в 1975 г. до 61 в 1990 г.»⁷⁶¹.

Однако наблюдаются и более радикальные пробразования государств в современном мире на основе государственных переворотов и революций. Формат политической системы, да и территориально-государственное устройство при этом могут измениться более существенно.

⁷⁵⁹ Россия в полицентричном мире. – М.: «Весь мир», 2011. С. 156.

⁷⁶⁰ Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 220.

⁷⁶¹ Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. С. 6.

Под такого рода изменения подведен мощный теоретический фундамент, начиная от Ленинского труда «Государство и революция» и «Тюремных тетрадей» А. Грамши и заканчивая Дж. Шарпом с его трудом «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения»⁷⁶². К нашим дням теории революций и госпереворотов прошли путь от политического искусства – к политическим технологиям⁷⁶³. И могут трактоваться не только в контексте преступных деяний или в поле моральных оценок. Как известно, политика с моралью не дружит. Но раз в репертуаре определенных организаций появились такие технологии, где предметом «политических киллеров» становится государство, то появились и контртехнологии диагностирования и устранения таких киллеров.

Путь «цветных революций», который меняет частично или полностью политическую систему государства, за последние годы прошли многие государства, часть которых перешла из организованного в хаотическое состояние по воле и при поддержке «старших товарищей».

Одним из наиболее существенных источников государствообразования по-прежнему выступают войны, крупные межгосударственные конфликты, по результатам которых происходят не только внутривнутриполитические изменения локального или системного вида, но и меняются контуры территорий, ущемляется государственный суверенитет. Так, по итогам второй мировой войны только в Европе изменились границы восьми государств: Германии, Польши, Италии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Болгарии, СССР. А после распада СССР это затронуло уже 12 стран, не говоря уже об изменениях на других континентах. Поэтому есть смысл остановиться более подробно именно на этих государствообразующих процессах, которые в XX веке в наибольшей мере повлияли на рождение новых государств и включение (поглощение) прежних государств государствами-победителями.

Анализируя изменения в политической карте мира, произошедшие на протяжении XX века, мы видим несколько волн этих изменений, сконцентрированных и связанных с мировыми войнами, как крупнейшими социально-политическими конфликтами.

Начинаясь с острых споров из-за территорий, границ, эти войны заканчивались, порождая мощные сецессионные волны. Так, первая мировая война завершилась Версальской системой, закрепившей итоги разрушения крупнейших империй и утвердившей принципы наций на самоопределение. В результате появилось около полутора десятков новых государств – более мелких, слабых, заряженных массой проблем и междуусобных конфликтов. Вместе с тем были созданы все условия для генерирования тоталитарных режимов, многие из которых образовались на почве радикального национализма и фашизма

⁷⁶² См.: *Кара-Мурза С.Г.* Кризисное обществоведение. Ч. 1. – М.: Научный эксперт, 2011. С. 366–383.

⁷⁶³ *Зыкин Д.* Перевороты и революции: зачем преступники свергают власть. – СПб.: Питер, 2016.

(Германия, Италия, Испания, Португалия, Венгрия, Румыния. Немногим отставали от них Польша, Болгария, Прибалтийские страны).

Примечательно, что активнейшее участие в формировании новой карты Европы через цепь послевоенных сецессионных конфликтов, приняли США во главе с президентом Вудро Вильсоном и выдвинутыми им знаменитыми «четырнадцатью пунктами», обнародованными в январе 1918 г. Любопытно также, что в октябре 1918 г. администрация В. Вильсона разработала тайные комментарии к этим 14 пунктам, в которых предлагалось окончательно решить «русский вопрос». Россия объявлялась более не существующей. И выдвигались требования не только отделения Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии из ее состава, но также отделения Украины, Сибири, Кавказа и других территорий. Что отражалось на карте, предложенной Госдепартаментом США для Парижской мирной конференции в виде «Предлагаемых границ для России»⁷⁶⁴.

Согласно решений Парижской мирной конференции процесс образования новых государств, образующихся сецессионным путем, призван был опираться на два принципа: языковой и проведение референдумов. Однако эти принципы тут же стали нарушаться. В итоге Версаля образовались новые государства и политические союзы, сформировались новые зоны геополитического влияния, произошло перераспределение колоний.

Вместе с тем были заложены условия, способствующие развитию аннексионных конфликтов и произошел сбой в системе государственного управления в рамках устоявшихся межнациональных и внутрисоциальных отношений в континентальном (Европейском) масштабе.

Вторая волна сецессионных конфликтов сформировались в итоге Второй мировой войны и захватила не только европейский континент, но и последовательно другие, обрушив в итоге мировую колониальную систему. В результате поток сецессионных конфликтов за период чуть более одного десятилетия, после окончания Второй мировой войны привел к образованию многих десятков новых государств.

Третья сецессионная конфликтная волна сформировалась в конце 80-х – начале 90-х гг., обрушив СССР, Югославию, Чехословакию, породив более 20 новых признанных суверенных и несколько самопровозглашенных государств⁷⁶⁵. основополагающий Хельсинский заключительный акт СБСЕ 1975 г., подтвердивший нерушимость существующих границ в Европе оказался отодвинутым навсегда.

Исторически в XX в. сложилась тенденция тесной взаимосвязи аннексионных и сецессионных конфликтов (А-конфликты и С-конфликты).

⁷⁶⁴ См.: Русский обозреватель. 1995. № 1.

⁷⁶⁵ См. подробнее: *Жирохов М.А.* Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб., БХВ-Петербург, 2012.

Это оказался своеобразный геополитический «тяги-толкай». Аннексионные конфликты, как правило, связаны с развязыванием войны, реализацией открытых или завуалированных геополитических притязаний. А сецессионные, подкрепленные внутренними силами, в условиях резкого ослабления сил суверенных государств, инициированных агрессивных действий или являвшихся объектом агрессии, продолжают этот цикл переформатирования геополитического пространства.

В то же время аннексионные притязания и конфликты вызывают протесты и осуждение в мировом общественном мнении. В принципе можно сказать, что механизм, основанный на связке «А-конфликт – С-конфликт» – это старый как мир принцип «разделяй и властвуй», отточенный в XX в. до блеска применительно к задачам переформатирования стабильного, устойчивого геополитического пространства. Однако остается вопрос: «Насколько рукотворен этот механизм»? И не злоупотребляем ли мы здесь апелляцией к конспирологическому дискурсу, снижая значимость стихийно развивающихся, спонтанных глобальных и региональных процессов?

С нашей точки зрения ответ на этот вопрос таков: степень рукотворности в инициировании связки А-конфликт – С-конфликт довольно существенна. Но, во-первых, они действенны в условиях созревших геополитических противоречий.

По аналогии можно сравнить эти обстоятельства с «революционной ситуацией», где налицо крайнее обострение внутривнутриполитических субъективных и объективных факторов. Только здесь мы имеем дело с «геополитической революционной ситуацией».

Во-вторых, степень воплощения рукотворных замыслов и целей и реальные итоги чаще всего не только не совпадают, но и требуют последующих повторов, возвратов к исходным замыслам.

В-третьих, идет совершенствование рукотворных действий, которые за последнее столетие прошли путь от геополитического искусства до геополитической инженерии.

Что касается объективной подосновы геополитической революционной ситуации, связанной с системой «А-конфликт – С-конфликт», ведущей в связке к переформатированию геополитического пространства, то достаточно аргументированный и ясный и, главное, новый ответ на этот вопрос дало нашумевшее фундаментальное исследование Топа Пикетти «Капитал в XXI веке»⁷⁶⁶.

Как отмечается в обзорах этого исследования «Пикетти доказывает, что все сегодняшние политические и экономические дисбалансы не вызваны страновыми рисками или некими сторонними силами (например, терроризмом), а являются прямым следствием существующей системы. Дефект

⁷⁶⁶ Piketty Thomas. Capital in the Twenty-First century. Harvard, 2013.

изначально встроен внутрь механизма и заложен в принципах современной модели рыночной экономики»⁷⁶⁷.

И далее, в развитие и конкретизацию этого положения: «Когда богатство в руках частников, а долг числится на государстве, рано или поздно появляется мотив подрыва долговых обязательств. Мотив сброса долгов вместе с государством. С экономической точки зрения таких способов списания долга всего два: либо война, либо революция. Что и происходило на протяжении всего XX века»⁷⁶⁸.

Особо беспокоит, что политико-экономический вулкан, через который уже состоялось три глобальных извержения в XX в., находится на границах России и Европы. И сейчас накопились все условия для четвертого извержения. Они связаны с Украиной как главным плацдармом для нового глобального извержения последующего геополитического реформирования. В качестве одного из основных, – информационно-пропагандистского направления подготовки, – выступает формирование механизмов сецессионных конфликтов, которые вызывают более благоприятное отношение со стороны мирового общественного мнения. А западные СМИ и другие принадлежащие им информационно-политические ресурсы всеми силами доказывают и показывают, что именно со стороны России проводится аннексионная политика.

Не факт, что «вулкан» в итоге взорвется в указанном месте. Но это более вероятно. И тогда вновь, уже в четвертый раз будет запущен проект 1918 года «Предлагаемые границы России». Однако есть и запасной вариант – Ближний Восток. Он тоже очень перспективен с точки зрения богатства природными ресурсами и более перспективен с позиций возможных военно-политических успехов.

На переключение с основного на запасной вариант во многом влияет искусство геополитического маневра современной России.

В этих условиях как никогда прежде необходимо усиление отечественных интеллектуальных ресурсов на данном направлении. Или, как гворят в известных кругах⁷⁶⁹, наращивание потенциала оргоружия.

Прежде всего от этого фактора зависит выйдет ли на свой пик, – взрывной, революционный, четвертая волна А-конфликтов – С-конфликтов в XXI веке или ее удастся перевести в эволюционный формат. Именно об этом размышляет один из наиболее авторитетных специалистов в этой области К.Н. Брутенц.

⁷⁶⁷ Крутаков Л. Капитальный ремонт // Власть., «Коммерсант». 2015. № 8. С. 34.

⁷⁶⁸ Там же. С. 36–37.

⁷⁶⁹ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века // Изборский клуб. 2013. № 6; Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики (под ред. А.М. Старостина). – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. С. 10–13.

Он пишет в заключении своего обширного исследования «Великие геополитические революции»: «Мы находимся в процессе создания нового мирового порядка. Мир, к которому привыкли, исчезает... Обеспечение относительно малоконфликтного характера изменений и приспособление к ним заинтересованных сторон, а также мира в целом, которому предстоит стать иным, будет, думается, важнейшей и труднейшей задачей первой половины нынешнего столетия»⁷⁷⁰.

Полностью соглашаясь с этим, добавим значимость компетенций в области владения геополитическим искусством и геополитическими технологиями со стороны высшего руководства современной России. Ибо, как и в начале XX столетия, Россия вновь выступит в качестве Джокера в мировой геополитической игре.

5.2. Власть, бизнес, гражданское общество: противоречия и конфликты на пути к устойчивому развитию

Анализируя современный дискурс, касающийся поисков моделей устойчивого развития социальных системы, столь распространенный ныне, следует обратить внимание на то обстоятельство, что сам концепт «устойчивого развития» превратился ныне в некий штамп и даже идеологему. В действительности реальные социально-политические процессы чем далее, тем все труднее укладываются в нее. Это показывает изучение основных аспектов социального развития.

Прежде всего, это методологический аспект, репрезентирующий контекстуальные, смысловые стороны, из которых вытекают инструментальные подходы. Подход, связанный с устойчивым развитием в каноническом звучании, сформировался в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. применительно к глобальной (мировой) цивилизации и его применение фокусировалось первоначально на выстраивании сбалансированной системы отношений «глобальное сообщество – окружающая среда». Спустя первое десятилетие, анализируя опыт выполнения принятых решений по части перехода мирового сообщества к устойчивому развитию, Генеральный секретарь ООН К. Аннан признал, что слово «устойчивость» превратилось скорее в заклинание, чем в призыв к действию (Всемирный саммит по устойчивому развитию – Йоханнесбург, 2002). На проблему выхода за пределы модели «устойчивого роста» обращают внимание и его основоположники⁷⁷¹. В этом чувствуется

⁷⁷⁰ Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М.: «Международные отношения», 2014. С. 673.

⁷⁷¹ Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя. – М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2012. С. 17-24.

серьезное разочарование в результатах, поскольку идеология «устойчивого развития» получила свою собственную интерпретацию в странах развивающейся части мира и в развитых странах, столкнувшись с непримиримостью позиций этих групп стран, поскольку идеология устойчивости закладывалась как идеология унифицированного и стандартизированного глобального развития, не учитывающая полицентричные цивилизационные реалии.

Поэтому одновременно проявилась тенденция переноса корректируемой идеологии «устойчивого развития» на макрорегиональный и на национальный уровень, где в проблематику развития стали включаться экономические, политические, социальные сегменты, имеющие не только разную степень продвинутости с позиций западных стандартов развитости, но и собственные приоритеты. «Устойчивое развитие» приобрело неканонический вид и, порой, выступает как метафора управляемого (сбалансированного) развития социума, минующего кризисные ситуации и фазы.

В современном прочтении каноническая трактовка звучит так: «Устойчивое развитие – такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества»⁷⁷². В рамки такой по сути инерционной модели устойчивого развития укладываются поиски эффективного государственного управления и его критериев.

В частности, в конце 90-х гг. XX в. – начале 2000-х годов нами была разработана такая модель, где маршрут эффективного развития общества и государства прокладывался в рамках «коридора эффективности», нижняя граница которого определяется предельно-критическими показателями развития – ПКПР (Г.В. Осипов, В.В. Локосов), а границы «сверху» – дифференцированными показателями Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), присущими группе развитых государств. В таком случае «Неустойчивость тесно связана с неэффективностью и обусловлена двояким образом: дисгармонией интересов элит и общества, с одной стороны, и несогласованием управленческих воздействий с граничными требованиями внешней среды и ресурсов – с другой»⁷⁷³.

В современном расширенном прочтении «устойчивое развитие» почти полностью интерпретируется в рамках системно-синергетической методологии и структурно-функциональной трактовки социальной системы. И здесь есть ряд проблем, основная из которых, на наш взгляд, связана с сопряжением управления **стабильным состоянием** социальной системы

⁷⁷² Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие // Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М.; СПб; Нью-Йорк, 2006. С. 925.

⁷⁷³ Устойчивое развитие Юга России: состояние, проблемы, перспективы. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2003. С. 64.

и управлением *ее развитием*. Не случайно именно эта проблематика наиболее интенсивно обсуждается и в академических кругах, и в кругах, занятых социально-политическим и социально-экономическим проектированием и управлением. Речь при этом идет о предупреждении кризисных ситуаций и выходе из них, а также о генерировании социально-инновационных подходов и стратегий, которые позволили бы перейти вначале от «неустойчивого развития» к «устойчивому», а затем – к «опережающему развитию»⁷⁷⁴.

Мы бы также обратили внимание еще на такой аспект, который начинает возобладать в социально-гуманитарных и экономических исследованиях глобального и регионального развития, начиная с 2010-х гг., как «турбулентность», «нестационарность», «неустойчивость», «рискогенность» социального развития. Именно в первое десятилетие XXI века эти параметры оказались на виду. Обнаружилась не только неравномерность социально-экономического развития, ведущая к быстрому изменению пропорций в удельном весе наиболее крупных «игроков» глобальной экономики (США, ЕЭС, Китай, Япония и страны БРИКС), но и появление новых динамичных и радикальных политических «игроков» (исламский радикализм).

В этих обстоятельствах начинает разворачиваться борьба не столько за стабилизацию существующих компонентов развития, часть которых «работает» неподконтрольно, по собственным ценностным установкам и программным целям, а за опережающее, ускоренное и углубленное развитие, в результате которого удастся занять более выигрышные социально-экономические и политико-управленческие позиции в глобальном сообществе.

Речь идет уже не о количественном опережающем росте, а о качественном, инновационном развитии. При этом целый ряд экономических и технологических параметров не только не растет, но и начинает сокращаться. Например, некоторая часть государств мира частично переходит с траектории высокоиндустриального развития на траекторию информационного и когнитивного развития.

Именно это обстоятельство обуславливает то, что от стремления 80–90-х гг. XX в. найти модель устойчивого развития в рамках параметров высокоиндустриального развития (труд – капитал – ресурсы), в начале 2000-х гг. формируются основные параметры инновационного развития (человеческий капитал – инновационно-технологический капитал – капитал макроэкономического и информационного влияния).

По сути эта модель (инновационная) является глубоко неустойчивой и востребующей иные модели социальных отношений и социального

⁷⁷⁴ Глазьев С.Ю., В.В. Локосов. Оценка предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587-604; Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.

(включая и политическое) управления. Именно поэтому в начале XXI в. и среди интеллектуалов, и среди политиков развернулись интенсивные поиски модели «гибкой власти», «умной власти», «когнитивной власти»⁷⁷⁵.

Своеобразным подытоживанием этих поисков стала книга Джозефа С. Ная «Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век» (М.: АСТ, 2014), где он излагает концепцию «умной силы», сводящуюся к оптимальному (сбалансированному) сочетанию «твердой силы» и «мягкой силы», предостерегая от неких универсальных и однозначных формул власти как силы: «Умная сила – это сочетание твердой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения»⁷⁷⁶.

Следовало бы также обратить внимание на то, что в обсуждаемой проблематике пока недостаточное внимание уделяется проблемам социального объекта, который в действительности во все большей мере выступает и как социальный субъект, основываясь на новых информационных технологиях и ресурсах. Речь в данном случае идет о стратегиях, нацеленных на будирование процессов социальной самоорганизации. Именно эти факторы выступают и как дополнительный, и как основной (при надлежащих условиях) ресурс любых ипостасей развития: «неустойчивого», «устойчивого», «опережающего», «инновационного». При этом уровень и навыки самоорганизации могут быть отслежены и оценены в первую очередь по индикаторам социального самочувствия. А они, в свою очередь, характеризуют сформированность и уровни развития прежде всего базовых ценностей, установок, ориентиров.

Если конспективно говорить об этом аспекте применительно к современной России, то на устойчивость ее развития и мажорность социального самочувствия положительно влияют: повсеместная реализация принципа справедливости; наличие установок и поведенческих норм, в которых реализуются принципы солидарности и толерантности; создание равных возможностей для саморазвития и наличие путей их реализации; осознанное чувство державной причастности (доверия государству и его основным институтам); чувство защищенности и безопасности. Положительные сдвиги в названных самоощущениях и ценностях, обеспеченные целенаправленными действиями государства в социально-экономической, информационной, культурной политике, способны привести к положительным сдвигам в этой сфере. Верно и обратное: негативные сдвиги по указанным параметрам достаточно быстро приводят в зону турбулентности, конфликтов и к потере управления.

Но речь нужно вести не только о действиях существующей социально-политической системы, которая ныне неэффективна ни в субъектно-

⁷⁷⁵ В 2009 г. Хилари Клинтон высказала следующие положения: «Америка не в состоянии решать самые насущные проблемы в одиночку, но и мир не в состоянии их решать без Америки. Нам необходимо использовать то, что назвали «умной силой», полный набор инструментария, имеющегося в нашем распоряжении» - цит. по: *Най С. Джозеф. Будущее власти.* – М.: АСТ, 2014. С. 11.

⁷⁷⁶ *Най С. Джозеф. Указ. соч. С. 18, 346–347.*

мотивационной сфере, ни в области объектного управления. Неэффективна прежде всего из-за избыточной бюрократизации и засилья административных методов и подходов. Для того, чтобы задать основной вектор социально-политического развития, позволяющий достигнуть предпосылок устойчивости развития с учетом гражданской составляющей, необходимо перевести акценты в социально-политическом дискурсе от традиционных концептов: «демократия», «гражданское общество», «бюрократия» и т.п., к концептам, характеризующим источники власти.

Речь идет о «переводе стрелок» с концепции Р. Миллса и представителей элитарного взгляда на власть, где именно элиты выступают основным субъектом власти, на концепцию Р. Даля, где народ, общество выступает субъектом власти⁷⁷⁷. Эту диспозицию удачно схватывает дилемма «иерархия» – «полиархия». В политических системах это проявляется либо в избыточной концентрации власти в традиционных властных институтах, либо в «распыленности» власти в узлах социальных сетей, говоря современным языком.

Современный полиархический дискурс восходит к классическим работам по проблемам плюралистической демократии Д. Трумэна, Д. Рисмена, Р. Даля 60-70-х гг. XX в. и их многолетней полемике с работами и взглядами ярких представителей модели властвующего класса и властвующей элиты Р. Миллса, Ф. Хантера.

Суть полемики, основанной на многоплановых эмпирических исследованиях, во взглядах на структуру власти в США, как оплоте демократии: власть сконцентрирована в руках немногих (Р. Миллс) или дисперсна, полиархична, сосредоточена во множестве центров власти, результирующая взаимодействий которых весьма отлична от импульсов, исходящих из каждого центра (Р. Даль)? Подробный анализ эволюции этого многолетнего спора представлен в нашей совместной с Г.К. Ашиным, известным советским и российским политическим философом, работе⁷⁷⁸. Анализ многолетней дискуссии между плюралистами и их критиками показывает ее незаконченность, она развивается волнообразно, будучи ярко представлена, например, в работах одного из крупнейших современных элитологов Д. Хигли⁷⁷⁹, который подчеркнул рост влияния элит в условиях современной западной цивилизации, который, в свою очередь, порождает целый калейдоскоп угроз.

Эти суждения высказаны уже в рамках контекста «однополярного мира», где современная демократия должна вписываться в «однополярный стандарт демократии», а глобальный контроль за этими процессами осуществляет глобальный же клуб развитых демократий («Семерка», «Двадцатка» и т.д.).

⁷⁷⁷ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.

⁷⁷⁸ Ашин Г.К., Старостин А.М., Понделков А.В., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. – М.: URSS, 2013. С. 160-185; Желтов В.В. Теория власти. – М.: «Флинта», 2008. С. 435-437.

⁷⁷⁹ Хигли Д. Демократия и элиты // Полития. № 2 (41). Лето 2006. С. 28-30.

Иными словами, национально-государственная форма демократии должна вписываться в глобальную иерархию демократий, что вызвало в не столь давнее время со стороны российской власти критическое отношение в виде выдвинутой концепции «суверенной демократии». Ныне на пути к подобным подходам находится ряд крупных стран Евросоюза (Англия, Франция, Испания и др.).

Тем не менее, концепции полиархии Р. Даля и его современных последователей оказываются значимыми противовесами по отношению и к концепциям, и к практическим шагам, направленным к концентрации и монополизации власти, хотя бы и в рамках традиционной демократии.

Применительно к организационно-управленческим системам речь в таком случае можно вести о вертикально-интегрированных и горизонтально-интегрированных системах. В идеале же современное управление развивается по пути «уплощения», снижения уровня иерархизации.

По Р. Далю полиархия, как политический порядок, отличается в самом общем виде двумя масштабными характеристиками: гражданские права представлены высокой долей взрослых, а сами эти права позволяют проявлять несогласие и путем голосования смещать высших должностных лиц в управлении. Полиархия может быть понята как продукт демократизации наций-государств, а также как система политического контроля⁷⁸⁰. В современных условиях переход к системам «электронного правительства», «электронной демократии» позволяет интенсивно продвигаться к режиму полиархии.

Применительно к современной России, учитывая сказанное об устойчивом и неустойчивом развитии, первоначально речь стоит вести о сбалансированном развитии. И ключом к нему может стать переакцентировка в построении социально-политической системы с иерархии – к полиархии.

Концепция полиархии может реализоваться постепенно, первоначально прежде всего за счет реального развития системы местного самоуправления, делегирования ей значительного пакета полномочий и ресурсов по развитию территорий и реализации социальных и культурных потребностей граждан, по поддержке малого и среднего бизнеса, обеспечению охраны общественного порядка. Основной акцент при этом должен делаться не только на решении текущих социальных и хозяйственных вопросов, но и на развитии самоорганизации граждан.

К этому выводу приходят и специалисты в области когнитивной аналитики, обращающие внимание на когнитивную составляющую, действующую в узлах социальной сети⁷⁸¹.

Что касается иерархии, то следует обратить внимание на истоки, исходные причины ее воспроизводства. Она выступает и как ключевой принцип

⁷⁸⁰ *Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 39-40.

⁷⁸¹ *Малинецкий Г.Г.* Высокие технологии – путь России в будущее. М., 2012. С. 217.

организации власти в России на протяжении продолжительного исторического периода, и как тормоз в развитии при всем при том, что также выполняет роль стабилизатора в развитии. Это так называемая «русская модель управления», реформировать которую крайне трудно. Но попытки такого реформирования неоднократно предпринимались.

Как подчеркивает А.П. Прохоров⁷⁸², ключевым элементом русской модели управления является существование двух режимов, двух стереотипов поведения в каждой голове и в обществе в целом – нестабильного (мобилизационного) и стабильного (застойного), что обуславливает в итоге: 1) неправовой характер государства и управления (поскольку нормы, ценности и установки поведения двух режимов чрезвычайно различны) и 2) приводит к строгой централизации, что исключает механизмы инноваций (все работает по единым образцам) – отсюда «догоняющие модернизации» и неизбежность импорта идей и образцов⁷⁸³.

Основным вектором в переводе «русской модели управления» на современную траекторию сбалансированного развития видится полиархическая модель власти, организация НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ взаимоотношений базовых элитных групп, которые должны быть проработаны для современной России.

Первоочередными шагами применительно к полиархизации Русской власти могут быть следующие основные позиции:

а) переворачивание «пирамиды власти» с сосредоточением основных ресурсов и властных полномочий на уровне региональной и местной власти, прекращение «круговорота» налогов, которые почти полностью изымаются из местной налогооблагаемой базы в сторону федеральной власти, а затем частично возвращаются в виде дотаций; то же касается «право-писания», с попыткой заложить в федеральную правовую базу даже мельчайшие детали местной жизни и регламентировать ее из Центра;

б) выбор модели демократии, релевантной цивилизационному коду российского общества (в рамках основных кластеров: конкурентной и идентитарной демократии и их сочетания);

в) выбор оптимальных моделей взаимодействия основных элитных групп (административно-политической, бизнес-элиты, интеллектуальной элиты, информационной, элиты культуры; религиозно-духовной, этнократической): обозначение маршрута этого движения от доминирования патрон-клиентных и конкурентных их отношений – к партнерским; закрепление этой модели нормативно-правовыми актами, соглашениями, контролирующими эти акты гражданскими союзами, представляющими их интересы;

⁷⁸² Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002.

⁷⁸³ Старостин А.М., Данилов А.Г., Понеделков А.В. Государственная модернизационная политика России: предпосылки и итоги в ретроспективе и в современной проекции. Ростов н/Д., 2012.

г) демонополизация партийной системы от доминирования одной из партий; формирование в этих целях двух или немногих партийных союзов; развитие дополнительных электоральных институтов, например, института выборщиков;

д) демонополизация доминирующих в экономике компаний и картелей хотя бы до уровня, бытовавшего в советском ВПК (внутриведомственная конкуренция авиационщиков, ракетчиков, оружейников, двигателистов, танкостроителей, кораблестроителей и т.п.). И прежде всего, в производстве (добыче) и продаже газа, нефти, электроэнергии, на железнодорожном транспорте.

е) организация подбора и воспитания руководителей, лидеров, обладающих управленческими способностями, ответственностью; проведение профессионально-ориентированной их подготовки и включение этой работы в систему кадровой политики и кадровой работы на элитном уровне.

Подчеркнем три важных момента:

1. В последние годы при репрезентации проблем устойчивого развития произошел сдвиг в его понимании: от линейно-инерционного, прогрессистского – к инновационно-синергетическому, содержащему существенные моменты качественных сдвигов, перехода в новый глобальный и региональный экономико-технологический уклад. В свою очередь, данный сдвиг востребует систему социального управления нового типа – когнитивного, и новую систему социально-политических отношений, сочетающих компоненты глобального, регионального и локального уровней, выстраиваемых по модели полиархии (многополюсности).

2. Применительно к российским реалиям есть необходимость выстроить стратегический маршрут ее сбалансированного (устойчивого) развития с учетом и общей модели инновационной устойчивости, и цивилизационного культурного кода российского общества, в контекст которого вписывается модель демократических отношений, взаимодействия элит, государства и общества по полиархическому, а не иерархическому типу. В таком случае инновационно-устойчивая модель имеет предпосылки для своей реализации в России.

Наряду с существенными изменениями в понимании устойчивого развития в глобальном измерении и сдвигами в сторону инновационно-устойчивой модели, наметились и контекстуальные изменения в понимании самой глобализации. Ныне речь идет об альтернативной глобалистике⁷⁸⁴ и, как следствие, альтернативном понимании устойчивого развития.

⁷⁸⁴ См.: Старостин А.М. Альтернативные модели глобализации в контексте философской инноватики // В сб. «Философская инноватика и глобальные проблемы со-временного общества». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012; а также в сб. «Глобальная перестройка». – М.: Изд. «Весь мир», 2014.

К сказанному о, так сказать, рамочных подходах к устойчивому развитию связки «власть – бизнес – гражданское общество», следует добавить один важный смысловой аспект. Он касается особенностей становления в российских условиях базовых институтов демократического общества и прежде всего гражданского общества.

В центре политического внимания современного российского общества стабильно находятся проблемы формирования политических институтов и инструментов, способствующие расширению пространства свободы, справедливости, безопасности. Выступая с ежегодным Посланием Федеральному Собранию 1 марта 2018 г., Президент РФ В.В. Путин подчеркнул: «Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причем во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам⁷⁸⁵. Особую значимость на протяжении многих постсоветских лет имеет проблема гражданского общества, к которой политики и ученые обращаются периодически, но подвижки в рамках этой проблемы невелики.

В современной российской политической теории значительное внимание уделяется разработке проблем гражданского общества. Актуальность ее со временем не снижается, меняются только выбираемые аспекты, акценты и контексты, в рамках которых все это рассматривается. Ну и, конечно, основным детерминантом данного процесса выступает значительная нестыковка предлагаемых теоретических моделей и концептов и российской политической практики. Хотя, казалось бы, этого быть не должно, поскольку в процессе транзита, трансформации советского общества в социально-политические и экономические структуры буржуазного типа, реальные образцы и теоретические каноны такого рода, имеющие многовековую традицию, должны были помочь избежать и острых конфликтов на практике, и непонимания, разночтений в теории. Но этого не произошло. Отчасти по причине недостаточной ясности в теоретических позициях, а, отчасти, из-за неразработанности политико-управленческих и, в целом, социально-гуманитарных технологий, призванных связать социальную практику с желаемыми концептами и ценностными представлениями.

Что касается теоретических разработок, то, не претендуя на какой-то окончательный срез в этой области, подчеркнем наметившееся стремление, усилившееся в последние годы, к более структурированным рефлексивным подходам к темам, связанным с гражданским обществом, более четкому выявлению существующих концептуальных «развилки» и недостаточную исследованность возможностей их конвергенции. Так, известный исследователь О. Хархордин, анализируя пути развития концепций гражданского общества

⁷⁸⁵ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию // Российская газета. 2018. 2 марта (№ 46).

и способы их адаптации к российским реалиям, указывает на две традиции в понимании гражданского общества: Л-традиции, идущей от Дж. Локка и М-традиции, восходящей к Ш. Монтескье⁷⁸⁶. И справедливо полагая, что вращаясь в рамках этих традиций, современная российская политическая мысль не вполне в них вписывается. Ей как бы недостает чего-то своего. Возможно, что путь к этому своему могут более прояснить дальнейшие поиски с ориентацией на третью традицию, которую можно обозначить Р-традицией – поиски в области религиозно-этических оснований гражданского общества⁷⁸⁷. Этот автор, вместе с тем, подчеркивает особую значимость сформированности внутренней общей и политической культуры, исходящей из религиозных ценностей и регулятивов поведения, ибо: «Гражданские методы жизни должны укорениться не столько в результате рациональных планов переустройства принципов диффузного насилия, сколько в результате таинственного сошествия на человека глубокой внутренней веры»⁷⁸⁸. Ну и, конечно, добавили бы мы, – ненасильственных способов организации гражданской жизни и изменением временных масштабов в ее социальном преображении: с краткосрочных и ситуационных, исходящих из конструктивистско-проектных подходов – на долгосрочные, исходящие из эволюционных и коэволюционных представлений.

Однако на сегодняшнем этапе, и в этом мы согласны с О. Хархординым, «представление теоретиков М-традиции о гражданском обществе как наборе независимых ассоциаций, опосредующих отношение между индивидом и государством, оказалось гораздо ближе к нынешним российским дебатам о гражданском обществе, чем Л-традиция»⁷⁸⁹.

Одновременно следует подчеркнуть значимость исследовательских и основанных на них инструментальных процедур, направленных на выработку адекватного понимания гражданского общества в российских современных условиях. В особенности это касается процессов диффузии представлений и практик европейского и американского происхождения в российскую социально-политическую культуру. И в то же время готовности установок и предпосылок рецепции (приема и принятия) этих инноваций.

Попутно заметим, что аналогичный контекст, касающийся диффузии и рецепции основных концептов и политических практик, обнаруживается применительно ко всем базовым институтам и процессам буржуазного общества западного типа, транслируемым в последние 25-30 лет в российском обществе⁷⁹⁰.

⁷⁸⁶ Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М.: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2011. С. 76-80.

⁷⁸⁷ Там же. С. 80-93.

⁷⁸⁸ Там же. С. 112-113.

⁷⁸⁹ Там же. С. 80.

⁷⁹⁰ См., например: *Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В.* 13 теорий демократии. – СПб.: Изд-во «Бизнес-Пресса», 2002 и др.

Укажем на результаты наших авторских исследовательских и мониторинговых подходов в этом направлении.

В данном теоретическом процессе активное участие приняли руководители и члены Ростовской политологической школы, сформировавшейся за два десятилетия на базе ЮРИУ РАНХиГС (бывшая СКАГС). Здесь реализован ряд серьезных проектов, в том числе при содействии Фонда им. Ф. Эберта⁷⁹¹, а также защищено около 20 докторских и кандидатских диссертаций (В.Г. Домановым, С.В. Сиражудиновой, А.В. Семеновым, М.В. Метлушенко, И.В. Твердовым, Е.Е. Черепяхиным и др.)⁷⁹² под руководством профессоров А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, С.А. Кислицына.

В разработке проблем российского гражданского общества одним из наиболее важных аспектов выступает практическая реализация теоретических результатов. Причем, далеко не всегда осознается, что практическая реализация как внедрение теоретических наработок или распространение (тиражирование) новых образцов опыта, не осуществляется напрямую, прямолинейно. Обычно в таких случаях преобладает схематичный подход, редко заканчивающийся удачно. Внедрение и распространение, трансфер нововведений – это особая процедура. На сей счет проведен ряд специальных исследований, показавших необходимость разработки специальных опосредующих моделей, технологий, институтов⁷⁹³. В этом случае мы можем уйти от схематизма или избежать ограниченности простой имитации, или риска остаться в кругу так называемых демонстрационных образцов.

В монографии А.Ю. Сунгурова доказательно показано, что большая часть социально-политических инноваций вообще не может быть реализована

⁷⁹¹ Старостин А.М. Региональные элиты Юга России и проблемы формирования гражданского общества // Пути формирования гражданского общества в полиэтничном Южно-Российском регионе. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2002; Понеделков А.В., Старостин А.М. Новый «правящий класс» и перспективы гражданского общества в России // Перспективы гражданского общества в современной России. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2002.

⁷⁹² Доманов В.Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России. Дис. ... докт. полит. наук. Ростов н/Д., 2010. 461 с.; Сиражудинова С.В. Формирование основ гражданского общества в традиционалистских условиях Северного Кавказа. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2011. 165 с.; Семенов А.В. Элиты некоммерческих (общественных) организаций как политические акторы институализации российского гражданского общества. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2009. 180 с.; Метлушенко М.В. Детерминанты политических конфликтов оппозиционных структур и властных элит в современном гражданском обществе России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2009. 154 с.; Твердов И.В. Формирование общественно-государственных институтов и отношений в процессе становления гражданского общества в современной России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2008. 141 с.; Черепяхин Е.Е. Взаимообусловленность становления правового государства и гражданского общества в современной России (региональный аспект). Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2005. 155 с.

⁷⁹³ Никовская Л.И., Якимец В.Н. Политика региональных властей в России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Полис. 2011. № 1; Горный М.Б. Некоммерческие организации как субъекты гражданского участия // Публичная политика в современной России: субъекты и институты. – М.: ТЕИС, 2006. 348 с.

без наличия особых институтов – медиаторов⁷⁹⁴. Особое место здесь занимают так называемые «фабрики мысли».

В наших исследованиях 2009–2016 гг. в рамках программы «Современная прикладная философия как философская инноватика» было показано на материале развития ряда научно-гуманитарных областей, что, во-первых, в процессе перехода от теоретических моделей и концепций к прикладной сфере и практической реализации существует по меньшей мере 4-5 схем – моделей действий⁷⁹⁵. А, во-вторых, из теории инновационной деятельности следует определенная этапность трансфера инноваций в тех случаях, когда источником апробированных и концептуальных разработок, и внедряемых образцов выступает опыт высокоразвитых государств (для России последних десятилетий это опыт США и Западной Европы). В качестве таких этапов выступают: простая имитация; «подражательная» инновация; самостоятельная (независимая) инновация⁷⁹⁶. И это не просто некие, кажущиеся порой уничижительными наименования, а сложные и все усложняющиеся, и все более адекватные способы, образцы, технологии социальной практики, которые необходимо освоить и применить, чтобы в итоге «догнать и перегнать».

Конечно, они более известны и распространены в научно-технической и промышленной сферах. Наиболее известны примеры из области атомных и ракетных проектов, в рамках которых СССР приходилось вначале заимствовать образцы чужого опыта, а затем или же параллельно наработать свой собственный, оригинальный, за которым впоследствии шла охота конкурентов, бывших вначале «донорами».

В социально-гуманитарной сфере наличествуют примерно те же закономерности. Поэтому лучший вариант продвижения инноваций, в том числе и касающихся формирования гражданского общества, это следование этим закономерностям, а не импровизация.

Анализ во многом доктринальных подходов, выделенных и репрезентированных выше, следует дополнить экспериенциальным аспектом, материалами конкретно-социологических исследований, которыми мы располагали на момент подготовки доктринальных суждений.

Итак, в январе-марте 2016 г. лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС

⁷⁹⁴ Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрика мысли» и другие институты–медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015.

⁷⁹⁵ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 368 с. С. 51-58.

⁷⁹⁶ Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. – Ростов н/Д.: ОАО «Дониздат», 2012. С. 18-19; Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления // Государственная служба. 2012. № 5 (73); Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления (окончание) // Государственная служба. 2012 № 6 (74).

был проведен экспертный опрос в 20 регионах РФ (субъектах РФ) по квотной выборке. Ответы и оценки давались разными категориями экспертов: учеными, государственными и муниципальными служащими, бизнесменами. В Ростовской области опрошено более 600 экспертов. Следует напомнить, что данное исследование носит фактически характер панельного, поскольку за 4 года до этого, в январе-марте 2012 г. проводился опрос экспертов по аналогичной теме и программе. Около 20 позиций вопросников 2012 г. и 2016 г. совпадают. Нужно также указать на то, что социально-политический и социально-экономический контексты этих периодов существенно различны. В политическом аспекте международный фон 2012 г. благоприятствовал развитию России, она приняла предложение вступить в ВТО и развиваться в направлении большей интеграции своей системы прежде всего с ЕЭС и Западом в целом. Экономические процессы характеризовались как динамично-позитивные. Хотя внутривнутриполитические отношения характеризовались всплеском политической активности либерально-демократических движений и организаций, подчеркивающих свою оппозиционность вновь избираемому на пост Президента РФ В.В. Путину. Что касается реалий 2016 г., то они существенно изменились в сторону резкого нарастания политических и экономических санкций и мощного усиления информационного давления со стороны США, стран ЕЭС и НАТО.

Острый характер носили противостояния, вызванные последствиями госпереворота на Украине и присоединением Крыма к России. Не снижались и симптомы социально-экономического кризиса в России, повлекшие спад производства, снижение уровня жизни, рост слоя бедных. В то же время существенно поднялся уровень патриотических настроений и поддержка Президента РФ, резко упала популярность либеральных движений и организаций, значительно выросли негативные оценки населения и экспертов действий коалиции западных государств не только по отношению к России, но и в целом, по всему спектру политической деятельности. Круг «друзей и союзников» России в общественном мнении опустел.

Естественно, что данные социально-контекстуальные различия не могли не сказаться как на общих представлениях о должном в действиях выделяемого «треугольника»: государства, бизнеса, гражданского общества, так и в оценке существующих реалий. Поэтому достаточно сложно оценить сходные позиции напрямую, но смену приоритетов и существенное изменение, направленности суждений при сравнении можно почувствовать.

Что касается должного, некоторых представлений о взаимодействии в упомянутом «треугольнике», то эти вопросы были заданы прежде всего, и здесь же почувствовалась смена приоритетов на большую консолидированность и гармонию в отношениях, нежели подчёркивание известной автономии и особенностей субъектов взаимодействия. Это зафиксировано данными опроса в табл. 14.

Таблица 14

*«Как Вы считаете, что представляет собой взаимодействие
 гражданского общества, государства и бизнеса в современной России?»*

	Варианты ответов	2016	2012
1	Отношения, направленные на обеспечение оптимального баланса в реализации интересов всех взаимодействующих субъектов	69%	32,6%
2	Отношения, в которых каждая из сторон стремится к реализации собственных интересов	17%	49,5%
3	Отношения между людьми и специальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности	13%	15,2%
4	Затрудняюсь ответить	1%	1,7%

Если соотносить должное с сущим, с реальностями гражданского общества в современной России, то картина предстает не очень радужная (см. табл. 15).

Таблица 15

*«Можно ли сказать, что в настоящее время в России
 сформировалось гражданское общество»*

	Варианты ответов	2016	2012
1	Да, безусловно	11%	6,4%
2	Скорее да, чем нет	45%	26,1%
3	Скорее нет, чем да	28%	46,9%
4	Конечно, нет	6%	13,7%
5	Затрудняюсь ответить	8%	7%

Главное отличие картины 2016 г. – преобладание позитивного фона (56%) над негативным (34%) более чем в 1,5 раза. В то время как в 2012 г. все было наоборот: негатив (60,6%) против позитива (32,5%) – почти в 2 раза. Очевидно по сей день, уже 2 года работает «фактор» Крыма, обуславливающий гражданско-патриотический настрой. Но за этим фоном, при более детальном анализе продолжается оставаться разрыв сущего и должного. Переход от сущего к должному, к оценке реалий подчеркивает большую приверженность участников опроса 2016 г. высказанным ими приоритетам и, прежде всего это касается деятельности институтов государства и гражданского общества по созданию гарантий выполнения декларируемых принципов, что, по мнению экспертов, либо способствует развитию партнерства между сторонами «треугольника», либо уводит их в рамки других моделей взаимодействия. В табл. 16 указаны приоритетные факторы, ведущие к установлению партнерства.

Таблица 16

«Какие факторы, по Вашему мнению, являются препятствием для эффективного взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса в современной России?»

	Варианты ответов	2016	2012
1	Законы не соответствуют условиям реальной жизни	28%	19,3%
2	Отсутствие общих интересов у субъектов данного взаимодействия	26%	21,2%
3	Коррупция	22%	20,7%

Это наиболее важные факторы, выделяющиеся среди других. Как видим, последний опрос существенно поднял уровень требований к соблюдению «правил игры». Это остро чувствуется в ответах на уточняющие вопросы, которых не было в вопроснике 2012 г. Но в условиях кризиса запрос со стороны общественного мнения к социальной справедливости всегда чувствуется. Такими маркерами были ответы на вопросы о соблюдении принципов правового государства и социального государства. Они отражены в табл. 17–18.

Таблица 17

«Как с Вашей точки зрения, соблюдается в России принцип правового государства?»

	Варианты ответов	2016
1	Соблюдается полностью	24%
2	Соблюдается слабо	56%
3	Не соблюдается	8%
4	Затрудняюсь ответить	12%

Таблица 18

«Как с Вашей точки зрения, соблюдаются в России принципы социального государства?»

	Варианты ответов	2016
1	Соблюдается полностью	23%
2	Соблюдается слабо	56%
3	Не соблюдается	10%
4	Затрудняюсь ответить	11%

Как видим, 2/3 экспертов указывают на слабую значимость декларируемых принципов правового государства. А среди выделенной части экспертов-бизнесменов этот процент доходит до 80 %. Вот прямое указание на то, в каком направлении следует усилить работу органов власти. Причем, как указывается в последнее время, акцент должен быть не на строгости,

репрессивности, а на – неизбежности наказания и устранении последствий и условий для правонарушений. Аналогичная картина применительно к гарантиям со стороны социальных обязательств государства (см. табл. 18). Доля экспертов, оценивающих эффективность социального государства в России как слабую – все те же – около 2/3.

Что же следует предложить с точки зрения экспертов, чтобы поднять низкую эффективность? Как оказалось, более всего претензий предъявляются к эффективности функционирования власти (см. табл. 19)

Таблица 19

«Каков с Вашей точки зрения, путь повышения эффективности механизма взаимодействия общества, государства и бизнеса?»

	Варианты ответов	2016	2012
1	Обеспечение оперативности и полноты решений по проблемным вопросам	31%	19%
2	Устранение «неприкасаемых» фигур в борьбе с коррупцией	27%	-
3	Повышение прозрачности тенденций деятельности органов власти	22%	30,4%
4	Общественная экспертиза проектов принимаемых решений	19%	30,6%

Другие позиции собрали значительно меньший процент ответов. Что касается данной картины, то эксперты ратуют за снижение бюрократической волокиты и повышения транспарентности в принимаемых решениях, а также развитие партнерских начал во взаимодействии общества и бизнеса с властью. О наиболее желаемых формах такого партнерства эксперты говорят следующее (см. табл. 20):

Таблица 20

«Какие механизмы привлечения общественности к государственному управлению на сегодняшний день Вам кажутся наиболее действенными?»

	Варианты ответов	2016	2012
1	Формирование института общественных представителей	36%	30,2%
2	Создание консультативных советов при госорганах	27%	26,5%
3	Конференции, научно-практические семинары, круглые столы	23%	20,3%

Другие позиции собрали значительно меньшее число сторонников. А какие же формы работы на деле оказываются наиболее активными и действенными? Здесь картина достаточно разнообразная, но, выбирая наиболее информативные позиции, можно представить следующие результаты (см. табл. 21):

Таблица 21

«В каких формах в наибольшей степени выражается активность общественных организаций?»

	Варианты ответов	2016	2012
1	Публикации в СМИ	51%	23,8%
2	Участие представителей организаций в комиссиях, советах органов власти и рабочих группах	36%	12,6%
3	Письма депутатам и представителям исполнительной власти	25%	7%
4	Сбор подписей, публичные обращения к депутатам и представителям исполнительной власти	22%	9,6%
5	Проведение пикетов, митингов, шествий, демонстраций	13%	10,1%

В целом приоритеты в выборе каналов взаимодействия общества с властью не поменялись. Они по-прежнему развиваются в русле узаконенных прав.

Что касается общественных организаций, то, с точки зрения экспертов, ряд из них проявляют себя активно, действенно, используя, прежде всего те формы и методы, о которых речь шла выше. Вот эти организации (см. табл. 22):

Таблица 22

«Если сравнить уровень активности общественных организаций Вашего региона, то какие организации, на Ваш взгляд, проявляют больший уровень активности?»

	Варианты ответов	2016	2012
1	Религиозные общины, организации и движения	34%	15%,4
2	Товарищества собственников жилья, жилищно-строительные кооперативы	33%	20,9%
3	Общества защиты прав потребителей	31%	14,7%
4	Культурные, краеведческие, культурно-охранительные организации и движения	21%	4,3%
5	Спортивные, туристические, охотничьи, автолюбительские объединения	21%	11,7%

Обращает на себя внимание рост активности организаций духовно-культурной направленности. Не снижается фон деятельности организаций, защищающих наиболее массовые интересы в сфере собственности и потребления. Тем не менее, есть вещи, с которыми негативно сталкиваются структуры гражданского общества на пути его становления. Они зафиксированы экспертами (см. табл. 23).

Таблица 23

*«С какими проблемами, по Вашему мнению, чаще всего сталкиваются
 общественные организации в настоящее время?»*

	Варианты ответов	2016	2012
1	Низкая социальная активность населения	52%	17,2%
2	Низкая информированность населения о деятельности общественных организаций	41%	17,2%
3	Отсутствие достаточного объема финансирования	29%	4,3%
4	Отсутствие эффективных механизмов по привлечению грантовых средств	27%	8,6%
5	Ограниченность полномочий, что сужает круг вопросов, которые они могут решать	24%	12,9%
6	Отсутствие подготовленных кадров	26%	9,4%

Приоритетность в оценках затруднений в целом не очень изменилась по ряду наиболее важных позиций. Хотя, вероятно, сказываются ограничительные меры по отношению к организациям, задействующих финансовые и кадровые ресурсы зарубежных государств и международных организаций.

Тем не менее общий фон во взаимоотношениях власти и общественных организаций за последние 4 года, по оценкам экспертов, заметно «попелел» (см. табл. 24).

Таблица 24

*«Как Вы можете охарактеризовать взаимодействие между
 властью и общественными организациями в Вашем регионе?»*

	Варианты ответов	2016	2012
1	Партнерские	52%	31,7%
2	«Параллельное существование» (отсутствие взаимодействия)	29%	45,4%
3	Конкурентные	4%	7,6%
4	Конфликтные	3%	10,9%
5	Затрудняюсь ответить	12%	-

Анализ взаимоотношений власти, гражданского общества и бизнеса и поиск путей их гармонизации не может пройти мимо одного из наиболее влиятельных субъектов в этом «треугольнике» - бизнесе. Остановимся на изучении экспертного мнения в этом аспекте, обращая отдельное внимание на позиции экспертов – бизнесменов.

Прежде всего, обращают на себя внимание разночтения в оценке складывающегося стиля взаимоотношений бизнеса и власти. Выше (в табл. 24) было отмечено, что, по оценкам экспертов, в настоящее время между общественностью и властью преобладает партнерский стиль отношений (52% оценок). Что касается экспертов от бизнеса и власти в целом, то на общем фоне

оценок также фиксируется преобладание партнерства (40%), а вот сами представители бизнеса думают иначе (см. табл. 25).

Таблица 25

«Как бы Вы оценили стиль отношений политико-административной элиты и ее лидеров с представителями бизнеса своего региона?»

	Варианты ответов	Об- щие	Биз- нес	Чинов- ники
1	Как партнёрский (вступает в диалог, вникает в интересы, способствует развитию бизнеса)	40%	30%	45%
2	Как патронажный (покровительствует или доминирует, контролирует)	28%	32%	26%
3	Как монопольно-олигархический, прибравший к рукам весь крупный бизнес	13%	14%	9%
4	Как конфликтный (преследует, устраивает судебные тяжбы, заставляет добиваться справедливости и т.д.)	4%	5%	1%
5	Как коррупционный	8%	16%	3%
6	Другой	1%	3%	1%
7	Затрудняюсь ответить	11%	8%	17%

С точки зрения бизнеса партнерство просматривается в 1,5 раза реже, чем думают о том чиновники. А существенно преобладают далеко не партнерские формы взаимодействия – более чем в 2 раза больше. В то время, как в представлениях чиновников эти некорректные формы даже уступают партнерству. Иными словами, здесь обнаруживается существенное расхождение в понимании состояния и перспектив развития конструктивных взаимоотношений между бизнесом и властью, что требует не столько обсуждения, сколько исправления положения дел.

В чем же проблема расхождений и в понимании, и в оценке реальных действий? На этот счет важны оценки, данные экспертами разных групп, зафиксированные в табл. 26.

Здесь видно, что приоритетность личных позиций экспертов-бизнесменов совершенно иная, нежели у чиновников. Различия – иногда в разы. Близки только позиции, касающиеся непонимания бизнесом особенностей действий власти. Но, по-видимому, и смысл, вкладываемый разными сторонами в оценку этой позиции – также разный. Словом и в данном отношении проблемных ситуаций для решения и сближения позиций достаточно много. Заметим, что в 2012 г. приоритеты в выборе проблем были иные. Они были более смещены в коммуникативную сторону и, казалось, требуют меньших усилий для сближения сторон. Что касается расхождения в абсолютных цифрах оценок, то они обусловлены тем, что в анкете 2016 г. разрешалось выбирать несколько оценочных позиций.

Таблица 26

*«В чем, на Ваш взгляд, заключаются причины, недостаточной
 эффективности диалога бизнеса и власти в Вашем регионе?»*

	Варианты ответов	2016			2012 Общий
		Об- щий	Биз- нес	Чинов- ники	
1	Бизнес отстаивает лишь свои частные интересы в ущерб государственным интересам	40%	24%	50%	16,1%
2	Не существует единой позиции бизнеса, компании не могут договориться между собой	31%	23%	35%	7,6%
3	Недостаточно опыта ведения общественного диалога с обеих сторон	29%	24%	30%	18,2%
4	Представители органов власти не понимают особенности работы в бизнесе	17%	29%	9%	10,5%
5	Деловые сообщества недостаточно активны в защите своих консолидированных интересов	19%	29%	14%	6,6%
6	Представители бизнеса не понимают особенности деятельности государственной власти	23%	26%	26%	8,6%

Но каковы все же пути движения к большему пониманию и сплочению? Какие формы взаимодействия видятся наиболее эффективными? «Матрица эффективности» представлена в табл. 27. Что характерно, приоритетность выбираемых оценочных позиций здесь и для бизнеса, и для чиновников одинакова. Не сильно эти приоритеты изменились и за последние 4 года. Иными словами, обозначаемые формы работают, но путь к желаемому результату оказывается долгим. Очевидно, чего-то здесь недостает, в том числе и в рамках самих избирательных форм.

Заключая анализ представленных экспертных оценок, обратимся к вопросу об общих критериях оценки качественной стороны взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса. Данные на сей счет представлены в табл. 28.

Очевиден экономоцентричный характер представленных оценок (хотя в исследовании 2012 г. ряд показателей отсутствует, но в целом картина остаётся такой же). Причем, не смотря на отсутствие показателей духовно-культурного характера, состояния здоровья, никто такие оценочные критерии и не дописал.

Таблица 27

«Какие формы взаимодействия между бизнесом и властью в Вашем регионе, с Вашей точки зрения, являются наиболее эффективными на сегодняшний день?»

	Варианты ответов	2016	2012
1	Персональные контакты должностных лиц государственных органов с руководством компаний	42%	23%
2	Участие представителей органов власти в мероприятиях, организованных деловым сообществом (конференции, форумы, семинары)	39%	15,9%
3	Участие представителей компаний в рабочих группах по подготовке региональных законопроектов	33%	11,8%
4	Проведение общественных слушаний для обсуждения законопроектов/планов социально-экономического развития территорий	29%	13,5%
5	Подготовка представителями делового сообщества аналитической информации для обоснования решений органов власти региона	21%	8%

Таблица 28

«Какие критерии, на Ваш взгляд, наиболее важны при оценке эффективности взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса?»

	Варианты ответов	2016	2012
1	Уровень жизни и благосостояния населения	81%	51,6%
2	Экономические показатели	21%	19,6%
3	Уровень коррумпированности общественных отношений	14%	-
4	Уровень бюрократизации в управлении	10%	-
5	Качество межнациональных отношений	6%	-
6	Другое	0%	0,3%

Подчеркнем также и то, что среди всех категорий экспертов выбранные приоритеты одинаковы. Разве что для бизнеса несколько важнее оценивается значимость фона межнациональных отношений. Ну что ж, видимо это и есть тот горизонт, на который нацелен вектор движения нашего общества на сей день. Это благосостояние, благополучие. Что характерно для любой буржуазной страны.

Резюмируя сказанное, сделаем выводы.

1. Исследование показало, что в экспертном сознании присутствует адекватное представление о должных параметрах гражданского общества. Реалистично оценивается уровень его реального развития в современной России. Фиксируются «ножницы» между должным состоянием и его реальным положением в правовом и социальном отношении. Весьма велик запрос на движение к обеспечению качественных проявлений правового государства

и общества. Представители бизнеса более обостренно реагируют на нарушение «правил игры». Общезначимыми критериями формирования эффективных форм взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества выступают показатели роста экономики и благосостояния граждан.

2. В качестве проблемных областей в этом временном интервале можно увидеть расхождение в оценке приоритетных форм взаимодействия в описанном «треугольнике» отношений. Для представителей бизнеса он пока видится на дистанции от партнерских форм, а для чиновников картина более оптимистичная, где искомое партнерство вроде уже достигнуто. Выделяемые эффективные формы взаимодействия для всех экспертов видятся приемлемыми, но, очевидно, динамика движения по искомому маршруту невелика.

3. Значительное воздействие консолидирующего характера за прошедшие после 2012 г. годы оказали социально-политические события последующих нескольких лет. В итоге значительно сместился в сторону гражданско-патриотических и объединительных настроений общий вектор оценок состояния взаимодействий в анализируемом «треугольнике»: власть – бизнес – гражданское общество. Вместе с тем проявились реальные проблемные ситуации, разрешая которые, возможно продвижение к более эффективным формам взаимодействия.

5.3. Эффективность государственного управления в контексте властной миссии государства

Проблема эффективности государственной власти и управления уже долгие годы остается в центре внимания политической теории и практики. Она имеет и свою идеологическую проекцию, связанную с дискуссиями о сравнительной эффективности тех или иных социально-политических систем или политических программ. Есть здесь и обширный инструментальный аспект, обусловленный как потребностями сравнительно-международной оценки деятельности правительств (в этом весьма заинтересованы в прикладном плане влиятельные международные организации: ООН, ВТО, ВБ и др.), так и необходимостью адекватной оценки национально-государственных и местных администраций. В частности, данный аспект остается остро актуальным для современной России, где в рамках административной и муниципальной реформы, продолжающихся мероприятий по совершенствованию государственного администрирования, вводятся и апробируются различные методики оценки эффективности деятельности губернаторов и руководителей муниципальных образований⁷⁹⁷.

⁷⁹⁷ Следует отметить, что в последнее время в России принят ряд политических и кадровых решений, связанных с освобождением от должности губернаторов, основанных на Указе Президента РФ № 825 от 28 июня 2007 г. «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», которым введено 43 показателя деятельности данных органов.

Вполне обосновано в этом плане высказался один из признанных авторитетов в исследовании проблем эффективности управления профессор Г.В. Атаманчук: «Однако даже применительно к управлению, не говоря уже о человеческой жизнедеятельности, нельзя утверждать, что понятие «эффективность» (и производные от него) достаточно исследовано, раскрыто и понято в своих основных чертах»⁷⁹⁸.

В этом плане особого внимания заслуживает обсуждение прежде всего концептуальных подходов к проблеме эффективности государственного управления, которые пока не привели к созданию адекватной теории, несмотря на наличие весьма немалого числа обстоятельных работ, вышедших в последние годы и за рубежом, и в России⁷⁹⁹. Более осторожные ученые высказываются в том духе, что такую теорию весьма сложно (а, может быть, и невозможно) построить, поскольку государственное управление зависит не только от множества факторов, но и связано с рядом крупных групп интересов и их политическими проявлениями. А в такой системе координат оценочные суждения могут существенно расходиться. Поэтому можно понять известного американского исследователя Х.Дж. Рэйни⁸⁰⁰, утверждающего после 30 страниц аргументированных суждений: «Хотя концепции, теории и идеи, изложенные в настоящей книге, не дают научного решения проблем, они способны помочь определить целенаправленную ориентацию на эффективность в работе государственных организаций и менеджменте... Должное понимание и эффективный менеджмент государственных организаций не поддаются суммированию в виде нескольких броских афоризмов»⁸⁰¹.

Сходных позиций придерживается и Ханс де Брюйн, полагающий, что поиски «формулы эффективности» государственного управления не могут ограничиваться изучением роли лишь формальных показателей, а должны облекаться в некую процедуру оценки, основывающуюся как на формальных, так и неформальных аспектах. Последние включают создание атмосферы доверия между управляющими и управляемыми, проведение консультаций и переговоров между руководством и работниками, перекрестную оценку на основе различных критериев и, наконец, просто профессиональный и доверительный подход к результатам формальных оценок⁸⁰².

⁷⁹⁸ Атаманчук Г.В. Управление в жизнедеятельности людей. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2008. С. 329.

⁷⁹⁹ См.: Эффективность государственного управления (Пер. с англ.). М., 1998; Атаманчук Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000; Зеркин Д.П., Игнатов В.Г. Основы теории государственного управления. М.-Ростов н/Д, 2000; Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления: критерии оценки, анализ состояния, пути повышения (эпистемологический аспект). Ростов н/Д, 2005; Государственная политика и управление. Концепции государственной политики и управления (Под ред. Л.В. Сморгунова). М., 2006; Охотский Е.В. Государственное управление в современной России. М., 2008. Гл. 12.

⁸⁰⁰ Рэйни Х.Дж. Анализ и управление в государственных организациях. М., 2004.

⁸⁰¹ Там же. С. 376.

⁸⁰² Ханс де Брюйн. Управление по результатам в государственном секторе. М., 2005.

Думается, что одним из основных посылов авторов проекта «Политический атлас современности», реализованного под руководством проф. А.Ю. Мельвиля, также можно считать поиск адекватных методов измерения эффективности государственного управления в ракурсе современных мировых политических процессов⁸⁰³.

Тем не менее, несмотря на известное продвижение по обозначенным азимутам, проблема эффективности государственного управления пока далека от оптимальных решений и остается дискуссионной.

Продолжая дискуссию, следует прежде всего подчеркнуть, что сущность и особенности деятельности государственной власти обуславливают рассматривать ее проявления в политико-управленческом и в политико-аксиологическом аспекте. В политико-аксиологическом отношении проблема оценки эффективности государственной власти связана прежде всего с разработкой методов измерения факторов, оказывающих существенное влияние на легитимность власти.

Если ценностный аспект эффективности власти в значительной мере вытекает из субъектно-средовых факторов ее функционирования, то управленческий аспект связан с объектно-функциональными ее проявлениями.

Политико-управленческая эффективность зависит от уровня и полноты реализации таких основных функций, как защита государственного строя; предотвращение и устранение социально-опасных конфликтов и социальной напряженности; регулирование экономических и социальных отношений; осуществление общенациональных программ экономико-финансового, культурного, научного, образовательного развития; решение проблем социальной защиты и безопасности граждан; осуществление внешнеполитических и оборонных функций. Следует заметить, что данный аспект эффективности в современном обществе складывается в качестве результирующей организованного взаимодействия различных уровней и ветвей политической и государственной власти.

На эффективность влияет баланс власти на общенациональном, региональном и местном уровнях. В государствах, где этот баланс складывается в пользу общенационального уровня при недостаточной развитости самоуправления, наблюдается «перегрев» властей на этом уровне и постепенное увязание в нарастающем объеме социальных и экономических проблем. К тому же нарастает и объем патерналистски-эгалитаристских ожиданий.

С другой стороны, передача значительных властных полномочий на региональный и местный уровни при недостаточности кадрового обеспечения и управленческих навыков и слабой проработанности правовой базы создает эффект бессилия власти в осуществлении социально-экономических

⁸⁰³ См.: Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2007.

функций и обеспечении внутренней безопасности. И то, и другое мы наблюдаем в процессе становления новой системы политической власти в России.

Что касается другого ракурса, оказывающего существенное воздействие на эффективность власти, то он связан с горизонтальным распределением властных полномочий между различными ветвями государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной. Основные проблемы неэффективности в этом ракурсе связаны с недостаточным уровнем организации каждой из ветвей и их взаимодействием между собой. Между тем, функционирование каждой из ветвей власти может быть оценено относительно автономно с точки зрения уровня ее эффективности и согласно исполнения основных ее функций.

К сказанному следует добавить еще и то, что представление об эффективности государственного управления связано во многом с контекстуальными, зачастую не оговариваемыми специально, аспектами функционирования государственного управления. Ибо государственный аппарат, как мельница перерабатывает тот продукт, который «засыпает» власть в ее жернова. А сам властный контекст во многом зависит от понимаемого элитой, политическим классом своей миссии. Между тем, сама концепция «властной миссии» может существенно меняться. С нашей точки зрения, возможно выделить несколько вариантов «властной миссии», обозначив их термином «кратические модели» (табл. 29).

Таблица 29

Основные кратические модели

Вид модели	Содержание кратической миссии
1. Политическая эффективность	Нацеленность на удержание государственной власти в руках политической элиты, подбор средств, максимально способствующих этому
2. Экономическая эффективность	Приумножение общественного богатства, расширение сферы элитного и массового потребления. Миссия аккумулируется в идее общества массового потребления
3. Социальная эффективность	Нацеленность на гармоничное развитие (материальное, духовное, витальное) всех слоев общества. Миссия аккумулируется в идее социального государства
4. Геополитическая эффективность	Нацеленность на сохранение и возможное наращивание геополитического положения государства в регионе и в мире. В максималистском варианте миссия аккумулируется в идее сверхдержавы
5. Цивилизационная эффективность	Нацеленность на сохранение и воспроизводство цивилизационных кодов и ценностных матриц. Миссия аккумулируется в идее государства-цивилизации (Россия, Китай, Индия) или цивилизации, представленной ассоциацией, кластером государств (Запад, Исламский мир).

Анализ деятельности государств современного мира показывает, что одновременная разновекторная (ориентированная на разные кратические модели) нацеленность на государственную эффективность, практически недостижима. Преобладающими в современном мире выступают модели экономической и социальной эффективности. В этом контекстуальном русле и происходит, как правило, обсуждение проблем государственной эффективности (Мейнстрим) и, видимо, это разумно, ибо обсуждение этих проблем в других контекстах выводит нас на более специфическую проблематику (авторитаризм, тоталитаризм, модели мобилизационного развития, проблематика взаимодействия и столкновения цивилизаций, геополитика).

Тем не менее, о проблемах государственной эффективности в рамках кратической модели политической эффективности чаще всего начинают говорить в периоды дестабилизации и даже смены политических систем и представляющих их элит. Для современной России такой аспект пока актуален, ибо процесс выстраивания новой политической системы не завершен, что демонстрирует даже казалось бы рутинная ситуация недавней смены президентов. В наших условиях она все еще воспринимается как форс-мажор и заставляет выстраивать весьма необычные конфигурации во взаимодействии.

Незавершенность постсоветского российского элитогенеза обращает внимание как на основные условия, способствующие продвижению в сторону большей политической эффективности государственной власти, так и на ключевые девиации, снижающие эту эффективность.

Что касается эффективности деятельности элит с точки зрения их влияния на политические процессы, то во многом оно зависит от внутриэлитной диспозиции, от внутриэлитных взаимоотношений. Как никогда для российских условий актуальны слова известного итальянского политика Аминторе Фанфани: «Для правящего большинства наибольшую опасность представляют меньшинство в собственном лагере». Иначе говоря, конфликты в элитной среде, наличие неконсолидированных и конфронтирующих между собой элитных групп представляют основную причину нестабильности власти, чреватую ее потерей. И зависят от уровня совместных управленческо-консолидирующих действий.

Общей или цивилизационной тенденцией, проявляющейся в деятельности элит относительно управленческо-консолидирующего фактора, выступает усложнение его форм, социальная технологизация и инструментализация воздействий, что в итоге проявляется в используемом элитами арсенале технологий политического (и консолидирующего) управления.

Таковы контекстуальные подходы к анализу проблемы эффективности государственной власти. Что касается обозначенного выше Мейнстрима, то наиболее разработанным блоком проблем в этой части следует полагать вопросы повышения социальной и экономической эффективности исполнительной ветви власти. Именно к этому уровню апеллируют основные разработки

в области «public administration» на Западе и в России⁸⁰⁴. Именно здесь достигнута определенная ясность в плане повышения эффективности управления.

И для российской власти, в системе которой исполнительная власть традиционно доминирует, все более актуальными в качестве контекстуальных моделей эффективности становятся экономическая и социальная. Хотя, казалось бы, социальная модель и прописана даже в Конституции 1993 г., но иначе, чем декларативной ее не назовешь. Ни возможности современного российского государства и общества, ни намерения элиты, пока не позволяют приступить к ее реализации в должной мере.

В отечественной практике при оценке эффективности и результативности власти все еще доминируют критерии, основанные на показателях потребительской динамики. Это просматривается и во многих посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, и документах Правительства и Думы.

Данные показатели рекомендуются в качестве основных оценочных и в ряде современных монографических исследований: «...показатель ВРП⁸⁰⁵ на душу населения и следует принимать в качестве критериального показателя действенности макроэкономической политики. Оценка может производиться на основании данных о динамике этого показателя. В качестве дополнительных используются показатели размаха вариации в ходе процесса усиления однородности экономического пространства»⁸⁰⁶. Превалирует такой подход и в системе введенных недавно критериев оценки эффективности деятельности губернаторов.

Использование данной методики в сочетании с методикой оценки баланса используемых бюджетных средств применительно к российским условиям дает известную иерархию регионов на донорские и дотационные, «богатые» и «бедные». Вместе с тем, в современных условиях данная методика уже малоперспективна и не может претендовать на универсализм. Кроме того, учитывая контекст «устойчивого развития», она просто недостаточна. В число универсальных претендует войти методика, основанная на оценках показателей человеческого развития.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) рассчитывается на основе трех показателей:

1) долголетия, измеряемого как ожидаемая продолжительность жизни при рождении;

2) достигнутого уровня образования, измеряемого как комбинация показателя грамотности взрослого населения и доли граждан в возрасте до 24 лет, обучающихся в начальной, средней и высшей школе;

⁸⁰⁴ Эффективность государственного управления (Пер. с англ.). М., 1998; *Рэйни Хэл Дж.* Анализ и управление в государственных организациях. М., 2004. С. 126-143.

⁸⁰⁵ ВРП – валовой региональный продукт.

⁸⁰⁶ *Штульберг Б.М., Введенский В.Г.* Региональная политика России. Теоретические основы, задачи и методы реализации. М., 2000 С. 32.

3) уровня жизни, измеряемого на базе доли реального ВВП, приходящегося на душу населения.

Применение ИРЧП к оценке не только развития страны в целом, но и ее регионов позволяет дать иную картину их ранжирования⁸⁰⁷, перспектив развития и, как следствие, эффективности управления. К примеру, анализ состояния регионов Северного Кавказа, традиционно относимых к регионам – аутсайдерам, показывает, что их «отсталость», с этой точки зрения, носит в существенной мере внешний характер и обусловлена невысокими показателями ВРП на душу населения, ввиду отсутствия здесь крупных месторождений и перерабатывающих производств. Что касается собственно показателей человеческого потенциала, то ожидаемая продолжительность жизни на Северном Кавказе наиболее высокая в России, а уровень образования в половине регионов данной группы близок к среднероссийскому или даже превышает его. К этому стоит добавить, что показатели теневой экономики здесь превышают среднероссийские. Поэтому и реальный ВРП на душу населения вряд ли соответствует официальным статистическим данным.

И еще одно принципиальное замечание, касающееся критериев оценки эффективности государственной власти и управления. Коль все большее значение здесь придается комплексным и многофакторным подходам, необходимо учитывать не только, так сказать показатели «сверху», ориентирующие на лучшие результаты, достигаемые в развитых странах, но и показатели «снизу», свидетельствующие о среднемировой, международной оценке эффективности госуправления.

Здесь обращает на себя внимание методика предельно-критических показателей развития (ПКПР), разработанная под руководством академика Г.В. Осипова⁸⁰⁸ применительно к современным развитым государствам.

Оценочные значения ПКПР на уровне 2001 г. представлены в табл. 30.

Анализируя данные показатели и сопоставляя данную методику оценки с показателями ИРЧП, мы приходим к выводу о существовании своеобразного «коридора эффективности» в оценке деятельности государственной власти и управления. Его границы «снизу» образуют для современных государств показатели ПКПР, а границы «сверху» – дифференцированные показатели ИРЧП, присущие группе наиболее развитых государств. Привязка реалий российского развития к границам данного коридора и рассмотрение их в динамике позволяют, с одной стороны вычленить значимость управленческих воздействий, а, с другой, оценить их эффективность.

⁸⁰⁷ См.: Балашова Е.Л. и др. Российские регионы в контексте концепции человеческого развития // Регионоведение. 2000. № 2.

⁸⁰⁸ Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. С. 445-446; Бородин П.П., Осипов Г.В. Стратегия и тактика развития Российского государства. 2002-2012 гг. М., 2002. С. 7-9; Осипов Г.В. Социология и общество. М., 2007. С. 419-425.

Таблица 30

№ п/п	Название показателя	Предельно-критическое значение в мировой практике	Величина показателя в 2001 г. в РФ	Вероятные социально-политические и экономические последствия
1	2	3	4	5
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ				
1.	Уровень падения промышленного производства	30-40%	50%	Разрушение промышленного потенциала
2.	Доля импортных продуктов питания	30%	35%	Стратегическая зависимость страны от импорта
3.	Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности	45%	12%	Колониально-сырьевая структура экономики
4.	Доля в экспорте высокотехнологичной продукции	10-15%	1%	Технологическое отставание экономики
5.	Доля от ВВП от государственных ассигнований на науку	2%	0,4%	Разрушение научно-технического потенциала
6.	Доля студентов (на 100 тыс. населения)	180	278	
СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА				
7.	Соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан	10 : 1	14 : 1	Антагонизация социальной структуры
8.	Доля населения, живущего за чертой бедности	10%	34%	Люмпенизация населения
9.	Соотношение минимальной и средней заработной платы	1 : 3	1 : 18	Деквалификация и пауперизация рабочей силы
10.	Уровень безработицы	8-10%	12% (с учетом скрытой безработицы)	Рост социально обездоленных категорий населения

**Раздел V. Философско-прикладные аспекты и проблемы
русского государственно-цивилизационного развития**

1	2	3	4	5
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ				
11.	Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1	1,63	Интенсивная депопуляция: смертность превышает рождаемость
12.	Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,14-2,15	1,19	Отсутствие простого замещения поколений
13.	Средняя продолжительности жизни населения в 1998 г.	США, Великобритания 75 лет, Швеция -78, Япония - 79	Россия - 67 лет (60 - у мужчин, 72 - у женщин)	Снижение жизнеспособности страны
14.	Доля лиц старше 65 лет к общей численности населения (коэффициент старения населения)	7%	11%	Старение населения
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ				
15.	Суммарные поступления для экологической безопасности (% от ВВП)	5% (Германия)	0,1%	Угроза экологической безопасности
Девиантное поведение				
16.	Уровень преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения)	5-6 тыс.	6-6,5 тыс. (с учетом латентной преступности)	Криминализация общественных отношений
17.	Уровень потребления алкоголя	8 л. абс. алкоголя на чел. в год	14-15 л. абс. алкоголя на чел. в год	Физическая деградация населения
18.	Число суицидов на 100 тыс. населения	20	40	Фрустрация массового сознания
19.	Уровень распространенности психической патологии на 1000 чел.	284 (1992 г.) 360 (2010 г.) оценка, выборочные исследования по 25 странам мира	280 (1992 г.) 354 (2010 г.) оценка	Разрушение личности

1	2	3	4	5
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ				
20.	Доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы	40%	42%	Делигитимация власти
21.	Уровень доверия населения к центральным органам власти	25%	14%	Отторжение власти народом
ДУХОВНАЯ СФЕРА				
22.	Доля затрат на культуру в государственных расходах	2,5%	1,5%	Потеря культурного наследия

Опора на описанные выше интегративные подходы к анализу и оценке эффективности госуправления позволяет перейти от оперирования данными, касающимися так называемой **отраслевой эффективности** (показатели действий лишь исполнительной ветви власти и ее отдельных структур, а также итоги развития, характеризуемые показателями отдельных сфер жизни общества) к оценке **интегративной эффективности**, связанной с результатами взаимодействия различных ветвей и уровней государственной власти.

Вместе с тем, ориентация на «коридор эффективности» в достаточной мере, с нашей точки зрения, позволяет учитывать требования и подходы «устойчивого развития». С одной стороны, здесь нет педалирования на чисто потребительские и затратные ориентиры и учитываются показатели состояния окружающей среды и ресурсов. С другой стороны – конкретно с точки зрения «нижних границ», управленческая система должна оперативно устранять дисфункции и аномалии, грозящие привести к потере эффективности и неустойчивому (а то и кризисному) состоянию социальной системы (глобальной или национальной).

Оценивая эффективность взаимодействия федеральных, региональных и местных органов власти в современных условиях значительной децентрализации государственной власти, следует констатировать волнообразную тенденцию влияния государства на протекание политических и социально-экономических процессов: то существенно снижавшуюся в 90-е гг., то несколько возросшую в начале 2000-х годов. Нынешняя модель госуправления пока не учитывает в должной степени цивилизационное своеобразие и исторический опыт России. Это показала и практика последних лет, когда попытки усилить властную вертикаль достаточно быстро привели к некоторым положительным сдвигам во всех сферах общественной жизни.

Наряду с действием новых экономических факторов, требующих усиления государственного влияния, следует отметить негативно сказывающееся

на государственной целостности развитие автономизации регионов и снижение межрегиональных связей, быстрое развитие региональных диспропорций.

Угрозы государству связаны также с низким уровнем межрегионального взаимодействия в борьбе с организованной преступностью, контрабандой и теневой экономикой, религиозным экстремизмом и терроризмом. Криминальные структуры и террористические организации более умело, чем органы государственного и регионального управления пользуются растянутостью российских коммуникаций, наличием межрегиональных и ведомственных барьеров, слабым контролем за финансовыми и товарными потоками, перемещениями людей и транспорта.

Следует также отметить развитие процессов культурно-национальной и культурно-территориальной автономизации (зачастую стихийной, связанной с различными материально-техническими и экономическими возможностями), угрожающими целостности единого информационного, культурно-образовательного, языкового пространства страны.

Подытоживая проделанный анализ концептуальных подходов к проблеме эффективности государственной власти и управления, в заключение подчеркнем следующие моменты:

Как показывает анализ, критерии эффективности власти достаточно сложны и зависят не только от функциональных и нормативных требований к ней. В случае государственной власти ее эффективность выступает, с одной стороны, в качестве результирующей удовлетворения интересов населения и элит, а с другой, как соотношение целей и результатов с используемыми средствами (ресурсами). И, вместе с тем, на оценке эффективности всегда сказывается тот властный контекст, задаваемый элитным сообществом, которое так или иначе обозначает свою политическую миссию.

5.4. Модернизация и ее альтернативы в развитии современной России

В последние годы значительно усилилось внимание со стороны отечественной политической элиты к проблемам национального инновационного развития и модернизации основных сфер жизни российского общества, что нашло отражение и в последних ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, и в ряде статей, докладов, выступлений Президента и других влиятельных политиков.

Обеспокоенность состоянием дел в этой области зафиксирована в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года», где отмечено «Прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования оказывают отставание в переходе в последующий технологический уклад, зависимость от импортных поставок научного оборудования, приборов и электронной компонентной базы, стратегических

материалов, несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий, необоснованные односторонние санкции в отношении научных и образовательных организаций России, недостаточное развитие нормативной правовой базы и слабая мотивация в сфере инновационной и промышленной политики, низкий уровень социальной защищенности: инженерно-технического, профессорско-преподавательского и педагогического состава и качество общего среднего образования, профессионального начального, среднего и высшего образования»⁸⁰⁹.

Несмотря на то, что применительно к инновационному развитию страны принят ряд крупных решений, быстро формируется соответствующая нормативно-правовая база, выделяются уже сотни миллиардов рублей на краткосрочную перспективу в этой сфере, здесь существует целый ряд нерешенных концептуальных и прикладных проблем, последствия которых ощущаются в виде механизмов торможения, низкой эффективности в управлении и реализации инновационной политики. На эти проблемы уже обращали внимание серьезные эксперты. Сошлемся хотя бы на несколько крупных экспертных докладов, вышедших в 2010 году: два целевых выпуска общенационального делового журнала «Эксперт»⁸¹⁰; доклад Института современного развития «Россия XXI века: образ желаемого Завтра». Следует отметить и ряд фундаментальных монографических изданий, посвященных проблемам модернизации и инновационного развития⁸¹¹.

В данном проблемном поле освещаются прежде всего такие аспекты инновационного развития, как экономический (финансово-инвестиционные, технологические механизмы экономики знаний и управления человеческим капиталом). Основной крен здесь взят в сторону институциональных проблем инновационного развития.

В то же время весьма слабо разрабатываются и освещаются поведенческие и социально-коммуникативные проблемы, связанные со взаимодействием элит и состоянием их ценностно-мотивационной сферы применительно к инновационным процессам. Между тем, стоит прислушаться к важной методологической установке, высказанной еще М. Вебером применительно к становлению и развитию индустриального общества и культивированию технологических и экономических инноваций на этой платформе. Речь идет о «духе капитализма», «протестантской этике» и тому подобных

⁸⁰⁹ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009 г. Указом Президента РФ № 537. Цитируется п. 67 Документа.

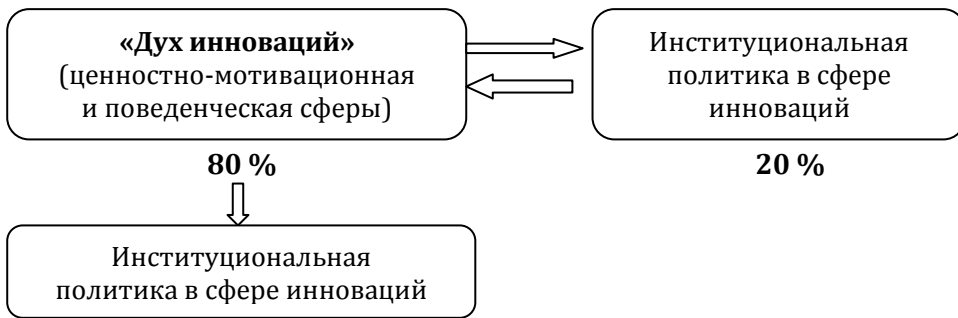
⁸¹⁰ Всемирная история модернизации // Эксперт. 2010. № 1; Преобразуя себя и общество. Модернизация России: от теории к практике // Эксперт. 2010. № 36.

⁸¹¹ Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. М., 2010; *Фонотов А.Г.* Россия: инновации и развитие. М., 2010; Наука России: от настоящего к будущему. М., 2009; Модернизация и политика в XXI веке. М., 2011; Инновационная модернизация России. Политологические очерки. М., 2011; Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке. М., 2010.

ценностно-мотивационных факторах, которые данный классик противопоставлял методологическим позициям других классиков («невидимая рука рынка», «основные противоречия капитализма» и т.п.), которые в большей мере выстраивались во внешнем, объективистском плане.

Остановимся более детально на двух основных аспектах, от которых наиболее существенно зависит формирование «духа инноваций»: элитная интеракция и элитная идентичность (состояние ценностно-мотивационной сферы) (см. схему 26).

Удельные веса поведенческой и институциональной составляющих в модернизационных процессах

**Акцент в реформах сделан на институциональные факторы.
Однако он не оправдывает себя:**

«К сожалению, в России наблюдается так называемый реформаторский зуд: не раз перетряхивали министерства, ликвидировали и сливали их, создавали вместо них агентства и другие структуры, но заметного улучшения цели не достигли» (Богомолов О.Т., академик РАН. Социально-гуманитарные аспекты модернизации России // Вестник РАН. 2012. № 1. С. 68).

Схема 26

Если оставаться на уровне сугубо элитных интеракций, не погружаясь на субэлитный уровень, то в наибольшей мере успешный старт и эффективность инновационного развития зависит от взаимодействий в треугольнике: «политическая элита – бизнес-элита – интеллектуальная элита». Известны три наиболее распространенных модели межэлитных коммуникаций: патронажная, конкурентно-конфликтная и партнерская (см. схему 27). Отношения современных базовых российских элит строятся по патронажной модели, где доминирует политическая элита. Между тем как оптимальной для успеха инновационного развития выступает партнерская модель. Но как справедливо отмечают эксперты: «Сегодня в России одной из проблем перехода к модернизации является недостаточная включенность двух важнейших

групп элит – интеллектуалов-технократов (ответственных за знание о техническом прогрессе) и предпринимателей – в процессе формирования модернизационного плана»⁸¹².

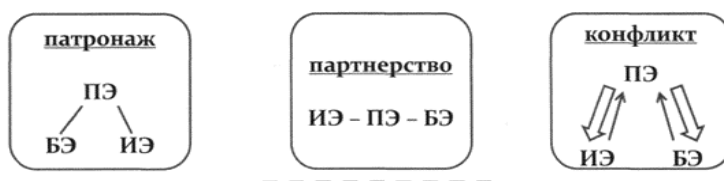
Межэлитные интеракции

Политическая элита (ПЭ)

Интеллектуальная элита (ИЭ)

Бизнес-элита (БЭ)

Основные модели взаимодействия (интеракций)

«Сегодня в России одной из проблем перехода к модернизации является недостаточная включенность двух важнейших групп элит – интеллектуалов-технократов (ответственных за знание о техническом прогрессе) и предпринимателей – в процессе формирования модернизационного плана» (Стать наукой, которая чего-то стоит // Эксперт. 2010. № 1. С. 48.)

Схема 27

Следует подчеркнуть, что на деле патронажная модель в указанном элитном треугольнике работает как «двухэтажный патронаж»: политическая элита является доминантом над бизнес-элитой, а интеллектуальная элита по-существу занимает субэлитные позиции. Достаточно посмотреть на схему управления проектом «Сколково», где указанная геометрия межэлитных взаимодействий наглядно просматривается.

Эта история не сегодня началась, а в первые постперестроечные годы, когда «бывшая советская интеллигенция раскололась на два новых слоя: слой, вошедший в состав нового правящего класса, и слой, оказавшийся в составе неимущих»⁸¹³.

Следует особо подчеркнуть, что в постперестроечный период интеллектуальной элите в целом не удалось удержать обозначенные ею в конце 80-х гг. идейные лидерские позиции. Переход части интеллектуальной элиты в новую бюрократию и буржуазию, а также отсутствие широкой базы социальной и духовной поддержки демократических преобразований быстро

⁸¹² Стать наукой, которая чего-то стоит // Эксперт. 2010. № 1. С. 48.

⁸¹³ Рывкина Р.В. Социология российских реформ. М., 2004. С. 79.

привели к перехвату власти номенклатурным капитализмом. Новая «культурная революция» захлебнулась, едва начавшись.

Анализируя место, занимаемое интеллектуальной элитой в современном российском обществе, очевидным кажется почти полная утрата ее позиций в воздействии на национальное самосознание. Она лишилась господдержки, в десятки раз упали тиражи художественных и научных журналов, издаваемых книг, существенно сократилась система кинопроката, филармоническая деятельность, значительно упали посещения театров и выставок, втрое сократилось число научных работников и отраслевых НИИ и КБ.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что существенно важными для дальнейшего развития российского современного элитогенеза, эффективно функционирования элит в российском обществе и сбалансированного развития демократических процессов оказываются проблемы интеллектуализации элит и развития взаимоотношений с фракцией интеллектуальной элиты. В настоящее время интеллектуальная элита перемещена в субэлитный слой. Прежде всего это характерно для элиты научно-технической интеллигенции. Гуманитарная элита и элита культуры раздроблены, сориентированы на взаимодействие с различными фракциями политической элиты и контрэлиты, не имеют полноценного доступа к информационным и социально-коммуникативным ресурсам. В системе современных элитных взаимодействий место интеллектуальных элит замещено информационной элитой и узким слоем гуманитарной интеллигенции, что позволяет в итоге элитному сообществу решать в основном тактические и ситуативные политико-управленческие проблемы, теряя перспективы общенационального развития и национально-ориентированную базу интеллектуальной его поддержки.

Оптимальной системой межэлитных взаимодействий, способствующей развитию инновационного процесса в России, является партнерская модель. Управленческие отношения в рамках этой модели должны выстраиваться в русле партисипативных технологий, а властные отношения⁸¹⁴ – опираться на технологии влияния и рефлексивного управления⁸¹⁵.

Не менее важной предпосылкой, создающей благоприятную среду для продвижения модернизационных и инновационных процессов выступает состояние ценностно-мотивационной сферы элит. В данном случае нужно вести речь о приоритетном развитии ее структуры в направлении доминирования высших постматериальных мотивационных уровней (духовность, потребность в самореализации), ориентации на постановку и решение перспективных и стратегических задач общенационального масштаба.

⁸¹⁴ Швец Л.Г., Самыгин С.И., Кошкин П.Р., Ратиев В.В. Управление персоналом. Ростов н/Д., 2006. С. 34-53.

⁸¹⁵ Швец Л.Г. Власть, доминирование, влияние, концепции и политическая практика России. Ростов н/Д., 2007.

Выделяя ценностно-мотивационный аспект современного российского элитизма, следует сразу отметить действие двух основных факторов, влияющих на его проявления и эволюцию. С одной стороны, это традиции российской власти, когда на протяжении нескольких столетий формировалось монопольное влияние авторитаризма и бюрократии. Заметим, бюрократии не европейской, сформированной на правовых и профессиональных началах и ценностях, а – евразийской – с ее традиционализмом, следованием образцам, доминированием чина и места в лестнице чинов и званий и «принципом кормления». Статусные позиции здесь абсолютно преобладают над личностными проявлениями. Личностное своеобразие – это привилегия только одного или немногих. А желающие «высовываться» и самореализоваться быстро перемещаются на элитную периферию, в ряды духовной аристократии, компенсирующей свою обделенность чинами некоторой фрондой. С другой стороны, это ориентация на нормы политической жизни и образцы поведения западных элит. Быстрое усвоение методов и технологий продвижения в элиту и формирования элитарных личностей, сориентированных на политическую культуру активного участия, стиль жизни, присущий обществу массового потребления и массовой культуры. Все это вместе взятое создает неповторимый облик российских политиков, которые ни на кого в мире не похожи.

Далее заметим, что анализ феномена российских политиков требует обращения как к ретроспективным подходам, так и к модернистским напластованиям на деятельность ее лидеров и их конституэнтов.

Процессы конституирования нового поколения политических руководителей в России лишней раз убеждают, что авторитет, легитимность и зависящая от них стабильность властного положения в России требуют более конкретного учета состояния массовой и элитной политической культуры, а также такой ее компоненты, как политические ожидания и надежды.

Социологические исследования элит, проводимые нами на протяжении более 10 лет, равно как и аналогичные исследования других центров, четко выявляют приоритетные качества политических элит, на которые указывает общественное мнение и экспертные оценки. Выстроим этот ряд: «профессионализм–образованность–высокая нравственность». Представители самой элиты выбирают ту же тетраду: «Профессионализм – образованность – высокая нравственность – патриотизм»⁸¹⁶. Однако, по мнению населения и экспертов, пока в нее абсолютно не вписываются. Современная элита характеризуется извне (населением и экспертами) такими качествами, как: «коррупционность – недостаточный профессионализм – игнорирование запросов и интересов населения – ориентация на интересы состоятельного меньшинства»⁸¹⁷.

⁸¹⁶ Российские элиты в зеркале социологии. Ростов н/Д, 2007. С. 42.

⁸¹⁷ Там же. С. 56.

Поскольку подлинная, основанная на социально-психологических, акмеологических предпосылках и показателях эффективности деятельности, элитность в российских политиках пока недостаточна, то для широкого круга конституэнтлов и населения ее можно симитировать, подать на уровне имиджа. Именно имитационно-имиджевая форма существования и подачи элитности продолжает оставаться ведущей в современной российской политике. Имитируется почти все: образованность, ученость, гражданственная направленность действий, эффективность и результативность политических решений и т.п.

Однако в становлении подлинной политической элитности есть свои закономерности, которые не удастся обойти никакими «имиджевыми технологиями» и имитациями.

Обозначенные выше ключевые характеристики интенций современной российской власти и межэлитных интеракций, а также конфигурации взаимодействий элитного, субэлитного и массового слоя, подводят к выводу о существенном диссонансе между сущим и должным в развитии современного российского общества. Сущим, основным вектором социального развития выступает инверсионный процесс, демодернизация общества. На это указывает ряд авторитетных исследователей⁸¹⁸.

Известный социолог В. Шляпентох в 2007 г. выпустил фундаментальную монографию: «Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры»⁸¹⁹. Детальное обоснование этой идеи дает в цикле монографических исследований С. Кордонский⁸²⁰. Автор этих строк еще в начале 2000-х годов обосновал идею инверсионности, связанной с традиционализацией российского общества и государства⁸²¹. Серьезно обоснованные выводы такого рода трудно совместить с фигурой долженствования о необходимости модернизации и переводе российского общества на инновационный путь развития, которая приобрела особый размах в условиях президентства Д.А. Медведева. Возникают вполне обоснованные сомнения в реалистичности такой программы, в то время как реализуется по-сути прямо противоположная стратегия развития.

Анализ этой антиномии на уровне изучения фундаментальных многовековых социально-экономических и социально-культурных трендов приводит

⁸¹⁸ «Многие аналитики все чаще обращаются к феодализму как к наиболее подходящему описанию современной России. Р. Гринберг уверен, что в России присутствуют все черты феодального общества. Социологи подсчитали, что с января 2000 г. по май 2006 г. термин «феодализм» по отношению к нынешнему режиму 892 раза использовался в 50 российских газетах и журналах». *Симонян Р.Х.* Без гнева и пристрастия. М., 2010. С. 155.

⁸¹⁹ *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. Нью-Йорк, 2007 («Contemporary Russian as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era»).

⁸²⁰ *Кордонский С.Г.* Россия. Поместная Федерация. М., 2010; Его же. Сословная структура постсоветской России. М., 2008; Его же. Рынки власти. М., 2006.

⁸²¹ *Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д., 2003.

некоторых авторов к выводу о наличии глубинных цивилизационных анти-модернизационных блоков, к разблокированию которых и по сей день власть так и не приступала. Такова основная идея Л. Гудкова, изложенная в монографии «Абортивная модернизация»⁸²².

Если согласиться с позицией приведенных авторов, то социально-проективные действия, связанные с развертыванием условий новой волны модернизации в России, должны основываться на принципиально иных механизмах и технологиях, нежели те, что предлагает современная российская власть. Акценты здесь ставятся на внутриэлитных и межэлитных коммуникациях.

Возвращаясь к проблеме перспектив российского инновационного развития и оценивая их с позиций современного состояния межэлитных коммуникаций и ценностно-мотивационной сферы элит, следует подчеркнуть не только недостаточность данных предпосылок, но и недостаточное внимание к их изучению и изменению.

Тем не менее экспертно-научный подход требует взвесить серьезность и мотивированность российской политической элиты в области новой политики инновационной деятельности, дабы дать обоснованные прогнозы и рекомендации по части успешности ее развития. Остановимся на сопоставлении пяти «да» и пяти «нет» в оценке возможностей и перспективности усилий современной политической элиты. Итак, пять «да», позволяющих говорить о здравомыслии и последовательности в формировании политики инноваций:

1. Симптомы нынешнего интеллектуального кризиса слишком очевидны, страна рискует подойти к порогу утраты фундаментальной и прикладной науки. За пятнадцать-двадцать последних лет Россия из научной сверхдержавы стала второсортной научной державой, уступая в этом даже государствам с гораздо меньшим экономическим потенциалом, численностью населения и научно-образовательными традициями. Имиджевые сообщения, соотносимые с внешними и внутрисоциальными факторами и проецируемые на авторитет власти и ее легитимность, делают неизбежными шаги, направленные на формирование облика «просвещенной демократии».

2. Элитой уже вполне осознано и практически апробировано, что и на Западе, и на продвинутом Востоке можно приобрести, даже за очень большие деньги, инновационные продукты «второй свежести»: наукоемкий и высокотехнологический продукт, лицензии, ноу-хау не последнего поколения. Это снижает конкурентоспособность страны и ее бизнес-слоя в глобальной экономике, а в ряде критически важных секторов (оборона, космос, энергетика, информационные технологии, биотехнологии) делает страну и уязвимой, и зависимой.

3. Страна, не имеющая развитого инновационного сектора, оказывается во втором и третьем эшелоне государств, уступая лидерские позиции

⁸²² Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М., 2011.

и в экономике, и в политике, и в культуре, и в здравоохранении, и в образовании. Она перестает быть важным игроком в глобальном мире, теряет постепенно потенциал суверенности.

4. По экспертным оценкам Россия обладает более чем 30 % мирового ресурсного потенциала. В то же время ее научно-инновационный потенциал сократился за последние 20 лет более чем втрое и составляет ныне менее 3 % от мирового. Что, с одной стороны, не позволяет реализовывать требуемые адекватные оборонные программы, обеспечивающие национальную безопасность и программы глубоко-технологичной переработки ресурсного потенциала. С другой стороны, это ведет к быстрому росту рисков утраты ресурсов и территорий.

5. Социальные и экономические кризисы, спады, нестабильность в развитии человеческого капитала (что прежде всего зависит в современном мире от состояния науки и образования) делают общество чересчур нестабильным. Растут угрозы спонтанных выступлений, бунтов, революций, которые с готовностью поддержат крупные глобальные политические и экономические игроки.

Можно привести еще ряд мотивов, но и уже отмеченные, основные свидетельствуют о неприемлемых угрозах: от потери суверенитета до политических катаклизмов. Не считаться с этим было бы крайне опрометчиво, когда Россия уже перестала быть сверхдержавой и не имеет и пятой части модернизационного и социального ресурса прежнего СССР⁸²³.

**Внутренние затраты на исследования и разработки в РФ,
млрд руб. в постоянных ценах 1989 г.**

(Осинов Г.В., Кара-Мурза С.Г. Общество знания: Переход к инновационному развитию России. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 212).

Схема 28

⁸²³ См. схемы 28-31.

**Основные показатели рейтинга инновационной деятельности
и конкурентоспособности стран G-8 в период 2007–2008 гг.**

Комплексные показатели	РЕЙТИНГ среди 131 страны мира							
	Канада	Франция	Германия	Италия	Япония	Англия	США	Россия
Индекс глобальной конкурентоспособности 2007–2008 гг.	13	18	5	46	8	9	1	58
Инновации	12	17	7	47	4	14	1	57
Совершенствование условий бизнес-среды	20	10	1	24	3	13	7	88
Инновации и факторы совершенствования деятельности бизнеса	17	16	3	32	2	14	4	77
Технологическая готовность	13	22	21	27	20	16	9	72
Размеры рынка	14	7	5	8	4	6	1	9
Высшее образование и повышение квалификации	13	18	20	36	22	15	5	45

Источник: World Economic Forum, Davos 2008/Global Competitiveness Index 2007–2008 and Global Business Index 2007–2008.

*(Казанцев А.К., Кисилев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В.
NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века. – М.: ИНФРА-М, 2012. С. 143).*

**Динамика основных характеристик в сфере науки
 и инновационной политики современной России**

Среднегодовые темпы прироста количества исследователей
 в ряде стран мира за период 1995–2005 г.

Страна	Количество исследователей (тыс. чел.)		Среднегодовые темпы прироста / сокращения, %	Численность работников научно-технической сферы на 1000 занятых в экономике (2008)
	1995 г.	2005 г.		
ОЭСР	2 815	3 880	3,3	5,9
США	1 036	1 375	2,9	10,0
Китай*	695	1 423	10,8	2,1
Россия	519	391	-2,5	6,4

* – за 2000 – 2007 гг.

(Источник: Россия в полицентричном мире. – М.: Весь Мир, 2011).

Схема 30

Страны – глобальные лидеры в основных технологических областях

Область	1	2	3	4	5
Сельское хозяйство, продовольствие	США	Китай	Индия	Бразилия	Япония
Медицина, Биотехнологии	США	Великобритания	Германия	Япония	Китай
Нанотехнологии, новые материалы	США	Япония	Германия	Китай	Великобритания
Энергетика	США	Германия	Япония	Китай	Великобритания
Оборона, безопасность	США	Россия	Китай	Израиль	Великобритания
Электроника, компьютерная память	США	Япония	Китай	Республика Корея	Германия
Программное обеспечение, управление информацией	США	Индия	Китай	Япония	Германия
Автомобилестроение	Япония	США	Германия	Китай	Республика Корея
Авиация, ж/д транспорт	США	Япония	Китай	Германия	Франция

Итоги экспертного интернет-опроса. В опросе участвовали 378 руководителей компаний, научных лабораторий и центров, аналитиков и экспертов из научной среды. Более половины ответивших (53 %) представляли США, что могло искажающе повлиять на результаты, завязать оценки американского лидерства. Среди представителей других стран, активно включившихся в опрос, были представители Великобритании, Японии, Индии, России и Китая.

Источник: R&D Magazine, 2010. December 2010.

(Россия в полицентричном мире. – М.: Весь Мир, 2011. С. 25)

Схема 31

Вместе с тем существует по меньшей мере пять доводов «против», которые нельзя не учитывать, в особенности в части осуществления системных модернизационных преобразований. Вот они:

1. В стране выстроена вертикаль бюрократической власти. Все прямо или косвенно подчинено бюрократии, которая «сама себе голова»: сама разрабатывает все новые реформы, сама их финансирует, сама оценивает их результаты и не отвечает ни перед кем.

Высшая бюрократия обеспечила свои позиции в бизнес-процессах и позаботилась о своем интеллектуальном имидже и представительстве в руководстве инновационным сообществом (более 60 % депутатов Госдумы кандидаты и доктора наук, та же картина в высшем звене федеральной и региональной исполнительной власти). Места в этой системе для экспертного сообщества, интеллектуальной элиты нет. Да, собственно, интеллектуальная элита перешла на субэлитный уровень – исполнителей чужой воли и реализаторов чужих проектов. При таком менеджменте и рамках «свободы воли» никакие крупные инновационные проекты не могут быть успешно реализованы.

2. Большая часть российской административно-политической элиты по сей день убеждена, что все можно купить в ведущих странах: от элитных футболистов – до элитных ученых и инженеров, можно быстро приобрести любой, самый сложный инновационный продукт, не дожидаясь, когда появятся отечественные аналоги.

Это дискурс, который обусловил превращение значительной части нашей промышленности в область «отверточных технологий», свертывание национального сектора прикладных исследований, разработок, конструирования, обеспечивавших отечественное производство и оборону.

К этому следует добавить еще и значительное сужение горизонта «отверточных технологий», поскольку для развития сырьевой экономики и сферы массового потребления нужен узкий спектр инноваций. Остальное (что было в нашем государстве ранее) кажется ненужным.

3. Для развития инновационного комплекса нужны большие капиталовложения, инвестиции в фундаментальную науку, экспериментально-производственную базу прикладной науки, подготовку научных кадров, создание сервисной инфраструктуры (логистика инновационной сферы). Со стороны бизнес-элиты и политической элиты это считается чересчур затратным, таким «архитектурным излишеством» для госбюджета. Конечно, сравнительная затратность на переоснащение и поддержку уже существующих в стране крупнейших (Дубна, Пущино, Черноголовка, Протвино и др.) и крупных научных центров и создание нового инновационного центра в Сколково различаются во много раз в пользу первых. Однако это единственный путь к созданию независимой общенациональной инновационной системы, идти по которому российская политическая элита не готова.

4. Развитие и модернизация современного научно-инновационного комплекса страны требует реализации среднесрочных и долгосрочных программ. В то же время для отечественной политической элиты, да и бизнес-элиты типичен ситуативный характер мышления и действий, решение, по преимуществу, тактических задач. Каждая новая президентская, губернаторская, мэрская «команда» начинает с закрытия и списания программ предшественников и закладки собственных. Общациональный интерес, традиция и перспективы не просматриваются. Поэтому и к декларациям об очередных реформах эксперты, да и сами представители элиты относятся с изрядной долей скепсиса.

5. Следует подчеркнуть нарастающее давление теневой экономики и коррупционной деятельности на реализацию любых государственных программ и крупных бизнес-проектов.

В этой системе деятельности наука и инновации практически не востребованы (или востребованы специфическим образом). И политическая элита, и правоохранительные органы знают, что любые крупные бюджетные вложения «процеживаются» через систему «откатов» и теневых сделок, что, в итоге, требует введения многократных коэффициентов на инвестиции. В итоге стоимость любых проектных шагов в разы и десятки раз превышает аналогичные действия в развитых странах (дороги, строительство, производственные и иные затраты). Что касается крупного бизнеса, то он, в основном ориентирован на сырьевой сектор, развращен сверхприбылями и в принципе не склонен к инвестициям в интеллектуальную сферу.

Приведенные соображения Pro и Contra преобразований, связанных с ориентацией на инновации, позволяют предложить следующее резюме:

Основные тренды системного характера политического и социально-экономического развития российского общества свидетельствуют не о шагах в продвижении к информационному, инновационному обществу, а о попятном (инверсионном) движении, ретрадиционализации. На этом пути возможно создание неких «заповедников» инноваций, но не системная трансформация, которая обусловит массовую востребованность инновационной деятельности.

Для последнего требуются шаги по реформированию политической и экономической системы, существенное обновление политической и бизнес-элиты и их взаимоотношений с интеллектуальной элитой, разрушение системы теневой экономики.

5.5. Межнациональные отношения и национальная идентичность в современной России: «точки кризиса» и «точки роста»

Предваряя научный, экспертный анализ обозначенной проблемы, приведу три любопытных примера. Два – из наших общественно-политических журналов конца 2014 г. Журналы либеральные, исходящие из европейского взгляда на вещи и события.

Первый касается судеб теоретического инструментария, используемого в современной этнологии.

Журнал «Профиль»: 27 октября 2014 г.: «Известному российскому этнологу академику Валерию Тишкову не разрешили въехать на территорию Эстонии для публичного выступления по темам его профессионального интереса... Запрет на въезд в Эстонию для Тишкова, как лакмусовая бумага, высветил трогательное единство разных «ястребов». Впору уже говорить об этом как о транснациональном феномене. Долгие годы академик, выступавший за необходимость развития российской гражданской нации (не по крови, а по государственной лояльности и гражданству), подвергался нападкам у себя на родине со стороны разных «национально-озабоченных персонажей». Теперь вот пришла очередь получить международную известность по той же самой причине (известны критические оценки Тишковым балтийских моделей этноцентричной национальной политики)» – пишет известный колумнист «Профиля» Сергей Маркедонов (с. 15).

В действительности речь идет о теоретической конкуренции двух основных этнологических доктрин – примордиализма и конструктивизма –, и различных способах их применения к социально-политическим ситуациям. В эпоху санкций и демаршей, в которую мы вновь погрузились в этом году, дело, как видим, дошло и до деятелей искусств, которые «не то» и «не там» поют, и до академиков-гуманитариев, которые не понимают того, что такое «голос крови».

Пример второй – из недавнего интервью известного журналиста, публициста, общественного деятеля Владимира Познера журналу «The New Times (Новое время)»:

«Вопрос: Вы живете в России и не хотите отсюда уезжать. Но при этом русским себя не чувствуете. Комфортнее всего Вам во Франции, но и о Нью-Йорке Вы пишете с обожанием. Кто Вы все-таки?»

Ответ: Знаете, много лет назад, еще был Советский Союз, у меня был замечательный разговор с Шимоном Пересом. Я сказал ему: «Помогите мне. Я родился во Франции от французской матери-католички, я крещен в католической вере. Потом я уехал в Америку. Папа мой русский еврей, который не признает своего еврейства совершенно, он атеист. Сейчас я живу в Советском Союзе

и вообще не понимаю, кто я». Шимон Перес, у которого очень сильный акцент, ответил мне так... У него такие большие печальные, мудрые, древние еврейские глаза, и он сказал: «Ви знаете, если ви не знаете, кто ви, скор-рее всего ви евр-рей». Я чуть не упал – это был абсолютно блестящий ответ»⁸²⁴.

В принципе ответ Ш. Переса – скорее в конструктивистском духе, исходящем из культурно-ролевой идентичности подавляющего большинства евреев, живущих в десятках стран мира, но которых определяют согласно древнего признака: «По делам их узнаете их».

И третий пример из данных социологического опроса десятилетней давности, касающегося самоидентификации граждан постсоветской России: «Вне зависимости от их мировоззренческой и вероисповедной принадлежности идентифицируют себя в качестве граждан России – 62 %. При этом 11 % по-прежнему считают себя гражданами СССР, а 3 % респондентов – гражданами мира.

Около четверти респондентов (24 %) заявили о неопределенности собственной гражданской ориентации»⁸²⁵. Мы в наших исследованиях несколько позже (2008 г.) также зафиксировали феномен «композитной идентичности»⁸²⁶, образно похожий на двуглавого орла, символизирующего российскую государственность. Но на месте России (СССР) фигурировали признаки регионально-территориальной (локальной) идентичности.

Приведенные примеры могут выступать своеобразными кейсами, отталкиваясь от которых мы можем высветить всю сложность, проблемность и незавершенность в осмыслении проблематики национальной идентичности.

Остановимся на некоторых вопросах, решение которых способно, на наш взгляд, приблизить хотя бы к аутентичной постановке этих проблем.

Межнациональные отношения выступают одной из наиболее сложных проблем как в истории человечества, так и в условиях современного общества. Они не знают решений, принятых однажды и навсегда. В то же время они чужды модели Прокрустова ложа – попыткам втиснуть в какую-то простую форму, «подправив» их так как делал указанный представитель древнегреческой мифологии: что-то подрубил, что-то вытянул – и готово. Неудачной выступает и попытка найти «врага», который якобы портит межнациональные отношения, провоцирует конфликты, а затем – уничтожить или поставить этого «врага» на место – и все должно наладиться. Словом, простых решений, основанных на обычном здравом смысле и ограниченном практическом опыте, не существует.

⁸²⁴ Новое время. № 35-36/2014. С. 71.

⁸²⁵ Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // СОЦИС. 2004. № 9.

⁸²⁶ Старостин А.М., Понеделков А.В. Межэтнические отношения в миграционном контексте // Сб. науч. трудов конф. «Южный федеральный округ: динамика пространства». Пятигорск, 2008.

Поиск политических решений этой проблемы обуславливает также необходимость обращения не только к выверенным политическим рецептам, политическому опыту регионального, национального и международного уровня, но и к научному инструментарию, который позволяет и концептуализировать сложную проблему, и исследовать ее на предмет выявления глубинных причин и условий, позволяющих ее решить. Хотелось бы обозначить прежде всего ряд принципиальных моментов, позволяющих подойти к адекватной (а не только ситуативно-политической) постановке проблемы.

Прежде всего о проблеме в целом. Межнациональные отношения в ряде государств мира – и Россия здесь не исключение – выступают как проблема значимая, проявляемая в разных форматах. Это: 1) межнациональные столкновения; 2) межнациональная напряженность; 3) стабильное положение. В последние 20 лет в России эта проблема колеблется между 1) и 2) позициями с тенденцией постепенного смещения к бóльшей напряженности в периоды экономических спадов.

Чтобы решать задачу выстраивания сбалансированной – а в перспективе – эффективной государственной национальной политики, необходимо прежде всего сформировать принципы подхода к ее формированию. Такого рода шаги предприняты в недавно утвержденной «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года». Это документ современного формата, но и он требует своего совершенствования и корректив. Обратим внимание на те аспекты, которые слабо там прописаны.

В нашем видении **первый аспект** – это переориентация от схемы должного, от диктата долженствования – к схеме сущего, или, проще говоря, реалистического и хорошо документированного описания и осмысления межнациональных отношений.

На наш взгляд, очевидно, что схема долженствования обусловлена либо желанием видеть данные отношения с позиций того, какими они были лет 25-30 тому назад во времена СССР – до перестройки и «раскачивания системы», либо она обуславливается желанием нагнетать ситуацию, заострять ее и пугать ею.

Ни тот, ни другой подход нас не выведет к стратегии политического управления в сфере межнациональных отношений.

Что касается прошлого видения, то эти отношения складывались – и все мы это прекрасно понимаем – на иной социально-экономической и идеологической основе. Да и сами отношения выглядят даже не так, как рисовал когда-то аналогичную ситуацию в США президент Картер: «Мы уже не плавильный котёл, а прекрасная мозаика». И у нас уже не советский «плавильный котёл», а мозаика, причём, не прекрасная. Но США последние несколько десятилетий «железной рукой» проводили программы толерантности и удержали, а где-то и улучшили свою «прекрасную мозаику», вплоть до того, что очередным президентом был избран представитель ранее бунтующего меньшинства.

Имеется ли у нас и воля, и желание повторить чужой успешный опыт применительно к нашим современным реалиям? Думается, что ни сам ответ, ни его поиски не будут простыми.

Понятно, что в сложившихся условиях нельзя и демонизировать ситуацию в межнациональной сфере. Напряженность в этой сфере изменяется волнообразно и с точки зрения социального самочувствия, и даже во времена обострений она не зашкаливает.

Результаты выборочных опросов общественного мнения последних лет показывают, что межнациональные и межконфессиональные отношения, распространение экстремизма, фашизма вызывают острое беспокойство у 10-15 % граждан, находясь за пределами первой пятерки особо тревожащих проблем, к которым граждане относят: рост инфляции, алкоголизм, безработицу, коррупцию и бюрократизм, низкий уровень жизни (45-55 %). А далее – положение в ЖКХ, пенсионное обеспечение, преступность, состояние здравоохранения, положение молодежи, терроризм (30-40 %). Не зашкаливают и данные так называемой преступности в этническом измерении (которые, кстати говоря, не слишком популяризируются)⁸²⁷.

Вместе с тем, нужно со всей откровенностью признать, что прежний капитал, ткань регулирования межэтнических отношений, особенно на Юге России, уже предельно истончилась, что и подтверждают данные социального самочувствия населения «славянских» регионов, граничащих с республиками. Да и в самих республиках самочувствие населения в вопросах межэтнических отношений значительно отличается от состояния умонастроений населения центральных и других регионов страны⁸²⁸.

Надо признать, что полной, сбалансированной картины межнациональных отношений и оценки перспективы их изменения у нас нет. Такую картину нужно сформировать, задействовав авторитетные научные учреждения, экспертные центры, ведомственные аналитические структуры и наладить постоянный, где можно и нужно – оперативный межведомственный информационный обмен по этому предмету. Чтобы в итоге мы, наконец, продвинулись относительно положения, которое было зафиксировано в свое время еще Ю.В. Андроповым, о том, что мы не знаем общества, в котором живем. Ныне положение не лучше. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то направление научных поисков, которое пока не получило должного развития. Речь идет о концепции многосоставных обществ.

Проблематика многосоставности в начале XXI века обусловлена интенсификацией социально-политических и социально-экономических процессов как на глобальном, так и на региональном уровнях. Однако внешне одинаковые

⁸²⁷ Плавильный котел против мульти-культы. Почему в России опять обострился национальный вопрос // Русский репортер. 2011. № 1-2. С. 27.

⁸²⁸ Там же. С. 26.

проявления многосоставности и ее демократических проекций имеют разные истоки. В развитых странах Европы и США эти процессы связаны с тем, что они стали реальными точками роста глобализации. Сюда втягиваются дополнительные источники трудовых ресурсов, формируются новые диаспоральные группы и общности, которые ныне не растворяются в гомогенном коренном населении и не смешиваются с ним. В прежний исторический период становления и стабилизации индустриальных обществ главной тенденцией была гомогенизация на гражданских принципах и формирование и утверждение классической конкурентной демократии. Ныне и западное общество гетерогенизируется в условиях глобализации, и актуальной становится проблема новых форм демократии, прежде всего тех, о которых в свое время говорил А. Лейпхарт.

В современной России ситуация несколько иная. Здесь в течение последних 25 лет (включая все пространство бывшего СССР) шел процесс локальной гомогенизации по этноконфессиональному признаку, формирование этносоциальных субъектов. К настоящему времени процесс этот в основном завершен и актуализируются другие процессы: на Юге России – потребность в квалифицированных трудовых ресурсах, поддерживающих формирование индустриального и постиндустриального укладов. Ранее эти ресурсы, в основном, русские, были вытеснены из многих республик. На Севере – потребность во вспомогательных рабочих ресурсах, поддерживающих строительство, торговлю, традиционные уклады. Здесь эта тенденция в целом совпадает с западной постмодернизацией.

Вместе с тем, и в Северном, и в Южном анклавах, в основном завершены процессы приватизации и утверждения начал рыночной экономики и функционирования правящих элит и одинаково актуальна проблема сохранения собственности и власти в руках правящего класса на легитимных условиях.

Особо нужно остановиться на подходах и смыслах к пониманию «многосоставных обществ», поскольку для современной России актуальна многопараметрическая трактовка «многосоставности».

Традиционный (А. Лейпхарт) подход исходит из политических и политико-культурных оснований «многосоставности», связанных с формированием демократической культуры в гетерогенных в политико-культурном отношении сообществах.

В то же время в России актуализирован подход, связанный с экономической и социокультурной многоукладностью. Разрушение прежней социально-экономической системы привело к: а) традиционализации – восстановлению мелкоукладной экономики, ремесленного и ручного труда; б) сохранению, хотя и существенно сократившегося индустриального уклада, образующего основы топливно-энергетической и сырьевой экономики; в) формированию постиндустриального уклада.

На территории России в разных ее регионах данные уклады композируются в разных пропорциях. В современной научной литературе идет интенсивный поиск адекватных российской действительности объективированных концептов социальной реальности. Следует отметить в этом плане цикл монографических работ С.Г. Кордонского⁸²⁹. Они востребуют вместе с тем разные формы политической организации, ориентированные как на гражданско-демократические, так и традиционные ценности. Поэтому и процесс формирования общеполитической культуры носит осложненный характер. Востребованными оказываются и институты демократии, и институты авторитаризма. В целом складывающаяся композиция политических культур укладывается и объединяется в институты, которые обозначаются термином «демократический элитизм».

Многосоставное или гетерогенное общество отличается от гомогенного, к которому следует отнести европейские государства, не только своей «разношерстностью», но и нестабильностью, неустойчивостью, заряженностью на все новые изменения или деструкцию. Это очевидно не только на примерах Грузии и Молдавии, Украины и Киргизии, но и каждого российского региона, в особенности в связи с переменами власти наверху: уходит прежний губернатор, мэр, глава и начинается перегруппировка административных групп, бизнес-групп, инвестиционных и финансовых потоков. Потом как-то утрясается и так – до новых переназначений или крупных ЧП. Это и есть характерный признак отсутствия укорененности каких-то базовых укладов и социальных структур. Вместе с тем, стыковые узлы укладов выступают очагами напряженности и конфликтности.

Это просматривается и в субъективных картинах, присутствующих в массовом сознании. Именно на «стыках» многосоставных обществ в условиях обострения конкуренции и конфликтов начинает «искриться». И наиболее чувствительным сегментом оказываются прежде всего межнациональные отношения.

Второй аспект, формирующий стабильную и эффективную государственную национальную политику с опорой на научный подход, связан с решительным переходом от секторного к системному видению межнациональных отношений. Это наше глубокое убеждение. Речь здесь идет и о базовых составляющих изменений собственно межнациональных отношений, а также о факторах, которые извне их дестабилизируют.

Практика секторного регулирования межнациональных отношений охотно использует две важных позиции: первая – экономическое «задабривание» меньшинств. Но ни в одной стране мира за последние полвека этот подход не был эффективным.

⁸²⁹ Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. М., 2010; Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008; Кордонский С.Г. Рынки власти. М., 2006.

Вторая позиция – представители этнических и религиозных меньшинств, включаемые в иную культурную среду, становятся более агрессивными и экстремистскими, нежели у себя дома. Они опираются на ресурсы своих диаспор, которые в случае выраженных конкурентных и конфликтных отношений и быстро мобилизируются, и обособляются.

Говоря о системности, межсекторном видении, мы имеем в виду не только движение к интеграции разных научно-дисциплинарных срезов межнациональных отношений и их объективные описания, но и взаимодополнительность описаний объективных состояний и индикаторов социального самочувствия⁸³⁰.

В современных обстоятельствах мы все чаще исходим из субъективной картины жизни общества, которая проецируется в общественное сознание, массовое сознание, общественное мнение. Эта картина построена на ценностях и интересах, привычках и моде, языковых стереотипах и фольклорных образах, традициях и ритуалах.

Здесь другие индикаторы устойчивости и нестабильности, связанные с социальным и личностным самочувствием, взаимопониманием, комфортом и дискомфортом, признанием и отвержением, статусностью и близостью.

Зачастую субъективная картина общества более информативна, в особенности в ситуативных аспектах. Она затем подталкивает нас к объективированным, формализованным и количественным описаниям, исходя из которых возможно принятие решений на перспективу.

Если объективированные картины основаны на теоретических моделях и социальной статистике, то субъективированные – на изучении массового сознания.

Так, в научных исследованиях, затрагивающих изменение и измерение национальной идентичности, подтверждено, что, по крайней мере среди населения отдельных субъектов Юга РФ не приходится говорить о наличии некоторого стержневого ее фактора⁸³¹. Ими не выступают ни этатистские, ни этнокультурные, ни локально-поселенческие ценности и привязанности, которые срабатывают только взятые в совокупности. А идентичность носит отчетливо композитный характер. Так, на массовом уровне просматривается настроение на перемену территории проживания. Причем, у населения республик оно выражено на уровне намерений – 40–50%, а в «русскоязычных» – на уровне 50–55 % взрослого населения.

Всё это вместе взятое подводит к пониманию, что собственно межэтнические отношения выступают индикатором общего состояния социальных и социально-экономических отношений, показателем реакции на неравномерность и контрастность в уровнях социально-экономического положения

⁸³⁰ Социальное самочувствие населения современной России. Ростов н/Д., 2010.

⁸³¹ В поисках России: серия публикаций к дискуссии об идентичности. Ростов н/Д., 2010.

регионов. Данные индикаторы сопряжены и подтверждаются индикаторами объективных изменений социума на местном и региональном уровнях.

Прежде всего стоит отметить тот факт, что разрывы между наиболее и наименее благополучными регионами по ряду позиций отличаются во многие десятки раз (по объему промышленной продукции на работающего – более чем в 200 раз, по уровню безработицы в процентах к экономически активному населению – более чем в 50 раз, по уровню бедности – почти в 20 раз, по уровню ВРП на душу населения – более чем в 100 раз, по обороту розничной торговли на душу населения – почти в 30 раз и т.п.)⁸³². Это обуславливает в Российской Федерации значительные внутримиграционные потоки из «бедных» регионов, а к ним относятся прежде всего те, которые именуют «национальной периферией» – в «зажиточные», и которые закладывают в итоге потенциал межэтнической напряженности.

В то же время развитие собственно этнокультурных факторов закладывает ценностно-культурный потенциал, нацеленный на культивирование традиционных, патриархальных жизненных укладов в «бедных» регионах, что обеспечивает и закрепляет в итоге существенный разрыв этих укладов с укладами регионов, где востребованы установки и ценности модернизационного типа.

Представленное экспресс-описание приводит к выводу, что основной ключ к решению межэтнических проблем и выстраиванию эффективной государственной национальной политики надо искать не столько в самой этнокультурной среде, а скорее, среди факторов, на которые эта среда чутко реагирует. Поэтому не вполне можно согласиться с одной типичной позицией, выраженной в суждении Е.М. Примакова по поводу причин роста межнациональной напряженности в современной России: «До поры до времени мы, если и замечали, то не придавали должного значения националистическим и ксенофобским тенденциям. Очевидно, рассчитывали на то, что главное – решить социальные вопросы, а шовинизм и национализм сами уйдут со сцены. События показывают, что не только не уходят, а, наоборот, укрепляют свое влияние»⁸³³. Совершенно верное наблюдение по части роста влияния национализма. Но ведь и социальный контекст, связанный с ростом групповой конкуренции, социальными контрастами, социальными тупиками и безнадежностью в плане самореализации, прежде всего молодежи, не только не улучшается, а усугубляется. Поэтому трудно прогнозировать что-либо другое, кроме роста межнациональной и иной межгрупповой напряженности с тенденцией перерастания в открытые конфликты, включая и конфликты с властью.

⁸³² *Игнатов В.Г.* Повышение эффективности госуправления социально-экономическим развитием субъектов РФ // Модернизация экономики и эффективность управления социально-экономическим развитием. Новочеркасск, 2010. С. 14–19.

⁸³³ *Примаков Е.М.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. № 5. 2011. 14 января.

Следует, в качестве *третьего аспекта*, обозначить ориентацию на проективный подход, реализуемый на базе технологий социального проектирования. Прежде всего в этом деле нужны реалистические значения пороговых индикаторов, сигнализирующих о рисках и угрозах. Эта система индикаторов сигнализирует о динамике ухудшения или улучшения положения с социально-экономическими и социальными разрывами. Она сигнализирует о социальном самочувствии основных групп населения. Пока мы не всегда можем назвать точное значение пороговых величин, но оценочно мы к ним либо приблизились, либо – в ряде случаев – превысили. В то же время крайне важно, как говорилось уже выше, ориентироваться на состояние прежде всего базовых ценностей и ориентиров, влияющих на социальное самочувствие. Можно, на наш взгляд, говорить о следующих принципиальных подвижках: повсеместная реализация принципа справедливости; наличие установок и поведенческих норм, в которых реализуется толерантное поведение; создание равных возможностей и наличие путей их реализации; осознанное чувство державной причастности (доверия государству и его основным институтам); чувство защищенности и безопасности. Положительные сдвиги в названных самоощущениях и ценностях, обеспеченные целенаправленными действиями государства в социально-экономической, информационной, культурной политике, – уверен, – приведут к заметному улучшению и межэтнических отношений.

Что касается совокупного ощущения, то процитируем Бернарда Шоу: «Здоровая нация не ощущает своей национальности, как здоровый человек не ощущает, что у него есть кости».

Четвертый аспект проблем идентичности в межнациональной среде связан с исследовательскими и прикладными вопросами культурных кодов. Напомним, что в ст. 11 «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.» подчеркивается: «Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости...». Иными словами, подчеркивается значимость цивилизационного кода в интеграции многих десятков однотипных этнокультурных субъектов в единое социокультурное пространство. Однако что такое цивилизационный код, каковы интерпретации и трактовки его механизмов?

* * *

Остановимся кратко на современном понимании этой проблематики и прежде всего той ее части, которая связана с культурным «кодом» цивилизации.

Как уже было отмечено выше, проблематика современной цивилизациологии, обогащенная в последние десятилетия разноплановым опытом

собственно глобального развития Земной цивилизации и ее локальных цивилизаций, а также результатами моделирования глобальных процессов, обнаруживает возможность альтернатив в глобальном развитии, бифуркаций, которые открывают новые необратимые альтернативные траектории⁸³⁴. В этом плане и получает развитие концепция «культурного кода». Основной смысл ее заключается в поиске некоего «культурного генотипа», существование которого задает не только разные вариации локальных цивилизаций, но и закладывает возможные системно-цивилизационные барьеры, которые не удастся преодолеть, не производя мутаций «культурного кода».

В развитии данной концепции обозначились свои методологические альтернативы. Прежде всего, первая альтернатива связана с дилеммой субстанциональной и реляционной трактовки «культурного кода».

Примерами реляционных подходов выступают ценностные трактовки классического периода цивилизиологии, связывающая код развития цивилизации с наиболее влиятельными религиозно-мировоззренческими комплексами и доминирующими конфессиональными институтами (Н. Данилевский, П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон). «Культурный код» здесь работает как системообразующее начало, нелокализованное, а «разлитое» в социальной системе. Условно говоря, это основные механизмы социальной самоорганизации и социального управления по ценностям.

Впрочем, к реляционным трактовкам следует отнести и варианты цивилизационного подхода, базирующегося на «секулярных» ценностях. Например, идея «культурно-мировоззренческих матриц», высказанная Э.С. Кульпиным в начале 90-х гг. и развитая нами применительно к элитологии⁸³⁵. В ее рамках подчеркивается, что «Если западные культурно-мировоззренческие ориентации строятся на таких опорных ценностных универсалиях, как “индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум”, то восточные – на таких универсалиях: “государство – традиции – иерархия – порядок – вера – стабильность”. Своеобразие российских культурно-мировоззренческих ориентаций образуют такие базовые элементы, как “общество – государство – мир (умиротворение) – духовность – всеединство – совесть – справедливость”»⁸³⁶.

Выше мы уже подчеркивали, что концепция особенной культуры Ю.А. Жданова, включающая и локально-цивилизационную проблематику, также носит реляционный характер, где «культурный код» формируется в результате синтеза базовых культурно-деятельностных форм и задаваемых

⁸³⁴ Старостин А.М. Альтернативность концепций глобализации в контексте идей В.И. Вернадского // Идеи В.И. Вернадского и преодоление глобальных проблем человечества. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013.

⁸³⁵ Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2006. С. 42–43.

⁸³⁶ Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. С. 62.

в итоге их системой «параметров порядка» или индикаторов культурных типов и их сформированности.

Между тем, в последние десятилетия появились и субстанциональные версии «культурного кода». Наибольшую известность получили «концепция мемов», «меметика», выдвинутая еще в 1976 г. британским биологом-эволюционистом Р. Докинсом⁸³⁷ и продолженная в учении М. Чиксентмихайи⁸³⁸ и других: «Пожалуй, лучшее определение мема – “любой устойчивый материальный или информационный паттерн, возникший в результате намеренного действия человека”. Таким образом, и кирпич, и Реквием Моцарта – мемы. Мемы возникают, “когда нервная система человека реагирует на опыт и кодирует свою реакцию в форме, которая может быть передана другим”»⁸³⁹.

К субстанциональным версиям следует отнести и известную концепцию лингво-когнитивных кодов М.К. Петрова (эволюция этих кодов: «лично-именной» → «профессионально-именной» → «универсально-понятийный») ⁸⁴⁰.

В современной гуманитарной когнитологии и когнитивной культурологии, обеспечивающей исследование гуманитарных составляющих в моделировании интеллектуальной деятельности и создание искусственного интеллекта, открыто новое направление в исследовании культурных кодов⁸⁴¹.

Примечательно, что здесь получила развитие идея связи антропоспсихических структур и культурной деятельности, уровней антропологической и ментальной готовности к соответствующим подвижкам в культурном развитии. Достаточно в этом плане сослаться на известные работы Е.Я. Режабека «Мифомышление. Когнитивный анализ» (М.: URSS, 2002) и «Когнитивная культурология» (СПб., 2010). В них, к примеру, утверждается тезис о том, что способность к культурно-деятельностному прогрессу связана с сопряженными подвижками от ведущих функций правополушарных структур мозга – к левополушарной асимметрии⁸⁴².

Нужно подчеркнуть, что прототипы подобных подходов появились еще в 60–70-х гг. XX в. (А, возможно, следует и углубиться и в более ранний период, связанный с деятельностью Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, М. Коула, Дж. Брунера и др.). И они проанализированы в творчестве Ю.А. Жданова⁸⁴³. Речь идет об идее «эпистем» М. Фуко, как скрытых структурах сознания,

⁸³⁷ R. Dawkins. *The Selfish Gene*. – Oxford Univers. Press, 1976.

⁸³⁸ Чиксентмихайи М. *Эволюция личности*. Пер. с англ. М., 2013.

⁸³⁹ Там же. С. 154.

⁸⁴⁰ Петров М.К. *Язык, знак, культура*. – М.: URSS, 2004. С. 97–112.

⁸⁴¹ Режабек Е.Я., Филатова А.А. *Когнитивная культурология*. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2010. С. 266–272.

⁸⁴² Режабек Е.Я., Филатова А.А. *Указ. соч.*

⁸⁴³ Жданов Ю.А., Давидович В.Е. *Сущность культуры*. – Ростов н/Д.: Наука-Пресс, 2005.

определяющих познавательные возможности: «Сами эти эпистемы, как и образуемые ими конфигурации познавательного поля, выступают у М. Фуко как некие априорные образования, идеальные коды, с которыми должен иметь дело человек, вписываясь в их императивы, автономно безлично раз-вертывающиеся, не связанные с собственно человеческой деятельностью. Как возникли эти первичные структуры, почему они изменяются? На эти вопросы М. Фуко ответа не дает»⁸⁴⁴.

Речь также идет и о концепции Б. Поршнева, которым «были введены понятия суггестии и контрсуггестии, выражающие смену психологических установок, определяющих поведение ... Действие по внушаемым образцам, закрепленным по стереотипам, заданным исторически, т.е. суггестия, необходимо предполагает «свое другое» – контрсуггестию, вызывает сопротивление, неповиновение мертвящим действиям, обветшалым традициям, омертвевшим ритуалам. Этот психологический механизм универсален»⁸⁴⁵. Погружение в иные детали концепции Б. Поршнева, в его классификацию «внутренних рас» как особых культурно-антропологических типов Ю.А. Ждановым не рассматривается, но она в настоящее время становится не более популярной в контексте поисков «культурных кодов» локальных цивилизаций в суб-станциональном ракурсе.

Любопытны культурологические исследования, исходящие из элементов синергетического подхода к цивилизационному развитию как подхода к цивилизационному развитию как саморазвитию. Так известный культуролог и философ И.Г. Яковенко в главе «Системные характеристики цивилизационного кода» своей монографии⁸⁴⁶ исходит из того, что «В основании культурного кода лежит определенный конструкт, понимаемый как абсолютный социокультурный идеал. Социокультурный идеал традиционной культуры обращен в глубокое прошлое и представляет собой образ изначального нараставшегося синкрезиса»⁸⁴⁷.

Автор приходит к выводу, что к концу XX века возможности традиционного кода культуры исчерпали себя и на повестке дня стоит переструктурирование культуры.

К такому же выводу приходит и ряд других исследователей, работающих в контексте культурного кода. Из них наиболее конкретную и конструктивную позицию занимает Л.Г. Бызов, который в главе «Контуры будущего России и социокультурный код современной российской нации» своей монографии⁸⁴⁸ пишет: «На практике в России будет реализовываться

⁸⁴⁴ Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. С. 361.

⁸⁴⁵ Там же. С. 416.

⁸⁴⁶ Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. – М.: Изд. Прогресс-Традиция, 2006.

⁸⁴⁷ Там же. С. 34.

⁸⁴⁸ Бызов Л.Г. Контуры новорусской трансформации. – М.: РОССПЭН, 2013.

промежуточная модель, не предполагающая ни возврата к традиции («консервативная революция»), ни форсированной западной модернизации («либеральная революция»). Именно в поисках компромисса между этими двумя крайними сценариями и должны заключаться внутренняя политика, в том числе и реформирование политической системы страны»⁸⁴⁹.

Необходимо подчеркнуть существование еще одной дилеммы в разработке проблем культурного кодирования. Опыт современной когнитологии совершенно явно обозначил эту альтернативу: «монодисциплинарный и полидисциплинарный подходы». Монодисциплинарный подход как определенный тип научной аналитики имеет свои пределы. Он обеспечивает подготовку значительного объема материалов, но решить задачу «культурного кодирования» в рамках отдельных дисциплин и подходов – культурологии, антропологии, лингвистики, этнографии, истории, психологии – он не в состоянии. Нужен междисциплинарный синтез, который пока не состоялся, но попытки его предпринимаются в рамках когнитологии и когнитивной культурологии, а также в гуманитарной синергетике.

И *еще один принцип* – ориентация на реалистическую динамику изменений в сфере межэтнических отношений требует понимания – какие факторы, задействованные в сферу государственной национальной политики, могут дать быстрый результат, а какие потребуют и значительных ресурсов, и усилий, и времени. Но это позволит выстроить меры государственной национальной политики, приоритетные, оперативные и другие действия в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Например, меры политико-административного, правового, информационного воздействия способны дать требуемые результаты уже в краткосрочной перспективе. Меры социально-экономического воздействия работают в среднесрочной и, отчасти, долгосрочной перспективе. Духовно-культурные меры, безусловно, потребуют длительного времени.

В заключение подчеркнем, что не всегда «кризисные точки» в международных отношениях следует относить к сугубо отрицательным явлениям, поскольку за ними может стоять фундаментальная проблема, связанная с переходом в новый социально-политический и экономический уклад и освобождением пространства для последующего прогрессивного развития. И еще. В столь сложной области необходимы углубленные исследования, дискуссии и следование известному в медицине принципу «Не навреди».

⁸⁴⁹ Бызов Л.Г. Контуры новорусской трансформации. С. 121–122.

5.6. Конфликтологический потенциал угроз и рисков в сфере национальной безопасности современной России: экспертный взгляд

Конфликтологические исследования важны не только в фундаментальном, но и в прикладном аспекте, поскольку именно из этой их части следуют практические рекомендации, управленческие и кадровые выводы.

Значительный интерес в этом плане представляют проблемы национальной безопасности, так как выступают своеобразным стыком острых конфликтов межотраслевого характера: военных, международно-экономических и политических, территориальных, межнациональных и др. Большая часть таких ситуаций может быть отнесена к конфликтам высокой интенсивности⁸⁵⁰. Вместе с тем, проблемы национальной безопасности нечасто анализируются с помощью инструментария конфликтологии. Мы собираемся остановиться на этих аспектах, опираясь на результаты недавнего социологического экспертного опроса в 20 регионах современной России (август – сентябрь 2015 г.)⁸⁵¹.

Внимание к проблемам укрепления национальной безопасности в постсоветской России с точки зрения числа и важности принимаемых государственных решений, а также выступлений СМИ и реакции граждан меняется волнообразно. Пожалуй следует выделить три «гребня» таких волн: середина – конец 90-х гг., связанные с войнами в Чечне и рядом других конфликтов; события 2008 г., спровоцированные военной агрессией Грузии и, наконец, украинский кризис, в полном объеме развернувшийся в 2014 г. и по сей день угрожающий втягиванием России в военную конфронтацию. Сюда следует присовокупить и новый, сирийский «очаг», связанный с борьбой с глобальным терроризмом.

Вместе с тем, следует связать акции по умиротворению указанных наиболее острых угроз с именем В.В. Путина, который начал данные действия еще в должности руководителя ФСБ и Премьер-министра России и достаточно эффективно воздействует своей политической деятельностью на процесс «принуждения к миру» в последующих эксцессах. Необходимо также подчеркнуть, что попытки втягивания России в новые политические и военные конфликты, действия, направляемые на изоляцию России в системе международных отношений со стороны США и других стран НАТО, значительно

⁸⁵⁰ Старостин А.М. Философия конфликтности: статус направления научного поиска и базовые направления // Конфликтология. 2014. № 5. с. 134-138.

⁸⁵¹ Более детальные результаты опроса представлены в работе: Шутлов А.Ю., Буров А.В., Понеделков А.В., Старостин А.М. и др. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень. Информационно-аналитические материалы Круглого стола с международным участием в рамках научно-практической конференции «Великая Отечественная война в исторической памяти поколений». 23-24 октября 2015 г., Ростов-на-Дону. – Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 272 с.

усилились по мере того как значительно возростал экономический и военный потенциал России. Удар наносился прежде всего по лидеру страны и его окружению, интенсифицируясь с 2012 г. и продолжаясь по сей день.

Столь массивные и скоординированные действия могут быть соотнесены с предвоенным (1938–1941 гг.) и послевоенным (1945–1953 гг.) периодами. Но, в отличие от этого, в стране не возникла обстановка «военного лагеря», массовой подозрительности и «охоты на ведьм». Хотя мобилизационные меры системного порядка, в том числе и в СМИ, уже предприняты.

Об этом свидетельствуют и результаты опросов экспертного сообщества и населения разных регионов России. В наших последних опросах мы обратились к наиболее опытной и образованной части региональных сообществ: государственным и муниципальным служащим и представителям силовых структур (св. 37% опрошенных), деятелям культуры, науки, образования, СМИ (ок. 42%), региональному бизнес-сообществу (9%). При этом трудовой и руководящий стаж 2/3 опрошенных составлял более 5 лет. Это позволило сделать срез в оценках, которые носят взвешенный и продуманный характер. Можно сказать, что это срез лидеров общественного мнения, которые во многом определяют состояние массового сознания.

Проанализируем основные моменты, зафиксированные в опросе.

1. Представления о национальной безопасности и значимости этого феномена для жизни современного российского общества

Прежде всего, около 90% опрошенных разделяют понимание национальной безопасности, которое зафиксировано и в Конституции РФ, и в основополагаемых документах, посвященных этому направлению государственной политики, как: «Состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, позволяющие обеспечивать конституционные права и свободы и обеспечивать суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие нашего общества и государства».

В то же время респонденты указали на приоритетную модель политического управления, которая реализует основной концепт национальной безопасности, это – демократическая модель (48,3%). На либеральную модель сослалось порядка 9%. Что, вероятно, адекватно в процентном отношении числу граждан, которые хотели бы больших личностных свобод и ратуют за образцы западной либеральной демократии, как универсальную ее модель. Вместе с тем, наблюдается и слой граждан, числом ок. 30%, которые предпочли бы более решительные меры государства, ограничивающие часть прав и свобод личности, и расширение централизованных функций и действий государства, позволяющих более энергично обеспечивать интересы национальной безопасности. Речь идет о переходе к мобилизационной модели. Думается, что эти пропорции оценок и интересов в масштабах примерно 1:3:5 в пользу демократии характерны и для деятельности парламентских и других ведущих партий. И в случае изменения внутренней

и внешней обстановки для России с таким разнообразием подходов придется считаться (см. табл. 31). Это, пожалуй, один из значимых выводов нашего исследования, обращающий внимание на состояние общественного мнения прежде всего на уровне российского среднего класса.

Таблица 31

*Какая из моделей управления наиболее подходит
 для обеспечения национальной безопасности современной России?*

Варианты ответов	% ответов
1. либеральная	8,8
2. мобилизационная	29,8
3. демократическая	48,3
4. свой вариант ответа	13,1

Такая дифференциация, очевидно сказывается и при выборе типовой структурно-функциональной модели обеспечения безопасности в регионе (субъекты РФ): около 1/3 респондентов выступают за универсальную модель. Порядка 1/4 понимают, что нужен учет специфики федеральных округов, в рамках которых может быть принята своя типовая модель. И более 40% ратуют за специфическую для региона (субъекта РФ) модель (см. табл. 32).

Таблица 32

*Выразите Ваше отношение к проекту создания типовой
 структурно-фундаментальной модели обеспечения безопасности региона
 (субъекта) как подсистемы обеспечения безопасности национальной безопасно-
 сти Российской Федерации*

Варианты ответов	% отв.
1. Нужна универсальная модель, применяемая в любом субъекте РФ	33,4
2. Нужна типовая модель обеспечения безопасности субъектов РФ в масштабах федерального округа	26,2
3. Для каждого субъекта РФ нужна собственная модель	40,4
4. Иное	–

Очевидно, что в случае ухудшения обстановки в приграничных регионах или нарастания, скажем, террористической угрозы, последняя группа быстро увеличится и будет **настаивать** на принятии особых для региона документов и решениях.

2. Значимость проблемы национальной безопасности и условия, инициирующие к ней общественное внимание

Судя по ответам респондентов на ряд вопросов, общественное внимание к проблеме привлечено прежде всего рядом значимых ситуативных факторов. Об этом свидетельствуют прежде всего ответы на вопросы 2 и 3 анкеты. (см. табл 33, 34).

Таблица 33

*Чем обусловлен повышенный общественный интерес
к проблемам национальной безопасности?*

Ранжированные ответы:	%
1. Обострением международной обстановки	40,9
2. Естественным стремлением индивидов жить в условиях отсутствия опасности	29,6
3. Возрастанием роли государства в создании безопасных условий жизни	18,3

Другие варианты имеют удельный вес на уровне ошибки измерения.

Таблица 34

*Какое значение тема национальной безопасности имеет
для современного российского общества?*

Ранжированные ответы:	%
1. Она интересует граждан только вследствие каких-то явных угроз, конфликтов	73,7
2. Она постоянно интересует граждан, так как люди ощущают постоянные угрозы своей жизнедеятельности	24,6

Остальные ответы по значимости находятся на уровне ошибки измерения.

Что характерное просматривается прежде всего в ответах на вопрос 3, так это то, что удельный вес оцениваемой роли ситуативной и постоянной детерминации состояния национальной безопасности находятся в соотношении 3:1, что существенно различается от того положения, которое складывалось в позднесоветский период, где эти пропорции скорее выглядели в обратном виде. Можно сказать, что это было связано с реальными политическими тенденциями, когда СССР находился как в осажденной крепости, выступая в качестве авангарда антиимпериалистического фронта. Но, видимо, и тональность пропагандистских усилий была гораздо более напористой, агрессивной, усиливая и индуцируя в общественном мнении мотивы тревожности.

Нельзя сказать, что новые для постсоветских политических реалий сюжеты, складывавшиеся по нарастающей с 2008 г., все еще оставляют ощущение партнерства с Западом, впечатление присутствия в «братской семье демократии». Россия не только выставлена за пределы ассоциаций ведущих стран (G7, G20 и т.п.), но и в западных СМИ и выступлениях политических лидеров Запада старательно создается ее образ как мирового изгоя, а то и «империи зла». В отечественном общественном мнении еще нет прежнего, типичного для позднесоветского периода ощущения накала угроз, но тревожные нотки уже просматриваются. В ответах респондентов на соответствующие вопросы это явно видно.

Так ответы на вопрос: «На Ваш взгляд, существует ли в настоящее время опасность возникновения вооруженного военного конфликта, одним из участников которого станет Россия?» ответы структурируются амбивалентно:

«Вероятность высока» – считает 50 % респондентов и «Вероятность незначительна, либо отсутствует» – считает 42,7 %. (см. табл. 35)

Таблица 35

*На Ваш взгляд, существует ли в настоящее время
 опасность возникновения вооруженного военного конфликта
 одним из участников которого станет Россия?*

Варианты ответов	% ответов
1. Вероятность высока	50
2. Вероятность незначительна	43
3. Опасность военного конфликта абсолютно отсутствует	1,8
4. Затрудняюсь ответить	5,2

Иными словами, степень тревожности высока.

Присутствует значительная тревожность и в оценке уровня экономической безопасности. Это отражено в ответах на вопрос 36: «На Ваш взгляд, как изменится уровень экономической безопасности в течение ближайших 5 лет в стране?». Респонденты явно разделились на оптимистов и пессимистов. Пессимисты полагают, что обстановка останется неизменной или ухудшится и их 54%. А оптимисты думают, что улучшится. И их 31% или в 1,5 раза меньше. Примерно так же оценивается динамика изменений на региональном уровне (табл. 36 и 37).

Таблица 36

*На Ваш взгляд, как изменится уровень экономической
 безопасности в течение ближайших 5 лет в стране?*

Варианты ответов	% ответов
1. Улучшится	31
2. Ухудшится	35,4
3. Останется неизменной	19
4. Затрудняюсь ответить	14,6

Таблица 37

*На Ваш взгляд, как изменится уровень экономической безопасности
 в течение ближайших 5 лет в регионе?*

Варианты ответов	% ответов
1. Улучшится	29
2. Ухудшится	33,3
3. Останется неизменной	22,8
4. Затрудняюсь ответить	14,9

Правда, можно заметить, что пока отмеченные чувства тревожности в массовом сознании также носят не устойчивый, а ситуативный характер. Ибо они не индуцируют выдвижение предложений, направленных прежде всего на усиление мер военной безопасности и не вызывают ощущений грядущих военных столкновений с США и странами НАТО.

Так при ответе на вопрос 38 о приоритетных направлениях обеспечения безопасности России, респонденты отвели 3-е ранговое место проблемам защиты страны от военной агрессии (27,8%). Более высокое ранговое место отводится дипломатии (33%). Присовокупив к последней позиции также предложения по реализации международных проектов в разных сферах (13%) (см. табл. 38), мы видим, что предлагаемые миротворческие инициативы намного превосходят оборонческие меры. Здесь соотношение 3,5:1. Из чего можно заключить, что 20-летний период мирного сосуществования с Западом и частичной интеграции с ним создал значительный потенциал веры в его дальнейшее развитие.

Таблица 38

На Ваш взгляд, реализация каких направлений обеспечения безопасности России в международной сфере является наиболее приоритетной в настоящее время?

Варианты ответов	% ответов
1. Налаживание дипломатических отношений с другими странами	33
2. Налаживание экономических отношений с другими странами	52,2
3. Защита страны от военной агрессии со стороны других государств	27,8
4. Реализация международных проектов в различных сферах	13
5. Формирование международных военно-политических блоков	13

3. Соотношение общеинформационных образов угроз и вызовов национальной безопасности с личным опытом респондентов

Значительный интерес представляет сопоставление оценок о вызовах, угрозах, приоритетах в защите интересов национальной безопасности с личным опытом респондентов по этому поводу. В вопросах анкеты было предложено оценить состояние и динамику 7 приоритетных направлений безопасности. Анализ показал, что низкие оценки выставлены респондентами решению вопросов по антикоррупционной (св. 76%) и экологической (ок. 74%) безопасности. На уровне среднем и ниже среднего, считают респонденты, решаются вопросы обеспечения антинаркотической (ок. 70%), общественной (св. 60%) и информационной (ок. 54%) безопасности. На уровне среднем и выше среднего обеспечиваются антитеррористическая (71%) безопасность и предотвращение опасных конфликтов и ситуаций в сфере национальных отношений (59%). Три выделенных кластера по уровню и результативности принимаемых мер показывают приоритетные области прилагаемых

усилий. Конечно, распределение данных по региональным выборкам дает свою картину для каждого региона (о чем отдельный разговор). Но и работа органов и служб на сей счет вырисовывается на фоне вполне независимых оценок.

В целом же респонденты фиксируют положительную динамику в решении проблем национальной безопасности за последние 3–5 лет (68% респондентов), о чем свидетельствует анализ ответов на вопрос анкеты, и что также говорит в пользу того, что называют «наведение порядка». (см. табл. 39)

Таблица 39

*Оцените динамику состояния национальной безопасности
России за последние 3–5 лет*

Варианты ответов	% ответов
1. Заметно улучшилось	14,8
2. Скорее улучшилось	5,3
3. Не изменилось	15,7
4. Скорее ухудшилось	1,3
5. Заметно ухудшилось	3,5

Любопытно соотнести эти данные с оценочными показателями личного опыта. В вопросах анкеты респондентам была поставлена задача соотнести упомянутые выше риски и опасности с личным опытом.

В массовом виде респонденты и их ближайшее окружение непосредственно сталкиваются с фактами коррупции (ок. 61%), мошенничеством и физическим насилием (31%), а также – шантажом (19%). В остальных 7 направлениях (грабежи, квартирные кражи, угоны машин, насильственная угроза жизни, терроризм, экстремизм, преследование за кредитную задолженность) данные угрозы включаются в 5–10% случаев. Что относительно невелико. Такое соотношение разных шкал для обобщающих оценок позволяет снимать излишнюю аберрацию общественных настроений и привлекать общественное внимание к действительно остро резонансным областям обеспечения безопасности.

Что касается оценок в обеспечении конкретных направлений безопасности, то предложенные респондентам на выбор около 20 позиций, расфокусировали общественное внимание и распределили выбор в диапазоне 5–12%. Наиболее актуальными признаны: безопасность труда, безопасность на транспорте, пожарная безопасность (в среднем 12,3–12,5%). Менее резонансны – военная безопасность, экономическая безопасность и антитеррористическая безопасность (4,3–5,2%) – на грани с ошибкой измерения. Как раз наименее актуальными оказались направления, которым уделяется наибольшее политическое внимание и освещение в СМИ.

Что касается попыток выявления значимых факторов, детерминирующих угрозы безопасности, то респонденты распределили свои оценки

в диапазоне 5–8%, практически на уровне ошибки измерения, что, скорее всего свидетельствует о системном характере угроз, связанных со стабильностью общества и власти, а не действием каких-то отдельных факторов.

4. Сравнительный анализ состояния регионального общественного мнения

Сопоставление состояния оценок и мнений экспертов, представляющие более 20 регионов, показывает, что во всех выборках отмеченные выше тенденции сохраняются. Некоторые отклонения можно объяснить скорее недостаточно большой выборкой, нежели влиянием каких-то иных факторов.

Тем не менее отметим, что касательно выбора предпочтительной модели, обеспечивающий национальную безопасность, например, большее число сторонников мобилизационной модели оказалось среди Челябинских экспертов – 45,5%, что примерно в 1,5 раза превышает средние значения. А наименьшее число сторонников либеральной модели (3,7%) – в Башкирии, что в 2–3 раза меньше, чем в других регионах. Похожая тенденция наблюдается и в Республике Дагестан.

При сравнении динамики состояния национальной безопасности наибольшее число экспертов-оптимистов – в Красноярском крае (в 1,5–2 раза выше среднего значения). А пессимизм в оценках характерен для экспертов из Саратовской и Челябинской областей. Об опасности для России возникновения вооруженного военного конфликта чаще думают эксперты из г. Москвы, Ростовской, Саратовской областей. Более оптимистичны эксперты из Республики Дагестан и Краснодарского края.

Выводы

Исследование показало, что в фокусе общественного внимания проблемы обеспечения национальной безопасности пока не занимают ведущих позиций. В большей мере респонденты сосредоточены на безопасности бытовых отношений, снижения рисков в их повседневной жизни.

По-видимому, несмотря на попытки определенных сил нагнетать симптомы военных угроз, экономической и политической нестабильности, государственной власти пока удается удерживать стабильную обстановку на местах и вселять уверенность в стабильности самой власти.

Вместе с тем в оценках респондентов показаны болевые точки (о чем речь шла выше), на которых необходимо сосредоточить внимание региональных и федеральных властей и общественности.

Следует также избегать ударов по ложным целям – переключать общественное внимание на темы и сюжеты, не требующие реального общественного резонанса и не несущих реальных угроз.

5.7. Семь «смертных грехов» современной бюрократии

В традиционном понимании Грех – поступок, нарушающий Заветы Бога, его предписания, изложенные в священных книгах или толкованиях его жрецов. В светской трактовке – это поступки, нарушающие общественные традиции и этические нормы поведения, установленные в данном обществе⁸⁵². В современной научно-рациональной интерпретации – это дисфункции и девиации, связанные с отклонением от норм и регламентов организации, деятельности работника, а также действия, снижающие не только эффективность или результативность, но и ухудшающие авторитет, имидж человека или организации.

При всей метафоричности понятия «грех» и его акцентированно-ценностной нагруженности, оно позволяет отразить причины базисных сбоев в функционировании сложной организации и репрезентирующих ее представителей. К числу последних можно отнести государственную службу и государственных служащих.

В выступлениях и решениях последнего периода Президента РФ особое внимание обращалось на необходимость кардинального улучшения «человеческого материала» прежде всего руководящего слоя на госслужбе (резервирование кадров) и борьбу с таким пагубным отклонением, как коррупция на госслужбе.

В системном ключе названные и иные дисфункции призвана была устранить реализация Федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)»⁸⁵³. В данной Программе обозначены как раз семь дисфункциональных проявлений, которые должны быть устранены:

- ненацеленность оценки профессиональной служебной деятельности на связь с качеством оказываемых государственных услуг;
- отсутствие целенаправленной работы по привлечению молодых перспективных кадров на госслужбу;
- безразличие к использованию современных методов профессиональной мотивации госслужащих, уравниловка;
- отставание уровня профессионального образования госслужащих от современных требований;
- несистемный характер в использовании новых кадровых технологий и научно апробированных методов организации труда госслужащих;
- нескоординированность реформы государственной службы с другими направлениями и программами государственного реформирования;

⁸⁵² См.: *Щербатых Ю.В.* Семь смертных грехов или психология порока для верующих и неверующих. М., 2009. С. 7.

⁸⁵³ См.: Российская газета. 2009. 13 марта.

– недостаточная открытость госслужбы, способствующая проявлениям бюрократизма и коррупции⁸⁵⁴.

На это указывают и международные эксперты: «Результаты международных сопоставлений показывают, что хотя за последние восемь лет макроэкономические параметры России значительно улучшились, Российская Федерация все еще значительно отстает от стран ОЭСР и государств Центральной и Восточной Европы по показателям эффективности государственного управления. Тем временем недавние эмпирические исследования свидетельствуют о том, что качество государственного управления влияет на приток иностранных инвестиций, а прозрачность государственных органов и эффективные механизмы их внешней подотчетности тесно связаны с экономическим ростом»⁸⁵⁵.

Сказанное подтверждают и данные недавнего опроса, сделанного Институтом социологии РАН по заказу Фонда им. Ф. Эберта (см. табл. 40).

Но это, так сказать, «вид сверху», со стороны руководителей страны, международных и отечественных экспертов. А что думают по этому поводу сами госслужащие? Каков, так сказать, «вид снизу»?

Мы провели экспертный опрос госслужащих Ростовской области, в рамках которого задали вопрос: «Какие из девиаций наиболее распространены в государственной и муниципальной службе и представляют наибольшую угрозу (оцените по 5-балльной шкале)?».

В результате ранжирования 12 предъявленных дисфункциональных проявлений была получена следующая иерархия антиценностей современной госслужбы, которые мы ограничили 7 позициями:

- коррупция, взяточничество;
- бюрократизм, бумаготворчество;
- злоупотребление властью, служебным положением;
- клановость и круговая порука;
- угодничество перед властью имущими;
- хамство;
- амбициозность, карьеризм.

Как видим, обозначенные «семь смертных грехов» современной бюрократии в целом корреспондируют при наложении разных систем оценки, даже независимо от того, какого уровня субъект производит оценку. Та же примерно картина воспроизводится и в общественном мнении.

⁸⁵⁴ Российская газета. 2009. 13 марта.

⁸⁵⁵ Новые технологии оценки в системе государственной гражданской службы Российской Федерации: конкурсный отбор и оценка деятельности госслужащих. М., 2009. С. 6.

Таблица 40

*Представления населения о деловых и нравственных качествах современного
 российского, советского и западноевропейского чиновника (в %)*

	<i>Советский чиновник</i>	<i>Современный российский чиновник</i>	<i>Западно- европейский чиновник</i>
Деловитость, компетентность	25,7	20,4	63,5
Патриотизм, чувство долга	56,4	4,6	30,5
Ответственность, надежность	33,4	5,7	37,5
Культура, образованность	26,9	15,7	39,9
Творческий потенциал, способность к инновациям	9,7	14,1	28,2
Неподкупность	17,2	1,9	21,9
Косность, узость мышления	22,6	20,0	2,6
Равнодушие к людям, формализм	28,4	63,7	5,1
Низкие деловые качества, некомпетентность	16,1	31,0	0,9
Продажность	15,0	58,5	4,5
Необразованность, бескультурье, грубость	11,2	25,9	1,1
Безответственность	9,9	32,0	1,1
Безразличие к интересам своей страны	7,5	41,1	1,3
Способность использовать зарубежный опыт	5,9	14,8	22,9
Способность опереться на национальные традиции	20,0	2,6	23,3

Что же делать с этими дисфункциями и девиациями, по каким векторам направить действия? Если следовать опять-таки традиционному подходу, то здесь используется алгоритм: «выявить – добиться признания и раскаяния грешника – наказать и продемонстрировать другим, дабы неповадно было».

Предлагаемые меры носят прежде всего правовой и воспитательный характер, воздействуют на личностно-поведенческие факторы, задействуют мотивы наказания и поощрения. Для современных организационных систем этого недостаточно и предлагаемые отечественной Федеральной программой и организациями, ее реализующими⁸⁵⁶, меры в основном направлены на дальнейшую рационализацию и регламентацию системы в русле неинституциональной парадигмы. Здесь закладывается действие механизмов, способствующих

⁸⁵⁶ К концу 2009 г. должны были быть реализованы заказы на НИР Министерства экономического развития РФ по семи лотам, способствующим реализации Федеральной программы реформирования и развития системы госслужбы РФ. Однако информации о проведенных НИР нет и по сей день.

лучшей организации, нормированию, контролю и оценке чиновного труда, насыщению госслужбы средствами современной компьютерной и информационной техники.

Однако в целом парадигма рационализации административной организации остается устойчивой, трансформируясь из механической административной системы в компьютерную административную систему. Веберовская аксиоматика рациональной бюрократии сохраняется, что отражается и в доминирующих концептах эффективности государственного управления, среди которых ведущие – это управление по целям и управление по результатам⁸⁵⁷. На это нацеливали и рекомендации парламентских слушаний Федерального Собрания РФ от 15 апреля 2010 г. на тему: «Повышение эффективности государственной службы. Законодательные аспекты» и решения, и рекомендации других авторитетных форумов.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что в условиях развития глобальных отношений и процессов, значительной интенсификации, наряду с государственно-административной системой управления, социальных сетей и коммуникативных систем, появляются альтернативные механизмы и технологии управления, проявляются серьезные ограничения административных систем в отношении их развития и совершенствования. В частности, проявляется в этом плане и определенный дисфункциональный потенциал веберовской аксиоматики рациональной бюрократии:

- иерархический принцип управления препятствует проявлению индивидуальной ответственности и инициативы;
- строгое следование установленным правилам и регламентам может привести к отсутствию гибкости в принятии решений;
- безличный характер отношений порождает бюрократическое безразличие и бесчувственность;
- специальные знания – как показывает практика, чиновники отнюдь не всегда отбираются на основе способностей и лучшей образованности⁸⁵⁸.

В какой-то мере удастся самортизировать достижения «границ роста» административной системы за счет переориентации ее модели на основе системы Public Management (основные коррективы изложены Д. Осборном и Т. Геблером)⁸⁵⁹.

В русле этих коррективов и реализуется последняя российская Федеральная программа реформирования и развития госслужбы. Однако окончательно преодолеть обозначенные ограничения веберовской аксиоматики и на данном

⁸⁵⁷ См.: Эффективность государственного управления: критерии и показатели (зарубежный опыт). – М.: РАГС, 2009.

⁸⁵⁸ Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления. М., 2009. С. 6.

⁸⁵⁹ Osborn D., Gaebler T. Reinventing Government. Univ. of California Press, 1992; Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века. Модели государственной службы. М., 2002. С. 16.

пути не представляется возможным. Значит описанные выше «семь грехов бюрократии» будут воспроизводиться.

Более существенного продвижения следует искать по пути иной реформации. Его нам подсказывает европейская религиозная реформация, породившая протестантский «дух капитализма». А из отечественного опыта – земская практика, нацеленная на служение народу. На наш взгляд, в сфере эволюции административных систем такой ход также возможен и в настоящее время видится в переходе к системе управления по ценностям⁸⁶⁰, ориентированной на развитие человеческого капитала общества и самой административной системы.

Если очень конспективно охарактеризовать систему управления по ценностям применительно к государственной службе, то, прежде всего следует обозначить ключевые ее составляющие в триаде: «организация – руководитель (лидер) – исполнитель (служащий)».

На уровне *организации* (федеральная система, региональная или отраслевая подсистема) предполагается выработка идеологии системы и ее прикладных идеологем, что в настоящее время интенсивно осуществляется на уровне Президента РФ и Премьер-министра РФ.

В общественную и управленческую среду вброшены идеи модернизации и инновационного подхода по всем сферам развития российского общества. Идет поиск и популяризация нового государственного имиджа России. Аналогичные процессы закладываются на региональном уровне. Президент страны призывает губернаторов быть информационно более открытыми, коммуникабельными, активно опираться на современные информационные ресурсы.

С общим ценностным контуром системы, который должен приобрести конкретные очертания, соотносятся идеологемы – прикладные ценности, к основным из которых относят:

- ценности порядка (пунктуальность, дисциплина, управляемость, стабильность, безопасность, ответственность, согласованность и т.д.);
- ценности развития (достижительность, инновационность, конкурентность, клиентоориентированность, креативность, профессионализм, качество, эффективность, стратегичность, целеустремленность, темп и т.д.);
- ценности отношенческие (командность, взаимная обязательность, доверие, состязательность, уважительность, доброжелательность, демократизм, достоинство, открытость, честность и т.д.);
- ценности благополучия (доходность, благосостояние, комфорт, здоровье, безопасность, образование, интерес на работе, лояльность и т.д.);
- ценности социальные (польза обществу, социальная ответственность, добрый след в жизни и т.д.)⁸⁶¹.

⁸⁶⁰ Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010.

⁸⁶¹ Там же. С. 37–38.

В системе, ориентированной на управление по ценностям, данные аспекты должны быть выстроены самым тщательным образом. В таком случае лидерский и человеческий ресурс ее смогут работать с отдачей, на порядок превышающей современные показатели.

Совершенно прав, по нашему мнению, проф. А.И. Пригожин, утверждающий, что пока в системе политического, экономического и социального управления «... у нас господствует экономический материализм, согласно которому все дело в инвестициях, налогах, финансовых институтах, структурах, технологиях. Все эти социокультурные изыскания они считают чем-то второстепенным, невлиятельным.

Между тем можно считать доказанным, что затраты и управление бывают эффективными только тогда, когда они опираются на соответствующую ценностную базу, присущую народу, коллективам, личностям»⁸⁶².

Уровню *лидерства* (руководства) в описываемой концепции управления по ценностям более всего соответствует ценностный подход к лидерству, обозначенный в теории управления сравнительно недавно: «Согласно ценностной концепции лидерство, наиболее эффективное управление людьми – это управление через их мировоззрение и ценности. Соответственно, лидером становится тот член группы, который формирует и поддерживает общие ценности группы и обеспечивает приобщение и приверженность этим ценностям других членов группы»⁸⁶³. В частности, в основе ценностной теории лидерства С. Кучмарски и Т. Кучмарски лежит постулат, что люди готовы следовать за человеком, у которого есть чему обучиться (лидерскому поведению, мировоззрению, эффективному взаимодействию с окружающими и т.п.)⁸⁶⁴.

Уровню *исполнителя* (служащего) в ценностном подходе соответствуют установки на высшие профессиональные проявления и достижения как ценности, ценности личностной и профессиональной самореализации и саморазвития.

Кстати говоря, система управления по ценностям весьма чувствительна к вопросам эффективности. Если жесткая административная система ориентирована на *результативность*, как главный смысл управленческой деятельности, и для оценок и результативности вторичен вопрос о затраченных ресурсах; административная система в конкурентной экономической и политической среде нацелена на *эффективность*, в рамках чего как раз необходимо сопоставление последнего (запланированного) эффекта и израсходованных ресурсов; в системе управления по ценностям *дифференцированно рассматривается сам тип эффективности*, в зависимости от ценностных установок,

⁸⁶² Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. С. 39.

⁸⁶³ Евтихов О.В. Психология управления персоналом. Теория и практика. СПб., 2010. С. 108.

⁸⁶⁴ Там же. С. 109.

из которых исходит субъект управления (кратического контекста)⁸⁶⁵. В современных высокоразвитых государствах данный контекст задается нацеленностью на позитивную динамику развития человеческого потенциала.

Что касается *социума*, то обслуживающая его государственно-административная или муниципальная система по части эффективности должна быть полностью сориентирована на индексы развития человеческого потенциала⁸⁶⁶. А сама административная система в своем развитии полностью переориентирована с институционального и структурно-функционального подхода – на человеческий, личностный, акмеологический подход как основной. Это означает, прежде всего, организацию отбора и подбора персонала через независимые центры оценки по личностным данным, ориентированным на высокие уровни мотивации и развития в сфере госслужбы. То же касается организации профессионального обучения, а также организации системы управленческой деятельности, включающей мотивацию на личностную самореализацию и ответственность⁸⁶⁷, и в то же время использование партисипативных методов и технологий; развитие системы социальной защиты, а также системы защиты госслужащих и членов их семей от воздействий негативного характера третьих лиц.

Значительных усилий требует развитие возможностей административной системы в разработке и применении инноваций в собственной среде, что предполагает законодательное обоснование передачи (делегирование) части наукоемких функций органов государственной власти, касающихся проектирования и экспериментальной апробации административных систем оценки, аттестации, повышения квалификации, переподготовки кадров госслужбы на аутсорсинг базовым научным организациям и вузам, прошедшим процедуры аттестации и аккредитации по направлению «Государственное и муниципальное управление» и выигравшим соответствующие конкурсы на право аутсорсинга.

Необходимо также законодательное подтверждение положений об отборе на госслужбу, предусматривающее конкурсный отбор по итогам всесторонней оценки личностных и профессиональных качеств и данных в независимых центрах оценки. При таком подходе мы начнем перестраивать государственно-административную систему с деятельности по ситуации, с тактических ориентиров – на стратегические. И, возможно состоится «административная реформация», которая пробудит «дух гуманизма».

⁸⁶⁵ См.: Старостин А.М. Эффективность государственного управления в контексте современных кратических теорий // Электоральное пространство современной России. Политические науки: Ежегодник – 2008. М., 2009.

⁸⁶⁶ См.: Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д, 2009. С. 171-177.

⁸⁶⁷ Там же.

5.8. Государственная кадровая политика в контексте концепции «человеческого капитала»

В дискурсе, посвященном кадровому обеспечению инвестиционного развития и повышения конкурентоспособности государственных институтов и муниципальных образований речь, во-первых, идет о механизмах взаимодействия двух важных направлений отраслевой государственной политики (если речь вести о наиболее организованном уровне управления), а, во-вторых, о повышении эффективности и качества вклада кадрово-управленческого ресурса в этом процессе.

Первый аспект достаточно апробирован и в отечественной, и в зарубежной практике. Речь идет о кадровом менеджменте в системе инвестиционной деятельности. Если в рамках командно-административной системы доминировали принципы «кадрового насыщения» отрасли, повышения профессионализма кадров и контроля за ними, что в итоге позволяло говорить, что «кадры решают все». То в условиях рыночной экономики появились принципиально различные кластеры: там, где все решают кадры, расставленные государством и где преобладают бюджетные инвестиции и государственные или смешанные формы собственности. И другой кластер: там, где решает собственник, а кадры, персонал его обслуживают и реализуют инвестиционные решения частных лиц (руководителей того или иного уровня) и сообществ.

Система взаимодействий в рамках второго кластера выглядит более вариативной по целям, средствам, результатам и возможностям воздействия на процессы со стороны наемных руководителей и персонала.

Для государственных и муниципальных органов складываются существенно различные системы кадровой политики и кадровой работы для первого и для второго случаев. Если в первом случае речь идет о повышении эффективности управления финансово-экономической работой и подборе более профессиональных руководителей и персонала муниципальной службы, то во втором – об эффективности территориального развития в целом, привлечении крупных и иных инвесторов, организации взаимодействия с ними на перспективу. Здесь для муниципальных органов власти нужны уже кадры другого уровня и номенклатуры.

Если рассмотреть состояние дел в обозначенных в первом случае аспектах, то весьма интересные корреляции были выявлены здесь известной группой исследователей на макроэкономическом уровне: «Существует прямая корреляционная зависимость между динамикой инвестиций и объемами валового внутреннего продукта. Значимая связь получена также между инвестициями и коэффициентом качества государственного управления»⁸⁶⁸.

⁸⁶⁸ Качество и успешность государственных политик и управления. Монография. – М.: Изд-во «Научный эксперт», 2012. С. 444-445.

Рис. 1. Корреляция инвестиций и КГУ ($R=056\pm 0,06$, $\alpha=0,1$)

Основным недостатком современной инвестиционной политики в России указанные авторы считают существенное преобладание иностранных и частных инвестиций в противовес бюджетным, что существенно снижает государственное и муниципальное влияние на стратегию развития страны и ее муниципальных образований, в частности. «Динамика ВВП оказывается существенно ниже динамики инвестиций. Инвестиционные вложения в значительной своей части являются портфельными и работают не на развитие, а в основном на перераспределение собственности⁸⁶⁹.

Об этом много говорится и в других источниках. В последние годы, однако, все более беспокоит во взаимодействии инвестиционной и кадровой политики нарастающая коррупционная составляющая, в особенности в элитном и субэлитном звене. Об этом свидетельствует современная политико-правовая практика. Это подтверждают и наши панельные исследования элит⁸⁷⁰. Так, на вопрос о факторах, снижающих эффективность действий представителей региональной политико-административной элиты, эксперты выделили прежде всего коррупцию (см. табл. 41)⁸⁷¹.

⁸⁶⁹ Качество и успешность государственных политик и управления. Монография. – М.: Изд-во «Научный эксперт», 2012. С. 444-445.

⁸⁷⁰ Понделков А.В., Старостин А.М., Яланский А.П. и др. Элитология и стратегия развития современной России. Информационно-аналитические материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.

⁸⁷¹ Там же.

Таблица 41

№ п/п	Варианты ответов	% ответов	
		2016	2013
1.	Коррупция	64,1	57,5
2.	Бюрократия органов власти	51,5	35,8
3.	Отрыв власти от народа	50,5	47,5
4.	Низкий профессионализм служащих, исполнителей	93,0	28,5
5.	Слабая финансовая и материальная база	22,3	27,8
6.	Отсутствие должной информационной поддержки	20,4	8,5

Следует подчеркнуть, что в условиях сложившейся организационно-административной культуры на разных уровнях управления повышение уровня профессионализма и квалификации управленческих кадров не ведет автоматически к перелому ситуации в области инвестиционной политики (да и других направлений отраслевой политики) и к положительной корреляции профессионализма и эффективности управления. Препятствием на этом пути выступают и наличие коррупционных связей, и высокий уровень бюрократизации, и сдерживание в продвижении эффективного кадрового резерва⁸⁷².

На фоне такой административной субкультуры, сочетаемой с возможностями «административной ренты», эффективность отраслевых политик, конечно, невысока. Это относится и к инвестиционной политике.

Рекомендации по выправлению ситуации в принципе давно ясны. Они закладывались в отечественные современные административные реформы начала 2000-х гг. О них высказывались известные ученые (РАГС, РАНХиГС, ВШЭ, МГУ и др.). В частности, мы неоднократно обращались к формированию рационально выстроенной кадровой политики на элитном уровне⁸⁷³. Речь идет, когда касаемся их реализации, прежде всего о политической воле, направленной на обновление ценностно-смыслового и мотивационного контекста деятельности современных административных элит разного уровня.

Однако уже очевидно, что и одной лишь политической воли здесь недостаточно. Необходима смена парадигмы кадровой политики на всех уровнях, что связано, в первую очередь, со значительными инвестициями в эту отрасль. Иначе говоря, как отмечается в современных исследованиях, вложения в человеческий ресурс, человеческий капитал приобретают приоритетные значения.

⁸⁷² См. подробнее: *Шкартан О.И.* Социология неравенства: теория и реальность. – М.: Изд-во ВШЭ, 2012. С. 434-435.

⁸⁷³ *Понеделков А.В.* Политическая наука в элитологическом измерении. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010; *Старостин А.М., Понеделков А.В.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. 2008. № 6. С. 86-98.

На уровне крупных негосударственных и смешанных корпораций и компаний это уже принято и реализуется. Достаточно обратиться к суждениям продвинутых руководителей в этой сфере, вроде Г. Грефа. Однако на уровне региональных и муниципальных органов власти этого пока нет. В основном доминирует парадигма «административного конформизма»⁸⁷⁴. Достаточно вновь обратиться к результатам нашего июльского 2017 г. экспертного опроса. На вопрос: «Какими личностными качествами, по Вашему мнению, должен обладать эффективный работник органов местного самоуправления? (выбрать не более трех вариантов)» были даны следующие ответы (в ранжированной проекции) (табл. 42).

Таблица 42

№ п/п	Варианты ответов	% ответов
1.	Трудолюбие	91,8
2.	Ответственность	58,8
3.	Честность	53,6
4.	Открытость к диалогу с населением	36,1
5.	Целеустремленность	33,0
6.	Строгое соблюдение нормативов, правил	30,9
7.	Лидерские навыки	25,8
8.	Умение работать в команде	29,9
9-10.	Креативный подход	19,6
9-10.	Дисциплинированность	19,6

Как видим, приоритет отдан исполнительским и простым рабочим навыкам. А инициатива, креативность, лидерство, сочетаемое с командными навыками замыкают оценочный ряд. При таких приоритетах отбор «эффективных» управленцев не составляет труда и не требует больших вложений в их развитие и продвижение. Но и отдача невелика. Это кадровая ориентация на ситуацию и на ее удержание в устойчивом состоянии.

Для других приоритетов нужна существенная перенастройка кадровой работы и инвестиционное ее подкрепление. Об этом свидетельствуют ответы экспертов нашего июльского 2017 г. опроса. На вопрос: «Как Вы считаете, что необходимо предпринять для повышения качества формирования кадрового состава органов местного самоуправления Вашего муниципального образования (можно отметить несколько вариантов ответов)?» были получены (в ранжированном виде) следующие ответы (см. табл. 43):

⁸⁷⁴ См. подробнее: *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Авторитарный конформизм как девиация в современном управлении // См. Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Управление государственное, муниципальное, корпоративное: теория и лучшие практики». – Ростов н/Д.: Изд-во РГУПС, 2017.

Таблица 43

№ п/п	Варианты ответов	% ответов
1.	Повышение мотивации кадрового состава с помощью экономических стимулов	57,7
2.	Регулярная ротация кадров с учетом целевого направления на учебу (профпереподготовка перспективной молодежи, активных специалистов инфраструктуры МО)	49,5
3.	Более тесное взаимодействие с вузами (стажировка для студентов и т.д.)	35,1
4.	Изучение и применение наиболее успешных практик формирования кадрового резерва, реализуемых в других регионах РФ, а также зарубежного опыта	27,8
5.	Изыскание средств для регулярной переподготовки и повышения квалификации кадров	22,7
6.	Восполнение кадрового резерва органов местного самоуправления за счет граждан, активно занимающихся общественной деятельностью	20,6
7.	Привлечение представителей научного сообщества для выработки решений по оптимизации кадрового резерва и др.	19,6

Для реализации такого «экспертного заказа» необходимо оценочно увеличить инвестиции в мероприятия кадровой работы в несколько раз. Это создаст определенный тренд еще в рамках прежней кадровой парадигмы.

Следующие шаги связаны с поэтапным переходом к парадигме управления человеческими ресурсами⁸⁷⁵. На первых порах это предполагает организацию образовательно-консультационного и мотивационно-стимулирующего сопровождения. Причем следует учитывать данные исследования поведенческих проявлений в такой системе управления: «потенциал воздействия, т.е. способность менять поведение работников в нужную сторону, у стимулов разных знаков разный. Исследования показывают, что поощрение улучшает работу в 89% случаев, а наказание – лишь в 11%, а в 11% – и вовсе ухудшает. Устные угрозы в 99% случаев игнорируются и, кроме того, они сами по себе унижительны для обеих сторон. Нейтральное воздействие, т.е. отсутствие последствий, приводит к постепенному затуханию поведения»⁸⁷⁶.

К этому следует добавить, что мотивационная динамика воздействий не только сложно структурирована (частота подкрепления, предъявление стимула, авансное подкрепление, справедливое и несправедливое подкрепление и др.), но и должна изменяться во времени (развиваться). Иначе «даже

⁸⁷⁵ Зайцева Т.В. Система управления человеческими ресурсами. – М.: Изд-во МГУ, 2012.

⁸⁷⁶ Там же. С. 167.

самый надежный и выверенный инструмент управления человеческими ресурсами, будучи применен с нарушением положительно стимулирующих показателей величины, частоты и знака воздействия, теряет свои возможности и оказывается малоэффективным»⁸⁷⁷.

Мы хотели бы особо подчеркнуть три основных аспекта, основываясь на которых выделялось то или иное новейшее направление в управлении персоналом, человеческими ресурсами организации.

Во-первых, речь идет об инновационном подходе к управлению персоналом организации. Это означает не только задействие и апробацию новых управленческих идей, концепций, которые еще не вполне устоялись и не стандартизированы в теории и практике управления, но и о новой ориентации самой управленческой деятельности, которая в качестве важного фактора собственного развития делает ставку на поисковый, экспериментальный подход и, тем самым, выходит в более широкий (неклассический) контекст, в рамках которого нет абсолютных, раз и навсегда установленных канонов, а каждый из них относителен, имеет свои границы. И задача управления новой формации – определить эти границы и найти новые методы, технологии, подходы, которые эффективны за пределами обозначенных границ⁸⁷⁸.

Во-вторых, основным предметом рассмотрения выступают те подходы, которые вычленены в доктринах, которые концентрируют внимание не на «частичном человеке» в управлении организацией (человек труда, чиновник, экономический человек), а на целостном человеке и задействовании его совокупного потенциала в ситуациях управления (доктрины человеческих отношений, новых человеческих отношений, человеческого потенциала), что в прикладном плане нашло выражение в методологии HR-менеджмента.

И, в-третьих, мы ориентированы на технологический аспект управления человеческими ресурсами как рационализированный, научно обоснованный и алгоритмизированный подход к управлению, который может быть осознанно применяем и доступен не только в практической деятельности, но и в обучении.

Кстати говоря, данные о востребованности организациями управленческих инноваций говорят следующее: порядка 80 % организаций заказывают консалтинговым фирмам новую организационную структуру управления; на втором месте находится мотивация; на третьем – спрос на стратегию; на четвертом – компетентное определение служебных функций персонала; на пятом месте – подходы к разрешению внутриорганизационных конфликтов⁸⁷⁹.

⁸⁷⁷ Зайцева Т.В. Система управления человеческими ресурсами... С. 175.

⁸⁷⁸ См. более подробно: Швец Л.Г. Инновационные технологии управления человеческими ресурсами. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2012.

⁸⁷⁹ Латкин А.Г. Управленческие нововведения. – М.: Макс Пресс, 2008.

Следует отметить, что кадровые инновации генерируются как в традиционных для современного менеджмента подходах к управлению, что отражается прежде всего в разработке новых кадровых технологий. Однако наибольший инновационный эффект ныне достигается в работе с кадрами, персоналом, базирующийся на концепции HR-менеджмента.

В заключение подчеркнем то обстоятельство, что переход к новой парадигме кадровой политики и кадровой работы, основанной на инновационных технологиях (HR, GR, PR и др.) неизбежен в системе административного управления, поскольку он уже внедряется в системе корпоративного управления, и они должны быть совместимы. Вместе с тем это влечет за собой и существенное обновление номенклатуры специальностей, профилей профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации, связанных с социально-гуманитарными инновациями⁸⁸⁰ и существенной инновационной поддержкой, включая и реструктуризацию инвестиционной политики в той ее части, которая ориентирована на создание нематериальных активов и развитие человеческого потенциала.

Авторская библиография

Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2006.

Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России. Сб. науч. трудов. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010.

Старостин А.М., Атоян Ш.М. Политические режимы и властная миссия государства. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

Старостин А.М., Швец Л.Г., Тованчова Е.Н. Девиации в государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1.

Старостин А.М. Межнациональные отношения в современной России: «точки кризиса» и «точки роста» // В сб. «Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений». Труды международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016.

Старостин А.М., Понделков А.В., Швец Л.Г. Гражданское общество в России в контексте трансфера инноваций // Власть. 2016. № 5.

⁸⁸⁰ *Старостин А.М.* Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления // Государственная служба. 2012. № 5; *Старостин А.М.* Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления (продолжение) // Государственная служба. 2012. № 6.

Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г. Российский путь к политической устойчивости и сбалансированности: перспективы и риски // ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1.

Старостин А.М., Швец Л.Г. Конфликтологический потенциал угроз и рисков в сфере национальной безопасности современной России: экспертный взгляд // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1 (68).

Старостин А.М. Российский путь к политической сбалансированности: от иерархии к полиархии // В сб. «Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития». – М.: «Ключ-С», 2015.

Старостин А.М., Понеделков А.В., Атоян Ш.М. Трансформация регистров эффективности государства: от социально-экономической к цивилизационной // Власть. 2015. № 6.

Старостин А.М. Аннексионные и сецессионные конфликты в геополитическом контексте // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3.

Старостин А.М. Стратегическое управление в многосоставном обществе: российский контекст // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3.

Старостин А.М. Концепты эффективности государственного управления в контексте различных кратических моделей // Научные труды Северо-Западного института управления. 2013. Т. 4. № 5 (12).

Старостин А.М. Модернизация и ее альтернативы в развитии современной России // В сб. «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». – М.: Изд-во ИСИ РАН, 2012.

Старостин А.М. Семь «смертных грехов» современной бюрократии и проблемы повышения эффективности государственной и муниципальной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2010. №3.

РАЗДЕЛ VI

ИНТЕРВЬЮ

В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

6.1. ЖУРНАЛ «EXPOSITION – ЮГ». 2006. № 6

Александр Старостин:
«Я не достиг своего пика!»

Популярности профессора Александра Старостина могут позавидовать многие: в последнее время его статьи или интервью с ним появляются практически во всех местных или федеральных СМИ. Ничего удивительного: круг вопросов, которые освещает А. Старостин, всегда вызывает интерес общественности. Среди его работ – такие, как «Гносеологический и социальный аспекты анализа космических исследований», «Познавательные модели космоса в истории культуры», «Эффективность деятельности административно-политических элит». Сегодня профессор СКАГС, доктор политических наук, член-корреспондент Академии социальных технологий и местного самоуправления. Международной академии ноосферы, Академии космонавтики, *Александр Михайлович Старостин* – гость редакции.

- Еще в школе – с 12 лет! – Вы писали фантастику. Став ученым, вы издаете учебники, монографии – свыше 350 публикаций. А почему бы не вернуться к прозе?

- Мне мешает наука.

- ?!

- Чтобы успешно заниматься наукой, нужно концентрироваться. Подчинить именно этому всю свою жизнь, раствориться в этом потоке – только тогда достигаешь весомых результатов.

- А как же Иван Ефремов – знаменитый романист, прекрасный ученый, доктор наук?

- Он рано умер, кстати. Это – безумный талант! Но, видимо, ему потребовалось вначале обкатать свои научные идеи, прежде чем их запускать в общество. Ему необходимо было создать «клуб единомышленников». Литератор с научным складом ума думает и о героях своих

романов, и о том, как все воспринимается в научном аспекте, Я бы не назвал его вещи обычной литературой. Это – «художественная философия». Немцы, кстати, убеждены, что у нас в России нет философии. Но, с другой стороны, они считают, что Лев Толстой, Достоевский, Бердяев не писатели – философы. К этому рангу я бы отнес и Ефремова.

- Тема вашей кандидатской диссертации по философии звучала так: «Космический эксперимент как новый вид эксперимента». Космос, судя по вашим научным работам, привлекает постоянно. Это потребность души? Или желание раскрыться как ученый? Труды Циолковского, например, приходилось читать не в цитатах, а в полном объеме?

- Почему начинал с доминанты космической?.. Почему диссертация?.. Моим научным руководителем и преподавателем в пединституте был профессор Режабек, который услышал, почувствовал мой внутренний порыв и подобрал тему «под меня», а не только исходя из своих собственных, научных интересов. За 30 лет, что прошли с тех пор, не было, кстати, методологических работ на эту тему! А ведь все базовые формы духовности имеют космическую идею. Собираюсь издать новую монографию.

Что касается Циолковского, то его философские работы изданы 4-томником, а пятый том так и не вышел: несколько раз его набирали и... рассыпали набор. Взгляды Циолковского были слишком нестандартны. В советские времена это не приветствовалось. Кстати, в тот же период «загрели» все «космисты» – Чижевскому срок 18 лет, П. Флоренскому 10 лет. Я имел возможность прочитать все четыре тома Циолковского, однако доступа в архив не было, а там свыше 700 работ его! Но то, что опубликовано, я все проанализировал. У Ефремова, кстати, тоже огромные архивы, но он немало успел и реализовать. А у Циолковского слишком много осталось «в столе».

- В священной книге майя «Пополь-Вух» говорится: «Наши предки учили, что жизнью мы обязаны богам...». Кто для вас эти боги, Вы храните их в душе или в сердце?

- Если говорить о бытовых вещах, об архетипах, от которых нам трудно уйти, я сторонник такого подхода: «Бог далеко, зачем его беспокоить». Поэтому обращаюсь к своему ангелу-хранителю. Я стараюсь о нем не забывать, чтобы и он обо мне помнил. Это мое суеверие. А в плане рационалистическом?.. Наверное, именно обращение к внутренним силам помогает мне сконцентрироваться.

- Ваши жизненные ценности?

- Есть более интегральные, есть более приземленные. Думаю, что среди них обязательно и такие, как «не причиняй вреда ближнему своему», «будь цивилизованным», «не прибегай к силе – у тебя есть разум».

Допустим, человека обругали. Он может поступить зеркально. А может как-нибудь иначе, за счет интеллекта. Я – сторонник концептуального управления. Меня даже иногда называют «серым кардиналом».

Я так отношусь ко всем – к своим детям, к жене, к начальству, к федеральной власти, к правительству, и многих это устраивает.

- У вас хорошая интуиция? Можно сказать, что она выручает Вас в любой ситуации?

- Очень хорошая интуиция... Досталась мне, наверное, в наследство от мамы. Она не имела полного высшего образования, постоянно меняла вузы – Московский авиационный, историко-архивный, пединститут. В общей сложности набралось бы шесть курсов, а так – всего четыре. Мама обладала удивительным даром предвидения – от своей бабушки. Это был культурный дар, а не наследственный.

- Вы человек настоящего или пленник прошлого, или живете в будущем?

- Ни то, ни другое, ни третье... Странное смешанное чувство: прошлое немножко сглаживается, но не уходит. Иногда ностальгические фрагменты превращаются в лучшее воспоминание моего детства, как мозаичное панно, в котором вся жизнь. Это связано с городом Грозным. Он был в то время одноэтажный, тихий, зеленый... Я писал свои первые рассказы... Строил планы... Что-то загадывал. В классе, где я учился, было пять-шесть ингушей, остальные русские. Со всеми – хорошие добрые отношения, в самой атмосфере города – что-то уютно-патриархальное. Что касается настоящего – оно «текущее», словно льющаяся вода из кувшина. Оно проходит. Оно тает. Оно ускользает. Оно есть и его нет... Я более чем на два года не планирую ничего. Наша жизнь сегодня ситуативна.

- Вас легко вывести из равновесия?

- Внутренне – да, я человек реактивный. Но я совершенно долго терплю.

- Прячете ли вы свои чувства или выражаете их открыто?

- Проявляю почти открыто, что мне вредит. Я, например, поделился своим успехом, рассказал о каком-то событии в жизни, а чья-то зависть начинает подтачивать меня, отравлять жизнь. Вокруг, к сожалению, много завистливых – натура сильнее культуры.

- Всегда ли вы говорите то, что думаете, или вторите большинству?

- По молодости я был уступчивым. А потом, с годами, понял, что у меня не так много времени, чтобы успевать со всеми сглаживать отношения. Я не люблю ссоры, конфликты... Моя мама всегда говорила: «Ты – прирожденный дипломат». Но если мне бросили вызов, я отвечаю по-мужски. Наверное, звезды влияют! Я – Козерог, отец – Козерог, сестра – Козерог. Дедушка – Козерог. Ярко выраженный индивидуалист, он

никогда ни под кого не подстраивался. За что и имел много неприятностей. Дважды был репрессирован.

Второй дедушка «под политику» не попал, сидел по «хозяйственной» статье. Была весна, голод, и он отдал распоряжение выдать зерно под посевы (из тех запасов, что запрещалось брать). Его осудили на два года... Так что в козержестве виновата генетика, а не зимний месяц!

- Ваша жена, Лариса Георгиевна – кандидат философских наук, заканчивает докторскую. У вас с ней случаются сугубо философские споры?

- У нас есть дача – четыре километра от Морского Чулека... Азовское море... В весенне-летний период мы выезжаем туда на выходные. И вот эти два дня отводятся не только под труд и отдых, а становятся своего рода семейным клубом с философскими диспутами. Нам интересно друг с другом обсуждать и отвлеченные, и приземленные вопросы: о статьях, о книгах, о служебных делах, о научных планах, об успехах детей.

Мы с женой отметили недавно серебряную свадьбу. У нас сложился хороший семейный союз: сходимся интеллектуально, одинаково смотрим на жизнь. Лариса – гений общения. Для нее контрапункт – это общение. А я более углублен в себя. Мы познакомились еще на кафедре философии в РГПУ и по общественной линии. Когда мы поженились, мне был 31 год, Ларисе – 26 лет. У меня – первый брак, у нее – дочь от первого брака, бывшая свекровь, с которой сложились очень хорошие отношения. Соседи на даче впоследствии думали, что сын – именно я. С бывшим мужем (дочь ведь должна была встречаться с отцом) отношения всегда были гармоничными.

- Что в жизни является для Вас соблазном и против какого из них Вы не можете устоять?

- Соблазн в настоящее время – бокал хорошего красного вина, который можно выпить после работы с любимым человеком.

- Какой телеканал в России Вы считаете лучшим? Какие газеты считаете достойными интереса?

- Моя приверженность, если в шутку, и мнение как о лучшем – о телеканале, на котором выходят работы моей дочери. Из газет, пожалуй, «Известия». Но, хотя и читаю и «левые», и «правые», чтобы не «окосеть»; среди изданий, которые покупаю, самые разнообразные, например, нестареющая «Литературка».

- Журналы «Плейбой», «Медведь», «Пингвин» имеют вполне «раскрученные» тиражи. Как вы полагаете, их читают самые легкомысленные и заурядные мужчины? Или проблемы в нашем обществе?

- Я считаю, что такого рода издания читают люди с биологической предрасположенностью, или виновато воспитание, феномен культуры, где телесное затмевает все остальное.

- Как Вы считаете, Вас как преподавателя студенты любят, уважают или боятся?

- Не боятся – это однозначно. Манера моего поведения, общения не дает для подобного оснований.

Уважают? Несомненно! Любят, ходят за мной косяками?.. Нет. Я человек без сантиментов. Идеальная модель для студентов – моя жена, они от нее не отлипают.

- Вы останетесь в российской науке как мэтр или с годами Ваши книги утратят свою актуальность?

- Если немного пошутить, то все наши книги немного похожи на газеты, с той лишь разницей, что газета живет один день, а книга – побольше. Самые удачные из моих книг те, за счет которых я сумел преодолеть очередную ступеньку – своего рода взятая вершина. На сегодня лучшая из всех моих монографий и публикаций – «Эффективность государственной власти и управления». У нее маленький тираж – 500 экземпляров, и многим людям она просто недоступна. Но это – интересная работа, и я ею горжусь.

- Вы много пишете о сегодняшней российской элите. Себя лично Вы относите к ней?

- Я не только отношу себя к элите, но, более того, попал туда с восьмого класса. Я обучался в московской школе-интернате № 18 физико-математического профиля, в которой преподавал даже академик А.Н. Колмогоров. Одна из самых престижных школ страны! Здесь учились ребята из 56 областей Российской Федерации. Здесь вели занятия знаменитые профессора, здесь царил атмосфера высокого знания. Все это воспитало сознание элитности.

И сегодня я продолжаю развиваться. Мой возраст физический не соответствует ментальному. Я не достиг своего пика! Многие из моих ровесников достигли его и... просто функционируют. А я – меняю работу, меняю направление и продолжаю расти. Расти в плане интеллектуальном, духовном, научном. И когда сажусь за письменный стол, то фактически без правок пишу очередную статью, главу книги. Наверное, это и есть мастерство, которое приходит в процессе многолетнего творческого труда.

Эмилия Слюсарева

6.2. ЖУРНАЛ «EXPOSITION – ЮГ». 2006. № 2

Наше завтра

НА СТЫКЕ ВРЕМЕН, НАУК, МНЕНИЙ

*XX век с полным правом можно назвать веком специализации. Хорошо осведомленные в своих сферах люди, безусловно, изо дня в день двигали прогресс. Но прорывы в будущее (и это тоже безусловно) обеспечивали те, кого узким специалистом никак не назовешь: люди широко разносторонние. Мой собеседник профессор **Александр Старостин** напомнил расхожую истину уж не знаю, какого столетия: все крупные открытия давно делаются, как правило, на стыке наук, а значит и на стыке знаний. А потом развил ее неожиданным образом.*

Если представлять читателям Александра Михайловича Старостина, то все его научные титулы должны звучать так: профессор, кандидат философских наук, доктор политических наук, декан факультета переподготовки кадров, заведующий кафедрой философии и методологии науки Северо-Кавказской академии государственной службы.

Философия и политология – науки, если можно так выразиться, родственные, но интересно то, каким путем шел в них Старостин. В 1970-м закончил факультет математики Ростовского государственного пединститута. А в аспирантуру поступил по кафедре философии. Учебу прервала служба в Советской Армии, так что жизнь Александр Михайлович знает не по наблюдениям с «башни из слоновой кости».

В 1977-м он защитил кандидатскую диссертацию, тема которой звучала так: «Космический эксперимент как новый тип эксперимента (философско-методологический аспект)». В 2003-м году последовала диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Тема – «Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России».

Чувствуете, каков разброс тем? А заголовки печатных работ, которых у Александра Михайловича Старостина более 350 плюс 30 книг, пожалуй, впечатлят еще больше: здесь исследования не только по философии и политологии, но и социологии, проблемам образования, подготовке и переподготовке управленцев, кадровой политике в регионе.

Когда листаешь библиографический указатель трудов профессора Старостина, сама собой возникает мысль: это тот человек, у которого обязательно должны быть свои ответы на те вопросы, которые волнуют сегодня всех, кто задумывается о будущем России.

- Александр Михайлович, сегодня Россия не гегемон в мировой политике. Мы пытаемся стать на рельсы партнерства со всем миром. Но ведь по большому счету сегодня, кроме наших нефти и газа, востребованы разве что российские мозги...

- Наши специалисты и ученые, безусловно, ценятся на Западе. И благодаря профессионализму, и благодаря нашей ментальности: они не пасуют ни перед какими экстремальными ситуациями, а ищут и находят способы их разрешения. Впрочем, в последнее время отток кадров на Запад и за океан стал меньше. Во-первых, «сливки» они уже сняли, во-вторых, заполнили свои кадровые ниши, а, в-третьих, наша высшая школа, готовящая специалистов, уже не та, что прежде.

- Значит, вопрос о реформе в высшем образовании назрел объективно? Если так, то результаты от нее должны быть весомыми?

- Вопрос назрел. А результаты будут, если нам удастся поднять качество образования, возобновить связи с отраслями и корпорациями, для которых мы готовим кадры. Ведь не секрет, что огромное количество выпускников государственных вузов, на подготовку которых затрачены немалые бюджетные средства, остается невостребованным. Необходимы финансовые вливания в укрепление материальной базы, которая заметно обветшала. Нужна и организационная перестройка. Например, создание крупного национального университета на Юге России, о котором сегодня много говорят.

- Александр Михайлович, это мысли, если можно так выразиться, Старостина-профессора, одного из руководителей высшей школы в южном регионе. А как сегодняшние коллизии в этой сфере укладываются в концепции доктора политических наук, ученого Старостина?

- В последнее время меня занимают проблемы, связанные с форматом, образом науки. До сих пор для нее характерна дисциплинарная специализация, ее интересуют узкоспециальные знания. Отсюда и так сказать узкие методы ее изучения. А раз так, то и образование построено в таком же узком смысле. Следующее закономерное звено цепочки – соответствующая технико-технологическая база, которую создают наши специалисты. Какие же в этом плане мы имеем горизонты? Обозначился новый облик науки, а значит и практики, главная черта которого – интегрированность. Дисциплинарная научная матрица уходит в прошлое. Ее заменяет матрица междисциплинарная. Если раньше открытия совершались на стыках наук, то сейчас они ждут нас в рамках интегрированных комплексов знаний.

- Каким же в таком случае должен быть в идеале сегодняшний специалист?

- Это своего рода системщик, например, социолог-культуролог-политолог. Я пришел к этим мыслям по тропам гуманитарных знаний,

но убежден, они справедливы и для других наук. Беда в том, что ни мы, никто другой таких специалистов пока не готовим. А ведь они особенно необходимы в наших российских условиях. Сегодня мы уже в состоянии сделать анализ любой ситуации, например, межэтнических противоречий, политических конфликтов, а вот пути ее разрешения наметить не всегда в состоянии. Или взять разработку перспективных экономических проектов. Она невозможна без учета политических, демографических, культурологических и других аспектов в комплексе. Думается, что все это нужно учесть, разрабатывая проект южнороссийского национального университета.

- По всей видимости, его создание будет не простым делом...

– Нужно осмыслить не только то, что бы мы хотели получить в итоге, но и то, что нам может помешать. Я вижу слишком много препятствий, которые не позволят нам реализовать многое. Они связаны и с инерцией, набранной за долгие годы существования не только советской высшей школы, но и уже российской. И, прежде всего это связано с экономическими интересами групп людей, стоящих во главе высшей школы. Как все эти препятствия устранить, какими демократическими методами – я пока не знаю. Мне кажется, мы вообще в России не научились еще, что называется, расчищать площадку для новых начинаний. Я имею в виду не тоталитарные методы.

- Но все же существуют ли на сегодня какие-либо новые продуктивные идеи, «как нам обустроить Россию»?

– Я думаю, что есть. Взять, например, такого политика, как Глазьев. Он не увлекается и не увлекался сегодняшней либералистской парадигмой, не повторяет старые азы. Он предлагает свою парадигму. Назовем ее цивилизационной. Она учитывает наши исторические традиции, культуру, среду обитания, в отличие от того институционального подхода, который пришел к нам с Запада. Запад живет в совершенно других геополитических условиях. Он привык, если образно обобщить, к парадигме крестовых походов. А у нас – свои огромные неосвоенные пространства. Нам бы их обустроить, и тогда во всех смыслах мы могли бы конкурировать с Западом.

- Александр Михайлович, и последний вопрос. Вот уже десять лет Вы ведете исследования в области элитологии. Все, кто изучал марксистко-ленинскую философию, помнят учение о роли личности в истории. А место элит в ней – темное пятно. И вообще, что это за понятие – «элита»?

– В науке существует несколько определений элиты, но все их можно разделить на две группы. Одна группа ориентируется на статусное положение, другая на качественные характеристики личности, которая

осуществляет руководство. Элитой принято называть людей, занимающих политические должности, которые позволяют принимать решения. Или же политиков без должностей, но имеющих влияние на общество.

- Что вы можете сказать о ростовской элите?

– Как показывают исследования, проведенные в рамках нашей научной школы: за последние 3 года она выросла на 18 %. В ней увеличилось количество женщин. На 1,6 % сократилось число лиц, в прошлом принадлежавших к советской элите. А вот средний возраст ее представителей особо не изменился – 50 лет, зато значительно вырос уровень образованности, появилось больше гуманитариев. А это признак того, что наша элита подтянулась к стандартам современного общества.

Вячеслав Кабаргин

6.3. ГАЗЕТА «МОЛОТ». 2006. № 55–56. 21 АПРЕЛЯ

НАУКА И ЖИЗНЬ

Главное – определить точки роста

*Профессор Старостин убежден, что миссия
отечественного образования – в сохранении
России как особой цивилизации*

Разговор с доктором политических, кандидатом философских наук и деканом факультета переподготовки кадров СКАГС *Александром Старостиным* об особенностях национальной образовательной модели неминуемо должен был начаться с самой популярной у ростовских ученых и журналистов темы – Южного федерального университета.

– Александр Михайлович, правительственное решение об открытии ЮФУ встретило в наших научных кругах весьма неоднозначные оценки. Как по-Вашему, чего опасаются и чему радуются преподаватели донских вузов при звуках этого магического словосочетания?

– Здесь следовало бы различить три точки зрения на проблему. Первая – правительства РФ и министерства образования, которые стратегически заинтересованы в том, чтобы кроме двух рейтинговых университетов – Московского и Санкт-Петербургского – в России были и другие.

Вторая исходит от конкретных людей – действующих преподавателей нынешних вузов Ростова и области. Под угрозой могут оказаться их интересы, стереотипы, доходы – официальные и теневые. Многие опасаются,

что обустроенная и привычная жизнь в один миг будет переломана через коленку.

Третья точка зрения наиболее близка мне, как технологу образовательных проектов. Она состоит в том, что любые серьезные реформы надо начинать с осмысления их содержания. Как, кто и чему будет обучать в новом университете – обсуждение этих приоритетных вопросов пока остается за кадром.

– В 1993 году вы с группой единомышленников создали образовательную программу города Ростова-на-Дону. Именно сейчас логично было бы привлечь столь опытного профессионального технолога к формированию национального университета...

– Пока предложений не поступало. В настоящий момент все внимание переключено на согласование бюрократических аспектов. Хотя у меня есть свои соображения, как сдвинуть с места эту машину. Это возможно при создании общей кровеносной системы объединившихся вузов.

Как это может выглядеть на практике? Фундаментальные основы наук на первых двух курсах студенты будут изучать в РГУ. Ведь математику, физику, биологию и гуманитарные предметы никто не преподаст лучше, чем университетская профессура. Затем произойдет разделение, дифференциация студентов и слушателей. В прикладных дисциплинах сильны уже другие вузы: Новочеркасский политех, Ростовский педагогический, Таганрогский радиотехнический... Образование приобретет цикличность, преемственность и комплексность.

Другой важный момент – создание точек роста, наиболее перспективных направлений. С одной стороны, это прорывные области знаний на стыке наук – например, биофизика, радиофизика, электроника и энергетика. С другой – они должны вырастать из уже существующих научно-образовательных структур и не конфликтовать с ними. Именно в этом случае мы сможем не только механически следовать западным образцам, но предлагать и развивать свои собственные.

– С 1999 года Россия вошла в Болонский процесс и продекларировала свою интеграцию в общеевропейское образовательное пространство. Бонусы пока призрачны, а вот терять традиции и реальные достижения не хочется.

– При сопоставлении специалистов, выпущенных в России и за рубежом, некоторые различия бросаются в глаза. У них очень строгая компетенция и высокий уровень рационализации. Но специалист, как известно, подобен флюсу... Для успешного решения проблемы нужен ансамбль, а если он не сложился? Не в силах выйти за пределы своей дисциплины, европеец натывается на тупик и впадает в ступор, а наш не останавливается и худо-бедно, но решает задачу.

Еще один говорящий факт. Если западная компания или фирма находятся в критическом положении, существует безотказный рецепт: «Зовите русских! Русские не сдаются!» Мы так устроены – бессонные ночи и состояние аврала нас стимулируют, чрезвычайная ситуация порождает озарения и инсайт. Наши природные условия, ландшафт, история и культура сделали нас такими: стабильность расхолаживает, экстремальность мобилизует.

Поэтому я вижу вклад России в общеевропейское образование именно в этих областях – в кризисном управлении и в стыковых дисциплинах, интегративных областях знаний. В конце концов, мы можем войти в Европу благодаря реальным культурным достижениям, а не только нефти и газу.

- А где находится ахиллесова пята нашего образования?

– Не будем сейчас повторять общие места о полунцивицистском содержании и старении преподавательских кадров, отсутствии инвестиций в науку и фатальном обветшании материально-технической базы.

Самая кричащая проблема российской высшей школы – отрыв науки от практики. Западный специалист «готов к употреблению», он не только знает, но и умеет. Принцип подготовки прост и безапелляционен: товары должны быть качественными, услуги – не вызывать рекламаций. Такая прагматичная установка предполагает безупречное владение профессиональными навыками и умениями. У нас же картина прямо противоположная. Мы учим учиться, находить информацию – и только. Лишь двадцать процентов наших выпускников работают по специальности, остальные или получают второе высшее, или устраиваются туда, где их принимают. Зеленых, неопытных и неумелых. Все наши крупные кадровые агентства снимают пенки с ситуации и манипулируют ограниченным составом сверхценных кадров. По существу, у каждого агентства своя «конюшня». Вот ее-то рекрутеры и перегоняют из одной компании в другую.

В краткие сроки поднять профессиональное образование в России на должную высоту – задача номер один. А для этого надо создать воспроизводимые образцы для подражания «мемы», как их называют в культурологии. Это уже не импровизация, а профессия. Через подражательные поведенческие механизмы преимущественно и наследуется культура. Ведь миссия образования в том и заключается, чтобы сохранить уникальный культурный генотип нации. Россия – это особый мир. Мы можем отставать от Запада по уровню жизни и потребления, но пока недосягаемы для него в сфере духа. Очень важно в погоне за комфортом не растерять своей исключительности, не превратиться просто в крупную державу и не исчезнуть как цивилизация.

Ирина Родина

6.4. ЖУРНАЛ «ВАШ КАПИТАЛ». 2006. № 6

| АРИСТОКРАТЫ МЕГАПОЛИСОВ

Образ жизни, характер бизнеса, привычки, социальные установки и уровень духовного развития – все это отражается на градостроительной политике и особенностях архитектуры и наоборот. Независимую и нестандартно мыслящую личность, способную к построению гражданского общества, трудно воспитать в склочной коммуналке и тесной «хрущобе». Тем, кто вырос в районах типовой застройки, нелегко представить и спроектировать просторные города будущего. В этой ситуации вопрос «что делать?» – не риторический, убежден наш собеседник, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор Северо-Кавказской академии госслужбы **Александр Михайлович Старостин**.

– Александр Михайлович, вы более семи лет заведовали кафедрой общественных наук в Ростовской академии архитектуры, вели подготовку аспирантов. Что может дать архитекторам, градостроителям философский взгляд на дело рук своих?

– Современное градостроительство в массе своей воплощается в двух типах жилья. Первый – это многоэтажное строительство, от сверхдорогого до относительно дешевого. Причем даже новостройки экономкласса, конечно же, гораздо лучше типовых квартир советского периода. Второй тип – индивидуальное строительство (особняки, дворцы, палатцо...). Но если многоэтажные свечки как-то вписываются в городскую среду, у застройщиков есть попытки создавать и облагораживать инфраструктуру, то индивидуальный подход часто порождает «дворцы на помойке». Их хозяева (нередко госслужащие, успешно лоббирующие семейный или дружественный бизнес) отгородились от общества четырехметровыми заборами и делают вид, что ничего особенного не происходит. Такая позиция недальновидна и опасна. Резкое социальное расслоение, скрытая ненависть к нуворишам приведут к тому, что через 1-2 поколения за забор будет опасно выходить, а в обществе – опасно жить. Сложность в том, что сейчас у нас нет сословия, которое регулировало бы социальные процессы, воспитывало социальную ответственность как потребность в обустройстве не только своих владений, но и окружающей среды.

– Такое сословие может появиться в обозримом будущем?

– Для того чтобы изменилась картина жизни, необходимо изменить логику развития общества. К этому Россия подходит уже третий раз. Впервые – в конце XIX века, затем – в период НЭПа и, наконец, в начале

90-х XX века. Правда, в 1990-е мы начинали не с первоначального накопления капитала, а с «распила» и передела накопленного в предыдущие эпохи. Изменения отчасти удалась в первое пришествие капитализма в XIX веке. Купцы, имевшие деньги, но не имевшие статуса, могли попасть в высшее общество, лишь всему обществу послужив. Эту планку задавала аристократия, и это был мощный мотив. Одно дело, когда ты известен лишь тем, что баржи гоняешь, другое – когда построил церковь, театр, дорогу и становишься почетным гражданином города. Купцам и промышленникам было выгодно легитимизироваться как части аристократии, выгодно было это и обществу, с которым стали «делиться». Народ уже не мог однозначно называть хозяев бизнеса «кровопийцами» и эксплуататорами, аристократия перестала смотреть на них с презрением. Напряженность во взаимоотношениях между социальными слоями была снята.

Сейчас аристократии нет, а коммерческое сословие подчинило своим интересам все ветви власти, добившись в том числе и льготного налогообложения. Сверхприбыли ничего не дают обществу. Конечно, есть компании, работа которых определяется уже не только стремлением к максимальной прибыли. Есть выдающиеся бизнесмены, которые ставят большие задачи, но этого недостаточно, чтобы изменить положение вещей. Другая опасность – разрушение трудовой мотивации и возникновение общества массового потребления, бесконечных имитаций, амбиций, если хотите – понтов.

– А как же та элита, о которой повсеместно пишут, VIP-персоны, светское общество, столичный бомонд? Какова их роль?

- В свое время мне понравилось высказывание актрисы Аллы Демидовой, которая сравнила современное общество с банкой, где слоями были налиты различные жидкости и которую внезапно перевернули вверх дном. Если несколько десятилетий назад верхними слоями признавались интеллектуалы и люди экстремальных достижений (космонавты, герои труда и т.п.), то теперь наверху – разнообразные дельцы. Без них общество не могло бы развиваться, но их достижения пока – лишь деньги. Однако общество живет не только деньгами, но и ценностями, целями. Деньги – лишь средство для решения задач. Так что формально элита у нас существует, но она недоразвита. Она никогда не сможет сформулировать национальную идею, поскольку живет частными интересами. И современной аристократией их тоже не назовешь: аристократия объединяет людей по родовым качествам, по заслугам и достижениям. На чистом бизнесе и коммерции аристократию не строишь.

– Нынешнее стремление тысяч людей улучшить свои жилищные условия – это подсознательное стремление приблизиться к элите или простое вложение средств?

– Безусловно, вкладывать деньги в недвижимость сегодня очень выгодно. Но есть еще и мотив личной свободы. Жилище определяет психологию человека. Вспомните нравы коммуналок из рассказов Зощенко!.. Изолированные квартиры советских времен немногим лучше. Нередко в них вынуждены сосуществовать разновозрастные семьи, неизбежны конфликты, которые мучают людей, не дают развиваться, жить, наслаждаться отношениями. Закономерно желание вырваться из этой ловушки. Но я бы не стал называть элитным просто дорогое жилище, набитое дорогими вещами для демонстрации статуса владельца. Жилище должно отражать внутренний мир его обитателей. Дом должен быть не просто построен, но творчески создан, выращен, что требует уже не только денег, но и труда, в том числе душевного.

– Ваше собственное жилище соответствует требованиям о том, как должно быть?

– Наша семья живет в частном доме, который достраивали и доводили до ума долгое время. Семь лет мы с женой и сыном спотыкались о мешки с цементом и стройматериалы. Но результатом довольны. Наш дом соответствует нашим интересам, пристрастиям, желаниям, здесь достаточно личного пространства, но есть и единый дух, это действительно домашний очаг.

– Александр Михайлович, многие города, в том числе и Ростов, сегодня готовят новые генпланы. Будь ваша воля – какой план перспективного развития Вы бы предложили?

– Сейчас наши крупнейшие города развиваются по старому западному варианту: центральная офисная часть и спальная периферия с точечной миграцией и «тромбами» на автотрассах. Но на Западе еще лет 20 назад вслед за изменениями характера труда (переход от коллективного к дистанционному, децентрализованному, с домашними офисами и сетевой системой отношений) стало меняться и градостроительство. Концентрическим мегаполисам противопоставлены линейные структуры – индивидуальные дома, которые тянутся вдоль автомагистралей на сотни километров. Думаю, и нам пора задуматься об этом. Должны быть предусмотрены зоны индивидуальной застройки вместимостью 100-150 тысяч человек. На мой взгляд, перспективны направления Ростов – Азов, Ростов – Аксай. Тут могут появиться дома площадью до 200 кв.м – больше современной семье самостоятельно не обслужить. Разные поколения смогут жить рядом, но не вместе. Собственный дом – это новое пространство для развития семьи. Но пока мы видим, что сохраняется

инерция мышления, в том числе архитекторов и застройщиков. Общее пространство города растет незначительно, мы развиваемся скорее по вертикали. Время – невосполнимый ресурс, и каменные джунгли типовой застройки отнимают годы нашей жизни, которые не повторятся. Стремление к новому качеству жизни должно стать частью стратегии общественного развития. Нельзя не задумываться, где – в каком доме, городе, стране – мы будем жить в скором будущем.

Анна Здоровец

6.5. ЖУРНАЛ «THE BEST». 2007. № 13

КОСМОС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ

Имя Александра Михайловича Старостина широко известно не только на Дону, но и далеко за его пределами. Видный ученый-политолог и философ, Александр Михайлович является доктором политических наук, кандидатом философских наук, профессором, заведующим кафедрой философии и методологии науки, деканом факультета переподготовки кадров Северо-Кавказской академии государственной службы. Он автор более 350 научных и учебно-методических работ, в том числе свыше 50 книг.

Написанные А.М. Старостиным учебники (лично или в соавторстве) являются базовыми пособиями по подготовке специалистов в области государственной гражданской службы, политической элитологии, кадровой политики в государственной и муниципальной службе, политического менеджмента.

Однако наша беседа была посвящена отнюдь не актуальным сегодня проблемам повышения эффективности государственного и муниципального управления, что в условиях повышенного интереса общества к проводимой административной реформе было бы вполне уместным. Знакомясь с библиографией трудов А.М. Старостина, я обнаружил в его творческой биографии целый пласт интереснейших научных разработок, статей и книг, посвященных философским основам космического эксперимента, социологии космонавтики. Как оказалось, кандидатская диссертация, защищенная ученым в 1977 году, тоже была посвящена этой проблеме. Естественно, возник первый вопрос:

Александр Михайлович, в списке Ваших научных работ последняя статья о космосе датируется 1992 годом. Что, пропал интерес к теме?

– Вы не совсем точны. Вот одна из недавних, написанных мною книг – «Космизм: прошлое, настоящее, будущее». Как видите, она издана в 2007 году.

Но все же частично Вы правы. Появились новые научные интересы, связанные с профессиональной деятельностью, а идеи, волновавшие меня в пору научной юности, перешли в разряд хобби, увлечения для души.

Хобби? Насколько уместно в данном случае употребление этого понятия?

– У ученого люда нередко бывают самые причудливые хобби. Возьмите известнейшего писателя-фантаста Ивана Ефремова. Только поклонникам его творчества известно, что научная фантастика – его увлечение, а по профессии он был талантливым ученым-палеонтологом, профессором, лауреатом Госпремии. То же можно сказать и об авторе многих фантастических произведений, в том числе знаменитого романа «Пылающий остров», Александре Казанцеве, который был крупнейшим инженером и изобретателем. Однако в истории русской культуры они остались благодаря своему хобби.

Так чем же для Вас является Ваше увлечение идеями космизма?

– Это, если хотите, способ поддержания моей гражданской, патриотической позиции. С помощью философии космизма я пытаюсь осмыслить специфику русской духовности. Кто мы в этом мире? Есть ли в нашей национальной самоидентификации что-то свое, неповторимое и своеобразное, или «русская душа» – лишь красивая метафора, за которой скрывается набор заимствованных черт и подражание чему-то инородному? Наша система образования, наши философия, религия – это свое, особенное либо бледный слепок с иностранных образцов?

Что натолкнуло Вас на эти размышления?

– Прежде всего, различные явления в профессиональной области. Преподавая философию, общаясь с широким кругом людей, в том числе и с представителями иных культур, я зачастую обнаруживал высокомерное, снисходительное отношение к русской мысли. Нередко даже в среде соотечественников сталкивался с убежденностью в том, что сделанное нами самими – это подражание, а не оригинальные идеи. Это и натолкнуло на поиски в отечественной духовной истории оригинальных, своих источников, а не заимствованных откуда-то. Их, этих источников, немного, но они есть.

И какие же выводы подсказали эти источники?

– Это интереснейшие умозаключения. Они существенно углубляют парадигму развития нашего национального самосознания, ибо выдвигают такие важные его особенности, как, например, «философия души». Заметьте, не воли, не разума, а души. Это обнаруживается не только в художественном творчестве, но и в философских заметках Л. Толстого и Ф. Достоевского. Не случайно великие русские писатели так популярны на Западе, особенно у той части мыслящих индивидов, которые пытаются понять феномен русской идентичности. Кстати, ни в одной западной стране такого философского направления не было, если не считать, к примеру, экзистенциализм, который, правда, возник уже много позже.

Еще один вывод связан с цивилизационным подходом, сформулированным знаменитым историком и философом Н.Я. Данилевским. Как известно, его теория родилась из спора между западниками и славянофилами. Речь идет о способе самовыражения личности по отношению к социуму. И в этой тесной увязке – тоже мы, наше специфическое мировосприятие.

Наконец, космизм в его многообразных проявлениях – научном, инженерном, художественном, мистическом, религиозном. Здесь в один ряд можно поставить Блаватскую и Циолковского, Рериха и Федорова, Вернадского и Флоренского, Чижевского и Королева.

Названные духовные течения: космизм, философия души, философия цивилизационного развития – это не отдельные кусочки, фрагменты духовности, а стройная триада, соединяющая систему «Личность – Социум – Вселенная» в единый мировоззренческий строй. Тем интереснее разбираться – с этими комплексами идей, истекающими из нашей национальной почвы. Они не составляют некую Русскую идею (по Н. Бердяеву), а полнее, объемнее ее – это строй русской мысли, русского (в широком смысле) мировоззрения. В этом также проявляется наша своеобразная сущность.

Александр Михайлович, эти глубокие философские размышления, несомненно, интересны и являются хорошей «гимнастикой для ума». Но скажите, как это приложить к нашим сегодняшним экономическим, политическим, нравственным проблемам?

– Здесь связь непосредственная, и она распространяется на многие сферы сегодняшней жизни. Главное, подвести под все это философскую и мировоззренческую базу, и тогда многие, кажущиеся неразрешимыми проблемы предстают в более понятном виде.

Например, сегодня много споров, в том числе на уровне политиков высшего класса, вызывает такое явление, как демократия. Нас, наше государство обвиняют в попрании демократических принципов, какой-то «недемократичности». Мы же полагаем, что развитие демократических процессов идет в нашей стране по особо русскому, российскому пути, с опорой на достижение согласия в обществе. В науке этот путь имеет название идентитарная демократия (в отличие от конкурентной).

То же можно сказать по такому острому вопросу, как права человека. Западные течения общественной мысли допускают приоритет прав человека даже по отношению к нравственности. К чему это привело – широко известно: аморализм, разрушение элементарных нравственных устоев. Даже священный институт брака на Западе превращается в посмешище, когда семью создают однополые пары. Русское мировоззрение ведет нас к старинному правилу; живи по закону и по совести. Причем совесть и справедливость как высшие нравственные приоритеты (соотнесение ценностей личностного и группового порядка) стоят в основе разработки правовых норм. И этот ряд можно продолжать.

Это так глубоко, всеобъемлюще, оригинально, а Вы называете это хобби? Люди собирают марки, открытки, коньячные бутылки, а Вы коллекционируете идеи и развиваете их.

– И все же для меня ныне это своеобразное хобби, которому я отдаю большую часть свободного времени. На этом я не зарабатываю себе на жизнь, а, скорее, с помощью своих размышлений на эту тему, стараюсь устроить свою жизнь сообразно началам русского мировоззрения. В юности еще ведь не отдаешь себе отчет: «Кто ты, откуда произошел, каков твой духовный код?». А сейчас – самое время. Мне импонирует позиция нашего известного философа-космиста профессора В.Н. Демина. Он, кстати, автор биографии К.Э. Циолковского в серии «ЖЗЛ». Так вот, он тоже начинал с космизма как хобби. Позже очень увлекся изучением истоков русской цивилизации, русской культуры. Потом начал организовывать экспедиции и выезжать на Русский Север в поисках нашей працивилизации. Выпустил ряд интереснейших книг. Так что это хобби – увлечение духовного порядка, которое перерастает в страсть и захватывает всего человека.

Наша беседа продолжалась не один час. Постепенно и сам я почувствовал, как меняются мои представления о жизненных приоритетах. И произошло это под влиянием человека, у которого хобби – философия души. Оказывается, коллекционирование идей вкупе с рождением собственных теорий может быть не только интереснейшим, но и личностно значимым занятием, особенно когда этим занимается яркая, глубокая и творческая личность. Мне повезло – целый вечер я общался именно с таким коллекционером.

Беседу вел Виктор Зарайченко.

6.6. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2008. № 6. 16 ФЕВРАЛЯ

В № 5 «Академии» была опубликована статья академика РАН В.Е. Накорякова «Российская наука и российская элита». Публикуем еще одно мнение на эту тему.

А.М. СТАРОСТИН, доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и методологии науки
Северо-Кавказской академии государственной службы

Мысли академика В.Е. Накорякова разделяет абсолютное большинство российских интеллектуалов, в том числе и я. Однако к первому впечатлению, которое нас обычно не обманывает, можно кое-что добавить. Тем более что я занимаюсь проблемами российских элит уже около 15 лет. Здесь следует, скорее, руководствоваться принципом Б. Спинозы: «Не плакать, не смеяться, а понимать». Что же следует понять?

«Не плакать, не смеяться, а понимать»

Во-первых, то, что в различных социальных системах принципы формирования элит существенно различаются. То, что сложилось в современной России, не соответствует критериям современного индустриального и постиндустриального общества, где интеллектуальные элиты занимают лидирующие позиции. У нас сложилась ориентация лишь на один базовый признак элит – их статусное положение. Что касается признаков аристократизма и заслуг, то они у нас пока не работают, но их пытаются имитировать. Имитировать таким образом, который иногда вызывает смех, иногда – удивление, иногда – возмущение. Например, крупный чиновник или депутат старается получить ученую степень. Иными словами, превалирует принцип «Не быть, а казаться». Но, заметьте, казаться представители «элиты» хотят высокоинтеллектуальными, щедрыми и справедливыми, патриотичными и деловыми. А на деле таким притязаниям не соответствуют. Но народ, общество все это видит.

Во-вторых, подлинные элиты, критично относясь к «торговцам в храме», сами не должны им уподобляться. Полагаю, что время все равно всех расставит по местам. Это не призыв к смирению. Это призыв к пониманию того, что происходит. Думаю, что при попытках проявить нетерпение подлинные элиты сами могут впасть в те грехи, в которых упрекают «имитантов».

А что же происходит? Вот здесь мы подходим к реализации «принципа Б. Спинозы». Позволю себе пространную цитату, резюмирующую один из наших последних докладов. Под «нашим докладом» понимаются выводы исследований, приводимых в течение ряда лет в ростовской научной школе политической элитологии (руководители – профессор А.В. Понеделков и профессор А.М. Старостин).

Итак, обещанное резюме: «За более чем 10 лет наших исследований было реализовано свыше десяти социологических проектов, нацеленных

на исследование российских элит. По этим проектам проводились опросы населения в регионах Северного Кавказа и в других регионах России, интервьюировались представители элиты и эксперты, использовалось «включенное наблюдение», биографический и другие методы. Это и позволило зафиксировать основные характеристики региональной административно-политической и бизнес-элиты, а также особенности некоторых других элитных групп.

Первое: весьма показательным и информативным в этом смысле было последнее исследование, проведенное в 2007 году по проекту «Элиты и будущее России: взгляд из регионов». Оно показало следующее: выявленные в более ранних исследованиях основные характеристики российских элит устойчивы, по меньшей мере, последние пять лет. Они свидетельствуют о стабильных диспозициях в системах отношений «население – элиты», «власть – население».

Второе: анализ содержательных оценочных позиций граждан и экспертов показал наличие значительных «ножниц» в оценках состава и деятельности элит по оси «сущее – должное». Сущее – это достаточно низкие оценки деловых и человеческих качеств элитного сообщества и очень низкая – гражданских. С другой стороны (должное), обозначен острый запрос на элиту патриотичную, гражданственную, профессиональную, сформированную по заслугам и достижениям и чутко реагирующую на интересы и запросы общества.

Существование таких устойчивых «ножниц» в оценочном контексте свидетельствует о существенных предпосылках делегитимизации власти, что может проявиться в острой форме, например, в период ее смены.

Третье: данные этого и предшествующих опросов позволяют вполне обоснованно говорить о современных российских элитах как протоэлитном образовании. Ни состав, ни стиль управленческой деятельности, ни легитимность современных элит не являются устоявшимися. А по ряду показателей элиты проявляют себя в девиантных формах, что характеризует скорее маргинальные слои, нежели привилегированные. Эти проявления не остаются без внимания у населения и экспертного сообщества.

Пути и механизмы корректив состава и деятельности элит в целом известны, но блокируются влиятельными группами внутри самого элитного сообщества. Надежды разблокирования таких действий население возлагает, прежде всего, на высших руководителей страны, у которых есть возможности реформирования государственной власти и управления и государственной кадровой политики».

В заключение могу рекомендовать только что вышедшую в Москве книгу профессора С.А. Кислицына, заместителя заведующего кафедрой политологии и этнополитики СКАГС «Научная элита в системе политической власти». В ней данная тема раскрыта на большом историческом и современном материале.

6.7. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2010. 19 ИЮНЯ (№ 22)

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА: МОДА ИЛИ ПОТРЕБНОСТЬ ВРЕМЕНИ?

Доктор политических наук и кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки Северо-Кавказской академии государственной службы профессор *А.М. Старостин* – автор фундаментальной монографии «Философская инноватика: концепция и основные сферы проявлений». О появлении новой области знания и о том, какие задачи она призвана решать, Александр Старостин рассказал «Академии». Интервью провела доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и культурологии Южного федерального университета *Т.Г. Лешкевич*.

– Что Вы называете философской инноватикой? В чем необходимость и потребность обозначения этого направления?

– Философская инноватика – сфера интеллектуальных и практических разработок междисциплинарного характера, создаваемых с помощью инструментария философской рефлексии. Такого рода задачи часто возникали в истории культуры, когда философия включалась в решение сложных задач идеологии, политики, науки, религии и решала нефилософские задачи философскими средствами. Ныне число таких задач резко возросло, и именно методы философского синтеза стали особенно востребованы. Философия предлагает свои средства для философского синтеза.

Отчего возник сам термин «философская инноватика»? Его появление связано прежде всего с необходимостью более точной квалификации данного вида деятельности. Это не сфера фундаментальной философии и даже не ее прикладная часть в виде «философии науки», «философии политики» или «философии религии», а решение еще более конкретных и остро актуальных междисциплинарных задач. С другой стороны, это и не собственно философская деятельность, а интеллектуальная деятельность с помощью философских средств.

– Философия существует более двух с половиной тысяч лет. А о философской инноватике стало известно только теперь? Или это, как у Мольера, где г-н Журден узнает вдруг, что он говорит прозой?

– О философской инноватике известно давно. Но она до сих пор не получила квалификационного описания, «интеллектуального паспорта». Философы, занимающиеся решением фундаментальных проблем или развитием сложившихся областей фундаментально-философского знания относятся к сфере философских приложений и разработок, мягко говоря, прохладно.

Достаточно вспомнить язвительное суждение Э.В. Ильенкова о диалектике продажи арбузов. Его можно понять, поскольку диалектику куда только не продвигали. Но, вместе с тем, редко доводили дело до конца, чтобы в рамках научной и практической востребованности материал возникшей сложной задачи доводился до уровня, когда в нем действительно содержательно высвечивались и количественные, и причинные, и структурные характеристики, и параметры изменения и развития. Сам Э.В. Ильенков попробовал свои возможности как прикладник в решении ряда крупных проблем: существенном продвижении проблематики тифлосурдопедагогики и в разработке концепции и технологий проблемного обучения.

С другой стороны, крупные ученые, сталкиваясь с трудными проблемами, обращаются к инструментарию Восточной или Западной философии, а то и изобретают «философский велосипед». Но руку философам в этих случаях редко протягивают. Дескать, «наука сама себе философия!». Но это не так. Есть обширная пограничная область – и не научная, и не философская, и не религиозная, и не идеологическая, где востребован инструментарий философской рефлексии. Это «пограничье» сейчас стало очень обширным и плотным. Его и следует конституировать как сферу философской инноватики и отнестись к ней не дилетантски и не снобистски, а профессионально.

– Сейчас защищается много диссертаций по философским специальностям. Обязательным требованием к ним является новизна и тезисы, выносимые на защиту. Может быть, философская инноватика напрямую связана с этим продуктом?

– Значительную часть философского продукта, защищаемого в виде диссертаций по многочисленным философским специальностям, следует отнести к сфере философской инноватики. Дело не в самих по себе тезисах о новизне, а в характере решаемых задач. Объем прикладного философского знания и философских инноваций сейчас намного превышает приращение фундаментального философского знания. Это факт, и от него не уйдешь. Речь только о том, насколько профессионально и осознанно мы применяем прикладной философский инструментарий и насколько точно квалифицируем решаемые задачи. А далее – учим мы этим вещам или каждый раз «изобретаем велосипед».

– Мы хорошо знаем, что любая развитая философская система, концепция выполняет свои методологические, аксиологические, эвристические и иные функции. Может быть «инноватикой» Вы называете процесс реализации философией своих функций?

– Отчасти это так. Однако скорее речь нужно вести об уровне или этапах реализации философией своих основных функций. Функциональный аспект философского знания выводит нас на его методологические, мировоззренческие, аксиологические и иные приложения. А если продолжать

двигаться по этим векторам далее, то мы выходим на уровень философской инноватики.

Однако здесь есть и множество векторов, которые идут не от философии к ее приложениям, а от запросов сложных проблем и задач науки, политики, религии, идеологии. И в этих направлениях, как правило, в случае междисциплинарной проблематики, также формируется сфера философской инноватики.

– Об инновациях сейчас не говорит только ленивый. Не дань ли моде – философская инноватика? В чем специфика философских инноваций?

– Конституирование философской инноватики – не дань моде. Востребованность философско-инновационной сферы связана со значительным ростом задач, востребующим инструментарий философской инноватики. Что обусловлено прежде всего потребностями быстро развивающегося информационного общества, где задачи роста различных отраслей духовного производства начинают превалировать по отношению к отраслям материального производства.

Продукты философской инноватики отличны от технических, экономических, художественных и иных инноваций. Философская инноватика – это, несомненно, сфера символических инноваций, роста и развития того, что мы называем приложениями в сфере духовного производства, символическим капиталом. Это сфера приложения рационально-рефлексивного инструментария к решению сложно-системных и междисциплинарных проблем и задач. В итоге мы получаем усовершенствования в области интеллектуальной техники, техники целеполагания, техники межличностных коммуникаций и отношений.

– Нельзя ли привести примеры философских инноваций?

– Ранее уже отмечались продукты философской инноватики Э.В. Ильенкова. К этому можем добавить яркий пример создания философской школы мыследеятельности («Московский методологический кружок») Г.П. Щедровицкого. Она известна широкой сферой методологических приложений и разработок применительно к различным, как правило, сложносистемным объектам и ситуациям с высокой степенью нестационарности и неопределенности. Из этой школы вышла целая плеяда методологов. Характерным образцом может также служить творчество В.А. Лефевра в области теории рефлексивного управления. Примечательным в этом отношении является науковедческий пласт творчества М.К. Петрова.

– Хотелось бы затронуть вопрос о методологии. Как известно, «новое» – это то, чего не было ранее. В связи с этим парадоксальной представляется проблема методологии инноватики. Каков же инструментарий философской инноватики?

– Прежде всего нужно сказать об основной методологической установке. Она связана с переключением мыследеятельности с созерцательной

установки на проектную. Вспомним известный марксов тезис: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Но кто это должен делать? Философы должны трансформировать и сам интеллектуальный процесс, и его взаимосвязь с практической деятельностью. А этого нельзя сделать без опоры на философскую инноватику. И здесь создан уже целый ряд инструментальных находок. Они связаны с методологией вычленения «клеточки» органической саморазвивающейся системы, созданием инструментария анализа нестационарных процессов, системной детерминации и понятийного аппарата синергетики. Такая область формируется в рамках проектной установки и в философии науки, и в прагматизме, структурализме, экзистенциализме и феноменологии. Другая важная установка связана с проблемой выявления контекста, оснований решаемой задачи: «Не утерять за частями целое».

Еще одна сторона – разработка инструментария, с помощью которого моделируется внешний и внутренний диалог или теоретико-рефлексивная деятельность. Стоит отметить также значимость аналитического инструментария, нацеленного на изучение междисциплинарных связей, вычленение инвариантных теоретических образов, возникающих в различных отраслях фундаментального научного знания.

Если конкретизировать, то в исследованиях и разработках в сфере философской инноватики используется достаточно обширный арсенал методов и методик: исторический и структурно-генетический методы, парадигмальная реконструкция; когнитивное и ценностное картирование; скрипт- и фрейм-анализ; эссенциалистский и экстериенциалистский подходы; субъектно-рефлексивный подход; когнитивный кейс-подход и когнитивная презентация и так далее.

– К решению каких познавательных и практических проблем применим инструментарий философской инноватики?

– Инструментарий философской инноватики ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями и т.п. В нашей собственной деятельности предметом философско-инновационных исследований стали столь различные проблемы, как российская цивилизационная идентичность, преломленная через отечественную философию; проблемы перспектив современной геополитики; концептологический дискурс местного самоуправления; перспективы космической деятельности и другие.

– Ваша монография «Философская инноватика: концепция и основные сферы проявлений» известна широкому кругу профессионалов: не только ростовским коллегам, но и философам Москвы, Санкт-Петербурга, Украины, Татарстана, Башкирии, Северной Осетии–Алании, Екатеринбурга, Челябинска, Пятигорска, Орла и других городов. Есть ли у Вас программа разработки аппарата философской инноватики? Ваши ближайшие планы?

– Сейчас в разработке находится книга «Фундаментальная философия и философская инноватика: история и современность». В ней я собираюсь раскрыть место философской инноватики в системе философской деятельности, проанализировать различные модели философской инноватики в рамках основных философских течений современности; представить наиболее репрезентативные образцы современной философской инноватики и собственные авторские разработки в этой области. Предполагаю описать наиболее значимые для философской инноватики инструменты и алгоритмы деятельности. В мои творческие планы входит проведение в этом году двух круглых столов, посвященных перспективам развития геополитики и эффективности государственной власти и управления в рамках различных кратических моделей.

– На какую поддержку вы рассчитываете в реализации своих замыслов?

– В решении поставленных задач мы опираемся на усилия коллектива кафедры философии и методологии науки СКАГС. В развитии концепции и приложений философской инноватики большую заинтересованность проявляет Донское философское общество (ДФО). В конце июня этого года выпустили при участии ДФО третий сборник материалов по философской инноватике. В совокупности (в 3 сборниках) это более 150 статей, основная часть которых подготовлена членами ДФО. Интерес к этому направлению проявляет коллектив факультета философии и культурологии ЮФУ. На нашу «площадку» приходят ученые-естествоиспытатели, гуманитарии. Признателен ученым двадцати вузов России и Украины за их внимание и участие в разработке этого нового направления и сопряженных с ним проблем.

6.8. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2012. 19 МАЯ (№ 18)

ГОТОВЫ ЛИ МЫ К ЭПОХЕ ФИЛОСОФСКОЙ ИННОВАТИКИ?

Концепция социального государства и тотальный психотеррор в обществе, права человека и жестокий моббинг – как ни парадоксально, но эти противоположности созданы одной и той же сферой человеческой деятельности. Как можно обозначить эту сферу? И для чего нужно такое обозначение? Об этом в Профессорском клубе Южного федерального университета рассказал заместитель директора Южно-Российского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ профессор *А.М. Старостин*.

«Философия социально-гуманитарных инноваций» – такое название дал Александр Старостин своей теме. Как признался профессор, готовя доклад, он хотел решить для себя творческую задачу. Об этом свидетельствовало и необычное авторское определение жанра выступления – «размышление к информации». Дело в том, что гиперактуальная тема инновационных разработок представлена огромным количеством информации, тогда как размышлений явно не хватает. Между тем именно за размышлениями, а не за знаниями люди приходили к древним философам, например к Сократу, – они хотели изменить образ мышления, мировоззрение, жизненную позицию.

Сегодня инновационной составляющей ждут от любой деятельности, претендующей на звание современной. И такое положение вещей стало привычным настолько быстро, что мы не успели задуматься: почему инновации теперь нам так необходимы и как они способны совершенствовать наш мир?

Нет даже единообразного характера понимания самого термина «инновации». Так, с философско-культурологических позиций инновациями называют новшества, которые работают на рационализацию массовой деятельности: вытеснение традиционных, архаичных и кустарных форм рационально организованными.

Естественно, в центре и научного, и политического внимания оказываются те инновации, которые дают максимально быстрый и значимый экономический эффект. Поэтому, с точки зрения политиков и экономистов, инновации – деятельность, трансформирующая интеллектуальный труд (изобретения, промышленные образцы, базы данных, ноу-хау или программы для ЭВМ) в товары, реализуемые на рынке.

Но чем бы инновации ни казались людям – экономически выгодным супертоваром или рациональным благом, большинство обывателей связывает это понятие с техникой. Однако смотреть так узко, конечно же, не стоит. В современном мире активно создаются как технико-технологические,

так и информационные, медико-биологические, экономические инновационные продукты.

Кроме того, существует целая область инноватики, которая направлена на сознание человека, – это социально-гуманитарные инновации. Кстати, они входят в авангард направлений инновационной деятельности в XXI веке, наряду с нано-, био-, информационными и когнитивными технологиями.

Что представляет собой социально-гуманитарная инноватика? Ее виды различны: социальные и гуманитарные технологии; методы и методики социального проектирования; методы и технологии социального управления и управления поведением (PR, GR, HR); методы и методики образовательной деятельности; методики и способы социального диагностирования; применение методов и технологий когнитивной науки (фрейм-анализ, когнитивное картирование, рефлексивная логика); разработка компьютерных игр, имитирующих моделей для обучения. Естественно, социально-гуманитарная инноватика носит комплексный междисциплинарный характер. При этом ее главное свойство заключено в способности воздействовать на сферу целей и ценностей.

Уже во второй половине XX века в развитых странах практики инноваций стали не только господствующей социокультурной установкой, но и особой профессией.

Появились и новые виды профессиональной деятельности, сопряженные с социально-гуманитарной и когнитивной инноватикой. Это, например, гуманитарии-исследователи, дизайнеры всевозможных направлений, программисты, GR- и HR-менеджеры, контролирующие эксперты, системные и когнитивные аналитики, финансовые консультанты. Подобные специалисты теперь представляют новый тип: когнитивный работник, или *knowledge worker*. Он идет на смену типам, которые еще недавно находились на гребне современности – интеллектуальным и академическим работникам, инженерам и брокерам знания, профессионалам хай-тека.

Именно *knowledge worker* формирует тот самый креативный класс, который сейчас стал самоопределяться в России, но, к сожалению, в ней почти не востребован.

Яркий пример гуманитарных инноваций – политологические. Они создаются, главным образом, в больших «мозговых центрах». В современном мире их насчитывается около трех тысяч. Более 85 процентов из них работают в США, Канаде и Японии. Имеются такие центры и в России. Они занимаются гуманитарной аналитикой, прогностикой, моделированием, проектированием управленческих и информационных действий. Однако их количество и востребованность властью на порядок уступает не только «авангарду человечества», но даже СССР последнего десятилетия. Тем не менее направление политологической инноватики в России быстро развивается, и это нетрудно заметить в периоды крупных политических кампаний.

Генерируя социально-гуманитарные инновации, трудно не воспользоваться инструментарием философии. Если некий *knowledge worker* применяет философский и междисциплинарный инструментарий для решения нефилософских проблем, можно смело говорить, что он занимается философской инноватикой. К такой деятельности прибегали многие крупные ученые, конструкторы, художники. Сталкиваясь с трудными проблемами различного свойства, они обращались к западной или восточной философии. И это неизбежно.

– Существует обширная пограничная область – и не научная, и не философская, и не религиозная, и не идеологическая, где необходимо применение инструментария философской рефлексии, – уверен профессор Старостин. – Это «пограничье» и следует конституировать как сферу философской инноватики и отнести к ней профессионально.

В XX веке в этой сфере работали известные отечественные ученые: Э.В. Ильенков, развивший теорию проблемного обучения и тифлосурдопедагогики на базе теории и инструментария диалектической логики; Г.П. Щедровицкий, основавший школу мыследеятельности в сфере методологии; В.А. Лефевр, занимавшийся теорией рефлексивного управления; М.К. Петров, оставивший интересное творческое наследие в области науковедения.

Однако все эти мыслители и практики творили, не задумываясь о том, какой термин применим к их работе. Почему же сегодня для нас так важно выделить философско-инновационную деятельность в отдельную сферу? Вот как это объясняет Александр Старостин:

– Философская инноватика – область символических инноваций, своего рода символического капитала. Такой капитал востребован именно сегодня, когда в быстроразвивающемся информационном обществе начинают доминировать задачи роста отраслей духовного, а не материального производства. Только философская инноватика способна совершенствовать духовную сферу: разрабатывать новые интеллектуальные техники, техники целеположения, техники межличностных коммуникаций и отношений. При этом философская инновационная деятельность переключает человека с созерцательной установки на проектную. А это особенно значимо в динамичной современной реальности.

Какие же достижения человеческой мысли можно записать на счет философской инноватики? Эксперты выделили ряд важнейших социально-гуманитарных инноваций, созданных человеком во второй половине XX – начале XXI веков. В этот список вошли основополагающие для нынешнего общества идеи и методы. Среди них концепция социального государства, технологии и практики ненасильственных действий, сервисная модель госуправления («гибкая власть») и технологии «электронной демократии» и «электронного правительства», программа мультикультуризма и толерантной межнациональной среды, концепция гуманизации отношения к человеку

и различным группам меньшинств со стороны государства и местных обществ (права человека, права женщин, права детей, права пожилых людей, права безнадежных больных), проект «большой (государственной) науки» и другие крупные социальные проекты (ликвидация бедности и беспризорности, купирование опасных массовых заболеваний, государственная кадровая политика).

Как легко убедиться, в последние 50 лет философская инноватика, еще не осознавая себя самостоятельной сферой знания, активно работала на благо человечества.

Однако это обоюдоострое оружие, как любая интеллектуальная деятельность. Социально-гуманитарные исследования в наши дни имеют разную ценностно-целевую направленность. Очевидно, что «белые» инновации всегда гуманны: они создаются во имя развития человеческого потенциала и общественного прогресса. «Серые» технологи и имеют двойное назначение: отдельные группы используют их для достижения своих целей, чему сопутствует также решение общих социальных проблем. «Черные» же инновации, пожалуй, нам знакомы лучше всего: они применяются в психологических и информационных войнах в виде черного пиара, моббинга, психотерапии, методов формирования устойчивых психологических зависимостей.

К сожалению, в России именно «черные» и «серые» продукты социально-гуманитарной инноватики имеют наибольший спрос. Между тем «белая» философская инноватика, так необходимая стране, в нынешних условиях не имеет перспектив. И это очевидно, так как государство идет путем ретрадиционализации, а не модернизации, все больше отдаляясь от воплощения мечты об инновационном обществе. На этом пути возможно лишь создание неких «заповедников» инноваций, но не системная трансформация. Чтобы инновационная деятельность стала массово востребованной, необходимы кардинальные политические и экономические реформы, обновление механизма взаимодействия политической и бизнес-элиты с интеллектуальной элитой общества, а также разрушение теневой экономики. Такой капитальный ремонт внутреннего устройства страны – обширное поле для инноваций, в том числе социально-гуманитарных.

Светлана СМОЛЬЯНИНОВА

6.9. ГАЗЕТА «НАШЕ ВРЕМЯ». 2013. 22 НОЯБРЯ (№ 634–636)

ЭЛИТА КАК ОНА ЕСТЬ

Ирина ХАНСИВАРОВА

О людях, которые работают в системе государственного управления, часто говорят как о правящей элите. Однако ученые используют иной термин – и. о. элиты, прото- или квазиэлиты (мнимая. – И. Х.).

– Почему? – спрашиваю замдиректора по науке Южно-Российского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ доктора политических наук, профессора, одного из основателей ростовской школы элитологии Александра СТАРОСТИНА.

– Существуют элиты по названию, а есть по призванию и естественному происхождению. К примеру, европейские элиты в 80 процентах по своему происхождению относятся к XVII веку, когда зарождалась первая буржуазия, в которую трансформировалась часть аристократии. Этот симбиоз выжил и сохранился. Эта часть высшего слоя общества, которая в состоянии реализовывать задачи развития общества, формировать повестку дня и двигаться по ней дальше. Для развития этого процесса в Европе понадобилось три столетия. У нас в силу исторических обстоятельств естественным путем элита развиваться не смогла.

– **Можно ли ее сформировать?**

– Искусственно, как в инкубаторе, элиты не выращиваются. Советский опыт был как раз инкубаторного типа: попытка сконструировать общество, его руководящую часть. Там были классы, авангарды, вожди, но не элиты. Марксизм в принципе не придерживался элитологии. Советская номенклатурная система продуцировала не элиту, а руководящий слой, организующий массы в трудовые коллективы. Считалось, что рангом выше руководителя люди не должны подниматься. Они должны с ним соизмеряться. Но стоило человеку покинуть верхний социальный слой, как он попадал в массы. Этот сконструированный отбор сформировал генерацию средних людей. Это были прекрасные исполнители, но они неспособны были предвидеть будущие события, разработать концепцию, стратегию общества. И, как следствие, советская система не смогла в последующем выдвинуть серьезных идей для изучения общества, организовать процесс его познания. Так что формирование элит по принципу меритократии, то есть, когда страной управляют люди наиболее способные, достойные, не получилось.

От самореализации до мотивации

– Сегодня в подготовке государственных служащих или правящей элиты эксперты отмечают стихийность. Об этом шла речь и на I Всероссийском конгрессе элитологов с международным участием. Говорилось о том, что на руководящих должностях должны быть люди с высоким уровнем интеллекта. Причем это должны быть лидеры, имеющие авторитет в обществе, пользующиеся доверием у людей. Однако, по мнению ученых, на практике действуют механизмы, не способствующие этой возгонке. Идет отбор средних людей, а не тех, кто в состоянии продвигать общество. Сказываются «родимые пятна» советской системы?

– Когда соцсистема рушилась, в ряде стран был использован механизм люстрации, запрета на занятие управленческих властных должностей людям, которые были связаны с прежней политической системой. Они могли преподавать, заниматься бизнесом, но не политикой, не управлением. У нас этот механизм не был использован. Очевидно, потому что достаточно большой слой второго эшелона партийной номенклатуры рванул вверх для того, чтобы получить высокие посты и главное – собственность. Сегодня те руководители, которые в прошлой системе занимали определенные должности, выдвинулись на руководящие посты уже в этой. Поэтому нынешняя социально-политическая система устроена во многом по советским примерно принципам, с вмонтированной в нее разновидностью номенклатурной системы отбора. А вот ценностные ориентации несколько другие. Если в советский период они все же носили духовный характер, то сейчас меркантильный, потребительский. Это относительно низшие мотивации людей.

– Кстати, недавно руководитель Администрации Президента России Сергей Иванов на совещании руководителей регионов подчеркнул, что следует разумно использовать лучший советский опыт работы с кадрами, в особенности с резервом. На ваш взгляд, что подразумевается под словом «лучший»?

– Думаю, что он имел в виду более эффективную организацию работы с кадрами в советский период. Но здесь сложно отделить организационные и мотивационные технологии.

– Понятие «элита» включает разные характеристики и качества человека. Мотивация — на последнем месте?

– Если она не связана с высшим уровнем — самореализацией, духовным развитием, сомнительно, что такого человека можно отнести к элите. Это во-первых. Во-вторых, способности человека. Они определяются не наличием красного диплома, а какими-то достижениями в той или иной области, увлечением, в конце концов. Далее следует нравственность. Отношение человека к семье, обществу, государству, своему народу. Это очень важно. Мы – страна, которая по уровню жизни в мировом рейтинге занимает место

в энном десятке, а большие проекты у нас стоят дороже, чем в странах, которые находятся на первых позициях. Это возможно только потому, что мотивационная сфера элиты сформирована определенным образом. А мы все на интеллект уповаем...

Талант до востребования

– **То есть «процесс запущен»?**

– Но он может закончиться.

– **Когда?**

– Возможно, через два поколения, а может и нет. Самые сложные проблемы случаются на рубеже поколений. Никто об этом не пишет. А сложность именно в этом. Сейчас идет новое поколение, назовем его компьютерным. Коллектив, окружение, семья — в виртуальной реальности. Большая часть молодежи совершенно не приучена жить в реальном обществе. Почему многие великие замыслы обрывались? Потому что на каком-то поколении природа отдыхала.

– **Но не на всех же.**

– Безусловно. В России был Царскосельский лицей. Он показал результат? Показал. И в области литературы, и в области искусства, государственных дел. Возьмем современность. Я учился в специализированной школе-интернате № 18 физико-математического профиля при Московском государственном университете. Нас, учеников школы, а это представители более пятидесяти регионов (областей, краев, республик), отбирали по всей стране. Преподавание вели выдающиеся отечественные ученые в области физики и математики: академики Колмогоров, Кикоин, Смородинский. То есть в стране были примеры культурной, научной элит, которые возникли не стихийно. Они были организованы. Талантливых, способных людей отбирали. Формально такая мощная система существовала и с точки зрения политики, социального управления, но она не всегда была настроена на талант. Когда людей отбирают, дают им достойных учителей, результат будет. Проектов, связанных с элитным образованием, много, надо просто умело их использовать.

– **Как сейчас отбирают тех, кто настроен на карьеру государственной службы?**

– Через конкурс. Документы на конкурс может подать любой человек. Вопросы, которые, назовем условно, при кастинге задают кандидатам, достаточно формальные и касаются в основном знания законов. Но знание законов еще не гарантия того, что человек будет их выполнять. Случается, что люди законы знают, но работают на себя или на «свою группу», а не на общество.

Новые ориентиры

– Задачи модернизации России в предстоящие восемь – десять лет были поставлены в программных статьях российского президента. В них также заложена перестройка системы государственного управления. После опубликования статей прошло полтора года. Однако перестройка практически не происходит. В чем причина?

– Проблема не только в инертности прежних механизмов управления, но и в недостаточно организационной и интеллектуальной готовности высшего звена государственного управления к новому этапу развития страны. С одной стороны, нужна организационная перекомпоновка существующей политической власти и управления, с другой — перезагрузка системы кадровой и образовательной политики, нацеленной прежде всего на элитный административно-политический строй. Если наша правящая верхушка претендует на роль элиты, она должна сформировать повестку дня развития общества, как бы его переформатирования.

– И что для этого нужно?

– Нужны новые варианты управленческой деятельности – по целям, результатам, ценностям, управлению конфликтами, кризисному и антикризисному управлению. Это комплекс методов – познавательной аналитики и прогнозирования. Мы не учим этому. Между тем это определенный, скажем, репертуар, касающийся также информационных компьютерных технологий. В западных странах системы типа социального интерфейса – пройденный этап. Им на смену идут системы, связанные с социальными сетями, попытками управления ими. Здесь уже нужен когнитивный анализ, ориентированный в том числе на созидание. Это особая система элитного обучения, я бы сказал, следящая система. Она дает возможность руководящей элите видеть дальше и глубже.

– В чем конкретно?

– В изучении процессов, с которыми мы сталкиваемся в обществе. К примеру, мы начинаем говорить о кризисе, когда он уже в доме. Или, допустим, прошел, а мы могли бы его обойти. У нас все замкнуто на узкие временные интервалы – то, что называется ситуативностью. Ситуации меняются одна за другой. Из ситуаций складываются процессы. Процессы – в тренды. Проследив всю эту цепочку, можно формировать какую-то стратегию. Это же не просто игра в угадайку. Все должно быть вычислено, выявлено. Иными словами, требуется согласование масштабных изменений в политико-управленческой деятельности государственного уровня с качеством человеческого капитала, задействованного в системе топ-управления.

– Есть ли способы, которые содействуют руководителю во взаимодействии с обществом, эффективном управлении?

– Существуют разные способы. Есть так называемый принцип формальной команды. Приходит руководитель и приводит своих людей, которым он доверяет. Это нравственный принцип. Есть другой – профессионально ори-

ентированный. Когда руководитель берет несколько человек своих, а дальше команду создает на месте, готовит, формирует. Это дело не одного дня, нескольких лет. И если он уйдет, то команда останется и будет продолжать работать уже без него. В современном управлении хороший руководитель не тот, который во все сует нос, а кто умеет организовать управление, вот эту самую команду способных людей. Вспомните закон Мерфи – лучший руководитель тот, у которого подчиненные способнее, чем он сам.

6.10. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2014. 21 ИЮНЯ. № 22 (618)

ФИЛОСОФИЯ ПОМОГАЕТ НЕ СТАЛКИВАТЬСЯ С ПРОБЛЕМАМИ

В мире нестабильности, где перемены происходят быстрее, чем мы успеваем их осознать, ни одна сфера науки не гарантирует правильного курса. Пожалуй, только философия остается компасом, дающим надежду понять: куда же мы движемся? В беседе с «Академией» ответ на этот вопрос попытался найти заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ профессор А.М. СТАРОСТИН.

– Александр Михайлович, недавно Вы отметили свое 65-летие. В связи с таким поводом принято подводить итоги. Каковы они, каковы достижения?

– На фоне тех коллизий, которые развиваются в области российского высшего образования и науки, мои позиции пока значительно лучше средне-статистического профессора. Будем считать, что ветер еще дует в мои паруса.

– В этом году Вы вошли в топ-100 самых цитируемых ученых страны в области политической науки – по данным РИНЦ. В то же время Вы известны в сфере философии и методологии науки, возглавляете одноименную кафедру. Кто же Вы: политолог, философ, специалист в области государственного и муниципального управления?

– Формально говоря, две трети моих работ – в области политической науки, меньшая часть (около 150) – в области философии (главным образом прикладных направлений: философии науки, философии управления, социальной философии, философии политики). Но по внутреннему самоощущению я, скорее, философ методологического плана с определенными инструментальными наработками в той области, которую называю философской инноватикой.

– Четыре года назад в беседе с «Академией» Вы рассказывали о новом направлении в области Ваших философских исследований – развитии инструментария философской инноватики. Какие идеи, позиции, результаты, полученные в этой области прикладной философии, Вы считаете значимыми?

– Направление философской инноватики развивается при поддержке Донского философского общества и его руководителя профессора Т.Г. Лешкевич. Большой интерес к этому проявляет и руководство Российского философского общества. В 2012 году мы организовали круглый стол по этим проблемам в русле программы Российского философского конгресса в Нижнем Новгороде; готовимся к Философскому конгрессу 2015 года в Уфе.

Что касается новаций, то на последней международной конференции по компаративным аспектам прикладной философии и философской инноватики 29 мая обсуждались новые подходы, связанные с моделями операционализации разных парадигм фундаментальной философии, направлениями развития конвергентной философии, различными версиями философского опыта в западной и восточной философской традициях. Как видите, продолжают появляться философские новации и неочевидные повороты в развитии современной философской инноватики.

Идет подготовка к конференции по гуманитарной когнитологии и когнитивной аналитике в начале октября этого года. Отчасти мы продолжим развитие тех заделов, которые созданы известным философом, профессором Е.Я. Режабеком, чье 85-летие отмечается в конце июня. Но собираемся представить когнитологию в рамках философской инноватики как междисциплинарное направление прикладной философии.

Безусловно, направление, связанное с прикладной философией и философской инноватикой, требуется развивать и шлифовать. Но по прошествии пяти лет работы уже нащупаны перспективные области, к которым созданный инструментарий может быть успешно применен. Это и новые модели образования – философского и проблемного, и так называемая концепция ментальных анализаторов, и новое видение логики, и многое другое.

– Сегодня в стране идут реформы в области образования и науки, смысл которых до сих пор не вполне ясен для научного сообщества. Как Вы определяете суть этих преобразований?

– Для меня замысел реформ непрозрачен. Вроде бы действия направлены на повышение качества науки и образования. Однако нет шагов к созданию реальных заказчиков и спроса на продукцию этих важнейших институтов. По-прежнему у нас «в загоне» отраслевая и прикладная наука, и из-за деградации этого звена в научной деятельности нет серьезного запроса к фундаментальной науке. А отечественный бизнес пока не нуждается в отечественной прикладной науке и не формирует для нее заказа. Какая-то надежда остается лишь на оборонный заказ, который может оживить и

научную конъюнктуру. Что касается высшего образования, то здесь также отсутствует весомый заказчик на специалистов со стороны как государственных, так и корпоративных структур. Рынок специалистов с высшим образованием у нас узок, но при этом Россия демонстрирует одни из самых высоких в мире показатели подготовки выпускников с высшим образованием. Производство такого числа специалистов явно избыточно, и на этом, как видится сейчас, можно серьезно экономить.

Кроме того, власть стала задумываться о роли когнитивного оппонента, к которому следует отнести основную часть академических, да и вузовских ученых. Наша власть становится все более авторитарной, это привычно для России. Но авторитарная власть нигде и никогда не дружила со свободомыслящими людьми, тем более работающими на бюджетных местах. Поэтому по логике авторитаризма нужно существенно сузить базу свободомыслия: мыслите как угодно, но не за государственный счет.

– Что Вас тревожит, что радует в отечественной действительности как ученого, много занимающегося проблемами современного российского общества, в частности – вопросами элит? Возможен ли прогноз?

– В России в самом разгаре процессы формирования элит, но пока ничего завершенного, кроме протоэлитных групп, не сложилось. Другие слои и группы находятся в переходном и в маргинализированном состоянии. Современное российское общество конструируется по калькам западноевропейских обществ и государств, но чем далее заходят эти процессы, тем большая часть политической и экономической жизни уходит в тень и выстраивается по иным канонам, которые, скорее, воспроизводят старорусские и советские образцы. Это лишний повод задуматься о том, насколько адекватны российским условиям используемые научные и социально-проектные наработки. Так что объяснительная и прогнозная деятельность должна исходить скорее всего из модели многосоставного общества.

В современной России присутствуют два компонента многосоставности: сокращающийся индустриальный уклад, ориентированный, преимущественно, на топливно-энергетический и строительный комплекс, и растущий традиционный уклад и медленно растущий постиндустриальный уклад, который может достигнуть в ближайшие годы объемов, характерных для российского общества 80-х годов, но на зарубежной элементно-технологической базе. Выстраивается многосоставная социальная, политическая и управленческая культура. Вот такая зарисовка. Она требует своей проработки, но мало кто этим занимается, в особенности сферами стыковок этих укладов.

– Вызывает ли у Вас оптимизм состояние и перспективы региональной гуманитарной науки?

– Состояние региональной гуманитарной науки могло бы быть значительно лучшим, тем более в условиях, когда научное свободомыслие пока

практически не ограничивается. Хотелось бы иметь более значимую грантовую и целевую поддержку известных научных и научно-педагогических школ, сокращение суеты и беготни многих ученых и вузовских профессоров по «урокам» и «халтуркам». Не способствует развитию гуманитарной науки региона и реформаторская лихорадка по «утруске» и «усушке», в капкан которых попали многие вузы, отраслевые и академические научные организации.

Потенциал гуманитарной науки может быть увеличен. Так, в топовые сотни РИНЦ и Минобрнауки попали менее десятка донских ученых-гуманитариев, что составляет менее одного процента их общего числа. Неужели наш научный потенциал столь невелик? Он оказался в разы ниже, к примеру, показателя Екатеринбурга, и в десятки раз ниже показателей Москвы. Так что есть о чем подумать. Пророков в нашем отечестве оказалось маловато.

– Имеет ли ныне научная молодежь шансы выйти «в пророки»? Под Вашим руководством защитились более 60 аспирантов и докторантов, многие еще только «в работе». Что могли бы сказать о потенциале и перспективах молодых?

– Как председатель диссертационного совета и уже «раскрученный» научный руководитель сталкиваюсь с большим числом способных молодых людей, мотивированных на научную, научно-аналитическую и экспертную деятельность. Но также вижу, особенно в последние годы, как постепенно сокращаются возможности научной карьеры и использования высокоинтеллектуальной подготовки в других отраслях. Наш интеллектуальный потенциал мало востребован. Это путь к деградации общества, власти, управления. Полагаю, это – большая угроза стабильности власти имущих и национальной безопасности.

– Какую задачу, на Ваш взгляд, должны выполнять философская наука и ее представители в современном мире?

– Недавно прочитал суждение академика И.М. Гельфанда, звучащее примерно так: «Разум дан человеку для решения сложных проблем, поиска путей выхода из запутанных и угрожающих ситуаций. А мудрость нужна, чтобы не попасть в такие ситуации и уйти от сложных проблем в какую-то альтернативную сферу, где они решаются почти автоматически» – невольно с этим согласился. В современном мире приходится соображать гораздо быстрее и, желательно, системно. Последнее – один из важнейших атрибутов мудрости, которая за деревьями видит и лес. В этом задача философии.

– В Вашей жизни есть учителя, которым Вы обязаны своим становлением как философа?

– Отметил бы не то, чему я научился или чему меня научили, а ситуации, где важен образец поведения, и ситуации выбора, связанные с мудрой подсказкой со стороны. Итак, это мой отец, который воспитывал меня по системе А.С. Макаренко, давал образцы поведения и откровенно говорил о ситуациях, где он находился на грани выживания. (Отец из семьи дважды репрессированного – моего деда, которого сначала раскулачивали, а потом из-

бавляли общество от него как «профессионального врага народа». А был он небогатым многодетным крестьянином, но грамотным и позволяющим себе спорить то с попом, то с новой властью.)

Также назову выдающихся ученых и учителей из физико-математической школы А.Н. Колмогорова при МГУ, в которую я поступил в 1964 году (Колмогоров, Кикоин, Смородинский, Ахманова, Ю. Ким). Е.Я. Режабек – мой научный руководитель в аспирантуре и докторантуре, давший несколько крайне важных советов и «заманивший» в философию. Еще А.Н. Чалов – мой декан на факультете математики, а потом проректор пединститута, который верил в меня. Можно назвать еще несколько человек, например мою жену Ларису Швец. Она – мой тренер по экзистенциальным ситуациям, но главное, человек всецело мне доверяющий.

– Примерно половина Вашей активной научной деятельности прошла в условиях советской системы, другая – в постсоветской. Как Вы соотносите для себя два этих времени?

– О первой половине можно много говорить с ностальгией, поскольку эта часть жизни складывалась удачно творчески, я ощущал перспективу. В школе увлекался писательством, это мне удавалось. В одном из первых своих фантастических рассказов в 1961 году описал себя в 2000 году в качестве профессора, доктора физико-математических наук. Быстро складывалась карьера, были ее варианты, можно было выбирать. Но при этом была своя рамка, свои ограничения. В области духовного творчества ведущим направлениями были «иконопись», «церковное строительство». И можно было стать Феофаном Греком и Андреем Рублевым своего времени. В 90-е годы многое пришлось начинать заново: заняться научно-образовательным предпринимательством и вновь затем вернуться на рельсы научно-педагогического творчества, искать себя в новом, уже не в «плоском», а в объемном мире. Появились значительные потребительские предпочтения, средний класс, к которому я отношусь, стал жить свободнее, сытнее, но страна превратилась в мировую периферию, мировую деревню. Многие из нас стали обывателями, мещанами, барыгами – теми, к которым мы относились в прежние времена с чувством духовного превосходства и легким презрением (работники сферы обслуживания, номенклатура, теневики). Но хорошо, что у меня есть опыт жизни как у Гулливера – и среди лилипутов, и среди великанов. Вероятны, я это чувствую, и новые метаморфозы. Может быть, попадем в мир говорящих лошадей?

Беседовал
Андрей КУЗЬМИНОВ

6.11. ЖУРНАЛ «ДОНСКОЙ РЕГИОН». 2016. МАРТ (03)

Александр СТАРОСТИН: «НАУКА – ЭТО ОБЛАСТЬ РИСКА»

Александр Михайлович Старостин - профессор, доктор политических наук, кандидат философских наук, действительный член Академии политической науки, член-корреспондент Российской академии космонавтики имени К. Циолковского, Международной академии ноосферы, Международной Академии информатизации, Академии социальных технологий и местного самоуправления, член Петровской Академии наук и искусств, автор свыше 700 научных и учебно-методических публикаций. Подготовил около 70 докторов и кандидатов наук. Недавно состоялась конференция-презентация его новой книги «Прикладная философия как философская инноватика». Ей предшествовала монография «Summa philosophiae в прикладном измерении». Обе книги просто «обречены» стать бестселлерами среди научных книг. Честно говоря, я лично их читала, делая закладки буквально на каждой странице. Участники конференции – известные ученые – единодушно отмечали междисциплинарный, прикладной характер разработок философской инноватики профессора А. Старостина, а также актуальность философского подхода к решению проблем региона и вопросов регионального развития.

Специально для журнала «Донской регион» эксклюзивное интервью с профессором, заведующим кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ А.М. Старостиным.

- Александр Михайлович, каковы, на Ваш взгляд, перспективы развития российской науки?

- О перспективах говорить весьма затруднительно, поскольку недостаточно известен и понятен замысел «творца» - «главного конструктора» реформ российской науки. Не тех, что обнародованы, а реальных. К тому же они на ходу меняются. Но в основном сводятся к формированию административно-бюрократической надстройки над РАН и созданию нескольких научных центров, вроде РОСНАНО, в которые «вкачиваются» огромные деньги. Позиция большинства крупных ученых по этому поводу оппозиционна. Некоторая часть, в основном из числа тех, кто поработал на Западе, предлагает пойти по западному пути организации, сконцентрировать НИР в вузах и крупных корпорациях. У нас есть положительный опыт организации «Большой науки» под полным патронажем государства. Этот опыт никто не отменял и, судя по всему, он будет продолжен в связи со значительно расширившимися заказами российского ВПК (военно-промышленного комплекса). Этот «паровоз» потянет за собой и другие научные «вагоны» в сфере

естественных и технических наук. Что касается гуманитарного знания, то, скорее всего, в ближайшей перспективе оно начнет перестраиваться так же по госзаказу, связанному с идеологическими тенденциями (новая «холодная война» Запада против России) и необходимости всё большей суверенизации страны. А здесь потребуется поддержка новых исследований на новой методологической и ценностной платформе в области экономики, истории, политологии, социологии, психологии. Примеров здесь за последние 2 года накопилось немало. Они связаны и с украинскими событиями, и с ситуацией на Ближнем Востоке, и новыми взаимоотношениями с Китаем. И, как оказалось, необходимы научные знания, отражающие не только глобалистскую ситуацию с позиций «открытой России», но и большой массив гуманитарных знаний, освещающих социальные, экономические, политические процессы и историю в контексте другой парадигмы. А эта парадигма выстроена на опыте нескольких столетий. Поэтому, с моей точки зрения, перспективы исходят и навеяны интересами национальной безопасности и «новым-старым» позиционированием России в современном глобальном мире. Недолгий 25-летний «роман с Западом» показал, что Запад не видит нас в качестве партнера. Он хочет доминировать! А в такой ситуации по-другому должна развиваться и наука. Новейшими знаниями и разработками с нами делиться никто не будет. И мы этого не будем делать в условиях глобальной конкуренции. Но это не значит, что наша наука «закроется» от мировой. Просто обмен научной информацией будет регулироваться иначе.

- В чём Вы видите собственную миссию в данной ситуации?

- В чём моя миссия?! Она заключается в работе на опережение, поиске новых проблем и направлений. Я выделяю в своем научном творчестве 3 базовые ситуации, 3 периода. 20-30 лет назад, будучи молодым исследователем, занимался космизмом (методология космических исследований).. Я решил поставленную проблему, защитил кандидатскую диссертацию по философии - о методологии космического эксперимента. Она была отмечена в конце 1970-х гг. Дипломом ЦК ВЛКСМ и Академии науки. Затем продолжал исследования до начала 90-х гг., подготовив докторскую диссертацию. Но обстоятельства не позволили её защитить, и ушёл момент общественного внимания. Занимался долгое время политической элитологией, защитил докторскую диссертацию по проблеме эффективности государственного управления, обусловленной элитным фактором. Эта работа велась параллельно с моим научным партнером профессором А.В. Понеделковым. Мы в итоге создали научную школу и признанный в России научный политологический центр. Последние 7-8 лет я разрабатываю новое направление - концепцию и методологию современной прикладной философии, которую называю философской инноватикой. Это тоже работа «на опережение». Но она уже находит своё признание и последователей. Я зарегистрировал и защитил ее авторским свидетельством, что является также новацией в гуманитарных исследованиях. С моей

точки зрения, и на основе моего сегодняшнего опыта, сейчас нужна новая методология работы с научным знанием, основанная на синтетическом, интегративном подходе, дающем возможности создавать междисциплинарные комплексы. Здесь и помогает прикладная философия! Пока этот труд не вполне закончен. Для его относительного оформления понадобится еще 2-3 года. Так что, я на протяжении этих 3-х периодов постоянно был включен в ситуацию, о которой ещё Гегель говорил: «Этого не может быть – в этом что-то есть – да кто же этого не знает». Поэтому никаких разочарований нет. Наука – это область риска! И ты должен понимать, что новое направление может не утвердиться, и сложную задачу ты можешь не решить. Но научный азарт и инстинкт исследователя заставляет тебя рисковать. А потом появляется опыт, который отчасти снижает фактор риска.

- В стране новые реформы в сфере высшего образования. Идут споры, дебаты, обсуждения и в сфере научно-педагогической, и на парламентском уровне. Вся страна раскололась на несколько лагерей, высказывая свою точку зрения по этому вопросу. А как Вы оцениваете ситуацию?

- Опять-таки не вполне ясен подлинный замысел проекта реформ. Похоже, начавшись с одних посылов, он изменил по ходу некоторые из них. Ныне речь зашла о серьёзном повышении качества высшего образования. На это направлены усилия, связанные с институциональным укрупнением высшей школы на платформе известных вузов и их серьёзной бюджетной поддержкой.

В то же время идет избавление от организаций, имитирующих образование и возвращение к методам отбора к обучению наиболее способной молодёжи. Но здесь очень много вопросов. Это и вопрос о рынке труда специалистов, а он в стране не сформирован. И о пресловутом Болонском процессе, который отбросил наше образование (не только высшее) в позапрошлый век. Ведь в итоге массовый выпускник нашей высшей школы обучается сейчас в среднем, начиная со школы, 15 лет, в то время, как уже в 150 государствах мира обучение ведется на протяжении 17-18 лет. Нужно говорить и об отношении к научно-педагогическим кадрам, которые никогда на протяжении всей истории российской высшей школы не были так перегружены учебными занятиями, бумажно-бюрократическими заданиями. К тому же уровень оплаты их труда, несмотря на многолетние обещания, реально (по покупательской способности) так и не поднялся, хотя бы до среднего по промышленности. Что говорить и о статусе: после пресловутых демократических реформ социальная среда научно-педагогических работников (интеллектуалов) существенно снизила свое общественное положение.

Всё это беспокоит, поскольку результат реформ в высшей школе почти полностью зависит от основного слоя научно-педагогических работников, а не от наличия «сыра в мышеловке». Необходимо думать о создании высоких

уровней мотивации и самореализации этой категории. Правда, здесь есть и фактор риска: интеллектуалы требовательны к профессионализму и качествам политиков. Но это уже накладывает требования на политиков. Ведь у политика-середняка, посредственного человека, и страна (регион) будет посредственной, а не только высшая школа.

- Вы – представитель президентской Академии. В чём видите и миссию, и вклад вашего вуза в отечественные политические реформы?

- Мы сначала входили в систему РАГС, где акценты были сделаны на приоритетности научных разработок и подготовке кадров в сфере государственного управления, государственной и муниципальной службы. С реорганизацией системы, начиная с 2010-2011 гг., на платформе РАНХ акценты переместились на приоритеты, связанные с развитием рыночной экономики, бизнеса, поскольку это ближе, является основным профилем Академии народного хозяйства. А госслужба идёт, с моей точки зрения, неким «довеском». По-прежнему РАНХиГС является одним из наиболее авторитетных экспертных и консультативных центров в области экономики, на которые опирается Правительство. Что касается государственного управления, то многие авторитетные специалисты, работавшие в РАГС, ушли в другие организации. Я, как специалист, руководящий подготовкой аспирантов, докторантов, сейчас ориентируюсь на разработки, которые осуществляются в МГУ (факультет государственного управления и факультет политологии), в СПбГУ, в ВШЭ и некоторых других центрах, нежели в структурных подразделениях РАНХиГС.

Для меня авторитет РАГС стоит гораздо выше, нежели авторитет новой структуры. Не буду говорить о её роли в консультировании экономических реформ. Возможно, что экономисты это оценят по-своему. Но, полагаю, что научная школа РАНХиГС стоит на идеях экономического реформаторства начала 90-х гг., связанных с именем Егора Гайдара. Но это не единственная крупная научная школа, хотя и претендует на монопольное положение в науке.

- Удастся ли России устоять в условиях глобального политического натиска и в ситуации экономического кризиса?

- У современной России есть всё для этого. Но важна цена вопроса. Получается, что на протяжении более четверти века Россия пыталась интегрироваться в систему западной экономической и политической системы. Это во многом удалось, исключая военную интеграцию. Но потеряны значительные территории, ставшие новыми государствами. В них сейчас проживает половина прежнего населения СССР. А на западных границах новой России удобно размещаются военные структуры НАТО.

К тому же, входя в новую международную систему экономики, разделения труда, мы утратили значительную часть своего промышленного потенциала. Западное сообщество отвело нам роль поставщика сырья и энергоносителей. А затем начался новый глобальный разворот на невыгодных

для нас условиях, желание обанкротить и даже разрушить страну. Это пока не третья мировая война, но подготовительный этап, о котором говорила всё время левая оппозиция, что по разрушительным последствиям тяжелее наших потерь даже во Второй мировой войне. Но общество морально готово и на большие лишения, лишь бы выстояла Россия. Весь вопрос: хватит ли ума и решимости элите, не передерётся ли она на этом рубеже?

- Как Вы оцениваете ситуацию в Ростовской области?

- Она во многом является проекцией общей ситуации в России. Плюс то, что область – прифронтовая, со всеми вытекающими последствиями. Но политический менеджмент пока справляется с ситуацией. Получил новый вотум доверия от населения и Президента Губернатор Василий Голубев. Он доказал, что способен решать не только антикризисные задачи, но и задачи наращивания экономического потенциала одной из крупнейших в России областей. Но ему нужна поддержка не только его команды, но и населения, бизнеса, интеллектуалов. Я считаю, что если будут решаться вопросы консолидации базовых социальных групп и профессиональных слоев, то политическая и экономическая ситуация в Ростовской области не только будет стабильной, но и получит серьезное позитивное развитие.

Эмилия СЛЮСАРЕВА

6.12. ГАЗЕТА «АКАДЕМИЯ». 2016. № 24

Можно ли заглянуть за горизонт? Размышления на полях трудов Э. Тоффлера и посвященные его памяти

27 июня 2016 г. на 88 году жизни ушел из жизни один из крупнейших футурологов и социальных мыслителей современности Элви Тоффлер.

В течение всей долгой и насыщенной жизни его постоянным интеллектуальным партнером была его жена – Хайди Тоффлер. И, хотя она не была формальным соавтором многих его книг, участвуя полновесно лишь в ряде из них, но, как очень трогательно подчеркнуто во вступлении к одной из последних их совместных книг («Революционное богатство». М., 2008) – «Читатель должен знать, что все книги Тоффлеров – это совместный продукт нашей полной любви совместной жизни». Это можно понимать и так, что вся перспективная проблематика быстроменяющегося современного мира преломлялась через призму интеллектуального творчества и семейного самочувствия двух необычных в своем опыте и проявлениях интеллектуалов. Об этом любят упоминать их биографы и знакомые: как двое левачки мыслящих аспирантов-лингвистов Тоффлеров, учащихся в Нью-Йоркском университете, поженившись, уехали на Средний Запад, «ушли в люди», «в народ» (как любили иногда у нас, в России, говорить). Работали на производстве, вблизи

изучая «индустриализм без прикрас» и позднее вернулись к интеллектуальным занятиям. И начали восхождение к высотам популярности, известности, влияния как люди, знающие не только настоящее, но и предлагающие отчетливый образ будущего.

Будучи уже приглашенным профессором одного из американских университетов, в 40-летнем возрасте Э. Тоффлер выпускает свою первую книгу «Шок от будущего», ставшую мировым бестселлером. Он говорит о чрезвычайном ускорении социальных изменений, к которым уже не успевают приспособиться люди прежде всего в высокоразвитых обществах. За ними не успевает ни сложившаяся система социальных отношений, ни образование, ни политика с их устоявшимися нормами, ценностями, ориентирами. Общество требует кардинального переустройства, дабы не захлебнуться в этой мощной волне неконтролируемых изменений. Еще было далеко до терминов «перестройка», «перезагрузка», но, как видится теперь, они уже были «на языке» у Э. Тоффлера, показавшего, что замедление – это кризис, отсталость и постепенное впадение в хаос.

Следующая крупная (может быть самая крупная) книга Э. Тоффлера «Третья волна» (1980) дала понимание того, какое будущее ждет общество. Это то, что называют умение заглянуть за горизонт. Это известная образованному сообществу идея трех волн в развитии глобальной (да и локальных) цивилизации: аграрной, индустриальной и постиндустриальной, основанной на огромном усилении возможностей интеллекта с помощью компьютерной техники. Что влечет неизбежную радикальную перестройку всех социальных и политических институтов. Ключ к этому – также связан с революцией в мышлении.

Книги Э. Тоффлера и содержащие их суждения, размышления, прогнозы очень необычны и нехарактерны для классического стиля философии, науки или литературы. Не назовешь автора и классическим мыслителем. Поскольку в этих суждениях масса примеров, информационных репрезентаций новых образцов из промышленности, компьютерной реальности, различных проявлений субкультур (локальных цивилизаций или профессиональных сообществ), быта.

Порой кажется, что это популяризация предметных образцов и идей из разных областей деятельности. Но эта мозаика складывается в узор, показывающий в какой будущий предметный и ментальный мир мы переползаем. Что делает нарисованную таким образом картину будущего очень убедительной.

Сам Э. Тоффлер свои подходы к моделированию будущего называл «практопией», противопоставляя утопии и антиутопии.

Естественно, что автор не заикливался на идеях, которые давали представление о будущем, высказанных им в 70-е, 80-е или 90-е годы XX в., не раз подчеркивая: «Никто не знает будущего, особенно того, когда что-то

может произойти, с достоверностью?», указывая на справедливость того, что это «вероятно будет» или «по нашему мнению будет». И чем дальше горизонт будущего, тем труднее за него заглянуть. Но возможно ли? Да, если вы сами нарисуете этот горизонт по-своему и то, что может находиться за ним. Этим Э. Тоффлер и занимался всю жизнь, уточняя и корректируя свои картины будущего и неизменно привлекая к этому всеобщее внимание. Наверное он многое смог предугадать.

А.М. Старостин

6.13. ЖУРНАЛ «ДОНСКОЙ РЕГИОН». 2018. МАРТ (10)

Александр СТАРОСТИН: «АНТИКОРРУПЦИЯ: БОРЬБА С ПРИЧИНАМИ, А НЕ ПОСЛЕДСТВИЯМИ»

Профессор, доктор политических наук, академик Академии политической науки, Академии социальных технологий и местного самоуправления, почётный работник высшего профессионального образования РФ Александр Михайлович Старостин – один из самых известных и авторитетных учёных не только в Российской Федерации, но и в республиках бывшего СССР и в европейских странах.

Он – участник международных форумов, конференций, республиканских и международных круглых столов, автор нескольких десятков монографий, среди которых огромный интерес читателей вызвали такие книги, как «Эффективность государственной власти и управления», «Гносеологический и социальный аспекты анализа космических исследований», «Философские инновации: концепция и основные сферы проявления». Недавно профессор А.М. Старостин возглавил Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ). Сегодня он – гость журнала «Донской регион».

- Александр Михайлович, недавно в Ростове на базе РАНХ и ГС при Президенте РФ состоялся круглый стол, посвященный проблемам противодействия коррупции и пути их решения в современной России. Ваш доклад «Противодействие коррупции: междисциплинарный подход» вызвал большой интерес. Как отмечали участники круглого стола, вы осветили проблему в новом ракурсе. В чем его суть?

- Проблемы коррупции обсуждаются в научных источниках, и в публицистике часто. Однако не всегда просматривается инновационный вклад в решение проблемы. И не вполне понятны истоки, причины, порождающие

коррупцию. Можно сказать, что в исследовательских и практических процедурах, касающихся коррупции, наблюдается определенный «кризис жанра». Что же требуется, чтобы разобраться в многообразии идей, которые могут принести реальную практическую пользу?

Прежде всего, необходим сравнительный анализ нашего собственного пути развития за последние хотя бы полстолетия: от развитого социализма – к неразвитому капитализму и далее – некоторая эволюция в рамках переходного периода.

Почему? Хотя в политико-правовом контексте жизнь, вроде бы поменялась радикально, но, по сути, не слишком. «Священными коровами», новыми идолами провозглашены частная собственность, занятие бизнесом, права человека, независимый суд, рынок в экономике и демократия в политике, запрет на общенациональные ценности, идеологию, зафиксированный в Конституции РФ. Соответственно, советская правовая система, которая считала «врагами народа» всех сторонников этих «священных коров», переагружена на «врагов народа», мешающих «свободному капитализму». Тем временем, в разы возросла государственная коррупция на этом фоне (по данным «Трансперети интернешнл»).

Американские «друзья» и партнеры, консультировавшие и направлявшие эти процессы, нам буквально аплодировали в 90-е годы.

Однако, спустя 25 лет капиталистической «переагрузки», те же «друзья» и партнёры вдруг признали, что высшая административно-политическая и бизнес-элита в России – сплошь воры и коррупционеры. Следом они обнародовали «Кремлёвские списки», наложив персональные и коллективные санкции на всю верхушку.

По мнению обществу, ничего нового для нас в этих списках не открылось. Все давно известно! Да и опросы населения показывают, что бытовая и деловая коррупция рассматривается в качестве помех развития и социально-политических зол на первых местах (наряду с бедностью и социальной несправедливостью). Оценка образа современного чиновника в сопоставлении с советским, по мнению респондентов, значительно изменилась в худшую сторону для первого! Поэтому, оценивая природу и источники коррупции, прежде всего, в среде государственных органов, мы вполне имеем право говорить о её системном характере, как о порождении новой системы. Да, эта система ещё молодая, неустоявшаяся, но тенденции её развития в данном плане не внушают оптимизма.

Что любопытно? Сравнение состояния борьбы с коррупцией в странах с такой же системой показало, что, если бы в США, например, не существовало закона о лоббизме и ещё ряда других важных актов, которые допускают платные посреднические услуги в бизнесе, судебной системе, в госзакупках, то по коррупционной составляющей США и ряд других западных стран стали бы вполне сопоставимы с Россией.

Какой вывод? Вполне можно говорить о невыверенном векторе развития правовой и правоохранительной систем в борьбе с коррупцией в нашем Отечестве. Это узко-«нормативистский» курс на регламентацию и формальную, мелочную разрешительность всего и во всём. Парадоксально? Однако способствует развитию коррупции.

- В чём же «преимущества» европейской или американской коррупции?

- В ряде развитых стран коррупция – это во многом узаконенный лоббизм и посредническая коммерческая деятельность с целью сделать эти процессы более прозрачными. И даже обложить налогами! Поэтому «репрессируют» только тех, кто выходит за рамки правил лоббистского, посреднического бизнеса. Не преследуют там и за глобальный финансовый монополизм, позволяющий населению США потреблять вдвое больший продукт нежели производят. Не преследуют государственный терроризм и протекционизм (глобальный и национальный).

В ряде обстоятельств и наша страна проявляет гибкость и готовность путем исключительных мер («налоговая амнистия», «амнистия выведенных за рубеж капиталов»), направленных на возвращение огромных финансовых средств, выведенных за границу рядом крупных мошенников и коррупционеров.

Если мы движемся по пути капиталистической цивилизации, то нужно перенимать не только репрессивный опыт но и опыт создания условий для развития разных видов коммерции. Прежде всего, в непроизводительной сфере, сфере услуг, доля которой быстро нарастает и в мире, и у нас, в развитых странах превышая уже половину ВВП.

Нужно продвигать систему научных, объективно обоснованных представлений о том, что такое коррупция и каковы её инвариантные и вариативные характеристики и источники.

Коснёмся данного аспекта, включающего теоретическую базу, концептуальные представления. Существует особый характер экономических отношений и действие экономических и управленческих институтов в условиях переходных экономик. Попытка выстроить эти институты и отношения, подобно развитым странам, оказалась неэффективной. Однако их система, порой имитирующая реальные институты и отношения, все же работает, поскольку дополнена рядом таких отношений, как рентные, бартерные, посреднические и лоббистские, что способствует функционированию и формальной, и неформальной экономики.

В этом аспекте коррупция выступает как особый инструмент незрелой экономики. В своё время (в середине 90-х) мы писали о феномене административного предпринимательства как деятельности, обеспечивающей развитие реального предпринимательства, страхующего и сопровождающего от получения заказа до его сдачи заказчику. С нашей точки зрения, эта система

в постсоветской России получила полновесное развитие. В различных отраслях посредническая, страховая, лоббистская деятельность, вознаграждаемая комиссионными на всех уровнях отраслевого управления, выступает нередко даже как более легитимная и эффективная, нежели законная. Бизнес и граждане, опирающиеся на теневые коррупционные сделки, включают их в число транзакционных издержек.

- А каковы альтернативы?

- Это настойчивое и целенаправленное развитие нормальных институтов, выявление «узких мест» в цепочках, которые проходит производство товаров и услуг создание транспарентной следящей системы за прохождением сделок и их реализацией, разработка методик оценки реальной стоимости производимых товаров и услуг. Наконец, создание официальных структур, которые обеспечивают ускоренное и без малейшего риска прохождение сделок, те. системы «VIP-класса» по повышенной стоимости. Словом, нужны новые реалистичные модели и концепции функционирования различных сегментов экономики переходного типа и экономической системы в целом.

В ином случае, мы уподобляемся советскому взгляду, который рассматривал теневую экономику как отклонение от нормы и преступление. Но, как оказалось, это был бизнес, которому не давали ход и преследовали. Где гарантии, что мы и сейчас не идём по ложному пути?

Словом, нужен новый реализм и отражение его в иной нормативно-законодательной и методической базе.

Анализируя различные концепции и версии, описывающие переход от индустриального общества к информационному, обращаешь внимание на глубинные изменения, касающиеся деятельности человека в условиях производства знаний, информации, инноваций. На то, как должен оцениваться и потребляться такой продукт, какие новые профессиональные группы появляются, как должны развиваться на этом фоне коммерческие отношения. Это и нас, живущих в постсоветской России, касается. А ведь по обзорам результатов антикоррупционной деятельности у нас к наибольшим «зонам риска» относится деятельность учителей и преподавателей вузов, врачей, деятелей искусства, чиновников. Между тем, значимость в обществе и реальная стоимость качественных услуг, оказываемых в этих отраслях (образование, здоровье, досуг и культурное развитие) намного отстаёт от нормативов и расценок, бытующих в развитых странах. И в относительном (в сравнении с другими профессиональными группами), и в абсолютном измерении.

Объёмы разнообразных «шабашек», «халтурок» и имитаций бурной творческой деятельности, которая в итоге абсолютно неэффективна, быстро нарастают. С другой стороны, быстро растут области теневых, неформальных эффективных услуг, которые оцениваются по совершенно другим шкалам. Это парадокс, но можно подать его и как коррупционную составляющую.

Доходит до жутких вещей, когда так называемая вторая половина дня профессорско-преподавательского состава в вузах по сути приватизирована, и от преподавателей требуют реальной и коммерчески значимой научной продукции ... в плановом порядке. В то же время разрушают систему научной деятельности и научных институтов, которые предназначены для этого и сосредоточены в РАН и отраслевых НИИ.

Вот это сюжет для разработки других, альтернативных моделей и подходов, в которых «коррупционная» деятельность носит другое название. Все равно его придется развивать. А коррупционные дела в этой сфере придется рассматривать иначе.

- Чьи интересы в большей степени затрагивает борьба с коррупцией – организаций или конкретных людей?

- Борьба с коррупцией в существенной мере затрагивает людей, а не только плохо организованные институты, отношения, регулятивы. В конечном счёте, виновным оказывается ... конкретный человек или группа людей. В литературе, отечественной и зарубежной, по менеджменту, работе с персоналом, в особенности в специальных отраслях и фирмах, давно обозначена категория «надежный персонал». Иначе говоря, речь идет не только о внешнем контроле и мониторинге деятельности, но и самоконтроле, внутренней культуре руководителей и исполнителей. Далеко не каждый человек способен хорошо себя контролировать, не поддаваться девиантному влиянию, разным соблазнам. Причём, выявить людей, которые ненадежны в «коррупциорискогенных» обстоятельствах, вполне возможно. Точно так же, как существуют меры подготовки к таким обстоятельствам, защиты от них и дополнительной страховки.

Этот сюжет, во многом психологический, поведенческий, требует своего развития. Но иначе нужно посмотреть и на коррупцию, скажем как аддикцию, применительно к группе риска. Слышатся возражения: не демократично, не гуманно. Однако применительно к занятости во многих отраслях государственной службы принято и узаконено ограничение прав личности. И это оправданно. Также жестко поступают и крупные финансовые, и инновационные фирмы, где имеют место коммерческие тайны, служебные секреты, ноу-хау и другие категории, связанные с регламентацией доступа к ним.

Кстати говоря, доля рекламаций по этой части в службах и организациях, работающих над проблемой надёжности персонала, значительно меньше, нежели в иных отраслях и организациях.

- Александр Михайлович, на ваш взгляд, как всё-таки противостоять коррупции с максимальной эффективностью?

- Резюмируя сказанное, хочется вновь обратить внимание на преимущественно междисциплинарный и межотраслевой, а также сравнительный подходы, следуя которым удастся выйти на новые горизонты понимания коррупции в нашем обществе и найти эффективные способы противодействия ей.

Но в принципе это противодействие не коррупции, а решение тех институциональных, социокультурных, управленческих проблем, существование которых порождает коррупционную в традиционном понимании деятельность и способствует её укоренению. И в то же время распознавание новых видов коммерческой (бизнес-) деятельности, которая порождена современным обществом, и оформление нового нормативного поля, дабы не мешать, а способствовать развитию.

Этот вопрос должны решать сообща и политики, и ученые, и юристы.

6.14. ЖУРНАЛ «ДОНСКОЙ РЕГИОН». 2018. ИЮНЬ (11)

Год назад в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) по решению учёного совета был учреждён Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации. Институт возглавил известный российский учёный, доктор политических наук, профессор, академик Академии политической науки, Академии социальных технологий и местного самоуправления Александр Старостин. Его перу принадлежат десятки монографий, статей в престижных научных изданиях, он участник международных конференций, конгрессов, симпозиумов. Сегодня А.М. Старостин – гость журнала «Донской регион».

– Александр Михайлович, какова основная цель создания вашего института?

– Прежде всего, разработка новых научных представлений о современной глобализации и выработка, соответственно, новых методик научно-экспертной работы, в первую очередь, на уровне нашего региона. Это позволит составить системные представления о проекции глобализации на экономические, политические, информационные процессы в регионе, подготовить обоснованные прогнозы действий и рекомендации по парированию угроз и рисков глобализации (по-научному это звучит как «глобальная и глокальная данджерология»). Актуальные вопросы первостепенной важности.

Их значение одним из первых оценил ректор РГЭУ (РИНХ), профессор Адам Умарович Альбеков, человек современно мыслящий, креативный. Напомню, что ещё в 90-е годы он читал лекции в США, которые вызывали там огромный резонанс. Да и на родине его яркие идеи находили воплощение. Так, РИНХ первым на Юге России открыл факультет коммерции и маркетинга, который возглавил Адам Умарович, первым на Юге России создал Центр профподготовки, переподготовки и повышения квалификации работников торговли. РГЭУ (РИНХ) во многом благодаря энергии и таланту

руководителя стал организатором ряда международных конференций, круглых столов с участием авторитетных экспертов, учёных с именами.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что профессор Альбеков, идеи которого не только идут в ногу со временем, но зачастую опережают его, пригласил меня для работы в университете и дал поручение, реализация которого носит стратегический характер. И не только для конкретного вуза. Всё гораздо масштабнее.

По мере наработки знаний, получения новой информации появляется возможность включить их в действующие образовательные программы, а также создать новые программы, открыть новые специальности и направления профессиональной подготовки. Например, «глобальная когнитивная аналитика», «кросс-культурный менеджмент и маркетинг», «политико-экономическая глобалистика» и другие. В сегодняшнем мире это очень перспективные направления.

– Какая концепция легла в основу деятельности нового института?

– Её основную идею мы сформулировали ещё до того, как были приняты оргрешения. Условно её можно назвать концепцией «альтернативных моделей глобализации», поскольку в ней отражаются конкуренция и даже столкновение разных концептуальных и практически-управленческих подходов к глобализации. К тому же они эволюционируют и меняются в соответствии с доминирующими векторами развития.

Наша концепция вытекает из основных подходов исследовательской авторской программы «Прикладная философия как философская инноватика». Авторское свидетельство, оформленное на моё имя, зафиксировало эксклюзивность данной программы. Пять лет назад в Ростове-на-Дону нами был проведён международный симпозиум «Философская инноватика и глобальные проблемы современного общества». Издан одноимённый сборник научных трудов. Эти разработки и легли в основу концепции и организационных действий по созданию института.

Кстати, за последние десять лет подготовлено более 20 таких исследовательских кейсов! На основе результатов каждого из них может быть создано научно-исследовательское подразделение.

– О проблемах глобализации сегодня пишут очень много. В чём новизна вашего взгляда?

– В практике развития глобальных процессов в последние годы обозначились серьезные разрывы, турбулентные проявления, значительная нестабильность. Прежде всего, это коснулось экономических и политических институтов, обеспечивающих глобализацию. Наметились тенденции к плюрализации (многополярности) экономического и политического глобального влияния и управления. В осмыслении процессов глобализации появились совершенно иные подходы и термины: «деглобализация», «суверенная глобализация», «инклюзивная глобализация», «глобальная перестройка» ...

Как уже было сказано, мы выдвинули концепцию «альтернативных моделей глобализации». Она предполагает изучение глубинных причин и оснований, которые породили некий переходный процесс в глобализации. Эти причины можно выявить только на основе междисциплинарных подходов и в итоге сформировать целостный образ глобализации.

По нашему мнению, имеют место три модели глобализации:

- секторная (экономическая, политическая, экологическая экстраполяция наблюдаемых процессов);
- представление глобализации как антропологической революции, кардинально меняющей основы бытия, прежде всего, массового социального слоя;
- и, наконец, глобально-эволюционная модель. В ней просматривается переход от планетарной – к космической цивилизации.

Приоритетна для нас вторая модель – антропологической революции. Именно в этой проекции и сосредоточены усилия в теоретической разработке и выявлении основных индикаторов глобальных изменений.

– Что требуется для апробации новой концепции?

– Прежде всего, необходимо обозначить индикаторы глобальных изменений, результаты которых нацелены не на «золотой миллиард» человечества, а на массовый слой; проследить направленность и темпы наблюдаемых изменений в разных цивилизационных регионах. Особо это касается России – не только как крупного государства, но и одного из цивилизационных центров современного мира. Материал для такой привязки будет накоплен в научно-экспертных исследованиях в южнороссийском регионе.

Здесь в немалой степени уже обозначились как степень включенности экономики, геополитики, экологии в глобальные процессы и их специфика (процесс глокализации); так и механизмы торможения, реальные угрозы и риски национальной безопасности со стороны глобальных процессов (глобальная и глокальная данджерология).

– Что самое интересное в теоретическом и прикладном направлениях уже сделано?

– В концептуальном плане – апробация идей на научных конференциях и в научных изданиях. В декабре 2017 года в РГЭУ (РИНХ) проведена научная конференция с международным участием по глобалистике, издана коллективная монография «Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики». Только что я передал в издательство свою личную монографию «Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация». За год мы приняли участие более чем в 20 международных и всероссийских конференциях.

А вот в прикладном плане сформирован пакет наиболее важных тем из двух десятков приоритетных направлений научно-экспертных исследований.

Рассчитываем получить конкретные заказы и гранты для развертывания так называемых «полевых исследований» и соответствующих программ.

Очень важно, что мы подписали соглашение с кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова и открыли в РГЭУ (РИНХ) сетевую кафедру ЮНЕСКО. Теперь у нас есть возможность в ближайшей перспективе совместно с рядом кафедр РГЭУ (РИНХ) открыть специальность «Международные отношения».

Мы также подписали соглашение с М.Г. Делягиным, научным руководителем Института проблем глобализации (Москва), и открываем у нас его авторскую школу.

– Каков научный потенциал кадров нового института? Кто привлечён к работе?

– Вы знаете, наш институт является не академическим, а в общем-то научно-экспертным подразделением РГЭУ (РИНХ), работающим на хозяйственной основе. Наш коллектив немногочисленный. Заработаем больше средств за счёт своей деятельности – институт будет расширяться. Но главное то, что мы опираемся на научно-экспертное сообщество. В его составе известные на Юге России экономисты, философы, политологи.

Мы взаимодействуем с ЮНЦ РАН, ЮФУ, МГУ, ДГТУ, ВГТУ. Практически все, заинтересованные в глобалистике учёные, взаимодействуют с нами.

– Ваш институт с первых дней существования привлёк внимание крупных учёных из ведущих вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Как вы считаете, чем это вызвано?

– Прежде всего, тем, что на Юге России впервые организован НИИ по глобальной проблематике и появился перспективный партнёр в регионе, который максимально приближен к узлам острых геополитических противодействий.

– Есть ли аналоги вашему институту в европейских странах и в США?

– Можно сказать, что научно-экспертное обеспечение политического и экономического управления – очень важное и модное направление. На Западе более 5000 так называемых «мозговых центров».

Большинство так или иначе задействовано в глобальной тематике. В России таких центров тоже немало. В Москве, Санкт-Петербурге их десятки. Самые крупные центры мирового уровня по глобалистике у нас – это факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, наш партнёр, и Институт мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО).

– Недавно в стенах вашего института прошла конференция под эгидой ЮНЕСКО. Какие наиболее интересные проблемы она осветила?

– Да, это была конференция по глобалистике, состоявшаяся в декабре прошлого года, о которой я уже говорил. В ней приняли участие более 80 учёных из 25 вузов, научных организаций, включая 5 зарубежных.

Обсуждались интересные темы и сюжеты, связанные с глобализацией: проблема глобальных альтернатив развития, проблема человека, философия безопасности и другие.

– Александр Михайлович, вы ведь не только известный политолог, но и кандидат философских наук. Долгое время успешно занимались темой космоса. Изучили практически все труды Циолковского, во всяком случае, те, что без грифа «секретно». Сегодня в пространстве института, которое открывает множество возможностей, вы планируете подключить к темам разработок и темы космоса, которые более чем актуальны для нашей страны?

– У нас в арсенале представлений одна из моделей связана с выходом в околосолнечное пространство. Долгое время считалось, что серьёзный спад в космической деятельности в 80-е, 90-е годы и почти весь период с начала XXI века был обусловлен высокой затратностью этой деятельности и отключением фактора конкуренции СССР и США. Сейчас основная проблема видится как обозначившаяся технико-технологическая недостаточность (уровень развития ракетно-космической техники). В ближайшие годы этот разрыв скорее всего будет преодолен. И мы, если прибегнуть к аналогии, в «космическом плавании» переходим от плотов и парусников к эпохе кораблей с паровыми двигателями. В космической технике роль парового двигателя будут выполнять компактные ядерные реакторы и ещё кое-какие новшества. Вот тогда и может быть сделан новый космический рывок.

– Ваше главное пожелание своим коллегам, которые сейчас вместе с вами выступают буквально в роли первопроходцев в области темы глобализации?

– Главное пожелание в таких проблемных областях, где задействовано уже множество моделей, острых столкновений интересов, – это помнить известное предупреждение Ницше: «Когда смотришь в бездну, не забывай о том, что и бездна смотрит в тебя». Нужна новая философия глобального мира. Об этом чётко сказали основатели Римского клуба в своем докладе в конце 2017 года. Мы с ними полностью согласны. Разработка такой философии – один из наших приоритетов.

Эмилия Слюсарева

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая в нашей новой монографии «Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении» изложение обновленной версии «Прикладной философии как философской инноватики» и ряд новых сюжетов, мы хотели бы подчеркнуть то обстоятельство, что стремление к единству созерцательного и инструментального, текста и контекста в философии, позволяет достигнуть многого. И, прежде всего, реализовать намерение: перевести проделанную работу по когнитивному, мировоззренческому, деятельностному анализу, исследованию ряда сфер современного научного, духовно-практического, управленческого действия, проделанную автором в течение нескольких последних лет, в плоскость **изучения основ**, алгоритмов таких междисциплинарных, синтетических, рефлексивных подходов. Попытаться научить им не на основе описания, а на деятельностных прототипах, образцах. Это и будет путь в большую, фундаментальную философию – через философскую инноватику, прикладную философию, философскую альтернативистику и диатропику. С нашей точки зрения, – это очень сложный, нагруженный, напряженный, но реальный **путь** к философствованию, как умению решать философские проблемы и, – как умению их ставить. Здесь мы скорее очень близко подходим к любопытной постановке Мартином Хайдеггером вопроса: «Что это такое – философия?»⁸⁸¹ Именно сначала постановки: как поиска **пути** к ответу: «Разговор будет тем самым выведен на некий путь. Я говорю **некий** путь. Этим мы допускаем, что **этот путь не является, конечно, единственным** (выделено мною – А.С.)»⁸⁸² И что же, по М. Хайдеггеру, в конце пути? «Мы познакоимся с ней и научимся знать, что это такое – философия, только когда мы испытаем, каким способом **есть** философия. Она есть в мелодии соответствия, которое настраивается на голос бытия сущего»⁸⁸³.

Чуть яснее, но примерно в том же духе определяет, что такое философия и кто такой философ известный отечественный философ Н.В. Мотрошилова. Это определение было дано в одном из ее выступлений на телевидении в конце Перестройки и его привел в своих лекциях наш известный

⁸⁸¹ Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Философия философии. Тексты философии. – М.: Академ. проект, 2012. С. 15.

⁸⁸² Там же. С. 15.

⁸⁸³ Там же. С. 26.

методолог Г.П. Щедровицкий: «Философ – это тот, кто прислушивается к жизни, ухватывает ее основные интенции и тенденции и переводит их в форму речевого описания»⁸⁸⁴.

Автору также близка и позиция самого Г.П. Щедровицкого, который реальный *путь* в философию и в методологию видел в *проживании* методологического действия, поиска. И такой структурой, обеспечивающей проживание пути были его организационно-деятельностные игры и семинары ММК.

В нашем понимании *пути* – это движение через философскую инноватику и альтернативистику в контексте системного понимания философской деятельности. Системная модель философии – это контекст, который был изложен в I – II разделах нашего издания. А сама философская инноватика и альтернативистика – это текст III, IV и V разделов, которые каждый волен продолжить и дополнить и, приобретя *опыт философского пути*, внести свои коррективы или дать в итоге и свою интерпретацию системы философии.

Мы здесь невольно вступаем на почву Дао. Даже скорее некоторой стихийной конвергенции западного понимания истины вкупе с методом его постижения и китайского двуединого учения об Истине-Пути. Уместно закончить тем очень образным примером, который приводит по данному поводу известный отечественный философ и переводчик Е.А. Торчинов: «Один из крупнейших философов Китая XX в. Фэн Ю-лань (1895-1990) в своей книге «Краткая история китайской философии» приводит такой анекдот, очень хорошо проясняющий «методологическую» направленность традиционной китайской мысли, ее приверженность не столько результату, сколько методу, тому золотому ключику, который отворяет дверь к искомому результату. Вот этот анекдот.

Некий дровосек встретил в горах даосского бессмертного и разговорился с ним. Бессмертный, которому дровосек понравился, пообещал ему исполнить любое его желание. Дровосек попросил золота. Бессмертный коснулся пальцем огромного валуна, и тот немедленно превратился в золотой слиток. Увидев, что дровосек как-то странно смотрит на слиток и не берет его, бессмертный осведомился, не слишком ли мало он дал золота. На это дровосек ответил: «Я передумал, мне больше не нужно золота. Мне нужен твой палец!» Вот *Дао* как раз и есть тот универсальный «палец», благодаря которому можно обрести... *Дао*»⁸⁸⁵.

Итак, в добрый ПУТЬ.

⁸⁸⁴ Щедровицкий Г.П. Лекции в театре-студии «На досках». С. 134 (Щедровицкий Г.П. ММК: развитие идей и подходов. Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 8. Вып. 1. М., 2004)

⁸⁸⁵ Торчинов Е.А. Путь золота и киновари. Даосские практики в исследованиях и переводах. – СПб.: Изд-во «Пальмира», 2017. С. 8.

РАЗДЕЛ VII

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Монографические издания

1. Старостин А.М. Исследовательская философия. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
2. Философия образования в глобальном и национальном измерении. Кол. монография. Науч. ред. Альбеков А.У., Старостин А.М. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
3. Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
4. Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Кол. монография (науч. ред. Альбеков А.У., Матишов Г.Г., Старостин А.М.). – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
5. Старостин А.М., Самыгин С.И., Губарев П.Ю. Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве. Кол. моногр. – М.: Изд-во РУСАЙНС, 2017.
6. Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Проблемы операционализации и интерпретации междисциплинарного знания в контексте современной прикладной философии. Кол. моногр. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.
7. Старостин А.М., Швец Л.Г. Актуальные проблемы политической науки в контексте политической философии. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
8. Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
9. Старостин А.М., Атоян Ш.М. Политические режимы и властная миссия государства. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
10. Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. – 36 п.л.
11. Starostin A., Ponedelkov A., Zmijak S. и др. Kaukaz Północny: elity władzy i życie polityczne. Т. 9. Warszawa, 2014.
12. Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. – М.: URSS, 2012. – 23 п.л.

13. Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012. – 15,5 п.л.
14. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. – Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 5 п.л.
15. Старостин А.М., Понеделков А.В. и др. Инновационный аспект в развитии местного самоуправления в современной России. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011. – 3 п.л.
16. Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011. – 19 п.л.
17. Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. Lambert Academic Publishing (ФРГ), 2011. – 17 п.л.
18. Старостин А.М., Золотухина-Аболина Е.В., Чемерисова Н.В., Ерохин Н.Е. Русский космизм в образно-художественном измерении. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011. – 10,5 п.л.
19. Старостин А.М., Понеделков А.В., Лысенко В.Д. и др. Местное самоуправление в России и Германии: история и современность. – Ростов н/Д: СКАГС, 2010. – 10 п.л.
20. Старостин А.М., Понеделков А.В., Горбунов В.Г. и др. Элиты России: взгляд из регионов. – Сыктывкар, 2009. – 11 п.л.
21. Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – 35 п.л.
22. Старостин А.М. и др. Социальное управление: вопросы теории и методологии. Кол. монография. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – 10 п.л. (авт. – 2 п.л.)
23. Старостин А.М., Понеделков А.В. и др. Государственная кадровая политика и формирование резерва кадров на государственной гражданской службе. Кол. монография. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – 13,5 п.л. (авт. – 5 п.л.)
24. Старостин А.М., Понеделков А.В. Российские элитологи об элитах. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2008. – 9 п.л.
25. Старостин А.М. и др. Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. Кол. монография (ответ. редактор, авторские разделы – 3 п.л.). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2008. – 22 п.л.
26. Старостин А.М. и др. Элитологические исследования. Проблемы рекрутирования и функционирования элит в современной России. Ежегодник 2006. Кол. монография. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 14,6 п.л.
27. Старостин А.М. и др. Персонал государственной и муниципальной службы: управленческий и поведенческий аспекты. Кол. монограф. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 12 п.л.

28. Старостин А.М., Понеделков А.В. Элитологи об элитах. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 7 п.л.
29. Старостин А.М. и др. Образовательная и кадровая политика как факторы формирования элиты (отечественный и зарубежный опыт). Кол. монография. (гл. 3, 4). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 11,4 п.л.
30. Старостин А.М. и др. Государственный аппарат и политические реформы в современной России. Колл. монография. (Гл. 2, 4, 5, 7). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. – 19 п.л.
31. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Региональный государственный аппарат и политические реформы в оценках и мнениях (на материале регионов ЮФО). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. – 7 п.л.
32. Старостин А.М., Игнатов В.Г. и др. Государственный аппарат и политические реформы в России и Германии. Информационно-справочные материалы междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. – 7 п.л.
33. Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. – 30 п.л.
34. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Конфликтологические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. – 5 п.л.
35. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Социально-политические технологии в системе государственного управления современной России. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2005. – 19 п.л. (разделы 1, 3, 8, авторских – 3,5 п.л.)
36. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Политическая регионалистика. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2004. – 17,5 п.л. (разделы 6, 10, авторских – 3 п.л.)
37. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Государственная служба современной России: проблемы реформирования и эффективного функционирования. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – 13,0 п.л. (разделы 1, 2, 3, 4, 5)
38. Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – 23,0 п.л.
39. Старостин А.М., Игнатова Т.В. и др. Профессиональная занятость выпускников вузов и региональная кадровая политика / Под ред. Игнатова В.Г., Ткаченко Л.П. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2002. – 12 п.л.
40. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Акульчев А.А. и др. Кадровая составляющая в системе взаимодействия уровней власти и проблемы повышения эффективности использования кадрового потенциала. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2002. – 10,6 п.л.

41. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Профессионализм административно-политических элит (философско-социологический и акмеологический подходы). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2002. – 26,5 п.л.
42. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Вертикаль власти: проблемы укрепления российской государственности в современных условиях. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2001. – 17,25 п.л.
43. Старостин А.М., Акопов Л.В., Беклемищев Е.П. и др. Факторы эффективности функционирования федеральных органов власти в регионе (на опыте Южного федерального округа). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2001. – 8,6 п.л.
44. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Современная государственная кадровая политика и ее реализация на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2000. – 9,0 п.л.
45. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Государственная и муниципальная кадровая политика Республики Адыгея в современных условиях. Майкоп–Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. – 15,0 п.л.
46. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Государственная власть и местное самоуправление: эффективность и ответственность (на примере Северо-Кавказского региона). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1998. – 9,0 п.л.
47. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Современная государственная кадровая политика и эффективность управления. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1998. – 7,0 п.л.
48. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа) / Отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1997. – 8,2 п.л.
49. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Профессионализм в системе государственной службы / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1997. – 16,0 п.л.
50. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Государственный служащий современной России (социально-политический анализ деятельности и ценностных ориентаций) / Отв. ред. В.А. Кулинченко. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1997. – 17,0 п.л.
51. Старостин А.М. Образы космоса в культуре. Ростов н/Д, 1994. – 8,0 п.л. (рукописная).
52. Старостин А.М. Актуальные мировоззренческие вопросы астрономии и космических исследований. Ростов н/Д: Изд-во РГПИ, 1991. – 6 п.л.
53. Старостин А.М. Гносеологический и социальный аспекты анализа космических исследований. Ростов н/Д, 1978. – 6 п.л. (рукописная).

**Научные сборники, подготовленные
под руководством проф. А.М. Старостина**

1. Цивилизационная парадигма в философии. Сб. научных трудов (Науч. ред. и автор А.М. Старостин). – Ростов н/Д.: Ид-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
2. Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник – 2015. (Науч. ред. и автор А.М. Старостин). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
3. Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики. – Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2014.
4. Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Компаративное измерение философской инноватики. – Ростов н/Д: Дониздат, 2014.
5. Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник 2012. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.
6. Старостин А.М. (науч. ред. и автор). Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.
7. Философия элитологии. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.
8. Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
9. Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
10. Философская инноватика и глобальные проблемы современного общества. – Ростов н/Д: СКАГС, 2012.
11. Философская инноватика и русский космизм. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011.
12. Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник 2011. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
13. Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современной конфликтологии. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
14. Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
15. Философская инноватика и современная геополитика. – Ростов н/Д: СКАГС, 2010.
16. Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России. – Ростов н/Д: СКАГС, 2010.
17. Философия и наука. Проблемы развития и преподавания. – Ростов н/Д: СКАГС, 2009.
18. Русская философия и российская государственность. – Ростов н/Д: СКАГС, 2009.

по проекту «Ростовская философская школа»

19. Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Женское лицо философии (науч. ред. и автор А.М. Старостин). – Ростов н/Д.: Дониздат, 2016.

20. Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Взгляд из 2014 г. (науч. ред. и автор А.М. Старостин). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

21. Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Взгляд из 2013 г. (науч. ред. и автор А.М. Старостин). – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

22. Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра (науч. ред. и автор А.М. Старостин). – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

Учебники, учебные пособия

1. Старостин А.М., Ашин Г.К., Понеделков А.В., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Уч. пос. (4-е издание). – М.: Издат. группа URSS, 2018.

2. Философия и история науки. Уч. пос. (2-е изд.) (Отв. ред. и автор А.М. Старостин). – Ростов н/Д.–М.: Академия-пресс, 2016.

3. Старостин А.М., Ашин Г.К., Понеделков А.В., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Уч. пос. с грифом НМС Минобрнауки РФ. 2-е изд. – М.: URSS, 2014. – 32 п.л.

4. Старостин А.М., Денисенко И.Ф., Понеделков А.В., Швец Л.Г. Философия и история политической науки. Уч. пос. – Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2014. – 33 п.л.

5. Старостин А.М., Денисенко И.Ф., Понеделков А.В. История политических учений. Уч. пос. с грифом НМС Минобрнауки РФ. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. – 24 п.л.

6. Старостин А.М., Ашин Г.К., Понеделков А.В., Ашин Г.К. Основы политической элитологии. Уч. пос. с грифом НМС Минобрнауки. – М.: URSS, 2013. – 31,5 п.л.

7. Элитология Энциклопедический словарь (кол. авт. с участием А.М. Старостина. – авт. 30 статей). – М.: Изд-во Эконом-реформ, 2013. – 77,5 п.л.

8. Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В., Понеделков А.В. Основы политологии. Уч. пос. с грифом НМС Минобрнауки. – М.-Ростов н/Д.: Феникс, 2012. – 32 п.л.

9. Старостин А.М. (отв. ред и автор) и кол. авторов. Концепции современного естествознания. Уч. пос. – Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 38 п.л.

10. Старостин А.М. (отв. ред. и автор) и кол. авторов. Философия. Уч. пос. – Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2012. – 43 п.л.

11. Старостин А.М. (отв. ред. и автор) и кол. авторов. Философия и методология гуманитарных наук. Уч. пос. – М.: «Перо», 2012. – 22 п.л.
12. Старостин А.М., Самыгин С.И., Тумайкин И.В. Концепции современного естествознания. Уч. пос. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 10,5 п.л.
13. Старостин А.М., Самыгин С.И., Тумайкин И.В. История философии для студентов вузов. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. – 12 п.л.
14. Старостин А.М., Марченко А.И., Сидоренко И.Н. и др. Резерв управленческих кадров: проблемы формирования, подготовки, продвижения. Уч. пос. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2009. – 18 п.л.
15. Старостин А.М. и др. Философия науки. Уч. пос. Ростов н/Д: Академия-пресс, 2009. – 20 п.л. (авторские 3 гл. – 2 п.л.)
16. Старостин А.М. и др. Философия. Вопросы, ответы, схемы. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2008. – 31 п.л. (авторские – 1,5 п.л.)
17. Старостин А.М. и др. История политических и правовых учений. 100 вопросов и ответов. 6 очерков. М.–Ростов н/Д, 2007. – 12 п.л. (авторские – 1,5 п.л.)
18. Старостин А.М. и др. Концепции современного естествознания. Уч. пос. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издат. центр «МарТ», 2007. – 15 п.л. (авторские 3 гл. – 4 п.л.)
19. Старостин А.М. и др. Философия. Уч. пос. (серия «Шпаргалки для студентов вузов»). Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 10 п.л.
20. Старостин А.М. и др. Философия. Вопросы, ответы, схемы. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 31 п.л. (авторские – 1,5 п.л.)
21. Старостин А.М. и др. Философия науки. Вопросы и ответы. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 25 п.л. (авторские – 3 главы – 2 п.л.)
22. Старостин А.М., Понеделков А.В., Самыгин С.И. и др. Основы политологии. Учебник. М.–Ростов н/Д: Издат. центр «МарТ», 2007. – 18 п.л.
23. Старостин А.М. и др. Концепции современного естествознания. Уч. пос. (серия «Шпаргалки для студентов вузов»). Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 10 п.л.
24. Старостин А.М., Белолипецкий В.К., Стрюковский В.И. и др. Основы философии. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2005. – 26 п.л.
25. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. Политический менеджмент. Учебник. М., 2004 (гл. 3 § 4 – 1,5 п.л.)
26. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Государственная гражданская служба. Учебник. М.–Ростов н/Д: Издат. центр «МарТ», 2005. – 34 п.л. (гл. 10, 11, 14, 16, 17, 18, авторских – 11 п.л.)
27. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Кадровая политика в государственной и муниципальной службе современной России. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2005. – 20 п.л. (гл. 2, 4, 8-11, авторских – 14 п.л.)

28. Старостин А.М., Кутырев Н.П., Понеделков А.В. и др. Технологии избирательных кампаний. Уч. пос. М.-Ростов н/Д.: Издат. центр «Март», 2004. – 18 п.л. (авторских – 1,5 п.л.)
29. Старостин А.М., Агапонов А.К., Понеделков А.В. и др. Государственная кадровая политика в вопросах и ответах. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2004. – 22 п.л.
30. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Государственная служба. Учебник. М.: Март, 2003. – 32 п.л. (гл. 10, 11, 14, 16, 17, 18, авторских – 7 п.л.)
31. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Муниципальная кадровая политика: проблемы организации и опыт профессионального развития служащих. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – 8,5 п.л.
32. История России в вопросах и ответах / Сост. Кислицын С.А. Уч. пос. Ростов н/Д: Феникс, 2002. Изд. 3-е. – 40,0 п.л. Старостин А.М., Кислицын С.А., Кутырев Н.П. и др. (раздел). – 1,0 п.л.
33. Социальное управление: региональный уровень / Уч. пос. под грифом СКАГС. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2002. – 23,5 п.л. Старостин А.М., Понеделков А.В. Региональные административно-политические элиты как субъект социального управления (глава). – 2,0 п.л.; Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. Эффективность регионального социального управления: критерии, условия, основные составляющие (глава). – 1,2 п.л.
34. Регионоведение / Отв. ред. проф. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 15 п.л. Старостин А.М., Понеделков А.В. Региональные политические элиты (Разд. 3 §7). – 0,5 п.л.
35. Политология / Уч. пос. с грифом МО РФ. М.: Изд-во РАГС, 2002. – 32,5 п.л. Старостин А.М., Понеделков А.В. Региональные политические элиты (глава). 1,7 п.л.; Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. Эффективность политического управления (глава). – 1,3 п.л.
36. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Кислицын С.А. и др. Взаимодействие элит в социально-политическом пространстве современной России. Уч. пос. Ростов н/Д: СКАГС, 2001. – 22,0 п.л.
37. Старостин А.М., Агапонов А.К., Беклемищев Е.П. и др. Государственная кадровая политика и технологии ее реализации (на опыте Северо-Кавказского региона). Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2001. – 20,5 п.л.
38. Концепции современного естествознания. Ростов н/Д: РГСУ, 2000. (2-е изд.). Старостин А.М. Основные концепции и современные проблемы астрономии. – 0,4 п.л.
39. Старостин А.М., Таранцов В.П. Проблемы национальной безопасности современной России. М.: РАГС, 1999. – 5,0 п.л.
40. Старостин А.М., Ашин Г.К., Игнатов В.Г. и др. Основы политической элитологии: Уч. пос. с грифом МО и ПО РФ. М.: ПРИОР, 1999. – 19,0 п.л.

41. Российская историческая политология / Отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 32,0 п.л. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. Современная административно-политическая элита России (лекция). – 1,0 п.л.

42. Старостин А.М., Понеделков А.В. Введение в политическую элитологию. Уч. пос. (спецкурс). Ростов н/Д: СКАГС, ИППК гуманит. и социальн. наук при РГУ, 1998. – 8,0 п.л.

43. Государственная служба: теория и организация / Курс лекций. Под ред. Охотского Е.В. и Игнатова В.Г. Уч. пос. с грифом МО и ПО РФ. Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 40,0 п.л. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. Эффективность государственной службы (глава). – 1 п.л.

44. Современные концепции естествознания. Ростов н/Д: РГСУ, 1999. Старостин А.М. Проблемы астрономии и освоения космоса (раздел). – 0,4 п.л.

45. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Региональные особенности местного управления и самоуправления. Научно-практ. пос. Ростов н/Д, 1996. – 12,5 п.л.

46. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Региональная государственная служба: проблемы, опыт, социологический анализ. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1996. – 12 п.л.

47. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Понеделков А.В. и др. Теория и история административно-политических элит России. Уч. пос. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1996. – 9,2 п.л.

48. Старостин А.М., Игнатов В.Г. и др. Экономика и политика в вопросах и ответах. Вып. 2. Ростов н/Д, 1986. – 8 п.л.

49. Старостин А.М., Игнатов В.Г. и др. Экономика и политика в вопросах и ответах. Вып. 1. Ростов н/Д, 1985. – 8 п.л.

***Научные статьи по проблемам философской инноватики,
опубликованные проф. А.М. Старостиным***

1. Старостин А.М. Фундаментальная философия и философская инноватика // Философия и наука: проблемы развития и преподавания. Ростов н/Д., 2009.

2. Старостин А.М., Швец Л.Г. Философия социального управления как сфера философской инноватики // Философия и наука: проблемы развития и преподавания. Ростов н/Д., 2009.

3. Старостин А.М. Ю.А. Жданов и философская инноватика // Ю.А. Жданов и его вклад в фундаментальную науку и в развитие научного потенциала Северо-Кавказского региона. Ростов н/Д., 2009.

4. Старостин А.М. Цивилизационная идентичность как потенциал русской философии // Русская философия и российская государственность. Ростов н/Д., 2009.

5. Старостин А.М. «Вехи» и проблемы поиска цивилизационной идентичности России // «Вехи»: философский спор о путях развития России. М., 2010.
6. Старостин А.М. Философская инноватика и проблемы теории местного самоуправления // Местное самоуправление в России и Германии: история и современность. Ростов н/Д, 2010.
7. Старостин А.М. Э.В. Ильенков и философская инноватика // Ильенковские чтения – 2010. Киев, 2010.
8. Старостин А.М. Философская инноватика и проблемы геополитики // Философская инноватика и междисциплинарные проблемы геополитики на Юге России. Ростов н/Д, 2010.
9. Старостин А.М. Фундаментальная философия и философская инноватика / «Логика, методология, науковедение: актуальные проблемы и перспективы». – Ростов н/Д: ЮФУ, 2010.
10. Старостин А.М. Философские инновации в системе философской деятельности / «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России». – Ростов н/Д: СКАГС, 2010.
11. Старостин А.М. Философская инноватика и современные проблемы государственной власти и управления / «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России». – Ростов н/Д: СКАГС, 2010.
12. Старостин А.М. Ю.А. Жданов и инновационные проблемы геополитики Юга России / «Ю.А. Жданов: вклад в разработку методологических проблем научного творчества и развитие инновационной деятельности в Южно-Российском регионе». – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2010.
13. Старостин А.М. Ю.А. Жданов и философские проблемы образования / «Университеты Юга России: история и современность». – Ростов н/Д: ЮФУ, 2011.
14. Старостин А.М. Русский космизм как область философской инноватики / «Философская инноватика и русский космизм». – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
15. Старостин А.М. Философские инновации как аспект философской деятельности / «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения». Ежегодник 2011. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
16. Старостин А.М. Философско-инновационный дискурс как интенции русской философии / «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения». Ежегодник 2011. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
17. Старостин А.М. Проблемы инновационного развития современной России в эпитологическом измерении / «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения». Ежегодник 2011. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.

18. Старостин А.М. Современные проблемы государственной власти и управления в контексте философской инноватики / «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения». Ежегодник 2011. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.

19. Старостин А.М. Философская инноватика и проблемы междисциплинарного синтеза в современной геополитике / «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения». Ежегодник 2011. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.

20. Старостин А.М., Швец Л.Г. Проблемы социального управления в контексте философской инноватики / «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения». Ежегодник 2011. – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.

21. Старостин А.М. Русская философия в контексте философской инноватики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 4.

22. Старостин А.М. Современная философская деятельность в системе социально-гуманитарной инноватики // Научная мысль Кавказа. 2011. № 4.

23. Старостин А.М. Аристотель и генезис базисных философских дискурсов // В сб. «Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные гуманитарные науки»: Мат-лы Всероссийской научной конференции. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2011.

24. Старостин А.М. Политологические инновации: позиции власти и научного сообщества / «Российские политики в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг.». Мат-лы Всероссийской научной конференции. М., 2011.

25. Старостин А.М. Проблемы межпарадигмального и междисциплинарного синтеза в современной конфликтологии / «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современной конфликтологии». – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.

26. Старостин А.М. Научно-образовательные инновации и идолы антисциентизма // В сб. «Ю.А. Жданов о ценностях науки и образования». – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2011.

27. Старостин А.М., Швец Л.Г. Новое понимание субъектности в контексте философской инноватики // В сб. «Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях». – Ростов н/Д: СКАГС, 2011.

28. Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления // Государственная служба. 2012. № 5.

29. Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления (окончание) // Государственная служба. 2012. № 6.

30. Старостин А.М. Современная глобалистика в контексте философской инноватики // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4.

31. Старостин А.М., Швец Л.Г. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами // Социум и власть. 2012. № 6.

32. Старостин А.М. Модели образования в философии образования // Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования. – Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.

33. Старостин А.М. Философская инноватика как модель современной прагматики // Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. – М.-Ростов н/Д.-Н. Новгород: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.
34. Старостин А.М. Современная философская инноватика в системе социально-гуманитарной инноватики // Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Т. 3. М.-Н. Новгород, 2012.
35. Старостин А.М. М.К. Петров и философская инноватика // Историко-философские исследования М.К. Петрова в горизонте проблем современности (XXV Петровские чтения). – Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
36. Старостин А.М. Альтернативные модели глобализации в контексте философской инноватики // Философская инноватика и глобальные проблемы современного общества. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
37. Старостин А.М. Ю.А. Жданов и современные проблемы глобалистики // Ю.А. Жданов и проблемы системного моделирования – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2012.
38. Старостин А.М. Философская инноватика как новый вид дискурса в исследованиях ростовских философов // Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.
39. Старостин А.М., Швец Л.Г. Классическое и неклассическое (многомерное) понимание субъектности в контексте философской инноватики // Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. – М.-Н.Новгород-Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.
40. Старостин А.М. Философия местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3.
41. Старостин А.М. Политологические инновации в контексте философской инноватики // Конфликтология. 2013. № 3.
42. Старостин А.М. Философия элитологии: репрезентация нового направления философских исследований // Государственная служба. 2013. № 4.
43. Старостин А.М. Нужна ли наука в постиндустриальном обществе? // Государственная служба. 2013. № 5.
44. Старостин А.М., Швец Л.Г. Категории в классическом и постнеклассическом философском дискурсе // Философские проблемы социального, политического, экономического развития: реалии современности. К 100-летию со дня рождения А.М. Минасяна. Ростов н/Д., 2013.
45. Старостин А.М. Философско-инновационный аспект русского космизма // Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник 2012. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.
46. Старостин А.М. Механизмы межпарадигмального и междисциплинарного синтеза в современной конфликтологии // Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник 2012. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

47. Старостин А.М. Философская инноватика в модельном ряду современной философской прагматики // Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник 2012. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

48. Старостин А.М., Швец Л.Г. Классическая и неклассическая модель субъектности в контексте философской инноватики // Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник 2012. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

49. Старостин А.М. Модели образования в современной философии образования // Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник 2012. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

50. Старостин А.М. Альтернативные модели глобализации в зеркале философской инноватики // Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник 2012. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

51. Старостин А.М. Философская инноватика как вид философского дискурса // Философия как инновационный фактор науки и образования. Пермь, 2013.

52. Старостин А.М. Альтернативность концепций глобализации в контексте идей В.И. Вернадского // Идеи В.И. Вернадского и преодоление глобальных проблем человечества. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2013.

53. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели // Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

54. Старостин А.М. Проблемы и перспективы становления новой матрицы науки в контексте идей М.К. Петрова // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: идеи М.К. Петрова (XXVI Петровские чтения). – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

55. Старостин А.М. Политологические инновации в системе современноф социально-гуманитарной инноватики // IV Южно-Российский политологический конвент. – Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

56. Старостин А.М. Нужна ли наука в постиндустриальном обществе (о социальном сциентизме Ю.А. Жданова и современном социальном антисциентизме) // Повышение престижа региональной науки и усиление ее роли в социально-экономическом развитии (методы, стимулы, инструменты). Ростов н/Д., 2013.

57. Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г. Современная элитология: когнитивный дискурс // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4.

58. Старостин А.М. Когнитивная аналитика в системе государственного управления // Совершенствование системы государственной службы: концепции, опыт, модели. – Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2013.

59. Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в философии // Диалог культур в современном мире: проблемы, поиски, решения. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2014.

60. Старостин А.М. Когнитивная аналитика в системе государственного и корпоративного управления (к постановке проблемы) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1.
61. Старостин А.М. Когнитивная аналитика в исследованиях современных политических, экономических, социокультурных и управленческих процессов // Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Взгляд из 2013. – Ростов н/Д: Дониздат, 2014.
62. Старостин А.М. Философская инноватика как инструментарий междисциплинарного синтеза // Философские проблемы естествознания и технических наук. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2014.
63. Старостин А.М. Когнитология и когнитивная аналитика в социально-гуманитарных исследованиях: состояние и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 2.
64. Старостин А.М. Проблемы онаучивания современного российского общества: вниз по лестнице, ведущей вверх // Мат-лы XXVII Петровских чтений. Ростов н/Д., 2014.
65. Старостин А.М. Модели репрезентации философской инноватики в различных парадигмах фундаментальной философии // В сб. «Компаративное измерение философской инноватики». – Ростов н/Д: Дониздат, 2014.
66. Старостин А.М. Системно-компаративная репрезентация философской инноватики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 3.
67. Старостин А.М. Философия конфликтологии: статус направления научного поиска и базовые проблемы // Сб. трудов II Всерос. конгресса конфликтологов. СПб., 2014.
68. Старостин А.М. Концепт SOFT POWER в современной политической философии // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11. № 1.
69. Старостин А.М. Философия конфликтологии: статус направления научного поиска базовые проблемы // Конфликтология. 2014. № S (Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3–4 октября 2014 г.).
70. Старостин А.М. Философия политики: статус направления, решаемые задачи, перспективы исследований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4.
71. Старостин А.М. Философские проблемы социально-гуманитарных наук и инноваций // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник – 2015. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. (далее – источник кратко – Ежегодник–2015).
72. Старостин А.М. Философия элитологии как область прикладной философии // Ежегодник–2015.

73. Старостин А.М. Философско-инновационный дискурс в различных парадигмах фундаментальной философии // Ежегодник-2015.

74. Старостин А.М. Философия когнитологии как прикладная философия // Ежегодник-2015.

75. Старостин А.М. Философский опыт в цивилизационном контексте // Ежегодник-2015.

76. Старостин А.М., Атоян Ш.М., Понеделков А.В. Эффективность и сила государственной власти: цивилизационный регистр // Ежегодник-2015.

77. Старостин А.М. Мироззренческий опыт в системе социальной практики: цивилизационный контекст // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9.

78. Старостин А.М., Понеделков А.В., Атоян Ш.М. Трансформация регистров эффективности государства: от социально-экономической к цивилизационной // Власть. 2015. № 6.

79. Старостин А.М., Швец Л.Г., Понеделков А.В. Российский путь к политической устойчивости и сбалансированности // ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. № 1.

80. Старостин А.М. Новая «матрица науки» для информационного общества // В сб. трудов II Международной научной конференции «Философские проблемы естествознания и технических наук». – Ростов н/Д.–Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2016.

81. Старостин А.М. Русский космизм в контексте современной философской деятельности // Век глобализации. 2016. № 1–2 (17–18).

82. Старостин А.М. Идеи Ю.А. Жданова и современные проблемы глобальной экологии // В сб. материалов «Ю.А. Жданов и проблемы экологии». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2017.

83. Старостин А.М. Современная глобалистика на пути к междисциплинарности // В сб. материалов 2-й Всерос. научной конф. «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2017.

84. Старостин А.М. Альтернативные модели глобалистики и реалии современного глобального мира // В сб. материалов V Международного конгресса «Глобалистика, глобальная экология и устойчивое развитие». – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017.

85. Старостин А.М. Глобальная и локальная данджерология как междисциплинарное направление // В сб.: «Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований: опыт и проблемы». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017.

86. Старостин А.М. Проблема человека в современной глобалистике // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2017. № 2.

87. Старостин А.М. Современные исследования в глобалистике: поиск путей междисциплинарного синтеза // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88).

88. Старостин А.М., Альбеков А.У. Глобальная динамика современного мира в контексте смены парадигмы в глобалистике // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2017. № 3 (59).

89. Старостин А.М., Швец Л.Г. Философия безопасности в глобальном обществе в контексте современной прикладной философии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 6.

90. Старостин А.М. Философия безопасности в современных глобальных процессах // В сб. научных трудов V Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы глобальных исследований: ценности глобального мира». – М.: Изд-во МГУ, 2018.

91. Старостин А.М., Швец Л.Г. Факторы пространственной глокализации на Юге России // Сб. научных трудов XXVI Кондратьевских Чтений «Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее». – М.: Изд. Ин-т экономики РАН, 2018.

92. Старостин А.М. Философия высшего образования как инструмент междисциплинарного анализа и прогноза // В кол. моногр. «Философия образования в глобальном и национальном измерении». – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

93. Старостин А.М., Швец Л.Г. Философия образования в гендерном измерении // В кол. моногр. «Философия образования в глобальном и национальном измерении». – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

94. Старостин А.М. Философия в диатрибической и исследовательской проекции (на материале кейс-стади «Политическая философия») // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 10.

95. Старостин А.М. Смена парадигмы в современной глобалистике: социальные и когнитивные детерминанты // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (1).

96. Старостин А.М. Современная глобалистика: аскрептивный, дескриптивный, эссенциальный дискурсы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12.

**Список защищенных диссертаций на соискание ученой степени
доктора, кандидата политических наук под руководством
доктора политических наук, профессора А.М. Старостина**

Докторские диссертации

№ п/п	ФИО	Тема	Год
1.	Шустов В.Г.	Особенности муниципального реформирования в республиках Юга России в постсоветский период (политологический анализ)	2016
2.	Попова Е.А.	Долгосрочное развитие территорий современной России в условиях модернизации (политологический аспект)	2011
3.	Мишина Н.В.	Государственная политика России и механизмы взаимодействия ветвей власти в сфере управления развитием железнодорожного транспорта (политологический анализ)	2011
4.	Хубулури Е.И.	Маркетинговая модель организации государственной политики и управления социальной защитой населения современной России (политологический аспект)	2011
5.	Жуковский А.Г.	Современные парадигмы политологического исследования: модели взаимодействия	2011
6.	Литвиненко В.Т.	Политические процессы становления государственности Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в контексте обеспечения безопасности граждан России, проживающих в этих республиках	2010
7.	Кузина С.И.	Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире	2010
8.	Вольтер О.В.	Феномен российской государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность (политологический аспект)	2010

№ п/п	ФИО	Тема	Год
9.	Доманов В.Г.	Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России	2010
10.	Голубева Т.Г.	Модернизационный и цивилизационный подходы к местному самоуправлению в политической теории и политической практике: сравнительный анализ, пути синтеза	2010
11.	Зырянов С.Г.	Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ)	2008
12.	Чапурко Т.М.	Государственная политика современной России в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних	2008
13.	Васильев Ю.В.	Этнополитические конфликты на Юге России: возникновение и системообразующие механизмы разрешения	2006
14.	Иванников И.А.	Эффективность государственной власти в России: теоретико-политологический анализ	2006

Подготовлены к защите докторские диссертации:

Гаджиев М.М. Государственная национальная политика: базовые модели межнациональных отношений и политические технологии регулирования.

Жуковский Д.А. Цивилизационная парадигма в политической науке.

Кандидатские диссертации

№ п/п	ФИО	Тема	Год
1.	Карпова А.В.	Государственная семейно-демографическая политика в условиях российской модернизации	2016
2.	Сапрыкин М.Ю.	Политические аспекты внедрения систем геопозиционирования (на примере системы ГЛОНАСС)	2016
3.	Эдиев Р.А.	Государственная политика в области защиты интеллектуальной собственности (политологический аспект)	2016

№ п/п	ФИО	Тема	Год
4.	Мирзаджанян Н.А.	Государственная трудовая политика Российской Федерации (политологический анализ)	2016
5.	Печерская Е.В.	Политические механизмы дисфункциональных проявлений государственной власти и управления в ходе административных реформ в Российской Федерации	2015
6.	Коркмазов А.Р.	Эволюция политических взглядов Г.Х. Шахназарова	2015
7.	Попова В.Э.	Государственная политика по модернизации системы высшего образования в современной России	2015
8.	Алдошенко Е.В.	Модель интерфейса во взаимодействии власти и общества в современной России	2015
9.	Паунежева Г.Х.	Партийная идентичность в условиях переходных социально-политических периодов современной России	2014
10.	Семенов В.С.	Социально-политические условия воспроизводства угроз безопасности (на материалах Юга России)	2014
11.	Чубарова Н.Л.	Компетентностный подход в подготовке управленческих кадров (политологический аспект)	2013
12.	Топольян А.П.	Русская православная церковь в модернизационных процессах современной России (политологический анализ)	2013
13.	Казарян А.Н.	Государственная языковая политика в современной России как основа сохранения национальной идентичности в контексте мировых глобализационных процессов	2013
14.	Джигоева В.А.	Инновации в системе партийного строительства современной России (политологический анализ)	2013
15.	Атоян Ш.М.	Эффективность государственного управления в контексте властной миссии Российского государства	2013
16.	Криворотова Г.А.	Партисипативные отношения в современном политическом управлении	2011

№ п/п	ФИО	Тема	Год
17.	Крутько Л.С.	Конституентная модель политического лидерства	2011
18.	Кононенко А.В.	Формирование государственной политики в области спорта в современной России (политологический анализ)	2011
19.	Корнилова В.Ф.	Государственная таможенная политика в условиях экономического и административного реформирования	2011
20.	Альбеков К.А.	Институциональная и лидерская составляющая эффективности государственной власти и управления в современной России: политологический аспект	2011
21.	Беленко Н.Г.	Технологии проектирования и формирования толерантной социально-политической среды как фактора снижения напряженности в обществе (политологический анализ)	2011
22.	Ярошенко В.А.	Влияние волн террористической деятельности на современную политическую систему	2011
23.	Висинбаев А.Р.	Проблемы реализации административно-муниципальной реформы в условиях социально-политической стабилизации в Чеченской Республике (политологический анализ)	2010
24.	Леонов И.Н.	Политологический анализ реформы судебной системы РФ	2010
25.	Самсонов А.А.	Основные направления трансформации государственной антикоррупционной политики в современных условиях	2010
26.	Ханмагомедов А.С.	Инновационные составляющие модели политической компетентности и профессионализма в системе государственного управления	2010
27.	Толмачёва М.В.	Региональная модель государственной молодежной политики (на примере Ростовской области)	2010
28.	Жуковский Д.А.	Эволюция политической концепции А.А. Зиновьева	2010

№ п/п	ФИО	Тема	Год
29.	Яровая С.В.	Политический дискурс защиты прав подрастающего поколения в современной России	2010
30.	Айвазян Г.А.	Политическая идентичность граждан современной России в электоральных процессах	2010
31.	Кучкин В.К.	Политический механизм формирования в России правового государства	2010
32.	Лактионов Г.А.	Современное молодежное парламентское движение РФ (политологический анализ)	2010
33.	Метлушенко М.В.	Детерминанты политических конфликтов оппозиционных структур и властных элит в современном гражданском обществе России	2009
34.	Нефедов В.А.	Кадровая политика как фактор национальной безопасности (региональный аспект)	2009
35.	Золотова Л.В.	Государственная политика по поддержанию русскоязычных диаспор на постсоветском пространстве и содействия добровольному переселению соотечественников в Россию	2009
36.	Иванова Л.Л.	Государственная политика по формированию резерва управленческих кадров в регионах Российской Федерации (политологический анализ)	2009
37.	Шогенова Л.В.	Ценностная составляющая модернизации государственной кадровой политики в условиях административной реформы в современной России (политологический анализ)	2008
38.	Воробьева М.А.	Модернизация концепций и практик государственного управления в России на рубеже XX и XXI веков	2008
39.	Твердов И.В.	Формирование общественно-государственных институтов и отношений в процессе становления гражданского общества в современной России	2008

№ п/п	ФИО	Тема	Год
40.	Дяченко И.А.	Особенности проявлений политического экстремизма участниками молодежных объединений в современной России (детерминанты, воспроизводство, политическая идентичность)	2008
41.	Ремизов Д.К.	Государственное руководство формированием и реализацией в современной России промышленной политики в сфере инноваций (политологический анализ)	2008
42.	Анисимов В.П.	Политические механизмы обеспечения экономической безопасности на региональном уровне современной России	2007
43.	Кобцев Г.М.	Современная государственная политика России по декриминализации общества	2007
44.	Синякова С.Д.	Современная политическая реформа в России и эффективность государственной власти и управления (региональный аспект)	2007
45.	Кундрюцкова И.В.	Динамика политического поведения в постсоветской России: гендерный аспект	2007
46.	Коновалов М.Н.	Административные реформы в России в постсоветский период: политологический анализ	2007
47.	Фролов А.Н.	Эффективность национальной безопасности на региональном уровне: критерии и механизмы политического обеспечения	2006
48.	Пруцаков А.В.	Политические угрозы и риски в процессе реформирования местного самоуправления в современной России	2006
49.	Наипов Б.Х.	Социальная безопасность на региональном и местном уровнях: состояние, тенденции развития и механизмы политического регулирования (на примере республик юга России)	2006
50.	Дикаев А.З.	Формирование механизмов государственного управления национальными проектами (политологический аспект)	2006

№ п/п	ФИО	Тема	Год
51.	Олейников С.А.	Проблемы национальной безопасности на муниципальном уровне в условиях переходных социально- политических процессов современной России	2005
52.	Голубев Н.Н.	Политические аспекты развития местного самоуправления (на материале регионов Южного федерального округа)	2005
53.	Ельсаев А.А.-Х.	Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики)	2005
54.	Черепяхин Е.Е.	Взаимообусловленность становления правового государства и гражданского общества в современной России (региональный аспект)	2005
55.	Кошель Д.И.	Политическая конкуренция в современной России: аспекты политико-правовой регуляции	2005
56.	Ярошенко Г.В.	Государственная образовательная политика и национальная безопасность России (федеральный и региональный аспект)	2004
57.	Чистюхин Ю.Н.	Элитарный тип личности в современной политике	2004
58.	Сава С.Т.	Механизм рекрутирования современных переходных социально- политических процессов (региональный уровень)	2004
59.	Авджян К.М.	Функционирование системы внутренней безопасности России в условиях переходных социально-политических процессов (региональный уровень)	2004

Представлены к защите кандидатские диссертации:

Назаров В.В. Политическое управление развитием федеративных отношений в контексте национальной безопасности современной России.

Тишкин Д.Н. Организованная преступность как угроза национальной безопасности современной России.

РАЗДЕЛ VIII

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**бсолютная философия 25, 31, 42, 82, 85, 100
- Авторитарный конформизм 503
- Агрегативные системы 332
- Административное предпринимательство 511, 648
- Альтернативная аксиология 2, 47, 48, 51, 57, 62-64
- Альтернативная когнитология 2, 47, 69, 71-74, 77, 382
- Альтернативная онтология 2, 47
- Антикосмизм 244
- Антирационализм 172, 191
- Антисциентизм 93, 96, 166, 172, 173, 189-191, 193-197, 230
- Антропный принцип 75, 102, 103, 202, 231, 240, 295, 354, 381, 387
- Антропокосмизм 137
- Аскрептивный подход 299, 311
- Астросоциология 267, 282, 283, 285, 286, 288, 291
- Атрибуты 20, 41, 47, 50, 93, 103, 107, 115, 255, 307, 354, 505, 638
- Аттитюд 64, 66, 67
- Б**езопасность 55, 264, 265, 278, 302, 308, 312, 314, 364, 413, 456, 458-460, 462, 463, 465, 482, 523, 525, 530, 545, 546, 551, 553, 561, 563, 574, 579-586, 591, 638, 641, 653, 655
- «Белый ящик» 371
- Бизнес-элита 394, 414, 505, 509, 528, 555, 556, 564, 565, 621, 630, 647
- Биокосмизм 259, 315
- Бифуркация 196, 224, 338, 387, 391, 392, 575
- Богословие 14, 18, 122, 138
- В**неземные цивилизации 47, 74, 254, 258, 266, 268, 271, 277, 282, 284, 455
- Властная миссия 478, 543, 546
- Восточная философия 84, 85, 87, 90, 92, 100, 111, 121, 124, 128, 130, 226, 342, 347, 388, 429, 473, 575, 623, 629, 636
- Г**ендер 54, 64-68, 102, 105, 315-316, 342, 422-429, 431-439, 485-488
- Гендерология 64, 67, 68, 348, 423, 429, 432, 439, 486

- Геополитика 186, 189, 440, 442–445, 547, 625, 626, 653
- Геополитическая парадигма 263–265
- Геоцентризм 47, 72, 116, 174, 247, 253, 255, 265, 274, 287, 294, 295, 445, 457
- Геоцентрический космизм 247, 253
- Геоцентрический опыт 110, 251
- Герменевтика 23, 46, 96, 98, 102, 104, 225, 319, 448
- Гибкое государство 474
- Глобализация 12, 19, 48, 93, 106, 123, 124, 126, 172, 197, 207, 288–290, 298, 300–308, 310–312, 329, 330, 437, 438, 459, 461, 464, 516, 517, 529, 570, 651–655
- Глобальная сервисизация 106, 174
- Глобальная экология 203, 206, 207, 289, 292, 443, 461
- Глобальный эволюционизм 291, 292, 294, 295, 304, 315, 386
- Гомологические ряды 46, 170, 175, 295
- Государственная власть 93, 419, 468, 473, 481
- Государственная национальная политика 568, 571, 573, 574, 578
- Государственно-административные реформы 367, 389, 516, 543, 593, 596, 616
- Государственное управление 188, 259, 324, 329, 330, 333, 367, 369, 374, 376, 377, 380, 382, 427, 428, 468, 471, 473, 513, 519, 523, 533, 537, 543, 544, 545, 546, 553, 588, 590, 593, 594, 616, 631, 634, 635, 641,
- Гражданское общество 42, 128, 188, 340, 400, 401, 467, 471, 472, 475, 480, 484, 501, 505, 514, 522, 526, 530–536, 538, 539, 541–543, 575, 613
- Гуманитарная инноватика 321, 325
- Гуманитарная когнитология 49, 107, 146, 184, 217, 218, 373, 576, 636
- Д**анджерология 456, 461–465, 651, 653
- Девиации 496, 506, 547, 587–589
- Делинквенции 496
- Демография 239, 477, 479, 483, 484
- Демонизм невежества 188, 191, 192, 194
- Дескриптивный подход 207, 299, 448
- Детерминация 89, 104, 134, 321, 333, 337, 387, 582, 625
- Деятельностный подход 103, 152, 158, 250, 388, 656
- Диалектика 15, 23, 31, 34, 35, 86, 146–148, 163, 182, 187, 222–225, 236, 346, 386, 441, 515, 623
- Диалектическая концепция 235, 236, 386, 449
- Диалектическая логика 86, 99, 148, 149, 162, 217, 222–225, 629
- Диалектический идеализм 35
- Диалектический материализм 35, 38, 222, 223, 284
- Диатрибическая традиция 22–24, 149, 493
- Диатрибическая проекция 15, 21, 25

- Диатропика 2, 20, 46, 51, 75, 120, 163, 175, 295, 388, 449, 450, 461, 493, 656
- Диатропическая модель 151, 202, 226, 260, 448
- Дискурс 14, 18, 21, 52, 60, 75, 79, 97, 104, 121, 122, 134, 135, 138, 168, 193, 200–202, 207, 208, 235, 239, 299, 300, 311–313, 321, 327, 345, 373, 393, 394, 440, 441, 456, 457, 520, 522, 526, 564, 594, 625
- Диффузия инноваций 19, 51, 123, 124, 128, 464
- Духовное развитие 29, 51, 120, 257, 432, 613, 632
- З**ападная философия 21, 68, 84, 85, 87, 90, 92, 100, 106, 109, 117, 120, 121, 126–128, 133, 135, 155, 226, 347, 429, 445, 623, 629, 636
- Западноцентристский универсализм 130, 131
- И**дентичность 50, 55, 102, 105, 120, 135, 141, 143, 144, 213, 226, 301, 311, 314, 378, 402, 410, 423, 433, 481, 566, 567, 572, 617
- Идеология 8, 14, 19, 22, 23, 44, 48, 59, 64, 88, 142, 143, 146, 153, 156, 176, 190–192, 200, 212, 233, 258, 261, 290, 302, 305, 347, 355, 378, 392, 397, 410, 411, 459, 492, 495, 503, 509, 523, 543, 591, 622, 624, 641, 647
- Иерархия 30, 60, 63, 75, 106, 128, 246, 298, 300, 304, 350, 354, 356, 360, 368, 390, 399, 449, 467, 499, 503, 526, 527, 529, 548, 575, 588, 590
- Имиджевые технологии 408, 559, 560
- Инновации 19, 51, 57, 78, 79, 88, 104–106, 124, 125, 129, 153, 157, 160, 179, 190–192, 196, 223, 315, 321, 322, 324–326, 329, 330, 335, 368, 378, 391, 401, 402, 409, 412, 415, 462, 465, 486, 500, 505, 512, 529, 532–534, 555, 556, 561, 565, 566, 590, 594, 600, 601, 625, 628, 629, 631, 650
- Инновационная деятельность 78, 80, 86, 161, 163, 211, 322, 324, 325, 329, 330, 347, 366, 446, 454, 534, 561, 566, 629–631
- Инновационное общество 167, 230, 303, 566, 631
- Инновационное развитие 46, 76, 160, 525, 554–556, 561, 562
- Интегративная эффективность 553
- Интеллектуальная элита 528, 555–557, 564, 565, 630
- Интеллигенция 137, 143, 212, 268–271, 401, 404, 556, 557
- Интенциональность 14, 134
- Интуиция 40, 83, 115, 137, 375, 604
- Инфернальные начала 50, 58, 62
- Информационная революция 69, 71, 329, 330
- Информационная элита 557

- Искусственный интеллект 47, 69–72, 74, 76, 91, 170, 217, 219, 220, 225, 246, 306, 340, 366, 371, 372, 375, 381, 425, 576
- Исследовательская программа 167, 232, 233, 237–240, 322, 386, 481
- «Истина понимания» 84
- К**атегории 36, 83, 117, 119, 150, 202, 222, 224, 239, 268, 272, 282, 319, 323, 388, 423, 426, 440, 448, 472, 474, 513, 643, 650
- Кволистикалистская программа 83, 114
- Кейс-стади 2, 11, 12, 20, 24, 47, 87, 92–95, 97, 105, 119, 163, 184, 185, 228, 327, 342, 348, 349, 378, 382, 439, 460, 461, 463, 567, 625, 652
- Когнитивная аналитика 76, 99, 217, 218, 372–374, 376378, 381, 382, 527, 636, 652
- Когнитивная власть 367, 375, 525
- Когнитивная наука 69, 218, 221, 370, 371, 373, 379, 628
- Когнитивная репрезентация 381, 625
- Когнитивные карты 76, 375
- Когнитивные технологии 370, 379, 426, 628
- Когнитивный
альтернативизм 173, 174
- Когнитивный капитализм 88, 324, 374
- Когнитивный монополизм 173
- Когнитология 2, 47, 49, 69–74, 84, 91, 93, 99, 101, 104, 107, 116, 146, 184, 217–221, 227, 346, 348, 370–373, 381, 382, 425, 439, 441, 576, 578
- Компаративный подход 90, 98, 99, 107
- Комплементарность
(дополнительность) 72, 74, 495
- Композитная идентичность 567, 572
- Конвергентная философия 7, 24, 96, 98, 636
- Конвергентные процессы 18, 19, 52, 56, 96, 98, 144, 446, 454
- Конкурентные отношения 389, 391–393, 500, 501, 503, 528, 572
- Конструктивизм 63, 84, 247, 346, 409, 410, 477, 487, 566
- Контекстуальный дискурс 121, 122, 134, 138
- Контекстуальный подход 326, 547
- Контекстуальный способ 95, 97
- Контрэлита 557
- Конфликтология 94, 126, 342, 383–386, 388, 389, 393, 394, 398, 422, 579
- Конфликты высокой
интенсивности 308, 390, 499, 500, 579
- Конфликты низкой
интенсивности 308, 390, 499
- Концепция исследовательских
программ 232, 237, 322
- Концепция космических
цивилизаций 445

- Корреспондентный способ
операционализации 95, 97,
348, 381
- Коридор эффективности 462, 523,
549, 552
- Коррупция 374, 389, 400, 401, 414,
463, 464, 496, 502, 507–514,
536, 537, 540, 565, 569, 584,
585, 587, 588, 595, 596, 646–
651
- Космизация 109, 171, 209, 236,
248, 250, 251, 254, 257, 282
- Космизированный опыт 110, 251
- Космизм 109, 124, 137, 156, 209,
241–244, 257, 291, 297, 443,
616–619, 641
- Космическая установка 109, 247–
248, 260
- Космическая философия 243
- Космическая цивилизация 109,
174, 256, 265, 266, 267, 291,
295, 297, 300, 304, 445, 653
- Космический опыт 109–111, 249,
251, 252, 274
- Космический эксперимент 7, 110,
210, 251, 273, 277–280, 603,
607, 616, 641
- Космическое наблюдение 110,
251, 272–277,
- Космология духа 258
- Космонавтика 209, 242, 248, 256–
258, 261–265, 268–272, 602,
616, 640
- Коэволюционное развитие 315,
321, 336, 337, 339, 450
- Кратические модели 470, 478,
546, 547, 626
- Кризис марксизма 140
- Кросс-культурная философия 93,
98, 99, 107, 513
- Культурно-образовательные
системы 84, 93, 186, 323, 346,
351, 353, 367, 441, 459
- Культурный код 48–50, 61, 103,
160, 165, 166, 170, 175, 176,
198, 202, 208, 297, 311, 529,
575–578
- Культуроцентризм 171, 173, 239,
293
- Культуроцентрическая научная
программа 101, 102, 240, 319,
366, 440, 449, 481
- Либерализм** 19, 21, 59, 93, 94,
142, 158, 305, 344
- Марксизм** 19, 22–24, 34, 38, 40,
46, 47, 86, 93, 140, 147, 153,
154, 176, 186, 203, 204, 223,
285, 319, 342, 346, 425, 441,
448, 466, 631
- Марксистская политология 128
- Матрица науки 165–167, 169–175,
198, 289
- Междисциплинарные
проблемы 17, 79, 88, 90, 139,
182, 341, 346, 347, 380, 440,
624, 625, 703
- Междисциплинарный синтез 69,
95, 97, 169, 181, 184, 185, 203,
382, 393, 461, 578
- Межнациональные отношения
52, 268, 271, 542, 566–569, 571,
572, 578

- Межпарадигмальный синтез 149, 163
- Мем 49, 340, 576, 612
- Ментальные анализаторы 75, 260, 636
- Метафизика 17, 18, 31, 34, 35, 37, 47, 170, 224, 515
- Метафилософия 13, 83, 85, 92, 98, 100
- Метод Режабека 220
- Метод тамады 210–212, 215, 216
- Методология 2, 7, 9, 12, 15, 18, 23, 33, 36, 43, 70, 75, 88, 89, 91, 93, 96, 97, 113, 121, 147, 152–154, 156–158, 161, 181, 186, 187, 189, 191, 222, 238, 240, 293, 302, 318, 325, 329, 338, 344, 351, 365, 366, 370, 382, 383, 386, 398, 424, 443, 481, 486, 496, 498, 523, 599, 607, 616, 620, 622, 624, 625, 629, 635, 640–642, 657
- Мировоззрение 25, 27–29, 38, 41, 66, 81, 82, 95, 97, 109, 174, 187, 191, 203, 244, 260, 336, 592, 618, 619, 627
- Мировой космизм 242, 244
- Многосоставное общество 105, 301, 365, 399, 472, 569–571, 637
- Модели философской логики 99, 100, 118
- Модернизация 106, 131, 135–137, 143, 165, 171, 174, 176–178, 197, 201, 266, 367, 377, 401, 403, 408, 501, 505, 528, 553–557, 559–561, 564, 565, 570, 573, 578, 591, 630, 634
- «Мозговые центры» 440, 628, 654
- Московский методологический кружок (ММК) 86, 150, 151, 155, 158, 162, 624, 657
- Мыследеятельность 86, 88, 91, 150–154, 156, 162, 624, 629
- Н**атуралистическая (натуроцентрическая, натуроцентристская) программа 74, 93, 101, 152, 157, 167, 170, 237–240, 386, 442, 449, 450, 481
- Научная картина мира 15, 35, 37–39, 44, 72–76, 81, 102, 117, 119, 120, 152, 165–167, 170, 225, 244, 248, 253, 254, 268, 272, 282, 292, 318–320, 351, 353, 354, 357, 366, 460, 493
- Научная революция 177, 233
- Научная субкультура 166, 170, 229
- Научно-гуманитарная революция 334
- Научное ремесленничество 172, 192
- НБИК(С)-комплекс 76, 169, 171, 370, 375
- Неклассическая субъектность 70, 101, 102, 134, 153, 225, 231, 325, 375, 377, 425, 599
- Нестационарные системы 17, 89, 92, 170, 337, 339, 464, 625
- Ноосферизация 106, 174, 439
- «Оборачивание метода» 79, 80
- Образ Космоса 244–249

- Образование 2, 7, 9, 11, 85, 95, 97, 99, 172, 186, 193, 205, 270, 353, 355, 356, 358, 360–363, 365, 368, 369, 436, 437, 491, 493, 512, 591, 608, 611, 612, 637, 642, 645, 649
- Общество знаний 171, 290, 300, 374, 561
- Объектное управление 526
- Онаучивание общества 171, 175, 183, 184
- Операционализация 14, 17, 20, 70, 78, 93, 95–97, 100, 121, 326, 327, 340, 343, 345, 348, 375, 380, 381, 395, 396, 399, 411, 451, 636
- Опережающее развитие 41, 524, 525
- Организационное оружие 218, 372, 378, 521, 630
- Организационные патологии 63, 389, 496, 497, 503, 506
- Органические системы 99, 118, 120, 163, 184, 185, 217, 219, 333
- Осевое время 13, 26, 107
- Основания математики 37, 83, 114
- Основания философии 81–83, 85, 92, 100
- Основания конфликтологии 383, 384
- Парадигма** 14, 17–19, 32, 40, 72, 75, 82, 85, 90, 92, 93, 95, 97, 100, 117, 126, 128, 129, 155, 157, 163, 183, 196, 203, 214, 218, 221, 226, 228, 230, 233, 234, 237, 241, 243, 262–266, 291, 293, 306, 331, 334, 336, 337, 342, 353, 357, 360, 373, 374, 381, 383, 385, 387–389, 393, 396, 398, 409, 422, 426–428, 438, 439, 448–450, 470, 471, 493, 505, 506, 589, 590, 596–598, 609, 617, 625, 641
- Парадигма коэволюционного развития 336
- Парадигма фазовых переходов 291, 336
- Парадигмально-концептный подход 95, 97, 118, 119, 293, 294, 296, 303, 327, 348, 381, 396
- Парадигмально-цивилизационный образ 106, 107
- Паттерны 49, 176, 220, 297, 300, 378, 496, 576
- Позитивизм 19, 37, 84, 86, 93, 96, 98, 150, 151, 232, 319, 346, 442, 448
- Полиархия 300, 305, 399, 526–529
- Постиндустриальное общество 170–174, 195, 197, 198, 290, 293, 294, 296, 300, 301, 353–356, 360, 365, 390, 402, 443, 499, 570, 620, 637, 645
- Прагматизм 19, 46, 54, 84, 89, 93, 96, 98, 272, 319, 346, 416, 441, 448, 454, 625
- Практическая философия 19, 80, 445–449
- Прикладная философия 8, 10–12, 15–17, 19, 22, 50, 69, 78, 80, 82–85, 87, 92–95, 97–101, 122, 146, 148, 154, 163, 180, 182–186, 208, 228, 241, 345, 346, 348, 380, 381, 395–396, 438, 439, 445, 449, 460, 496, 533, 623, 636, 640–642, 652, 656

Прикладная этика 450, 451, 454
Проблемное обучение 86, 148,
162, 186, 493, 623, 629
Программа СЕТJ 47, 74
Программа SETJ 47, 74
Прогресс, прогрессизм 43, 49, 50,
52, 58, 59, 63, 65, 66, 128, 131,
151, 161, 174, 176, 201, 233,
264–266, 277, 282, 283, 295,
297, 316, 326, 330, 355, 376,
387, 414, 447, 480, 503, 529,
556, 575, 576, 578, 607, 630
Пролиферация 90, 234
Протоэлита 399, 621, 637

Реляционное управление 332, 333
Реляционный подход 49, 51, 53,
54, 112, 354, 452, 575
Ретрибутивный подход 51, 53
Рефлексивное управление 86,
104, 105, 144, 323, 325, 557,
624, 629
Рецепция 57, 58, 61, 531
Римский клуб 266, 313, 329, 335,
443, 460, 498, 655
Рискология 456, 461, 464, 465
Русская идея 127, 135–137, 142,
473, 617, 618
Русская модель управления 178,
376, 377, 504, 528
Русская философия 22, 78, 121,
122, 124, 127, 132–135, 138,
141, 241
Русский космизм 11, 137, 241–
244, 248, 249, 256, 259, 260,
291, 315

Самоуправленческая культура
474
Сервисное государство 172, 174,
427, 474
Сильноструктурированное
познание 320
Символические инновации 88,
150, 625, 630
Синергетика 19, 89, 93, 144, 170,
224, 292, 319, 337, 338, 342,
386–387, 389, 444, 578, 625, 379
Синергетическая модель
управления 338–340, 387,
391, 393, 449
Системно-компаративная модель
14, 20, 78, 93, 107, 381
Ситуационная модель 331, 375,
379, 531
Слабоструктурированное
познание 320, 326, 378
Славянофилы и западники 134,
136, 141, 214, 618
Смысл жизни 292, 382, 430
Смысложизненные стратегии 7,
11, 14, 50, 136, 208, 297, 429,
431, 432, 434–436
Солидарные отношения 131, 302,
316, 389–393, 397, 443, 471,
498, 500, 525
Социально-гуманитарная
инноватика 323, 324, 326,
327, 628, 630
Социально-гуманитарные
инновации 178, 318, 322, 323,
325, 326, 329, 601, 628–630
Социально-гуманитарные науки
23, 189, 237, 239, 317–319, 321,
326, 327, 335, 370, 380, 382, 383,
393, 410, 411, 444, 524, 630

- Социально-гуманитарные технологии 320, 530
- Социально-демографические проблемы 434, 477, 479, 482
- Социальное самочувствие 51, 385, 482, 485, 525, 569, 572, 574
- Социально-политическое управление 131, 177, 334
- Социально-проектная деятельность 189, 424, 637
- Социальное управление 49, 176, 204, 323, 329, 330, 333, 335–337, 339–340, 352, 398, 447, 477, 529, 575, 592, 628, 633
- Социальные технологии 158, 333–337, 409, 602, 640, 651
- Социальный сциентизм и антисциентизм 195–198, 226
- Социокультурные коды 176
- Социологический номинализм 385, 471
- Социологический реализм 385, 471
- Средний класс 53, 56, 296, 391, 400, 401, 501, 581, 639
- Стратегическое управление 121, 300, 314, 368
- Структура философии 81, 97, 114, 127, 231, 344
- Структурализм 84, 89, 93, 346, 441, 625
- Субаксиология 64
- Субкультура 22, 48, 49, 61, 107, 158, 166, 167, 170, 201, 229, 406, 446–449, 496, 506, 596, 645
- Субстанциональный подход 49, 51, 53, 157, 354, 452, 575–577
- «Сумма философии» 18, 640
- Т**еорема Петрова 165, 166, 176, 197
- Теоретическая философия 41, 80–83, 151
- Теория самоуправления 470
- Терроризм 308, 309, 447, 463, 464, 496–498, 503, 510, 520, 553, 569, 579, 581, 584, 585, 648
- Технократический подход 168, 177, 293, 316, 332, 444
- Технологии политического управления 336, 427, 428, 547
- Технологический уклад 304, 306, 366, 367, 529, 553
- Техносфера 315, 325, 458
- Тифлозона 298
- Тифлосурдопедагогика 86, 148, 162, 623, 629
- Триггерные технологии 104, 323, 338, 340, 387
- У**мная сила 525
- Универсалии культуры 80, 81, 128, 130, 389, 498, 575
- Универсальный эволюционизм 386, 387
- Университетское образование 186
- Управление 2, 9, 17, 23, 24, 49, 76, 84, 86, 89, 92–96, 104–106, 111, 123, 125, 126, 131, 144, 175, 176, 178, 188, 196, 204, 217, 218, 225, 252, 259, 264, 300, 303, 309, 315, 318, 323–325, 329–340, 346–347, 352, 360, 364, 365, 367–369, 372, 374–380, 382, 393, 395, 398, 405,

- 407, 409, 411–413, 415, 421,
422, 427, 428, 431, 436, 438–
441, 447, 455, 457, 462, 464–
471, 473–474, 476, 477, 497,
502–506, 511, 513, 519, 523–
529, 533, 537, 542–549, 552–
554, 556, 557, 563, 568, 575,
580, 581, 588, 590–594, 596,
598–600, 604, 606, 612, 616,
621, 624, 626, 628, 629, 631–
635, 638, 640, 641, 643, 646,
649, 652, 654
- Управление по ценностям 49, 376,
378, 468, 591, 592, 575
- Устойчивое развитие 202, 207,
293, 296, 299, 314, 336, 457,
459, 460, 463, 482, 503, 522–
525, 527, 529, 530, 548, 552,
580
- Ф**ашизм 48, 57–63, 518, 569
- Феминизм 48, 63, 64, 66, 410, 422–
425, 438
- Философия безопасности 456, 459,
460, 465, 655
- Философия высшего образования
361
- Философия гендера 422, 423, 425,
426, 438, 439
- Философия геополитики 94, 440,
449
- Философия глобализма 12, 94, 266,
288, 293, 294, 655
- Философия делинквентности 496
- Философия жизни 19, 23, 46, 93, 94,
102, 104, 225, 318, 358, 425,
448, 454
- Философия когнитологии 184,
370, 381
- Философия конфликтологии 94,
383, 394, 449, 499
- Философия космизма 94, 210, 241,
617
- Философия международных
отношений 12, 60, 218, 305,
312, 373, 412, 517, 579, 584,
654
- Философия местного
самоуправления 466, 467, 469,
475, 476
- Философия науки 15, 16, 23, 24,
44, 84, 89, 90, 92–94, 98, 146,
155, 164, 166, 176, 183, 209,
223, 228–231, 235, 236, 318,
341, 346, 352, 395, 441, 622,
625, 635
- Философия образования 9, 15, 23,
24, 84, 85, 93, 94, 183, 318, 350–
353, 358, 359, 449
- Философия политики 15, 16, 23,
24, 84, 86, 89, 90, 92, 93, 126,
183, 341, 343–346, 348, 380,
395, 439, 441, 449, 622, 635
- Философия управления 23, 24, 84,
92–94, 318, 329, 330, 346, 380,
395, 439, 441, 635
- Философия элитологии 12, 94,
394–396, 411, 439
- Философская деятельность 2, 9,
14, 17, 78, 79, 87, 89, 92–96, 98–
100, 106, 107, 118, 120, 123,
145, 221, 226, 345, 347, 381,
441, 448, 626, 657
- Философская компаративистика
90–92, 94, 96, 107, 230
- Философская рефлексия 9, 12, 13,
16, 20, 70, 79, 84, 88, 89, 93, 99,
101, 106, 110, 113, 121, 135,
139, 140, 148, 149, 153–155,

- 182, 185, 207, 229–231, 238,
242, 251, 313, 319, 321, 342,
345–347, 350, 351, 366, 373,
395, 430, 441, 449, 451, 456,
457, 466, 469, 470, 492, 495,
506, 622, 623, 629, 703
- Философская инноватика 2, 8,
10–12, 14–17, 19, 22, 46, 69, 78,
79, 83, 84, 86–97, 99, 100, 104,
105, 122, 132, 134, 139–141,
146, 149–152, 154, 155, 159,
162, 163, 182–184, 228, 241–
243, 288, 292, 293, 296, 298,
303, 318, 323, 345–348, 350,
370, 380, 381, 384, 394, 395,
438, 439, 441–442, 444, 450,
451, 453, 454, 460, 469, 470,
489, 493, 533, 622–626, 628–
630, 635, 636, 640, 641, 652,
656, 657, 703
- Философские инновации 85, 87,
100, 140, 150, 209, 330, 624,
625, 628, 647, 695
- Философские категории 33, 45,
80, 81, 117, 211, 222, 236
- Философские основания 81, 102,
616
- Философский дискурс 17, 91, 93,
95, 118, 121, 122, 127, 128,
133–135, 138, 139, 141, 150,
155, 162, 213, 383
- Философский опыт 2, 46, 91, 98–
100, 106–108, 112, 114–121, 123,
124, 429, 439, 452, 636, 703
- Философское знание 11, 32, 33,
46, 81–83, 85, 87, 88, 92–95, 98,
116, 118–120, 127, 138, 146,
147, 149, 151, 163, 230, 231,
292, 318, 325, 329, 347, 439,
493, 622, 623, 703
- Философско-инновационные
программы 86, 88, 105, 159,
162, 163, 209, 210, 242, 312,
346–348, 380, 396, 411, 450,
624, 625, 629
- Финализм и антифинализм 173
- Фреймы 71, 76, 218, 372, 373, 375,
455, 625, 628
- Фундаментальная философия 2,
12, 14–17, 19–21, 23, 24, 31, 41,
45, 46, 76, 78, 79, 81–85, 87, 89,
90, 92, 94–96, 98–100, 104, 107,
121, 124, 134, 135, 139, 149,
150, 154, 161, 163, 203, 210,
222, 224, 232, 233, 243, 273,
285, 292, 293, 295, 318–321,
326, 327, 329, 343–346, 348,
379, 384, 395, 398, 423, 425,
439, 441, 448, 466, 622, 623,
625, 626, 636, 656, 703
- Холистская социальная
технология 335, 409**
- Ценностно-культурные
матрицы 131**
- Центризм научного познания 255
- Цефализация 175, 197, 205, 207,
396
- Цивилизационная идентичность
48, 128, 134, 141, 143, 144,
625
- Цивилизационная парадигма 9,
10, 124, 127, 129, 130, 202, 203,
264, 265, 271
- Цивилизационный интервал 291,
298

- «Частичная» социальная
технология 335, 409
«Черный ящик» 371
- Эволюционизм 131, 291, 292, 294,
295, 304, 315, 386, 387
Эволюционная эпистемология
219, 235
Эволюционное развитие 151, 241
Эгалитаризм 51, 53, 54, 397, 398
Экзистенциал 426
Экзистенциализм 23, 43, 89, 93,
94, 96, 98, 102, 104, 319, 430,
448, 454, 617, 625
Экономика креативности 88, 324
Экспериментальный подход 533
Экстернальная глобалистика 291
Электронное правительство 324,
340, 527, 629
Электронные деньги 340
Элита культуры 528, 557
Элитная идентичность 105, 402,
407, 555
Элитная социализация 367, 368,
408, 414
Элитное образование 368, 408,
621, 633
Элитогенез 399, 402, 404, 547, 557
Элитологическая парадигма 396,
397, 399, 407, 411
Элитология 12, 94, 394–399, 407,
408, 410, 411, 439, 575, 609,
616, 620, 631, 641
Эпистемологическая
инноватика 79, 82, 84, 101, 104,
217, 219, 224, 228, 234, 345, 346,
350, 351, 366, 381, 449
- Эпистемология 97
Эссенциальный подход 41, 207,
299, 300, 394, 411
Эсхатология 122, 139
Этика 17, 31, 32, 54, 81, 137, 139,
229, 246, 313, 335, 357, 368,
392, 397, 411, 445–455, 531,
554, 587, 703
Эффективность государственного
управления 329, 481, 483,
507, 533, 537, 543–549, 552,
553, 588, 590, 593, 594, 606,
616, 626, 641, 646

РАЗДЕЛ IX ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Августин Св. 18, 247
Айер А. 151
Аквинский Фома 18, 30, 43, 344
Акопян А. 513
Александров А.П. 179
Александров В.В. 205
Алексеев О. 140
Алексеев П.В. 96
Алексеева Т.А. 343, 344
Альбеков А.У. 12, 306, 307,
309, 317, 460, 461, 651,
652
Амбарцумян В.А. 24, 236
Андреанов В.Д. 507, 590
Ансофф И. 339
Анцупов А.Я. 384, 386
Ариосто Л. 247
Аристарх 247
Аристотель 17, 25, 40, 51, 53, 54,
80, 181, 247, 342, 445, 446, 451
Аристофан 247
Арутюнов В.С. 168
Атаманчук Г.В. 544
Атоян Ш.М. 478, 600, 601
Атфилд Р. 291
Ашин Г.К. 368, 422, 526
- Б**
Бабеф Г. 397
Бабосов Е.М. 141
Багаутдинова Н.Г. 363
Багдасарян В.Э. 326, 462
Бадалян Л.Г. 387
Баксанский О.Е. 116, 370, 381
Балашова Е.Л. 549
Баранова Е.А. 96
Барковский П.В. 84
Батлер Д. 425
Батлер С. 447
Безобразов В.П. 466
Бек У. 457–459, 462
Бендас Т.В. 433
Бердяев Н.А. 122, 124, 127, 133,
135, 138, 139, 141, 142, 397,
603, 618
Берия Л.П. 178, 179
Библер В.С. 86, 150, 151, 163, 347,
353
Бир Ст. 331, 332, 476
Большц Н. 52
Бородин П.П. 549
Бранский В.П. 47, 63, 116, 255, 257
Бродель Ф. 140, 141, 443
Брунер Дж. 49, 576
Бруно Дж. 247
Брэдбери Р. 338
Брутенц К.Н. 521–522
Брюйн Х. 544
Буданов В.Г. 338
Булгаков М.А. 121, 138
Булгаков С.Н. 142
Бурдые П. 367

- Бухарин С.Н. 325, 326
Бэкон Р. 247
Бэкон Ф. 18, 33, 41, 190, 193, 213,
231
- В**алянский С.И. 513
Варваров Н.А. 109, 257
Василенко И.А. 301, 344
Василец Т.Б. 487
Васильчиков А.И. 466
Введенский В.Г. 548
Вебер М. 86, 95, 327, 335, 346, 411,
453, 505, 554, 590
Велихов Л.А. 466
Вернадский В.И. 24, 86, 95, 156,
190, 195, 197, 204, 205, 231,
236, 241, 243, 257, 258, 301,
304, 315, 347, 383, 387, 618
Вигнер Е. 24, 83, 167, 168
Витгенштейн Л. 151, 231
Владимиров Ю.С. 47
Воронина Л.А. 324
Вотяков А.А. 50
Выготский В.С. 24, 49, 103, 218,
373, 576
- Г**абдуллин Р.Р. 291
Газенко О.Т. 258
Гайденко П.П. 47, 237
Галилей Г. 231, 247
Гаман-Голутвина О.В. 399
Гапоненко А.Л. 330, 331
Гарднер Г. 71, 107, 118, 119, 157,
212, 372
Геблер Т. 590
- Гегель Г.В.Х. 8, 14–16, 23, 31, 35,
36, 42, 44, 86, 95, 115, 117, 132,
140, 149, 150, 159, 181, 182,
187, 216, 219, 222, 223, 231,
238, 248, 249, 346, 441, 642
Гейзенберг В. 24, 86, 95, 231, 347,
383
Гераклит 16, 25, 34, 213, 247
Гершензон М.О. 142
Гидденс Э. 310, 389, 457, 498, 499
Гилинский Я.И. 513
Гиндилис Л.М. 295
Гинзбург В.Л. 236
Гиренок Ф.И. 122, 127, 132, 133, 138
Гитлер А. 58, 139, 223, 311, 447
Глазьев С.Ю. 306, 375, 462, 480,
524, 609
Глушко В.П. 258
Годвин Ф. 247
Голдберг Дж. 58, 59, 63
Горобец Б.С. 178, 179
Городницкий А.М. 299, 463
Гросс Э. 425
Грэхэм Л. 235
Губин В.Д. 23, 313
Гудков Л.Д. 402, 560
Гумилев Л.Н. 126, 136, 137, 206,
388, 443
Гуревич П.С. 9, 314
Гуссерль Э. 95, 139, 239, 703
- Д**авидович В.Е. 146, 200–202,
208–213, 215, 216, 224, 227,
258, 576, 577
Давыдов В.В. 19, 103, 148, 149,
351, 493

Даль Р. 526, 527
Данилевский Н.Я. 49, 126, 200,
243, 388, 575, 618
Данилов А.Г. 177, 505, 528
Данилов-Данильян В.И. 523
Данте А. 247
Декарт Р. 18, 26, 30, 31, 36, 44, 86,
132, 139, 157, 231, 247, 346,
703

Деягин М.Г. 12, 259, 330, 654
Демокрит 16, 30, 74, 213, 247
Дерлугьян Г. 177
Дилигенский Г.Г. 314
Дмитриев А.В. 498
Дмитриев И.И. 504, 506
Дольник В.Р. 478, 479
Достоевский Ф.М. 16, 121, 138,
141, 143, 199, 243, 603, 617
Дугин А.Г. 129
Дюркгейм Э. 238, 335, 498, 503

Евтихов О.В. 592
Еремян В.В. 473
Ерыгин А.Н. 127, 128, 179, 180
Ефремов И.А. 50, 58, 257, 602, 603,
617

Жданов Ю.А. 68, 86, 146, 163, 172,
186–206, 208, 226, 241, 278,
311, 347, 369, 445, 575–577
Желтов В.В. 515, 516, 526
Жерар Р. 62
Жирохов М.А. 519
Жуков Г.К. 404
Жуков Д.А. 426

Забелин И.М. 109, 257
Зазыкин В.Г. 383
Зеньковский В.В. 133
Зеркин Д.П. 544
Зиновьев А.А. 19, 86, 127–129, 150,
153, 163, 223, 347
Золотухина-Аболина Е.В. 116, 210,
430

Иванов А.В. 289, 291
Ивин А.А. 23
Игнатов В.Г. 389, 544, 573
Изгоев А.С. 142
Ильенков Э.В. 15, 16, 19, 86, 103,
146–151, 153, 162, 163, 182,
223, 227, 258, 347, 351, 623,
624, 629
Ильин В.В. 13
Ильин И.А. 447
Ильин И.В. 289, 291, 457
Иоанн Дамаскин 247

Казанцев А.К. 169, 370, 562
Казначеев В.П. 258
Казютинский В.В. 210, 244, 255,
387
Калюжный Д.В. 513
Кампанелла Т. 247
Кант И. 18, 29, 44, 72, 86, 95, 96,
98, 116, 132, 139, 140, 163,
213, 214, 231, 240, 248, 346,
381, 422, 446, 451, 703
Капица П.Л. 178, 179, 213, 236,
278, 301

- Капица С.П. 285, 337, 338
Карабущенко Н.Б. 407
Карабущенко П.Л. 407
Кара-Мурза С.Г. 127–129, 168, 178,
197, 201, 325, 518, 561
Кардашев Н.С. 258, 286, 304
Карлейль Т. 397
Кармин А.С. 116, 255
Карнап Р. 151
Картер Дж. 568
Касавин И.Т. 84, 228
Кастельс М. 141
Каткарт Т. 215
Кедров Б.М. 24, 232, 236, 258
Кеплер И. 247
Кибальчич Н.И. 248
Кислицын С.А. 368, 422, 526, 532,
621
Кистяковский Б.А. 142
Кларин М.В. 78
Клейн Д. 215
Клейнер Г.Б. 461
Клинтон Х. 525
Князева Е.Н. 104, 338, 387
Козьма Индикоплов 247
Кокин А.В. 299, 463
Кокошин А.А. 104, 321, 440
Колесников А.С. 90
Колесникова А.А. 438
Колмогоров А.Н. 190, 236, 606,
633, 639
Кон И.С. 423, 487
Кондратьев К.Я. 258
Кондратьев Н.Д. 126, 206, 306
Конт О. 86, 231, 238, 335, 346
Конфуций 16, 305, 342, 397, 445
Коперник Н. 216, 303, 329
Копнин П.В. 232, 236
Кордонский С.Г. 510, 559, 571
Коркунов Н.М. 466
Королев С.Л. 336
Королев С.П. 179, 618
Котов С.В. 58
Кошкин П.Р. 557
Красиков В.И. 127, 132, 133, 135,
136, 138
Криворотов В.Ф. 387
Крылов О.В. 168
Кузанский Н. 247
Кузнецов Б.Г. 236
Кулаков Ю.И. 47
Кульпин Э.С. 127, 128, 575
Куракина О.Д. 243
Курашов В.И. 122, 134, 423
Курганов С.Ю. 149
Курдюмов С.П. 337, 338, 387
Кучер Е.Н. 370, 381
Кучмарски С. 592
Кучмарски Т. 592
Кэллахан Дж. 450–452

Лазарев А.И. 274
Лазарев Ф.В. 430
Лазаревский Н.И. 466
Ландау Л.О. 213, 221
Лапина Н.И. 399, 400
Лапкин А.И. 47
Лаплас П. 231, 248
Латкин А.Г. 599
Лебедев С.А. 80–82
Лебедева Т.В. 344

- Леднев В.П. 243
Лейбниц Г. 18, 36, 47, 86, 346
Лейпхарт А. 472, 570
Лекторский В.А. 14, 81, 101, 102, 108
Ленин В.И. 86, 139, 140, 142, 147, 236, 284, 285, 346, 441, 447, 518, 609
Леонов А.А. 258
Леонтьев А.Н. 103
Леонтьев Д.А. 64, 410
Лермонтов М.Ю. 141
Лефевр В.А. 73, 86, 87, 116, 455, 624, 629
Лешкевич Т.Г. 9, 622, 636
Линдси Б. 19, 302, 310, 314
Лири Т. 62
Личман Б.В. 495
Лобачевский Н.И. 248
Локосов В.В. 462, 480, 523, 524
Лось В.А. 250, 457
Лотман Ю.М. 218, 373
Лукиан 247
Лурия А.Р. 218, 373
Лэш К. 52, 398, 399
- Магомедов А.К.** 399
Макаренко В.П. 180, 345, 373
Малахов В.С. 517
Малинецкий Г.Г. 168, 337, 338, 374, 378, 527
Мамардашвили М.К. 19, 116, 153, 343
Манетти Дж. 247
Мао-Цзэдун 139
- Маркс К. 7, 8, 13, 19, 22–24, 31, 34, 35, 37, 38, 40, 44, 46, 47, 60, 79, 80, 86, 89, 93, 95, 128, 129, 140, 147, 149, 153, 154, 159, 176, 182, 186, 187, 192, 202–204, 213, 219, 220, 222–224, 285, 319, 327, 335, 342, 346, 398, 425, 441, 448, 466, 515, 609, 625, 631
Мартин Л. 58
Маслобоева О.Д. 243, 315
Матвейчев О.А. 513
Матишов Г.Г. 12, 460
Махлуп Ф. 355
Медведев Д.А. 559
Медведев Р. 491
Медоуз Д.Л. 205, 457, 522
Медоуз Д.Х. 205, 457, 522
Медушевский А.Н. 375
Мельвиль А.Ю. 545
Менделевич В.Д. 513
Менделеев Д.И. 190, 220
Меркулов И.П. 69, 116
Механик А. 196
Мещеряков А.И. 148
Мигдал А.Б. 24, 83, 213
Микулинский С.Р. 236
Миллс Ч.-Р. 399, 526
Минасян А.М. 222–224, 227
Михельс Р. 397
Моисеев Н.Н. 205, 236, 301, 387, 443
Моска Г. 397
Московичи С. 398, 399
Мостепаненко А.М. 255
Мотрошилова Н.В. 90, 128, 135, 656

Мудрагей Н.С. 72

Мэйо Э. 498

Назаретян А.П. 62

Най С. 525

Накоряков В.Е. 620

Нейсбит Р. 48, 106, 116, 121

Нейсбитт Дж. 355

Никифоров А.Л. 40, 430

Никовская Л.И. 532

Николаев А.Г. 274

Николаенко Н.М. 243

Николай I 141

Никонов А.П. 64–66

Нисневич Ю.А. 516, 517

Ницше Ф. 36, 95, 107, 108, 213,
238, 396, 397, 447, 448, 452,
655

Новгородцев П.И. 143

Нуреев Р.М. 502

Ньютон И. 18, 47, 231, 247

Оберт Г.Ю. 248

Оболонский А.В. 590

Оболонский Ю.В. 383

Огурцов А.П. 81, 85, 235, 345, 353

Ойзерман Т.И. 80, 83

Ортега-и-Гассет Х. 399, 407

Осборн Д. 590

Осипов Г.В. 462, 480, 523, 549,
561

Охотский Е.В. 544

Павлов И.П. 73, 109, 124, 297, 333

Паламарчук Е.А. 58

Панарин А.С. 128–130

Панкрухин А.П. 330, 331

Панов А.Д. 295

Парето В. 376, 397, 407

Парсонс Т. 359, 443, 498

Переслегин С. 47

Пестель Э. 498

Петров Б.Н. 258

Петров М.К. 72, 73, 75, 86, 91,
94, 120, 146, 150, 151, 159–
167, 170–176, 178–184, 197,
198, 218, 221, 227, 232, 297,
347, 353, 373, 493, 576, 624,
629

Петрова Р.Г. 68, 424

Печчеи А. 313, 314

Пешин Н.Л. 470

Пифагор 25, 247

Планк М. 248

Платон 25, 30, 34, 132, 139, 215,
247, 342, 397, 703

Платонов А. 121, 138

Платонов В.В. 85, 353

Плеханов Г.В. 86, 142, 218, 346,
372, 441

Полье Б. 88, 324, 374

Понеделков А.В. 12, 129, 177,
241, 349, 368, 388, 389,
398, 399, 421, 422, 463, 465,
473, 476, 489, 505, 508, 509,
511, 514, 526, 528, 532, 567,
579, 595, 596, 600, 601, 620,
641

Поппер К.-Р. 16, 21, 46, 95, 144,
155, 231, 232, 234, 327, 335,
336, 409, 410

- Порат М. 355
Потемкин А.В. 22, 149, 493
Поцелуев С.П. 373
Пригожин А.И. 24, 388, 393, 468,
503, 506, 591, 592
Примаков Е.М. 517, 573
Проханов А.А. 129
Прохоров А.П. 123, 178, 376, 377,
504, 505, 528
Птолемей 247, 295, 457
Пуанкаре А. 86, 95, 231, 347
Путин В.В. 196, 311, 367, 400, 412,
506, 530, 534, 579
Пушкарева Г.В. 70, 218, 372
Пушкин А.С. 141
Пятигорский А.М. 140, 341–343,
345
- Р**айков А.Н. 96
Райхенбах Г. 151
Рассел Б. 21, 22, 117, 426
Ратиев В.В. 557
Ратнер С.В. 324
Раушенбах Б.В. 258
Режабек Е.Я. 7, 49, 107, 116, 146,
184, 217–221, 224, 226, 227,
372–374, 576, 603, 636, 639
Риман Г.Ф.Б. 248
Рисмен Д. 526
Розин В.М. 150, 154, 158, 185, 235
Романова Н.В. 487
Рубцов В.В. 250, 258, 268
Рузавин Г.И. 229, 230
Рузвельт Ф. 139
Руссо Ж.-Ж. 397
Рывкина Р.В. 556
Рэйни Х.Дж. 544, 548
- С**агдеев Р.З. 258
Садовничий В.А. 306
Самыгин С.И. 305, 349, 557
Сапронов П.А. 122, 127, 132, 138
Саямов Ю.Н. 12, 305
Свендсен Л. 21, 62
Свешников М.И. 466
Севастьянов В.И. 258, 274, 276
Семенов Н.Н. 236
Серван-Шрейер Ж.Ж. 355
Силласте Г.Г. 431, 432, 435
Сирано де Бержерак 247
Скакунов Э.И. 501
Смолин О.Н. 192
Сморгунов Л.В. 515, 544
Соколов Б.В. 404
Соколянский И.А. 148
Сократ 34, 127, 216, 627
Соловьев В.С. 18, 135, 142, 143
Соломадин И.М. 149
Соммэр Дарио Салас 449, 450
Сорокин П.А. 49, 126, 200, 388,
397, 575
Спирин Е.А. 258
Сталин И.В. 139, 153, 178, 179,
187, 403, 406, 492
Старостин А.М. 2, 8–12, 20, 45, 56,
62, 66, 68–70, 73, 74, 77, 82,
91, 92, 95, 104, 107, 109, 111,
116, 118, 124, 128–130, 144,
145, 162, 172, 176, 177, 182,
184, 186, 197, 206, 207, 211,
226, 227, 236, 241, 249, 250,
252–254, 256–258, 273, 274,
276, 288, 291, 292, 295, 301,
303, 305, 307, 314, 316–318,
321, 328, 341, 348–350, 353,
360, 365, 368, 369, 375, 380–

- 382, 384, 388, 389, 394–396,
398, 399, 421, 422, 425, 439–
441, 445, 455, 457, 460–463,
465, 468–470, 472, 473, 476,
478, 481, 489, 495, 505, 508,
509, 511, 512, 514, 516, 521,
526, 528, 529, 532, 533, 544,
559, 567, 575, 579, 593, 595–
597, 600–602, 607, 608, 610,
613, 616, 620, 622, 627, 629,
631, 635, 640, 646, 651
- Стемпурский Ю.Н. 210, 250, 255,
258
- Степин В.С. 80, 81, 230, 232, 236,
275, 301, 318
- Стиглиц Дж. 53
- Струве П.Б. 142
- Стругацкий А.Н. 257
- Стругацкий Б.Н. 257
- Сулакшин С.С. 197, 326, 462
- Сунгуров А.Ю. 532, 533
- Сундиев И.Ю. 218, 372, 521
- Супян В.Б. 440
- Сэджвик И. 425
- Т**ойнби А.Дж. 49, 200, 388, 407,
575
- Толстой Л.Н. 16, 121, 138, 141,
243, 603, 617
- Торчинов Е.А. 91, 94, 107, 112, 113,
116, 429, 657
- Тоффлер Э. 355, 644–646
- Тощенко Ж.Т. 385, 402, 471
- Трумэн Г. 140
- Трумэн Д. 526
- Тукмачев А.И. 258
- Тукмачев П.Ф. 210, 250, 258, 268
- Тургенев И.С. 141
- Турчин П.В. 47
- У**айт Л. 291
- Уайтхед А. 386
- Уортман Р. 504
- Урсул А.Д. 109, 210, 250, 255, 257,
258, 265, 274, 276, 282, 290,
301, 457
- Уткин А.И. 293, 301
- Уэбстер Р. 511
- Уэллс Г. 248, 490
- Ф**аддеев Е.Т. 109, 116, 210, 250,
255, 257, 258, 283, 286, 290
- Фаликман М. 221, 370
- Фанфани А. 547
- Фарукшин М.Х. 399
- Фацио Б. 247
- Федоров Н.Ф. 243, 259, 301, 304,
315, 618
- Федорова О. 69
- Федотова В.Г. 293
- Федотова Н.Н. 293
- Феоктистов К.П. 258
- Ферро М. 491, 492, 494, 495
- Филатова А.А. 49, 107, 218–219,
372–374, 576
- Филимонкова С.А. 486
- Финн В.К. 69, 116, 375
- Фок В.А. 236
- Флоренский П.А. 18, 259, 603,
618
- Фомичев М.П. 258
- Фонотов А.Г. 554

Франк С.Л. 142
Франкл В. 62, 311, 430, 447
Фридман А.А. 248
Фромм Э. 291
Фуко М. 16, 49, 93, 235, 440, 576,
577
Фукуяма Ф. 313, 444

Хайдеггер М. 31, 36, 41, 95, 139,
225, 426, 656, 703
Хайруллин К.Х. 250, 258
Хантингтон С. 49, 126, 200, 575
Харский К.В. 512
Хархордин О. 530, 531
Хиггинс Т. 291
Хигли Д. 398, 526
Ходкинсон Дж. 218, 372, 377
Хозин Г.С. 258, 262, 268, 290
Хорган Дж. 168, 198
Храмкова Е.Л. 88, 324
Хрунов Е.В. 274

Циолковский К.Э. 111, 209, 210,
241, 243, 244, 248, 252, 256–
259, 264, 272, 273, 277, 283,
286, 297, 301, 304, 315, 603,
618, 619, 640, 655
Цыганов В.В. 325, 326

Чаадаев П.Я. 135, 142, 143
Чайковский Ю.В. 46, 120, 151, 163,
461
Черникова И.В. 387
Черток Б.Е. 242

Чижевский А.Л. 156, 206, 241,
243, 259, 294, 301, 315, 603,
618
Чиксентмихайи М. 49, 576
Чирикова А.Е. 399, 400
Чумаков А.Н. 9, 288, 289, 292, 301,
344

Шамбаров В. 58, 59
Шарден Т. 197, 258, 291, 304, 315,
387
Шарп Д. 326, 518
Шахай А. 341, 343, 344
Шваб К. 306, 314
Швейцер А. 216, 291
Швец Л.Г. 227, 316, 348, 349, 360,
368, 375, 394, 421, 422, 425,
429, 434, 439, 465, 476, 481,
489, 509, 512, 514, 557, 597,
599–601, 639
Шереги Ф.Э. 363
Шеянов В.В. 259
Шипилов А.И. 384, 386
Шкаратан О.И. 57, 402–404, 596
Шкловский И.С. 258, 275, 280,
283–285
Школенко Ю.А. 210, 250, 257, 258,
268, 455
Шкуратов В.А. 218, 373
Шолохов М.А. 138
Шопенгауэр А. 36, 139, 703
Шоу Б. 574
Шпенглер О. 49, 200, 388, 575
Шрейдер Ю.А. 14, 18, 150, 451
Штульберг Б.М. 548

Щедровицкий Г.П. 19, 86, 87,
146, 150–159, 159, 162, 163,
180, 183, 347, 353, 624, 629,
657

Щербатых Ю.В. 67, 587

Эбелинг В. 387

Эберт Ф. 472, 532, 588

Эйнштейн А. 24, 44, 86, 95, 231,
248, 330, 347, 383

Эльконин Д.Б. 103, 149

Энгельгардт В.А. 236

Энгельс Ф. 31, 35, 37, 154, 182,
231, 236

Эно-Пельтри Р.А.Ш. 248

Югай Г.А. 47

Якимец В.Н. 532

Яковенко И.Г. 577

Яковец Ю.В. 127

Якубовский М. 341, 343, 344

Якунин В.И. 197, 326, 462

Янч Э. 387

Ярочкин В.И. 461

Ясперс К. 13, 26, 40

АННОТАЦИЯ

В монографии профессора А.М. Старостина вводится и апробируется ряд понятий, выступающих в качестве конституентов концепта «исследовательская философия»: философская диатропика, философская альтернативистика, философская инноватика, философский опыт. Автор разделяет весь массив философских исследований на фундаментальные и прикладные – сферу философских инноваций. Фундаментальные философские исследования направлены на изучение проблем бытия, мышления, познания, истины, свободы и других основополагающих категорий. Сфера фундаментальных исследований меняется медленно и отмечена в своем развитии выдающимися именами (Платон, Декарт, Кант, Шопенгауэр, Гуссерль, Хайдеггер и др.). В последние 150 лет заметным феноменом на этом уровне стала философская диатропика. Что касается сферы философских инноваций, то ее появление и развитие связано с приложением методов философской рефлексии к осмыслению междисциплинарных проблем науки, развития политических, религиозных, художественных, этических течений, которые не могут быть исследованы только посредством собственных методов. Сфера философских инноваций развивается динамично и по своим масштабам ныне на два порядка объемнее сферы фундаментальной исследовательской философии.

Автор, исходя из данного видения фундаментальной и инновационной проекции философского знания и философских методов, анализирует в своей монографии современные проблемы политики, образования, культуры, науки.

Александр Михайлович СТАРОСТИН

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В СИСТЕМНОМ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ
ИЗМЕРЕНИИ**

Монография

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 29.11.2018 г. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Усл. п.л. 44 Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство РГЭУ (РИНХ)

Отпечатано в типографии